АЛЕКСЕЙ ЯШИН

ИСТОРИК И ЕГО ИСТОРИЯ

Авантюрный роман в 3-х частях

ТУЛА
«Гриф и К°»
2004

Яшин А. А. Историк и его История: Авантюрный роман в 3-х частях.— Тула: «Гриф и К°», 2004.— 481 с.

В центре повествования — несколько лет из жизни скромного архивного работника из провинциального города *Т.*, волею судьбы попавшего в замысловатый круговорот современной истории. Такая ситуация не смутила героя романа, а предоставила ему возможность смоделировать собственное видение Истории, с которым небесполезно будет познакомиться любознательному читателю.

Иллюстрации на стр. 172, 173, 207 взяты из журнала «Нива» (СПб) за 1881 год; авторским правом не охраняются.

© Яшин Алексей Афанасьевич, 2004
© Яшин Алексей Афанасьевич,
оформление, 2004

Памяти моего учителя жизни и Истории, моряка-североморца, участника Финской кампании и Великой Отечественной войны Яшина Афанасия Анреяновича

ПОСВЯЩАЮ

ОТ АВТОРА

Герой этого повествования, архивный служащий Виктор Ильич, как-то заметил, что из всех художников-абстракционистов, кубистов, сюрреалистов и прочих «черноквадратников» единственно за живописца считает только Сальвадора Дали. А объясняет это просто: из всей этой братии только Дали умел рисовать; под этим умением консерватор Виктор Ильич подразумевает реалистическое, безо всяких экивоков и вывихов, искусство — «Бурлаки на Волге».

А ведь действительно, самое трудное, сложное и долгообучаемое в ремесле (в высоком понятии этого слова!) художника — умение рисовать, то есть реалистически отображать живой и неживой мир, но не «фотографируя», а преломляя его через свое субъективное восприятие этого самого мира. Может и не такая уж крамольная мысль автора, что-де в абстракцию, символизм и модернизм широкие массы «черноквадратников» устремляются из-за банального неумения рисовать?!

А вот Дали рисовать умел, поэтому на его полотнах четко видны две составляющие его же сюрреализма: ***сюр + реализм****;* ***реализм*** *— это прекрасные женские тела, слоны, тигры, собаки... все это подлинное с локальным композиционным изяществом. А* ***сюр*** *— это общая композиция, где слоны летают, тигры рассекаются пополам — и опять же очень реалистично выписаны внутренности бедного зверя. А сама красавица отдыхает на льдине, плывущей, по всей видимости, по южной оконечности Индийского океана.*

И наш герой, архивист по профессии, но историк по призванию, помещен в настоящем повествовании в динамически развертывающую-

ся во времени и пространстве картину Сальвадора Дали (ненаписанную им). Здесь все поотдельности сверхреально, даже приземлено, порой до малоэстетической грубости и примитивизма, но сама композиция, то есть фабульно-сюжетная линия, залихватски искривлена, действие развертывается, как бы сказали физики-теоретики, в псевдоевклидовом пространстве. Понятно, что это никакой не «сюр», но художественный прием, не столь уж и редкий в литературе.

Понятно и то, что каждый конкретный художественный прием в литературе лишь в малой степени есть произвол писателя, но сугубый выбор его определяется творческой сверхзадачей. А теперь ответь мне, вдумчивый читатель (только на такого, ныне архиредкого, читателя и ориентирована эта книга): а как можно, не прибегая к сочетанию ***сюр + реализма****, отобразить в художественном произведении романного жанра историю нашей страны, да и всего мира в последние 10...15 лет, когда «отказались работать» все канонические законы исторического развития человечества, причина которого — конец исторического, христианского в своей основе, периода Нового времени. А что пришло на смену ему на рубеже веков и тысячелетий? — Правильно, нечто противоположное христианской идее, спасавшей мир две тысячи лет, а по логическому закону исключения третьего этим противоположным может единственно быть только овладение миром Антихристом (мы его называем по-разному: мировым правительством, масонами, мировым же финансово-спекулятивным капиталом,— но суть от этого не меняется).*

А человек, выросший в интеллектуальную советскую эпоху, несомненно читавший западноевропейскую классику, того же «Фауста» Гёте, хорошо помнит, что все связанное с Антихристом окружено мистикой, сакральностью, ведьмовством, туманом каббалы, словом — этим самым «сюр». А в отношении «сюр» обычная — формальная и житейская — логика не действует, поэтому и приходится принимать правила игры. Отсюда и выраженная фантасмагоричность сюжета этой книги, магистральная тема и идея которой — становление Историка в эпоху коренной ломки Истории: «Историк и его История».

Тула, 7512-й год от
Сотворения мира, 2004-й
год от Рождества Христова,
19-й год от пришествия
Антихриста

Часть 1. БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ, ИЛИ НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ СТАРЫХ КНИГ

*O, Satan, Frere des Hommes**

Глава первая

♦Виктор Ильич, почитай от физиологического акта собственного появления на этот свет, полагал себя личностью неординарной; хорошо, хоть в Наполеоны не смотрел. Родился он спокойным, уверенным в себе младенцем, а уже дальше, по мере взросления, уверенность в неординарной судьбе своего дитяти подпитывали гордые и тщеславные этим придуманным наитием родители, люди по житейским меркам скромные и мало обольщающиеся. Итак, они взаимно и счастливо обманывались относительно оригинальности скоро проявляющейся талантливости Витюши; на первоначальных этапах уверенность родителей поддерживала бабушка, помнившая еще с конца прошлого века французский язык и давным-давно почившего супруга, гвардейского офицера, дворянина с порядочной родословной: почти как собака породистая. Последнее, впрочем, не помешало дедушке удачно вписаться в наступившую советскую действительность, хотя и в малых чинах; бабушка только перед смертью поведала одной ей знаемую эту тайну, что-де супруг ее еще во время óно сумел так переоформить документы, что стал ничем не примечательным сыном потомственного... но не дворянина, а мелкоторгового мещанина. Родители Витюши этим тихо возгордились, лишний раз уверовав, теперь уже со строго научной, генетической позиции, в блестящую судьбу сынка, но семейную тайну до поры до времени хранили, хотя и стояли полулиберальные времена. Афишировать не торопились.

Вот бабушка-то, раз поутру взглянув под косым, из окна, ранним лучом солнца на свежую мордашку посапывающего во сне внука, ни к

*О, сатана, Брат людей! (фр.)

селу ни к городу вспомнила... взошло ей что-то на ум: «Как собачка породистая!». Тут же испугалась дикой мысли до посинения доброго, обычно в крапинку, в игольчатые уколы розового своего лица. И прогнав это дикое сравнение, она возобновила утренние молитвы по почившему сорок лет назад супругу, а с тех пор, дисциплинируя старчески разбегающиеся по времени и предметам образы-видения, старалась тщательно следить за своей речью и течением мыслей.

♦После того, как Витюша вышел из-под опеки бабушки, почившей с миром и с четким осознанием выполненной земной работы, родители продолжили взаимообман со школой, но не простой, а с французским уклоном-прононсом, известной в городе *Т*. средней общеобразовательной и пр. и пр. под номером тридцать. Во взаимообман организованно вошли секция гимнастики, кружок ИЗО при городском Доме пионеров, музыкальная школа, наконец, редкостный институт архивного дела в ближней столице.

Потом... потом был суп с котом, правда, не с домашним любимцем и долгожителем Гусарчиком, рожденным соседской кошкой-мамой одновременно с Витюшей. С кем и как обманывались постаревшие родители до тридцатилетнего возраста Виктора Ильича точно не известно, но в этот срединный год возмужалости, (одновременно в год 1982-й от рождества Христова) наш герой жил в том же городе *Т*., не столь уж и отдаленном от столичных изысков, и состоял в совсем не гвардейской службе старшим научным сотрудником областного госархива. В раннем своем браке он перестал состоять пять лет тому назад; исправно платил алименты, не скрывался, не утаивал, благо и утаивать было нечего. Заново жениться не решался. Родители тихо и мирно проживали на другом конце города. Сын их навещал исправно.

♦В такой вот социально-исторической обстановке находился Виктор Ильич в половине первого ночи, ровно месяц спустя после ночи Вальпургиевой (под Первое мая), когда его посетило во сне неясное, но дотоле не испытанное ощущение остраненности, когда на весь мир явлений и вещей, на самого себя в том числе, смотришь как бы со стороны, надмирно...

За растворенным настежь окном бушевал в сладостных, усиленных тихой ночью запахах сирени и жасмина городской дворик. Этот аромат, тишина ночи, серые ночные бабочки, вспархивающие под колпак настольной лампы, сигаретный дымок и читаемая задумчивая книга добро-

го, мудрого и ироничного писателя создавали впечатление вневременности, устойчивой ирреальности.

Излишне и говорить, что книжка была переводом с одного из европейских языков; так уж получилось в нашем отечестве: если писатель добрый, то мудрости не хватает, а мудрец непременно злой как сто чертей. И если иронично пишет, так непременно диссидент из евреев, весь искрутится в сатире и критике существующего, так что и себя под конец в пух и прах раскритикует; чтобы, значит, следы замести и под пристальный взгляд органов и писательской партячейки не попасть. А органы тогда были ох как бдительны в отношении писательской братии; долгое время по Москве литературной ходила побасенка, что и архизнаменитого, и в чинах Константина Федина то ли в шутку, а то и всерьез спрашивали за «рюмкой чая» друзья-приятели с Лубянки: отчего это он, попав в империалистическую в немецкий плен, оказался в одном бараке с будущими генералом де Голлем, маршалом Тухачевским и папой римским Пием XII? В Архивном институте очень хихикали.

Нет у нас, к сожалению, писателей одновременно добрых, мудрых, ироничных... Такой вот менталитет, как нынче говорят недобрые, немудрые, но очень веселые и юморные бывшие диссиденты (Это уже от автора).

Так размышлял Виктор Ильич, переворачивая страницу за страницей приятно и добротно изданной некогда книжицы с размытыми штампами «Не выдавать», взятой неофициально из архива. Между обдумыванием добрых и мудро-ироничных силлогизмов староизданной, с «ятями» и «ерами» книжки, посещала его и ненавязчивая мысль уже о нынешнем: а ведь все-таки наш маленький и уютный Архивный институт имел много почти-что мудрых, ироничных, отменно добрых профессоров? Как-то незаметно, намеками подталкивали они нас к постижению всей необозримой мировой культуры, постоянно проводя параллель со знаменитыми, воспетыми поэтами пушкинской поры «юношами архивными» начала прошлого века, которые тихо и незаметно готовили новый виток российской государственности...

Живо вставал образ добрейшего и ироничного профессора *А.*, что впоследствии стал ректором; как умел он, вроде походя, в шутку, обронить рискованную латинскую формулу типа «*Vulgus vult decipi.— Ergo decipiatur!*»*. Как тупую черноземную кондовость воспринимал Виктор Ильич процеженные сквозь зубы слова обычно молчаливого и себе на

* «Толпа хочет быть обманутой.— Так обманывай» (лат.)

уме, но тут потерявшего бдительность после пятой рюмки «экстры», недолгого своего шапочного московского знакомого Сергея (фамилию тот не сообщал): «Развели у вас в Архивном сучье троцкистское гнездо...». Был Серега курсантом, носил петлицы войск связи, но на вопрос о названии училища неопределенно махал рукой. Только много-много лет спустя, уже при Мишке Меченом узнал Виктор Ильич, что добрейший профессор *А.* был по происхождению внуком Каменева-Розенфельда и внучатым племянником аж самого иудушки Троцкого-Бронштейна.

...И от доброй, легкой иронии диссидента XVIII века, проникнутой основательной европейской мудростью, накатила на старшего научного сотрудника мысль — не мыслишка, но вдохновенная *Мысль*: большая, пульсирующая, тревожащая душу, но приятная, словно мороженое с сиреневой черносмородинной начинкой в жаркий июньский день: «А ведь хорошо, *черт меня возьми*, когда все твои желания исполняются!— Тут же рассмеялся банальности детской мыслишки,— но нет, хорошо ведь! Хорошо, ох, как приятно: все, что не пожелаешь, как на тарелочке; насколько же это приятная жизнь!»

Далее размышления его приняли такой ход. Так ведь не раз, не два и не сто, а намного больше пробовали черту душу продать за исполнение всех желаний, а что получалось? Ты ведь «юноша архивный», человек книжный, кому, как не тебе знать... В голове Виктора Ильича калейдоскопически крутились сотни названий досужих творений писателей-чертотворцев: от библейских Евы и Адама до бесконечных вариаций похождений немецкого доктора Фауста. Самое интересное, что в последние годполтора Виктор Ильич зачем-то перечитал все доступные ему книги этих авторов; вот на полке стоит купленный на «черном» книжном рынке, что тихо-тихо, молча толчется у «Букиниста» в конце проспекта — у Кремля и облисполкома, за червонец муаровый том «Доктора Фаустуса» Томаса Манна. А на журнальном столике — только что перечитанная в который уж раз прелестнейшая русская вариация Фауста, то бишь купринская «Звезда Соломона». Зачем?

«Тьфу, тьфу!» — Виктор вздрогнул. Показалось, что некто за спиной выплюнул эти горькие междометия. Тут же рассмеялся про себя:

— Надо же, вот что значит дисциплина ума? Только бредовую мысль состряпаешь, так другой, внутренний и трезвый голос спешит ее опровергнуть. И как только они в одной голове уживаются? Наверное, как я в своем отделе с Изькой Антонóвичем... Как кошка с собакой. Правда, когда выпьем, то обнимаемся.

Но трезвый голос в голове неожиданно заскандалил:

— Как? Как ты говоришь: ничего не получилось? Правильно, не получилось у этих фаустов и фаустусов, ибо они сами не знали, что им нужно, метались и искали, а я разве ищу? И чего мне искать — на то угрозыск и КГБ есть, овчарки по следу... Я, слава Богу, ничего не ищу, возраст еще не тот... наищешься еще на 25 % от зарплаты! Единственное, что хочу — покоя, чтобы не было этой нуднятины по восемь часов в день, готовки осточертелой ужинов, завтраков, квартплаты вовремя и за электричество... А когда мужская нужда к стенке припирает, чтобы не тратить дни и недели на поиски, уговоры, танцы эти глупые, рестораны провинциальные мерзкие, грязные, с хамскими бабищами-официантками, — не разыгрывать всю эту комедию перед исполнением простого и естественного дела: постелью по природной необходимости, да еще и для здоровья, чтобы не мучаться с ранним простатитом.

Хочу... Ясно, чего хочу. Я не Фауст с его ментальным немецким скудоумием. Точка. Так что мне никакие фаустовы терзания по поводу выеденного яйца и разочарования на пустом месте не к лицу. Вот уж истинно: на меня благодать сойдет и на мне останется! И Маргариток мучить не буду.

♦ — Так полагаешь? — раздался тот же тихий голос из-за спины. Виктор Ильич непроизвольно вздрогнул и совсем уж было собрался оглянуться на растворенное настежь окно, но, вспомнив, что живет на седьмом этаже, застыдился своих подозрений, пересилил себя.

И уже с интересом, вроде как отойдя сам в сторону, стал прислушиваться к перебранке голосов:

— Так попробуем?

— Полно играться-то, не наигрался еще? Вот с утра в школу напротив загляни и поиграйся всласть со старшеклассницами; там такие смачные телочки выпускного звонка ждут!

— Боишься?

— Глупо...

И так далее шел треп, потом же трезвый голос, но уже пьянея от беспардонной вольности проигрыша диковинных ситуаций, смягчился и, как бы нехотя, словно не о нем речь шла, поинтересовался:

— А что, договор кровью писать будем?

— Зачем же кровью, это для романов. Пиши чернилами или этим, как его, шариком с фиолетовой пастой.

— Я принципиально черным пишу.

— Пиши черной, если такой принципиальный. Вообще-то говоря,

принципиальность есть признак слабого развития левого полушария мозга; не зря принципиальным часто кирпичи на голову падают.

— Не с твоей ли помощью?

— Нет. Это я так, к слову. Кстати, у вас в городе дома сплошь хрущевской скороспелой постройки, панельные. Учти.

— Мг-м-м. Ты, как уголовник с двадцатилетним стажем, сразу петли ставишь, тебе только коготок протяни...

— Мнительный ты; это все от полового воздержания, а ведь этот вопрос проще простого решить.

Вот это-то и тронуло некую струну даже не в душе и мыслях, а где-то в физиологии, проще говоря, между ног. Сладко, волнующе и зовуще заныло сладкой болью все истомленное тело. «Чем черт не шутит?» Совсем повеселевший от приятной, интеллектуальной книжной игры, тем более, что шел первый ночной час, когда дневное активное сознание еще силится следовать логике мышления, но уже уступает свои права властвующему над человеком ночью подсознанием с его запутанными образами и картинами,— да еще и вспомнив — опять-таки несерьезно, со смешком вспомнив, девиз магистра масонского ордена «Голден доун» Алистера Кроули: «Дорога на небо ведет через ад»,— который не раз повторял с ироничной улыбкой добрейший профессор *А.* из Архивного института... итак, Виктор Ильич взял из стопочки чистый лист припасенной из Архива (на прошлой неделе завхоз раздавал на ква́ртал канцпринадлежности) отличной финской бумаги, положил перед собою, взял в руку трехцветную ручку и задумался. Потом решительно выставил в ручке фиолетовый цвет, но, усмехнувшись, заменил его красным — для мистического колорита — и приготовился для отдания души бессмертной. Другой голос зашептал, обволакивая сладостью мороженого с черносмородиновым вареньем, да в придачу еще с халвой, голову. И полетело на бумаге:

«Договор. Я, нижеподписавшийся Виктор Ильич С., добровольно и будучи в здравом уме отдаю свою бессмертную душу полномочному представителю Демонических Сил, искусителю-агенту 3-го ранга Аседону Младшему в обмен на приобретение права исполнения всех желаний материального и духовного потребления. 30 июня 1982 года по григорианскому календарю».

И только расшалившийся Виктор Ильич черканул отработанную на архивных описаниях и формулярах сложную и эстетичную арабеску своей подписи, как неимоверно длинная и проворная, черная и волосатая, как у Изьки Антоно́вича, рука вытянулась из-за плеча и, ловко ухватив хрустнувший финским качеством листок, вновь утянулась за спину.

Архивариус окостенел, но в этот же миг неведомая сила развернула его вместе со стулом. Страшное диво углядел он за секунду до потери сознания: в темном провале окна, на высоте 25 метров от земли стоял по пояс видный, голый и в саже вымазанный, волосатый черт с библейскими (*a la* Гюстав Доре) рожками и белоснежными, скалящимися в безобразной улыбке кривыми зубами; как и у Изьки Антонóвича, два зуба нижней челюсти были золотыми.

Сознание замерцало, Виктор Ильич завалился на стуле вбок, а чертушка мигом преобразился во фрачного дипломата с масляным прямым пробором, раскрыл плоский портфельчик, шаркнул в него листок горящего золотыми буквицами договора, расхохотался и улетел в бездну июньского ночного неба. Последние его слова, запечатленные в памяти рухнувшего на пол старшего сотрудника Архива, были страшными:

— До встречи в аду. Адью!

Глава вторая

♦Расхожая поговорка гласит, что не имя (в другом варианте — место) красит человека, а человек красит имя (место тоже). Вполне возможно, но случаются и исключения, как известно, лишь подтверждающие правило. Особенно это видно в части женских имен. Галины, например, все как на подбор толстые — в возрасте — бабищи, нагловатые, шумные и напролом прущие; достаточно вспомнить одиозные фигуры дочери нашего густобрового генсека, нынешних политических дам типа Стародворских и Нововойтовых... Нины и Тамары, блондинки и брюнетки соответственно, всегда худощавые, с приятными манерами и голосами, на вид скромные, но очень сексуальные. Перечисление можно продолжить.

По жизненным наблюдениям Виктора Ильича, в мужской половине исключением из поговорки являются люди, носящие отчество... Ильич. Относительно самого себя он до случившихся невероятных происшествий особо не задумывался, но вот другие Ильичи? — Ну, Владимир Ильич — это понятно, неординарность его странностей широко известна: потряс весь мир, отомстил царям за гибель брата, состоял в сионистском Бунде, а потом создал интернациональную РСДРП и ВКП(б). Странным был и международный латиноамериканский (а может и испанский? — Виктор Ильич точно не знал) революционер-супертеррорист Рамирес Ильич. Наконец, не менее странным был и его давний приятель — вы-

росли в одном дворе, в одной школе учились,— а ныне инженер оборонного завода Петр Ильич. Странность его заключалась в том, что, будучи активным поклонником Бахуса, он потреблял только портвейн «три семерки», правда, в неограниченном литраже. Забегая немного вперед от текущего повествования, скажем, что в суровые годы «борьбы с трезвостью», затеянной Меченым, Петр Ильич не изменил своему правилу. Но поскольку в эти ранние перестроечные годы из вольной продажи исчезли все напитки, кроме талонной водки, то наш Ильич вообще пить перестал и возобновил это пагубное увлечение только когда во всех торговых точках города *Т*. в изобилии появился самопальный портвешок «*777*» — нехитрое изделие переориентировавшихся на рыночные отношения окрестных и — особенно — подмосковных совхозов.

Резюме: Ильичи — все сплошь люди странные, а теперь и самому Виктору Ильичу предстояло пополнить их неординарные ряды.

♦Виктор Ильич очнулся скоро. Освежил его ночной ветерок, залетевший в распахнутое окно. Он дико завращал глазами и обнаружил все вокруг себя смещенным и искривленным. Потолок под углом улетал ввысь, стены также сошлись отнюдь не строго перпендикулярно, стол опирался всеми четырьмя ножками на стену, а свет от настольной лампы бил в глаза сверху.

Наконец, он догадался, что лежит на полу, рядом покоится и топорщится деревяшками упавший вслед ему стул. Полежав в ясном ночном сознании пару-тройку минут, старший научный сотрудник заколотил по полу руками и ногами, нащупывая точку опоры, и с третьей попытки поднялся.

Голова-то была свежайшей, но чуть ниже правого виска обнаружилась свежая опухоль от удара об пол. И правое плечо неприятно щемило. Увидев на столе трехцветную ручку с выставленным красным стержнем, Виктор Ильич застонал. Усевшись на поднятый стул, попытался восстановить ход событий по порядку их следования. Сон? Бред наяву? Начинающееся от чтения масонских книжек безумие со всей атрибутикой традиционных чертей и кроваво писанных договоров?

Однако пьяницей он не был; с этой стороны опасности не ждал. Но почему? И, рассудив, решил, что замечтался, засиделся в своем Архиве, в квартире заполночь, зачитался. С таким неясным самоубеждением и с болью в правом виске и плече лег спать.

♦Утро было прекрасным. Проснулся Виктор Ильич в замечатель-

нейшем состоянии духа, лишь самую малость огорченный непорядками со здоровьем, вызвавшими ночной обморок по причине переутомления и сидячего образа жизни. А потому решил компенсировать ущерб, возвратиться после двухлетнего перерыва к ежеутренним физкультурным упражнениям. Поэтому, хотя и проснулся рано, не стал, выжидая звонка будильника, нежиться в постели, мигом вскочил, в ванной постоял под чуть теплым душем, крича и мыча от восторга свежести, обтерся, надел кеды и спортивный костюм, презирая лифт, сбежал с седьмого этажа и вскорости обогнул на рысях по периметру близкий парк имени Отто Юльевича Шмидта.

Задыхающийся, но невесомый телом, счастливый и светло-усталый Виктор Ильич подбежал на втором дыхании к дому и у самого своего подъезда грудь-в-грудь столкнулся с дворником Александрычем, тащившим метлу и совок для утренней приборки двора. Тот его и огорошил, словоохотливо рассказав, что ночью хулиганили и вроде как по балконам, чуть ли не по подоконникам — так казалось в темноте — бегали аккурат на седьмом этаже и даже вроде у окна его, Виктора Ильича, квартиры. «Сегодня-де бабки спозаранку шептались, все-то они бессонные примечают; утром чуть свет забрезжит — бродят по двору, ночью — опять не спят. Все караулят чего-то, женихов что ли высматривают?» И так далее.

— В котором же часу? — потерянно спросил вмиг упавший духом Виктор Ильич.

— Да ночью, в час. Вот хулиганье! Наверное, из двадцать седьмой, с вашей площадки. Там, замечаю, часто дружки-приятели Олега-слесаря гуляют. Милиция по ним плачет... Пока кто из них спьяну не свалится!

♦Александрыч ушел, ворча и волоча инструмент, а Виктор Ильич, вмиг сникнув, утратив недавнее физкультурное возбуждение, поднялся на лифте («Никаких лифтов! Только пешком — заповедь спортсмена...»), вошел в квартиру и рухнул, как семидесятилетний подагрик, на неубранную с ночи кушетку. Вновь заболела от всей этой чертовщины голова.

— Что же такое? И почему именно со мной? — тоскливо думал архивист. Но как человек практичный, руководимый строгой логикой, он не стал долго предаваться бездеятельному отчаянию и вскорости поднялся с кушетки, подошел к столу и второй раз за день остановил взгляд на ручке: на рабочем взводе стоял стержень с красной пастой, то есть того цвета, который Виктор Ильич использовал только на службе для разметки граф картотек.

Виктор Ильич только было приготовился похолодеть от живота до ушей, но услужливая память подсказала: накануне, в Архиве, в самом конце трудодня как раз красным цветом подправлял черновик отчета по архивной практике у студентов из Москвы, из родного Архивного института, да так по рассеянности и из-за усталости от жаркого времени года и донес ручку до дома, не убрав стержень вовнутрь.

Несостоявшаяся загадка с ручкой почему-то успокоила расходившиеся нервы. Потому приготовив, а потом и съев нехитрый завтрак, Виктор Ильич почти в полном спокойствии духа отбыл на службу.

♦ День на архивной работе прошел как обычно, в делах кропотливых, в полной занятости рук и головы. Только раз-другой он отметил, хотя и был человек отменно самокритичный: как хорошо работается, мысль ясна, рука с ручкой так и летает по бумаге, память — что твоя ЭВМ: все вмиг вспоминает без рытья в словарях, даже то, что вроде, как и не знал прежде. Как будто *кто помогает*!

Сослуживцы также отметили за глаза и в глаза: дескать, в ударе сегодня Виктор Ильич, торопится до отпуска поскорее дорваться; видите, как строчит лист за листом, уже целая пачка с утра набралась! Эх, хорошо ему, холостяку, взял да и махнул в июльскую золотую пору в Ялту и к вину, экзотике, барышням-москвичкам вольнолюбивым... А поднакопил денежек — и на Золотые Пески можно, на Балатон венгерский (Были такие времена позднего развитого социализма, когда только горький пьяница не мог себе этого позволить!*) А тут? — И сгорбленный вопросительным знаком трехдетный отец, завсектором Терехин, поплелся к своим стеллажам каталогов.

В половине шестого, выйдя из Архива, что располагался в слегка перестроенном здании бывшей церкви Фрола и Лавра, что за городским цирком, Виктор Ильич вырулил на главную улицу и неторопливо пошагал вверх по ней, ласкаясь бледноватым архивным лицом к низкому и теплому на закате солнцу («Как женщина... перед своим закатом»,— удачное сравнение пришло в голову). От этого сравнения — от легкой и

* Это уже текущие мысли автора: правлю вот верстку этой книги и домашним строго-настрого запретил телеящик хоть на минуту включать: сегодня 23 марта 2001 года — день несмываемого позора сегодняшней Россиянии, последний день советской космонавтики (а российской ее и не было...): по приказу американцев затоплена станция «Мир». Не будет больше космос русским! Разве что в страшном сне, наряду с Аседоном Младшим, могло присниться такое Виктору Ильичу в начале 80-х годов?!

спонтанной мыслишки — весь ход дум его потек по другому пути, и уже несколько нервически шел Виктор Ильич, раздумывая двояко-параллельно: или в парковый бильярд, по договоренности еще позавчерашней с приятелями, пойти, а может Нелли позвонить?

Архивариус наш был человеком не то чтобы нерешительным, но осторожным в любом выборе, поэтому предоставил этот вопрос самотечному решению: все равно ранее, чем через полчаса не придется стоять на перекрестке; столько времени как раз займет неспешный, прогулочный путь до дома. Да еще зайти в книжный «Глобус» поинтересоваться у Юрия Васильевича: не было ли что с сегодняшним завозом с базы чего дефицитного. Потом наскоро поужинать, смыть архивный пот, просмотреть газеты. Да, ровно час.

♦Все его радовало в этот день, хотя о причинах такой безоблачности он догадывался весьма смутно: то ли восемь часов в Архиве пролетели так незаметно, удачно, споро, а сейчас так приятно ласкает теплое вечернее солнце словно... опять его мысли шаловливо свернули в ту, «женскую» сторону. Жизнь, как говаривали одесские классики, после вчерашнего, огорчительного казалась прекрасной и удивительной!

Так он и вошел в свой подъезд, кивнув курящему и хмурящемуся на низкое солнце дворнику Александрычу, взял из ящика почту, мелькнул интерес: какой-то конверт? Но в лифт входила соседка, он метнулся за ней. В кабине было тесно, да и неприлично, как-то по-плебейски было конверт рассматривать, но войдя в квартиру, хранившую жар и духоту июньского дня (Ба! Ведь сегодня последний день июня), бросил газеты на столик и повернул лицевой стороной диковинный, длинный конверт из плотной бумаги с синей окантовкой. Адрес был отпечатан на машинке, но шрифт отливал иностранщиной: маленькие пузатенькие буковки четко пропечатанные. Обратный адрес затенила нечеткая штампованная печать.

Грех было рвать такой любопытный конверт и аккуратный, ценящий все изящное Виктор Ильич не поленился достать из ящика стола ножницы и ровно обрезать торец конверта. Сама собой выпала мелованная форматная бумага и развернулась, как подпружиненная в сгибах, в его ладони. Тем же чужестранным шрифтом, только уже красного цвета, была отпечатана копия — он мигом вспомнил текст — его вчерашнего, дурашливо написанного договора. Тут же на его глазах, наскоро пробежавших текст, листок соскользнул, прилип к конверту, к ним же метнулась обрезанная полоска торца, все вспыхнуло и сгорело холодным и ясным пламенем, не оставив дыма и пепла.

— С подлинным верно! — мелькнула в голове остолбеневшего Виктора Ильича. Он еще с час времени сидел на кушетке, тупо и непонимающе глядя в противоположную стену, украшенную перьевым рисунком «под гравюру», вставленным под стекло в изящную легкую рамку, исполненным его подругой-художницей, роман с которой он имел еще будучи неженатым. Гравюра изображала мрачного Данте с лавровым венком на челе, а подпись под ним содержала неточную передачу средневековой мудрости: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

♦Виктор Ильич провел кошмарный вечер; разумеется, дома, а не в бильярдной и не с Нелли. Тоскливо лежа на диване, уперев взор уже не в стену, а в давно требующий побелки потолок, засиженный в холостяцком бесхозяйстве мухами. Лик его был бесконечно печален и страшен, тоскливое недоумение избороздило бледный лоб и сжевало пухловатые щеки архивного работника. К ночи он тяжко заснул, наглотавшись димедрола, отчего сон его был химический, то есть без сновидений, отупляющий.

Утром, разумеется, забыв о благих начинаниях в части физкультурных намерений, он позвонил из исправного автомата на углу в Архив, сказался больным и затем поехал на троллейбусе в участковую поликлинику, где до одиннадцати истомился в психически-скандальной очереди к невропатологу, которому сбивчиво рассказал, опуская подробности, о бессоннице, необычных и тревожных снах, излишней мнительности. Тот же скучно постучал по коленкам больного своим никелированным молоточком, порисовал на груди спичкой, помахал тем же молоточком («Не масон ли он случайно, все с молоточком своим не расстается?» — некстати мелькнула мысль у бедолаги) перед носом и глазами Виктора Ильича, наконец, объявил, что-де состояние пациента, хотя и несколько утомленное, но тому есть объяснимое толкование: напряженная работа в Архиве, требующая постоянного сосредоточения мысли и памяти, год без отдыха, возможные личные и служебные неприятности... словом, пройдет, отдохните за отпуск хорошенько, развейтесь, а пока видимой патологии он не находит. Впрочем, для личного успокоения и для более детального исследования он может направить его в городской психоневрологический диспансер. Врач ожидающе посмотрел на впечатлительного клиента, вертя в руке бланк направления, но тот почему-то покраснел и отказался.

Для полного успокоения Виктор Ильич из поликлиники отправился не домой к тоскливым стенам и потолку, а на работу в Архив. Там он вновь взбодрился, руки не поспевали за мыслями. В неполную половину дня,

хотя и огорченный двойным видением в течение суток, Виктор Ильич насочинял недельную норму отчетности по периодизации описей фондов.

♦ Работал он в прекрасном настроении, но в конце дня, оправившись от своего трудового безумия, с невольным испугом посмотрел на пачку исписанных листов, на простыню начерно нарисованной диаграммы, а когда на него так же с испугом и подозрением очень внимательно посмотрел завсектором Терехин, Виктор Ильич похолодел, неприятное предчувствие кольнуло раз-другой и еще раз толкнулось прямо напротив сердца. Слишком быстро все ладилось, а это уже подозрительно.

По выходу из Архива он совсем испугался... И вот что было причиной тому. Увидев пробегающий мимо церкви Фрола и Лавра «заказной» автобус, подумал: в пылищу идти до троллейбуса или трамвая, втискиваться в них... хорошо бы в пустом, прохладном «Икарусе» доехать прямо от работы до дома. Случилось чудо. Автобус затормозил, открылась дверца, а водитель, типичный автобусный шоферюга с вываливающимся пузом, щелочками-глазами и непременными «запорожскими» усами на прокопченной лунообразной морде, приветливо махнул рукой:

— Садись, друг! Ты ведь в восемнадцатом доме живешь на Серебрянской?

— Да-а,— удивленно протянул Виктор Ильич, и как будто неведомая и невидимая рука подсадила его на ступеньку. Через миг он роскошно сидел сам-друг в прохладном, с кондиционером туристском «Икарусе», а словоохотливый добряк-водитель пояснял через растворенную служебную дверь в водительский отсек, что сам-то он проживает в семнадцатом доме, часто встречает во дворе его, Виктора Ильича, сейчас же едет с автобазы домой перекусить — в ночной рейс в Воронеж делегацию из областного отдела культуры повезет...

Не успел приятно напуганный Виктор Ильич опомниться, как автобус затормозил у торца его дома, и вот он уже в своей квартире.

Поужинав, как обычно, прилег на кушетку почитать, расслабиться после работы. И опять мелькнуло уютное, приятное, как это расслабление после работы, ужина: а хорошо бы Неллечка зашла на час-другой? Не пришлось бы тогда звонить, то есть выходить на улицу, искать исправный автомат, а главное, с дурацкой улыбочкой просить какую-нибудь соплюшку позвать к телефону Нелли Григорьевну...

Только он это подумал, как коротко, испуганно мяукнул звонок.

— Кто бы мог сейчас? Вроде ни с кем не договаривался,— недоумевал Виктор Ильич, на ходу заправляя в брюки вылезшую рубашку.

Открыл дверь и отпрянул в изумлении, перешедшем тотчас в радость, вслед за которой его охолонуло липким потом предчувствия, страха перед чудовищной небывальщиной. В проеме двери стояла, смущенно улыбаясь, потупясь и выглядывая короткими кивками из-под опущенной челки модной в сезоне прически «сассон», теребя в руках сумочку, переступая загорелыми ножками в босоножках — также по новой моде трехцветных и на платформе — в сиреневом легком платьице... Нелли!

— А-а-а? — он не мог перевести дух и, чтобы помочь себе, своему онемевшему языку, изобразил руками впускающий в квартиру жест.

Она, подавив смешок собственной неловкости, вошла, дверь захлопнулась. Немного смущаясь, но, впрочем, тут же оправясь, Нелли легко скинула босоножки, так же легко полуобняла застывшего архивиста, чмокнула его в щеку, обдав горьковато-терпким запахом редкостных рижских духов.

— Знаешь, милый, муж сегодня в командировку уехал, а Кириллку бабуся с дедом на дачу взяли на пару дней. Вот и решила забежать, посмотреть... как ты тут.— И кокетливо защебетала, входя в комнату:

— Я смотрю у наших холостяков в логове никаких перемен? Даже чьих-то советов — шторки на окне заменить — не слушают.

Виктор Ильич наконец опомнился от такого чудесного видения, как изящная, не утратившая девичьей стройности, но уже с устойчивой женской обаятельностью во всем, в походке, в бедрах, в осмысленно-кокетливой речи, во всех своих прелестях, всегда желанная, обычно строптивая слегка, но теперь ласковая, нежданная и жданная в мыслях, его Нелли и в его квартире! Кстати, до этого была она здесь за год знакомства всего лишь два раза, а так приходилось довольствоваться дразнящими малыми радостями связи с замужней и знающей себе цену женщиной: часовая прогулка по парку, как будто случайно встретились, раз в месяц в кинушку в окраинный кинотеатр, да все это с оглядкой, с опасением... От такого видения наяву архивист отбросил все пугающие подозрения и, вполне счастливый, занялся сладкими хлопотами с этим чудесным и неожиданным видением, возникшим в скромной холостяцкой квартире.

♦Щадя обычную показную скромность наших целомудренных читателей, не будем описывать, смаковать, как еще раз был удивлен и даже напуган Виктор Ильич, обнаружив в себе, точнее в своей физиологии, еще один пикантный талант, такой неиссякаемый, что наутро — это была их первая ночь вместе,— прощаясь на выходе из дома номер восемнадцать, шаловливая подруга томно и устало, даже несколько озада-

ченно смотрела на него во все глаза, обещаясь и сегодняшним вечером «заскочить на полчасика». Кстати, точно так же женщина смотрит на близкого ей мужчину, когда тот объявляет ей, что получил известие о богатом наследстве или представлен к генеральскому званию.

Он смотрел ей вслед, как она, обычно столь уверенная, даже в торопящейся походке, теперь же шла как-то осторожно, точно опасаясь что-то потерять и даже инстинктивно дотрагивалась пальчиками до своего тела: она ли это, невесомая и опустошенная страстной ночью?

♦Отсчитав еще одни сутки, явившиеся точным повторением предыдущих, Виктор Ильич опомнился от наслаждений приятного грехопадения субботним утром. Еле уговорил Нелли, махнувшую на все рукой, пойти домой встречать мужа, истомившегося в командировке в соседнем городе Орле. Сам же, подремав до полудня, проснулся окончательно, раззевался и уже нахально пожелал себе нечто неожиданное, причем пожелал, четко не осознавая, что теперь все исполнится, не называя эти желания словами, опасаясь вспугнуть, но чувствуя где-то между сердцем и желудком, что именно так и будет.

Шальная по-детски мысль вспорхнула в голову разнеженного телом старшего научного сотрудника; пожелал он ни много, ни мало, но чтобы к нему явился директор Архива, достаточно помучивший своей въедливостью мягкотелого архивиста. Чтобы он явился — этакая садистская мечта затаившего месть мелкого служащего — почесать ему покусанную комарами спину (Не Нелли же должны были кусать эти кровососы, налетевшие ночью в распахнутое окно!). Почесать спину, а потом... словом, Виктор Ильич разработал в мыслях целый комплекс изощренного мщения, поэтому нам проще описать сам процесс исполнения приговора, нежели проследить, какими путями подружившийся с дьяволом архивист пришел к окончательной его формулировке.

♦Через секунду после того, как мстительный, закосневший в бессильной ненависти Виктор Ильич довел свою мысль до логической концовки и даже в знак ее окончательности и бесповоротности слегка прихлопнул в ладоши («Ай да Пушкин, ай да сукин сын!»), захлопнутая, но незапертая за убегавшей, наспех причесанной Неллей дверь почтительно и аккуратно, извиняюще скрипнула, а в комнату из коридора-предбанника вошел, подталкиваемый нечистой силой, солиднейший из директоров города (солиднее его был, пожалуй, только директор мясокомбината да еще, быть может, руководитель всемирно известного ракетного НПО «Меткость»

Гусаков...), убеленный относительно еще ранними бюрократическими сединами Иван Архипович, начальник архивных дел области, слетевший на этот незавидный, в общем-то, пост с величественной должности второго секретаря обкома. А виной тому была местная знаменитость, прощелыга-писатель, тайный диссидент, которому Иван Архипович дал партийное поручительство на загранкомандировку в Федеративную Германию на предмет сбора материалов для художественного описания юности знаменитого же революционера Карла Либкнехта. И подвел же он своего благодетеля, став невозвращенцем! Второе поручительство дал Сергунчиков, областной генерал КГБ; теперь тоже заведует облстатистикой...

Итак, это был самолично Иван Архипович, но какая скромненькая, ненавязчивая улыбочка светилась-гнездилась на всегда надменном лице его? Боже мой, ради видения этой улыбочки стоило подписывать с уполномоченным Ада кровавый договор!

Со скромной, устало-нежной и извинительной улыбкой ласковый отец-директор вошел в комнату и троекратно низко-низко, как японец, поклонился лежащему на кушетке, на смятых ночной бурей страстей простынях, задумчиво курящему Виктору Ильичу. Собственно, он уже не курил, а в рассеянности жевал, гоняя губами из угла в угол потухшую папироску; курил же он исключительно явский «Беломор». Не то чтобы укороченной алиментами зарплаты не хватало, но из соображений чисто патриотических.

Тотчас оценив ситуацию проницательным начальническим взглядом, Иван Архипович изогнулся этаким немыслимым образом (до начала своей партийной карьеры увлекался силовой акробатикой), извернулся, вьюном пошел при его-то ста десяти кило чистого веса, откуда-то, сам некурящий, извлек зажигалку импортной фабрикации и замер с синим трепещущим огоньком в сантиметре от потухшего конца папиросы подчиненного. Тот же удостоил руководителя ленивым взором и ткнул папиросу в огонь, всосал в себя, почему-то вспомнив сегодняшнюю вовсе расшалившуюся Нелли, и пустил густую, истинно беломорскую, как пароход на одноименном детище первых пятилеток, струю дыма прямо в ноздри своего начальника. Но тот не чихнул, не рассердился, не топнул гневной обкомовской ногой, нет, он лишь растянул плотоядный рот в невероятно довольной и подобострастной улыбке.

Натешившись вдоволь любованием винтом изогнутой фигуры директора, Виктор Ильич пожелал, чтобы тот, не разгибаясь из поклона, обернулся к нему задом, и, удобно развернувшись набок, влепил в широкий, как подушка, начальственный зад пинок. Нелепо было мечтать

стронуть с места семипудовую статую, потому Иван Архипович с приятным, приличествующим случаю ойканьем самую лишь малость покачнулся на полусогнутых ногах.

Садистом Виктор Ильич не был даже в золотые подростковые годы, потому завершив немудреную экзекуцию, мысленным внушением откомандировал завархивом на кухоньку готовить завтрак. В самую последнюю секунду Виктор Ильич хлопнул себя по лбу, и вместо полупачки глиноземных пельменей, четвертушки маргарина и пары вялых парниковых огурцов-дебилов холодильник заполнился снизу доверху изысканной банкетной жратвой и гармонирующими с ней напитками.

Дьяволом же в тот миг был дан лакею-директору чудесный, не хуже чем у легендарных Данона и Оливье, поварской талант. Через десяток минут ловко суетливый Иван Архипович подкатил созданную расшалившейся фантазией Виктора Ильича тележку-столик, виденный им на позапрошлой неделе в кино, в английском фильме из жизни подверженных хроническому сплину лордов. Двадцать первый ряд, тайный кинотеатр в пригороде, убежавшая из дома «к подруге» на пару часиков Нелли, сплетенные в темноте зала руки, шепоток: да? — Нет, нет. Витенька, не могу, я ведь так и сказала: на час-другой... навестить Свету. И так уже в прошлую субботу меня Ольга Семеновна видела в вашем районе, все любопытствовала, а сама-то?.. Поцелуй на прощанье у темной трамвайной остановки и чувство глубокой неудовлетворенности, как говаривал — без приставки «не» — наш великолепный генсек.

На столике, покрытом серебристой, тугой от крахмала скатертью, стояло многоликое чудо, обмахиваемое от двух любознательных мух кельнерским полотенцем директора-полового. Новосветовское шампанское брют в серебряном ведерке со льдом, пузатая бутылка «Наполеона» (тогда он действительно делался во Франции, а не польскими умельцами из технического спирта), аптекарское синее стекло датского королевского «Черри-кери». Карточку вин продолжали: самая натуральная мадера из Крыма, ранее виданная и пробованная Виктором Ильичом у коллеги-архивиста в Киеве, где он был в командировке по линии розыска в тамошнем хранилище следов революционной деятельности и пропаганды среди деклассированных слоев матери русских городов (как потом оказалось,— бомжей и гостиничных проституток) уроженца города *Т*. Федора Разухабова. Архив тогда получил от обкома срочное задание подготовить исходные материалы для нового издания двухтомной «Истории *Т*-ой партийной организации»; кстати, под редакцией тогда еще бывшего вторым секретарем Ивана Архиповича.

Одним своим видом изящной бутылки утолял жажду марочный венгерский токай. Вовсе картину не портило любимое им, хотя и простенькое, «Алеатико» узбекской лозы. По окраинам столика теснились бутылочки вспомогательных нарзанов, невиданной им доселе кока-колы и детская слабость — неприхотливые «Саяны» с этикеткой, воспроизводящей задумчивые горные виды.

Отдельной группкой, как истинные компатриоты, стояли небольшие, граммов на двести, аккуратненькие графинчики с водками: пшеничной, экспортной «Посольской», «Зубровкой» польской, некогда питой Виктором Ильичем изумительной алтайской «Алтын-кёль» с улегшимся на донышке целительным для здоровья пьющих корешком.

В фарфоровой супнице под услужливо откинутой Иваном Архиповичем крышкой маслянисто желтел и пускал в ноздри привставшему от любопытства и жгучих позывов аппетита с кушетки архивисту крилевый ароматный парок черепаховый суп, блюдо, знакомое только по названию из детского еще чтения тех книг, где предприимчивые люди из мира капитала крали, играючи, миллионы, играли в баккара и на бирже, а обедали в отдельных кабинетах лучших лондонских и парижских ресторанов.

В овальной во всех трех измерениях салатнице муарово и чванливо отсвечивало всеми цветами радуги чудо-юдо морское — розовое мясо крабов и кальмаров, ломтики омара,— притопленное в зернистой осетровой икре. Небольшой лангуст лежал, как пресыщенный султан в гареме, охваченный кольцом прильнувших к нему отборных креветок с бесстыдно сорванными одеждами.

На длинной селедочнице в луково-винном соусе, ровно островки частого архипелага, рядками расположилось рыбно-закусочное ассорти: селедочка, подкопченая тихоокеанская, керченская же *a la* натюрель, свежайшего посола исландская. Две посудины рангом пониже обступали селедочницу по бокам. На одной упокоился порезанный длинными ломтиками копченый угорь, на другой нежилась розовая, покрытая капельками выступившего потом жира, тоненькими пластинами филигранно наструганная семга.

— Рулонная семга! — мигом припомнился Виктору Ильичу как-то слышанный им от приехавшего в гости родственника матери рассказ. Жил родственник в Мурманской области и работал начальником службы КИПа Туломской ГЭС. Как известно, семга у нас в стране произрастает только на севере Кольского полуострова, а на нерест поднимается из моря имени голландца Баренца по речкам вроде Туломы; на последней же расположен целый каскад этих самых ГЭС. Семгу же пропускают

для продолжения рода восвояси в море через специальные искусственные протоки, минуя страшные турбинные лопасти.

И здесь возникает обычная житейская дилемма: сладкую рыбку работникам ГЭС добыть архилегко, да и сама она, безмозглая, хоть и благородная, куда не надо лезет. С другой стороны, семга как была рыбой царской при Николаях и Александрах кровавых, миротворцах, освободителях и прочих палкиных, так и осталась при советской общенародной власти для кремлевско-обкомовского потребления, а потому легче диверсанту натовскому на ГЭС проникнуть, чем трудящемуся станции вынести килограмм-другой детишек дома побаловать. Охранникам станции строго-настрого внушено: по мне — хоть турбину, свинченную с рабочего режима, пусть волокут через проходную, но за грамм семги — в тюрьму сядешь!

Но наш народ — не узкий специалист, как натовский диверсант; природная сметка да добротное образование, щедро отпускаемое Советской властью, позволят найти выход из самой тупиковой ситуации. Не знаю, как действовали здесь простые работяги, но у нас в стране все начальники, начиная с бригадира, не расстаются с папками: добротными кожаными с крокодиловым тиснением у больших чинов, из кожзаменителя, но тоже внушительно смотрящимися,— у мелкого чиновного люда. К тому же, папки — единственное, что не просматривают востроглазые вахтеры, документы там не для постороннего взгляда.

— Так вот,— веселился после шестой стопки «Столичной» материн родственник,— шкерим мы эту самую семгу полупудовую спецножом из пружинной стали, заточенным острее бритвы, режем ее вдоль тулова длинными полосами толщиной по три миллиметра, а полосы сворачиваем в этакие вот рулоны — и в холодильник, у кого в кабинете есть. А перед уходом каждый свой рулон разворачивает, режет на полосы сантиметров по двадцать, прокладывает вощеной бумагой, коей пропасть в трансформаторном цехе, и в папку укладывает. Вот и все. Ха-ха-ха! Отсюда и название: рулонная семга.

— Кстати,— совсем разошелся в выдаче производственных тайн родственник, закусывая седьмую стопку кусочком привезенной в презент рулонной семги,— также и технический спирт, столь любимый народом и которого изобилие на станции, тоже в папках выносим: специальную фляжку плоскую из тонкой нержавейки, так что толщина посудины не более полутора сантиметров, а размером — с папку делаем. Папка как папка с деловыми бумагами, а в ней — поллитра с гаком спиртяшки!

...Такие вот любопытные родственные воспоминания вызвал у Виктора Ильича вид филигранно поструганной семги.

♦Закусочные ряды замыкали плоские овальные тарелочки с настоящей венгерской салями и минским сервелатом, прибалтийским беконом и заливной, искусно, в три цвета чередующимися секторами подкрашенной желе, индейкой.

В сложной конфигурации серебряном блюде, накрытом прозрачным хрустальным колпаком, аппетитнейше лежало, нет,— возлежало, ждущее своей недолгой очереди жаркое: натуральный английский *beef steak* с кровью — огромный, сочащийся соками кус мяса, обложенной картошкой фри, ломтиками лимона, маслинами, розетками вареной кольраби и кресс-салатными листьями.

Рыбное блюдо было представлено порционной севрюжкой; прямо из ящеровых геологических эпох он ткнулся острым носом в стенку мейсенского судка и замер, чуть изогнув влево (не потому, что исповедовал революционные идеалы, а просто великоват был для посудины) хвост, сам же подпертый с боков очищенными, слегка замаринованными корешками молодого лука, его же перьями, обсыпанными поверх зеленью петрушки.

Следует заметить, что на закуску Виктор Ильич хотел поначалу заказать еще трюфелей, устриц и спаржи, но, поколебавшись, отменил; с этими продтоварами знаком он не был, как их есть не знал даже приблизительно, не хотел ударить лицом в грязь перед директором-лакеем. Гордый и щепетильный был старший научный сотрудник. В последний момент невесть к чему всплыла и материализовалась стерляжья уха, мало созвучная композиции и самой идее хотя и позднего, но все же завтрака.

Виктор Ильич подумывал и о десерте, но сладкое не уважал и потому, чуть подумав, хотя уже был заказан ликер — коллекционный «Южный Кюрасао» ленинградского производства,— отменил даже кофе, оставив, однако, хрустальную основательную вазу в три уровня с хвостатым ананасом, желтыми ядрами апельсинов, краснобокими яблоками. Здесь он остался патриотом; это — по части красных яблок, ибо в западно-восточном мире по наущению врачей новомодной, так называемой холистической медицины, от красных яблок отказались и поголовно лопали желтые или зеленые цветом плоды. Видать, до полной победы мирового коммунизма дожить хотят!

...Вместо же кофе, к которому сызмальства не питал большого пристрастия, неожиданно приказал кружку любимого «жигулевского» и бутылочку темного портера. А к пиву, естественно,— ошпаренных раков,

копченых анчоусов и, слегка стыдясь своего испорченного вкуса, жирного, плоского, как десертная тарелка, соленого и подвяленного леща.

♦А на столике еще теснились сбоку, не в ранжир, в дополнение ко всему нехилому меню, продукты, вытребованное в процессе формирования заказа: закусочный целиковый молочный поросеночек с хреном, фаршированный гречневой кашей с мелко порубленной бужениной и гусиными яйцами, свежие помидоры сорта «дамские пальчики», малосольные огурчики с пупырышками, рыжики соленые в собственном соку, жаренные в сметане маслята, белужий балычок, нежный пареный кролик, восемь сортов сыра, в том числе любимый рокфор, соленые синие сливы, домашние охотничьи колбаски размером с мизинец, обсыпанные по выступившему жиру паприкой. Было еще темное, смолистое на вид, нашпигованное чесноком кабанье мясо, рассветно-серая буженина с тонким холостяцким слоем белого жирка, освобожденное от костей куриное белое мясо в кисло-сладком соусе с тмином, гусиная ножка в брусничном желе, котлета по-киевски, крохотные бекасы на вертеле, обложенные половинками крутых перепелиных яиц, крепких помидоров и печеных луковичных головок.

Все названное выше тесновато, но удобно, эстетично, со вкусом было расставлено на трех верхних крышках столика, сложным пультом оператора космического корабля окруживших сидящего на кушетке Виктора Ильича

На нижних полках столика-этажерки, на уровне колен сидящего, расставились соусы, разноформатная хрустальная, оправленная в серебро посуда, вилки, ножи, ложки, щипцы, батистовые и полотняные крахмальные салфетки столового прибора. В дальнейшем нужное по ходу завтрака доставал с нижних полок и клал, ставил перед Виктором Ильичем кельнер экстракласса Иван Архипович, как-то незаметно успевший переодеться в белый официантский смокинг; естественно, присутствовала и сорочка со стоячим воротником и галстуком-бабочкой.

♦Занимаясь приготовлением завтрака и сервировкой, Иван Архипович пояснил, почему он оказался в квартире своего подчиненного. Дело оказалось совсем естественным, а именно: директор уже не первый год «пробивал» в столь знакомых ему обкомовских и исполкомовских верхах ставку еще одного заместителя в дополнение к уже имеющимся должностям замов по общим вопросам и хозделам. Только вчера ему по старой дружбе позвонил... ну-у, сами понимаете, Виктор Ильич, называть не

буду, словом, из обкома, и сообщил, что дело о ставке зама по науке решено положительно. А у Ивана Архиповича уже давно планировалось на эту должность несколько кандидатур, в том числе и Виктор Ильич, как единственный сотрудник, окончивший профильный Архивный институт. А когда ему вчера доложили Терехин и Антонóвич о последних трудовых подвигах старшего научного сотрудника, то все колебания выбора сами собой отпали.

Поэтому, не откладывая до понедельника, в день которого Иван Архипович намеревался начать свой отпуск, а домашнего телефона, к сожалению, у его младшего коллеги *пока* нет, он и решился потревожить Виктора Ильича внезапным визитом. Увидев же, что коллега его несколько переутомился в служебных занятиях, он взял на себя смелость помочь ему в приготовлении скромного завтрака...

Озадаченный Виктор Ильич несколько скованно поблагодарил директора за лестное предложение, но попросил тайм-аут для обдумывания решения. Также сообщил, что сервировкой и содержанием завтрака доволен. Иван Архипович был счастлив безмерно.

♦Будущий зам по науке взял предложенный директором набор крахмальных салфеток, выбрал полотняную с рисунком египетской вазы, заткнул ее конец за ворот домашней футболки, немного подумав, надел махровый банный халат и приготовился приступить к скромной трапезе. Вот только скучновато одному; всем своим видом Иван Архипович показывал, что скорее примет все казни египетские, нежели осмелится сесть за один стол со столь выдающейся персоной.

Мелькнула мысль: а хорошо бы Неллечку вернуть с полдороги домой, отменно угостить очаровательную, уставшую и проголодавшуюся за ночь страсти, просто продлить удовольствие общения с прекрасной женщиной, полностью, как только и может любящая страстно, отдавшейся ему в последние две ночи. Но мысль-соблазнительница была тотчас отогнана по трем причинам. Во-первых, соскучившийся по ласкам жены командированный муж вот-вот должен прибыть из Орла проходящим утренним южным поездом; во-вторых, она попросту упадет в обморок, увидев сервировку стола; наконец, как ей объяснить присутствие своего директора? Мысль о том, что можно отослать последнего, то есть позавтракать без лакея, как-то не состоялась; действительно, к хорошему быстро привыкаешь...

Как только подумал о Нелли, то, отгоняя приступы аппетита, горячая волна блаженства и благодарности к прекраснейшей из женщин его

жизни захватила Виктора Ильича в свои щекочущие объятия. Захотелось тотчас сделать ей что-нибудь приятное, не напугав, конечно.

Чуть подумав, отдал мысленные распоряжения, взглянув на настенные часы. Итак, сейчас без четверти двенадцать, она только что убрала к приезду супруга (он почувствовал незаконную по всем моральным нормам ревность к нему) квартиру, придала ей жилой вид, компенсируя две ночи отсутствия, а сейчас занята срочной готовкой обеда. А обед должен быть если не праздничным, то, во всяком случае, классом чуть повыше обыденного; ведь человек из дальней поездки вернулся!

Так-так, размышлял он дальше, сумочка ее, хоть и дамская, но не театральный ридикюль. В ней два отделения: одно внутреннее побольше, так что можно и кой-какие хозяйственные вещи при необходимости туда уложить; во внешнем же отделении хранится косметика, проездной билет, платочек, денежная мелочь и ключи от квартиры. Устройство сумочки он запомнил, когда она в первую ночь несколько растерянно и чуть смущенно рылась в сумочке, а потом все вытряхивала и вновь складывала. «Слава Богу, а подумала, что дома забыла положить!» — весело прощебетала она, чмокнув его от полноты чувств, зажимая в ладони облатку с таблетками.

Наверняка она открывала только отделение с ключами, а войдя в квартиру, торопясь с делами, бросила сумку в прихожей и до сих пор к ней не подходила. Да, таблетки она доверительно и многообещающе оставила у него; надо так понимать, что дома (опять окатило приступом ревности) еще есть?

А вот теперь, поставив на огонь кастрюли с бульоном и кипятком — для пельменей, кстати, вспомнила, что двое суток хозяйством не занималась, а позавчерашний батон превратился в кирпич. Мигом сняв домашний халатик, надела легкое платье, мимоходом поправила перед зеркалом прическу, захватила в прихожей свою сумочку и полиэтиленовый пакет, спустилась на лифте и зашла в булочную, которая — он это помнил хорошо — помещалась в ее доме. В магазине она взяла батон, пару теплых еще калачей и — для услады души — пару трубочек с кремом. Доставая кошелек из верхнего отделения, обратила внимание, что через матерчатую перегородку в нижнем отделении прощупывается что-то твердое, да и сумка (только сейчас заметила) тяжелей обычного. Заплатив, при выходе из булочной снова открыла сумку, раскрыла нижнее отделение и увидела там две небольшие баночки, грамм на 150 каждая; при ближайшем рассмотрении это оказалась черная и красная икра.

«Спасибо, милый,— растроганно подумала она,— и когда только

успел? Потратился опять же... А как Виталию объяснить? А-а, скажу, что на работе еще неделю тому назад скидывались на московские пайки, а я с Еленой один на двоих поделила; ей — кофе и колбаса, мне — икра, тебе для гемоглобина полезно...»

Отдав это распоряжение, Виктор Ильич тотчас же вспомнил, что пару недель тому назад Нелли была огорченной, а когда пристал к ней расспросами, то она высказала чисто женскую обиду, дескать, в центральном универмаге уже месяц все женщины любуются на итальянские сапоги, но страшно дорогие, потому сапоги и стоят. Она же перебрала все заначки, но все равно ста рублей не хватает! «А почему же жены завмагов и завбаз не берут эти сапоги?» — поинтересовался Виктор Ильич. Она расхохоталась: «Так сапоги итальянские, модельные, а ты ножищи этих завмаговых жен видел?» И она, а сидели они на парковой скамейке, демонстрируя противоположное, слегка вытянула свою идеальную, загорелую ножку, пикантно опушенную выцветшими на жарком июньском солнце волосками. Виктор Ильич тогда так возбудился, что почти со слезами умолял ее на часок зайти к нему домой.

Итак, отдал он второй приказ, пусть сегодня муж с командировочной голодухи переест, к ночи у него разболится желудок (Виктор Ильич захихикал из-за попутно решенной задачи: с больным желудком не до нежностей!). Поэтому рано-рано утром заботливая Нелли схватит трехлитровую банку и побежит за молоком в «бочку», чтобы отпаивать бедняжку и овсянкой на молоке кормить.

День воскресный, а потому она будет первой, кто воспользуется лифтом с утра. Неудивительно будет, если на полу лифта она обнаружит скомканные деньги: две пятидесятирублевки и еще мелочью где-то на четвертной. Как будто пьяный у себя сигареты искал и бездумно выворачивал карманы; вот и вывернул! Тем более, как рассказывала с обидой на своего мужа-трудягу Нелли, этажом выше живет некто Семенов, пьянь страшная, но где-то гребет деньги лопатой, ворует, наверное. Так что найденные деньги можно будет смело и без укоров совести забрать и на дело употребить.

Виктор Ильич чуть подумал и решил, что для правдоподобия выпадения из кармана пьяного рядом с деньгами должен лежать и грязный, мятый носовой платок. Войдя во вкус детективного фантазирования и вспомнив, что этот Семенов ко всему прочему и отъявленный бабник, изменяет жене направо и налево, он добавил к деньгам и платку дефицитный импортный презерватив в яркой упаковке.

Интересно, подумал он, деньги она возьмет и обрадуется несказан-

но, платок брезгливо оттолкнет носком туфли, в вот презерватив? Она, конечно, пилюлями пользуется, но ведь всякие ситуации могут случиться? По жизненным наблюдениям Виктора Ильича, любая опытная женщина на всякий случай прихватывает этот предмет любовной санитарии, когда отправляется на курорт, вообще на отдых без мужа, когда едет по разнарядке учрежденческой на сельхозработы с ночевкой и т.п. Незамужняя женщина, кроме того, обязательно берет это изделие резинпрома, собираясь на свадьбу подруги, день рождения сослуживца, юбилей начальника, и вообще постоянно носит его в своей сумочке.

Однако, вспомнив откровенные беседы с прежней женой и подругами, когда те, подвыпив, начинают выдавать женские секреты, решил окончательно: не возьмет! Более того, женщина даже в случае нужды крайней не возьмет презерватив у лучшей подруги. Вообще не возьмет нигде и ни у кого, кроме стерильной аптеки. Все дело в том, что женщины, подозревая в душе в зловредности всех остальных представительниц этого пола, предполагает, что данный ей подругой, знакомой и пр. презерватив обязательно и злонамеренно поврежден, чаще всего слегка надколот иголкой, что внешне, в обертке, незаметно, но при рабочем использовании в лучшем случае гарантировано трехдневное пребывание в лечебнице с болезненной операцией, в худшем же не исключен и вендиспансер со всеми его моральными, финансовыми и физиологическими издержками...

«Как же еще Неллечке скрасить дни пребывания с болезненным мужем?» А сам муж? Пусть и он постарается, благо ему это ничего стоить не будет. Итак, где-то через полчаса он встанет с сиденья пятого номера троллейбуса, который довезет его от вокзала до дома, возьмет в руку свой пузатый портфель, мимолетно отметив, что вроде он стал еще тяжелее и без того набитый конторской макулатурой и ведомственными справочниками, поднимется на лифте, войдет в квартиру, чмокнет (Виктор Ильич поморщился) любящую супругу в щечку и, захватив халат и домашние брюки, пойдет под освежающий душ. По выходу счастливая супруга затребует его немедленно к изящно сервированному столу, но он, педантичный до чертиков, сначала выгрузит из портфеля свои гроссбухи.

С изумлением он обнаружит на дне чемоданного портфеля достаточно объемистый пакет, из которого, под восхищенные возгласы Нелли, извлечет палку столичного сервелата, копченую кету, брусок карбоната и бутылку марочного армянского (объестся он до болезни желудка именно сервелатом). На дне пакета будет еще нечто, тщательно упакованное в плотную бумагу; этим нечто окажется флакон дефицитнейших духов

«Сальвадор Дали» — многолетняя мечта Нелли, поклонницы парижских ароматов.

Супруг, ездивший на Орловский механический завод по линии аудиторской проверки, поначалу громко завозмущается, но приласканный счастливой супругой, подобреет и уже с невольным восхищением скажет: «И когда же они, черти, сумели так ловко подложить?» Правда, мелькнет и слегка настораживающая мысль, что-де не по чину презент; дело-то в Орле было пустяковое, будничное и не ревизорское?

«Что же еще придумать?» — размышлял, вдохновляясь ароматом, исходившим от черепахового супа, добрейший Виктор Ильич. Но ничего, не вызывающего подозрений любящих супругов, в голову не приходило. Для очистки совести ограничился мелочью: продукты в Неллином холодильнике, все эти пельмени, котлеты магазинные, колбаса, яйца и пр., оказались с виду ничем не примечательными, но содержали продукт высшей категории, то есть яйца — домашние, деревенские от курочки Рябы, а не от безликой массы пригородного гиганта птицеводства, а колбаса — из натурального, парного мяса без всяких белковообразующих добавок; пельмени же — по строгому сибирскому рецепту, то есть свинина, говядина и баранина в равных частях.

Кроме того, Нелли, иногда после рюмки хорошего вина балующаяся травкой никотианой, случайно найдет в закромах кухонного шкафчика, разыскивая пакетик с черным перцем-горошком, некогда припрятанную, но забытую непочатую пачку редкостного «*More*» с ментолом. Наконец, сынишка ее несмышленый, которого к вечеру воскресенья дедушка с бабушкой привезут с дачи, найдет под сиденьем пригородной электрички — заденет, болтая ножками в сандалиях,— забытый пассажиром-растяпой пакет с коробкой редкостного импортного детского конструктора.

...Утомленный умственными манипуляциями, сервировавший праздничный стол Нелли Виктор Ильич подумал, что и самому уже пора отведать из того, что Бог... то есть черт послал, но не давала покоя копошащаяся мыслишка ревнивца. Допустим, сегодня всю ночь муж Нелли будет маяться животом и будет ему не до интимностей, но в следующую ночь? И совсем хотел было наслать на него во второй половине дня воскресенья залетевшую в окно осу, которая сквозь тонкое трико домашнего спортивного костюма ужалит аудитора Виталия в... детородное место, но тут же и опомнился, вспомнив известный анекдот о некоей жене, которая после аналогичного укуса ее супруга пчелой потребовала завести на даче пару ульев этих полезных медоносов...

♦Между тем, забегая на полтора часа вперед, проникнем одним

глазком в уютную стараниями Нелли квартирку любящих супругов. Приятно взволнованные чередой небольших, но удач — а у хозяйки и самая большая для женщины удача, что выдавали даже сильно подведенные веки глаз; мужу объяснила бессонным беспокойством за него,— они уселись за сервированный праздничный стол, Виталий-муж наполнил рюмки отборным армянским, они чокнулись и выпили. Каждый — про себя — за свое. Она — понятно за что, а он, слегка покраснев,— за нечто тайное, бывшее много лет назад, а именно: в такой же летний день его, девятнадцатилетнего студента, только сдавшего экзамены за третий курс и оставленного на бухгалтерскую практику при кафедре, курирующая его преподавательница-доцентша попросила помочь донести ей до дома полупудовую пачку пояснительных записок курсовых работ, дабы на летнем досуге проанализировать их содержание и на основе этого анализа подготовить к изданию методические указания; согласно плану работы кафедры.

Была доцентша молодящейся сорокалетней дамой далеко не в последнем приступе женственности и состояла в мезальянсе с профессором, что был на двадцать три года старше ее (вышла замуж студенткой последнего курса, почему и попала в аспирантуру) и на прошлой неделе отбыл в Кисловодск для поправки расшатанного учеными занятиями, а более — требовательностью супруги в опасном возрасте, здоровья.

В профессорской квартире, где на контрасте соседствовали запахи сладких духов «Фиджи» и архивной пыли из кабинета видного ученого-экономиста, автора монографии «Комментарии и логическое обоснования лозунга «Экономика должна быть экономной», доцентша ненавязчиво пригласила оробевшего студента отобедать. В кофе подлила коньяку, включила музыку, закурила, подшучивая над некурящим Виталием, предложила южного вина «Черные глаза», а потом расстегнула на нем рубашку. И до глубокой ночи, благо жил он совсем рядом, обучала девственника сладчайшей из наук жизни.

Словом, Виталий-муж — поднял молчаливый тост в духе Петра Первого: за учителей своих! Такие вот ассоциации навевает разгар лета...

...Однако не пора ли вернуться к проголодавшемуся герою нашего повествования, желудок которого уже давно извергал фонтаны усвоительно-расщепительных для приема пищи ферментов-пепсиногенов?

Глава третья

♦Весь этот раблезианский завтрак, а по времени яствования и содержанию стола — и вовсе обед, был измышлен по мотивам, где-то и что-то виденного, в основном — слышанного и читанного, изголодавшимся на провинциальном лимитированном общепите и казенных пельменях с яичницей, лишенным изысков семейной кухни Виктором Ильичом с первыми признаками гастрита, а может и панкреатита.

Случилось то, что и должно было произойти. Увидев всю эту овеществленную роскошь мысли, переусердствовавший архивист почувствовал комок в горле, склизкий и противный комок, словно жаба скользящий вверх к нёбу рта. Сверхпроницательный, с обкомовской выучкой, Иван Архипович вовремя потянул на себя сложносочиненный столик-каталку, а Виктор Ильич, не сумев подавить позыв, стошнил со стоном на пол. Стыд неловкости не успел еще пригнать кровь к щекам, как директор-лакей уже бросил ему на коленки развернутую салфетку, сам же присел на корточки и крахмальным кельнерским полотенцем вытер блевотину. Тут же слетал в ванную, принес воды в тазике, тряпку и через пару минут пол под ногами старшего научного сотрудника сверкал линолеумным умытым стеклом.

Ловкий слуга обтер губки и щечки Виктора Ильича приятно пахнущей ароматической салфеткой, поднес полоскательную чашу, розовую теплую водичку, свежее белейшее полотенце.

Совершив с услужливой помощью директора малый туалет, освеженный Виктор Ильич кивком поблагодарил проворного обкомовца и уже с наслаждением и аппетитом приступил к кушанью.

Через четверть часа его, обожравшегося непривычными, тающими во рту яствами, вновь стошнило. Раздосадованный и обиженный на свой желудок, на этот раз он пакостливо изгадил, придержав ногой отодвигаемый столик, сервировку, а также белоснежный официантский смокинг своего директора. И тут его понесло вскачь и по буеракам. Хлопнув подряд и без закуски три рюмки зубровки, разошедшийся архивист, уже не задумываясь о видимости материальной правдоподобности исполнения своих желаний, а также для полноты унижения своего директора-выжиги, к которому вновь почувствовал въевшееся в кровь за долгие годы архивной службы презрение, почти ненависть звериную, он приказал, но уже не дьяволу, а самому лакею-руководителю, мигом доставить сюда его двадцатилетнюю, холеную и высоко себя ставящую дочь-красавицу. Весь город, хорошо знающий своих героев, с завистью шептался, что Белла только что просватана за скороспелого тридцатидвухлетнего подполков-

ника с ученой степенью, занимающего перспективную должность в местном высшем военном училище, естественно, сына генерала, командующего военным округом в Туркестане.

Иван Архипович засветился такой осчастливленной улыбкой, что можно было подумать только о высочайшей чести, которой его удостоил второразрядный подчиненный. С криком «сию минуточку-с» он выскочил из квартиры. Не понятно, как он спроворил, или дочь, городская прима Белла, уже заранее была приведена и оставлена дожидаться мстительно-сексуального позыва Виктора Ильича на захламленной лестничной площадке седьмого этажа, но через считанные секунды в комнату вошла, нет, по-бальному вплыла в ослепительном вечернем платье от входящего в большую моду московского портняжки-кутюрье Славы Зайцева, с открытыми, семужьей смуглости, идеально писанными кистью Рафаэля плечами и всхолмиями полуобнаженной высокой груди, Белла — сновидение, генеральская невеста?! Видение ли это наяву? Но что это? Она робко наклонила прелестную головку и присела на краешек подставленного Иваном Архиповичем креслица, целомудренно оправив платье на прижатых друг к другу округлых коленках.

В этот же миг Виктор Ильич ощутил себя сидящим в таком же креслице, не на досадливой своей кушетке, *vis-á-vis* красавицы. А между ними стояла не дурацкая каталка со жратвой, ухой, пивом и водкой, но овальный, красного дерева, банкетный стол.

♦С еще большим удивлением он осознал себя одетым в смокинг, с гвоздикой в петлице, а на мизинце левой руки окольцевался десятикаратный бриллиант.

Неуловимое движение мысли — и он уже в генеральском мундире александровского (первого из них) покроя, в белых лосинах со штрипками, с голубой орденской лентой Андрея Первозванного от плеча наискось груди, подваченной, внушительно-героический. Шеренга фрачных лакеев в санкюлотских белых штанах по колено и чулках замерла поодаль. Старший же лакей, а может и уже повышенный в должности до мажордома Иван Архипович поднес к нему раскрытый ящик с сигарами. Выбрав «Большую Корону» и прикурив от свечки в шандале, поднесенном трепетно помощником старшего лакея, в котором легко узнавался куратор областных архивов от исполкома Совета трудящихся *Т*-й области Семен Святославович Гордон, Виктор Ильич с наслаждением нюхнул первый, самый вкусный клуб драгоценного дыма — революционного дара стране Советов от Великого Фиделя, вот уже двадцать лет не даю-

щего спокойно спать еврейским банкирам с Уолл-Стрита и бригадным генералам-недоумкам с берегов Потомака.

Освеженный ароматным дымком, Виктор Ильич легким жестом приказал начинать. Беллочка замерла в неестественном, показном женском внимании, слушая выспренный вздор визави о Бухарском походе, который, кстати говоря, состоялся уже при другом императоре Александре. Виктор Ильич менял рюмки и бокалы, гурмански закусывал, радуя очищенный дважды и сдобренный зубровкой желудок, а также всячески поощрял невесту выдающегося подполковника-ученого.

Однако скоро опьянел от коварных ликеров и зачем-то вытребованных, совсем не в стиле патриотизма и эпохи, джинов с тониками. Не различая в густом сигарном дыму застыдившихся притворно лакеев, он начал обнимать, лапать ласковую и податливую красавицу.

Завтрак, перешедший в обед с полдником, завершился и вовсе безобразно. В дупель пьяный архивариус-генерал (от инфантерии) пел и плясал рок-н-ролл с также разошедшейся соблазнительницей и услал ее отца готовить опочивальню.

Ближе к ночи он вышиб из квартиры обезумевшего от привалившего счастья Ивана Архиповича, Семку Гордона и всех фрачных лакеев, а очнулся только утром на своей досадной кушетке. Рядом, нежно прислонившись к его плечу, спала, ровно дыша через чуть приоткрытые припухшие губки, счастливая даже во сне, ослепительно-прекрасная девушка, на поверку оказавшаяся страстной и опытной женщиной. На заваленном битой посудой, бутылками с импортными и старорежимными наклейками, серебряными вилками с императорскими вензелями, усохшими устрицами и рыбными ассорти столе дико смотрелся генеральский мундир эпохи «властителя слабого и лукавого».

По всей видимости, квартирная дверь была открыта, ибо в углу комнаты соседский матерый кот Сенька доедал порционного судака, поблескивая время от времени на нежную парочку дикими рысьими глазищами.

Виктор Ильич, стараясь не разбудить красавицу-невесту, с трудом поднялся, морщась от проявившейся тупой панкреатической боли в боку, налил в фужер из початой пузатой бутылки марочной мадеры, выпил залпом, повторил, занюхал кусочком ананаса и мигом все вспомнил, покраснел то ли от мадеры, а может и от стыда. Однако здесь же все отбросил в нужник памяти и мысленно приказал ученому подполковнику, жениху ослепительной красавицы, тотчас прибыть согласно распоряжению на смену вчерашнему лакею-директору.

♦В полном безобразии прошло трое суток. Красавица надоела-таки

пресытившемуся питьем, жратвой и изысканным женским телом, а также безропотным прощением изощренных чувствований-издевательств, архивисту. В конце концов, Виктор Ильич услал всех к чертям, включая и свой александровский генеральский мундир с лосинами и ботфортами. Хотя злость на все унижения прежней архивной жизни заметно поутихла, но не утерпел-таки и сотворил последнюю пакость. Заставил жениха-подполковника обрядиться в вытребованный мундир штурмбанфюрера СС и промаршировать в нем прусским гусиным шагом по стрежню главной улицы города. За это ученого военспеца, невзирая на высокое положение и связи отца-генерала, как узнал позже весь город *Т.*, разжаловали со службы без пенсии и права ношения мундира. Он пролежал на обследовании пару недель в привилегированном отделении городской психбольницы на улице Осташева, замаскированным под алкогольный стационар, был проклят отцом, героем Халхин-Гола, и отправлен работать доцентом в *Т*-м технологическом институте на кафедру технической механики. Красавица же Белла, которой на прощанье Виктор Ильич подарил свой перстень с десятикаратным бриллиантом, вскоре уехала к тетке в Москву, переведясь из местного пединститута на филфак МГУ, и вышла замуж за летчика-майора, кандидата в космонавты.

Самолично уже кое-как прибрав квартиру и вытолкав шваброй за дверь заснувшего от обжорства кота Сеньку вместе с запутавшимся в его косматой шерсти лангустом, Виктор Ильич заснул мертвым сном и отсыпался ровно сутки. Это его освежило и окончательно привело в чувство.

«Хватит дурью мучаться детской! — решил он,— что же, надо использовать такой случай; и не только для свинячества и обжорства».

Кстати говоря, анализируя свой давешний разгул, Виктор Ильич засомневался в словах покойной бабы о дворянском происхождении их рода. Возникло подозрение, что в архивисте проявились гены бесшабашного предка из ухарей-купцов, что лупили по зеркалам в «Яре» и брюхатили (за плату!) цыганок из хора...

Глава четвертая

Существование всего живого, от проблематичных вирусов до вершины создания природы, ее возлюбленного *homo sapiens*, подчинена ритмам и циклам, как ритмично и циклично само Мироздание.

Так и повелось, что всякий последующий поворот в новой жизни Виктора Ильича начинался в половине двенадцатого дня: на кушетке, где

ворочался с боку на бок поздно проснувшийся архивист.

Итак, лежа на смятых простынях, он курил сигару из валявшегося поодаль ящичка, того самого, что поднес ему недавно обер-лакей Иван Архипович. Дым сигары был ароматен, вкусен и манящ, созвучен мыслям перерожденного в это утро Виктора Ильича.

Прекрасная сигара тропического дымно-коричневого цвета благородного злака никотианы, закатанная в изящную форму ловкими руками темнокожей кубинки... «— Кванте намере! Кванте наме-е-е-ре! — тихонечко запел архивист. Перед глазами сверкало золототисненное сигарное кольцо с короной, окруженной латинскими буковками.— Кванте наме-е-е-ре!» — мурлыкал он между соседствующими клубами терпкого, тропического, душистого дыма.

Однако, хватит сибаритствовать. Пора. Пора заняться делом, о котором мечтал всю скучную архивную жизнь, благо возможность исполнить задуманное предоставляется либо дьяволом, как в его случае, либо наследованием капитала дяди — австралийского миллионера, которого, увы, у него не было, ибо гвардейские его предки почему-то не захотели отплыть последним «белым» пароходом от Новороссийска в манящие цивилизацией и миллионами дали, а предпочли перейти на мелочную службу к победившему пролетариату и жидо-масонству (к последнему — до 37-го года, когда Иосиф Виссарионович его дезавуировал до лучших времен).

Впрочем, был у него дядя — завгар мебельной фабрики в городе Костроме, но одного дармового бензина было обидно мало для задуманного предприятия. И даже австралийское гипотетическое наследство, пропущенное через фильтр налогов и выездных-въездных пошлин, приуменьшилось бы недопустимо.

♦А дело было того рода, что с поздней юности, еще учась в Архивном институте, Виктор Ильич мечтал об... интеллектуальной свободе. «Эх,— думал он много позднее, уже в новой своей жизни при Мише Меченом и его продолжателях,— сечь надо было солдатскими ремнями с латунными бляхами, на которых вытеснены звезды-пентаграммы с молотом-серпом, сечь трижды в день, перед завтраком, в полдник и перед огорчительным сном, не менее четверти часа в каждую процедуру, сечь, начиная с октября 1964 года, когда Кукурузника мысли и дела заменил на посту Первого Леонид Ильич, сечь обоего пола лиц от Калининграда до Берингова пролива с запада на восток, от Шпицбергена и Новой Земли до Кушки с севера на юг, находящихся в возрасте от шестнадцати

до сорока лет. Людей же с высшим образованием сечь наиболее больно, а по всей стране вместо глупых, компрометирующих Советскую власть лозунгов, коварно «подсказанных» агентами империалистического влияния, вывесить единый девиз: «*Свобода есть осознанная необходимость!*»

Но прозрение придет слишком поздно, а Виктор Ильич все мечтал и мечтал. Для пресловутой же интеллектуальной свободы были нужны, увы, недоступные рядовому безлеводоходному, статридцатирублевому, беспремиальному, бумажно-пыльному поденщику личная свобода и независимость от добывания в потном труде хлеба насущного и тишина. Тишина была нужнее хлеба: думать, мыслить, творить.

Тишина, прохладное помещение, покойное кресло, дымок чудесной сигары, тропической никотианы, сверченной из табачных листьев темнокожей кубинской мулаткой, выдержанной для вкуса сначала в темноте фабричного склада, после — в духоте полок отечественных табачных ларьков и магазинов, где спрос на сигары, мечту осиротевших от их отсутствия с приходом к руководству на Кубе Фиделя Кастро Рус американских миллионеров, не входит в национальную традицию; во-первых, вкус вирджинского табака на любителя, но главное — сигару нужно курить часами, покоясь в кресле, а у нас народ все сплошь трудовой, затянулся разок-другой и за станок, за кульман, за фомку... Тьфу, тьфу, за лом, конечно, дворницкий.

Вот и получилось, что сигары у нас либо в подарок ящичками дарят (в подарок, как известно, дарят не нужные никому вещи), либо иной, хлопнув пяток рюмок, решит пофорсить в ресторане.

...В любом случае, прежде всего,— покой души и тишина. С этого Виктор Ильич и начал.

♦Конечно, глупо было бы обычному человеку искать тишины и покоя в двухсотквартирном доме буквой «П», внутри которой помещался маленький дворик с акустикой, которой позавидуют музыканты Большого зала Консерватории. Да если еще учесть, что дом этот окружен еще двумя десятками таких же бедламов?! Но Виктору Ильичу это стало с недавних пор по силам. И он принялся анализировать наиболее интенсивные источники шумов.

Главным бичом любителей тишины в их доме были вечные трудяги, что с утра до позднего вечера и даже по ночам пушечными ударами выбивают ковры. Такое впечатление, что у каждого из них в квартире содержится восточный гарем, сплошь завешанный изделиями азиатских

умельцев и гэдеэровских фабрик.

Второй источник шума и беспорядка — это длинноволосые пацаны в джинсах, накупившие стереопроигрывателей и кассетных магнитофонов с сорокаваттными колонками. Никакие жалобы к квартальным, районным и городским властям, не говоря уже о непосредственном увещевании, не действуют на эти два источника шума.

Относительно выбивальщиц ковров, здоровых торговых баб, бивших несчастные ткацкие изделия палками толщиной с бедро иной тощей вертихвостки на выданье, ответственные за порядок в городе люди говорили, сохраняя на устах щирую у'крайнскую улыбку — все они, как на подбор, были с полтавскими фамилиями: хорошо люди жить стали! Вот и ковры оттого, что же поделаешь?

А на стереохулиганов и жаловаться боязно: того и гляди, встретят поздним вечером у подъезда...

Вот и в этот день, кстати, воскресный, из колодца двора несся, дубасил по ушам кузнечный грохот выбивальщиц. А по крайней мере из двух десятков окон их квартала визжали по-козлинному поддельные певцы про то, как кто-то входит в чей-то кабинет, и что, мол, поминайте бедного студента. Только накануне завезли в «Мелодию» эту пластинку, но эта шпана еще месяц назад ездила за ней в Москву.

Вспомнив собственную дикую оргию, обжорство и пьянство, прекрасную невесту-полудевственницу подполковника и свою садистскую месть в отношении в общем-то неплохих людей, Виктор Ильич покраснел, но тут же решительно выдохнул. Этих шумовщиков щадить не след, это не его одного мнение, но двух-трех тысяч окрестных жильцов, то есть коллектива.

Мысленно извиняясь перед случайными жертвами, Виктор Ильич картинно троекратно хлопнул в ладоши. В тот же миг напряжение в кабеле, питавшем электроэнергией весь квартал, подскочило до 500 вольт, и все проигрыватели, магнитофоны и дорогостоящие импортные музыкальные центры поперхнулись на размышлениях о судьбе средневекового искателя знаний, замолкли, сдохли. Но еще удивительнее была реакция их владельцев в джинсах и майках с намалеванными косматыми рожами и стилизованными под алфавит языка иврит надписями «*Nazareth*». Вместо плача и битья себя в тощую грудь, сорвавшись, кто со стула, кто с растрепанной несовершеннолетней подруги, они скопом помчались во двор, вырвали у опешивших баб-колотильщиц ковры и утащили их через арочные проемы дворов неведомо куда, но в ближайшие час-полтора были поодиночке задержаны милицейскими сержантами и отправлены за массовое хулиганство

на пятнадцать суток мести пыльные городские улицы.

Ковры отыскались на самодеятельной свалке на дальнем пустыре; они перепутались между собой, владельцы передрались, разбирая их. Случилась свалка, в результате чего эти тяжелые тряпки были в битве истоптаны, изорваны, продырявлены, опалены, обос..., облиты слезами и приведены в полную непригодность.

В течение двух-трех часов все было закончено. Виктор Ильич с удовольствием наблюдал за ходом действия со своего балкончика, при необходимости корректируя первоначальную диспозицию. Да, холодильник и телевизор он предусмотрительно выключил. Все электроприборы в домах квартала, исключая проигрыватели и магнитофоны, включенные на момент колебания напряжения в сети, восстановили свою работоспособность тотчас после прыжка напряжения, так что жители даже и не заметили ничего.

♦Вторым условием в доктрине Виктора Ильича, как вы помните, являлась независимость от источника существования. Здесь не потребовалось массового внушения и вмешательства в городское электрохозяйство. В единый мыслительный миг архивист решил этот вопрос.

Только он подумал, как в пустынном, запертом по случаю выходного дня Архиве ясным и холодным пламенем выгорели, не оставив дыма и пепла, все бумаги с упоминанием его имени. То же самое случилось и во всех учреждениях города, в бумагах, статотчетности и пр., в которых упоминалось о службе Виктора Ильича в Архиве. Он больше *нигде* не числился, а всем сотрудникам и просто знакомым, знающим его людям одновременно и крепко вошла в голову мысль о том, что Виктор Ильич ушел на раннюю пенсию как военный в отставке. Действительно, каждому известно, что эти люди имеют право на пенсию с очень еще бодрого возраста. А сама эта мысль возникла у экс-архивиста, очевидно, под впечатлением расправы с ученым подполковником, кстати говоря, ничем не заслужившим такой участи: он же не виноват, что его папа генерал?

Опять-таки забегая вперед, скажем, что совесть доконала Виктора Ильича, и он запрограммировал бывшему подполковнику невесту-девственницу, когда ему исполнится тридцать пять лет; через пять лет он защитит докторскую диссертацию, а еще через десять лет уйдет с осточертевшей кафедры технической механики в проректоры по учебной работе. Поскольку же в то время уже начнет претворяться в жизнь программа Международного валютного фонда по ликвидации высшей школы в России, то *Т*-й, знаменитый своими естественнонаучными и физ-

культурными кафедрами, институт переведут в разряд «классических» университетов, все инженерные факультеты позакрывают, а вместо инженеров начнут готовить филологов, переводчиков для тихих оккупантов, визажистов и прочую обслугу для новых русских кавказцев и американских консультантов по экономическому росту страны.

Бывший подполковник очень быстро (военная смекалка!) вписался в новую структуру и открыл для души при вузе военно-музыкальный факультет, пользуясь связями своего отца-генерала в Минобороны. А такую необычную специальность избрал потому, что имел хороший слух и в детстве занимался в музкружке районного Дома пионеров по классу домры.

А вскоре и слава пришла сравнительно еще молодому профессору: именно сводному духовому оркестру военно-музыкального факультета *Т*-го университета выпала высокая честь представлять страну на ежегодном шоу военных музыкантов развивающихся стран на острове Фиджи (где съели капитана Кука), где питомцы экс-подполковника заняли почетное 38-ое место. Старинный русский город встретил героя восторженно, а департамент культуры и туризма представил его к почетному званию «Заслуженный деятель науки». В городе стали поговаривать о скором новом ректоре университета.

♦Бог с ним, с подполковником; вернемся к основному нашему герою. Самое главное, что никто из знакомцев даже не удивился; ведь многим было известно, что Виктор Ильич никогда в воинской службе не состоял по слабости здоровья, плоскостопию и наличию очно полученного высшего образования.

А что касается обжорства, то он раз и навсегда приказал держать в холодильнике, периодически обновляя, запас тщательно отобранных продуктов, правда, высшего качества и свежести, удобных и скорых в приготовлении. Поэтому-то он и «прописался» с дьяволовой помощью в нескольких московских торгсинах, где в ассортимент входили замороженные блюда, только-только осваиваемые отечественным пищепромом. Понятно, что сам он за ними не ездил.

Еще он из жадности заполнил кладовку пятью тысячами любимых долларовых сигар «Большая Корона» и кубометром, сложенным из жестяных лаковых коробок настоящего, давным-давно исчезнувшего из вольной продажи, китайского цветочного чая. Был он большой любитель почаевничать, а вкус лучшего в мире чая помнил с детских времен (китайский цветочный уважал и его родитель), когда по Москве прогулива-

лись веселые и дружелюбные желтые братья, а во всех магазинах продавались расписанные лотосами термосы, расшитые золотыми рыбками и драконами махровые полотенца, светло-коричневые плащи «Дружба», авторучки с золотыми перьями и тот же чай. Сигары же заказал, памятуя двадцатилетней давности Карибский кризис, на случай, если янки все же свергнут Фиделя Кастро, на Острове свободы начнется гражданская война, и сигарный промысел будет похерен. А коль сигары не будут возделывать, то и дьявол вряд ли сможет помочь; как видите, даже перепоручив свою судьбу мистическим силам, Виктор Ильич мыслил категориями диалектического материализма. Да, умели в те годы закладывать основы научного мировоззрения, потому Россия впервые в своей тысячелетней истории и стала Сверхдержавой...

О деньгах на капитальные и текущие расходы глупо было заботиться в его-то ситуации, но все же из чистого озорства он набил разнокупюрными пачками нижний ящик письменного стола. Поуютнее устроил он и свою квартиру. Забыв о только что проведенной расправе над выбивальщицами, сам завесил себе все стены шумогасящими текинскими коврами, равно, как и пол; к чистке же их заказал бесшумный импортный пылесос, коим в дальнейшем самолично убирал пыль в квартире ради физкультурного действия. Санузел, до того совмещенный, разделил естественным образом, а ванну из ржавой выщербленной лохани превратил в мраморную с удобными ступеньками. К вечеру Виктор Ильич принялся за самое главное: отраду и боль, и мечту своей мыслительной души... короче говоря, он начал укомплектовывать личную библиотеку.

♦Чтобы в полной мере осознать, что́ значили для Виктора Ильича книги, надо постоянно держать в голове историко-архивное образование нашего героя, его, хоть и проклинаемую им ежечасно, но все же интересную, что называется «по душе», работу в богатом материалами облархиве старинного среднерусского города. Кстати говоря, проклинал он по большей части занудную штурмовщину, когда в местных политехническом, технологическом или педагогическом институтах на кафедрах истории КПСС вызревал очередной блатной кандидат в ученые, под диссертацию которого из обкома «спускали» в оба архива — партийный и ихний — разнарядку на поиск, анализ и систематизацию материалов по революционным деяниям тех, кто имел хоть какое-то отношение к революционным событиям первой четверти века, увенчавшимся победой Советской власти; как правило, это были либо присланные РСДРП местечковые евреи — родственники Якова Мовшезовича Свердлова, либо же

местные полубандиты, отлынивающие от работы на императорских оружейных заводах.

В отличие от исторических личностей, с ними было хлопотно, поскольку интеллектом, то есть именно тем, что и запечатлевается в архивных летописях, все они не блистали. Оставались только скупые и малоинформативные жандармские (для местечковых) и полицейские уголовные (для местных) протоколы. Весь антураж приходилось высасывать из пальца, проще говоря,— сочинять.

Но нет худа без добра; кто бы мог предположить, что скучный работник Архива может реально помочь практическому и жизнедеятельному человеку, такому, как Витька Логинов, приятель Виктора Ильича еще по школьным годам.

В то время как глупые люди в *Т.*, состоявшей к началу 70-х годов на 80—90 % из деревянных домов и домишек постройки еще прошлого века, из кожи вон лезли, чтобы развернувшееся при благодетеле города Иване Харлампиевиче Судаке гигантское жилищное строительство снесло их частные владения, а они, как высококультурные люди, смогли переселиться в казенные квартиры, Витька Логинов мыслил другими категориями, в чем-то схожими с бытовавшими в голове Виктора Ильича. Будучи врожденным собственником и человеком хозяйственным (впрочем, более в мыслях, в потенции), он пуще всего боялся, что дом его с почти десятью сотками усадьбы, яблонями-сливами и гигантским погребом — остатком некогда бывшей здесь кузницы, снесут. И действительно, П-образные девятиэтажки наступали на него со всех сторон, как советские войска на Берлин в апреле 45-го.

Однако не зря Витька унаследовал логику и жизненную хватку своего отца, боевого полковника по линии интендантства, знаменитого тем в среде друзей-однополчан, что руководил всей хозяйственной частью при выселении крымских татар в 24 часа. А еще на отцовской квартире Витька показывал любознательному тезке, вызывая у того жгучую зависть прирожденного коллекционера, многочисленные редкостные, имеющие огромную историко-материальную ценность вещи, вывезенные запасливым полковником из поверженной в пух и прах Германии.

Здесь были парадные кинжалы и шпаги штурмовиков и эсэсовцев, полный мундир группенфюрера, охотничья винтовка Маузера (более интересное из огнестрельного лежало в сейфе, ключ от которого экс-полковник носил с собой), подарочное, генеральское издание «*Mein Kampf*», переплетенное в настоящую крокодилову кожу с номером «9» — всего их было выпущено 100 экземпляров. Полный комплект наград 3-го

Рейха был аккуратно разложен на специальном стеллаже под стеклом. И так далее. Венчал же коллекцию огромный, размером с бильярдный, стол в кабинете Витькиного отца, ныне полного военного и гражданского пенсионера. Стол этот принадлежал лично рейхс-маршалу авиации Герману Герингу и имел два с лишним десятка ящичков различной формы, а весь секрет был в том, что выдвигались они в определенной последовательности, то есть, чтобы открыть нужный, следовало проделать определенные манипуляции с тремя-четырьмя другими.

...Так вот, как-то Витька зазвал архивного приятеля на свою благоустроенную усадьбу, угостил изумительным кальвадосом, самолично выгнанным из молодого вина из урожая яблок собственного сада, на закуску подал — все домашнего приготовления — малюсеньких огурчиков, помидор, лучку с петрушкой. Жена Вера сготовила яишенку из десятка домашних, от курочки Рябы, яиц; яишенка была зажарена глазуньей на толстых ломтях сала с мясной прослойкой в три пальца. Казенной колбасы в доме не признавали, поэтому на тарелках громоздились куски самодельного окорока, копченые части кур и гусей. На горячее Вера подавала лапшу с потрошками и похрустывающие домашние котлеты с чесночным соусом.

Виктор Ильич тогда еще жил с родителями, но от стандартной еды все равно утомился, поэтому активно чокался и закусывал, расхваливая на все лады достоинства феодальной системы хозяйствования. Уцепившись за оброненные слова, хозяин-феодал и подвел архивиста к сути своей идеи спасения частновладельческого островка в самом центре зареченской части города.

По его словам выходило, что в доме этом, как то утверждала соседская молва и воспоминания Вериной бабки, родившейся в этих стенах еще до коронации Николая-кровавого, бывал известный городской революционер, слесарь с Оружейного Федька Селифанов. Имя это носили улица и кинотеатр в пригороде, а Виктору Ильичу оно более было знакомо по многочисленным архивным протоколам полицейских участков; невоздержан был революционер в матерных словах и житейских радостях. Как опять-таки гласила подкулачная людская молва, в дом этот он приходил с бойкой молодой работницей купца Амвросьева Клашкой, родственницей Вериного деда. Приходил, как и положено подпольному свободолюбцу, заполночь, а уходил с сонной Клашкой чуть свет. Такова вот быль-легенда, хотите верьте, хотите — нет.

♦Посвятив приятеля в предысторию, Витька прямо перешел к делу

после восьмой рюмки кальвадоса. Не может ли ученый архивариус без отрыва от основной деятельности, в порядке личной инициативы, так сказать, просмотреть имеющиеся в его распоряжении материалы на предмет установления на его доме мемориальной таблички: «*В этом доме в 191... году скрывался от преследований полиции профессиональный революционер-большевик Федор Иванович Селифанов. Охраняется государством*».

Далее хозяин намекал, что если материалы в архиве окажутся «лаконичными и скупыми», то он поможет собрать воспоминания очевидцев, той же бабушки супруги. Можно также высказать предположение, что в его погребе, бывшей поддувной яме под кузницей со стенами, выложенными из кирпича, Селифанов со товарищи устроил подпольную типографию. Были высказаны и другие предложения и предположения. Будучи человеком прагматичным, Витька обещал в случае успеха подарить Виктору Ильичу шпагу от парадного эсэсовского мундира и серебряный значок почетного члена национал-социалистической рабочей партии Германии.

Охмелевший Виктор Ильич легко согласился.

Похмельным утром он раскаивался в содеянном, но — назвался груздем, так и полезай в кузов! Кое-что он подобрал в архиве за месяц кропотливой работы, но все более косвенное: дескать, забирали Федьку в участок за дебош в Заречье в районе, где стоял дом приятеля. Были намеки филеров, что где-то в Заречье в заброшенном подсобном помещении при обыске нашли десяток втоптанных в грязь наборных типографских литер. Хиловатый улов!

В свою очередь, Витька официально принес несколько записанных им под диктовку двух бабок и одного деда-долгожителя мемуаров с воспоминаниями о Федоре Иоанновиче.

Заинтересовав распитой бутылочкой коньяка своего коллегу по архивной службе Изьку Антонóвича, Виктор Ильич подал папку с подобранными материалами по инстанции. Самое главное, что этим заинтересовался один из второсортных инструкторов Зареченского райкома комсомола по фамилии Селифанов, утверждавший, что является дальним родственником незабвенного народного героя.

Делу был дан официальный ход, но шло оно ни шатко ни валко; вышестоящие архивные и партийные органы указывали на неполноту материалов. Кстати, родственника героя революции выгнали из рядов и райкома за чрезмерное пьянство в рабочее время; наверное, это было наиболее емкое доказательство родства...

Тем не менее, был дан сигнал из обкома в градостроительные учре-

ждения, и впредь до вынесения резюмирующего решения дом был поставлен на контроль. Табличку так и не повесили, но дом пережил строительный бум, так и стоит теперь, окруженный девятиэтажками, впритык к трамвайному кольцу Зареченского маршрута. А потом наступили перестроечные времена, строить перестали на века и навсегда. Так что и правнуки Витькины будут радоваться прелестям частного домовладения.

Самое обидное, что, кроме той давней яишенки с салом и домашнего кальвадоса, Виктор Ильич поимел полный нуль. Прагматичный домовладелец, убедившись, что дом стоит и год, и другой, дал в качестве аванса приятелю серебряный значок нацистской партии, а шпагу отложил до появления таблички, которой и вовсе не последовало.

Значок же, который он сдуру — похвалиться — принес на работу, кто-то нагло и беспардонно выкрал из ящика его стола. Виктор Ильич крепко подозревал Изьку Антонóвича, тоже страстного коллекционера, особенно вещиц из драгметаллов. К совести его было взывать бесполезно, а официально заявить — прямой путь на беседу в Садовый переулок, то бишь в областное управление КГБ...

Главное же, чем утешал себя альтруистичный Виктор Ильич, человеку добро сделал!

♦Рассматривая трофейные раритеты в квартире Витькиных родителей, Виктор Ильич, как человек рефлектирующий, заинтересовался: а какое число трофеев — по весу, качеству, стоимости, и пр.— разрешалось нашим воинам вывозить из Германии? Архивные и общедоступные литературно-публицистические источники об этом умалчивали. Родственники Виктора Ильича на фронтах не были, так получилось: либо по малолетству, либо, наоборот, по возрасту. Расспрашивать людей малознакомых — так сами знаете, как у нас народ относится к вопросам приобретения *личной* собственности (тогда еще не было собственности *частной*, когда скрывать нечего и не от кого; дескать, наворовано и все!).

Пробовал он искать ответ на заинтересовавший его вопрос в диссидентской литературе, но там нашел только чудовищные домыслы; авторы преимущественно напирали на то, что бедный фюрер стал невинной жертвой кровожадного злодея Сталина. Конкретно же они ничего не могли сказать о трофеях, поскольку, будучи творческими работниками, все их родственники в годы войны находились в Ташкенте, писали книги и снимали фильмы о героической борьбе советского народа с фашистскими оккупантами.

Но Виктор Ильич нутром чувствовал, что была ведь норма вывоза!

Об этом говорило почти полное отсутствие трофеев в квартирах и домах приятелей, отцы-деды которых брали Варшаву, Будапешт, Вену и Берлин, соответствующие медали надевали по праздникам. Об этом кричала напичканная оными квартира Витькиного отца. Наконец, тетка бывшей супруги, спустя почти сорок лет после войны, слала поздравительные открытки из Москвы с рождественскими сюжетами, отпечатанными в Германии начала 40-х годов. Жена смеялась теткиной экономичности, говорила, что они с мужем-полковником вывезли из Германии вагон добра. Муж ее, теперь зам главного инспектора артиллерийских училищ МО СССР, раза два, бывая по делам в местном инженерном артиллерийском училище, гостевал в семье Виктора Ильича, но расспрашивать его лично было неудобно.

Года два Виктор Ильич по крупицам собирал устные и письменные материалы по этому головоломному вопросу; в конце концов пришел к вполне правдоподобному объяснению.

Непонятно, от кого исходило, естественно изустное, указание по нормировке трофеев: от Сталина, Жукова, скорее же всего от Главпура и главного интендантского управления Советской армии. Согласно этому руководящему указанию, солдатам и унтерам разрешалось брать столько, сколько можно было унести на себе. Но нижних чинов полностью обчищали пограничные и тыловые заградительные службы; как правило, на память о войне оставались только солдатские часы швейцарской фирмы «Омега». Кое-кто умудрялся провезти и «Вальтер». Старшим сержантам и старшинам разрешали брать еще и велосипед, а ротным, заслуженным старшинам добавляли приемник; помните известную песню о старшине, который привез из Германии «Телефункен», который слушала вся деревня? Старшины и некоторые сержанты с мордобоем и мелкими взятками прорывались через алчные заградпосты.

Офицеров трогать никто не смел. Младшим, до капитана включительно, разрешали брать достаточно, но транспортировать — кто как сможет. Майорам и подполковникам выделялось купе в поезде или эквивалентный объем в теплушке.

Полковник возвращался на трофейном «оппеле» или «хорьхе», а позади шел набитый под завязку казенный армейский грузовик. Интендантские и энкавэдэшные полковники и генералы везли вагонами, пару трофейных легковушек ставили на платформы или поручали перегон на родину доверенным фронтовым водителям. Заслуженные генералы и маршалы могли везти все, что хотели, в неограниченном числе.

Всем категориям победителей запрещалось брать в качестве трофеев:

немецких Гретхен (даже под видом жен), золото и драгоценности, тяжелое вооружение, нацистские пропагандистские материалы, произведения искусства.

Впрочем, здесь действовал принцип: не пойман — не вор. Вот как раз с произведениями искусства и был связан громкий скандал, когда многие из верхушки пострадали, а впоследствии это дало повод диссидентам и подогреваемой ими народной молве лишний раз обвинить Иосифа Виссарионовича в чудовищной жестокости. Суть дела, как понимал Виктор Ильич, состояла в следующем.

Высшие наши военачальники вошли в Германию овеянные славой, весь мир знал их русские имена. Самостоятельность в завершающих битвах, удаленность от Главпура, НКВД и прочих контролирующих и направляющих жизнь советского человека в предвоенные и военные суровые годы инстанций, гордость победителей врага мирового масштаба придали им понятную, по-человечески объяснимую самонадеянность. Второй момент — из Ташкента, Куйбышева и из Москвы, как только закончились боевые действия, наехали в Германию, Австрию, Венгрию полчища людей искусства, в том числе — все наши знаменитые певицы, танцовщицы, литературная братия. Словом, в оккупационных гарнизонах образовался военно-артистический высший свет. Жизнь брызгала трофейным шампанским и казалась кратковременной сказкой после грязи и тягот величайшей, кровопролитнейшей войны. У многих крепко закружились головы, а ловкие люди подначивали военных героев, ловя момент и делая скорый свой гешефт. Наконец, алчные по своей природе женщины, особенно после военной-то суровости и скудности, как истые слуги дьявола, подвигали генералов и маршалов на неблаговидные поступки.

Старинное воинское право «три дня на разграбление» действует и будет действовать даже в грядущих космических войнах (кстати о космосе; наиболее обделенными в трофейной части в войну оказались моряки; это единственный род войск, где вся добыча исчезает навек. В пучину морскую). Сталин и Жуков хорошо это понимали, поэтому контроль за самодеятельными контрибуциями в первые недели и месяцы после победы, особенно среди высших чинов, был ослаблен. Большее внимание уделялось контролю по линии Главпура. Сталин был человек глубоко грамотный, помнил из истории, как в войну 1812-го года русские офицеры принесли в Россию из Парижа, Вены и других европейских столиц заразу масонства, приведшую к декабристскому возмущению.

А тем временем военачальники, окруженные певицами, танцорами, именитыми литераторами, превзошли все нормы контрибуции. Мало им

(точнее, их женам и их субреткам) было вывезенного в московские квартиры добра и роскошной утвари, тонн мейсенского фарфора, столового серебра,— так подавай им предметы высокого искусства!

Штампованные коврики с лебедями и оленями — солдатам в их хаты и коммуналки, а в генеральские и маршальские квартиры — только рафаэлей и корреджей из Дрезденской галереи.

Вот тут терпение Сталина лопнуло. Было произведено расследование и дознание. На картинах многие погорели из генералитета и их окружения. Только самым прославленным полководцам было даровано прощение, впрочем, не собственно им, а для поддержания международного авторитета страны и армии-победительницы.

Гражданским же прощения не было. Даже такая знаменитость, как легендарная наша певица, обула прославленную ею в песнях обувь и поехала в Сибирь под конвоем. И муж, генерал госбезопасности, ничем помочь не смог.

То-то Виктор Ильич, читая обличения Солженицына и диссидентов рангом поменьше, улавливал этакую недосказанность в отношении «репрессированных незаконно» знаменитостей сразу после окончания войны: и правда им не на руку, и ложь слишком уж грубой будет.

Однако, вернемся к жизнеустроению Виктора Ильича, а то мы все более и более уподобляемся не сочинителям фаустиад, но Лоренсу Стерну, который пятиминутный процесс зачатия своего героя растянул на половину тома, отвлекаясь на ассоциативных моментах.

♦Прежде всего, Виктор Ильич с презрением заставил провалиться сквозь землю разнокалиберное макулатурное барахло в мятых мягких обложках и некогда с великим трудом купленные на букинистических развалах разрозненные томики хрестоматийных классиков. Из прежних книг оставил полсотни любимых и действительно ценных книг, по случаю купленных в разные годы жизни. Оставил хотя и малоценные, просто курьезные издания, но памятные по жизненным событиям. Вот простенькая книжка в картонном переплете, изданная местным издательством по разделу детской и юношеской литературы. Написала эту книжку местная писательница Татьяна Демидовна Каратыгина, кстати, живущая через два дома от Виктора Ильича. Книжка эта имеет надпись на обороте обложки: «Ученику 5-б класса 30-ой средней школы города *Т*. Виктору С., занявшему третье место в школьной выставке детского творчества за макет «Шалаш В. И. Ленина в Разливе». Ст. пионервожатая (подпись) Т. С. Пестун». Подпись для солидности скреплена выцветшей ныне

школьной печатью.

Сколько воспоминаний мигом налетело на Виктора Ильича, взявшего в руки немудреную детскую книжку... Стоп! Стоп! Иначе мы до второго пришествия коммунизма, которое непременно наступит, не сумеем дописать это повествование.

А вот, вроде бы и вовсе неуместный для домашней библиотеки, «Словарь фразеологизмов удмуртского языка». Купил он ее, благо книжка тонкая (удмуртский же язык!) и стоила 38 копеек, в городе Сарапуле на Каме, где два месяца провел на практике после четвертого курса. Какой богатейший архив в старом купеческом городе? А какие изумительные девушки, тоже практикантки из Ижевского мединститута, жили в одном с ним общежитии?

Опять-таки тема отступления на 10—20 страниц... А вот? А вот? «Хватит,— сказал сам себе Виктор Ильич,— иначе до утра буду слезы радости и печали лить; дело не терпит. Час воспоминаний устрою на досуге!»

Далее он освободил от поспешно завешенной коврами самую большую стену комнаты и сплошь покрыл ее — от пола до потолка — застекленными стеллажами красного дерева, какими он многие годы любовался, занимаясь в читальном зале старого здания областной библиотеки имени Владимира — тоже Ильича, что и поныне стоит у стен *Т*-го кремля. Библиотека была открыта еще при самодержавии, так что шкафы-стеллажи, видимо, были срублены местными краснодеревщиками специально для новооткрытого публичного просветительского заведения — слишком ладно они опоясывали три из четырех стен огромного, с высоченными потолками зала. Но вот плотно уставили полки от пола до потолка книги, никогда не выдаваемые читателям ввиду их невостребованности, явно были свезены по разнарядке Наркомпроса сразу же по окончании, впрочем, кратковременных, революционных действий в губернии из уцелевших от народного мстительного сожжения уездных помещичьих усадьб, а также — но чуть позже — собранных в городе из различных присутственных мест, реквизированных в богатых домах при жилищном уплотнении прежних владельцев и пр.

Действительно, стилю изменившейся жизни, всему укладу ее мало соответствовали роскошные издания печати XVIII—XIX веков полных собраний сочинений латинских, французских, немецких и английских классиков, энциклопедические словари, своды актов и законов — и все на языках оригиналов. Собственно, последнее и явилось причиной невостребованности. Вот об этом-то все же стоит поговорить, прервав нена-

долго хронологию жизнеописания нашего героя.

♦Надо заметить, что наглядевшись на эти сокровища, никогда не покидавшие своих шкафов, запертых на замочки тоже ручной работы, во время каникулярных занятий «для души» в читальном зале областной библиотеки, Виктор Ильич на третьем году своего обучения в Архивном институте взял свободную тему курсовой работы по теории и практике языкознания. После многочасовых раздумий тему он сформулировал несколько наукообразно, памятуя, что доцент, ведущий предмет, был потомственный университетский преподаватель Рабинович, потому говорил и думал на языке, который по грамматике был русским, а по словарю — терминологическим. Словом, курсовая работа называлась «*Онтологические и герменевтические аспекты языковедения в многоязычной среде обитания в соотношении сознательное — бессознательное*», а содержание ее, говоря по-русски, сводилось к двум утверждениям: о ненужности изучения иностранных языков в СССР и вообще о вредности двуязычия. Второй тезис Виктор Ильич обосновывал, исходя из работ Сеченова по функциональной организации мозга, а также с интересом прочитанных им специально ряда новейших публикаций отечественных и зарубежных ученых по нейролингвистике.

Увлекшись темой, только дописывая последние страницы трактата, он с ужасом вспомнил как-то мельком произнесенную на лекции фразу Рабиновича: «Интеллигентный человек просто-таки обязан свободно говорить на двух-трех иностранных языках; это — аксиома для советского специалиста и исследователя!»

Как быть? — Но в те времена не черт, а Бог подставлял ладошки оступающемуся юному архивариусу; словом говоря, за неделю до зачета Рабинович из института исчез. Как шептались всезнающие кафедральные секретарши, «исчез по линии Колпачного переулка», то есть получил долгожданную визу на выезд в Израиль на постоянное место жительства.

По этой причине зачет по языкознанию принимал веселый доцент Громобойцев, только-только защитивший докторскую диссертацию, родом из Вологды, так и не отвыкший окать. Понятно, что даже несмышлеными-первокурсники не сомневались: такая одиозная фигура в рафинированно-картавом институте может находиться только по линии КГБ...

На зачете Громобойцев перелистал курсовую работу (понятно, что ему некогда было делать это заранее), доброжелательно посмеиваясь над ее отдельными пассажами, потом секунд тридцать подумал, внимательно изучая нос и уши Виктора Ильича, и объявил рескрипт. Дескать, хоро-

шо, когда студент уже на третьем курсе пробует самостоятельно мыслить, берет свободные темы, а не переписывает слово в слово предисловия к академическим изданиям. Первое положение труда Виктора Ильича он одобрил полностью: «Со смаком написано!» Относительно же экскурса в нейролингвистику и «трехчленную формулу» Сеченова, то здесь доцент-доктор как-то неопределенно прищелкнул пухловатыми пальцами и заметил, что-де это — вопрос спорный, хотя и имеет свою подоплеку. Словом, поставил он зардевшемуся студиозусу четверку («с плюсом, конечно»), а по окончании института одна из всезнающих секретарш, симпатизировавшая Виктору Ильичу как земляку — была он по матери из *Т.*— шепнула, что он был заявлен в списке на распределение в «очень серьезную организацию», но медкомиссия дала не совсем нужное заключение о здоровье выпускника... Виктор Ильич немало этим гордился впоследствии, вспоминая добрым словом здоровяка Громобойцева.

♦Так вот, в первом утверждении той давней своей курсовой работы Виктор Ильич обосновал полную ненужность и даже прямой экономический вред от изучения иностранных языков в СССР.

Выспренным и восторженным языком умного неофита он писал, не оглядываясь на незнакомую ему еще цензуру: «*Мы не склонны особенно задумываться над обыденными вещами, будь то в быту, науке, собственном Я, пока все эти категории характеризуются относительно стабильным развитием. И только надломы, бифуркации и катаклизмы выдвигают на первый план или просто высвечивают это-то самое обыденное, понимаемое ранее как кантовская «вещь в себе»... Вопросы языка и науки о языках — языкознания — имеют выраженный социальный статус. Иногда это выходило даже на государственный, политический уровень. Достаточно напомнить из недавней истории, как яффетическая теория языковеда Марра побудила Иосифа Виссарионовича Сталина написать классическую (в рамках диамата) работу «Марксизм и вопросы языковедения»*.

Исписав в таком темпе и наклонении с десяток страниц курсовой работы, юный архивист уже совсем было приготовился взять быка за рога, то есть перейти вплотную к означенной теме работы, то есть «*выявить на уровне соотношения «сознание — бессознательное» зависимость качества мышления человека от параметра «дву- и многоязычия». А проще говоря — вред или пользу приносит человеку на уровнях сомы и сознания его многоязычие...*»

Однако в этот момент с соседнего столика (писал он в читальном

зале библиотеки им. Некрасова, которую более всего из московских хранилищ разума любил) донеслось юное и отчаянное восклицание: «Да кому же этот чертов инглиш нужен!»

И спугнутая в философско-лингвистическом полете мысль Виктора Ильича мигом снизилась, упала до грешной земли. Действительно, подумалось ему, зачем среднестатистическому советскому человеку знание даже хотя бы одного — немецкого или английского — иностранного языка? Он сразу вспомнил свои упражнения в иностранном в школе. Как он не любил именно эти уроки в своей «французско-специализированной»? Так же мучались все его друзья-приятели. Вспомнились и унылые лица ассистентов-аспирантов даже привилегированного Архивного института, мающихся перед дверью аудитории, где им предстояло сдавать кандидатский минимум на знание иностранного. Вообще говоря, Виктор Ильич пришел — здесь же, в читальном зале Некрасовской — к выводу, что во всей огромной нашей стране абсолютно все, включая преподавателей иностранных языков, относятся к их изучению с полнейшим отвращением, воспринимая этот процесс как некое неизбежное наказание, через которое, тем не менее, необходимо пройти, чтобы получить в дальнейшем возможность заниматься полезным, интересным, нужным стране и человечеству делом.

Придя к такому ошеломляющему выводу, юный архивист решил предпослать основной теме курсовой работы свои изыски по конкретному ее приложению: практике изучения иностранных языков в современном СССР. Виктор Ильич рассуждал в следующем ключе.

В существующей социально-экономической структуре, то есть в социуме СССР, действительное знание иностранного языка требовалось только как профессиональное, более того — узкопрофессиональное: дипломатам, разведчикам, переводчикам, а также преподавателям иностранного языка, обучающим этих самых разведчиков-дипломатов. За пределами этого небольшого круга (самую большую группу — школьных «немок» и «англичанок» — трудно заподозрить в реальном двуязычии) знание иностранного языка в социально, экономически и политически стабильном обществе практически не требовалось.

Действительно, в автаркическом, то есть самодостаточном советском государстве разговорный иностранный язык не нужен, ибо общение с иностранцами сведено к минимуму. Крайне малое число иностранцев находится в стране, да и те с народом не общаются, замыкаясь в своих посольских квартирах, невелик и поток выезжающих в другие страны: массовые турпоездки в Болгарию и Венгрию не в счет. Тамошних

приучили говорить по-русски. Сверхдержава ведь!

Язык «слушателя» у нас также не востребован, ибо для потенциальных слушателей — диссидентствующей интеллигенции и просто любопытных — противостоящая сторона в лице «Голоса Америки», «Дойче Велле» и «Радио свободы» взяла на себя все расходы по подаче негативной информации об СССР и других соцстранах и позитивной о Западе на русском языке. Также и нелегальные брошюрки издаются на средства ЦРУ и Моссада. Негативная же информация о Западе и позитивная о СССР этих слушателей не интересует.

Что касается языка слушателя-зрителя (телевидение, театр, кино), то в этой сфере также обеспечивается квалифицированный перевод или санкционированная недоступность — когда надо для пользы людей же.

Основным аргументом официальной доктрины поддержки и необходимости изучения иностранных языков в обязательном порядке в школе и вузе является утверждение о необходимости языка читателя. Однако в действительности это не выдерживает никакой критики.

Язык читателя охватывает укрупненно три сферы: газетную, литературно-художественную и отраслевую, то есть научную, техническую и пр. Газетно-журнальная продукция в стране на иностранных языках крайне ограничена в номенклатуре, а потому по своей направленности не интересует диссидентствующую интеллигенцию.

Художественная литература — классическая и современная — в полном объеме обеспечивается высококлассными переводами, причем из литературы современной переводится почти все, отмеченное художественным вкусом. Поток же низкопробной писанины сдерживается на государственном уровне Минкультом и Главлитом. Кроме того, высокохудожественная классическая и современная литература на русском языке является доминирующей в читательском спросе.

Относительно отраслевой литературы можно утверждать следующее. Характерная для СССР высокоразвитая наука, техника, технологии со всяким их оборудованием и так далее в полном охвате всех отраслей на 70...80 % обеспечивают потребность пользователей в соответствующей литературе на русском языке. Оставшиеся 30...20 % потребности обеспечиваются большим объемом централизованно переводимой литературы.

Для оперативного пользования иностранной журнальной литературой на всех предприятиях, вузах, научных организациях функционирует разветвленная сеть служб срочного перевода. Учитывая, что практически вся зарубежная научно-техническая информация публикуется на американском сленге английского языка, крайне примитивном по грамматике, а

по словарю ненамного превосходящем язык Эллочки Людоедки, то практически любой, квалифицированный в своей области знания, научный работник и инженер могут понять смысл текста, не зная языка, но обладая терминологическим и общелексическим минимумом примерно в 500 слов.

Таким образом, делал вывод Виктор Ильич, для экономически высокоразвитой автаркии СССР нет стимула и необходимости сколь-либо массового знания иностранного языка. Кроме того, поскольку русский язык является языком межнационального общения, то не возникает и вопроса в части изучения и знания национальных языков русскими, проживающими в союзных и автономных республиках, особенно учитывая тот факт, что в многочисленных автономиях население с родным русским языком составляет большинство, часто и вовсе преобладающее, а в союзных республиках оно составляет либо большинство, либо же проживает компактно.

В соответствии с таким реальным положением, тенденции в массовом изучении иностранных языков прослеживаются следующие.

Официальной педагогической и научно-образовательной доктриной считается обязательным изучение языка как необходимого элемента образования, культуры, научного обихода и пр. Реальный практический, но «неписаный» довод в пользу изучения языка, прекрасно понимая его невостребованность, зиждется на общеполезной тренировке памяти и развитии логики мышления. Наконец, для ученых и специалистов реальная польза представляется как умение «просматривать» иностранную литературу по своей отрасли знания на уровне понимания заглавий и смысла текста, поясненного чертежами, формулами и графиками, а также как адаптация к научной и технической терминологии.

Исходя из названных тенденций, и строится реальная — не декларируемая! — система массового преподавания иностранных языков: в школе, в вузах, при подготовке и сдаче кандидатских экзаменов и пр. То есть здесь не надо ломать копья, обвиняя пресловутую «систему». Все дело в реальном понимании отнюдь не глупых людей сложившейся ситуации. Как это выглядит на практике — все хорошо знают. Вот типичный пример.

Преподавание в школе, а в основе своей — и в неспециализированных вузах — немецкого языка базируется на изучении словарного запаса, лексики и грамматики классического языка Гёте и Шиллера, то есть средневерхненемецкого наречия начала XIX века. На таком языке во второй половине нынешнего века говорит только одна группа этнических немцев, а именно — поволжские немцы, переселенные во время войны на восток страны.

На таком языке, почти архетипе, печатается известная всем школьникам казахская газета «*Neues Leben*». В то же время «живой» немецкий язык в ФРГ, Австрии и Швейцарии (в меньшей степени — в ГДР), ввиду усиленной американизации последних, отличается по словарю от изучаемого у нас в такой же степени, как современный русский даже не от языка XVIII века, а от языка Киевской Руси.

Вот такова была суть изложенного Виктором Ильичом в первой части его трактата, что весьма понравилось кагэбэшному доценту Громобойцеву. Более того, разошедшийся архивный студент для логического сравнения описал и прямо-таки противоположную ситуацию в зависимых, колониальных и полуколониальных странах (Эх, Виктор да еще и Ильич! Как в воду глядел, провидец. Эту ситуацию мы сейчас наяву на себе почувствовали...).

♦Так и стояли в дубовых шкафах невостребованные советскими людьми уникальные шедевры европейской мысли, типографского и переплетного искусства, радуя глаз и душу всех посетителей: от работяги-заочника до фанатиков-библиоманов.

Однако уже по окончании Виктором Ильичом Архивного института и началом его службы в *Т*-ом архиве, областная библиотека переехала в новое здание, специально построенное для нее в центре города — не в историческом центре, но в деловом. Было в ней уже несколько обширных читальных залов, но, увы, старинные шкафы с золочеными книгами в них не наблюдались. Лишь впоследствии Виктор Ильич обнаружил эти чуда краснодеревного мастерства в полуслужебном помещении, где иногда устраивали показ вновь поступившей в библиотеку литературы. Но большей части книг в шкафах не было. Смутно поговаривали, что-де складированы они в хранилище полуподвала. Однако немного позже, когда наш герой уже странствовал по свету, на дворе наступили времена начальной эпохи приобретательства и украшательства личной жизни, что впоследствии, развившись, и погубило страну. Возможно, уже тогда роскошные кожаные с золотом переплеты прельстили кой-кого из власть, а скорее всего деньги, имущих...

♦Возобновленные в своей квартире дубовые шкафы-стеллажи Виктор Ильич с упоением заполнял раритетнейшими изданиями всю ночь, сам лежа на диване, попивая ранее нелюбимую «арабику» сорта люкс, перемежая ее индийским чаем, покуривая драгоценную «гавану».

Быть может, для читателя наших дней не покажется чем-то сверхъ-

естественным книжный выбор архивариуса в отставке. Сейчас только имей в кармане пачку крупных купюр — заходи в книжный магазин и покупай все: от Фрейда с Шопенгауэром до астрально-магической макулатуры и иллюстрированной истории проституции. Кому что нравится. Но тогда на дворе дома Виктора Ильича стояло лето восемьдесят второго; с агитационных плакатов, украшавших скверы и площади города, поощрительно взирал на советских граждан Леонид — опять-таки Ильич, назидательно распушив свои знаменитые брови. Не ведал выдающийся генсек, что всего лишь ква́ртал с небольшим отпустила ему судьба до того памятного, осенне-промозглого траурного 10-го ноября...

Уже поднявшие голову агенты влияния, готовя контрреволюцию, все благие начинания и дела нарочно сводили к абсурду, в том числе и в книгопечатании. С трудом довели до конца 200-томную Библиотеку всемирной литературы. Еще раньше Фурцева несколько лет держала у себя гранки тома Рабле, размышляла: издавать или не издавать. Тормозили издание тридцатитомника Достоевского отечественные, пока еще тайные, сионисты, все пытаясь изъять из него наиболее острые главы «Дневника писателя». И прочая, и прочая. Так что подборка, сделанная в ту ночь Виктором Ильичом, была истинной усладой книголюба.

Дымящаяся сигара, прекрасный, кирпичного оттенка чай, настоящий «Южный Кюрасао» в крохотной рюмке-наперстке. И книги...

♦Виктор Ильич формировал библиотеку фолиантами, томами и с виду невзрачными раритетами, виденными в крупнейших столичных библиотеках, частных собраниях, в которых приходилось интересоваться редкими изданиями по долгу архивной службы, а также просто бывшими на слуху в кругах библиофилов и библиоманов.

Господи! С юношеских лет он продумал, постоянно отбирая и пополняя мысленные полки, состав своей замечательной библиотеки.

К утру следующего дня он рухнул без сил и заснул сном Стаханова, совершившего свой знаменитый подвиг труда. Вся же стена-стеллаж заполнилась почти двумя тысячами (больше площадь стены при средней толщине 3 сантиметра книги не позволила) сокровенных томов: избранных писаний всех времен и народов. Самую верхнюю полку заполнили раззолоченные книги, так бесследно исчезнувшие при переезде областной библиотеки им. В. И. Ленина в новое здание; точнее говоря, зная французский, Виктор Ильич позаимствовал самую малость: знаменитую многотомную Энциклопедию Дидро и не менее известный словарь Ларусс. Поскольку осталось свободной четверть метра полочного про-

странства, то, поколебавшись слегка, Виктор Ильич вставил туда краткий вариант Британской энциклопедии, хотя английский язык был для него малопонятен. Британику же он вспомнил по одному памятному, хотя и несколько обидному для него случаю.

Как-то, будучи по архивным делам в столице и скоро выполнив предписанное командировочным заданием, забежал в пару попутных гастрономов, затарился полукопченой «армавирской» и другими столичными деликатесами, а оставшиеся до электрички полтора часа посвятил душе, то есть подышал застарело-кремовым ароматом знаменитейших букинистических магазинов в центре. Уже под самый конец пробежки заскочил в букмаг в Столешниковом. Там он и узрел разрозненный том Британики, попросил посмотреть. Матерый продавец, явно не с фамилией Иванов, с подозрением осмотрел кроличью шапку (дело было зимой, а редкостное издание тянуло на три сотни полновесных советских...) и нехотя подал с полки книгу несерьезному клиенту в демисезонном пальто. Только-только Виктор Ильич бережно раскрыл тяжелый том и успел оценить качество плотной, с сиреневым оттенком бумаги, четкость печати — продавец не отходил и держал свои руки на прилавке в десяти сантиметрах от книги,— как хлопнула входная дверь, и вбежал некто в шубе драгоценного сибирского меха, от порога закричавший: «Соломон! Разве мы с тобой когда ссорились?..»

Из последовавшей скоротечной перепалки, Виктор Ильич уяснил, что гражданину в шубе только что позвонил некто Марк Борисович и сообщил, что у Соломона уже третий день стоит — у всех на виду(?!) — нужный ему том Британики, а сам Соломон даже позвонить не соизволил... и т.п. Соломон оправдывался свадьбой внучки, тут же вырвал из рук Виктора Ильича том и вручил вмиг заулыбавшемуся приятелю. Даже не взглянув, он уложил книгу в разбухший портфель, вытащил бумажник, отсчитал кучку четвертных... Дальнейшего Виктор Ильич не видел, ибо, как побитая собака, побрел к выходу.

На вторую сверху полку он установил наиболее знаменитые историоописания Земли и населяющих ее народов; здесь были многотомные творения Галла Анонима, Фукидида и др.; редкая «История Петра I и Екатерины II» Брикнера, Бенеровы «Иезуиты», обширные истории России Татищева, Карамзина, Ключевского и Соловьева; Вазариевы «Жизнеописания» и семь томов творений Блаженного Августина, давно и тщетно разыскиваемый Виктором Ильичом «Аполлон и Дионис» Викентия Викентиевича Вересаева.

Остальные полки Виктор Ильич заполнял, уже не особо придержи-

ваясь строгой систематики, хотя и был — по образованию и роду деятельности — практическим знатоком библиотечной классификации.

Туманная книга «О вырождении» сиониста Макса Нордау соседствовала с томом религиозно-философских проповедей Ньюмена. В различном сочетании стояли: собрания сочинений Теодора Адорно, «Жизнь Магомета» Ганье, роскошное издание «Дневников» Гонкуров, томики приятных итальянцев (хотя Стендаль и говорил, что все итальянцы певцы и предатели): Кардуччи, Ада Негри и Альфиери; мистический Мейстер Экгарт и «Жизнь св. Франциска» святого же Бонавентуры, мудрые Упанишады и прелюбопытная книжка с длинным названием: «26 Московских лже-пророков, лже-юродивых, дур и дураков» издания середины прошлого века.

Значились и «Психологические типы» Карла Густава Юнга — книга удивительная по своему проникновению в душу человека, исторические романы Георга Эберса, Мусагетовского и Грифовского изданий томики и тома русских символистов: Эллиса, Бальмонта, Брюсова, Белого..., четыре драгоценных тома Шопенгауэровых догадок о сущности мира как воли и представления и книги о самом загадочном философе из Франкфурта пера Куно Фишера, Церетелева и Фолькельта; многотомные «Жизни Христа» Штрауса и Ренана, «Философия будущего» Освальда Шпенглера и его же «Закат Европы», пессимистические рассуждения Льва Шестова — в миру Льва Исааковича Шварцмана. Кстати говоря, со Шпенглером Виктор Ильич из простого раритета сделал раритет уникальный; дело в том, что из двухтомного «Заката Европы» на русский язык перевели только первый, а Виктор Ильич «заказал» и второй том на великорусском...

Полнились, уходили ввысь под потолок тома, томики, брошюры, собрания сочинений с тисненными золотом знаменитейшими именами: Цицерон и оба Цвейга, Велимир Хлебников и Хюбшер, отец Флоренский и Философов, Фрэзер и Фрейд, Таулер и Лев Толстой в девяноста томах, Генри Торо и легкомысленный Понсон дю Террайль, Сюлли-Прюдом, Савинков, Стробон, Василий Васильевич Розанов, Константин Победоносцев, Пастернак — естественно, с Цветаевой, Плутарх с Плинием младшим, Пруст, Платон, Пильняк, мудрый и несчастный Ницше, жутковатый Новалис, Надсон, Монтень, Волошин, Стефан Малларме, Мирский и Мережковский, Мишле и Мирра Лохвицкая, Тит Ливий, Ломброзо, Ксенофонт и Каутский, Крестовский и Джованни Джакомо Казанова, Клюев, Кьеркегор, Томас Карлейль, Кропоткин с Прудоном, йоговские руководства и философии, Вашингтон Ирвинг, Эжен Ионеско,

Вяч. Иванов, Кафка и Камю, Забелин, Еврипид, Дос Пассос, Дрюон — член компартии Франции, Демосфен, Джемс и Джойс, Кнут Гамсун, Гумилев-отец и только начавшийся издаваться Гумилев-сын, создатель науки этнологии, Гиппиус, Эдуард Гартман и Эдмунд Гуссерль, Виндельбанд, Виньи, «Атлантический кодекс» Леонардо да Винчи, Поль Валери и Верлен, Ведекинд, все три знаменитых Булгакова, Бердяев, Арцыбашев и Габриель д'Аннуцио, Гиббон... На этом имени Виктор Ильич горестно вздохнул; лет пять тому назад он купил с рук у известного местного книголюба Филипенко один из девяти томов «Истории расцвета, упадка и гибели Римской империи», отдав за него половину месячного жалованья...

Рука устает перечислять на бумаге знаменитые имена; каково же было Виктору Ильичу любовно расставлять их по полкам, пусть даже не руками, а движением мысли? Это было огромное богатство законсервированного интеллекта человечества.

Сладко спал их обладатель, а проснулся в полдень совершенно счастливый.

♦С этого полудня началось блаженство Виктора Ильича: доселе недоступные сокровища мысли, смелой, дерзкой, порой заблуждающейся, волевой, проницательной, раскованной от пут догматизма и канонических установлений, открылся перед ним.

Господи! Какое это было наслаждение — и во сне никогда не виданное счастье глубокого интеллектуального познания, где труд ума есть отдых и нирвана души, истинное, привольное гурманство разума. Всему дивилась переполненная восторгом узнавания, всегда тянувшаяся к смелому, новому, припрятанному осторожными, власть имущими людьми эта душа, сокрытая под сухой и невзрачной личиной ныне отставного архивиста. Он как изысканный ужин переваривал известное ранее лишь по глупым критикам, смутным отзывам, общипанным цитатам и редко сохранившимся, полузабытым пересказам интеллигентных старичков (этому пищеварению изрядно способствовали тишина, покойное кресло и терпкий чудо-дым свернутой на шоколадном бедре мулатки сигары «Большая корона»... о, кванте наме-е-е-ро!), а ныне похеренное в горах идеологически выдержанной мутоты, доцентских компиляций. А если что и прорывалось через тысячу барьеров в планах книжных издательств, то гибло в наглухо замкнутых шкафах нового зловредного племени неграмотных книгособирателей и профессиональных перекупщиков.

Яркий, живой мир тысячелетних человеческих исканий, заблуждений

и гениальных догадок проходил мимо, а отзвуки той мучительной и сладостной, долгой и терпеливой борьбы человека за знание и познание плотно теснились в переполненной душе Виктора Ильича...

♦ — Торжественно и гневно плыл Одиссей, томимый любовью и местью хитроумный царь Итаки, податель мудрости вождю Агамемнону. Из неведомой дикости выплывал Улисс в русло Гомеровой поэмы и выплыл через тысячелетия в Дублинскую бухту: к фениям Ирландии, в духовные отцы Телемака-Дедалуса Стивена...

Смотрел Стивен в дробящийся и ломающийся на куски — на каждый кусок смотрел со своей позиции местоположения — мир. И мир представал тем же неизведанным и неисчерпаемым, загадочным и родным, как представал Эгейский мир теплых, виннопрекрасных вод Одиссею, прогневившему своей удачей богов Эллады. И так же богами наказанный царь Коринфа, злосчастный Сизиф вкатывал и вкатывал бесконечно свой камень, а тот вновь скатывался вспять, под гору. Катил он его через века и тысячелетия — прямо в наше время и вкатил в горькие, но и утешительные именно своей горечью строк страницы трактата Альбера Камю, где только сизифов труд побеждает чуму отчуждения; объединяясь, он обретает единство, своего рода интеллектуальную унитарность со всем человеческим миром...

Санин и рабочий Шегулев жили своими законами не по арцыбашевской прихоти, а по закону Человека: и гадкого, и великого, и такого обнаженного, голенького, такого неисчерпаемого — будь он изобретателем интегрального исчисления или последней нищенкой в вогульской лесной деревушке.

За человека, за его душу вступали в бой Достоевский и Ницше, Толстой и Шопенгауэр, Фрейд и Павлов. Из подполья вышел, робея и торжествуя, Мир человека с комплексом сумасшедшего провидца, на грани безумия и реальности познающий в миг эпилептического припадка высшее понимание сути бытия. Совсем уже больной Ницше в малые минуты ясной работы истерзанного ума исписывал проникновенными афоризмами книги откровений; когда не может человек лгать и насиловать себя, свои ум и совесть, так это — в минуты ясной и болезненной откровенности.

А тот, бородатый провидец, создавал во вторую половину своей жизни каноны новой религии нравственного усовершенствования: никто не поможет человеку, кроме как сам *Человек*. Путь же от человека к *Человеку* — только через самопознание: от ведических заповедей до гениальных

обобщений... все вертится-наворачивается в этой дьявольской вертушке, что есть Мир, а в центре его — *Человек*, как Солнце у Коперника. И вечно дьявол побуждает Фауста к обходному пути познания...

♦На этих строках всегда огорчался Виктор Ильич, думал: почему же обходной? Скорый — да, но ведь жизнь земная коротка, а про другую мне неведомо, так почему же обходной? Ведь сильная личность идет прямо: Цезарь и Наполеон, Христос и Магомет.

Но ты-то разве сильная личность? Сильная личность — твой начальник, что на пути к власти над Архивом расталкивал в душном канцелярском мирке мошек, ему мешающих, локтями, давил ногами, сплющивал своей многопудовой тушей... Моя сила — логически организованный ум, развитый интеллект!

— Но куда делся он, твой организованный интеллект в те три дня безобразной, разнузданной оргии обжорства и мщения?

— То был выход затаенного мщения, моя акклиматизация в новом качестве человека свободного, вольного.

— Хороша же твоя свобода и воля, если достигается она унижением пусть и мерзавцев, но ведь людей! Ты же читаешь Толстого и плачешь слезами восторга в том месте, где описывается твой идеал: человек, как воплощенное человеколюбие. Почему же ты не только другую щеку не подставил, но сам в отместку хлестать начал по мордасам; последнюю рубашку не отдал, а нажрался и облевался как голодная собака, дорвавшаяся до кучи колбасных обрезков?

Ты — человек развитого интеллекта, молчи и не возражай. Мне лучше судить о вашей природе; всю свою бесконечную жизнь тем и занимаюсь, что души ваши покупаю за холодильник, набитый спецпайковой жратвой, за породистую сиськастую б... и сладострастное ничегоделанье — почитывание умных книжек тоже.

— Но ведь это есть познание, а за саму возможность познавать и душу заложить не жалко. И... слушай, рогатая, копытная бестия, что это ты меня увещеваешь? Ты что — из профкома или Армии спасения? Что ты меня нравственной жизни учишь... сам приперся из своей кочегарки, окрутил, а теперь проповеди читаешь? Или по совместительству на полставки агитпропом занимаешься? А может, ха-ха-ха! — тоже толстовец? Своего рода учение о непротивлении злу в адской интерпретации; иди, иди, черномазая бестия, к своим сковородкам, жарь на машинном масле грешников перед Богом-отцом и начальником-бюрократом, корми их, извивающихся, сладкими пряниками моральных рассуждений, а меня не

тронь до поры оговоренной! Сдохну — тогда делай что хочешь с моей мумией, а пока — брысь!

Здесь рогатый собеседник выпрыгнул, как крутой коп из голливудского боевика, в окно, а Виктор Ильич, раздосадованный ненужным визитом, сердито размышлял:

— Верно говорится, что дьявол многолик. С-сукин сын! Наверное, для материалиста трудно себе представить, что тот и этот миры сообщаются друг с другом более тесно, нежели можно предположить, а человек где-то посередине, как в тисках: от одного уйдешь, так обязательно к другому, отнюдь не лучшему, попадешь... То-то заметил: как на службе восемь часов маешься, так на улице рай, а не погода. А как в половине шестого из Архива выйдешь, так минута в минуту ливень вдарит, а потом дождик противный зарядит моросить до ночи; то же самое — в выходные и праздники, правда, за исключением революционных; наверное, в 17-м году троцкисты-большевики, имевшие прямое сообщение с нечистой силой, обговорили это условие в качестве одного из пунктов платы за разрушение последнего оплота православного христианства... А так получается, что земная администрация тоже заключила договор с потусторонними силами, чтобы человеку как можно больше досаждать!

Так или почти так прожил, а точнее говоря — прочитал и проразмышлял, Виктор Ильич ровно год астрономического времени. Нелли с трудом добивалась встречи раз в месяц. Для сообщения с родителями «установил» себе и им телефон.

Глава пятая

По прошествии указанного времени мы видим нашего героя с рассеянным, блуждающим взором, бледного от жизни взаперти, в добровольном плену у книг. Далеко не одну ночь провел он в дискуссиях с рогатым посланцем ада, а наутро, сбитый с панталыку хитросплетениями каких-то странных доводов дьявола, он лихорадочно рылся в книгах, уже не аккуратно возвращая их на свое место на полках, а десятками сбрасывая раскрытые тома на пол, на стол, вешая, дабы не потерять нужную страницу, на спинку и подлокотник кресла и стульев. Казалось, он находил-таки нужный и неотразимый довод, но в следующую ночь малоприятного свидания опять его побеждало исчадие адского пламени...

Бедный, бедный Виктор Ильич! Он вовсе забыл золотое правило: многая пища духовная так же пресыщает, как и пища телесная. И как

его некогда стошнило за дико-изобильно сервированным столом, так и тут наступил кризис: он почувствовал духовную тошноту, пресыщенный самыми великолепными и филигранно отточенными теориями. Он почувствовал... скуку и, как некогда Онегин, забросил свои драгоценные книги. А вся-то причина в том, что лучше было думать самому, не полагаясь всецело в отыскании смысла бытия на книги, даже самые откровенные. Читать следует лишь тогда, когда заканчиваются свои мысли*, но беда пресыщения и даже прямого отвращения к предмету занятия и увлечения поджидает того, кто многого ждет от книг, например, не тренируя постоянно ленивую свою мысль.

То, что раньше виделось украшением, мечтой всей жизни, теперь оборотнем превратилось в кучу напичканной диковатыми суждениями разных чудаков целлюлозы, дерматина, пластика и кожи; последнее — для старойзданных книг. Бедный Виктор Ильич и бедные его сокровища!

В один распрекрасный день тоска вовсе объяла его. Не в силах более лицезреть на своих годовых мучителей, Виктор Ильич поменял шелковый халат на гражданскую одежду и вышел из квартиры, замкнув ее на ключ, с намерением более туда не возвращаться.

Солнце приняло его на выходе из подъезда в свои теплые, ласковые объятия. Он почувствовал, что счастлив, что мир манящ, таинственен и бесконечен, а главное — доступен его взору. Он решил путешествовать, пошел по классическому пути всех доселе известных фаустов и фаустусов. По пути зашел в лучшую городскую салон-парикмахерскую и постригся. Стало еще легче и приятнее на душе.

♦Уже по опыту зная, что все, слишком легко дающееся и удающееся, приносит не удовлетворение, но скуку и разочарование, Виктор Ильич не воспользовался мгновенным переносом своего тела в замысленное место планеты, а решил полностью проделать путь, претерпевая обычные для путешественников невзгоды, томления и случайные радости дороги — дороги дальней.

Грех было после годичного телесного комфорта втискиваться в душный трамвай или садиться в пахнущее бензином и дерматином внутренней обивки такси, потому он пошел своим ходом, но налегке: в одной руке плащик, в другой — легкая японская дипломатка. Пошел на вокзал. Прекраснейшая из погод ласкала все члены расслабившегося в покойном кресле тела; свежайшее теплое начало дня только к путешествию и манило.

---

* Трансформированная цитата из «Круга чтения» Льва Толстого.

— Оптимизм есть утреннее состояние здорового человека! — подумал Виктор Ильич, а сердце забилось радостно, счастливо, как то поется в песне. Шел и думал: он свободен, отменно здоров, его манят и заманили уже дальние дали. Все окрест в этот миг радовало, каждую мелочь окружающего отмечал его истощенный книгами ум, а между тем город просыпался для буднего дня, проявляя жизнь во всем: в переполненных веселыми утренними людьми трамваях, автобусах, троллейбусах и ведомственных «коробочках», в спешащем с «тормозками» в газетной бумаге служилом люде, в женщинах-хлопотуньях с пустыми еще сумками, авоськами, полиэтиленовыми пакетами с надписью «*Техтекстильмаш-83*», «*200 лет США*», «*Станки и оборудование ФРГ*». В обед побегут покупать всякую всячину: макароны и селедку, упакованных датских пулярок, венгерские ранние яблоки и калифорнийские лимоны, забракованные на родине, свежие капустные кочаны и суповые наборы, рулет из хека и снеток в томате, польские «травяные» яйца и конфеты «Птичье молоко» местной фабрики и прочее, прочее...

Радовали взор сонные от такой короткой летней ночи девушки: умытые, причесанные, тоненькие, кокетливые. Даже в хмурых, не выспавшихся парнях ощущались разгорающиеся порывы грядущего трудового безумия, что нес с собою будний день,— до вечера, до приятной прохлады, когда этот же народ покинет фабрики и заводы, конторы и больницы, райпотребсоюзы и гороно, магазины, райкомы и приятно-расслабленно, слегка устало, но довольно, облегченно и уже медленно, спокойно пойдет заниматься кто чем хочет и может.

♦Почти час он шел до вокзала и наблюдал в картине начинающегося делового дня много любопытного для ума воспринимающего и анализирующего. Крупные девки молочно-восковой спелости выкатывали на бойкие перекрестки лотки с зеленью. Разгружались на заводских остановках трамваи; усиленно повалил дым из фабричных труб. Из третьей городской поликлиники высыпала гурьба толстеньких молодых девиц; они хихикали и нарочито, лукаво поглядывая на проходящих парней, выставляли напоказ обнаженные летними безрукавными кофточками руки; у всех на синих жилках вен локтевого сгиба желтели свежие йодовые пятна замазанного укола вассермановской пробы.— Ясно, поварихи на медосмотр ходили.

Виктор Ильич шел и задыхался от чувства великой любви и нежности ко всему человечеству — тоже утреннее свойство утонченной нервической натуры.

Несколько разгорячившись и даже разволновавшись, наш путешественник дошел-таки до вокзала, узнал из расписания, что ближайшая электричка идет через полтора часа, побродил по перрону, остывая. В который-то раз за свою жизнь прочитал на мраморной табличке, что именно здесь в таком-то году Лев Толстой встречал с поезда Тургенева. Почувствовав легкий здоровый голод, вошел в вокзальный ресторан. Попутно, отдавая швейцару плащ и дипломат, отметил через оставшуюся открытой входную из зала ожидания дверь, как девушка лет двадцати с небольшим, тоненькая и явно голодная — так читалось на ее лице с большими темными глазами — почти с мукой и не очень тщательно скрываемой завистью проводила его взглядом. Ей, бедной, очень хотелось есть, ей надоело, голодной, томиться на деревянной, знаменитой эмпээсовской скамье (буфет с ночи еще не открывался), но в ресторан, имея малые рубли, зайти робела даже в мыслях. Эти огромные глаза, робость, ухоженное личико и приятно подобранный тон одежды, помады и цвет волос тронули сердце чувствительного и, что греха таить, особенно после добровольного годичного монашества (с редкими визитами Нелли) женолюбивого Виктора Ильича.

— При таком тщательном воспитании и огурца стесняться будешь!...— пробормотал он, почувствовав что-то похожее на ненависть к добродетельной сверх всякой меры мамаше несчастной девушке,— сама, небось, и посейчас рога мужику наставляет, правда, солидно, шито-крыто, да не с шушерой всякой, а с начальником своей конторы, плотным шестидесятилетним селадоном, любителем солидных дам второй молодости (юные девушки на таких только за материальные блага скидываются, а они скуповаты...), а бедную девушку пилит, когда та после десяти вечера домой приходит. Мещане махровые! — Как банное полотенце...

Швейцар же, услышав бормотание приличного посетителя в ладно сшитой летней паре, с дипломатом, сверкающим лаком настоящей кожи и инкрустацией «под серебро» накладок замка и ручки, понял невнятные слова по-своему и, надеясь, как минимум, на полтинник «за услугу», тотчас сбросил утреннюю сонную одурь, живо наклонился, принимая плащ и поклажу гостя, неведомо откуда взявшейся в его руках щеткой легонько взмахнул у плеч и рукавов светлого пиджака, интригующим полушепотом сообщил, что-де пиво-с свежайшее — «двойное золотое», только что завезли — первая партия на новом пивзаводе и прямо-с к нам! Тонко размышлявшего Виктора Ильича несколько неприятно отвлекли эти прозаические слова, но, будучи по природе человеком добрым и благородным, а

также зная своеобразный нрав городских швейцаров и гардеробщиков брать чаевые вперед — при входе, равно, как и в мастерских службы быта, он вынул бумажник, не глядя, нащупал первую попавшуюся купюру и выдал труженику ресторанной двери... четвертной. Швейцар на миг остолбенел, потом инстинктивно поднял бумажку, держа обеими руками, как бы проверяя ее подлинность на свет, тут же спохватившись и бормоча слова признательности, кланяясь беспрерывно, на почтительно согнутых ногах мелким бесом побежал вослед неторопливо шагающему Виктору Ильичу, быстро-быстро шаркая давешней щеткой по спине пиджака его, стряхивая невидимые глазу пылинки.

Виктор же Ильич прошел в высокий, двусветный ресторанный зал вокзала столетней, основательной постройки; когда-то вокзалы были лицом, но не изнанкой городов.

♦Проходя к свободному столику, Виктор Ильич чуть усмехнулся по поводу инстинктивной реакции швейцара. Вспомнил, как лет пять тому назад судьба командированного занесла его в вовсе небольшой подмосковный городок, где в каком-то монастырском строении хранились в запаснике не разобранные второсортные архивные материалы крупного столичного историко-литературного научного института.

Будучи, в силу профессии, нудным классификатором всего и всея, Виктор Ильич во время своих частых командировок в подмосковные города и городки, где были разбросаны запасники столичных архивов, очевидно, ввиду нехватки площадей этих архивов, располагавшихся преимущественно в старинных особняках, давно заметил, что очень четко разделяются городки южнее и севернее Москвы. Особенно в зимнее время.

Городки «южные» как-то уютнее, многолюднее, ярко освещены, даже в сильные морозы в них не мерзнешь, главное,— отсутствует пробирающая до костей вечерняя сырость воздуха. Проходящие через них электрички на Москву плотно заполняются на следующих друг за другом вдоль железной дороги городских станциях шумным, веселым, знакомым друг другу народом, азартно изучающим содержание последних номеров «Литературной газеты» и «Комсомольской правды». Оно и понятно; в этих городках так называемыми градообразующими предприятиями по преимуществу являются закрытые НИИ серьезного военного назначения, где работают научными сотрудниками жители столицы, в которой, несмотря на гигантское обилие таких же НИИ, всё равно не хватает рабочих мест для неимоверно расплодившихся людей науки...

Городки севернее Москвы, исключая лишь некоторые «наукограды»

типа Фрязино, Калининграда Московского (станция Подлипки), Зеленограда, совершенно иного рода. Стоят они на юру, в них всегда холодно, а в зимний ранний вечер, часов этак в пять-шесть, в сизом воздухе повисает пронизывающая живой организм сырость. Бр-р-р! Улицы освещены подслеповато и пустынны; под вечер, если люди и встречаются в небольшом числе, то только в конце главной, а порой и единственной улицы, что упирается в крохотное станционное здание с обшарпанными стенами с желто-коричневой, отстающей на морозе побелкой. Здесь — центр: вокзальная пивная, участок милиции, водочный и хлебный магазины. В проходящие пустые электрички садится не более десятка случайных людей. Градообразующими предприятиями являются непонятного назначения огромные, сплошь с переплетением труб и каких-то гигантских емкостей, не огражденные заборами безлюдные гиганты — то ли химии, а может быть и авторемонта. Кроме того, заметно обилие громадных складов с цементом, негашеной известью и с прочими несъедобными предметами.

В электричке, только ты устроишься на холоднющем деревянном сиденье, подоткнув под мягкое место полы драпового пальто, обязательно к тебе пристанет, раскрывая обиженную душу, неизменный ингуш, только что выпущенный после двух лет отсидки в знаменитой тюрьме города Александрова. «Всего-то за два вагона моей личной крупы!» Невольно подумаешь: а если бы он вез на голодающий север Подмосковья полный эшелон ячменя?

Даже названия у городов юга и севера резко отличаются: у южных — сплошь исторические названия подмосковных сел, на месте которых выросли наукограды, а наименования северных — сплошь новые, индустриально-технические.

Так вот, закончив рытье в беспорядочно сваленных бумагах архивного запасника, отыскав и запротоколировав несколько папок, чтобы его родной Архив смог заказать их во временное пользование по инстанциям, Виктор Ильич вышел под бурчание недовольного сторожа, исполнявшего роль научного сотрудника (или наоборот?), как раз в знаменитую синеющую промозглость.

Скоренько прошагал вдоль всю единственную освещенную улицу городка, составленную из двух- и трехэтажных домов кирпичной постройки, от которой расходились в непроглядную даль темные улицы частных деревянных строений, и уперся в платформу с будкой-вокзальчиком. Убедившись по расписанию, что ближайшая проходящая электричка на Москву ожидается через полтора часа, Виктор Ильич почувствовал же-

лудочные спазмы голода. В который раз мысленно выругался, что утром, боясь опоздать на первую электричку, а потому торопясь, забыл положить в портфель сверток с вечера приготовленных бутербродов. Так целый день и мучился.

Прикинув по времени и вовсе огорчился: получилось, что электричка приходит в Москву почти впритык с отходом родной семичасовой на город *Т*. Времени только на перебежку от Ярославского вокзала до Каланчевки, поэтому не только не успеет купить для дома батон колбасы и килограмм сыра в ближайшем магазине, что напротив горсуда, но и заскочить в закусочную каланчевской платформы: выпить бутылку жигулевского, съесть пару порций сосисок с зеленым горошком. А ехать час до Москвы и потом тащиться четыре часа в знаменитой *Т*-ой электричке (правда, там тепло, многолюдно и знакомых два-три человека для неспешной беседы непременно отыщется)? Этого пустой желудок не перенесет: наклонности к гастриту имеются.

Убедившись, что со станционным крохотным буфетом все в порядке, то есть он переполнен до отказу мужиками в телогрейках, пьющими бочковое пиво и закусывающими ржаными черствыми горбушками с размазанной по ним полуразложившейся селедкой, Виктор Ильич спустился по платформенной лестнице и побрел по крохотной станционной площади. Без особых на что-либо надежд зашел в гастроном с подслеповатой вывеской, где почти не было народа, но набрел на удачу (видно, продукты с базы завезли к вечеру) и купил батон, хотя и неказистой с виду, но свежей колбасы, полкило местного сыра, пару банок болгарских голубцов с мясом и основательный кусок не пользующейся спросом у местного населения, но высоко ценимой жителями *Т*. сырокопченой грудинки.

Перочинный ножик Виктор Ильич всегда брал в поездки, так что оставалось купить булку хлеба, а поужинать можно не торопясь в полупустой электричке до Москвы. Для запивки в этом же магазинчике купил бутылку также неходового в здешних местах молдавского виноградного сока.

Булочная, как сообщила ему скучающая продавщица, находится на противоположной стороне улицы в трех минутах ходьбы, как раз между винным и рестораном. При последнем слове Виктор Ильич удивленно поднял бровь и вышел из магазинчика.

Действительно, сразу за водочным магазином, единственно где чувствовалось некоторое покупательское оживление, и булочной, где Виктор Ильич приобрел пару городских булок по 10 копеек, находился в полуподвальном этаже трехэтажного крепкого дома ресторан с потухшей нео-

новой вывеской; светились только буквы «*е*» и «*а*», но и те надоедливо пульсировали.

Поскольку от полутора часов ожидания электрички оставался еще час с четвертью, а желудок сводило нестерпимо, то Виктор Ильич, ничтоже сумняшеся, спустился по трем ступенькам и вошел в заведение.

Предприятие общепита было типичным для городков такого ранга: поджарый, себе на уме швейцар, впрочем, постоянно под легким хмельком; у стойки гардероба в пьяной прострации привалились к стенке две непонятные личности. Сдав неулыбчивому привратнику вещи и портфель, Виктор Ильич провел перед зеркальцем пару раз расческой по волосам, открыл мутно-стеклянную дверь и вошел в зальчик, припорошенный табачным дымом. Музыки в заведении не было.

Публика центра местного досуга также была до боли знакома: из восьми столиков пять были заняты ватагой местных, пивших пиво и закусывавших принесенной с собой воблой. Еще за одним угловым столиком сидела вполне приличная, московского вида пара — скорее всего для экзотики приехавшая (у входа стояли и «жигули») из ближнего дачного поселка какого-нибудь творческого кооператива, где расположились не дачки, но солидные особняки с отоплением. Видать, пара проводила на опустевшей зимой комфортной даче внебрачный медовый месяц, иногда лишь выезжая в ближайшие городки за провизией.

За оставшимися двумя столиками прямо у входа сидели по одному явно собратья-командированные и тоже в ожидании электрички: один худощавый, неопределенных лет, с невзрачным тоскливым лицом, в дешевеньком костюме какого-то сизовато-линялого цвета; другой, напротив, являл собой молодого крепыша, в очках, шерстяном пуловере, курчавый, но курносый, с добродушным и располагающем к общению лицом. Чуть поколебавшись, Виктор Ильич с вежливыми словами позволения подсел к крепышу, тем более, что тот трапезу заканчивал — пил жидкий чай с лимоном (худощавый же только начинал ее, безвкусно жуя дежурный мясной салат). Подошедшая к ним единственная на все заведение неряшливо причесанная официантка смогла предложить только тот же салат, яичницу с салом, многократно разогретый шницель с гречкой и чай.

Лицо крепыша чем-то показалось Виктору Ильичу знакомым, однако успел перекинуться с ним парой незначащих фраз, как тот допил чай, кивнул головой и вышел. Надо сказать, что за те три-четыре минуты, что они сидели сам-друг за столиком, в дверь дважды кратко заглядывал верткий швейцар, впрочем, интересовал его именно их столик. В момент, когда крепыш скрылся за стеклянной дверью, слышно было, как распах-

нулась с шумом уличная дверь, застучали сапоги с подковами, раздались голоса явно милицейской колоратуры. Заговорили все враз, но за шумом местных любителей пива и за закрытой стеклянной дверью Виктор Ильич разобрал только отдельные фразы: «...А если я на электричку опоздаю?» — «Ничего, отделение у нас через улицу напротив». Далее все стихло за хлопком входной двери.

Немало подивившись бурной жизни заштатного городка, Виктор Ильич более с голодной жадностью, нежели с аппетитом, принялся за не очень вкусную, но зато горячую еду. Желудок благодарно заурчал, спазмы стихли.

С официанткой он рассчитался сразу, сказав, что поест быстро — торопится на электричку, поэтому, допив чай, вышел в гардеробную, куда за минуту до него вышел и худощавый. В предбаннике швейцар, отрезвевшие личности и выскочившая еще раньше официантка бурно обсуждали происходящее:

— ...Говорит, портфель тоже можно сдать? Конечно, отвечаю. А он-то портфель на стойку поставил, открыл, роется в нем, ага, говорит, вот он — и достает кошелек вроде бумажника; а то, говорит, без пиджака я, а в пальтишке внутренние карманы малоразмерные, вот в портфеле и ношу... А я глаза склонил: матушки! А в портфеле поверх свертков каких-то камушки россыпью цветные, так и светятся! Как только он в зал — я гардероб примкнул на ключ и через дорогу в отделение; дежурный говорит — все на выезде, на керамзитном ворота раскрыты и сторож пьяный — в отключке. Ты, говорит, дожидайся наших, а если он раньше будет выходить, так вослед ему из двери выгляни и махни рукой: я буду в окошко глядеть и сам на задержание пойду,— геройствовал швейцар.

Но на этом удивление Виктора Ильича еще не закончилось. Увлеченный описанием своих подвигов, швейцар, не глядя, подал худощавому шестидесятирублевое драповое пальто, кроличью шапку и традиционный командировочный портфель с чемоданной ручкой. Тот оделся, вынул кошелек, извлек из нее красненькую и молча подал разгоряченному швейцару. Тот обомлел, мигом замолчав и — это-то и вспомнил теперь Виктор Ильич — инстинктивно поднял обеими руками кредитку на уровень глаз, проверяя на свет подлинность, тут же спохватился, откуда-то вынул одежную щетку и, бормоча что-то благодарное, побежал вослед уходящему худощавому, сбивая с плеч и рукавов дешевого пальто невидимые пылинки...

Кстати, неторопливо прогулявшись, но все же придя на платформу

за четверть часа до электрички, Виктор Ильич с изумлением увидел гуляющего там повязанного милицией крепыша, который, смеясь, горячо приветствовал недавнего соседа по столику. С первых же слов выяснилось, что Виктор Ильич не ошибался: парень был земляком, работал инженером в знаменитом *Т*-ом НПО «Меткость». Едучи с пересадкой в Москве до *Т*. пять часов, они нашли как минимум пяток общих знакомцев (*Т*.— город тесный!), а старшая сестра тезки Виктора, так звали крепыша, и вовсе училась в одной школе с Виктором Ильичем и даже в параллельном классе.

Что же касается истории с милицейским задержанием, то казус вышел прелюбопытным. Витя-крепыш был командирован в поселок вовсе ничтожный, куда и электрички не ходят, а добираться следовало двадцать верст автобусом от того самого городишки, где они ужинали в ресторации. Поселок же возник вокруг завода, где варили оптическое стекло для различных народно-хозяйственных, преимущественно военных нужд. За образцами этого стекла и был командирован инженер Витя.

Закончив дела в техотделе, Виктор зашел в отдел снабжения забрать образцы и отметить командировку, понравился тамошней молоденькой кладовщице, которая напоила его чаем и на память, в качестве презента, насыпала приятному юноше в портфель несколько горстей красивых цветных камушков — из брака стекол для рассеивателей и фильтров прожекторов маячных военно-морских установок...

Милиция оказалась умнее бдительного швейцара, тем более, что при Вите-инженере было командировочное удостоверение, и со смехом выпустила из узилища.

...Такая вот житейская история припомнилась Виктору Ильичу, вошедшему позавтракать в вокзальный ресторан,— отчетный пункт задуманного им путешествия.

♦Уже заказывая официантке тщательно продуманный завтрак, Виктор Ильич — не по дьявольскому ли наущению? — подумал:

— Вот еду чёрт-те куда, а твердо решил слишком услугами рогатого не пользоваться, особенно по части акклиматизации в среде чужих людей, знания языков и пр. А то мигом стошнит от пресыщения; опыт-то есть. С другой стороны, в чужой стране не с кем родным словом перемолвиться; подыхать будешь — воды попить никто не подаст. И еще более тревожная мысль, как итог десятилетней работы в среде хитрейших и дальновидных, себе на уме служащих: а вдруг чёрт занесет невесть куда, да и порвет ради хохмы договор — и пропадай без его дьяволь-

ской скатерти-самобранки; наглядное подтверждение Виктор Ильич находил в присказке: ни в чёрта, ни в бога не верить...

Нужен надежный спутник, пришел к окончательному выводу наш путешественник, но кто? Кого взять? Да и нужен ли спутник именно надежный? — Все равно ведь вся надежда только на дьявола, так тогда лучше — верная спутница.

На душе Виктора Ильича потеплело: именно спутница; преданная, заботливая, нежная дорожная жена-любовница... Однако выбор губит человека, о чем вещали еще патриархи латинской церкви, и Виктор Ильич замечтался: кого же избрать? — Естественно, что на ум первой взошла имеющая, поверьте, на то все права, доказавшая это своей искренней тайной преданностью, в своих английских босоножках (ее гордости — тетка, продавщица из универмага, достала), в любимом ситцевом платьице «на девочку» (ноги свои она не скрывала, благо было что показать), лукаво и притворно-смущенно улыбающаяся Нелли...

— Ню-лю,— шептал он ей в те редкие часы наедине, лаская языком ее ушко, а его губы, в свою очередь, щекотал упрямый, ниспадающий с ее виска завиток.

— Но,— продолжал размышлять Виктор Ильич,— конечно, для спокойной холостяцкой (не знаю себя в роли ее мужа, конечно) жизни лучшей подруги и не найти, но сейчас...— он, негодуя сам на себя, покрутил головой с жалостливо сморщенным лбом,— там... за границей... ну, какой она провинциальной будет глядеться: растерянная вечно улыбка, станет испуганно хватать его за руку поминутно и долго не отпускать, глядеть с собачьей преданностью в глаза, словом,— уже не приятная подружка, любовница для путешествия, а как раз самая настоящая жена, что всю себя отдала и перепоручила тебе...

Виктору же Петровичу всегда претила такая, даже очень приятная и лестная для мужчины ответственность; холостяк застарелый — он и есть холостяк со всеми присущими ему аномалиями. Он понимал что может (или хочет?) отдаваться женщине намного меньше чем она ему. Потому, как человек совестливый, не допускал полного подчинения ее себе, но ведь женщина-то, если она не проститутка или расчетливый мужик в юбке, только и живет обратным!

— Вот какие плоды дает в человеке врожденное или воспитанное сочетание эгоизма и порядочности, совести, следования нравственным канонам...

— Да и, опять же,— думал он,— а муж? а Кириллка? И зачем же вообще семью разбивать. Можно, конечно, с помощью адского помощ-

ника устроить так, чтобы и волки, и овцы... но ведь это мало кому радости даст: во всяком случае, ни мне, ни ей, а тем более, мужу; ребенка же вовсе не след знакомить с исчадием ада.

Образ Нелли погрустнел, но — это хорошо чувствовалось — на душе ее стало очень легко; когда до дела доходит, то женщина редко меняет мужа на любовника окончательно и формально, даже если любовник многолетний. Собственно говоря, в силу этой нерешительности женщин и существуют групповые браки. ...Образ Нелли, вызванный им в памяти, грустно улыбнулся и ласково махнул ему ручкой: до скорого, милый, возвращайся, тебя по-прежнему ждет и любит — в свободное от работы, Кириллки и мужа время — твоя Ню-лю, русская японочка (просьба читателей не путать с нынешней Хакамадой!) со смуглой, гладкой, такой ласковой кожей...— и ушла, смешно и волнующе постукивая модными босоножками.

♦Совсем уж скоро-скоро, сменяя одна другую, простучали своими каблучками прежних лет подруги Виктора Ильича; некоторые столь из давних лет, что и лица их тогдашние помнились смутно, а нынешние — с поправкой «на вырост» и веяние моды?.. Известно, что мода у женщин наравне с одеждой, обувью распространяется и на фигуру, прическу, походку, даже абрис лица и форму головы; как они ухитряются это делать? Непонятно, даже спецкосметологи из КГБ, ЦРУ и Моссада тоже не ответят вам... Так вот, нынешние рисовались как-то схематично, в нулевом приближении, двумя-тремя характерными чертами, как в графике Матисса.

Виктор Ильич отнюдь не был ловеласом, провинциальным Казановой; вообще говоря, по женской части был он обычным середняком. Но, мысленно перечисляя псаммит* легких и серьезных знакомств за не столь уж и длинную свою жизнь, Виктор Ильич даже слегка ужаснулся и подумал: «О какой, дьявол ее побери, моногамии человека можно говорить!? Не зря ведь известному масонскому девизу «Все люди — братья» эстрадные шутники-затейники придают специфический подтекст? Подумайте сами, если рядовой мужчина или женщина — а здесь они равны по закону простой статистической математики — имеют в течение жизни десяток-другой партнеров, то простой анализ свидетельствует, что все население страны в 300 миллионов жителей является родственниками в пятой-шестой степенях родства. Но это для нашей страны с ее громад-

* Исчисление песчинок (греч.)

ным населением, достаточно высокой нравственностью и моралью, чисто практической сложностью внебрачных контактов: бытовая стесненность, историческая привычка жить семьями в несколько поколений враз, строгость пребывания в гостинцах, санаториях, домах отдыха, пионерских лагерях... Наконец, даже делать «это», уединяясь на природе или в обычной неотапливаемой дачке-шестисотке, климатические условия большей части страны не позволяют более чем три-четыре месяца в году, а то и еще меньше. А что говорить о благополучных европейских странах? А о Северо-Американских Соединенных Штатах с их сексуальной революцией? О неграх Африки, сплошь зараженных СПИДом? — Да там, как минимум, все двоюродные и троюродные?

— Но,— размышлял, творчески распаляясь, Виктор Ильич,— если бы дело ограничивалось только пресловутым «траханьем*», говоря по-американски! Ведь есть такая наука, настолько тщательно скрываемая от непосвященных, так яростно «на публике» отвергаемая посвященными, что о ней практически никто не знает, а зовется она «телегонией». Сам Виктор Ильич узнал о ней только потому, что учился в либеральном архивном институте и далее по роду работы имел доступ к литературе не для широкого пользования. Суть телегонии Виктор Ильич охотно пояснял друзьям-приятелям, но чаще интриговал при знакомстве девушек — и то и другое в легком подпитии — на следующем примере:

— Всем вам хорошо известен анекдот, выдаваемый в дамских беседах за быль, почти всегда бывшую чуть ли не с каждой конкретной подругой, правда, живущей обязательно в Москве, Риге или Одессе. Дескать, подруга эта вышла замуж за своего коллегу по работе, естественно русского, светлого, чуть ли не коренного сибиряка. Забеременела она — точно, достоверно — по срокам, и отсутствию добрачных сношений с будущим мужем (такая вот идиллия) и пр.— в медовый месяц, который молодые проводили — для экзотики, если не на Северном полюсе, то уж в глухой вологодской деревне, где зачинали ребенка в условиях здоровой экологии, объедались настоящими пельменями, слушали по вечерам песни здешних народностей...

В положенные десять лунных месяцев ребенок выносился и родился. Когда кричащее дитя показали молодой матери, та впала в обморочное со-

* В новейшее время, когда сознание нашего человека формируется американскими фильмами, наиболее популярные и употребляемые слова есть «трахаться» и «дерьмо»; поэтому целесообразно ввести объединяющий термин «срахаться», поскольку в сознании американца оба физиологических акта — вагинальный и анальный — равнозначны.

стояние: у нее родился негритенок... Еще сложнее было мужу: не на кого (то есть на жену) свалить; факт зачатия и оплодотворения им лично зафиксирован, а негров в той вологодской деревушке видели только по телевизору. А вообще-то говоря, туда и телевизор еще не пришел. Пока негритенок взрослел, пел пионерские песни и вступал в комсомол, неугомонный родитель все таскал несчастную мамашу по всем университетским центрам СССР, устраивая консилиумы из профессоров самых разных специальностей. И только когда мужик, мучаемый неизвестностью, загулял и запил, супруга призналась, что в глубокой юности, попав в Москву на знаменитый Фестиваль студентов и молодежи, имела одноразовую связь с негром — пуэрториканским комсомольцем. По другой, уточненной версии анекдота, при сношении негр-комсомолец даже использовал презерватив.

Еще одна версия апокрифической были сводилась к тому, что мамаша вовсе не была на фестивале, но за несколько лет до зачатия ходила на концерт приехавшего в Москву Поля Робсона, где во все глаза рассматривала с восемнадцатого ряда демократическую знаменитость.

Наконец, вариант для дебилов повествовал о рождении женщиной... обезьяны, зачатой от нормального мужика, причем во время беременности она постоянно ходила в зоопарк, где любила часами разглядывать ужимки мартышек.

Но это все побасенки, а вот собаководы эту самую телегонию знают на практике и не по поверью, а по тысячелетнему опыту разведения собак. Каждый собачник знает, что качество щенков породистой суки в течение всей ее репродуктивной жизни во многом определяется партнером ее первой вязки, причем даже в том случае, если зачатия не произошло.

Вывод однозначен: первый партнер и женщины, и суки, вообще любого высшего млекопитающего оставляет и закрепляет в партнерше свои генетические признаки: отсюда и негритенок у белой женщины, и испорченная собачья порода...

Как это происходит с точки зрения биологии наследственности и развития — это весьма сложный процесс, в котором задействованы биохимические и биофизические процессы, объясняемые пока на уровне гипотез*. Скорее всего, исследования в этой области искусственно сдерживается посвященными, то есть теми, кто сам активно использует телегонию для внедрения генотипа своей породы во все человечество. Кто же

* Таково же положение и в настоящее время; автору наиболее убедительной представляется так называемая теория «непорочного зачатия» московского ученого Г. Н. Петраковича, согласно которой основная часть генетической информации передается электромагнитными волнами.

эти посвященные — догадайтесь сами.

Далее Виктор Ильич предлагал присутствующим на вечеринке дамам провести натурный эксперимент:

— Девушки и дамы! Давайте от слов перейдем к делу, поскольку тема рассказа именно вас более всего заинтересовала, нежели мужчин. Пусть все мужики на время эксперимента выйдут в другую комнату — покурить, да и пару бутылок вина пусть захватят, чтобы не скучать. А вам я раздам...— Хозяйка!. Побеспокойся об одинаковых четвертушках бумаги! И вы одной и той же ручкой, печатными буквами напишите на бумажках определяющий признак вашего первого, пардон, интимного партнера. Далее вы эти бумажки одинаково скрутите в трубочки и бросьте вот в эту вазу, а одна из вас, самая серьезная, их вынет, прочитает и сожжет в пепельнице...

И всегда без единого исключения, не дав договорить, женщины резко, а порой с гневом отказывались от натурного эксперимента. Того Виктору Ильичу и требовалось: это подтверждало его выводы о категории посвященных.

— Однако,— порой и сам начинал сомневаться в существовании телегонии Виктор Ильич,— байка про дитя негрское и остается байкой, а собачники — люди кастовые: меж собой обо всем говорят, но с посторонними молчат о таких тонких вещах. А где же наглядный и всем понятный пример? Ба!— как-то хлопнул он себя по задумавшемуся лбу,— а цыгане?

Суть его открытия заключалась в следующем. Любой среднерусский город областного масштаба, как, например, его родная *Т.*, окружен кольцом пригорода, где в частных домах проживают многоразличные люди: регулярные рабочие пригородных же химических и металлургических заводов-гигантов, потомки выселенных при Сталине волынских хохлов, которые разводят на продажу свиней, некие полугородские, полудеревенские жители... Словом, каждая слобода окраины имеет свой норов.

В этом же пригороде обязательно живут и оседлые цыгане, занимающиеся своими извечными цыганскими делами. Но, что самое странное, сталкиваясь с выходцами с этих окраин, сам бывая там в гостях у знакомых и приятелей, Виктор Ильич всегда отмечал неосознанно: почему-то среди этих самых жителей пригородов у вполне русских семей очень даже часто (а у незамужних женщин почти поголовно) дети получаются темноватые лицом, с волосами волнистыми, по характеру бесшабашные... Хотя обликом похожи на своих русских отцов, то есть явно не «пригуленные».

А вот теперь его осенило! Ведь в пригородах, то есть в городских деревнях, нравы тамошних девок достаточно свободные, редко кто и в более строгие по части морали времена замуж девственницей выходили... А молодые парни цыганские нахальнее намного наших, взрослеют по части женской раньше, а про мораль и вовсе говорить нечего: дети природы вечные! Да и девкам по глупой молодости бойкий и кучерявый более по нраву, нежели робкий еще свой сосед с соломенными прямыми патлами. Вот и «откупоривают» пятнадцатилетних вострушек лихие, но уже половозрелые цыганята.

Кажется и честь внешне соблюла, не забеременела, вышла за поумневшего соломенного... а дитя народилось такое занятное, курчавенькое, темненькое — вовсе не в светлого и угловатого фигурой папу...

Вот вам и телегония!

♦Следует заметить, что пока Виктор Ильич мысленно перебирал кандидатуры на роль спутницы в путешествии, отворилась дверь со стороны перрона и в зал ресторана влез невесть откуда и зачем взявшийся носорог: большой, похотливый и ленивый в движениях зверь, весь сверкающий сальными боками, но имеющий нежную и по-своему добрую душу.

Сытно похрюкивая, носорог улегся в центре зала, свободном от столиков, заняв своей тушей все это самое пространство, и тотчас заснул. Забегая несколько вперед, скажем, что в тот момент, когда Виктор Ильич сделал свой неожиданный выбор, носорог проснулся, радостно и похотливо рассмеялся, раскурил сигару «Большая корона» и улетел через раскрытое по случаю летней погоды большое ресторанное окно. Прибывший по вызову испуганных официанток милиционер из линейного отдела носорога уже не застал и, покрутив пальцем у виска,— это в отношении бледных официанток — прошел в буфетный отсек выпить пива; ему еще в отделе прожужжали уши, что завезли «Двойное золотое».

Впоследствии одна из официанток, проворовавшись, догадалась «спятить», указывая, что-де это от видения носорога. В городе о носороге и ловкой официантке судили и рядили опосля целый год. Носорог же улетел в Африку на озеро Чад, где ему и положено быть по образу жизни.

♦— Прыг-скок, Прыг-скок! Ой, девочки! Он совсем не может со скакалкой прыгать, смотри: прыг-скок! Прыг-скок! Я так могу хоть, хоть... миллион раз, а ты — эх, Витька-Митька...

Чувственный Виктор Ильич душевно прослезился: давняя-предавняя картинка выплыла из детства: залитый солнцем июля городок на берегу

реки — большой реки, широкой, гладкой. Двор двухэтажного коммунального домика выходит прямо к обрывистому левому берегу, и на дощатых мостиках дворика прыгают до изнеможения со скакалкой девочки, его однолетки, и сам он — серьезный, с этакой спесью, непонятно, почему надутый,— второклассник. И при всем его презрении к девочкам не может отойти взглядом от одной попрыгуньи.

Уже и имя-то ее давно забылось Виктору Ильичу, а и посейчас, когда вспоминает,— сладкая и тревожная истома первой, детской, еще не вещественной любви к длинноногой девочке с двумя прыгающими в такт прыг-скокам косичками...

Но, увы, с косичками-то хорошо было прыгать во дворе коммунального дворика, а кто есть сейчас она? Может, румяная продавщица мясного отдела и ругается до посинения с бабами-покупательницами, недовешивая им свиные хвостики или ливерную колбасу по девяносто копеек за кило.

Нет, хвостики-то хороши в детские годы, а сейчас?

Хвостики, косички — это мило, но с ними не принято в Европу выезжать, да и комплекс Лолиты как-то не комильфо́... Прощайте, милые хвостики-косички.

♦Бойкой частой поступью, стуча каблучками туфель, она вошла в класс перед самым звонком. И как они умудрялись обходить жесткий школьный закон «о легкой, удобной, медицински показанной, не шумящей, не царапающей паркет второй обуви»? Ума не приложишь, а уже с восьмого класса все, как одна, цокают, нещадно выщербляя тот знаменитый паркет бывшей второй мужской гимназии туфельками на не очень, но все же — высоких каблуках; а кое-кто пробует на десятисантиметровых шпильках являться...

Сразу за ней, нога в ногу, вошел Борис Авдеевич, на ходу выбирая из бесчисленных тайников своей памяти приличный и воспитательно-поучительный анекдот для затравки урока. Проходя между рядами парт, она кивнула ему и даже — о, отнюдь не случайно — слегка ткнула в его колено уголком портфеля. Он с обожанием и восторгом смотрел на нее, скосив глаза, наблюдая, как она садится за парту, опускает ее крышку, ставит со стороны прохода коричневый портфель, поправляет темно-коричневое форменное платье, мимолетно открыв круглую коленку... Легкий жар окрасил его лицо, но ее лицо ничего не отражало: свежее, порозовевшее от быстрой ходьбы по ранней осенней, утренней улице города, где так много шуршащей, опалово горящей листвы тихого на-

чала осени, где так грустно-волнующ запах увядания, арбузно-формалинный запах недолгого — на зиму лишь одну — отмирания растительной жизни.

Ничто не отражало лицо Светки, Светочки, Светланки.— Такие имена ее шептал он вчера в полуночи, когда в скверике, под гаснущими фонарями, в узорчатой тени сбросивших листья кустов до изнеможения от юношеской неловкости и волнения, до спазмов в горле, шурша ногами в сухой палой листве, обнимал бережно, до слез бережно обнимал ее плечи, боясь сломать эти трогательные косточки ключиц, отпугнуть неловким, не рассчитанным движением эти хрупкие и такие теплые, ласковые руки, плечи.

Поцелуи жгли, а после — от них немотило его сухие губы. Давно съедена ее помада, украдкой и наспех (он это знал) начирканная по губам в подъезде дома, не своего, а чужого, куда она забежала перед встречей с ним.

Давно эта наспех начирканная помада съедена им в бесконечных поцелуях; истомленные, обессиленные губы его терзают пресные ее губы; ее припухшие, измученные и счастливые непонятым еще счастьем губы отдаются его пресным сухим губам, терпко пахнущим табаком выкуренной полупачки сигарет, что прятал он дома от родителей под днищем нижнего ящика кухонного стола.

Казалось, не будет конца этому невещественному счастью раннеосенних полуночных поцелуев. Бог мой, загубленный! Ты... ты, а не рогатый мой руководитель можешь вернуть то счастье первой, невещественной любви... Но увы! Зачем его возвращать; слава тебе, слава Богу, что ты постоянно, по моему желанию возвращаешь те сладостные воспоминания о пресных поцелуях, не тех, не поздних, когда огонь жег губы,— гладких, тугих, всесжигающих поцелуях осознанной страсти. Нет,— о тех неловких и пресных губах с давно съеденной, тайком намазанной в чужом подъезде помадой.

Заплакать бы сладко, наивно, счастливо, вспоминая тот полночный час, когда и сухие опаловые листья резко, но не настойчиво шуршали под ногами, что осторожно переставляли он и она — затекшие от напряжения всего тела. Впрочем, все в юности целовались до изнеможения в полночный час на жесткой скамейке в скверике. И не мне вам объяснять всю сладость, волнения и чистоту тех небезгрешных, небратских, несестринских поцелуев...

Светка, Светочка, Светланка. Золотая осень последнего школьного класса. Я тебя хочу видеть только во снах летними рассветами. Учась на

третьем курсе, на зимних каникулах приехав к родителям, на вечеринке бывших однокашников услышал, что вышла ты замуж за своего политеховского однокурсника, теперь же вы — солидная пара и инженерствуете у черта на куличках: то ли в Трубноуральске, а может и в Нефтеуфимске.

Нет, инженеры нужны на новостройках пятилеток, особенно если это касается нефтедобычи и выработки керосина; нельзя брать тебя с собою в компанию с рогатым: ты в него не поверишь, инженер-материалистка. А рога?— Это просто атавизм, как знакомые по школьным учебникам Андриян Евтихеев и Юлия Пастрана, мексиканка, похороненная на московском кладбище: чудища, которых, хихикая, весь класс разрисовывал, дополняя рожками и хвостиками, в учебниках анатомии. Ты была в темно-коричневом форменном платьице и случайно коснулась девичьей, но уже оформившейся грудью моей ладони, и огонь прострелил меня...

Виктор Ильич вороватым движением смахнул с ресницы выбежавшую слезу воспоминания и решительно попросил войти следующую, ломая миниатюрный, узорчатый заборчик хрупкой юношеской любви.

♦Вошла она, сломавшая некогда, оттолкнувшая решительно все заборы и заборчики — тормозы души и обретающего чувственность тела.

Он видел себя там мужчиной в речах, но юнец-юнцом в восприятии активной жизни, словом,— второкурсником. Два года в столичной студенческой жизни не в силах были еще совладать с памятью, атмосферой, всем налаженным укладом восемнадцатилетней жизни в спокойном, хотя и близком к столице провинциальном городе. А потому время от времени и попадал он в ляпсусы: прожженные одногодки-однокашники за версту чуяли в нем косулью душу геттингенского провинциала и тянулись на экзотику — потешить свое прыщеватое самомнение, подразнить безо всякого вреда для себя забредшего гуська из чужаков.

В тот раз, когда гусек взмахнул крылом и потрепал зарвавшегося петушка, тогда-то Виктор Ильич почувствовал впервые: где и как, и в чем из юнца проклевывается мужчина, и что есть проявление мужского достоинства, хотя само по себе это вещь и рисковая, но бодрит душу и мигом, тотчас приносит нежданно-негаданно награду. Девушки также клюют на проявившуюся мужественность, как они же, но уже в почтенном возрасте огрузневших домохозяек, панически хватая авоськи, бегут в соседний гастроном, завидя из окна квартиры разгружающийся рефрижератор, принадлежащей городской мясохладобойне...

Была вечеринка, обычная студенческая. Виктор Ильич завелся. Обычная, еще не прошедшая с приезда в столицу, провинциальная его осторожность и пресловутое «себе на уме» улетучились; может потому он и примкнул ближе к ночи к той части компании, кому не терпелось перекочевать в более шумное, нежели комнаты общежития, место.

Самое удивительное, что Виктор Ильич поехал на поиски приключений совсем с чужими; из своих, институтских, была Ида и еще одна, ранее незнакомая ему, девица. Остальные четверо: парень девицы, его дружки. Все они были москвичами, готовили себе карьеры по солидным линиям; был будущий журналист-международник, рано преуспевающий околоминистерский клерк с видами и гарантиями, чей-то ответственный сынок и некая темная лошадка, скорее всего, фарцовщик. Вот такие приятели были у многих девушек престижного Архивного института. Институт был маленький, привилегированный, женский по преимуществу; провинциал туда редко попадал, и то потому, что существовала разнарядка: ведь кто-то должен во внестоличных архивах изыскания по истории областных организаций КПСС-ВКПб-РСДРП проводить? Все больше в институт шли девушки видные, потенциально невесты; поневоле и Виктору Ильичу приходилось подыгрывать в этом мирке, а то и вовсе осатанеешь в четырех стенах; приятелей-родственников в Москве не было отродясь, сходился знакомствами он туго, а тут случайно в круг странных приятелей попал...

Ида!— Это было робкое создание, под пару — как со стороны смотрелось — Виктору Ильичу. Хотя и коренная москвичка, но очень уж переборщили папа-мама с ее воспитанием. Виктор Ильич не успел и подумать, как общим мнением, с полгода тому назад ему сосватали в подруги именно Иду; этакая пара Коломбины и Пьеро. Что ж, общественный приговор есть дело неоспоримое, и Виктор Ильич покорно взял ее трепетную руку, а она по обычной робости и не подумала отнять.

Попав в час наибольшего веселья в большой модный ресторан, Виктор Ильич натворил чудес. Началось с того, что почти протрезвевший в такси, он хлопнул подряд три рюмки водки (— Витенька, ты только закусывай! — шептала на ухо заботливая Ида) и сразу уши заложило; шум, вначале такой резкий, упал до приятного, слитного, гармоничного, здесь он и увидел ее; она подсела к их столику, оказавшись, как он разобрал, приятельницей того самого будущего международного хроникера.

Таких красавиц Виктор Ильич не видел и в столице, не говоря уже о родном городе. Сейчас, вспоминая, он зажмурился от восторга: редкие

тогда еще джинсы обтягивали идеальных пропорций бедра; груди — по киношным нормам — выступали сглаженными конусами, казалось, разрывая пружиной напряженное полотно синего батника; густые и гладкие волосы мощной струей спадали до середины спины. Все остальное в ней можно было описать одинаковыми словами: в норме, в цвете, в пропорции, в сочетании, ..., в идеале.

Она сошла с рекламной картинки импортного журнала, что на переменах рассматривали в Архивном институте ответственные дочери-студентки: слегка пьяная, веселая и хищно-обаятельная. Отнюдь не один он с завистью посмотрел на нагловатого и развязанного международника...

Здесь началась попойка, а Виктор Ильич очнулся, лишь когда с изумлением сообразил, что он находится в центре внимания. Пьяный хроникер, решивший развеселить красавицу, лопотал, обращаясь к нему и Иде: «*Пойо мия, пиньго* дорогой,— подливая Виктору Ильичу в бокал, — а что, дорогой мой архивист: *пойо обутейя кекерейя*?*»— и многозначительно, поочередно ткнул пальцем в полупустую бутылку «Наполеона» и в сторону Иды. Кто-то, понявши, расхохотался. Также понимавшая по-испански красотка улыбнулась и чуть укоризненно покачала головой шалуну.

Но расшалившийся международник не знал, да и не мог знать, что играет с огнем; он не ведал, что сразу двое знакомых Виктора Ильича — приятель в *Т*. и нынешний сосед по общежитской комнате — бывали на Кубе: первый служил в составе советского экспедиционного корпуса во время Карибского кризиса, второй же ездил туда на летние каникулы к отцу, работавшему там по линии военно-морского атташата посольства. Из их рассказов, особенно первого, о тогда еще не закрытых публичных домах, о мулатках (пять песо за визит, червонец за ночь), Виктор Ильич очень хорошо запомнил эти универсальные латиноамериканские словечки, такие округлые, ласковые на слух в сравнении с однозначной им по смыслу резковатой отечественной похабщиной.

Обидно стало за себя, как еще ни разу не было в жизни. Он и его глупенькая Идочка... Нашли, над кем издеваться, а напротив смеющаяся, наглая рожа, а главное — снисходительная гримаска невесть откуда возникшей Лоллобриджиды. А тот все рыл себе яму, приговаривая да приговаривая про пойю и обутейю: «А? Витек? Как ты сам думаешь»,— и без конца хохотал.

Но хохот скоро стих. Виктор Ильич с побледневшим в миг лицом,

* Кубинские нецензурные присказки (исп.)

страшно напрягшись, опираясь обеими ладонями на крышку стола, поднялся со стула, рука сорвалась и повисла над пузатой наполеоновской бутылкой. Все оцепенели, только рассудительный фарцовщик сказал:

— Доигрался, Серж! Вот что, ребята,— мировую, а? Шутка ведь.

Но Виктор Ильич, вмиг протрезвев, уже не тянулся к бутылке, а, к собственному удивлению, обогнув столик, крепко взял шутника за локоть и молча повел его, не сопротивлявшегося от неожиданности действия, к ресторанной двери. Виктора Ильича мало интересовало, что происходит за оставленным столом, только расслышал тот же рассудительный голос фарцовщика:

— Пусть поговорят, так честнее...

Вернулся он через несколько минут, так же молча обошел затихший столик, сел и, налив бокал, молча выпил. Его лихорадило, но глаза сияли. Один из компании быстро сбегал, вернулся и тихо сказал:

— Готов! Вся морда разбита. Я пойду отведу его, а то швейцар грозится ментов вызвать; в трезвяк попадет...— и ушел, стараясь не глядеть на Виктора Ильича. Веселье стихло. Молча расплатились и вышли. У самого выхода Лоллобриджида, очень внимательно, не отрываясь, смотревшая на расходящееся красными пятнами лицо Виктора Ильича, резко свернула в его сторону, вклинилась между ним и насмерть напуганной Идой, хрипловато бросив ей:

— Извини, подруга!

И молча, непререкаемо настойчиво увлекла его за собой, как марионетку вставила в дверцу такси, которое не замедлило перед ней остановиться, втиснулась сама и сказала шоферу адрес.

Ехали недолго, но в молчании; она закурила. Только поднимаясь вслед за ней по лестнице солидной постройки «сталинского дома», Виктор Ильич вспомнил об Иде. Но и только; зато вспомнил имя Лоллобриджиды — звали ее Вероника.

В квартире их встретила заспанная бабка в накинутом старушечьем халате. Вероника улыбнулась ей и прижала палец к губам; та покивала головой, строго взглянула на гостя и ушла в боковушку. Дверь захлопнулась. Все так же исподлобья, нагибаясь, глядя на него серьезными и бессмысленными глазами, она раздевалась. Скинула туфли, оставив на полу джинсы, расстегнула рубашку и, поведя плечами, освободилась от нее, оставшись в коричневом кружевном бикини. Бюстгальтера она не носила; ее великолепные, ослепительные в наготе полушария с пятнами сосков твердо, как некие шагающие холмики на равнине, приближались к нему. Онемевшие ноги его сами подогнулись и он сел на край тахты.

Полушария, самую малость чуть оттягиваясь вниз, закрыли свет и мягко облепили его лицо. Он и дрожал, и был в то же время нервически спокоен.

Так же мягко, с целующим звуком груди отошли от лица; она, стоя боком — все же что-то похожее на стыдливость обозначалось в ней — сняла бикини и легла позади него на тахту, замкнула руки на его шее и притянула к себе. Не отстраняя этих цепких рук, он как-то уж очень ловко скинул с себя одежду и всем телом, от губ до пальцев ног, сомкнулся с прохладной, гладкой кожей ее тела.

— Ты как... со светом или без? — были первые ее слова.

— Со светом,— не вникая в смысл слов, выдохнул он.

Она протянула руку к стене, щелкнула, и вместо погаснувшей люстры затеплился желтый свет ночника. Не по-женски (так ему показалось) впилась в его губы, а он, едва не теряя разум, вдавился всем своим телом в мягкое, податливое, с ужасом и страхом понимая, что не так что-то; где же все?

— Не волнуйся,— все понимая, она провела ладонью от его лица по спине и дальше вниз, еще дальше. Но все куда-то ушло, даже ласка ее была бессильна. Не сбывалось. О господи, господи! Помоги мне сейчас — и я уверую в тебя, Господи! Но господу было не до него, молитва плоти не доходила до адресата... Здесь в памяти всплыло разбитое наглое лицо над раковиной ресторанного туалета и ярко-красные пятна на белом фаянсе; он ощутил страшную упругость своего кулака, тоже в крови, онемевшего от трех ударов подряд, сокрушивших мерзкую улыбочку ненавистной рожи.

— Ах, сволочь, твою мать...— хрипло, с гневом, громко и отчетливо вылетело из его гортани. Она заметалась, под ним, сладострастно застонала:

— Милый мой, миленький, ну... ну!

Еще и еще, не владея собою, своим голосом и телом, он орал ей прямо в лицо дикое, необузданное, а она обвила его, всосалась, впилась в него, страстно мычала, царапала до боли, до крови. Побежденное разбитое лицо репортера не уходило из памяти.

— Получай, сволочь, такая-растакая! — он ворочал языком, выговаривая немыслимую, нецензурную брань и в этот миг почувствовал, осознал: ему принадлежит завоеванная добыча, он господин и повелитель ее, а она — рабыня бессловесная. Жаркая волна окатила с головы до ног, мышцы застывшего тела расслабились, он глубоко вздохнул и почувствовал наконец-то все нарастающую, упруго расправляющуюся са́мую бли-

зость их тел, резкий провал в мягкое, теплое, влажное...

Она застонала и замерла на миг, потом глубоко выдохнула и затянула его губы в свои, ритмично раскачиваясь.

— Господи, господи,— шептал он неслышимое,— неужели, неужели!? И она что-то шептала, упруго напрягая грудь, выгибаясь. Он освободился от ее губ, сдвинул голову, попал губами на мягкое, зыбкое, теплое, со стоном прильнул. Когда силы оставили его, тела конвульсивно сошлись в судороге, пронзила боль острого наслаждения и небытия, он застонал, а она забилась, вскрикнула со звериной страстностью и обмякла, замерла, но тут же, как ножами, пронзила его бока своими ногтями. Утихшее было наслаждение вернулось, застыв во времени; она сомкнула губы, застонала, рвала его кожу, а он до хруста сжимал упруго пульсирующее тело, проминая его до ребер.

В какой-то миг оба замерли, он повис в мягком, как желе, теплом и липком, которое полыхало, дрожало, остывая, и глухо стонало отголоском взвинченной страсти. Мгновенный сон закрутил голову; засыпая, он продолжал чувствовать это мягкое, теплое...

— Миленький, ми...— она тоже засыпала. Они расстались во сне на полчаса, пока отходили взвинченные нервы, а плоть отдыхала от потрясения. Но через эти отдохновенные полчаса вновь затрепетали, сплелись тела, и заворочалась в боковой комнате бабка, переваливаясь с одного на другой ревматический бок:

Это надо же, бесстыдники... Что вытворяют? Тьфу! То-то бога нынче нет, прости, господи, как коты мартовские орут. А еще бывало, соплюшкой бежит со слезами: бабуся, бабуся, пойдем скорей домой, к мамочке... Как же, нужна ей сейчас, прости, господи, мамочка! Да и мамочка-то, когда из своей заграницы приезжает одна, тех еще кобелей приводит... Ох, грехи наши тяжкие!

И задремала старая, сурово обругав закон природы татарскими нехорошими словами. Бабка диалектику не изучала, но снилось ей в ту ночь далекие грехи с дедом своим. Просыпалась, ворочалась и молитвы нашептывала.

Ранним утром Виктор Ильич, провожаемый неодобрительным взглядом общежитской вахтерши, вошел в свою комнату, разделся и лег спать, забыв натянуть одеяло повыше на грудь. Разбуженный сосед, знаток мулаток, подошел, заинтересовался, с восторгом осмотрел беззвучно спящего коллегу и в полнейшем восторге завопил:

— Вот так отделали молодца! Вот так бабенка попалась, ай да Витька молодец, тихоня наш нравственный! Ну-с, с боевым крещением,

в добрый, как говориться, путь!

Добрый путь оказался вовсе не гладким. За три последовавших месяца бешенства тела Виктор Ильич завалил экзамены, залез по уши в долги, растерял всех друзей-приятелей, полностью и окончательно утратил Иду, душевно и телесно измучился, пресытившийся выше всякой меры.

С ужасом сознавал, что нынче отсутствует в нем всякое представление о гордости, обычной чистоплотности и брезгливости — она и не собиралась скрывать, что чередует его в постели с другими. В душе он даже обрадовался, хотя от наступившей тоски и обиды это самая душа свилась в петлю, когда услышал от отворившей дверь бабки, что-де Вероника намедни укатила в Сочи с Виталиком, новым ее приятелем-боксером.

В Москву она более в тот год не возвращалась, по всей видимости, поехала сопровождать боксера-рекордиста в родной его город Баку.

Нет-нет, пусть она через годы и десятилетия с боксером путешествует, а не с ним. Как ни странно, обида до сих пор не утихла в Виктоpe Ильиче; очень самолюбив он был.

♦Однако время близилось к отходу электрички (проходящих на Москву поездов он не любил; в них всегда пахло несвежими носками азербайджанских торговцев). Виктор Ильич быстренько, калейдоскопически пересмотрел в памяти всех оставшихся. Серенькая птичка Наденька, так хотевшая выйти замуж. Ольга — первая и, надо полагать, последняя супруга; о ней он лишь молча справился: страстная, чем-то в постели напоминавшая повзрослевшую Веронику. Белла, естественно, чужая супруга, разочаровавшаяся в муже. Девочка-дитя. Едва-едва со школьного порога — Наташечка; со смешанным чувством добродушия и испуга он тогда впервые почувствовал к ней скорее... родительское чувство, осознал, что и старость когда-то придет. После чего быстренько прогнал табунчиком стайку совсем уж случайных девочек, девушек, женщин постарше, определившихся в жизни и семье, иногда лишь шаливших от излишнего жирка или от не расходуемой полностью энергии бальзаковок. С кем-то познакомился в командировке, а с кем-то в Ялте. С той случай свел на чужой свадьбе, а ту — вообще по пьянке из кабака привел, а потом с ужасом ждал симптомов; слава Богу, все обошлось.

А вон та, с ушками, и того хлеще: когда всем учреждением ездили на картошку в совхоз, то по традиции устроили обед на поляне; после обеда ушел подремать под кустик, а проснулся от жаркого шепота обезумевшей от вина, жары и волнующего деревенского воздуха архивной разводки.

Разборчив был Виктор Ильич и никого не отобрал себе в путеше-

ствие. Не последовало от него приглашения к путешествию: «*Голубка моя, поедем в края, где все, как и ты, совершенство*[*]». Не было ведь совершенства!

Глава шестая

В этот миг горестного вывода увлажненный его взор пробрался через отворенную швейцаром дверь и споткнулся все на той же ухоженной фигурке в кримпленовой брючной паре с распущенными по плечам и спине в художественном беспорядке прядями волос, с огромными темными глазами и несколько отрезвляюще для такого романтика мысли, как Виктор Ильич, смотрящимся на контрасте с ее худощавой стройностью полномерным бюстом кинозвезды.

— Есть совершенство, ибо оно всегда в незнаемом, всякое же познанное и именно в силу этого познания есть уже несовершенство — туманное в целом, но удивительно афористичное и точное в конкретном философствовании, почерпнутом им за последний год из книг своей золотой библиотеки, ныне оставленной пылиться в осиротевшей квартире. Ответил он на свой же вопрос, вроде как и самостоятельно; обретя жизнь в его голове, мысль эта афористическая стала там жить жизнью кошки в доме: вроде и свой, домашний зверь, но что у него в мыслях и глазах? — Человеку это неведомо. Кошки сами по себе ходят.

Он взглянул на часы и сообразил, что минуту назад спутал время отхода электрички; оставалось еще сорок семь минут. Это его порадовало, ведь он в высоких своих мыслях так и не успел притронуться к тщательно обдуманному завтраку. Обретя некое действенное, самому до конца еще не осознанное решение, сделал официантке успокаивающий — вернусь! — жест и вышел мимо почтительно скорчившего гримасу уважения швейцара в зал ожидания и предстал перед ней. Он и не собирался звать дьявола; хоть здесь-то он сам договорится, но видно рогатый страховал подопечного, иначе почему бы, выслушав в течение полминуты несколько сбивчивые толкования Виктора Ильича, девушка, поначалу с испугом и изумлением глянувшая на остановившегося перед ней приличного, со вкусом, дорого одетого, представительного мужчину — и солидного, и моложавого, отнюдь не старого, но уже не первой молодости — она, довольно мало поколебавшись, согласилась войти с ним в ресторан и

---

[*] Бодлер «Приглашение к путешествию»; пер. Д. С. Мережковского (Из сборника «Цветы зла»).

позавтракать до отхода электрички. Виктор Ильич вовсе и не сомневался, что она, как и все пассажиры в зале, ждут московской электрички; была пятница, когда какой-то процент населения города уезжает на день-другой в столицу, запастись на месяц всяким товаром, начиная от апельсинов и сгущенного молока и заканчивая огромным ЗИЛовским холодильником и коврами три на шесть метров, купленными «по открыткам», что доставали у маклеров по пятидесяти рублей. Везли из столицы и детские кроватки, господи! Чего только не везли, явочным порядком выполняя на общественных началах те обязанности, за которые, в принципе-то, получали зарплату, премиальные, квартальные, медали и ордена, переходящие и вовсе не переходящие вымпелы и знамена, грамоты и кубки, благодарности и занесения на доски почета, министерские значки и классные места скучающие начальники всевозможных служб снабжения населения национальным и импортным продуктом: от того же самого сгущенного молока до детских кроваток.

В полном восторге Виктор Ильич провел девушку мимо скабрезно заулыбавшегося швейцара. А от собственной ловкой красноречивости и убедительности в словах был он на давно уже не испытываемом седьмом небе счастья (год книжной жизни иссушил); только одно на миг как-то пронеслось диссонансом: откуда такие роскошные груди?

Кстати, чтобы не удивляться несколько односторонней образности мышления Виктора Ильича, не будет излишне напомнить, что до того, как рогатый слуга открыл ему доступ к сокровищам мировой мысли, ему поневоле (где в наше время книгу купишь умную?) приходилось почитывать, чтобы читать-то не разучиться, всякие расхожие журнальчики, где любой рассказ или повестушка начинается фразой типа: «...Невеста, садясь в «Волгу», наклонилась в дверце, и длинное платье обтянуло ее стан. Жених тепло посмотрел на крепкий зад и с уважением подумал: «Здоровая!» А заканчивается так: «...Она замерла в его объятиях, а он и не предполагал, что у уборщицы могут быть такие роскошные груди...»

Так что, какие учителя, таковы и ученики.

♦Нескромно и даже скучно вторгаться в чужую жизнь, а в личную жизнь двоих тем более. Не будет трудным догадаться, что осатаневший за год, проведенный за чтением книжной мудрости, Виктор Ильич, едва ли и речь живую не позабывший, за те сорок минут за завтраком, еще за три, что, смеясь и взявшись по-детски за руки, бежали к стоящей под парами электричке, потом смеялись, опоздав на нее на какие-то секунды и тут же сев — по необходимости для Виктора Ильича — на проходя-

щий южный поезд, сунув услужливому железнодорожному джигиту в форме четвертной «без сдачи», за что они и были помещены в опустевшее еще в Орле купе,— смеялись еще два часа... словом, не трудным будет сообразить, что чувствительный и соскучившийся по человеческому теплу и общению Виктор Ильич влюбился окончательно и бесповоротно.

Ее звали Леной, была она мила, умна (конечно, по-женски) в приятную, положенную меру, ибо излишество такого рода мало украшают женщину; профессора — да, женщину — увы! Даже самая рьяная феминистка в душе согласна с этим; кому, как не ей самой знать об этом, сполна расплатившейся за предельное воплощение идеи эмансипэ скучной жизнью и невыносимой, одинокой старостью...

Еще она была красивой, имела доброе и влекущее к себе сердце. Такие женщины — сущий рай для мужской влюбчивости. Ведь у кого из нас, уже окруженного солидной, любимой супругой, доверчивыми детьми, хлопотливой тещей и прочими, присовокупленными домочадцами, при встрече с такой юной женщиной не возникнет коварная мысль о пользе и приятности официального многоженства?

Словом, когда поезд, почтительно сбросив перед столицей скорость, подтягивался к перрону обновленного Курского вокзала, Виктор Ильич предложил ей руку, сердце и приглашение к путешествию в очень далекие края. Женщин более всех поступков покоряет внезапность, решительность, быстрота; при этих словах почему-то всегда самодовольно ухмыляются и по-гвардейски расправляют усы лихие лейтенанты и свежепроизведенные капитаны.

Она же после приличествующих колебаний согласилась, тем более что Виктор Ильич очень авторитетно взял на себя переговорить по телефону с ее родителями и, пользуясь своими, оставшимися для нее таинственными (впрочем,— и для него тоже) связями, выхлопотать ей годичный академический отпуск в ее пединституте. Так для нее поездка в Москву за новыми модными туфлями обернулась полным поворотом в личной жизни и свершившимися грезами детства о синих морях, вечно голубых небесах, ласкающей чужеземной речи и манящей экзотике дальних стран.

♦Однако уже с первых шагов в столице напрочь рухнуло нелепое желание освободиться от услуг подземного слуги, «чтобы-де не переиспытывать вновь пресыщения!» Обзвонив в течение часа из автомата на Курском все знакомые ему по названиям гостиницы, он понял: если таким образом бороться с пресловутым пресыщением, то не насытится ли

он прозой жизни (помните, что на дворе стоял 1983 год с андроповскими проверками на улицах и в магазинных очередях) еще скорее, нежели отойдет в *Т*. обратная электричка? К тому же в этот момент подошла, почувствовав, что у Виктора Ильича что-то не получается, Лена; до того она мирно сидела, болтая ножками, на спинке скамейки, занятая мороженым и только что купленным свежим номером «*Rigas modas*».

— Витенька, а может, я могу... может, мы пока на эти дни у тети моей остановимся, она в Царицыно живет, не так уж и далеко от центра, а?

В полном диссонансе со словами, в глазах ее читалось: если он примет это предложение, то такое прозаическое начало сияющего путешествия может стать и его окончанием: от дома тетки рукой подать до районного универмага, там туфли часто бывают импортные, а с туфлями — уже не интересно в Париж, там все в таких туфлях, а вот дома в *Т*. есть кому показать.

Но Виктор Ильич даже не стал читать простенькую по грамматике и логике, как иероглифическая, почти наглядная запись вавилонян, женскую мысль. Довольно глупостей и мытарств по поводу каждого пустяка. Он вдвинул трубку в рычаг и, подхватив одной рукой дипломатку, другой — потеплевшую от мужской решительности подругу, и вышел на вокзальную площадь. Сердце его от глупых телефонных разговоров стучало гневно и решительно; Леночка замирала от восторга предвкушаемых грез.

— Разве не на метро поедем?— по-провинциальному глуповато спросила она.

— На метро пусть метростроевцы ездят,— загадочно и ядовито (Леночка, как и все нормальные женщины, юмора не понимала) ответил поумневший Виктор Ильич и махнул рукой подбегавшему такси с зеленым огоньком свободы.

— В «Россию»,— бросил он с заднего сидения шоферу и, отдыхая душой, полуобнял за терпкие, доверчивые плечи вспыхнувнушую от сочетания всех удовольствий подругу жизни и странствий. Умная Леночка ничего не спрашивала при постороннем, а под челкой восторженно крутилось: В «Россию!» В «Россию!» Это ведь почти что в... но она не знала названий знаменитейших европейских отелей, потому сравнение осталось незаконченным. Любовь и уважение ее к спутнику возросло неимоверно. Все это, впрочем, Виктор Ильич читал в глазах спутницы.

♦Досадуя на свою провинциальную глупость о мнимом пресыщении, — подумаешь, посидел год за дармовыми книжками и пресытился, дурак

этакий!— ругал себя Виктор Ильич, даже переборщил, и когда на торжественную встречу их выбежали директор гостиницы с ответственным административным причтом, а также швейцарами, рассыльными, лифтерами и носильщиками и, подхватив бережно под руки знатных путешественников, повлекли их в чудо отельного сервиса, то Леночка страшно испугалась и побледнела («Прямо-таки описалась»,— говорят в таких случаях молодые женщины в дружеском кругу...). Побледнел и Виктор Ильич, но только от преисполнения собственной решимости.

В вестибюле гомонили чеченские и прочие кавказские визитеры*: искали случая, всучив пять-шесть червонцев, снять на ночь чей-то забронированный номер на пятерых, да еще пяток девок привести по сходной цене. Чинно стояли в очередь на оформление делегаты симпозиума по проблемам межнациональных отношений и дружбы советских народов. Но все это лишь мельком отразилось на сетчатке глаз Виктора Ильича, хотя и много другого любопытного для провинциала толпилось и делало свой гешефт в огромном вестибюле престижной гостиницы столицы. Вот Леночка, еще не отошедшая до конца от первоначального испуга, так та — многое, почти все успела подметить и накрепко упрятать в памяти всепонимающим с самого момента рождения женским взглядом...

Словом, они оба не успели опомниться, как очутились в люксе № 1; само собой понятно, что, учитывая их высочайшую бронь, документов спросить у них не осмелились. Ласковым и услужливым гидом по комнатам люкса вызвался сам директор:

— Только для вас! Срочно отказали...— тут директор, коему не очень-то внушала доверие простенькая фигурка Леночки, прильнул к уху Виктору Ильича и шепнул всемирно известное имя итальянского оперного певца, о концерте которого в Москве уже месяц с лишком печатно и изустно говорила вся страна.— Благодарим-с вас за честь остановиться у нас!

Виктор Ильич совершенно-таки осчастливил директора, заказав ему в заключение экскурсии легкий обед в номер, хотя это и не было принято в 83-м году в стране, даже в престижнейших столичных отелях. После банкетного обеда Виктор Ильич с Леночкой намеревались отдохнуть часок-другой не столько после мало утомительной дороги из *Т.*, сколько

* Может кто из читателей помнит, как в 83-м году по гостиницам Москвы прошелся милицейский рейд, вышибавший кавказцев? Народ связывал эти события с обычными для эпохи Андропова строгостями, но ошибался... Это Виктор Ильич, поморщившись, отдал Аседону приказ: «Черных — вон!» Вот так и пишется история, когда благие дела одного приписывают другому...

под впечатлением того тягостного часа глупейших, (в его-то положении) вокзальных звонков по телефону. Отдых их, приятно аранжированный роскошью обстановки и почтительным, но ненавязчивым вниманием гостиничной прислуги, а более всего — обоюдным устремлением к неким идеалам не бытовой, но естественно страстной любви, продлился, однако, аж до следующего дня.

♦Виктор Ильич был в полном восторге от новой спутницы жизни. Небольшое испытанное им огорчение провинциала-книжника (эх, поотвык он в *Т*. от недолгих лет московской, раскованной жизни...) прошло легко и забылось тотчас, лишь афористичный с некоторых пор ум его иронично, для себя, что называется — «для заметок», отметил: если бы девственность стала нравственной нормой общества, то бюстгалтерная промышленность расходовала бы так мало материала, что из него можно было для мужчин изготовить наглазные повязки *a la* Кутузов — на оба глаза, ибо глазам стало бы тошно и скучно смотреть на плоскогрудых девушек и молодых женщин. Впрочем, предчувствие кольнуло его, как мы уже знаем из предшествующего изложения, с первого взгляда на очаровательную Леночку в *Т*-ом вокзальном ресторане.

Однако, поборов в себе живучие корни национального домостроевского архетипа, проще говоря,— полного собственника на всю живность своего дома, Виктор Ильич был вознагражден несомненными достоинствами и прелестями своей подруги и навек отдал ей пресловутые сердце, руку и душевную привязанность оторвавшейся было от реальной (в том числе и интимной) жизни холостяка и схоласта.

Она же была на высоте небес счастья, равно как всякая женщина, обретшая надежного мужчину без изъянов ума, души и ... всего многого другого; читатель, вы не правы, если подумали о том самом, постельном. Нет, конечно, наиболее существенным изъяном в мужчине любого возраста женщина (тоже любого возраста) полагает материальную малодостаточность; даже если она искренне и самозабвенно его любит и боготворит. Такая вот парадигма, но — обьяснимая физиологически: женщина предназначена природой для воспроизводства *homo sapiens*, а для этого нужны: еда, жилье, деньги на воспитание, на покупку дитяти новой мамонтовой шкуры, туники, тройки от Версачи и пр. и пр. Замнем для ясности.

Леночка даже рассмешила безмерно своего Отелло на миг, рассказав в тот первый день и ночь их гостиничного отдыха — между третьим и четвертым соитием с новым Казановой из *Т*.— как все когда-то случи-

лось в далекой (аж два-три года тому назад!), розовой и наивной юности: занимаясь первый и единственный раз любовью с мальчиком-одноклассником... дело было детское, в подъезде во втором часу ночи, а он-де, хитроумный Рокамбольчик, обманул ее, сказав, что если стоя это делать, то ничего в ее организме не изменится... При словах «первый и единственный»* Виктор Ильич невольно взглянул на ее прелести и, ужасаясь своему скептицизму, против всей воли и желания своего отчаянного — ей не поверил.

Виктор Ильич откушал глоток-другой мартини из бокала, стоящего на подносе рядом с постелью-альковом, и хохотал минут пять; вместе с ним смеялась, как бы за компанию, чуть покраснев, и занимательная рассказчица. Исчерпанный же пунктик исторических воспоминаний вызвал новые, еще более бурные устремления сплетенных душ и тел, нежных, страстных и любящих.

♦Наутро рогатый слуга, к удивлению Виктора Ильича, явился лично, предстал перед ним, материализовавшись в ванной комнате, предупредительно защелкнув внутреннюю задвижку, достал из портфеля и вручил только что раздевшемуся для омовения Виктору Ильичу въездные визы, заграничные паспорта дипломатического образца и билеты на дневной рейс самолета компании «*Air France*» прямиком до города Парижа.

Вид у дьявола был измученный и потный. Предупреждая вопросы Виктора Ильича о причине личного появления, тот усталым голосом пожаловался, что даже ему пришлось изрядно похлопотать в деле оформления загранпаспортов и что он-де просит прощения, но в редчайших случаях и его канцелярии не так-то просто удается выполнить заказ клиента... А есть случаи, когда его служба и вовсе бессильна перед *другой службой*, но надеется, что Виктору Ильичу не придется на этот счет просить его услуг.

Поняв явно намек рогатого, Виктор Ильич, стыдясь своей наготы, а более — ярких ночных отметин на теле, тем не менее поощрительно хлопнул агента по плечу, принял бумаги и разъяснил, что те супротивные рогатому службы его никоим боком не касаются. Успокоенный посланец подземелья кивнул на прощанье и исчез со словами: «До встречи в Париже!»

Париж! В малосбыточных мечтах ты виделся ранее отставному ар-

---

* В наше раскованное время в шлягерах поют: «Все мы бабы — стервы, поверь, любимый мой, если ты не первый, то обязательно второй!»

хивному работнику.

Париж! Легендарное имя твое трепетно витало в стенах *Т*-го пединститута в междусобойных разговорах за сигаретой в предбаннике женского туалета ближе к вечеру, когда тщательно следящие за нравственным обликом студенток преподаватели женского пола отрывались от любимого ими преподавания-воспитания и неохотно уходили домой к скучным мужьям, отвратной кухне и требующим постоянных забот детям. В этот час изящно-стройные студентки с непропорционально роскошными бюстами доставали из сумочек и портфелей диковинные импортные сигареты, привозимые из Москвы и прибалтийских столиц во время летних каникул,— и начинался длинный и несвязный разговор-мечтание: о нем, о мужчине мечты, и о нем — бесподобном Париже...

Париж! Легендарное имя твое, сменившее древнюю Лютецию, манит всякого начавшего путешествовать по жизни: вдоль ее и поперек. Заманил ты к себе и Виктора Ильича, а при нем и таинственно присовокупившуюся подругу жизни.

В Париж!

С любовью своей под руку ехал он в воспетый поэтами полумира город любви. Великая и превосходная Лютеция.

В Париже — воздух ласкает, каштаны цветут как нигде: *Notre Dame* небосвод подпирает, бистро утопают в вине.

В Париже красивы и явные уроды, в кепи ажаны милы, не пахнет навозом, заводом, а люди живые и подвижные.

В Париже — могилы поэтов полусвета, импрессионистов Монмартра, кафе гомонят до рассвета; в Париже — индустрия легкой любви.

В Париже — самые красивые б..., расценки их умеренно дороги, каждую ночь миллиона два свадеб; пирожки с трюфелями продают.

В Париже — свободен умом и душой сын самой суровой земли, однако от вас я не скрою: побольше с собой берите деньжонок!

В Париже — парижьте, лови миг славы, если ты — поэт или певец, ибо вряд ли представится еще дважды-трижды примерить терновый венец.

В Париже...

♦Так афористически размышлял ранним утром, распаляясь предстоящей поездкой в Париж, вдохновленный без малого сутками беспрерывных объятий и соитий Виктор Ильич. Сама же прелестница безмятежно спала утренним сном невинности, только-только отпущенная в отдых тре-

бовательным своим мужчиной. Свежесть юности исходила от ее розовых щечек, тугие башенки-груди тихонько и размеренно покачивались вослед тактам дыхания.

— Впрочем,— думал Виктор Ильич, как бы я ни описывал мыслью всю прелесть встречи с любовно-поэтической столицей мира,— все равно это будет сухое стенографирование по сравнению с предстоящей реальностью. И здесь ему, как книжнику, вспомнилась всего лишь с месяц назад прочитанная редкостная книжка хасидских преданий известного иудаистского философа и сиониста Мордехая Бубера, в частности, притча «Записи»: «*Один ученик тайно записывал все поучения, которые он слышал от Баал Шема. Однажды Баал Шем увидел, что по его дому ходит демон с книгой в руках. Равви спросил его: «Что это за книга у тебя?» — «Эта книга,— отвечал демон,— которую ты сочинил».*

Так Баал Шем узнал, что один из его учеников тайно записывает все, что он говорит. Он собрал всех учеников и спросил: «Кто из вас записывает то, чему я вас учу?» Ученик, ведущий записи, признался и отдал их учителю. Баал Шем долго изучал их страница за страницей, а потом сказал: «Во всем этом нет ни единого сказанного мною слова. Ты не слушал меня ради Небес, поэтому тебя обволокли силы зла и твои уши слышали то, чего я не говорил.»

Тогда, читая эти строки на своей знаменитой тахте, Виктор Ильич понял их в том смысле, что нерадивый или наоборот — слишком себе на уме ученик раввина Баал Шема нарушил одну из хасидских заповедей, а именно: традицию «устной Торы», которая не подлежит записи, как Тора письменная, то есть талмуд, а передается из поколения в поколение изустно учителями-равви. Теперь же, вспомнив к случаю притчу, он нашел ее во втором толковании в том смысле, что-де слова изреченные есть ложь, как сказал русский поэт. А конкретно: нечего предаваться описательным мечтаниям, а пора в Париж.

♦Однако юная подруга глубоко спала. Нежность пронизывала и тело Виктора Ильича, а посему мысленное описание Парижа продолжилось...

В Париже люди и спят по-иному: обязательно попарно (или втроем-вчетвером) и без сна. Дворники по утрам метут метлами в строго выдерживаемом физиологическом ритме движений при половом акте, а если они перестают придерживаться этого правила, то возмущенные жильцы с полным на то основанием жалуются в муниципалитеты своих коммун, округов и прочих префектур и, как правило, свои иски выигрывают.

В Париже живет самый изящный президент (хотя и умеренно, как

все французы, пьющий), и вообще: в Париже президент был еще в те времена, когда во всей остальной Европе сплошные короли и императоры руководили народами на пути к поступательному прогрессу; да... еще ими руководили цари Греции и Болгарии, султан турецкий (в европейской части Блистательной Порты), папа Римский, кайзер Германии (после 1871 года) и многочисленные курфюрсты, маркграфы, великие и невеликие князья — в той же Германии, но только до года Парижской Коммуны. Впрочем, монархиями также не были Исландия и Швейцария; в первой также был кто-то вроде президента, а в Швейцарии управляли кантональные советы.

В Париже случилось так много революций, что жители и гости столицы попривыкли к ним, даже скучали без них, а к самим ружейно-баррикадным действам стали относиться по-парижски, то есть несерьезно.

В Париже на миг хотя бы, но приобретает человеческий лик самый отъявленный и бездушный чиновник, человек-машина, о котором так мечтательно писал известный французский философ-просветитель Жульен-Мари Офре де Ламетри. Словом,— апостол бюроплутократии.

В Париже — самый высокий в мире суточный расход спермы на душу населения; ведь как в Альпах все почему-то должны ходить в вязанных шапочках, кататься на лыжах и слушать (с отвращением) тирольское горловое пение, так в Париже все — от младших школьников до 90-летних инвалидов труда и революций,— обязаны неписаным законом до изнеможения предаваться любовным утехам. Обстановка и традиция заставляют.

В Париже Дом Инвалидов совсем не то, что одноименные учреждения социальной заботы в Урузаевке Чувашской республики или в городе Копенгагене Датского королевства. В Париже все ажаны-полицейские суть герои «черной серии» детективов, всех вахтерш зовут консьержками, а простых и честных малых-парижан — Жаками, Жанами и Гастонами. Здесь главное не путать последних с гарсонами — работниками тамошнего общепита, по виду чем-то напоминающих отечественных официантов с тем отличием, что гарсоны не грубят, не заставляют клиента по полтора часа ждать салат «оливье» — в Париже, «столичный» — на родине. Не обсчитывают сверх меры, не переворачивают грязную скатерть на глазах посетителя, не подают захватанные рюмки, фужеры, вилки, ножи, тарелки, бутылки..., а напротив: здороваются, подходя к столику, прощаются и приглашают заходить еще, приносят без особого на то требования горчицу, перец, соль, а также без вашего желания не подсаживают к столику скучающих девушек, не разбавляют виски-водку во-

дой, а коньяк — виноградным соком, подают счет, не кричат, что-де ажанов позову, алкоголик проклятый, если клиент на чай не дает; подают шамовку, пиво и минералку, если посетитель не хочет пить водку, при этом почему-то не орут во весь зал: «Идите в столовую, а в ресторан не есть приходят!» И много других чудных вещей делают гарсоны, словом, у них каждый день — день качества и вежливого обслуживания.

В Париже течет парижская жизнь, поют куплеты шансонье. В Париже говорят, что все соседи-итальянцы певцы и предатели*, и беззлобно смеются. А вот во Франкфурте, который на Майне, говорят: в других частях света есть обезьяны, а в Европе — французы,** — и мрачно, свирепо хмурятся. Сразу видна беззлобная суть галльского характера, внешнее воплощение которого есть Париж и его обитатели. В Париже находится штаб-квартира ЮНЕСКО (*UNESCO, place Fontainoie, 7, Paris, France, 75007*).

♦Порой кажется, что в Париже сущий бедлам, но парижский бедлам зовется Сальпетриером. Там врачевал Шарко; душ Шарко полезен для восстановления оптимизма и деятельности половых желез. Можно прививать и обезьяньи железы, но стоит это дорого, почти миллион новых франков, а на франках — петух и Марианна во фригийском колпаке.

В Париже все дорого, все, кроме бескорыстной любви мужчины к женщине, мужчины к мужчине, женщины к женщине, мужчины и женщины к отчеству.

Для обуздания слишком высокой безответственности парижан я бы предложил ввести некую бесполезную, но методическую и дисциплинирующую обузу для жителей бесшабашного города, например, обязать каждого совершеннолетнего парижанина ежедневно сдавать суточный анализ мочи, а приемный пункт соорудить один на весь город и с неясным расписанием работы, но с тем условием, что все виды жизненных удовольствий — пища, вино, зрелища, любовь, езда на машине и на велосипеде, прогулки в скверах, на бульварах — должны отпускаться только по предъявлению справки о сдаче анализа мочи за предшествующие сутки. И гарантирую вам: город Париж тогда бы с гораздо бóльшим чувством ответственности, серьезности за порученное дело, с оптимизмом шел, нет, — мчался к высшим идеалам Великой революции 1789 года: *Liberte,*

---

* * Стендаль

** Шопенгауэр

Egalite, Fraternite! Vive la France! Vive la France!!! — Пуркуа па? (Почему бы и нет?).

Вот в такой-то город отправились в два часа пополудни Виктор Ильич и его подруга: просто Леночка.

Надо сказать, что если в родной их город *Т.*, по пословице, со своим устройством для приготовления чая не ездят, то в Париж не принято ехать со своей подругой. Однако Виктор Ильич был провинциальным книжником и таких тонкостей как-то не воспринимал, а проще — опосался сношений с незнакомыми иностранными женщинами, тем более — половых.

Глава седьмая

♦Еще одно (число их бесконечно!) лирическое отступление по долгой дороге в Париж; речь пойдет о котах.

Книжнику и знатоку французского языка Виктору Ильичу по дороге в аэропорт вспомнился некстати французский же стишок из раритетной «Еврейской энциклопедии», что украшала его полки своими восьмью томами (еще восемь помешала издать Великая, уже Октябрьская революция...). Стишок этот был из средневековых баллад с еврейскими сюжетами:

«Entre Juis et Crestienes
S'entreinment come chaset chiens.
Bien est droiz que nons les haious
Etq ue contre cuer les aions»[*]

Не подумайте, что Виктор Ильич был антисемитом — тьфу, тьфу! Хотя в нашей стране еще со времен Иудушки Троцкого и принятого по его инициативе знаменитого закона об антисемитизме всякого, кто (не будучи, конечно, евреем) произнесет безо всякого умысла наименование этой славной в мировой истории нации, тотчас заклеймит общественность, прокуратура и милиция. Совсем, наоборот, учитывая, что и в Архивном институте, и в *Т*-ом областном архиве наш герой преимущественно общался с потомками Авраама и Моисея. Старофранцузский же стишок он припомнил именно в связи с упомянутым в нем котом.

---

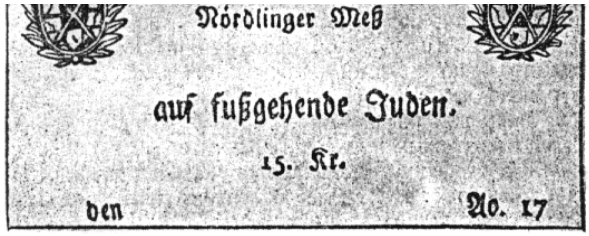
[*] «Евреи и христиане любят друг друга, как кошка и собака; вполне справедливо чтобы мы их ненавидели и чтобы они нам были не по сердцу» (фр.).— «Еврейская энциклопедия». Т.III.— СПб: Изд-во Брокгауз—Ефрон.— С. 715.

Кстати, о евреях. Шипя порой на своего коллегу Изьку Антонóвича, Виктор Ильич в минуту покоя и расслабления испытывал к нему и его сородичам даже чувственную жалость: сколько же этому народцу пришлось перенести страданий за последние две тысячи лет?!

Вспомнился характерный эпизод. Как-то за бутыльком «партийного» вина, то есть ординарного молдавского портвейна, Виктор Ильич начал жаловаться Изьке, что-де в нашей жизни никуда не денешься без документов: всюду паспорт нужен, метрика — для малолетних, без пропуска никуда не войдешь...

Изька загадочно и грусно помолчал, а наутро в Архиве подошел к столу вчерашнего собутыльника с солидной староизданной книгой, открыл заложенную страницу:

— Смотри! Ты на пропуск в Архив, который у тебя никто не спрашивает, жалобишься, сопли мусолишь, а вот смотри:


Nördlinger Meß
auf fußgehende Juden.
15. Kr.
den No. 17

— Это в XVI веке при папе Павле IV. Тогда еще понятия о паспортах не было, а еврей, выходя из дома, обязан был иметь такой пропуск. А ты говоришь...

Очень жалко стало Виктору Ильичу Изьку и всех его соплеменников.

♦Кот есть животное ведьмовское, дьявольское, поэтому кот просто необходим в любых сношениях с рогатым миром преисподней, потому-то он и появляется в описаниях дьяволиад и душепродаж, как спутник лукавого. Виктору Ильичу никто бы не позволил везти в самолете международного рейса кота: на всякое ввозимое в зарубеж животное нужна масса справок о прививках, породе и пр. А сделать коту, да еще свободолюбивому, дьявольскому, прививку — дело хлопотное; кот при этом действии обязательно кого-нибудь до кости прокусит. Что же касается пород, то это не собаки; кот имеет ту породу, которую пожелает хозяин, но

справки-то дают в обществах любителей котов?

Между тем, кирнарский кот есть сущее воплощение дьявола в кошачьем естестве: он крупнее среднестатистического Васьки, то есть размером с глупую болонку, окраска черная с белой грудью и кончиками лап. Иногда и кончик хвоста может быть белым. Пушист, но не валяной шерстью псевдосибирского кота, а сверкающей, лоснящейся, тугой и жесткой на глаз мантией чернобурой лисицы; кстати говоря, в самой Кирнарии коты и лисицы очень дружны и даже замечены в попытках межвидового скрещивания; потому-то жителями этой страны они и почитаются как покровители мезальянсных браков...

Глаза у кирнарского кота обычные кошачьи, то есть зеленые со зрачками-щелочками, ночью светятся интенсивно-ядовито и внушают страх всем добрым и недобрым людям. Походка аккуратная, мягкая. Днем он ласков, лежит себе в тепле на солнышке, распушив свой великолепный хвост. Ночью же охотится за доверчивыми душами.

Любит после теплого дождика выйти на улицу и усесться обок самой грязи на обочине и наблюдать, как люди с проклятьями тащатся по щиколотку в воде, перемешанной с разбухшей дорожной пылью и грязью.

Кирнарский кот — животное очень и очень себе на уме и ходит тоже сам по себе: куда вздумает и где ему вздумается, не спрашивая позволения, разрешения, пропуска, допуска, визы; словом, не имея документа на жительство и образ участия в трудовой деятельности. Это животное глубоко философское, переполненное идеями о несовершенстве мира. В основе его философии — практический и идеалистический индивидуализм, но такого толка, что не мешает жить и другим, если только этот другой не соседский кот, решивший поселиться в его квартире.

Это животное эстетствующее, гурман в грязи жизни. Ест он даже не что придется и что подадут, а что сам себе выберет, если есть из чего выбирать, а нет — и так перетерпит, но воду из грязной лужи лакать не будет. Сложнее дело с помойками, но ведь, с другой стороны, копается ведь в исторических помойках профессор археологии и не стыдится того?

Одно загляденье — смотреть, как идет кирнарский кот: лапки в нарядных белых башмачках; походка, поступь мягкая, но сильная; идет разборчиво, лужи, собак и людей обходит не спеша, с достоинством, а те робеют: кобели цепные как-то смущенно отворачиваются и с интересом смотрят на фонарные столбы, а у людей, даже отъявленных демократов, рука не поднимается схватить обломок кирпича и зафитилить в кота, как то в обычаях двуногих...

Кирнарский кот, философ, эстет, мыслитель и гурман — порожде-

ние эпохи скепсиса и определенной материальной и духовной эмансипации в животном домашнем мирке. Он любит музыку сфер, но ненавидит театральное лицедейство; ему все кажется, что люди ломают бесконечную, нудную и восторженно-слезливую комедию, трагифарс. Лишь в музыке он обретает покой и душевную гармонию.

Сродни ему и пластика; вообще пластические искусства им более всего почитаются, а ужасно не выносит стихотворцев-песенников, особенно козлиным речитативом бардствующих под гитару, бр-р-р! Просто ненавидит их из-за пошлых манер и грязных, месяцами не стиранных носков; кирнарский кот очень чувствителен к запахам, хотя люди и утверждают, что у кошачьих с обонянием скверно, в отличие от превосходного слуха и в высшей степени замечательного зрения.

Кирнарский кот, как то следует из его самоназвания, родом из Кирнарии, однако, со времен чуть ли не египетских распространен повсюду, кроме полинезийских островов, где едят всю живность. Их тайный духовный союз не знает границ, их сила в единении духа, устремленного к идеалам личного самосовершенствования. Их общая мечта — развесить в общественных туалетах, театрах, пивных, квартирах, фабриках, сапожных мастерских, публичных домах, чердаках, дымоходах, столовых, трестах, канцеляриях, культовых зданиях — от мечетей до синагог,— пещерах, салонах и трамваях таблички: «Кирнарского кота не трожь!»

Кирнарский кот — животное исключительное, воспитанное, самостоятельное, словом, сложно организованная натура. Берегите кирнарских котов, они — хотя большей частью совершенно бесполезны, но без них жизнь — одна сплошная грязная улица: туда-сюда, там-сям.

Вот такого кирнарского кота Виктор Ильич вез без справок и билета. У себя в душе.

♦Леночка во все глаза-глазенки — чудные глазища, увеличенные умелым подкрашиванием, смотрела в иллюминатор: ведь внизу была Европа самая настоящая, самая заграничная Европа, откуда разными путями — официальными, торговыми, беспошлинно-тайными, сувенирно-дозволенными, почтово-пересылочными, дипломатически-блатными — приходят в наш быт такие завлекательные для женщин, мужчин, деловых людей и б... вещи. Эти датские пулярки, туго забитые в полиэтиленовую упаковку, итальянские лимоны, французские коньяки «Камю» и «Наполеон», что потом продаются в Новоарбатском гастрономе за 25 и 40 рублей соответственно, португальские «*Porto*» и томатная паста в ярких жестяных банках, исландские селедочки в винном соусе, чешские каран-

даши «Кохинор», голландская, французская и английская обувь за 35 рублей — мужские туфли, женские сапожки прошлогодней парижской моды, редчайшие галстуки от Диора, стальной лист для отечественного легкового автомобилестроения из Эльзаса, красители женских волос от «Фарбениндустри» и «Элизы», сладкая женская же мечта — гормональные противозачаточные средства и сладкая мечта мужская — ароматизированные презервативы с пупырышками или усиками, джинсы, финская бумага-пергамент для фирменных бланков орденоносных учреждений и оттуда же — лощеный тонкий полукартон для визитных карточек МИД'овских и торгпредовских трудящихся, английские реакторы для пластмассовых заводов, французские духи, ресничная тушь и женская помада, женское тонкое белье-интим, катализаторы химических реакций, биохимические препараты, офсетная рекламная упаковка для сигарет «Космос» и *Т*-их штучных пряников, шведско-датские порножурналы от *Педерсона и К°*: сеятели и просветители в наших краях последних достижений в области самодельного, пáрного и группового траханья-сраханья, баптистские издания Евангелия от св. Иоанна на папиросной бумаге, грампластинки из Лондона с записями битгрупп, все моды из Парижа, сильнодействующие антибиотики, аэрозоль от пота, итальянский кримплен, оборудование для нефтехимических и автомобильных заводов, стереопроигрыватели и кассетные магнитофоны, подтяжки в широкую ленту и рубашки-батники, сексуальная веротерпимость, книги русских поэтов «Серебряного века», изданные в Москве тиражом в 15000 экземпляров и отправленные за рубеж, дипломатические и просто агенты всех разведок Европы, туристы, мечты о свободном предпринимательстве в области проституции и торговли, почтовые марки для коллекционеров, электронные зажигалки, швейцарские часы с барометром и будильником, сигареты «Лорд» и «Честерфильд», «Уинстон» и «Кэмэл», «Житан» и «Мальборо», порошок для домашних химических абортов, воскресные выпуски «Юманите Диманш» и ежеквартальный журнал «Англия». Много чего везут, ума только не привозят...

♦Лицо ее светилось счастьем и отсвечивало лихорадочным юным румянцем, а кулачок левой руки трепетал, сжимая, впиваясь в интеллигентную, с длинноватыми и пухловатыми пальцами, но все же мужскую, крепкую ладонь Виктора Ильича, рассеянно пившего коньяк, принесенный куколкой-стюардессой, которой он сказал, слегка смущаясь от непривычки говорить иностранно: «*Merci bien, mademoiselle!*» При этом он покосился на спутницу путешествия, но та поощрительно кивнула, улыб-

кой извиняя его своеобразный прононс.

Сама же она, как понял из ее рассказов Виктор Ильич, в достаточной для практики степени овладела французским и английским диалектами иностранного языка за неполные четыре года педвузовского иняза. Кстати то, что она изучает иностранные языки, почему-то так же насторожило его, как ранее слишком высокие и крепкие для ее возраста и конституции груди.

В какой-то момент Виктор Ильич с интересом начал прислушиваться к детски мурлыкающей речи куколки-стюардессы, пояснявшей для любознательных пассажиров, над какими прекрасными горами и историческими городами пролетает их самолет. Уже совсем с интересом обнаружил, что понимает ее речь (раньше он только мог читать по-французски) без помощи Леночки, как это было еще за десять минут до того. Но не удивился, услышав, что пролетают над Брокеном, «так прекрасно, волшебно и чарующе описанным великим Гёте», — пояснила куколка в пилотке-кокошнике.

— Колдовское место,— проворчал Виктор Ильич и вдруг взыграл в нем легкий хмель коньяка от фирмы *Camus*: лететь над самим Брокеном и без чудес? Ну-ка, рогатый оруженосец мысли, сотвори ведьмовство! И он не успел еще в деталях обрисовать планируемую акцию, лишь подумал в общем, абрисно, как в ужасе крикнула: «*Mon dien!*» — стюардесса, и от сильного толчка мотнула в сторону левого ряда, прямо на колени пассажира — толстого немца из Мангейма, покойно сидевшего в крайнем кресле первого ряда салона.

Возникла тяжелая фигура в сером плаще, заслонившая переднюю стенку со светящимся табло указателя высоты и температуры за бортом. Из-под плаща высунулись короткое дульце террористического израильского автомата, а голос, усиленный отобранным у стюардессы микрофоном, ужасом овеял пассажиров:

— Спокойно, вы еще живы! Надеюсь и останетесь такими же, если будете точно исполнять мои приказания (— в это время двое других, отворив дверь в пилотский отсек и наставив пистолеты, вели с летчиками неслышные в салоне переговоры —): самолет захвачен группой мщения по мандату Исполкома возрождения Саллах-ад-адинского народно-революционного сопротивления. Мы требуем освобождения из тюрем Англии, Бразилии, Испании и Швеции семерых наших бойцов, содержащихся там по обвинению в диверсиях, ограблениях и якобы даже в изнасиловании сорока испанских монашек!? Мы также требуем внимания от ООН к положению дел в нашей многострадальной стране, оккупирован-

ной войсками Капернаума. Мы будем летать до тех пор, пока наши героические соотечественники не будут освобождены и перевезены спецрейсами в Абдалахарский эмират. Итак: спокойно сидите, ни с места! Огонь открываю без предупреждения. Свобода или смерть! Аш-аллах иншаллах! За наш исламский суннитский социализм! Смерть неверным и предателям веры — шиитам! Аш-аллах-иншаллах!

— Сидите спокойно, а то всех вас постигнет судьба гнусного Омара, преступившего завет Пророка!..

Леночка вцепилась в правое плечо Виктора Ильича обеими руками и побледнела:

— Ой, что будет, как страшно, милый! Что они с нами сделают?

Однако Виктор Ильич сохранил на лице скучную гримасу опытного международного путешественника, попривыкшего к бесчинствам в воздухе горбоносых сынов аравийской пустыни, потомков нежных Лайлы и Маджнуна, уверенной мужской рукой обнял задрожавшую подругу и, как мог, в обстановке охваченного тихой паникой салона, успокоил ее, что-де ничего особо страшного, полетаем часов пять, а там высадят где-нибудь в Африке — в Ливии или где там эти бандиты зарплату получают...

Так занимательно началось их путешествие: дикие заграничные нравы давали о себе знать.

♦Самолет компании «*Air France*» действительно летел уже пятый час. Стемнело. За бортом — в иллюминаторе — ни зги не видно. Где они? Куда направляет их рука аллаха? Застывшие фигуры бандитов: различима голова распорядителя в раскрытой двери в пилотскую кабину, он беспрерывно орет в микрофон, переговаривается. Второй поверх его головы держит под прицелом неразличимых пилотов, а здоровенный громила в сельджукских усах, с автоматом, сонно посматривает со своего стульчика на замерший салон. А там — кто дремлет (это те, которые с крепчайшими нервами), кто тихо мается, где-то шепчутся. Леночка заснула от пережитых волнений на плече спутника, а его, единственно спокойного в самолете, и самого в сон тянет, но — крепится.

Усатый араб зевнул во всю глотку и масляно посмотрел на бедро стюардессы в мини, сидевшей в кресле напротив него (толстого немца он угнал в хвост).

— Застрелить, что ли, сукиного сына,— лениво подумал Виктор Ильич, но жаль было будить и пугать только-только заснувшую, изнервничавшуюся подругу. Но было скучно без действий, а коньяк бодрил

кровь.

— Пора шабашить,— пожелал он и почувствовал, как самолет ткнулся о невидимое носом и пошел на снижение. В салоне умеренно загомонили, заволновались. А абрек с автоматом раззевался как рыба, вытащенная сетью.

Через какое-то время замелькали посадочные огни, вдалеке заструился сплошной неоновый свет большого города. Уши заложило. Самолет дернулся и побежал по дорожке аэродрома, остановился. Те, трое, стали у выхода, держа кабину и салон под дулами. Дверь раскрылась, а старший приказал пассажирам выходить. Те же, еще полностью не веря в избавление от напасти, потянулись, стараясь не глядеть на стволы автоматов, пистолеты и посерьезневшие лица террористов.

Когда Виктор Ильич проводил мимо абреков испуганную Леночку, то усатый загоревшимся желанием взглядом обсосал груди и бедра ее, на что Виктор Ильич не в шутку рассердился.

Озябшая в ночи толпа сгрудилась у здания аэровокзала; вокруг суетились такие же, как и захватчики, усатые и горбоносые полицейские, некто в штатском, фоторепортер.

Пассажиров держали в куче до тех пор, пока самолет не заправили керосином, а затем ждали приземления небольшого самолета, из которого в сопровождении людей в штатском вывели освобожденных бандитов, из-за которых он, Виктор Ильич, пять часов томился в воздухе, да еще полночи здесь, хотя и сам всему был виной; его сдерживал только спортивный интерес: а как они менее чем за десять часов сумеют доставить бандитов из Бразилии?

После погрузки бандитов в самолет компании «*Air France*» экипаж его вышел, а их место заняли горбоносые летчики, неизвестно откуда взявшиеся, самолет загудел, побежал-побежал и тяжело оторвался от аэродромной полосы. В заложниках на его борту остались трое подданных Саудовской Аравии из числа невыпущенных пассажиров.

Леночка запоздало нервически всхлипнула, а Виктор Ильич вспомнил тот масляный взгляд усатого араба, преисполнился гневом и произнес приговор, задним числом приписав саудовских заложников к замаскированным под пассажиров сообщникам бандитов. В тот же миг в черном небе грохнуло и полыхнуло пламенем. В свете его было видно, как над разлетевшимся в куски самолетом с террористами пронесся истребитель — то ли «Фантом», а может и «Миг»,— под правым крылом которого кособоко висела вторая, неиспользованная ракета.

— Видно о чем-то договорились,— услышал Виктор Ильич голос

комментатора из толпы, а сам злорадно подумал: пусть политики и разбираются, особенно те, кто поощряет бандитизм!

♦В окружении полицейских и репортеров экс-пассажиров повели в здание аэропорта. Над зданием высоко высвечивался прожекторами огромный портрет молодого наглого араба в тюрбане и европейского покроя маршальском мундире. На двадцати языках подпись извещала, что это есть президент данного государства, он же — одиннадцатый по историческому счету пророк аллаха и одновременно генеральный секретарь партии исламского социалистического процветания.

Виктор Ильич сплюнул и потерял интерес: ждешь экзотики, а повсюду мировой бред! Никуда не улетишь от политдемагогии. Идут века, тысячелетия, люди вроде как цивилизуются, просвещаются в самых медвежьих (слоновьих, пингвиньих...) углах Земли, совершенствуются, а взглянешь стрезву, приотстав на шаг-другой от завороженно орущей лозунгами толпы, и горечь обливает душу. Стадо и осталось стадом, да не просто осталось, а в чем-то усилило безмерно идиотический комплекс.

Уже и думать никто не желает, исключая редких безумцев, порхающих мыслями поверх выключенного экрана телевизора. А что стоит такую толпу загипнотизировать, одеть в сапоги и френчи, или в спецовки и послать куда угодно и зачем угодно?! Тошно стало Виктору Ильичу, и случилось видение наяву: завтрашний день мира, вроде как 2000-й со дня рождения посланца небес Иисуса Христа, искусного оратора, искреннего, честного, сострадательного, убежденного в силе нравственных законоучений — словом, здесь Виктор Ильич, как человек своего времени, то есть слегка диссидентствующий и в морали, и в политике, и даже в далековатой от его души религии, словесно прегрешил,— и легкого душевнобольного, каковыми были все пророки: Магомет и Христос, Пифагор и Будда, Сократ и Лао-Цзы, Моисей и Конфуций. Впрочем, за китайцев он не ручался...

...Возбуждение нарастало к вечеру. По всем прогнозам ночь *должна* была быть ясная; луна отчетливо *должна* серебриться на черно-провальном небе. Но не доверяя всем прогнозам, в половине девятого вечера в темнеющее небо над Европой, Северной Африкой, частью Азии поднялись тяжелые транспортные самолеты и исчиркали все небо Земли, распыляя конденсирующие аэрозоли, что-то вроде йодистого серебра (Самолеты поднялись и над светлой еще в этот час Америкой). Тотчас повсеместно выпали короткие градобойные дожди, а небо очистилось от всякого облачного криминала. Общая стоимость операции «Чистое небо»

составила восемь миллиардов долларов, но не лучше ли потерять эти миллиарды бумажек, к слову говоря, реальная стоимость их для США не выше стоимости того же по весу количества хорошей писчей бумаги, — чем огорчить миллиарды людей, к полуночи собравшихся посмотреть на невиданное от сотворения мира зрелища.

Повсюду в городах и селениях цивилизованной части планеты толпились на площадях, оторвавшись от наркотика-телевизора, празднично одетые люди, разносилась музыка — от венского вальса до севильской фламенки и заунывных мотивов Мавритании. Общественные здания украшенны неоновыми живыми цветами; все питейные заведения выставили столики на тротуары, открытые площадки, веранды, лоджии, наконец,— просто выставили их куда угодно из своих помещений для вящего удобства пьющей и развлекающейся публики. День накануне долгожданной ночи был объявлен нерабочим, многие, почти все, набрались уже с утра, а к вечеру веселье выплескивалось из счастливых людей, подобно блевотине из глотки перепившегося юнца.

— Какое счастье... Дожили ведь, сподобил нас Господь!

— Да-да, жаль внуки наши, еще не родившиеся, уже никогда этого не смогут увидеть,— слышалось на улицах, площадях, переулках, тупиках, проездах, скверах, аллеях, в квартирах, отдельных кабинетах в ресторанах, в варьете, в пивных, в номерах публичных домов, общественных туалетах, в театрах, в больницах, моргах... Из уст в уста передавали, что, действительно, один клиент морга, расслышав возбужденные речи соотечественников, пробудился от летаргического сна, сбросил проформалиненную простынку и побежал на улицу: посмотреть и вернуться досыпать необычно длинный сон...

А громкоговорители на улицах города гремели оркестрованными овациями, дикторы с мировой известностью на двух десятках языков выкликали здравицы в честь гения человечества, славили мудрость руководителей народов и государств, завидовали счастью ныне живущего поколения.

♦Общественное мнение сходилось в одном: самыми несчастными в эту ночь будут слепые, но нет предела человеческому разуму! — Именно к этому дню специально скоординированная международная сеть исследовательских фирм форсированно, за несколько месяцев сделала невозможное: был разработан и запущен в серийное производство аппарат для передач от зрячих слепым биосигналов, воссоздающих в сумеречной душе голографическую картину реального видения. Была в одночасье

преодолена величайшая каверза природы. Два десятка лауреатов Нобелевской премии, около пятисот профессоров — гордость европейской и американской науки, тысячи инженеров, техников, рабочих день и ночь трудились сверхурочно и достигли успеха. Пресса и электронные средства массовой информации в этот день с утра передавали список из семисот виднейших ученых в области медицины, биофизики и биохимии, психолингвистики и электроники, прикладной математики и нейрофизиологии, удостоенных правительственных наград своих стран, громких научных премий, академических званий, а в монархических странах — дворянских и графских титулов. Вакансии на Нобелевскую премию по физике, химии и биологии были забиты на всю следующую пятилетку.

К пяти часам пополудни молниеносно изготовленные на предприятиях крупнейших транснациональных корпораций аппараты ясновидения самолетами, вертолетами, скорыми поездами и нарочными на гоночных автомобилях и мотоциклах были доставлены всем слепым от рождения или от несчастий людям. На отдаленные острова доставка осуществлялась военными катерами на воздушной подушке. Теперь не только стоило одевать белый, утыканный электродами пластмассовый шлем на свою бедную голову, а соединенный с ним кабельным жгутиком зеленый шлем — на голову друга, жены, любовницы, сына, просто хорошего приятеля или, на случай крайнего сиротства и заброшенности,— на голову любезно выделенного местным собесом полицейского или добровольца из числа учащейся молодежи; не только стоило... Как только шлем одевался, так в затуманенном мозгу слепца разворачивались картины залитых огнями праздничных городов, повеселевших деревень, обещающие наслаждение невиданным зрелищем темного безоблачного неба, на котором сверкала, струилась, серебрилась, ласкалась лицом холодной красавицы Луна — вечная спутница Земли, путешественников необжитых мест, влюбленных, лунатиков, враг ночных воров.

♦Нет, не было с пяти часов пополудни этого дня несчастных на всей планете. В эту удивительную лунную и чистую ночь ликовали континенты; в больших мегаполисах и глухих деревеньках затерянных краев, на холодных оконечностях арктических стран, в пространной Азии, в уютной, цивилизованной Европе все были счастливы. Даже канарейки на Канарских остовах не засыпали в эту ночь, сидя на своих ветках, жердочках и балконных перильцах. Но, боже мой, какими несчастными были люди тех стран и земель, которые в час «*Ч*» должны были освещаться солнцем!? Горе их передать невозможно...

Впрочем, как мы уже говорили, нет предела разуму человеческому, и здесь были найдены некоторые решения, в той или иной степени приобщавшие к лицезрению рукотворного чуда почти все население Земли.

Над серединой Атлантики повис на страшной высоте, видный на материках по обе стороны океана, огненный голографический транспарант на языке иврит — тьфу-тьфу, заболтался, насмотревшись давеча от нечего делать передач по НТВ,— на языке англо-американском, конечно же: «СЛАВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОМУ ГЕНИЮ!»

Излишне говорить, что в этот вечер и ночь на Земле никто не спал, а работали только люди огненной профессии — сталевары, органы национальной безопасности, бойцы невидимого фронта — разведчики (чужих недр), грабители вкупе с полицейскими, генералы в штабах НАТО и Варшавского Договора, руководители государств и, конечно, главные герои дня: обслуживающий персонал космодромов, шахтных пусковых установок, самолетов-ракетоносителей, атомных подводных ракетоносцев, орбитальных космических лабораторий-стартплощадок.

В семь вечера, когда люди готовились к ночи острых наслаждений, они, труженики и герои-исполнители, встали у пультов, разнесенных по пяти стихиям: на суше и под землей, на воде, в воздухе и в космосе.

Ровно в девятнадцать пятнадцать по Гринвичу запели зуммеры командных постов, а ответственные за то голоса передали шифрованные тексты и номера ключей ядерных шифров. Еще через тридцать секунд уполномоченные-секретчики из числа сержантов, прапорщиков, лейтенантов и капитанов всех родов войск — подводных и стратегических наземных, космических и военно-воздушных,— отомкнули портфели, сейфы, камеры и выдали командирам нужные дискеты с записью шифров, а те дрожащими от волнения и высокой ответственности руками вставили их в дисковводы ЭВМ пусковых установок. Начался обратный отсчет времени.

А вслед затем, с семи двадцати трех до восьми сорока двух вечера великие дела и творения рук трудовых человеческих и воспаленных гением, дерзанием и ответственностью за судьбы мира умов — ракеты экстракласса с умощненными зарядами ядерных боеголовок протонно-сингулярного типа, только год как поступивших на вооружение сверхдержав, с ревом и пламенем вынырнули из вод океанов, выпрыгнули из шахт, стартовали с самолетов-носителей, с космических площадок и одна за другой сгинули в темном провале космоса.

Порядок старта был проведен в строгом соответствии с расписанием, утвержденным на Всемирной конференции Особого Совещания глав государств и представителей международных организаций от Красного

Креста до Лиги поборников гуманного обращения с животными и растениями (под покровительством Меллоновского Фонда; Арчибальд, шт. Северная Дакота; Telex 341-072-US43; ограниченная ответственность).

В течение всего времени стартов оперативная пресса, телевидение, радио и голографовидение передавали, чередуя с записями стартовых грохотов и энтузиазма народных масс, ответственные заявления полномочных представителей, литераторов и борцов за гражданские права, епископов и имамов, международных юродивых и кинозвезд, боксеров и театральных критиков о счастливом будущем человечества и гомооптимизме.

А затем, когда смолкли залпы и речи, началось празднично приподнятое ожидание — до половины первого ночи по меридиану, условно пролегающему по середине Атлантики, равноотстоящему от берегов Старого и Нового света... И мы подождем. До половины первого следующей ночи.

Тьфу-тьфу! Не сглазить бы.

♦Господи! Как время все изменяет?— Что было вчера черным, сегодня белым-бело; и наоборот. Первая мировая война заканчивалась братанием на позициях; это после четырех с лишком лет кровопролитной войны, бойни с массированным применением газов?! Ну, а вот столкновение не просто войск и наций, а Идеологий — это ужасно; вторая мировая закончилась битвой до конца, до тотальной мобилизации несовершеннолетних и стариков, до перегрызания глоток живым людям, самоотравления крысиным ядом, самосожжения и убийства собственных детей, дабы не познали они, оставшись живы, чуждую идеологию. А чем же закончится Третья мировая (холодная)? Слава те, Господи, Виктору Ильичу это было неведомо, а то бы и спасительная рука дьявола рогатого не успела помешать взвести курок (а вот на кого нацеленного?— этого мы вам не скажем...).

...И как давно это длится, еще печальник и творческий шизофреник Кьёркегор за сто лет изрек, что-де «нынче все политика». И к этому-то стремилась, эволюционировала цивилизация: от простой брани, которая, как известно, на вороту не виснет,— и войн силами полувзвода к идеологическому, а ныне — и вовсе страшно вымолвить — национально-биологическому перегрызанию глоток алым от чужеродной крови ртом, хилыми, гнилыми зубами людей XX века, дурно пахнущими, если хоть час-другой коровой не пожевал пресловутый «стиморол», но — цепко, цепко!

Впиться в живую плоть идейного, а лучше — национально-биологи-

ческого, этнического врага и, наслаждаясь, зверея, перегрызть хрящ дыхательного органа и пищевода, отхаркивая теплую человеческую блевотину.

...Нынче все политика.

♦Между тем, ближе к следующей ночи возбуждение в городах и селениях всего мира нарастало. Выделенными правительствами и частными авиакомпаниями, экстренно зафрахтованными самолетами, супераэробусами, транспортными ракетолетами в Европу, Северную Африку, на Атлантическое побережье обеих Америк, а особенно — на Карибские острова, Мадейру и Канары спешно прибывали последние группы людей, желавших воочию увидеть чудо. В остальных же частях света (где водятся обезьяны, слоны, песцы и северные олени) телевизионные и телеголографические студии в последний раз проверяли и резервировали аппаратуру. Огромные голографические экраны светились на центральных площадях городов Азии, Австралии, Африки, большей части обеих Америк. В деревнях устанавливались разосланные центральными властями большие демонстрационные телеустановки.

Мессию не ждал так некогда народ Израиля. Счастье готовилось войти в каждую душу. Уже рассказывали, что где-то в Париже грудной ребенок скинул с себя пеленочку и побежал, смешно притоптывая неходящими еще ножонками, к телевизору в соседней комнате, а в Вене целая свора собак, отвлекшись от случек, расположилась перед витриной магазина с включенным супервизором... Трогательность масс подогревали уставшие от цитирования восторженных заявлений комментаторы. Радость пришла на Землю.

А любимым словом политических комментаторов так и оставалось «*так называемый (ое, ые, ая)*». Дошли до того, что говорили об идеологически противостоящем государстве не иначе, как «так называемое государство (имярек)». Но сверхосторожные в прессе и само словосочетание «так называемый» стали употреблять в кавычках. Отрицание отрицания.

Радость... Многолико твое явление. И историческая перспектива: от личного — к общественному, социальному. Раньше человек радовался только эгоистично, например, радовался жратве. В этом просматривается нечто детское, да и приходится на период детства человечества. После удовлетворялись семейными, клановыми радостями. Но прошли тысячи и еще тысячи лет эпохи цивилизации и культуры, прежде чем стали радоваться всем племенем, нацией, всем обществом, даже не государствами, но всем мировым союзом радости.

Вот высший, оргастический момент такой общемировой радости и

шабашил в своем апогее в половине первого ночи. Повсюду в городах и селениях веселые, хмельные не столько от вина, сколько от праздничного ожидания, ощущения всемирного братания, люди пели давно уже не петые песни, да и перед кем их петь: перед телевизором? Литания братства, литургия счастья. Порой казалось, что вот-вот свершится, наступит после всех ужасов человечьей волкоподобности золотой век, когда сольются в любви и дружелюбии все люди Земли, негры и английские лорды, православные и евреи, индусы и пакистанцы, китайцы и японцы, забыв о былой, казалось, неиссякаемой вражде.

...И сбудутся все высокие мечтания реформаторов социальной морали, творившие свои высокие утопии самоотречения в узких кельях, воспаряясь любовью и жалостью к человечеству. Радость, к радости, *zum Freude*! По планете не спящей, бодрствующей катился бетховенский гимн, странным образом совпадая с бывшим государственным гимном республики Южная Родезия (ныне носит другое именование): «Обнимитесь крепче, миллионы».

За минуту до половины первого прогудели предупредительные сирены, смолкли музыка и речь, молча и загадочно светились экраны телевизоров и голографических установок: на них темнело небо, а в центре экранов струила свой холодный, серебряный свет Луна — спутница человека с дремотных времен прорастания его сознания. И на улицах смолкли человечьи голоса; люди, стоя поодиночке, попарно, а в России-СССР — преимущественно по-трое, в южных странах — группами и толпами, подняв головы, не отрываясь, смотрели все на ту же Луну.

За десять секунд по радио, телевидению, через уличные громкоговорители начался обратный отсчет времени. В полной тишине над сдружившейся планетой по секундам и размеренно тикали голоса людей-счетчиков:

10-9-8-7-6-5-4-3-2-1-0. При последнем звуке глаза миллиардов людей впились до боли, до вылезания из орбит, обострив зрение, в картину ночного неба: наяву или на экранах.

Торжественными голосами на трехстах языках дикторы заявили: «Бомбардировка вечного спутника Земли началась. Вы сейчас сами увидите, а также услышите по космической трансляции грохот взрывов, которые фиксируются расставленными на селеноцентрической орбите звукоприемниками...»

В людских толпах пронесся короткий, сильный гул возбуждения; люди с острым зрением, а также с биноклями и дедовскими подзорными трубами, увидели, как на серебряном диске сверкнула искоркой точка

первого взрыва. Дикторы восторженно комментировали: «Пробный взрыв в восемьсот мегатонн, способный на Земле полностью уничтожить Бельгию, Швейцарию или...» (здесь дикторы хотели назвать Израиль, но на всякий случай поопасались: что Моссад подумает?). И вслед за этими словами страшно долгий, протяжный, нарастающий гул послышался в динамиках площадей, стереоустановках квартир.

От этого страшного гула людям стало зябко, они теснее прижались плечами друг к дружке, прогоняя теплом братских тел холод страха. Объединяйтесь, миллионы!

♦Гул уже более не умолкал, все нарастая и перекрываясь отзвуками новых и более мощных взрывов, тротиловый эквивалент которых комментировали дикторы. Наконец, самыми близорукими глазами было видно, как огненные шарики вспыхивали и лопались, сгорая, на посеревшем лунном серебре; особенно красивое зрелище являл собой взрыв на периметре диска: снопы красного огня вырывались в темноту неба на четверть-треть лунного радиуса и долго гасли, розовея, далее становились пепельно-серыми и пропадали.

В бинокли же и подзорные трубы было видно: целые куски вырывались, ощербляя края и отпадая от ясного месяца.— Светит месяц, светит ясный... Миллиарды людей не замечали течения времени, глядя на волшебное действо. А голоса дикторов торжествовали:

— А сейчас, после предварительного разогрева, будет произведен массированный, тотальный, одновременный и направленный взрыв четырехсот водородных бомб общей мощностью двести сорок тысяч мегатонн тротилового эквивалента. По расчетам он и должен сокрушить малую планету!..

В последующие пять минут огненные шарики не появлялись, Луна тускнела, сливаясь с черным небом. Внезапно вся она покраснела и поползла, разбухая, увеличиваясь в полтора-два раза неровным, эллипсоидально-размытым блином. Треск в динамиках перешел в ровный, рокочущий гул невиданной мощи. Блин же дал косую трещину, далее другую, третью и медленно разошелся на семь рваных кусков. Они медленно раздвигались, внутренние стороны пылали, но уж через пару минут они стали сереть, потухать и скоро пропали из виду. Только в сильные двадцатикратные бинокли можно было, но и то с трудом, различить два-три тусклых отблеска от наиболее крупных осколков.

Гул в динамиках просел, вовсе пропал, в наступившей тишине дикторы объявили, что станции звуконаблюдения уничтожены, а затем по-

здравили все народы мира с завершением удачного эксперимента: Слава науке! Слава разуму! Слава человеческому гению! Ур-р-а-а! Ура! Гип-гип-ура! — Троекратные клики неслись над городом и миром, люди обнимались, плакали от счастья, да-да, действительно, счастью не было предела.

— Человечество вновь продемонстрировало свою мощь и гений созидания,— объясняли с экранов телевизоров и голографических установок*.

— Радуйтесь, люди! Ура — ура-ур-р-а-а!!!

Потом рассказывали, как анекдот, что где-то в Сахаре нашелся старый, стотрехлетний, выживший из ума дед, что спрашивал сам у себя: «Для чего? Что им сделала Луна? Я сто три года смотрел на нее и не чувствовал себя одиноким. Чем им Луна помешала? Глупые, глупые люди. Хотя бы влюбленных пожалели: на что им смотреть теперь в те часы и ночи, когда все слова уже сказаны, а полная близость еще не наступила... А главное — зачем? Не пойму»...— и тряс седой головой, плача старческими, горькими слезами.

Но ошибался, ох, ошибался старый дед-пустынник; давно прошли его времена, не нужна была уже людям Луна, бесила их своим серебряным спокойствием, не смотрела телевизор, не участвовала в массовых кампаниях то по вооружению, то по разоружению, не играла в футбол-бейсбол, не работала на пользу мира, прогресса и счастья. А проще говоря, человек всегда ищет цацку, которую можно поломать, когда в голове пустеет, а силищу нажрал неимоверную: нет бы себе самому голову отвернуть или ногу в камнедробильную машину вставить!? Так ведь жалко себя, боязно, а цацку? — Круши ее, ребята! Я с ней больше не играю, вырос, баста! Другим? — Не моя забота.

♦...Не прав был дед-пустынник и жалея влюбленных; он очень был стар и мыслил отжившими понятиями. Уже давно никто не сидел мечтательно, взявшись за руки под Луной: некомфортно, да и негигиенично, опасно заниматься любовью на природе. А любовью занимались вовсе не так, как помнил это веселое и грешное дело дед. Нет, теперь человек, почувствовавший, что в свободное от работы и бизнеса время его тянет к

* Опять-таки Виктор Ильич оказался провидцем. Именно в указанные им сроки, точнее — в 2001 году, по требованию цивилизованной Америки-Европы была ритуально затоплена гордость советской космонавтики — космическая станция «Мир» (наша «малая луна»), что знаменовало и собственно конец нашей космонавтики. Самое издевательское: уничтожена станция была под самый День советской космонавтики!

плотскому, давал объявление в специальную экспресс-машину (в нынешние времена это зовется всемирной телекоммуникационной сетью Интернет), та подыскивала ему оптимального партнера, тоже пожелавшего (пожелавшую) любви: обычной или гомосексуальной.

После этого, поскольку жилищный вопрос отошел в прошлое и люди с двенадцатилетнего возраста жили каждый в своем доме, они встречались у него или у нее, называли друг другу свои имена и номера личных удостоверений*, проверяли взаимно медицинские карточки генетического и санитарного освидетельствования, сытно и вкусно ели, пили возбуждающие фитококтейли, партнерша проглатывала противозачаточную таблетку, слушали...

...На этом месте дикая фантазия Виктора Ильича по ассоциативной связи на какое-то время соскользнула в реальное, нечто бывшее с ним. А вспомнилась одна из его архивных поездок, на этот раз собственно в Москву, а не в скучное Подмосковье.

Закончив до двух часов пополудни несложные дела в хранилище научной библиотеки небольшого академического института по линии изучения революционной ситуации в России 60-х годов прошлого века, Виктор Ильич зашел в скромную бутербродную поблизости от института, выпил бутылочку пива, скушал две порции сосисок с горошком, вкусных столичных бутербродов с ветчиной, обильно намазывая их свежей горчицей... Словом, сытый и довольный, он вышел на залитую теплым, но не знойным позднемайским солнцем тихую улочку старомосковского района столицы. Даже как-то и не хотелось тотчас возвращаться в провинциальную *Т*. Решил заняться уже известным читателю любимым делом: проехаться по знаменитейшим букинистическим магазинам.

За этим увлекательным делом он провел пару часов. Уже направляясь в сторону Каланчевки на родную *Т*-ую электричку, он вспомнил, что мать просила поинтересоваться в столичных аптеках насчет дефицитного желудочного лекарства фестал — для отца. Как раз объявили станцию «Баррикадную», а Виктор Ильич вспомнил, что рядом со станцией находится хорошая по лекарственному снабжению аптека (в нынешнее время, как говорит народная молва, аптека эта принадлежит известному артисту, любимцу народа, а ранее — и партии, что уже сорок лет не сходит с телеэкранов...). Поднявшись на эскалаторе, он вышел на площадь, про-

* Сейчас это называется идентификационным номером налогоплательщика (ИНН) и присваивается каждому человеку; номеру ИНН соответствует и индивидуальный штрих-код, обязательно содержащий число зверя (дьявола): 666.

брался через шумную толпу младших школьников, которых родители водили в зоопарк, и через пять минут вошел в приятную прохладу старинной аптеки на первом этаже небольшого домика.

Почти от порога Виктор Ильич зорко усмотрел на витрине знакомую синюю, объемистую пачку с индийскими таблетками стоимостью в пять рублей, что как-то не гармонировало с копеечными ценами отечественных и дружеских польско-венгерских снадобий. Пробив чек, он встал в конец небольшой очереди, однако тотчас почувствовал необычный для богоугодного заведения настрой людей в этой самой очереди.

Во-первых, простояв пару минут, он сообразил, что очередь не продвигается. Это ему показалось странным: отдел был не рецептурный, но готовых форм. Здесь покупатели, если только бабки не приставали с бесконечными расспросами: а что у вас есть от живота и сердца? И пр.— к продавщице, вмиг отоваривались и отлетали, как в винном магазине перед закрытием. Потом и публика вела себя крайне странно. Двое-трое мужчин, явно ранее не знакомых, переглядывались и весело подмигивали друг другу. Молодые женщины, притворно скромно опустив взоры долу, покусывали свои накрашенные губки, как бы боясь рассмеяться. Бабки же, наоборот, сурово поджав губы, строго смотрели прямо перед собой немигающими глазами.

Тогда Виктор Ильич заинтересовался и обнаружил, что в заглавии очереди стоит молодой мужик не более тридцати лет. Как заведенный автомат, он брал с прилавка пригоршни чего-то белого и ссыпал их в подставленный у ног большой туристический рюкзак, уже до половины наполненный. Молодая продавщица, также беспрерывно наклоняясь, брала эти пригоршни откуда-то снизу и сваливала на прилавок. Однако, вместо обычного в случае такого досадливого покупателя раздражения, на ее лице, покрасневшем от беспрерывных нагибаний, также играла тщетно скрываемая улыбка.

Виктор Ильич подумал было, что дело обычное: провинциал запасается впрок для своей супруги дефицитной ватой, либо бинтами для всяких семейных нужд, но, присмотревшись к парню, засомневался: тот явно на провинциала не походил. Во-первых, одет небрежно; провинциал в столицу так не оденется. Потом смущала каштановая бородка, какие носят геологи и начинающие художники-модернисты. Необычным был и загар — не южный, не ранний майский, а какой-то коричневый, въевшийся, явно еще с пошлого сезона не сошедший. А напрягши зрение, Виктор Ильич и сам-друг заулыбался: парень загружал рюкзак... презервативами! Да-да, родными отечественными четырехкопеечными, броне-

бойными, в неброской бумажной упаковке со слепым фиолетовым тиснением стилизованной лилии — всему необъятному Союзу известной эмблемы резинового заводика на некой, мало кому ведомой станции. «Изделие номер два» — так оно именовалось официально в пуританской торговой документации. «Интересно,— иногда и раньше размышлял Виктор Ильич,— а что же тогда есть «Изделие номер один»? Наверное, атомное оружие!»

Мужики в очереди смеялись уже в голос. Бородатый, и без того красный — даже на фоне своего въевшегося загара,— поминутно затравленно оборачивался на очередь. Однако доконало его откровенное хихиканье видной из себя молодки, стоявшей третьей в очереди.

— Да я ведь для работы...

Здесь громыхнула вся очередь, даже суровые бабки заулыбались, наклоняясь друг к дружке и что-то нашептывая. Парень с сорвавшимся голосом, в котором поровну было легкой злости и неудобства ситуации, продолжал веселить народ:

— Что тут смешного? Я действительно беру для работы... Я — геолог!

Заходящие в аптеку люди столбенели, глядя на хохочущих людей; один даже инстинктивно выбежал на улицу и проверил по вывеске: в аптеку ли он вошел или в иное, более веселое место?

Вконец разозлившийся и потерявшийся парень, распрямился, оставив на время погрузку предметов любовной санитарии, благо и продавщица зашлась в долго сдерживаемом смехе, выждал относительно спокойную минутку и пояснил, что он геолог, через пару дней их партия едет на Алтай по части поиска месторождений полиметаллов. Для этого самого поиска сверлят шурфы, закладывают в них толовые шашки, взрывают, а потом по сейсмографической аппаратуре, то есть по замедлению или, напротив, по ускорению звуковых волн в породе определяют: какие руды и где залегают.

Прочитав короткий курс инструментальной геологоразведки пока еще недоумевающей, но уже поприутихшей очереди, геолог пояснял далее:

— Кто-нибудь из вас держал в руках толовую шашку? Или, по крайней мере, видел ее своими глазами? Так вот, упаковка у нее хре... словом, считай, что ее и нет вовсе: обернута бумагой пропарафиненной, а торцы вовсе ничем не прикрыты. Попади под дождь, даже под утреннюю росу, и все; заложишь ее в шурф, зажжешь бикфордов шнур и можешь хоть до второго пришествия коммунизма ждать — детонатор щелкнет, а взрыва нет; тол-то, он как сахар, влагу впитывает... А что с чер-

товой сырой шашкой делать? — Из шурфа ее не достать, оставлять по технике безопасности нельзя, приходится для подрыва вторую закладывать, а все расчеты на сейсмографе на взрыв только одной шашки сориентированы; и материала расход, и времени, и шурф новый бурить. Выход один: по смете на санитарию и лекарства покупать презервативы и обувать в них шашки: один надеваешь и навстречу ему другой, можно хоть в воде хранить, не промокнут.

По мере развития рассказа народ поутих; молодые женщины с интересом смотрели на человека романтической профессии, а смешливая молодка, что стояла третьей в очереди, даже поинтересовалась у геолога-просветителя размером его зарплаты. Двое мужиков, явно служивших в армии, затеяли промеж собой серьезный разговор о достоинствах различных боеприпасов, а бабки в очереди пожалели молодого человека, которого начальство гоняет по аптекам, как будто нельзя выписать «эти штуки» прямо с базы... Отоварившись фесталом, Виктор Ильич, нисколько не жалея о потерянном времени, вышел из веселой аптеки. Уже едучи в электричке, миновавшей Серпухов, Виктор Ильич почувствовал жажду, пожалел, что не захватил в дорогу бутылочку фанты. Но вспомнил, что купил в презент архивным женщинам только что освоенные отечественной промышленностью жевательные резинки «Апельсиновая». Действительно, жвачка отдавала апельсином и жажду сбила. Но теперь его мысли потекли в ином направлении: а собственно, почему и как вошла в обиход человечества, по крайней мере — населения стран империалистического лагеря — эта самая жвачка и скотская привычка, как корова, беспрестанно ее жевать.

Виктор Ильич и раньше, читая современные западные романы, задумывался на этот счет, но четкого ответа не находил, что его досадовало. И только теперь, в электричке, что едва лишь миновала славный город Серпухов и приближалась к полустанку «118-й километр», который очень нравился Виктору Ильичу своим живописным оврагом, на гористом краю которого среди тенистых деревьев расположились аккуратные домики чистой деревеньки... только теперь мысль его, в которой доминировали игривые мотивы, навеянные историей в аптеке, выстроила логическую связку, первым звеном которой были некоторые нравы Древнего Рима, а завершающим — современная привычка империалистической части населения Земли жевать ароматизированные резинки. К сожалению, теперь эта пагубная привычка докатилась и до форпоста социалистической нравственности и морали. В этот миг Виктор Ильич точно и четко осознал, что эта привычка именно есть пагубная и паскудная; тотчас спо-

хватившись, выплюнул жаждоутолительную «Апельсиновую» в раскрытое для прохлады и вагонной вентиляции верхнее окошко, чем немало огорчил сидевшую напротив интеллигентного вида даму, которая с явным удовольствием смотрела на приятной наружности, воспитанного молодого человека, читавшего к тому же редкостную в современном бытие книгу: «Записки о моей жизни» знаменитого в пушкинскую эпоху Н. И. Греча, друга Фаддея Венедиктовича Булгарина, изданную в приятной даже на вид (толстенький томик карманного формата) серии «*Academia*» тридцатых годов — трофей сегодняшнего пробега Виктора Ильича по столичным букмагам...

Итак, все началось с упадочного Древнего Рима на контрасте с набиравшим силу пуританским христианством. Мало кто задумывался, почему христиане, и мы в том числе, даже будучи материалистами и атеистами, называем древних римлян язычниками (дохристианских славян, германцев, угорцев и прочих — мы называем также язычниками, но, как будет понятно из нижеследующего, скорее по аналогии с римлянами, чем по существу и содержанию этого термина)? Социалистическая, тоже не хуже христианской, пуританская мораль стеснялась объяснять это интересующимся школьникам. Но Виктор Ильич учился в специализированном на истории вузе, к тому же с раннедемократическим душком, а потому четко знал, что римлян, а вкупе с ними — и весь пресыщенный Восток и Средиземноморье, христиане называли язычниками за их приверженность к тому действу, что ныне лицемерно-научно именуется «оральным сексом», в котором, как известно всему просвещенному человечеству, языки партнера и партнерши играют основную роль. Христианам же, особенно в их катакомбный период, потом в средние века и вплоть почти до наших дней, до «сексуальной революции» в Северо-Американских Соединенных Штатах и далее по всему миру, это было весьма противно. Например, в России, стране православной и добродетельной, отношение к этому было таково, что даже само обозначение действия иначе, как матерно, и не называлось: «Е... я тебя в рот хотел!»

Когда во всей Европе христианство восторжествовало, то, говоря тавтологией, язычникам языки поприжали; за дело это собственно язык могли вырвать, на костер отправить в первое же воскресное утро. И так длилось до пришествия на Землю дьявола в лице масонства.

Нет, конечно, ласки с использованием языка в любовном экстазе люди себе позволяли всегда: и при язычниках, и в средние века, и ныне, и присно... Но это было глубокой тайной двоих. Другое дело Древний Рим или новейшая Америка с Европой (заметим — ныне особенно и

одемокраченная Россия), где это проповедуется, навязывается, вводится в норму любовных отношений; это уже овладение дьяволом душой и телом человека.

Как известно любому школьнику, дьявольское масонство всегда сопутствовало человеческой истории, но из подполья вышло только в конце XVIII века во Франции — под масонским же бело-красно-голубым знаменем Великой революции. С этого времени именно Франция становится очагом и распространителем масонства в иные страны и континенты.

Задача дьявола, то есть Антихриста, хорошо всем известна и определена еще в Новом Завете Господа нашего Иисуса Христа и прокомментирована во многих творениях отцов Восточной и Западной церкви: погубить душу человека через заразу его тела. Учитывая биологическую первооснову человека, дьявол через своих слуг-масонов большое значение придавал половой распущенности и половым извращениям, как стимуляторам различных душевных (психических — в современной терминологии) заболеваний. И здесь одним из средств был избран оральный секс, то есть интимная любовная игра, но только возведенная в ранг обычного, доступного, естественного и разрешенного; ну, вроде как выпить воды при жажде, помочиться или, скажем, сходить по-большому.

Именно со времен Великой масонской революции за французами закрепилась слава больших женолюбов, куртизанов, проще говоря,— развратников, а интимные отношения посредством рта и языка во всем мире стали звать и ныне зовут французской любовью. Особенно это паскудное дело во Франции, а в особенности в городе любви Париже, расцвело после окончания наполеоновских войн и воспоследовавшей гряды революций. Хитрости и бдительности дьяволу не занимать, поэтому масоны старались придумывать все новые и новые стимуляторы ротового сношения: от литературной порнографии и стриптиза в Мулен-Руж до... кондитерской промышленности. Да-да, именно в Париже впервые стали выпускать леденцы-сосунки, знаменитые монпансье (в России чуть позже их стали делать под названием ландрин — по фамилии фабриканта Ла́ндрина, но только с галльским ударением), да еще выпускали их в железных коробочках, чтобы удобно было постоянно носить с собой; читатели постарше помнят эти леденцы в железных круглых коробочках московского и ленинградского производства стоимостью 80 копеек.

Если подумать поверхностно, то никакой связи с масонским извращением, как ни напрягай мыслительные извилины, и не обнаружишь; на то и масоны — члены ордена с двух-трехтысячелетней тайной жизнью. Но вот любой специалист по психофизиологии — при соответствующей

наколке — в минуту-другую разъяснит вам, что постоянное сосание монпансье женщинами сексуально-активного возраста, а особенно девочками-подростками, да еще при других факторах внешнего раздражения типа порнографии, на уровне врожденного (сосание материнской груди) и приобретенного (сосание...) рефлексов активизирует их влечение к «французской любви». А поскольку монпансье очень нравится детишкам-несмышленышам обоих полов, то уже с младенчества развивается влечение к гетеро- и гомосексуальному ротовому извращению.

Перебравшись же в Америку, масоны заменили монпансье еще более эффективной жвачкой-резинкой, ибо здесь, кроме совершенствования рефлекса, еще и челюсти развиваются, что немаловажно для длительного и постоянного занятия этим неблаговидным делом. Резюме: согласно авторитетным данным американских сексологов и сексопатологов, до 95% американок постельного возраста, даже долгое время уже находящихся замужем, раскочегаривают своих мужиков перед обычным сношением сосанием. Вряд ли намного отстает и Европа.

Понятно, что различные ссылки на пользу жевания для здоровья зубов гроша ломанного не стоят.

Уже подъезжая к ближней от *Т.* станции Лаптево, окончательно выверивший открытую им концепцию Виктор Ильич решительно расстегнул молнию дорожной сумки, собрал в горсть купленные им в презент архивным сослуживцам пятидесятикопеечные пачки «Апельсиновой» и швырнул их в окно. Пожилая соседка-визави одобрительно на него посмотрела; далеко не один Виктор Ильич знал секрет жвачки!

♦Однако вернемся к опровержению сетований деда-пустынника из Сахары по поводу несчастных влюбленных, лишившихся теперь их ночной спутницы — Луны.

...Итак, они слушали — после приема партнершей противозачаточной таблетки — специальную сексмузыку, снимающую напряжение трудового дня, посвященного изнуряющему бизнесу (объебизнесу — в терминологии Виктора Ильича), далее раздевались: он — донага, она — оставляя на теле легкий кружевной балахончик, более возбуждающий партнера, нежели совсем голое женское тело (рекомендация Международного института социально-половых проблем). Начинали заниматься собственно любовью.

Так как еще в средней школе они сдавали государственный экзамен за курсы нормальной и патологической сексологии, физиологии и санитарии половой жизни, то любовью все пары занимались хотя и стереотип-

но, но разнообразно и насыщенно. Сначала они проверяли друг друга на физиологическую совместимость: свободно ли и безболезненно входит его член во влагалище партнерши, в достаточной ли степени железы последней выделяют увлажняющую смазку и прочее. Затем они проводили пробный половой акт: с помощью таймеров замеряли время наступления *его* и *ее* оргазмов, обсуждали способы их совмещения-синхронизации. Обычно для этого использовалось предварительное раздражение (мануальное) клитора партнерши, либо она брала минет у партнера. Подкорректировав временно́й синхронизм, они проводили второй половой акт и, как правило, будучи отменно образованы в части секса (многие имели высшее или среднее специальное сексологическое образование, поскольку число университетов и техникумов теории и практики секса составляло 67 % от общего их числа...), добивались успеха со второго тура.

После чего минут 30—40 отдыхали, снова ели калорийную, вкусную пищу, пили возбудители и приступали к основному любовному циклу, то есть половым сношениям в разнообразнейших вариантах: он на партнерше лежа, сидя, поперек, валетом; она на партнере лежа, сидя, поперек, валетом; он стоя — она лежа на животе, на спине, на боку; оба стоя; она стоя прямо, согнувшись, перегнувшись, расставив ноги, сжав ноги, на коленях; она — стоя на коленях и согнувшись, он — стоя на коленях позади нее; она — лежа на спине и закинув ноги на его плечи, он — сидя по-турецки, положив ее зад на свои бедра; он — лежа, она — обернувшись к нему спиной и присев на него сверху и пр.

Затем шли минеты простые: лежа, стоя, сидя; пенелинкусы: лежа, стоя, сидя; одновременные минеты и пенелинкусы простые и с доведением до оргазма. По обоюдному желанию исполнялись и другие номера: вместо влагалища или рта использовался задний проход, груди, ягодицы, волосы, подмышки партнера; умеренный садизм и садомазохизм для возбуждения чувственности.

Надо отметить, что специальная — с детства — тренировка гарантировала людям будущего полнокровное удовольствие от занятий любовью: все было до предела стандартизировано, длина эрегированного члена взрослого мужчины-производителя равнялась двадцати одному сантиметру; размер его в поперечном сечении по большой и малой оси эллипса составлял 5,5 и 4,2 сантиметра соответственно. Обязательное обрезание, введенное масонами. Гарантированная продолжительность эрекции члена — 28 минут, а собственно время полового акта — 12 минут; время оргазма — шесть секунд. У женщин-производительниц (с пятнадцати до 56 лет): глубина влагалища — 21,5 сантиметра; чувствительность клито-

ра — 1500 толчков/акт, что и обеспечивало наступление оргазма к концу двенадцатой минуты полового акта. Объем груди соответствовал пятому номеру; вайтлс: 120-90-135 сантиметров. Губы — полноватые, выдвинутые, сосательно-развитые...

...Активная любовь заканчивалась в шесть утра, после чего партнеры спали до десяти часов и уходили на работу заниматься бизнесом-объебизнесом, имея заранее припасенную справку об опоздании на полтора часа в связи с плановым занятием любовью. Для предотвращения простого прогула под этим предлогом они предъявляли в отдел кадров видеокассеты, снятые автоматической камерой, имевшейся в каждой спальне.

Если партнеры находили, что полностью друг другом удовлетворены, то поселялись вместе, создавая ячейку общества: семью. Дети появлялись через три года после образования семьи, но это было уже другой стороной социальных отношений, не любовью.

В экспериментальных школах для элитных и особо одаренных любовь допускалась для девочек с одиннадцати, а для мальчиков с четырнадцати лет; в обычных школах — соответственно с 13 и 15 лет. Впрочем, строгого, полного и эффективного контроля еще не было. Любовь и телевизор были объявлены занятиями священными.

♦Виктор Ильич помотал досадливо головой, входя в здание аэропорта. Леночка быстрым движением поправила прическу, достала помаду и наощупь, мазком подвела губы: как-никак заграница.

Глава восьмая

В Париже, куда-таки они прилетели спецрейсом наутро после непродолжительных домогательств полицейских, агентов в форменном штатском и крикливых, усатых *a la* Гамаль Абдель Насер, толстозадых репортеров в аэропорту исламского социалистического государства в пустыне, Виктора Ильича поразило отсутствие очередей, а Леночку — уличные автоматы для продажи противозачаточных пилюль.

Умывшись и выпив кофе в заказанном еще из Орли номере гостиницы на Елисейских полях (другого названия Виктору Ильичу впопыхах в голову не пришло), они вышли в утренний город и до полудня вживались в чуждую, незнакомую жизнь.

И тут-то несуществующие очереди и секс-автоматы подвели их. Ле-

ночка закупила на десять лет впрок женских тряпок, сапожек, шуб, выходных туалетов, косметики, сумочек, колготок сорока расцветок и фасонов, включая порнографические, париков, шляпок, блузок, колец, серег, бус, бриллиантовое колье, джинсовые пары от Леви Страуса, Ранглера и Суперрайфла, туфель, босоножек... Виктор же Ильич на месте, в супермаркете, переоделся в лондонского пошива тройку, купил совершенно несозвучную эпохе трость из какого-то бразильского валютного дерева с позолоченным набалдашником из слоновой кости, солидный перстень с бриллиантом величиной с горошину, легкое пальто изящнейшего покроя, а так же приобрел ящик манильских сигар, электронную зажигалку со встроенными часами и барометром, пять блоков «Честерфилда», портативную пишущую машинку фирмы «Оливетти», японскую дипломатку, часы «Роллекс», инкрустированные мелкими изумрудами, ручку «Паркер» за 250 долларов.

Вместе они покупали, уже дурачась от восторга, сыр бри, коробки с трюфелями, страсбургский пирог, жареные каштаны (все, что вспоминали из классической литературы), знаменитые коньяки от Камю, вина бордосские и шампанские, духи все подряд. Ели в бистро устрицы, запивая «Клико» солидной выдержки, луковый суп, снова пили терпкое бордо.

Блюда они заказывали, не глядя в меню, хрестоматийные, что память вынесла из читанных книг, виденных фильмов, но, как ни странно, названия эти без исключения сохранились в парижских забегаловках (в роскошные рестораны они идти еще робели).

♦Поначалу все покупаемое они носили с собой и ужасно заторкались, лишь спустя некоторое время, Виктор Ильич, преодолев отечественную подозрительность и недоверчивость, догадался в какой-то лавочке для алжирских гастарбайтеров и туристов из Восточной Европы скинуть на руки рассыльному все барахло, назвав свой отель. Кстати, все было доставлено без пропаж — к огорчению Виктора Ильича; во-первых, к концу дня он уже мучительно хотел как-то избавиться от всего этого хлама, но главное — ему стало обидно за свое отечество...

Поругивая себя за позднюю догадливость, они, однако, обрадовались избавлению от груза и только теперь почувствовали себя парижанами, и уже каждую купленную мелочь отсылали с верткими посыльными.

Леночка, останавливаясь у каждого автомата любовной санитарии, со смехом кидала в щель двадцатисантимовые монетки и складывала пилюли в сумочку. Попутно, готовясь к дневной (по-парижски) любви, она съела сразу три таблетки, после чего у нее разболелся живот. Впрочем, к

обеду они на такси вернулись в отель; Виктор Ильич даже слегка раздосадовался по причине Леночкиного оглоедства, но она, подавив гримаску боли, героически изобразила истинно парижскую женщину.

Слегка подремав и приняв душ, они спустились в отельный ресторан, где скушали (у Леночки живот отпустил) телятину а ля натюрель в трюфельном соусе, а поскольку это хлебово им обоим не понравилось, то заказали обычные сардельки с кислой капустой и вестфальскую ветчину, после чего официант стал обращаться к ним на немецком.

После обеда они катались по Парижу, зафрахтовав такси, незаметно докатались до ранней темноты. Переодевшись у себя в отеле в вечерние наряды, пошли в оперу, благо последняя была в двух кварталах.

Опера оказалась современной, модной, тревожной, но Виктору Ильичу понравилась. Леночке же понравилась шикарная публика. Из уловленных разговоров они поняли, что в зале присутствуют два министра, правда, второстепенных ведомств, несколько послов, теща Президента Республики, викарий кардинала и два герцога, имена которых были одновременно и названиями провинций на юге Франции.

♦Вот в таком темпе они прожили несколько дней, побывав всюду, где бывают впервые приезжающие в Лютецию. Смотрели и слушали, и удивлялись: почти все было в диковинку. На третий день Леночка привыкла, как это свойственно быстро акклиматизирующимся женщинам, к местным нравам, то есть не охала по-провинциальному, не восторгалась порывистым движением всего тела, не краснела малиново. Даже когда, сидя в темном зале, они смотрели в кинотеатре для цветных и школьников порнофильм, в течение полутора часов показывающий в цвете и широком формате, как некий супермужчина-негр с еврейской фамилией без устали любил красивую блондинку, затолкнув ее голову, плечи и полкорпуса в раскрытый холодильник, любил неистово, в оба доступные для такой позы отверстия, мощно, с градом пота, а она, бедняжка, еще больше побелела от холода, кричала в морозилку от ужаса (из контекста следовало, что от рождения она была девственницей)... даже тогда Леночка, внимательно и серьезно, наморщив лобик, просмотрев первые полчаса действия, шепнула Виктору Ильичу на ушко: «Ведь так долго нельзя, правда?»

Почему-то почувствовав себя задетым, Виктор Ильич в тот день помолился на ночь рогатому и наглядно доказал спутнице и подруге жизни, что можно... и намного дольше можно.

Так они привыкали к новой жизни, находя ее, во всяком случае, не

обременительной, хотя издали все казалось заманчивее, воздушнее, розовее, голу... нет-нет, с голубизной-то здесь как раз все было наоборот; за родным кордоном этакое и в самых безудержных фантазиях не могло явиться. А так? — Так царила в этой половине мира самая комфортная пресыщенность жизнью, любовью, первосортной телятиной-говядиной* безо всяких очередей, порнографией, массовой тупостью, затуманенной всеобщим усредненным довольствием, все тем же телевизором и наркотиками телесными...

♦Как-то ранним утром, когда Леночка еще спала сном невинности (в эту ночь он всего лишь пять раз боролся с ней за мужскую честь), разметавшись на четырехспальной постели, Виктор Ильич проснулся резко и с особым состоянием души. Накинув расписной японский халат, он подошел к окну: серело утро очередного дня, дома как-то поодиночке выступали из накопленного в ночи тумана. Было ему страшное видение.

В серых домах города Изобилия стойбища людей были устроены специальным образом: дом делился на 128 стойбищ и имел четыре этажа. Собственно стойбище — правильный куб, все внутренние плоскости которого окрашены в розовый цвет. Посередине стойбища стояла кровать, на которой лежал с одного бока толстый, налитый жиром, совершенно оплывший, с затекшими веками голый самец, поросший рыжеватой шерстью.

С другого бока кровати покоилась пышная, крутобедрая, грудастая, на славу откормленная самка с толстыми алыми губами, атласной, пергаментно отсвечивающей жирком кожей, с густыми белокурыми и распущенными волосами, мохнатыми ногами; так же совсем голая, не считая золотой цепочки на шее.

Они лежали и смотрели на потолок, в котором напротив каждой головы был врезан широкоэкранный цветной телевизор. Круглые сутки телевизоры показывали — порознь — мужскую и женскую программы; в мужской — бокс, футбол, порнофильмы, боевики, хроника убийств и изнасилований, сексуальные консультации, фильмы об обжорах, реклама вин, табака, наркотиков, оружия, опять же фильмы о ядерной войне, политические новости, биржевые сводки, реклама мужских укрепляющих

* Впрочем, это тоже так казалось раньше. А вот в новейшее время все мы узнали: что такое западная «первосортная телятина-говядина»?— Зараженная ящуром, губчатым энцефалитом и прочей мерзостью. Мясо — переморожeнное до костей, взращенное на одних химикатах и костной муке, а колбаса так и вовсе белковая масса глубокой переработки, где мясом и не пахнет...

средств. В женской же программе преобладали репортажи с выставок высокой моды, лесбиянские фильмы, реклама противозачаточных средств, многосерийные экранизации романов супругов Галон и американо-бразильские сериалы ни о чем, выставки призовых мужчин года, реклама косметики, советы по диетам и увеличению объема грудей, рецепты кухни и интимной жизни.

К изголовью каждого подходило по четыре трубы, заканчивавшихся краниками и гибкими пластиковыми вводами, которые удобно и легко ловить губами при самом малом повороте головы. Из одной поступала пастеризованная пища, по второй текло вино, третья выдыхала концентрированный табачный дым (работала по желанию клиента); по четвертой трубе, только пневматической, поступали таблетки наркотиков для мужчины, противозачаточные пилюли для его соседки. В том месте, где у них находились органы испражнения, в постели были устроены удобные отводы в канализацию.

Через каждые два часа раздавался общий сигнал, начиналась трансляция возбуждающей музыки. Самка специальным автоматическим устройством поднималась и ставилась в станок для случки, расположенный в изножье кровати; таким же устройством в надлежащую позу устанавливался и самец. Они случались, после чего автоматы возвращали их на прежние места. Роботы-полоскатели выполняли санитарные операции. Далее партнеры закусывали и дремали, отдыхая под успокаивающую блюзовую музыку, а потом — до следующей случки — смотрели в телевизоры.

На время регулов самка впадала в трехдневный сон-анабиоз, а под самца в станок становилась искусственная — из кожи, пластика и меха — копия самки, подогреваемая до температуры тела.

(Здесь, вовсе не к месту, Виктор Ильич вспомнил из рассказов дедов-родственников, что в боях под Халхин-Голом и у озера Хасан наши бойцы очень удивлялись шубам японских солдат, которые были с подогревом и питались от батареек).

В городе находилось сто тысяч домов, всего, значит, проживало 12,8 миллионов пар. Продолжительность их жизни успехами геронтологии была доведена до восьмидесяти пяти лет. Со смертью пары в стойбище вползал автомат-утилизатор, забирал и перемалывал высохшие трупы на удобрения, а взамен укладывал в продезинфицированную постель новую пару в возрасте молочно-восковой, то есть половой, зрелости — в двенадцать лет; до этого они искусственно зачинались в инкубаторе по методу клонирования, созревали в ретортах, вскармливались в специальных ячей-

ках, обучались приему пищи, вина, щадящих наркотиков, пользованию предохранительными средствами (на таблетках-плацебо), начаткам грамоты, истории государства, текущей политики и ждали своего часа занять опустевшее стойбище. Пары подбирались перед вселением по принципу одновременности наступления оргазма.

Отбор спермы для инкубаторов проводился в дни регула самок от их искусственных заменителей. Ответная часть отбиралась у самок в определенные дни.

На Земле существовала тысяча таких городов, то есть население планеты составляло 12,8 миллиарда пар. Вся виртуальная жизнь — телевизор — была заранее записана на сверхнадежные оптические диски и носители на цилиндрических магнитных доменах на тысячу лет вперед и передавалась автоматически по заданной программе кабельного телевидения. Кто все это сделал и запустил в ход механизм такой жизни? — Это за давностью лет было напрочь забыто.

Когда прошла отведенная тысяча лет, появился на пыльных, заметенных прахом улицах городов конь бледный, и всадник на нем бледный, имя — Смерть, в одеждах развевающихся, с глазницами пустыми, носом — проваленным, в руке держал он свиток и косу.

Страшно гремели копыта коня по каменной мостовой уже тысячу лет пустых улиц. Загробным голосом, но громким и вседостигающим, читал всадник по свитку о кончине мира и косил страшной косой странные дома людей неподвижных. За един взмах обращал он в прах по десять домов. В каждом городе он делал 10000 взмахов, и было таких городов тысяча. Ни один град не уцелел, ни един дом, ни одно стойбище. И ускакал всадник на бледном коне в царство теней. А в свитке значилось:

«За грехи ваши, от рода к роду умножающиеся, карает вас Господь и приговаривает к уничтожению пресытившийся род людской. Были вы бедные, дикие звери, не знали огня и ласки, самые беззащитные из зверей. Пожалел вас Господь и дал разум малый, огонь и палку — зверей отгонять. И сказал: плодитесь и размножайтесь, украшайте лик Земли и радуйте меня любовью друг к другу. Но куда вас тянуло все время? Едва оправившись от страха, обогревшись у огня, заменив одеждою дикие звериные волосы, опавшие с тел ваших, не сумели вы поделить последнего, не нужного вам же самим дерьма. Год от года, век от века, тысячелетие от тысячелетия изощрялись вы в создании орудий уничтожения: от простой дубины до водородной бомбы, от запугивания серным пламенем до истребления миллионов людей ядовитыми газами, заражением чумными микробами и сжигани-

ем заживо. Вы овладели всеми стихиями и сделали повсюду жизнь невозможной. В непонятной вам самим злобе вы умертвили все живое на Земле, лишь сами каким-то чудом уцелели. А запугав друг друга до невероятия, чтобы не сойти с ума, занялись пресыщающим блудом, обжорством, праздностью. Так пусть лучше Земля очистится от скверны, чем погибнет, то ли разорванная на части бомбами, то ли сплошь залитая — захлебнется в вашей сперме и сгинет, не оставив места живому».

Requescam in Pace! Amen! Так говорил Заратустра...

♦Но наступило и сникло утро, пришел день, и первые крокодилы поползли на водопой по улицам города, своими забавными, плачущими рожицами отвлекая Виктора Ильича от невеселых речений то ли Господа нашего Иисуса Христа, а может и туманного Заратустры.

Так или примерно так проводили он и его подруга дни и ночи Парижа. Жизнь имени гарантированного оптимизма и сытого желудка. Чем-то расплачиваться за все?

Мысленная дневниковая запись Виктора Ильича:

7-го числа. Мучался дурью и, прикинувшись этаким разухабистым русским удальцом, на потеху публики выпил в баре «Корнилова» под рукоплескания каких-то белогвардейских старичков, а скорее всего, заштатных — по возрасту — агентов местной охранки, бутылку водки из пивной кружки. Блевал в сортире. Ленка с трудом уговорила, почти утащила в такси — и в номер. Впрочем, портье ко мне попривыкли, да и как не привыкнуть, небось, на мои чаевые «Рено» себе купили! Противно.

8-го числа. Были в «Олимпии». Гомосеки поют; как услышу эту картавость, то так становится неприятно на душе, вспоминаю своих прежних начальников (это еще до Терехина): Кружкина и Зильберберга. В буфете, или как это здесь называется... познакомились с сингапурским поэтом Шинкубой. Буддист, а скорее всего опиумом торгует. Пили. Говорит, что йог. Ну и х... с ним.

9-го числа. Видел в Лувре самого президента. Смотрел вместе с толпой на «Плот «Медузы».

10-го числа. С утра читал купленные накануне мемуары Деникина. Ленку, чтобы не мешала, отослал с Шинкубой на Диорову демонстрацию моделей. После их ухода вызвал мысленно рогатого и велел смотреть в оба; хоть и в п... своя, но ведь — женщина! Криво ухмылялся, подлец адов.

Читал-читал, а потом вздремнул, позвонил горничной подать чаю, пожевать и чего-нибудь выпить. Профессионально смазлива. Ради шутки

напрямую предложил. Спросила: сейчас или сначала чай принести? — Сначала чай принеси. Принесла и мигом разделась Аннетта, спросила: как месье предпочитает? Месье предпочитал разное и получил удовольствие. Дал тысячу франков, все равно деньги не свои, казенные. *Merci* — и, улыбаясь, сделала книксен; уходя, сказала, что дежурит по нечетным дням с утра до трех, но если месье пожелает... и черканула на гостиничном бланке, что лежали стопкой на столе, свой телефон в ближнем пригороде.

Попил чаю, закусил рюмку настоящей испанской мадеры копченой лососиной и продолжил читать Антона Ивановича. Пришла Ленка с ворохом коробок: Шинкуба и рассыльный несли.

Вечером втроем ходили по Парижу, были в варьете.

11-го числа. Портье Эдмон, подавая ключ, делал ужимки. Дал две сотни — сказал, что полиция интересовалась. В штатском... та еще полиция. Но, судя по всему, интерес был профилактический, слишком шикарная гостиница. На будущее дал Эдмону еще пятьсот; дурак! Теперь он на сто процентов уверен, что героином торгую; они ведь жаднющие эти французы и русского характера ни в жизнь не поймут. Зато теперь пропадут все шпионские подозрения: у шпионов деньги подотчетные!

12-го числа. В утреннем выпуске «Фигаро» прочитал, что сегодня открытие военно-авиационного показа в Орли. Подумал: жизнь коротка, а ни разу не видел, как сверхзвуковые истребители в воздухе сталкиваются. Ленка ехать отказалась, ссылаясь на пацифизм и на то, что вообще больше не может видеть самолетов поле недавнего происшествия; гремят они к тому же.

Поехал с материализовавшимся рогатым. Устроили столкновение американского «Фантома» и английского ракетоносца: в пыль разлетелись, но проявил человеколюбие, и летчики катапультировались за считанные секунды до радостной встречи. Угрызений совести не испытывал, наоборот, все же ослабил военную мощь НАТО, что, по принципу антисимметрии, означало усиление мощи родного государства. Подумал: не плохо бы по линии КГБ получить законный орден, но вспомнил, что рогатый с этой организацией связываться не решается. Жаль, жизнь коротка, а ни один орден не украшает лацкан его английского пиджака.

Беседовал в баре аэропорта с рогатым о йоге и парапсихологии. Ассоциативно вспомнил о йоге Шинкубе и, отослав рогатого, вернулся на такси в отель. Дежурил не Эдмон, неудобно было расспрашивать. Ленка читала полупорнографический романчик. Имея на то подозрения, расспросил с пристрастием. Расплакалась, рассказала чистосердечно, что

Шинкуба приходил и настаивал. Колебалась, ибо сингапурец уговаривал гипнозом. Было, но только лишь разочек, один-единственный, он усыпил ее и овладел против воли. Слегка побил и простил, велел мчаться после обеда к венерологу, сдать все проверочные анализы. Явно издевался, ведь все-таки Шинкуба не пьяный матрос.

Ругал в ванной экстренно вызванного рогатого. Тот оправдывался: с тобой же был, а на два фронта даже я работать не могу, имей такой талант,— давно бы в снабженцы пошел.

Шинкубу приказал сбросить тотчас же с Эйфелевой башни. В обед принесли газету: снимок до падения, в падении и то, что осталось. Ленка ужаснулась, но по женской природе подтвердила приговор: так и надо, мерзавец! Была ласкова, женщины любят власть даже в самых непонятных ее проявлениях.

Поторопил Ленку в клинику, а рогатого послал вослед. В отместку вызвал сразу трех горничных, развлекался по-скотски. Дал по полторы тысячи, причем не франков, но полновесных зеленых. Интересовались, когда еще приходить, кого еще привести... Рассердился сам на себя и приказал всех троих б... сослать в Гонконг, в публичный дом низшего разряда. Тут же смилостивился и переприказал: выдать замуж за приличных людей и родить во искупление грехов молодости по пять детей, причем первых двух — близнецов.

Стало радостно от доброго поступка. Ленке за обиду подарил бриллиантовые серьги. Плакала, еще раз подтвердила гипотезу относительно гипнотического сна. Простил, но принесенную из диспансера справку прочитал внимательно и даже позвонил по указанному в ней телефону: проверял доверяя.

13-го числа. Надоело в Париже. Пора переезжать... и покинуть грешный город, где мысль толкает помимо всего прочего к любви, любви, любви... а проще говоря, к занятию б...

♦Наутро 14-го числа, упаковав с помощью двух отельных мальчиков вещички и послав их вперед, в сторону Ла-Манша, скорым грузом, они тронулись на такси вослед и к морю, ибо Леночка ни за что не хотела более искушать свою судьбу в самолете. Но, скорее всего, как определил бы это нежелание любой мало-мальски думающий психиатр, здесь с Леночкой случилось то, что в психоанализе называют фрустрацией, то есть подсознательным перенесением признаков одного объекта и события на другое. В данном случае в мозгу ее засела связка «самолет — Орли — авиашоу — Шинкуба — хоть невольная, но измена». Ведь она была

хорошая девушка, искренне любила Виктора Ильича, была ему верна; вообще говоря, теперь он был для нее светом в окошке, поэтому история с Шинкубой ставила запрет, табу на все, что с ним было связано, а здесь была и поездка Виктора Ильича в Орли, где самолеты, а здесь Шинкуба...

Понимал это и проницательный Виктор Ильич, но он находил и позитивную сторону: приятно же проветриться легкой прогулкой по цивилизованному морю до Лондона! Правда, была мысль о компромиссном варианте: прокатиться до Лондона по тоннелю под Ла-Маншем, который только-только начали прокладывать. Мысль укладывалась в две позиции: задержаться еще на день в Париже и поручить рогатому по-стахановски выполнить за этот день две с половиной пятилетки. Он даже вызвал посланца ада на консультацию. Тот посмотрел на гензаказчика водянистыми адскими глазами, даже сделал попытку поднять палец к своему виску, но опомнился, а Виктора Ильича осадил просто и приятно для него: «Ты что, уже не советский патриот? Хочешь услугу мировому империализму оказать?!» Виктор Ильич тотчас устыдился, а заодно вспомнил, что он плохо переносит пребывание в замкнутом пространстве, склонен к клаустрофобии, а здесь — два часа мчаться по туннелю, да еще постоянно думать, что сверху мегатонны воды; и что вообще туннель пущен с помощью рогатого ударника пятилеток без приемки империалистической госкомисии.

В половине второго, пообедав в портовом ресторане, где Виктор Ильич, покидая Францию, решился-таки покушать лягушатинки (блевал в сортире между сыром и десертом), они вошли на борт веселого теплоходика,— публика поплоше пользовалась паромом — и в путь! *Nach* Альбион!

Однако не прошло и двадцати минут, едва скрылся берег, как налетела буря вроде той, что некогда где-то поблизости погубила Великую Армаду. И случилась вещь совсем необычайная и досадная: отказали на судне оба компáса — рабочий и запасной, волной разбило окно в радиорубке, снесло антенну и вдобавок сорвало с вала гребной винт. Как это получилось? — Чистое совпадение случайностей; пока беззащитный кораблик в панике метался среди волн, Виктор Ильич тщательно перебрал все свои недавние мысли: нет, его совесть чиста, он даже мимолетно не думал о новом дорожном приключении. Итак, то была чистая случайность.

Буря трепала их посудину трое суток. Одна слабонервная пассажирка выбросилась за борт, ибо несло их уже по открытому океану. Капитан

запил, оставшись не у дел. Леночка жестоко страдала морской болезнью, очень похудела, но в панику не впадала: набралась в Париже оптимизма, хладнокровия и веры в счастливую звезду Виктора Ильича. Тот сам не отходил от корабельного бара и мало реагировал на происходящее; вообще-то он в душе побаивался, но, во-первых, у него была стопроцентная палочка-выручалочка в лице рогатого, во-вторых, именно поэтому он позволил романтике приключений вновь овладеть посвежевшей в море душе.

Тем любопытнее, что за время этого трехдневного ада и ожидания неминуемой гибели в пучине взбунтовавшихся волн на судне успели в кровь подраться двое мужей, случайно перепутавшие на часок-другой своих жен. Все-таки их кораблик не совсем выбрался из парижских пут легкой и неверной любви-сраханья...

♦На рассвете четвертого дня, как это пишется в ро́манах, небо на западе просветлело, а на востоке сквозь округлившиеся тучи выглянуло красное, как мужик наутро после перепоя, усталое солнце. Море сникло, волны спали, пароход медленно потащило по атлантическому течению. К концу дня они увидели землю. После десятка выстрелов из ракетницы боцмана из видневшегося порта навстречу им выбежали патрульный катер и буксир. Виктор Ильич в это время находился, как ему было и положено, в баре и только тогда узнал о счастливом избавлении, когда почувствовал толчок борта судна о пристань. Он вышел, прихватив из каюты задремавшую после трехдневной бессонницы Леночку, и узнал, что попали они в страну Пивных Людей или, как они себя пышно называли, — Пеннорадостная Страна Восходящего Хмеля.

Как только потрепанный бурей пароходик отдал швартовы, измученные пассажиры бросились к сходному трапу, но не тут-то было. Поднявшиеся на борт чиновники в мундирах пивного цвета и пробковых шлемах в форме перевернутых кружек построили их в одну шеренгу и настоятельно порекомендовали немедля изучить гимн государства на языке оригинала; вот он:

«Эхли юртлары-туймазы бедюген,
Иш-шла! Ит-утла, февбрюген.
Рецедур талмарды эх-ушлат,
Триас боре униз вэ зегерплятт...»

И так далее. Позднее Виктор Ильич узнал перевод слов гимна на европейский:

«Есть в океане остров единенный,
И никогда не ступит враг презренный
В священные пределы той земли,
Где счастье деды наши обрели.
Припев:
Здесь найден идеал свободы,
Нигде так не живут народы,
Как в пивопенистой стране,
Где люди вольны, как нигде.
Мы любим нашу землю
Во хмелю и в ячмене,
И бдительность не дремлет,
А истина-то в пиве, не в вине!

Бесконечны просторы ячменного поля.
В пиве счастье, свобода и воля,
Дисциплина у всех на уме,
Не спастись врагам и на Луне»

Прекрасный гимн и, как позднее же убедился Виктор Ильич, вполне соответствует положению дел в Государстве Восходящего Хмеля.

♦После того, как пассажиры достаточно слаженно пропели гимн, их шеренгу командой в рупор развернули в колонну по одному и свели по сходням на пристань, погрузили в крытые брезентом машины и везли, как котов в мешке, часа три; потом только выяснилось — в центр островного государства.

По прибытии куда надо, их выгрузили на окраине города прямо у входа в отель и развели по номерам. Поскольку Виктор Ильич представил Леночку портье в качестве супруги, то их отвели вместе в маленький номерок, что покоробило попривыкшие к роскоши души. Однако делать было нечего. Приказав носильщику свалить в свободный угол парижское шмутье, закусив взятыми в дорогу (на судне было не до этого: Леночку рвало, а Виктор Ильич насыщал организм винными калориями) паштетом, копченым лососем и телятиной в вакуумной упаковке, запив холодный обед «Клико», усталые и измученные бурей (и баром), они по-детски заснули на отдельных монастырских кроватках, от телесного утомления даже не помышляя о греховном. Однако по усвоенной в городе Париже милой привычке Леночка машинально проглотила пилюлю, после чего разделась и, помолясь Непорочной Деве, тотчас заснула.

Виктору Ильичу всю ночь снилось продолжение начатого на пароходе коктейль-пари с боцманом. Он ворочался на непривычно жесткой и узкой кровати, во сне трансформировавшейся в неуютный узкий стульчик корабельного бара. Леночке тоже снилось невеселое, как будто таможня Государства Восходящего Хмеля конфисковала у них все парижские обновы.

Уже к утру раздосадованный Виктор Ильич догадался расстелить на полу, между кроватями, пушистый ковер — настоящую смирну из парижских гостинцев. На него же стащил с кровати сонную спутницу жизни и путешествий, закрылся тремя норковыми манто и только после этого им обоим и наяву, и в дреме стали сниться обычные прекраснодушные сны людей с отягощенными карманами и ничем не обремененной совестью.

Надо заметить, что за дни парижской жизни Виктор Ильич посолиднел телом, исчезла некая, от детских лет привязавшаяся костлявая инфантильность, а Леночка — та и вовсе пышно, но пропорционально округлила свои формы. Но это — все парижские отзвуки; сейчас же это к стране Пивных людей отношения не имеет.

♦Утро брезжит. Оставим часа на два досыпать и миловаться наших любовников-путешественников, а пока вкратце расскажем историю Государства Восходящего Хмеля, благо не то что история, но само существование его доселе не было замечено цивилизованным миром. Равно, как и нецивилизованным.

Происхождение Государства Восходящего Хмеля, или на языке этой страны — Карримардак, как это ни удивительно, но... космическое. Дедовская их цивилизация существовала и пышно цвела на одной из планет в системе звезды — белого карлика 6-го класса в созвездии Ориона. Цивилизация прошла за десятки тысячелетий путь от неграмотных людоедов до покорителей околопланетного пространства. Жить бы им и радоваться в этом околоорионском пространстве, да идеология (как всегда и везде) подвела. Случилось, что обычные войны из-за жратвы и земельных угодий, урановых рудников и нефтеносных пустынь понемногу переросли в идеологические битвы, как известно, самые туманные по целям, надуманные, самые жестокие, человеконенавистнические и смертоносные. Но, увы! Не в силах людей было противостоять за сотни лет до этого открытому закону необходимости противоположности для успешного развития цивилизации, хотя бы эта самая противоположность и была столь же надуманной, как и идеология. Ибо когда все сыты, то реальных про-

тивоположностей уже нет, приходится во имя исполнения общемирового закона их изобретать.

В конце концов, получилось так, что все государства планеты распределились по двум блокам, идеологии которых были искусственно объявлены противоборствующими. Поскольку к тому времени были накоплены огромные запасы военного снаряжения, то эти блоки автоматически превратились в военные лагери. Развернулись кампании по обострению отношений, забряцали оружием обе стороны; одна готовилась выступить под лозунгом идеи о всеобщей грамотности (хотя даже человекообразные обезьяны на этой планете умели читать правительственные газеты); вторая же сторона — под девизом свободы покроя одежды, хотя и за сто лет до этого никому не возбранялось ходить хоть голым. Заметим, что и на нашей планете в давние времена случались подобные противостояния, где, например, противоборствовали идеи цветов роз, а один английский писатель-юморист обобщил все эти случаи в историю идеологии о зачистке вареных яиц...

Однако слова повлекли за собою и дела. Вся экономика перестроилась на выпуск военного снаряжения: строились новые ракетоносцы, ядерные базы, форсированно разрабатывались все новые образцы сверхнового и сверхточного оружия. Для поднятия боевого духа нации примерами из истории, воинские части, корабли, типы ракет назывались именами мифологических героев, полководцев древности и прошлых веков, королей и замечательных личностей всех времен, но — своих народов. Вся планета жила под страхом не сегодняшнего, так завтрашнего уничтожения; мир повис на волоске.

А между тем в обоих блоках было немало людей, глубоко плюющих на свободу покроя одежды и всеобщую грамотность. Эти люди по утрам собирались у пивных ларьков, киосков, палаток, бочек цистерн, в приличных — с официантами и подачей закусок — барах, в буфетах общедоступных столовых. Они пили ячменный напиток кружку за кружкой, говорили со всевозрастающим увлечением о достоинствах различных сортов пива, о женщинах, евреях (понятно, что евреи имеются на всех обитаемых планетах Вселенной), поили пивом бродячих собак, цыганят (цыгане — также неотъемлемый атрибут гоминизированной жизни на любых планетах) и собственных детей, которых навязывали им жены на прогулку, ручных ужей, кошек. Также радушно угощали народным напитком бесфамильных бродяг и дебелых баб-алкоголичек. И плевать им было на всю высокую политику и идеологию, лишь бы пиво водой не разбавляли, цены на него не повышали, споласкивали кружки и не задерживали с

подвозом к точкам общепита. Единственно, в чем они твердо стояли на патриотических, даже националистический позициях — это на признании полного превосходства отечественного пива над любым импортным иностранным. Так они жили, разобщенные территориально и государственно, но единые во мнении, духе и речах. Это были глубоко спокойные и мирные люди.

♦ До поры, до времени их нехитрые и непритязательные потребности исполнялись; пиво, хотя и не строго по расписанию, но завозили; таранку и сушеных лещей можно было купить у перекупщиков на базарах; кружки мыть воды хватало. А тут как прорвало, и несчастья из черного рога изобилия посыпались на бедных любителей пива. Когда со стапелей одна за другой стали соскакивать атомные подлодки водоизмещением 20000 тонн с именами мифологических героев и богов, то в обоих лагерях были спешно проведены реформы, большие и малые, но задевающие покой пивных пивцов. Перестали мыть кружки, объявив воду национальным резервом на случай тотальной войны. Базары ликвидировали,— пропали таранка и лещи; над пивными очередями с утра до ночи с ревом летали на бреющем сверхзвуковые истребители, заглушая голоса беседующих и сдувая пену из кружек вместе с изрядной толикой пива.

Чем дальше, тем становилось хуже; людей стали брать прямо из пивных очередей, затаскивать на организованные митинги протеста против агрессивной политики другого блока, отправлять на двухмесячные военные сборы и пр. и пр. неприятности чинить. Грянул и последний удар грома: буфетчиц забрали судомойками в офицерские столовые, а распределение пива среди активистов и ударников-стахановцев (на той планете, естественно, были и свои Стахановы, кузнец Бусыгин и сестры Виноградовы) оборонной работы передали в ведение комитетов по стимулированию трудового энтузиазма. Все пошло прахом.

А тем временем на флангах противостоящих лагерей вспыхивали то и дело предупредительные конфликты между марионеточными республиками и княжествами; было ясно, что со дня на день посыпятся бомбы и на наших, и на ваших...

Вот тогда-то измученные, выбитые из колеи обыденной жизни любители пива, не сговариваясь, каждые в своей стране, обратились к правительствам с пацифистскими увещеваниями. Понятно, что шло это вразрез с приготовлениями, на которых наживались многомиллиардные состояния и на которые были уже потрачены доходы планеты за двадцать последних лет. Соответственно такому *status quo*, в каждом государстве

быстренько, в рабочем порядке, как говорится, были проведены кампании народного возмущения отщепенцами и алкоголиками. По требованию организованного народа отщепенцы были высланы за пределы планеты на морально устаревших и списанных космических кораблях.

Всего было выслано шесть тысяч восемьсот тридцать один недовольный; за многими (но не за всеми!) последовали их жены с детьми, итого было изгоев обоего пола 12302 человека. Международная Организация Всеобщего Мира, исходя из гуманных соображений, милостливо указала им на планету, где, по их данным, наблюдались схожие биологические условия жизни. Этой планетой оказалась Земля.

После восьми лет странствий отщепенцы достигли пределов этой небольшой голубой (в физическом, конечно, толковании этого слова) планеты и высадились на изолированном водами от материковой суши большом острове. Сразу же, хорошо помня о благах всеобщей цивилизации, отгородились от аборигенов планеты, повесив над островом и примыкающей двухсотмильной зоной океана оптически- и электромагнитно-непроницаемый занавес. Так началась для них жизнь на новом месте, а для землян, на радость писателям-фантастам, появились загадки Атлантиды и Бермудского треугольника.

♦...Они затем отгородились наглухо, чтобы жить мирно и покойно, никого не задевая, и чтобы их самих оставили в покое от хлопотных дел и свершений молодой цивилизации, как-то: войны, чума, демагогия о мире и общечеловеческих ценностях. Все же до конца отгородиться от внешнего мира им не удалось, ведь занавес-то их не препятствовал «механическому» проникновению в зону острова людей с небольших судов, унесенных бурями и потерявших управление и ориентацию. Отсюда и смутные догадки о существовавшем ранее материке посредине Атлантики.

Однако самолеты, суда с навигационным оборудованием, даже атомные подводные лодки облетали и обходили зону острова стороной: завеса воздействовала соответствующим образом на компа́сы, радары и другое сложное оборудование. Не было никакой античной Атлантиды, но была, есть и будет страна пивных людей Карримардак, успешно прошедшая исторический путь — увы обычный! — от секты до сектантского государства тоталитарного, как сейчас говорят, типа.

Поначалу новоселы вели жизнь, подобную существовавшей на заре цивилизации в свободных греческих полисах: селились, где хотели, и занимались, чем желали. Первым же делом была составлена подробная географическая карта острова, на которую наложили геодезическую сетку

с шагом 300 метров, а в узлах этой сетки с привязкой к местности были устроены пивные ларьки, киоски, павильоны, бары,— смотря по тому, в какое планируемое по генплану застройки муниципальное образование попадал конкретный узел геодезической сетки. Поля были обработаны вахтовым методом (это как у нас из НИИ и КБ в колхоз посылали) и засеяны лучшими сортами привезенных с собой ячменя и хмеля. Должности буфетчиц были строго выборными и подконтрольными сессиям народных окружных форумов. Учреждена была и государственная религия с культом Священной Матери Буфетчицы. Недолив пива после отстоя карался каторжными работами, а при рецидиве — смертной казнью утоплением в барде. В прибрежных водах ловилась в изобилии крупная тарань с икрой — дары Атлантики, из которой на номерных госрыбзаводах выделывали первосортные копчушки и бесподобную воблу. В заводях островных рек культивировали породу особо клешнястых раков. Постепенно поселенцы раскушали и не знаемые на их родной планете дары земного океана: крабов, омаров, лангустов, креветок. Народ пил из поколения в поколение прекрасного качества карримардакское пиво, плодился и, не зная о Мичурине, следовал его заветам и покорял некогда чуждую им природу второй родины.

История? — Читай и смейся, читай и плачь! Все повторяется в ней: героическое и трагифарс. Так и наш Карримардак; его жители-нонконформисты думали, улетая на чужую планету, обрести высокую свободу и душевный покой, а сами невольно, как будто кто их подталкивал, как по нотам разыграли обычную комедию цивилизации. Впрочем, достаточно рассказов по истории Карримардака; далее идет уже современность, каковой ее увидели наши герои, случайно занесенные хрестоматийной бурей через прохудившийся участок защитного покрова государства, которым отгородились от нового, чуждого им мира осторожные и наученные (но отнюдь не переученные!) горьким опытом пивные люди.

Глава девятая

♦После перенесенных тягот бури и неопределенности, скученности корабельного быта они проспали, как дети, не шелохнувшись, до позднего утра. И спали бы до полудня. Но были грубо разбужены громкой духовой музыкой под самыми окнами. Это государственный военный оркестр № 31 имени Имбирного Пива исполнял торжественную литанию «Пейте пиво спозаранку!»

Не успели Виктор Ильич и Леночка закончить утренний туалет, как в дверь вежливо стукнули. На Леночкино: «Да, да, войдите» — в проеме раскрывшейся двери объявился пришедший с визитом чиновник в пивной униформе. Поздравив с прибытием в Государство Восходящего Хмеля и извинившись за раннее вторжение,— служба, *pardon*! — попросил ответить на шестьдесят четыре вопроса анкеты. Присев на стульчик, чиновник застрочил вопросы-ответы на синих бланках опросных листов.

Виктор Ильич и Леночка, сначала недоумевая, порой смущаясь, попривыкнув, даже веселясь, отвечали вежливому чиновнику на всевозможные вопросы: фамилия, имя, отчество, рождение-происхождение, титул, оспопрививание, знание языков, имя троюродной бабки, степень половой близости и состоят ли в законном браке... но более половины вопросов относились к специфики государства Карримардак: какое пиво предпочитаете — светлое, темное, портер, легкое, имбирное, горькое, с кардамоном, холодное, теплое, пенное, ячменное, кукурузное, просяное, рисовое; регулярно ли исповедуетесь у священнослужителей Матери Буфетчицы? Как предпочитаете обычно пить пиво: стоя у бочки, стоя под навесом за высоким столиком, сидя на стуле или кресле, в баре, лежа дома на диване? Из чего пить предпочитаете: из бутылки (из горла то есть), из кружки или стакана, нет ли преступной склонности доливать в пиво крепкий самогон, соблюдаете ли двойное золотое правило пивных людей: «вино на пиво — это диво, пиво на вино — г...!»? Пьете пиво утром, днем до полудня, после полудня, вечером, ночью встаете? Чем предпочитаете закусывать: устрицами, раками, креветками, кальмарами в собственном соку, копчеными угрями, миногами, солеными сигами, сушеным снетком, таранкой, вяленым лещом, семгой, осетровым балыком, пирожками с осетровой же вязигой, бутербродами с красной икрой, соленой кумжей, отварной зубаткой, селедкой или сардинами пряного посола, килькой балтийской, шпротами, соленым сыром, рокфором, пресным сыром, овечьим или козьим сыром, зеленым армянским «сыром-лапшой», швейцарским, плавлеными сырками с тмином, мягкими молочными, крилевыми, запеченными окорочками, обмазанными креветочным маслом, маслинами, вялеными фигами, сырокопчеными окороками или колбасой, колбасой языковой, салями, сервелатом, докторской, ветчиной, корейкой, вареной грудинкой, бужениной, бутербродами с рыбной пастой, солеными фисташками и арахисом, салатом из морской капусты, сушеными акульими плавниками, зеленым горошком, бубликами, баранками, солеными сушками, сушками тминными, сухариками, гренками с маслом, зеленью,

запеченной луковицей, мясом с чесночной подливкой, вяленым крабовым мясом, вареными свиными хвостиками, яйцами под майонезом, просто яйцом, начиненным кусочками маринованной сельди, сардельками, сосисками с кислой капустой, заливными куропатками, фаршированной щукой, форшмаком по-еврейски, тортю по-швейцарски, пашотом, паштетом печеночным, селедочным, мясным, шпротным, солеными яблоками или сливами, шашлыком, рыбной запеканкой, солеными галетами, копченым салом по-малороссийски, салом крутосоленым, беконом прибалтийским, варенокопченой пуляркой, колбасными обрезками, ассорти из копченостей, поросенком с гречневой кашей и хреном, просто хреном, картофелем фри, хрустящим картофелем, солеными хлебными палочками, томатным соком, помидорами, пирожками с печенкой, рыбой ассорти, мясом тушеным, требухой, вареным холодным выменем, треской вяленой, филе из голубей, сушеными рыбьими головами и пр. и пр.

Под конец опроса у Виктора Ильича затрещал от жары высохший язык,— спасти его мог только стакан пива. Леночка едва не упала в обморок, услышав, сколько закусок к пиву существует, ибо в родном своем городе *Т*. она пиво не пила; в той местности женщины вообще не пили пиво (кроме редких алкоголичек и опустившихся гулящих девок и баб) и старались огибать, обходить пивные ларьки, около которых томились в многочасовых очередях грубые, злые пьяные мужчины, беспрерывно матерящиеся, курящие вонючую «Приму» и «Памир», порой дерущиеся из-за порядка в очереди, бьющие друг друга по головам трехлитровыми стеклянными банками,— но что удивительно — головы были как чугунные: банка — в брызги, а голова — хоть бы что!

Также часто наблюдала она, проходя мимо: дождавшись своей очереди, пивной мужик брал три литра в банку, если только он не расколол ее о голову соседа, и еще семь немытых кружек в пене — и пил до отупения, сидя прямо на голой земле, доливая в кружку водку или самогон, а то и просто запивая яблочным вином «червивкой». А если они и закусывали пиво, то только куском расползшейся от жары соленой скумбрии или бутербродом с мокрой «докторской» колбасой, крутыми яйцами и — великое счастье — обглоданным хвостом таранки, презентованным соседом по очереди (если, конечно, они друг друга банками по голове не лупили), только приехавшим из служебной командировки в Астрахань.

А тут такое изобилие? Было от чего закружиться голове...

♦Проставив заключительные «да-нет» в последней (Леночкиной) анкете, совершенно удовлетворенный чиновник раскланялся и вышел, разминувшись на пороге со следующим красавцем в пивном мундире.

Тот сходу сообщил Леночке замысловатый комплимент, одобрил вкус Виктора Ильича, преподнесшего чиновнику манильскую сигару, и легко перешел к изложению сути своего визита. Дело в том-де, что народ Карримардака един и сплочен; это находит свое отражение в искусстве, литературе, танцах... Короче, чтобы уважаемые гости были готовы по выходу из отеля естественно вписаться в радостный мир пивной страны, они должны изучить вместе с ним популярнейшие карримардакские песни и танцы. Это очень понравилось Леночке — обладательнице легкого и приятного контральто. Виктор Ильич также снисходительно отдался обучению азам местной масс-культуры: в чужой монастырь со своим уставом не ходят!

Заручившись добровольным согласием, ласковый массовик-затейник вынул из кармана мундира губную гармошку и заиграл очень искусно мелодии, предварительно выложив перед кораблекрушенцами листы пергаментной бумаги с текстами народных песен на карримардакском языке, но пропечатанные в транскрипции латинскими буквицами.

Песни имели бодрые и веселые ритмы, явно подстроенные под хоровое исполнение,— вершину коллективного искусства,— как пояснил чиновник-затейник. Все они начинались энергичными возгласами: «Хэ тарглы! Эш-ла-бирлеги! Мап-аг-ры турманды!» и пр. Как перевел на европейский чиновник заинтересовавшемуся Виктору Ильичу,— это обычные лозунги бодрых песен Пивного государства: «Эх, ухнем! Все грянем! Все вместе споем!» и пр.

После того, как они уже втроем (чиновник заменил гармошечку на магнитофонную «фанеру») довольно слаженно пропели песенный минимум, затейный чиновник показал *in vivo* основные па национальных танцевальных движений карримардакских хороводов и через полчаса покинул их, совершенно очаровав любезностью и слегка утомив кипучей энергией; на прощанье подарил им песенник и большой альбом «Ритуальные танцы Карримардака».

Далее чиновники пошли непрерывной чередой: был идеолог, довольно-таки настойчиво внушавший, что карримардакское пиво — самое свободное в продаже и распространении, самое демократичное, дешевое и лучшее в мире.

— Попрошу вас твердо это запомнить! — почти пригрозил он на прощанье.

Был чиновник из отдела политического устройства Пивного государства; он пояснил основы конституционного строя Карримардака, построенного на принципах равенства граждан перед производством, рас-

пределением и потреблением пива. Далее их посетил священник государственной религии-культа Священной Матери Буфетчицы, сходу попробовавший окрестить своих клиентов в походном пивном чане. Однако Виктор Ильич боялся простуды, а Леночка испугалась, конечно, не того, что придется раздеваться перед незнакомым мужчиной, но пивного запаха кожи, который ни задушишь никакими парижскими духами... Поэтому слегка разочарованный служитель культа ограничился тем, что оставил в номере пивную Библию — свод историй о возникновении культа Матери Буфетчицы и ее трех мучениях: искуплении недолива, греха разбавления водой водопроводной и страстей гневной очереди.

Посетили нашу парочку и интеллектуалы: историк, географ, юрист, поэт и другие. Особенно запомнился визит сексопатолога — живы и свежи в памяти дни и ночи Парижа! Человек веселой профессии объяснил основные принципы интимной жизни трудящихся Пивной страны. Брак обязателен по достижению двадцатилетнего возраста и обязан быть счастливым. Последнее достигалось равноправием обоих полов перед потреблением пива. Половые сношения производятся по пятницам, в конце трудовой недели, с 23.20 до 00.15 следующих суток. Перед сношением оба супруга выпивают по литру портера. Внебрачная (и добрачная!) половая жизнь приравнивается к государственной измене и наказывается кастрацией мужчин и стерилизацией женщин. Впрочем, по желанию клиентов, эти мягкие меры могли быть заменены более суровыми: запрещением пить пиво. Редко кто шел на это.

♦Много еще чего интересного рассказал сексологический чиновник-врач, но его заменил последний гость; в отличие от предыдущих, был он одет не в пивной мундир, а в партикулярное платье: кремовый плащ, шляпу, на носу имел дымчатые очки. Одно плечо гостя висело ниже другого — явно от постоянного ношения под мышкой пистолета, как догадался после окончания беседы Виктор Ильич. Это был сотрудник карримардакских органов... ну, тех самых, не половых конечно же. Он даже напугал путешественников, объясняя сурово-ласковым отеческим голосом, как следует себя вести в карримардакском государстве: чтить пиво, хвалить его, елико возможно, одобрять его непревзойденные качества, не высказывать пренебрежения к закускам, не предпочитать импортное пиво и закуску, чтить культ Священной Матери Буфетчицы, не нарушать порядка в пивных очередях и пр. Всего 87 пунктов предупреждения. В заключение гость в штатском взял с Виктора Ильича и Леночки расписку в ознакомлении с чем положено и в том, что после

(нежелательного) выезда из Карримардака они в течение 25 лет не должны пить некарримардакское пиво, то есть, исходя из реалий, вообще его не пить. Подразумевалось и пожизненное молчание о существовании Пивного государства.

— Мы живем в отъединении от земной цивилизации, но наши люди есть везде и руки у нас *длинные*,— со смыслом произнес, отбирая расписки, штатский гость.

После ухода тревожного гостя других посетителей не наблюдалось, благо уже наступила ночь. День от зари до темноты прошел в содержательных беседах. На ужин принесли манную кашу. Виктор Ильич приказал выбросить ее в унитаз, взамен же попросил — к своей, из города Парижа, закуске — знаменитого карримардакского пива. Заспанный слуга испуганно икнул и ушел без ответа, пожелав доброй ночи.

Ничего не понимающие путешественники поужинали из своих запасов и, следуя наставлениям последнего визитера, помолясь на ночь Матери Буфетчице, легли почивать. Хотя была явно не пятница, и литра портера они не выпили, тем не менее... Ну, Бог с ними. И мы поспим в узких девичьих постельках, а наутро встанем свежие, безгрешные и бодрые вместе с нашими героями.

♦Забрезжило ласковое, пивное, карримардакское утро — утро социального оптимизма; так их приветствовал первый ранний гость, разумеется, одетый в пивной мундир. Был он прислан министерством пивных дел для инструктажа туристов поневоле в части питья пенистого напитка, то есть, как себя вести в священной пивной церемонии.

Гостиничный слуга вкатил столик со множеством бутылок, кружек и даже маленьким бочонком с краником. Макетирование церемонии велось, как оказалось, не натуральным пивом, а подкрашенной водой. Даже не сладкой. Когда нужно было вызвать пену (при изучении теории отстоя), то чиновник бросал в кружку щепоть соды и выливал из принесенной бутылочки несколько капель уксусной эссенции; вода начинала бурно пузыриться, делаясь подобием пенного напитка. Вот в кратком переложении суть рассказов, экспериментов и демонстраций раннего гостя, которую путешественникам следовало заучить и повторить с наглядными пособиями:

— Когда появляется желание выпить пива, либо человека побуждает к этому акту то или иное, обязательное к исполнению указание, равно как и в любом другом случае, клиент звонит в министерство пивных дел (телефон +ПИВО 222 407 — в столице и ++ПИВО 5 302 003 — в

провинции), сообщает свой личный пивной номер, заменяющий в Карримардаке удостоверение личности или паспорт, свое местонахождение и желание выпить столько-то пива в каррималитрах (1 *к-литр* равен 0,737 нашего обычного литра). Телефонный автоприемник вводит данные в ЭВМ и через 0,25 секунды дает абоненту ответ: в какую пивточку следует отправиться, в какое время, а также номер очереди, сорт пива и закуски, положенные ему в соответствии с возрастом, трудовым стажем, соцпроисхождением, семейным положением, степенью благонамеренности, размером обуви и пр. Эти же данные по компьютерной телекоммуникационной сети одновременно сообщаются в указанный пивпункт.

Клиент, получив информацию, скоренько добирается до точки, которая может находиться и в противоположном конце государства, так что приходится по литере Минпивдела лететь сверхзвуковым аэробусом, сообщает секретарю буфетчицы свой шифр, она сличает с данными ЭВМ и выдает удостоверение на право занятия очереди. В очереди приходится стоять, сидеть или лежать — в зависимости от номера удостоверения. Иногда приходится жить в соседней гостинице до двух-трех дней, а то и неделю, ожидая своего часа. Время это оплачивается по среднему заработку по месту службы.

Но вот и очередь подошла. В этот день клиент, одетый в парадный мундир покроя «пивное наслаждение», подходит к двери буфета и отдает свой пропуск в очередь. Взамен ему выдается временный пропуск в буфет. Он проходит, садится за столик. Когда зал заполнится, то под руководством священника культа Матери Буфетчицы, окормляющего паству данного пивного округа, клиенты поют гимны, хоралы, восхваления пиву Карримардака — самому светлому (или самому темному), чистому и пенному в мире. После чего они отправляются отдыхать в гостиницу, а наутро идут по назначенному каждому отдельно, строго тайно указанного места выдачи пива. Обычно это пивные бочки, замаскированные под помойный ящик или телеграфный столб в чистом поле, труп сдохшей собаки, пустой бензиновый бак, а то и просто закопанная в землю на два метра вглубь бутылка с пивом. Откопав бутылку в один, два или три каррималитра и прикрепленный к ней бечевкой полиэтиленовый пакет с закуской, клиент накрывается с головой и ногами заранее припасенной светонепроницаемой накидкой, быстро пьет пиво и давится на ощупь отламываемыми кусками закуски, После чего он пишет отношение по форме *П-132бис* и вместе с пропуском в буфет, двадцатью четырьмя фотографиями *9х12* см (в фас, анфас, профиль, сзади, в рост, одетый, обнаженный, в инфракрасном свете, в ультрафиолете, в рентгене и пр.) отно-

сит в местное управление Министерства пивной отчетности.

Получив контротношение Минпивотча, клиент с веселыми песнями пивной радости возвращается в свой родной город или село и плодотворно трудится, не уставая хвалить достоинства родного карримардакского пива. Образец такой песенки:

«О-хэй, э-хэй, туймарды черешшей!
Об-бялды ушукар, эл-малы чишикар!..» И т.п.

(*«Ох, пивка попил на славу Матери Буфетчицы,*
Пивом даже алкаши от запоя лечатся!..»)

— Несмотря на кажущуюся игривость,— пояснил чиновник,— в словах этих песен заложен огромный социальный смысл!

♦Чиновник этот оказался неистощимым на россказни и припевки; он просидел, протанцевал, пропел у них в номере до поздней ночи. Как и накануне, помолясь Матери Буфетчице и поужинав парижскими запасами в вакуумной упаковке, они легли спать, так и не сумев уже за двое суток хоть на минуту выйти за пределы тесного гостиничного номера.

Но вознаграждены они были наутро третьего дня заточения. Едва забрезжил рассвет, как в дверь номера вежливо постучали и порекомендовали собираться в ознакомительную поездку по гостеприимной стране пивных людей.

Не надо описывать, с каким нетерпением наши путешественники собирались выпить,— замученные речами и восжигавшими жажду прославлениями — но, увы, пока почему-то остающимся чем-то ирреальным — карримардакского пива наши путешественники.

В холле радостно встречались и обнимались-целовались, особенно дамы, вновь собравшиеся все вместе пассажиры и команда занесенного богом и бурей в неведомую страну парохода. Уже по дороге к автобусам, ждавшим у подъезда, успели выяснить: в эти два дня всех кормили манной кашей и развлекали лекциями и проповедями с танцами о чудесном пиве этой страны. Мужчины, глядя голодными волками, бешено облизывали пересохшие от издевательских речей губы и водили глазами по сторонам, надеясь узреть пивную бочку или ларек и успеть перехватить пару кружек до отправки автобуса. Увы! Пивных точек поблизости не наблюдалось.

На передних, повернутых к пассажирам креслах уселись гиды-чиновники в неизменных пивных мундирах. Автобусы тронулись, лекция-

экскурсия началась. Дивные картины виделись в тот день истомленным бурей и лекциями путешественникам.

♦Алело небо, задувал свежий рассветный ветерок. Автобусы неспешно ползли по чисто выметенным улицам города. В первые минуты езды они выглядели пустынно, но вот замелькали фигурки людей, потом группки, группы, шеренги, и вот уже автобусы робко прижались к тротуарам и остановились, пережидая; по улицам маршировали батальоны по триста человек — пятнадцать шеренг по двадцать человек, одетых в одинаковые рабочие спецовки. Изредка их перемежали батальоны в темно-коричневых пиджаках, синих рубашках и однотипных галстуках в мелкую полоску; все пиджачники имели лысины, независимо от возраста, и очки. Батальоны стекались, как понял Виктор Ильич, к центру города. Фланговые первой шеренги каждого батальона несли транспаранты. Как перевел гид-чиновник, то был лозунг дня: «Через пиво к радости и всеобщему благу!» Фланговые же задних шеренг и человек, находившийся в геометрическом центре батальона, несли развернутые фиолетовые стяги с изображением пивной кружки в обрамлении венка из мелких таранок.

Обок батальонов, впереди и сзади шли дежурные с фиолетовыми же повязками и флажками в руках: сигнальщики строя и движения. Все батальоны слаженно пели гимн Восходящему пивному дню (в переводе):

Ночь прошла и — слава Богу,
Поскорей бы за станок,
Пива выпьем много-много,
Подрастай скорей, сынок!

Припев:

Прекрасная страна святого пива!
Проглотишь собственный язык.
Не чудо разве иль не диво,
Что к пиву так народ привык?!

Нет предела радости и счастью
Потрудиться в пенистой стране;
Нет у нас стоящих в стороне
От декретов, данных властью.

Власть и пиво — крепкое единство
И основа — трудовой народ,

А не пить — прямое свинство.
Нет у нас ни бедных, ни сирот.

Счастье, счастье души заполняет,
Солнце-пиво радость льет.
Ткач мундиры людям ткет,
А буфетчик пиво разливает.

Тихая радость засветилась на чиновных лицах экскурсоводов:

— Наши славные труженики,— с гордостью пояснил старший из них и сглотнул застрявший в горле комок подавленного волнения и, стыдясь собственных слезинок радости, умиротворения и довольства, полуотвернулся к окну, смахнув бесцветные капельки рукавом пивного мундира. Кое-кто из пассажиров сочувственно кивнул головой, но грубый боцман из команды парохода, с утра успевший хлебнуть из спасенных корабельных припасов, громко и бесстыдно расхохотался: такого он и в кино не видел, не говоря уже о Дувре, Гавре и родном городке Ле-Шантелье в Северной Нормандии.

Гид обиженно и печально посмотрел на грубияна и тихо, укоряюще промолвил: нельзя смеяться над искренностью трудового порыва; лучше помолимся все вместе всепрощающей Матери Буфетчице за дарование сегодняшнему дню успехов, большой трудовой производительности и хорошего, доброго карримардакского пива всем честным (— И нечестным! — гаркнул веселый боцман) труженникам нашего земного рая — Государства Восходящего Хмеля. Встав на колени, гид прочитал в микрофон уже всем известную молитву:

Пресвятая Мать Буфетчица!
К тебе возносим мы голос свой:
Не оставь милостью и пивом,
Даруй нам каждодневную утеху и радость,
Да преисполнится нам твоим благословением,
Да не иссохнет ячмень на наших полях,
Пиво в наших ларьках, желание пить у наших людей!

Священным почитанием,
Дозволенным потреблением пива,
Повышением качества его выработки,
Очищением своих душ посредством питья его,
Строгим подчинением всем поставленным над нами
начальникам,

И всем другим, что угодно и желательно тебе слышать,
И видеть,
И обонять,
И осязать,
И чувствовать,
И внимать,
И ожидать,
И благословлять —
Всем этим благословим мы себя,
Пресвятая Мать Буфетчица,
Заступница наша,
Спасительница и надежда,
Аминь!

Виктор Ильич увлекся и чуть было не укололся при резком повороте автобуса, ибо во время молитвы он стриг себе ногти золочеными ножничками парижского маникюрного набора Леночки, которая сама задремала от мягкого качания езды, монотонного голоса гида, а главное — Виктор Ильич, отоспавшийся от корабельной бессонницы, любил ее этой ночью с утроенной энергией...

Автобус тем временем развернулся на площади перед большими воротами, обогнав передовой батальон, а гид предложил всем выйти:

— Экскурсия по заводу пивных этикеток, это — передовой гигант отечественной индустрии,— с гордостью пояснил он.

♦Театр начинается с вешалки, а завод — с проходной. Сколько лирико-раздумчивых песен слышал Виктор Ильич в детские и юные годы о тех заводских проходных?! Слезинка умиления выкатилась из угла левого глаза, когда он вступил в проходную завода пивных этикеток через наружную дверь.

— Это надо же,— думал он,— прожить половину жизни и ни разу не побывать на заводе, пройти через проходную... Отрывает нас гуманитарщина от истинно-здоровой жизни, от романтики проходных, уводит в беллетризованный, выхолощеный мир ро́манов, поэзий разных, всяких там ренессансов...

Войдя в проходную, он поначалу ничего не разглядел: после низкого, бьющего в упор утреннего солнца, глаза с трудом различали в неярком электрическом свете стены; потом уже выступили потолок, люди. Боже, как испугался тогда Виктор Ильич, в панике подумавший было, что их

обманом завезли в тюрьму! Впрочем, все экскурсанты-кораблекрушенцы перепугались попервоначалу, хотя если не все, то десяток-другой из них в разное время своей жизни бывали на фабриках и заводах, в основном — собственных, примерно знали тамошнюю обстановку.

Итак, вот какую песенную проходную заводскую увидели Виктор Ильич, Леночка и остальные шестьдесят три гостя поневоле страны Восходящего Хмеля. Она достойна особого описания.

Это была роскошно задуманная бальная двухсветная зала, но только с наглухо забронированным окнами обоих ярусов. Стены выложены мраморными плитками с розовыми и ультрамариновыми прожилками, тщательно отполированными и полаченными; в Европе такой мрамор берут в каменоломнях Каррары; здесь же, очевидно, пропасть его месторождений, раз им облицовывали все общественные службы...

Пол выложен мозаичным, сложного рисунка паркетом из мореного дуба. С лепного потолка — целиком лепного, не только карнизы! — в центре свисала хрустальная люстра; похожую Виктор Ильич видел в Большом театре, куда не раз студентом Архивного института ходил на балкон. По углам залы-проходной висели люстры поменьше, что у нас украшают областные драмтеатры дореволюционной и сталинской постройки, опять-таки хрустальные. На карнизах была устроена умелая подсветка потолочной периферии.

Но еще боле поражала меблировка проходной: залу перегораживала пополам — от одной боковой стены до другой — четырехметровая зубчатая крепостная стена с башенками-бойницами; их Виктор Ильич насчитал девять штук. Зубцы стены окутаны колючей проволокой по типу спирали Бруно.

В башенках, на верхних площадках стояли спаренные тяжелые пулеметы типа бельгийского «Кольта»; за пулеметами лежали в боевой позиции «товсь», пожирая глазам входную с улицы дверь, держа пальцы на спусковых крючках, вахтеры-охранники, одетые в верблюжьей шерсти черно-синие шинели, картузы с пивной эмблемой, штаны, чем-то отдаленно напоминающие изобретение генерала Галифэ, и в спущенные в гармошку — верх вахтерского шика! — сапоги. Кроме пулеметов, вооружены они были и личным оружием: саблей, винтовкой, ножом-тесаком, револьвером 35-го калибра и тройкой противотанковых гранат в связке. Так что и танк не смог бы безбоязненно проникнуть на территорию завода пивных этикеток. Очевидно, на всякий случай на девятой, главной башне, прямо под проходом в стене, находилась трехдюймовая пушка с лазерным прицелом. Вдоль стен на подпотолочной высоте летал кругами

небольшой разведывательный вертолет с четверкой подвешенных ракет типа «воздух-земля».

На уровне человеческой головы из стен выпирали консоли-копья метровой длины, на которых была натянута колючая проволока под напряжением в 3000 вольт. В центре, под башней с трехдюймовкой, находились входные ворота, а также — люк диаметром чуть побольше полуметра; это был конец трехметровой трубы, выводившей в другую половину залы. Этим лазом люди, как пчелы в улей на вечерний сбор, проползали один за другим. Но перед люком еще следовало перепрыгнуть через основательный ров, на дне которого метались на короткой привязи два специально некормленых с утра нубийских льва.

Женщины засопротивлялись было лезть в лаз, но любопытство, этот порок-двигатель женского ума и тела, помог им справиться с неудобством входа на завод, благо в моде в тот сезон были юбки макси, да и основной контингент путешественниц был в молодом, не старше сорока пяти лет, возрасте, так что особо-то стесняться было незачем. Дамы с ужимками и хихиканьем поползли одна за другой; мужики — кроме грубого и нахального боцмана — дипломатично отвернулись, курящие достали сигары и пачки «Мальборо». Потом вползли и они.

Виктор Ильич, проползая, успел осмотреть поверхность трубы и сообразил, что лезущих прощупывают рентгеном, магнитами и даже, как ему показалось, особыми мягкими щупальцами, выступающими вовнутрь трубы и снимающими импульсы биотоков; впоследствии догадка его подтвердилась.

Взмокший, с испариной, он выполз из трубы и поднялся, отряхиваясь, на ноги, изумляясь пуще прежнего.

♦Вторая половина залы поражала своим изумрудного цвета мозаичным полом. Посредине стоял постамент, а на нем величественно возвышался начальник охраны, запахнутый в байроновский плащ все из того же темно-синего солдатского сукна, пахнущего револьверной смазкой. Плащ твердыми складками ниспадал на хромовые сапоги со шпорами. Голову венчала суконная треуголка с пивной кокардой. От лаза до постамента бежал и на постамент угловато изогнутой змеей вползал ковровый ход.

Гид объяснил, что каждый входящий работник ползет на коленях по ковру, взбирается на карачках на постамент и целует носок сапога начальника, после чего исповедуется в суточных грехах и с миром пропускается на завод. Зала была не пуста: в шахматном порядке, примерно по

одному на пять квадратных метров, стояли по стойке «смирно» охранники, каждый держал на длинном древке плакат с лозунгом; гид перевел на европейский некоторые, наиболее передовые:

«Опоздаешь на пять минут — сядешь на пять лет!»
«Труд на пиво — это диво!»
«Пиво и труд все перетрут!»
«Ударим по пиву!»
«Завалим этикетками всех врагов!»
«Этикеточники! Не пиво красит этикетку, а этикетка пиво!»

И так далее. Но самое главное — все четыре стены, включая крепостную перегородку, были украшены единым мозаичным панно, изображавшим радость трудящихся-этикеточников, успешно совершенствующих свое родное производство. С правой и левой сторон, на уровне восьми метров от пола, были устроены лоджии, на которых задумчиво пели хоры. Тихие и мирные мелодии чередовались с бодрыми маршами, зовущими на трудовой бой, подвиг и бессмертье.

Гости засмотрелись на все это великолепие, так что гиду пришлось вежливо их поторопить — и все взволнованной гурьбой вышли через последнюю на их пути дверь чудесной проходной и попали прямиком в гигантский цех раскроя. Работала еще третья, ночная смена, работала в последнем приступе энтузиазма. Огромные резательные машины вытягивали рулон за рулоном лощеный пергамент и штамповали из него заготовки будущих этикеток: округлые, полумесяцами с закругленными кончиками, квадратные, пятиугольные (вроде нашего обрамления «Знака качества»), ромбические, овальные. Один некрупный французский банкир пробурчал что-то насчет того, что нет этикеток в форме шестиугольной звезды...

Конвейеры безостановочно увозили продолговатые пачки заготовок в смежные цеха. Трудящиеся цеха работали молча, сосредоточенно и, как чувствовалось, с полной отдачей ума, энергии, сознательности.

По стенам цеха и на стойках пролетов висели обычные лозунги о пиве, труде и их естественной, онтологической взаимосвязи.

В следующем цехе на заготовках печатались рисунки. Присутствовавший в числе гостей-путешественников фабрикант-полиграфист из Люксембурга несколько изумился такому техпроцессу: во всем мире при изготовлении продукции типа этикеток сначала накатывают на ленту рулона рисунок, и потом уже выштамповывают форму, а здесь? Но гид, не слушая бормотанья иностранца, увлеченно объяснял, что с помощью самого совершенного в мире полиграфического оборудования здесь и еще

в двух десятках печатных цехов предприятия изготавливаются этикетки для трехсот восьмидесяти двух сортов карримардакского пива — лучшего пива в мире.

Как зачарованные, шли гости, переходя из цеха в цех, которые поражали громадой пролетов, машинами, деловой обстоятельностью, громадным объемом продукции. Уже в предпоследнем цехе, где гуммировались клеющими составами тыльные стороны этикеток, гид с гордостью объяснил, что на заводе занято сорок три тысячи работников. Но самое впечатляющее зрелище ждало их не в печатных и гуммировальных цехах, не в цехе подарочно-сувенирных изделий, где изготавливали этикетки из натуральной серебряной и золотой фольги с объемным тиснением и голографическими рисунками, нет, самое поразительное ждало посетителей на складе готовой продукции. Сам склад являл собою сборный алюминиевый ангар — чудо технической мысли, под шатром которого мог бы поместиться, как объяснил гид, целиковый город с населением в пятьдесят тысяч человек. Весь этот объем занимали пачки этикеток. Стеллажи растекались по всем сторонам, образуя улицы этого города, и уходили ввысь, под потолок, облаком летевший где-то на уровне натуральных грозовых облаков. Гид с гордостью заявил, что здесь находится восемнадцать с двадцатью нулями штук этикеток.

Поскольку многим гостям трудно было представить на слух эту цифру, то улыбающийся их провожатый нарисовал длинную цифру на бумажке, показал ее и пояснил, что этим числом этикеток можно миллионы раз обложить поверхность земного шара. У гостей закружились головы.

Тем временем Виктор Ильич стал свидетелем странной, диссонансной с общим трудовым ритмом завода сценой: бродя по улицам этикеточного города, разговорившись с неким путешественником-англичанином, с которым коротал время в судовом баре, он забрел с ним в дальний конец ангара, где находилась, как он понял, теплоцентраль завода. Каково же было их изумление и даже — О, этот, заразивший и их, общий энтузиазм! — негодование, когда он увидел, как рабочий хватал одну за другой пятидесятикилограммовые пачки этикеток и бросал на конвейер, а тот скидывал их в топку гудящей печи.

Англичанин, бывший профессором-филологом, за два дня успел немного освоиться с синтаксисом и словарем карримардакского языка, поэтому, составив фразу, спросил работягу: что-де он делает с этикетками, которые вроде бы и не являются браком?

Тот хмуро пробурчал нечто, поразившее профессора настолько, что

он записал фразу в книжечку и... но тут завыла сирена, из проходов выскочили несколько десятков одинаково одетых в штатское человек. Старший из них ловко выхватил книжку из рук профессора, извинившись на чистом лондонском диалекте, отыскал и вырвал нужную страницу с записью, заставил подписать того протокол о неразглашении под угрозой уголовной ответственности, приложил к голове Виктора Ильича электроды таинственного приборчика, как понял тот — с помощью анализа биоритмов головного мозга штатский убедился, что пациент не запомнил ни единой фразы на незнакомом языке. После чего их вежливо, под руки отвели к основной группе экскурсантов. Оглянувшись мимолетно, Виктор Ильич увидел нечто, помутившее на время его рассудок: вставший временно на рабочее место у конвейера, один из младших по званию штатских, вслед за очередной пачкой погрузил на движущуюся ленту прежнего работягу, и тот молча, не двигаясь, лишь закатив глаза, поехал в жерло печи...

Но и это было не все; когда они вернулись к группе, то гид уже сменился. Как шепнула Леночка, прежнего за несколько секунд до возвращения Виктора Ильича увели люди в штатском, и даже показала куда увели: по коридорчику, что вел к той же печи...

Виктор Ильич побледнел и, перекосившись обычно добродушным лицом, шепнул в ответ подружке: «Молчи, дура!» Леночка было дернулась от незаслуженной обиды, но, увидев побледневшее, с расширенными глазами лицо морганатического своего супруга, о чем-то догадалась, скорее — почувствовала и только слегка, инстинктивно прижалась к нему в знак примирения и прощения.

Новый гид сбивчиво докончил объяснения и восхваления этикеточной промышленности и быстренько вывел гостей с завода, благо наступило время пересменки.

В автобусах их повезли обедать в гостиницу. На этот раз прием пищи происходил в отдельно выделенной столовой зале; ели манную кашку — с голодухи и ее поели, какой-то салатик и все запили горьким чаем без сахара, скорее всего, чай был зеленым. Пива к разочарованию и недоумению путешественников, знаменитого пива, хотя бы одного из 382 сортов, не подали, а официанты на настойчивые просьбы пугались и скоренько убегали в служебку, притворяясь глухонемыми.

Остаток дня путешественники провели, гуляя во внутреннем сквернике, смотрели в холле фильм о производстве пива в Карримардаке. Виктор Ильич все порывался уединиться с профессором-англичанином, чтобы все же выяснить: что ответил ему несчастный работяга, но как только

он подходил к нему — тотчас, словно из-под земли, появлялся некто вежливый, брал его под руку и, одурманивая ласковыми объяснениями по части особенностей варения карримардакского имбирного пива, отводил в противоположный угол холла или сквера — смотря по тому, где дело происходило.

♦В таком насыщенном разнообразии прошла неделя в Карримардаке. Горе-путешественников возили по заводам пивного оборудования, собственно пивным фабрикам, мастерским варки «домашнего» пива для гурманов. Посетили они организованно и концерт песни «Пиво-83», смотрели в Национальном театре Карримардака балет «Пивной эликсир» и слушали оперу «Сладкое пиво Шербурдана» (Шербурдан — комический герой произведения). Именно из текста оперы изумленные путешественники узнали, что в Карримардаке проживают... до боли родные земные евреи; работают они преимущественно в банках, обслуживающих крупные пивные картели.

Пели гимн «Пиво превыше всего!» на вечере дружбы со студентами-пивоварами Карримардакского пивного университета имени Брыкдуша — легендарного основателя пивоварения на далекой звездной родине, духовного отца Матери Буфетчицы.

И за эти 188 часов все, что они видели (даже и во сне), слышали, обоняли — все говорило, кричало, пело, плясало о пиве, великом и счастливом Пиве Карримардака. О пиве и прекраснейших, утонченнейших закусках к нему. И не менее утонченнейшим издевательством казалось туристам поневоле то, что они за все время пребывания в этой стране не сделали ни глотка пива, а кормились — кто запасливый, тот из дорожных припасов, а иные и манной кашей на воде. Поэтому Виктору Ильичу, съевшему с Леночкой в перерывах между страстными объятиями — чем еще в Карримардаке заниматься? — все парижские остатки, пришлось-таки вызвать опекуна (хотя и дал ради спортивного интереса самому себе слово продержаться самостийно как можно дольше) и приказать набить холодильник качественной жратвой, да настрого приказал зашорить глаза шпионам из лакеев и горничных, как будто холодильника для них и не существует!

Однако в тот же день возвращенного изобилия, предвещавшего долгую ночь любви и изысканных закусок, добросердечная Леночка (русского человека, даже если это женщина, жидоморская заграница не переиначит!) позвала в номер десяток дружественных ей дам и скормила изголодавшимся все запасы, а что не скормила — раздала для бедных, сжевавших зубы

на манке мужей подружек по несчастливому путешествию.

Тогда Виктор Ильич, отлучившийся на время пиршества с бесплодной целью отловить своего англичанина, снова вызвал шипшандлера* и дал указание превратить холодильник в рог изобилия. «Всю команду приходится кормить!» — пояснил он рогатому, подумавшему было с тревогой, что его протеже заболел обжорством.

...Их судно несло по запрограмированным волнам таинственного пивного моря-океана Карримардака, государства-мифа.

♦Постепенно экипаж кораблекрушенцев попривык к аскетически-речевой-гимновой жизни в государстве пивных людей. Нашлись и тихие радости. Дамы постарше вязали в холле, беседовали о мужьях, детях, о дикости здешних людей и нравов. Леночка, ставшая дамой-патронессой (по причине холодильника) общества, блистала своим иностранным выговором, получая от новых подруг, среди которых многие были приняты в дипломатических и светских кругах европейских столиц, восторженные похвалы.

Мужчины же отыскали в одной из служебных комнат бильярд и дулись в американку; до дам доносилось уютное, клубное, мужское и успокаивающее, вселяющее оптимизм: «Красного от борта! — Кар-р-рамболь!!» И так далее.

В углу той же комнаты играли по крупной в покер. Словом, все устроилось. Ощущение у всех было такое, что находятся они в швейцарских Альпах, на горном курорте близ Давоса, однако сильным снегопадом их отрезало на неделю от внешнего мира. Несколько неудобно, но романтично-страшновато, словом, уютно.

В десять вечера, отказавшись от манной тюри, все общество шло в номер наших друзей. Леночка на правах хозяйки и с помощью двух-трех дам-активисток накрывали стол, подоконники, телефонную полку — все, что было плоским и возвышалось над полом. Всюду были расставлены сервизные приборы, рюмки, фужеры. Гости весело кушали омаров, черепаховый суп, настоящий английский *beef-steak* (Виктор Ильич в последний визит рогатого заказал к рогу изобилия и микроволновую печь, только-только освоенную европейской промышленностью). Устрицы запивались «Клико». К хорошему привыкаешь быстро; на третий день совместных ужинов отдельные гурманы уже привычно заказывали, рассеянно поглядывая на Виктора Ильича, на завтрашний вечер блюда китайской, европейской и еврейской кухни.

---

* Торговец, снабжающий пищевыми припасами судно на стоянке в порту.

После ужина все вновь спускались в холл; мужчины захватывали из номера Виктора Ильича свежие колоды карт, ликеры из Кюрасао, коньяк, кофе, свежее, но, увы, не карримардакское, а баварское, финское, американское и английское пиво. Магнитофон фирмы «Филипс», сохраненный с корабельных времен одной бельгийской парой, дополнял уют. Веселье заканчивалось далеко заполночь.

Не стоит и уточнять смышленому читателю, что рогатый вызывался еще раз — навести шоры на глаза, уши, да и на мозги всей отельной шпионской прислуги с половины десятого вечера до трех ночи.

♦Человек радостен и оптимистичен, как давно замечено, не в привычных роскошных и спокойных условиях жизни, нет, чаще в такой ситуации он впадает в хандру от каждодневного удовлетворения всех своих желаний. Но человек чувствует эйфорию, прилив жизненных сил, испытывает высшее наслаждение в жизни, когда он временно отстраняется от комфорта, но при непременном условии: это удаление от привычной жизни временно и не очень надолго. Именно поэтому так веселы и счастливы туристы, путешественники, командированные... да и космонавты-астронавты тоже.

Служивая же команда судна, исключая капитана, допущенного к обществу пассажиров, веселилась в своем кругу по-своему. Боцман исхитрился во время одной из фабзаводских экскурсий неприметно утащить метровую металлическую трубку и в полдня изготовил отличный самогонный аппарат. В качестве исходного продукта использовалась подслащенная манная каша. Веселая матросня сумела, обманув сверхбдительность шпионской отельной прислуги, привести откуда-то местных, карримардакских девушек, и веселье пошло не хуже чем у пассажирского салона. Самогон получался дьявольски крепким, табак в большом количестве был вынесен с родного судна, а девушки оказались очень покладистыми, умелыми в любовных делах и неистощимыми в интимных забавах. К тому же девушки приносили домашнюю закуску к самогону: котлеты и соленые огурцы. Заметим, что так никто из команды и не узнал, что девушки были агентами карримардакского разведывательного управления, специально и спешно обученные по методу Давиды Илоновой ремеслу проституток и стерилизованные, для предотвращения беременности, в обмен на орден и досрочную пенсию. И почет, само собой разумеется!

Идефикс Виктора Ильича не утихал, он все так же тщетно пытался добраться до филологического профессора и спросить: что ответил ему истопник на фабрике этикеток? Однако неизменно на пути вставал агент

в партикулярном. Виктор Ильич продумывал различные варианты обойти агента; например, убедившись, что в холле или номере только свои, он закрывал на задвижки все двери, наглухо запирал форточки и направлялся к англичанину, но в тот же миг между ними вставал улыбчивый карримардакец, который по чистой случайности, как оказывалось, перед этим зашел в номер, но у него расшнуровался левый ботинок, и он, стесняясь заниматься туалетом при дамах, зашел за оконную портьеру... В версиях агенты были неистощимы. И никто из присутствующих не мог объяснить толково: откуда, как и каким образом он явился.

От волнения Виктор Ильич две ночи подряд не смог быть мужчиной. Леночка, избалованная ночным вниманием, несколько удивилась, но тотчас поумнела, успокоила своего морганатического супруга, однако испугавшийся Виктор Ильич вызвал того самого и потребовал эффективного возбудителя. Выпив таблеток пять, он обрел самого себя, но разговора с профессором не обрел. Дьявол же отказался наотрез помогать; жратву, баб и прочее — пожалуйста, но только все чтобы было наше, земное, а эти чудаки-инопланетяне — не его компетенция, эти проходят по восьмому ведомству семнадцатой небесной канцелярии, которым заведует Ассахарит — его классовый враг.

Другая напасть с Виктором Ильичем приключилась: разболелся некогда пломбированный в родном городе зуб. Коренной. Разболелся так, что спать не давал полную ночь. К несчастью, никто из путешественников и команды (судовой подлекарь, как назло, перед рейсом сам заболел алкоголизмом и остался на берегу) не имел даже ветеринарной квалификации. Пришлось — хочешь не хочешь — обратиться к администратору гостиницы; на рогатого он обиделся: опять скажет, что не по его департаменту!

Радости отельного начальника пределов не было.

♦Весело и счастливо улыбаясь, тот тотчас позвонил за консультацией прямо в министерство пивного здоровья. Инструктировали его с полчаса, а он только выкрикивал в трубку бесконечно-утвердительные «Да-да-да» — либо веско отрицательные «Нет-нет-нет!»

Затем уже администратор консультировал Виктора Ильича; тут же махнул рукой рассыльному и велел проводить гостя, куда тому следует согласно данной министерством директиве. О, сюрприз! — У подъезда их ожидала голубая медицинская машина. Едва они успели захлопнуть дверцы, как роскошный санитарный автомобиль с ревом сирены, презирая светофоры и вопли прохожих с отдавленными конечностями, помчал-

ся на скорости, близкой к космической.

Через пять минут город остался позади, машина вырвалась на обсаженную кактусами автостраду. В стремительной езде промелькнул час, далее другой. Автомобиль огибал по радиусам объездных дорог небольшие города и деревушки, климат теплел. «На юг!» — догадался Виктор Ильич. Но обратиться за разъяснениями было не к кому: улыбчивый рассыльный и санитар не понимали по-европейски, а шофер сидел за перегородкой.

От легкой и быстрой езды зуб несколько успокоился, а владелец его задремал. Проснулся, был вечер, значит, ехали более пяти часов. Машина въезжала в большой, расцвеченный огнями город, промчалась по его проспектам и улицам и, резко сдав скорость, подкатила к мраморному, окаймленному колоннадой дворцу. На вой автомобильной сирены из подъезда выбежали многие: два санитара с носилками, три медсестры и один медбрат, старший и младший стоматологи, восемь зубных фельдшеров, три хирурга, семь ординаторов и одиннадцать интернов, студенты-практиканты, заместитель директора по лечебной части (начмед по-нашему), представитель прессы. Все они хором прокричали:

— *Авварум эс-эччелениум бурхарбан иншаллы, тербердум дун, тоате Карримардакум цуром бешкарналлы!*

(Что означало: «Добро пожаловать, дорогой пациент, в Карримардакский Центр лечения зубов имени Пивной терапии!»).

Не успел Виктор Ильич ошарашено пробормотать о своей радости и благодарности, как уже был вознесен и помещен посередине сияющей стерильной белизной двусветной хирургической залы. В окошках второго ряда виднелись лица пришедших на операцию адъюнктов военно-медицинских пивных академий. В самом же зале собрались неспешно облаченные в серые халаты, резиновые перчатки, хирургические сапожки, с масками на лицах ведущие профессора и ординаторы Центра лечения зубов.

Медсестры быстренько готовили Виктора Ильича к операции: раздели, вымыли, попытались обрить наголо голову, но он запротестовал. Далее завернули в операционную простыню, уложили в каталку и подвезли к зубосверлильному аппарату. С другой стороны к аппарату подкатили обычный — только на роликах — канцелярский стол, накрытый зеленым сукном. На столе были разложены нужные бумаги, пишущий прибор, дыропробиватель, графин с водой и стакан, да ... еще перекидной календарь.

За стол уселся секретарь операции и тотчас застрочил прото... тьфу,

историю болезни и описание процесса грядущего исцеления. Профессора сгрудились у стола, оживленно переговариваясь на своей карримардакской латыни. Через четверть часа к операционному креслу Виктора Ильича пододвинули передвижную конторку с ручкой и листок пергамента. Помощник секретаря перевел содержание на европейский:

«Подписка:

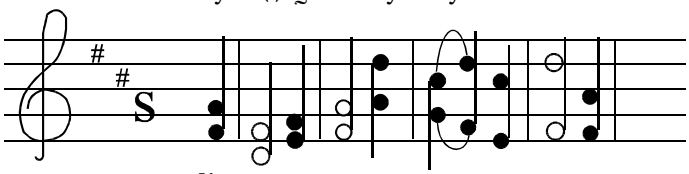
Я, нижеподписавшийся (имярек — вписывается), обратился за неотложной медицинской помощью в ответственные за то органы Государства Восходящего Хмеля. Слава пиву! Слава пиву! Слава труженикам пивной промышленности!

Никто меня не принуждал к этому шагу; я добровольно отдал себя в руки медицинских пивных органов.

Мне выпала удивительно высокая честь подвергнуться сложнейшей операции в Карримардакском Центре лечения зубов имени Пивной терапии и всей оставшейся мне жизнью я буду стремиться оправдать это высочайшее доверие и любовь Карримардакского здравоохранения. Слава пиву и его доблестным производителям! Да здравтсвуют наши славные труженики пивной промышленности, элита класса-гегемона Государства Восходящего Хмеля!

Ура-ура-ур-рр-а-а-а!!!

(В этом месте чтение документа прервали, все профессора, санитарки, а за стеклами второго, верхнего ряда окон — адъюнкты и интерны исполнили Гимн лечебному медицинскому пиву:



Как пи-во наше све-тлое в ле-че-нии...

...И т.д.

...После чего чтение и синхронный перевод продолжился).

...Сознавая свой неискупаемый долг, я, со своей стороны, торжественно обязуюсь: стойко перенести операцию, не иметь — даже в потаенных мыслях — никаких претензий до, во время и в послеоперационный период, а также по поводу любых возможных отдаленных последствий.

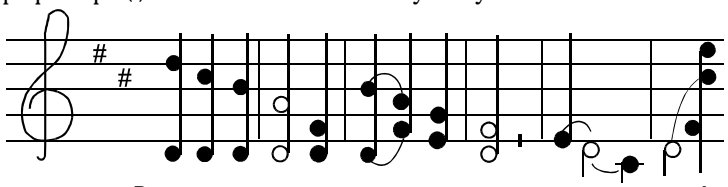
Ни я, ни мои родственники не будем также иметь никаких претензий за возможный исход лечения, как-то: неизлечение зуба, потеря зуба, потеря всех зубов, нижней челюсти и челюсти верхней, паралич шейный и поясной, катарсис... Увы, карримардакская медицина, хотя и является самой высокоэффективной из всех мыслимых во Вселенной медицин, но природа создала наряду с живой плотью огромное число неразрешимых загадок.

Всю ответственность за всевозможные, допустимые и предполагаемые последствия я беру на себя, памятуя: никто меня сюда насильно не звал; я, лишь я и только я добровольно, безо всякого малейшего принуждения отдал себя и свое тело, и душу бессмертную в ласковые, заботливые и в меру (но — достаточную.!) умелые руки карримардакских медиков.

Слава пиву! Слава преславной пивной медицине!

(Подпись)
(Отпечатки пальцев)
(Фонограмма звукового согласия в 3-х экз. прилагается)
(Дата, печать, свидетельские подписи).

Пока Виктора Ильича заканчивали приготовлять к операции, ведущие профессора допевали Гимн любимому пиву:



После чего хирурги и стоматологи ушли на консилиум (даже не открыв Виктору Ильичу рот), а пациента выкатили в коридор и поставили его каталку в общую очередь под номером триста шестнадцатым. Но поскольку он, опамятовавшись, запротестовал, а главное — что был он иностранцем, ему пошли навстречу и сделали снотворный укол, от действия которого Виктор Ильич очнулся только на пятые сутки, когда подошла-таки его очередь.

♦На слабые его протесты улыбающийся начмед (замдиректора по лечебному профилю) пояснил, что-де пиво любит демократию — и наоборот, а Карримардак есть страна наидемократичнейшая, где никто не

имеет привилегий... На этот раз его повезли не в роскошно-приемный протокольный зал, а в каморку с заплеванным окровавленными кусочками ваты древним зубодробильным агрегатом; такие в Европе использовали на заре электричества (до этого были с педальным механическим приводом). Рядом на колченогом сортирном табурете сидел небритый зубной фельдшер. Со страхом пересев в истертое кресло, Виктор Ильич уперся взглядом в плакат, занимавший целиком стену: «Помни: ты сам сюда пришел!» — И потерял сознание от слабости долгого наркотического сна и вонзившегося в дупло прохудившегося зуба ржавого сверла.

Его мучили с полчаса; короткие вспышки сознания чередовались с регулярными обмороками. В моменты прояснения фельдшер ловко подсовывал ему для подписи различные бумаги. Это были очередные, послеоперационные подписи о неответсвенности старика-фельдшера за: *а*) промывание полости рта; *б*) расчистку дупла зуба; *в*) зондирование дупла; *г*) предварительное рассверливание; *д*) сверление до первого болевого касания нерва; *е*, *ё*, *ж*... и так далее до ста тридцати пунктов (карримардакский алфавит состоит не из обычных букв, а из символов того, что мы называем фонемами и аллофонами, так что запас этих символов намного больше чем в европейских языках). Кроме того, ему подсовывали всевозможные воззвания в одобрение карримардакского пива и его непревзойденных вкусовых качеств, которого, кстати говоря, Виктор Ильич так ни разу в жизни и не попробовал. Последняя бумага, которую он подписал, была расписка о неразглашении под угрозой пожизненной каторги на каменоломнях Национального синдиката по изготовлению памятников и мемориалов Матери Буфетчице.

Через сорок минут операции Виктора Ильича в полуобморочном состоянии выкатили из каморки старого садиста и поместили в шоковую комнату реанимационного отделения. К вечеру температура поднялась до 40,2 градусов по Цельсию, начался бред. В бреду он продолжал давать подписи и подписки.

...Еще не известно: не появилась ли бы через сутки-другие на Центральном кладбище добровольных жертв Пивной медицины могилка с надгробьем в форме пивной посуды с эпитафией: «Эхли фергюррон ишша-алы терьерды!» («Спи спокойно, наш любимый гость-чужестранец!),— если бы обидевшийся в отместку на обиду Виктора Ильича рогатый не испугался за купленную, то есть подотчетную в финансовом плане, душу (а души замученных насмерть, как известно, попадают исключительно в рай, где юрисдикция дьявола очень и очень ограничена, почти сведена на нет праведниками), и не вынес на себе почти бездыхан-

ное тело раба-господина своего.

♦Безо всякой техники он доставил Виктора Ильича в гостиницу к полуобезумевшей от исчезновения морганатического супруга Леночке и встревоженной недельным отсутствием благодетеля, истощенной манной диетой сотне сотоварищей по несчас..., то есть по счастью пребывания в Стране Восходящего Хмеля. Только этот поступок рогатого и спас страдальца: его быстренько привели в нормальное состояние к великой радости дьявольских сил и огорчению райских праведников. Леночка сбила температуру патентованным, закупленным в Париже американским аспирином «Упса», напоила потомочегонным, поставила перцовые горчичники на пятки; через 12 часов глубокого сна Виктор Ильич проснулся абсолютно здоровым.

Зуб, заштукатуренный строительным карримардакским цементом для подводных сооружений, не беспокоил... его вырвал еще по прибытии в гостиницу боцман — мастер на все руки — простыми электромонтерскими пассатижами, простерилизованными в кипяченом манном самогоне. Анестезию же Виктору Ильичу сделала Леночка, влив в его рот полный стакан «Камю»; остаток почти литровой посудины был вручен «за услуги» боцману. Заметим, что чуть позже, когда оклемавшийся больной вызвал рогатого, тот установил в образовавшейся пустоте искусно сделанный «а ля натюрель» протез.

Уже через два часа чудесно исцеленный со смехом вспоминал свою попытку обращения к карримардакской медицине, правда, согласно подписке не разглашая подробностей организации здешнего здравоохранения, с большим аппетитом глотал устрицы, запивая коллекционным новосветовским шампанским (не пробовавшие его ранее европейцы были поражены качеством напитка из «страны медведей и КГБ»): заставила морганатическая супруга на том основании, что-де, пока десна окончательно не зажила, нужно принимать калорийную, но нежевательную пищу, раз манная каша обрыдла...

Вечером в холле был большой прием по случаю исцеления Виктора Ильича; тезоименинник оделся в смокинг лондонского пошива. В самый разгар веселья вошел посторонний — карримардаковец в пивном мундире спецкурьера и вручил герою дня большой синий конверт с печатями. Под расписку. Важность визита была такова, что курьер прошел в холл, преодолев барьер недопуска рогатого.

В пакете содержался лист белоснежной веленевой рифленой бумаги с золотыми карримардакскими орденами по верхнему полю и типографски набранным текстом, напоминавшим, что лечение Виктора Ильича произ-

ведено совершенно бесплатно, а поскольку медорганы теперь несут ответственность за послеоперационное состояние его здоровья, то он поставлен на диспансерный учет, раз в месяц в течение двадцати пяти лет должен являться — где бы он ни жил — на освидетельствование. В конце послания стоял оттиск-факсимиле министра здравоохранения Карримардака.

Самое интересное: такие пакеты стали приносить регулярно через каждые три часа днем и ночью; их вручали лично Виктору Ильичу во время экскурсий, ужина в холле, просовывались в щель под дверью в номер. Утром их вручал сонный портье. Понятно, что чудесно излеченный их более не вскрывал, но отделаться от их вида и присутствия было невозможно: бумага конвертов и самих грамот-посланий была пропитана несгораемым и несминаемым составом. Нельзя было их и разорвать, ибо бумажная масса была нанесена на основу в виде микроскопической титановой сетки. Леночка,хозяйственная женщина, складывала их стопами в стенной шкаф. На всякий случай.

Глава десятая

♦Уже в первый день по бегству из Центра зубодробления Виктор Ильич ощутил грозовую атмосферу: на корабле назревал бунт. Пивопенная страна приелась; осточертели агитаторы таинственного, невидимого пива, вызывала тошноту манная каша. При этих словах — пиво и каша — даже у сдержанных и владеющих собою англичан проявлялся рвотный рефлекс. Все путешественники не ходили, а бродили, опустив глаза долу, дабы не видеть плакатов, лозунгов и транспарантов прославляющих пенистый напиток. От пивных слов и видений у всех давно уже началось хроническое, как при заболеваниях поджелудочной железы, пересыхание горла и удушающая астма. Один из матросов команды сошел с ума и разбил боцмановым самогонным аппаратом головы трем пивным чиновникам, уверяя, что-де из них должно ручьем политься пиво сорта «Старый Карримардак». Беднягу увезли на воющей машине на вечные терзания и мучительную смерть на чужбине. Рогатый был бессилен помочь. Это стало последним удручающим аккордом.

♦— Баста! — решительно сказал как-то поутру Виктор Ильич, увидев, что Леночка, с вечера жаловавшаяся на тоску карримардакской жизни, тихо плачет во сне, и вызвал тотчас исчадие ада. Тот было заканючил: подождите, дескать, немного, выждем момент, не хочу идти на явную конфронтацию с конкурирующими службами ада и пр., но Виктор

Ильич сурово пригрозил разрывом контракта и велел немедля готовить судно в обратный путь.

Наступившей ночью рогатый самолично, переодетый карримардакским офицером, и четверо вызванных из преисподней помощников тайно отвезли на гостиничных экскурсионных автобусах путешественников и команду в порт, посадили на пришвартованное к дальнему пирсу судно, а капитану рогатый передал карту с указанием коридора-бреши в окутывающем остров-государство экране. Судно также было починено умелыми помощниками рогатого.

Весело забегала команда, боцман на время протрезвел, пароход ожил, засветился огнями и через шесть часов осторожной ходьбы в экранированных прибрежных водах (рогатый нажил массу врагов в департаментах ада, но «вырубил» на это время все радары погранохраны в секторе следования судна) они плыли по спокойному *Ocean Atlanticum* вне пределов утомительного государства.

Так они думали, но лишь через час они окончательно избавились от неусыпного глаза Карримардака, что одновременно ознаменовалось последней и самой тягостной трагедией. Как только спала суета отъезда, Виктор Ильич разыскал на кормовой нижней палубе того самого...— увы! Где теперь его бедная душа пребывает: успокоилась в раю или томится в аду?...— того самого знатока английской, а теперь и карримардакской филологии, и поинтересовался: а что же все-таки сказал ему этот несчастный истопник на заводе пивных этикеток?

— А знаете, очень интересную вещь он сказал: «А на х...ра они нужны, эти этикетки? Ведь последняя капля пива была произведена в Карримардаке еще две сотни лет тому назад... А за домашнее пивоварение нарушителя и всех его родственников до третьего поколения заживо в землю зары...»

Не успел бедняга-профессор договорить слово, как пал с неба коршуном карримардакец в плаще и, едва коснувшись ногами палубы, в упор изрешетил филолога длинной очередью из ручного пулемета. Следующей жертвой должен был быть Виктор Ильич, но спас его все тот же боцман, проходивший мимо по своим хлопотным делам: не размышляя долго, он выхватил из кармана комбинезона свои знаменитые зубоврачебные пассатижи и грохнул ими по башке агента летучей пивной охранки.

Через пару часов команда и пассажиры выстроились для траурной церемонии морского погребения: на судне, ввиду его каботажного характера, не было соответствующих размеров морозильника. Останки бедного

профессора, зашитые в мешковину и утяжеленные личной физкультурной пудовой гирей капитана, пошло на дно; в это время акулы уже обглодали труп сброшенного боцманом в океан агента в штатском.

Потрясенные трагическим событием пассажиры заснули тяжелым, но исцеляющим сном. Виктор же Ильич, как человек благородный и благодарный, прежде чем заснуть в объятиях счастливой Леночки, доделал дела совестливые. Во-первых, он через юнгу переслал спасителю два ящика с раритетным виски «Старый Уокер», бочонок черной икры и метровой длины осетровый балык на закуску, две сотни коллекционных «гаван» и десять тысяч долларов наличкой. Вспомнив о пивной жажде карримардакских пленников, присовокупил и ящик портера. Через десять минут юнга возник перед Виктором Ильичом... с ящиком пива, доложил, что боцман благодарит за щедрость, явно не соответствующую такому пустяку — «подумаешь, чурку к акулам отправил... хватило бы и бутылки джина»,— а пиво возвращает, так как после карримардакского пивного издевательства этот напиток не льется в глотку: будь проклят этот Карримардак! — Такой радости в жизни лишил!

Пиво Виктор Ильич отдал просиявшему юнге; тот отнес его к себе и уже потом побежал доложить капитану, что боцман изволил уйти в запой.

Смерть профессора Виктор Ильич отчасти относил на свой счет, отчего чувствовал себя неуютно. Уточнив у старпома, составляющего официальный акт о смерти профессора, полное имя филолога, он отыскал в судовой библиотеке биографический словарь (*Dictionary of International Biography*), ежегодно издаваемый Международным Кембриджским биографическим центром, из которого с некоторым облегчением души узнал, что профессор — холостяк, как то часто бывает с людьми, полностью отдающими себя науке. Однако Виктор Ильич вызвал рогатого и, передав ему бумажку с выписанным из Dictionary адресом Института классической филологии Королевского научного общества, попросил перевести «от неизвестного почитателя талантов профессора» пятизначную сумму в фунтах стерлингах для основания десяти именных стипендий памяти почившего гения классического языкознания. Дьявол, ворча о непроизводительном перерасходе авансовых сумм, не осмелился возражать опечаленному другу почившего профессора.

...Проснувшись наутро, пассажиры узрели яркое солнце, вдыхали бодрящий йодистый воздух океана; события последних трех недель показались им на этом радостном фоне неправдоподобным кошмаром. Навстречу шли и весело гудели в приветствии суда, к счастью, не под пивным, а под милыми сердцам пассажиров полосатыми, голубыми, звездча-

тыми, крестовыми флагами непивных государств.

Из камбуза неслись возбуждающие аппетит запахи жареного мяса, сохранившегося во время пленения в своей вакуумированной упаковке. Ушедший в запой боцман орал героические песни и саги, юнга опился дармовым пивом и блевал за борт.

Еще через несколько часов дамы восторженно закричали: «Земля! Земля!» Капитан дымил презентованной Виктором Ильичем «Большой короной» и поощрительно им кивнул: да, земля...

Однако, чем ближе судно подходило к лазурному гористому берегу земли, тем больше и больше улыбка на лице капитана переходила в выражение полного недоумения. Он часто справлялся в картах и лоции, подолгу смотрел на показания компáса, подзывал старпома, вахтенного начальника, даже велел срочно вытрезвить боцмана. Все четверо совещались, уже вместе смотрели на компáс и в карты, с интересом рассматривали в бинокль берега надвигающейся земли, судя по всему — острова. Надо сказать, что еще до появление земли на горизонте внезапно и непонятно почему отказала радионавигация (радиосвязь, как мы помним, была испорчена еще в первую бурю).

Уже где-то в трех-четырех милях от берега слух сполз с капитанского мостика и промчался, вселяя тревогу, по пассажирской палубе: «Компáс врет, а острова нет ни на одной карте!..» Пассажиры заволновались; был кем-то пущен встречный слух, что-де снова вышли на Карримардак, только с обратной его стороны. При слове «Карримардак» всем показалось, что, перебивая ядреный запах бифштексов, из камбуза понесло манной кашей и невещественным пивом...

♦А навстречу судну уже мчался белоснежный патрульный катер. Как только он приблизился — с изумлением увидели воспрянувшие было духом пассажиры, рассмотрев, что люди в катере не носят треклятой пивной униформы, но тут же и духом упавшие, что борта легкой посудины раскрашены сценами из древней, преимущественно нордического типа, героической мифологии. Люди же одеты в строгие фиолетовые мундиры, каски с мифологическими же гривами: поверх вполне современных галифе, сапог и френчей с нашивками и медалями картинно вьются пурпурные плащи древних воинов.

Катер лихо подвернул под правый борт судна, а через минуту шлемоблещущий воин рангом постарше сотоварищей-фронтовиков приветствовал пассажиров и команду со счастливым прибытием в страну Хиндельбраант или, как она еще называется,— Государство Нации Браант-

ского Народа (ГНБН).

И еще через четверть часа переговоров *tête-a-tête* капитана с нордическим офицером все находящиеся на палубе ахнули, а кое-кто и к обмороку приблизился. Оказывается, вместо благодатной Европы, ласковых островов Карибского моря, делового Лонг-Айленда Америки, танцующих берегов Западной Африки, винодарующей горы Тенерифе Канарских островов и т.п., словом, вместо родной западно-атлантической цивилизации несчастных вновь по дурацкой невезухе (Виктор Ильич даже на минуту засомневался: не рогатый ли разыгрывает одному ему ведомую карту?) протаранило через иную брешь в магнитном экране-невидимке и протащило на остров тех самых идейных противников Карримардака, также переселившихся на Землю через пару лет после исхода пивных людей, ибо на родной планете случилась-таки война, после окончания которой планета раскололась на куски, а уцелело лишь по нескольку десятков тысяч заранее эвакуированных в космос супротивников, в основном, из верхушек, военной аристократии, идеологов и ученых специалистов. Однако счастье повернулось лицом к мифологам: они атаковали и разнесли в пыль корабли противников, после чего улетели из непригодной для жизни зоны в Солнечную систему, на Землю и поселились, опутав его невидимым и непроницаемым для вещественных и полевых средств обнаружения экраном с пятидесятимильной зоной окрестного водного пространства. Отсюда и в истории Земли не одна, а целых две загадки Атлантики: Бермудский треугольник и Атлантида.

Судно же чудом прошло в специально оставленный — для проводки агентов-наблюдателей в земной мир — секретный проход типа лабиринта. До наших героев только один корабль, ладья викингов в конце X века, попала таким же образом на остров. Пришельцы подружились с браантцами на почве любви к войнам, истории и мифологии и вскоре ассимилировались в аристократической императорской семье Хиндельбраантов, усилив их мифологемы героическими сагами суровой Скандинавии.

— Из огня да в полымя,— враз подумали затосковавшие пассажиры, но тем временем судно уже входило в военный порт (других, невоенных, здесь и не существовало), скользя на буксире к пирсу мимо серых гигантов линейных кораблей и внушающих панический ужас своей полузатопленной крутобокой мощью атомных подводных ракетоносцев высшего класса дальности действия и ядерной вооруженности «Брокендаард — Бранд II»,— как пояснил меднoликий воин в боевых усах, оттопыренных по-кошачьи.

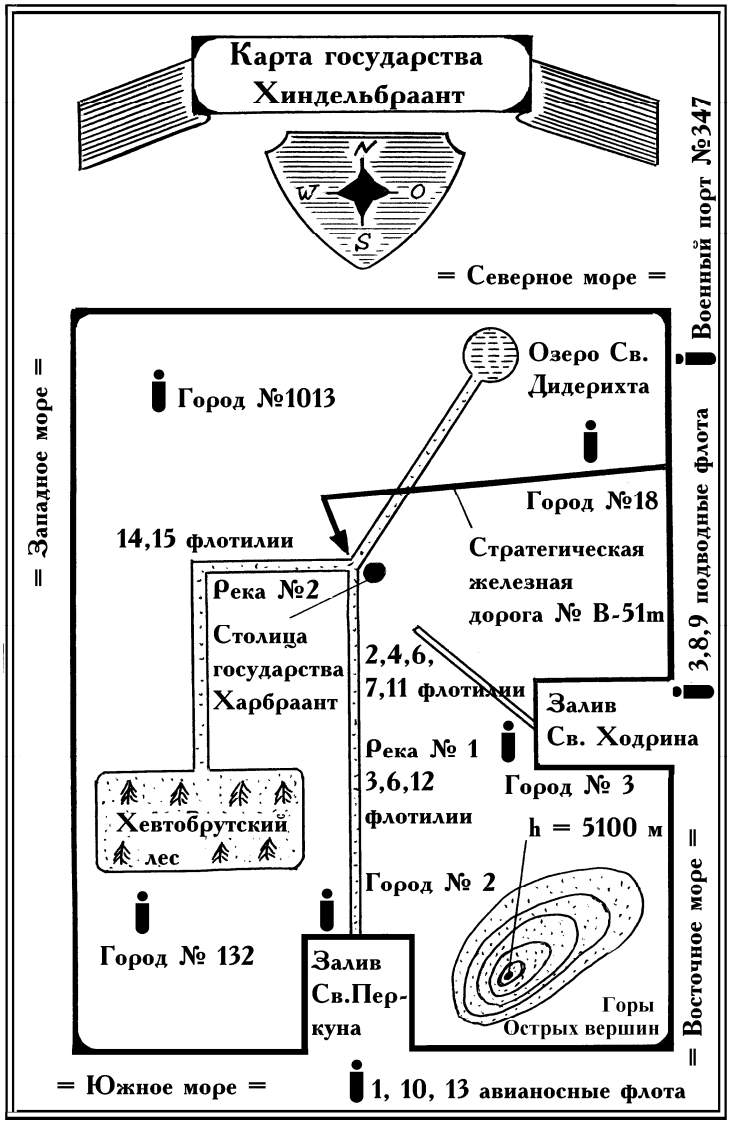
— Что-то будет?..

♦Как и в идейно противоположном государстве Пивных Людей, в Хиндельбрааанте путешественникам оказали гостеприимную встречу с пением национального гимна, с летучим экспресс-парадом гвардии гарнизона военного порта № 347, куда забрело несчастное судно, с артиллерийскими залповыми приветствиями. Затем, вручив капитану корабля символический ключ от страны, всех посадили в вагон поезда и по стратегической железной дороге № *В-51т* (буквы и цифры по сходству фонем мы примерно переводим на европейский) за шесть часов перевезли в Харбраант — столицу государства. Заметим, что, обладая страстной любовью к военному порядку, жители страны тотчас по прибытии на Землю сгладили по прямой линии собственно контуры острова, его заливов, русла течения рек, озер и лесов; только горы не удалось вписать в круги и прямоугольники, пришлось ограничиться эллипсами — все же правильная геометрическая фигура!

♦...Все эти часы поездки путешественники не отходили от окон. Чудеснейшие пейзажи предстали перед ними: ровная местность от побережья до Харбрааанта была ухожена и опутана абсолютно гладкими бетонными двенадцатирядными автострадами. Между ними стояли в идеальном номерном порядке длинные низкие дома-бараки, оплетенные заборами из колючей проволоки, подвешенной на белых, как зубы молодых негритянок, изоляторах высокого напряжения. Люди в одинаковых полосатых одеждах лили воду из пустого в порожнее, а по периметрам оград маршировали в бесконечно замкнутом цикле вооруженные до зубов воины в стальных касках с шишаками и пучками перьев.

По автострадам непрерывной чередой двигались колонны крытых армейских машин, танкетки, тяжелые и средние танки, самоходки; тягачи натужно тащили платформы со стратегическими и — поменьше — оперативно-тактическими ракетами. В шахматном порядке, в узлах клеток со стороной-шагом, как на глазок определил Виктор Ильич, в два с половиной километра, расположились шахтные установки стратегических стационарных ракет. Воздух содрогался от звуков проносившихся на сверхзвуковой скорости истребителей и штурмовиков. С вершины неба слышалось монотонное гудение сверхдальних бомбардировщиков.

— Тихо и мирно течет обычная трудовая жизнь миролюбивого


Карта государства
Хиндельбраант
N
W
O
S
= Северное море =
= Западное море =
Военный порт №347
3,8,9 подводные флота
= Восточное море =
= Южное море =
1, 10, 13 авианосные флота
Город №1013
Озеро Св.
Дидерихта
Город №18
14,15 флотилии
Стратегическая
железная
дорога № В-51m
Река №2
Столица
государства
Харбраант
2,4,6,
7,11 флотилии
Залив
Св. Ходрина
Река № 1
3,6,12
флотилии
Город № 3
h = 5100 м
Хевтобрутский
лес
Город № 2
Город № 132
Залив
Св.Пер-
куна
Горы
Острых вершин

Хиндельбраанта,— ласково пояснял по вагонной трансляции приставленный к путешественникам военный гид-проводник.

—Вввьеее-еее-сьелооо-о! — вторили ему пикирующие штурмовики, очевидно, имитируя расстрел дорожных колонн вражеской техники и живой силы.

Путешественники интересовались у гида: что за люди в полосатых одеждах носят ведра с водой, а также что за законсервированные — ни дыма из высоких труб, ни огней, ни людей — огромные заводы, по виду металлургические комбинаты, расположены на равнине? Гид же весело отвечал, что люди в полосатых, модных в этом сезоне костюмах — невоенные жители страны; воду же они носят для гимнастических упражнений. А «заводы» — это резервации, лагеря для помещения военнопленных на случай возможной войны, которой, слава Богу, никогда не будет.

Все почему-то замолчали после такого ответа и внимательно начали всматриваться в огромные кирпичные трубы высотой до двух сотен метров. Виктора Ильича почему-то обуяла тоска и невольный страх. И всех других, как отметил он; Леночка впилась ему в плечо. Но поезд, отвернув влево от равнины, уже влетал на всех парах в Харбраант — город серых пятиэтажных домов. Звенели на низких героических нотах и аккордах модные в этом сезоне военные оркестры.

♦Многая мудрость приносит многие печали; многие и обильные впечатления путешествия утомляют, пресыщают душу и глаза. Но куда бы в дальнейшей его жизни судьба скитальца по собственной воле не заносила Виктора Ильича — самым кошмарным видением и явью для него оставалась память о Хиндельбрааннте — государстве военных людей, очень гостеприимной стране, едином военном лагере. Помнился грандиозный военный парад в честь гостей, устроенный в столице Харбрааннте, когда перед потрясенными мирными путешественниками по огромной площади Великого Орла-воина отчеканили гусиный шаг миллион меднолицых воинов в квадратных сверхбатальонах 1000×1000 человек. Два миллиона кованых сапог одновременно врезались в гранит площади, заглушая звуки большого церемониального марша «Хиндельбраант царствует над всеми!»

Помнился прием военным президентом государства, исполнявшим заодно и обязанности (не предусмотренного конституцией) гражданского главы государства. После напыщенной церемонии гости возложили венки к подножию километровой высоты монумента — к памятнику легендарного основателя Хиндельбрааннта Дюрхику-воителю.

Легендарный родоначальник династии императоров Хиндельбраанта

(Гравюра с картины из областного Военно-исторического музея города № 132 государства Хиндельбраант)

Леночка в придворном женском мундире на малом военном параде, устроенном в честь гостей-путешественников в окресностях города-санатория № 2

Далее следовали многочисленные ознакомительные поездки по стране. На севере их радушно встречал город № 1013 — построение военно-поселенческого типа. Нежились они на пляжах южного города № 2, города-

санатория, битком набитого военными отпускниками, прибывшими сюда для поправки расстроенного в ратном труде бесконечных маневров и учений здоровья, а так как человек без мундира — это не военный вовсе человек, то им разрешалось — со скидкой на пляж — загорать, сняв галифе и сапоги; каски же и китель снятию не подлежали. Очень странно гляделись отдыхающие и купающиеся в полумундирах воины Хиндельбраанта!

В городе № 132 видели они поселение воинов-свиноводов; люди в мундирах работали на гигантских высокомеханизированных фермах-конвейерах, снабжавших беконом, ветчиной, окороками и холодцом все островное государство.

Наблюдали гости большое показательное учение-сражение между 5-ой и 14-ой флотилиями, что базировались при впадении реки № 2 в реку № 1 — величавую красу Хидельбраанта, протянувшуюся своим расчищенным фарватером с севера на юг острова.

На реке № 3, впадающей в Восточное море, любовались с экскурсионных вертолетов на отработку смешанных речно-морских сражений: 2,4,7 и 11-я усиленные авиацией флотилии реки № 3 храбро и умело обороняли устье — на траверзе города-крепости № 3 — от вторжения 3, 8 и 9-го подводных флотов.

В горах Острых вершин путешественники с замиранием сердца смотрели, как группа военных альпинистов с неимоверным риском для жизни взбирается по отвесной стороне на высочайший пик Государства (5100 метров над уровнем моря) для водружения бюста Дюрхику-воителю. На противоположном, западном берегу острова, в легендарном Хевтобрутском лесу Виктор Ильич, Леночка и остальные путешественники лично видели, как на их ошеломленных глазах сдвигались целые горы, поросшие хиндельбраантской сосной (лучший материал для ружейных лож), а в открывшихся провалах глубоких шахт маслянисто блистали корпуса огромных стратегических ракет; один такой прибор мог уничтожить весь гнусный Карримардак,— пояснил военный гид и продолжал, что-де таких ракет только на стартовых площадках Хевтобрутского военно-лесного округа восемь тысяч штук!

В конце концов, продемонстрировав все свое небывалое могущество, их миром — к удивлению крайнему! — отпустили восвояси после прощального банкета у милитер-президента, который многозначительно и не единожды говорил:

— Так расскажите у себя дома, что вы видели; мы люди мирные, но, как все убедились, сможем в случае чего постоять за себя! (Как уже потом сообразил Виктор Ильич, не видеть бы им всем свободы, если бы

подозрительные жители военной страны не приняли их за шпионов Карримардака!?)

♦Путешественников отвезли обратно в военный порт № 347, куда прибыл их корабль. Излишне и говорить, что они с трудом узнали свое мирное судно: щедрые хиндельбраантчане бескорыстно подремонтировали потрепанный волнами ковчег путешествующих не по своей воле. Теперь это был выкрашенный в серую («шаровую») военно-морскую эмаль броненосец. На случай встречи с гнусными карримардакскими лоханками на верхнюю палубу установили два орудия среднего калибра, лазерную пушку, три кассетные установки тактических ракет класса «земля — воздух». Такие же установки были встроены в бортовые ниши-площадки. Под ватерлинией угадывались носовые и кормовые торпедные аппараты. Борта обшили бронеплитами и судно надежно скрыло большую часть своего тоннажа под водой.

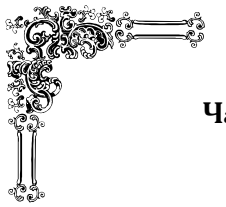
Не узнали попервоначалу путешественники и команду судна, не взятую на экскурсии. Теперь перед ними выстроились в идеальную шеренгу по-двое прошедшие ускоренные флотские курсы, подтянутые, обмундированные военные моряки.

Боцман, трезвый до безумия, просвистал команду: «Смир-р-р-на!» Моряки выстроились на юте, а капитан корвета отрапортовал признанному дуайену путешествующих Виктору Ильичу о своей готовности домчать их на скорости сорок узлов куда угодно.

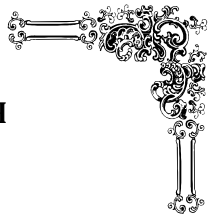
Поприветствовав своих подопечных, матросы лихо и деловито заносились по палубам и рубкам.

Виктор Ильич рапóрт принял, одобрил внешний вид и выправку экипажа и приказал держать твердый курс на Европу. Пассажиры разошлись по военизированным своим каютам, а броненосец, разведя пары, под салют портовой артиллерии покинул военно-гостеприимный остров. Снова в океан!

Виктору Ильичу почему-то пришло на ум из писания: «***Потому сказываю вам, что отнимается от вас царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его***».



Часть 2. БЛАГИЕ НАМЕРЕНИЯ



Докапиталистический человек — это естественный человек. Человек, который стоит не на голове и передвигается не на руках (как это делает капиталистический человек наших дней), но твердо стоит на земле обеими ногами и на них ходит по свету

Вернер Зомбарт

Глава первая

♦Океан бурлил все четыре дня их возвращения в Европу; стоял в западном полушарии необычайно холодный сентябрь. Уже собственно чудом было их возвращение в цивилизованный мир. Как впоследствии, анализируя день за днем пребывание их в стране Хиндельбраант — Государстве Нации Браантского Народа (ГНБН), Виктор Ильич пришел-таки к разгадке: их отпустили, с почетом проводив корабль из военного порта № 347 ГНБН, только потому, что приняли за искусно замаскированных, прошедших многолетнюю подготовку в лучших спеццентрах шпионов враждебного государства Карримардак, причем почему-то главным шпионом они полагали даже не капитана, но боцмана. Виктор Ильич, коря себя за самонадеянность, даже обиделся: а почему не он?

Итак, случилось обычное в государственных делах: ГНБН-овцы перехитрили самих себя, отпустив корвет с землянами, коих они полагали за шпионов гнусных карримардакцев, с тем, чтобы они донесли до противника живую весть о мощи страны Хиндельбраант, чтобы тот и не помышлял в ближайшие 10—20 лет о бряцании оружием... В то же время хиндельбраантцы, только и живущие мечтой о покорении и уничтожении гнусного Карримардака (*«Карфаген должен быть разрушен, а главным стать должен Рим»*,— как некогда говорил-говорил без конца в сенате столицы мира Катон-старший, да и накаркал на беду первой в истории

Земли торгово-масонской империи), получили от боцмана, одурманив его спиртовым зельем, ценнейшие сведения о противном им государстве. И хотя выдающийся разведчик, даже приняв смертельную дозу алкоголя, все же не полностью потерял контроль над собой (так он упорно называл Карримардак то Англией, то Францией и т.п.), тем не менее он нарисовал такую картину чудовищной деградации Карримардака, что на экстренном заседании Госсовета страны ГНБН сроки подготовки тотальной войны с государством-противником были без возражений сокращены с пяти до двух лет.

Действительно, на первых порах хиндельбраантские особисты даже усомнились было в действенности своей чудо-аппаратуры: протонных детекторов лжи, столь невероятные вещи рассказывал введенный в анабиоз матерый шпион по кличке «Боцман». По его словам выходило, что в отечестве его живут сплошь некие «макаронники», «лягушатники» и «колбасники», поедатели пудингов и совсем странные люди, которые, во-первых, сгрудились вокруг портовых городов, а во-вторых, все время проводят исключительно в пьянстве и разврате.

Были допрошены с пристрастием и расстреляны шестнадцать ведущих конструкторов чудо-аппаратов, но проверка на альтернативных нейтронных детекторах лжи с накачкой от пси-генераторов, которые до тех пор были строго засекречены, подтвердила справедливость первой серии опытов. Шестнадцати конструкторам посмертно были присвоены высокие воинские звания и пенсии вдовам, а записи признаний агента Боцмана повлекли за собой историческое решение Госсовета.

Боцман, заглянув на часок на огонек к своему другу снять идиотизм и усталость душевную от дисциплины военизированного судна, рассказал Виктору Ильичу о проведенных над ним экспериментах. Тот долго хохотал, а оставшись наедине с задремавшей Леночкой, задумался об извечном парадоксе малокомпетентности власти, точнее ее носителей. И как это они эту власть берут и держат, будучи дремучими невеждами в самых обыденных вещах?

Вспомнилась ходившая несколько лет тому назад по *Т*. байка, скорее всего имевшая агитационную подоплеку. В *Т*-кой области в городе *Б*. находится известнейший памятник архитектуры — дворец графа Бобринского с садово-парковым ансамблем, возведенным еще первым русским агрономом А. Т. Болотовым. Революция и войны привели дворец и всю усадьбу в полное ничтожество, но забота властей об охране памятников истории и культуры добралась-таки и до бывшей графской квартиры. Словом, дворец отреставрировали, а добрейший наш первый секре-

тарь Иван Харлампиевич прибыл, отложив дела по строительству очередного химического гиганта, на открытие дворца-музея. Понятно, что первого секретаря сопровождал причт областных властей и местного начальства; даже какие-то проныры-попы на заднем фланге подолами и бородами трясли.

На самом входе в большую парадную гостиную взгляд Ивана Харлампиевича, которого его опекун еще с днепропетровской комсомольской юности Леонид Ильич нередко укорял за излишнюю интеллигентность, нацелился на традиционную для солидных дворянских гнезд скульптуру Венеры Милосской:

— А это что за телка?

Ему пояснили, сославшись на гнилой дворянский быт прошлого века.

— Неприлично как-то, ведь интуристы будут приезжать, духовные лица опять же... Чем-нибудь прикройте что ли....

Как назло и опять в духе прошлого века напротив и чуть справа Венеры, стоял Нерон.

— А это кто таков будет?

— Император Нерон. Из Рима древнего.

— А что он сделал для *Б*-ка?

Поясняющий убранство дворца новоиспеченный директор музея смешался и что-то стал бормотать о давности лет.

В самой большой зале, где до исторического материализма окрестные дворяне проводили свои тусовки-балы, внимание гостя привлек большой поясной портрет графини Бобринской:

— А... кто такая здесь изображена?

— Графиня Бобринская, супруга владельца усадьбы.

— Мд-аа. А что она сделала для *Б*-ка?

— Ну-у, как вам сказать... Да, она держала салон.

— Салон? Как — салон!?

— Ну, это вроде как объединяла она местную губернскую творческую интеллигенцию. Бывали в салоне и Лев Толстой, и Тургенев. Василий Андреевич Жуковский часто гостил...

— Жуковский? — А это кто такой?

— Знаете, поэт он был достаточно известный, друг Пушкина, воспитатель в царской семье.

— Не знаю, не знаю. Странный у вас какой-то музей...

Загрустил Виктор Ильич, обидно ему стало за все человечество. Прилег под теплый бочок Леночки и задремал под сентябрьский неспокой океана.

♦Плохое это занятие — спать неуставшему от физического труда или пьянства, или плотской любви *etc*. человеку, да еще на плывущем по неспокойному сентябрьскому океану небольшом судне: хотя заботливые кораблестроители из Хиндельбраанта и укрепили осадку бывшего пассажирского катера броневыми плитами, но для пятибального шторма все одно это была малая щепка... Сон то овладевал сознанием Виктора Ильича, то вновь робко бежал от него.

Чтобы хоть чем-то нарушить монотонную скуку противной бортовой качки, в одно из полупробуждений Виктор Ильич на самую малую громкость повернул ручку динамика судовой трансляции; радист включил ночную музыкальную программу, судя по всему, из наиболее близкой к ним Испании. Поппури из тореодорских мелодий чередовались с ритмами фламенко, затем волнующе зазвучал глубокий грудной голос исполнительницы Кармен. Повеяло родной цыганщиной.

Кстати-некстати расчувствовавшемуся Виктору Ильичу стало жаль утлый народец, вот уже более шести веков — с момента изгнания Великими моголами из Индии — все куда-то без цели бредущий, непонятно что ищущий. Даже зябко ему стало от цыганской неустроенности. Как историк, он хорошо помнил, что в незатейливые древние времена в случае неурожая-голода правители больших городов, да и всего государства, принимали радикальные меры для уменьшения числа едоков: массово изгоняли за городские стены или за пограничные реки людей профессий, без которых безболезненно можно обойтись. К таковым, по общему мнению, в Древнем мире первоочередно относились актеры. Их выгоняли из Рима времен Нерона и Калигулы, а из Индии в великий голод XV-го века были выселены огромные дворовые штаты магараджей: актеры, златокузнецы и прочий обслуживающий персонал удельных князьков...

Однако жалость эту тотчас смело: вспомнил досадливую навязчивость орд цыганок, что обложили в *Т*. автовокзал — ни пройти, ни проехать мимо них, — а ему, был такой период в жизни, как раз мимо автовокзала приходилось дважды в день проходить. Почему-то цыганки липли со своими «дай, погадаю, счастливый» именно к нему.

По-видимому, свои претензии к цыганкам европейским имел и полудремлющий на вахте радист; он закрутил ручку-верньер настройки, грудноголосую Кармен сменила печальная и тягучая арабская радиостанция. Били в легкие бубны и тянули гласные звуки «а-а-о-о-у-у-...» мужики с голосами кастратов. Мусульманская музыка напомнила Виктору Ильичу самую большую шумиху начала 80-годов; именно в восемьдесят первом в папу Павла-Иоанна, по счету второго, стрелял турок Мехмед Али Аг-

джа. Папа из поляков, потому крайне не любит коммунистов и православных, но почему-то обвинили в покушении не непосредственно наших славных дзержинцев, а болгарскую разведку. Как-то уже в нашем двухполярном мире устоялся стереотип: если наши ихних грохнут, то виноваты болгарские чекисты, а если, к неудовольствию товарища Андропова, наших на горох поставили, то это непременно дело рук Моссада.

И, прямо-таки (но без помощи искусителя-агента 3-го ранга Аседона Младшего!) следуя ходу сонных размышлений путешествующего архивиста, не менее сонный радист судна снова чуть крутанул верньер настройки: «Хевейну шалом алейхем!»* — весело и протяжно запели из репродуктора лихие израильские хлопцы. Их сменила торжественная мелодия «Ха-Тиква»**, а воспоследовавшие восклицания «Шаббат шалом!»*** напомнили потерявшему всякий счет времени Виктору Ильичу, что с сегодняшней полуночи наступила суббота. «Суббота, суббота, окончена работа»,— вспомнилось давнее, родное, теплое, когда суббота была самым радостным днем его взрослых соотечественников по той причине, что была она укороченным рабочим днем... Совершенно некстати подумалось: если судьба распорядится мне стать политическим литератором, то непременно первым делом напишу двухтомный труд над названием «Технология диссидентства и выдвиженчества», и чтобы на обложке (Это, интересно, кто же позволит ему издать такое?!) непременно красовался могендовид, то бишь звезда Давида.

Опасно это все, задевать даже по мелочи избранный народ. Вот на что уж всенародно любимые и обласканные властями недавними наши писатели-деревенщики: Шукшин покойный, Белов, Астафьев Виктор... А вот не удержался его тезка Виктор, употребил, кстати безо всякой злобы, в своей «Ловле пескарей в Грузии» уменьшительное, почти ласковое название дружественной и вечно соседствующей с нами нации и — заочно-письменная перепалка с Натаном Эйдельманом... Много, ох, много натерпелся любитель ловли пескарей в республике Грузинской советской, да еще и социалистической. Никак не мог предполагать посреди неуютного океана Виктор Ильич, что пройдет время, пескари будут жить уже в вольных реках суверенной Грузии, а В. Астафьев, единственный из когорты деревенщиков, примкнет душой к новой власти, проклянет прошлое своей страны, да заодно и саму страну с ее народом, получит са-

---

* «Мы несем вам мир!» (иврит).

** Название государственного гимна Израиля.

*** «Слава субботе!» (иврит).

мый высокий орден и прочая, прочая. А вот тот же Василий Белов, пророчески создавший в своем романе «Все впереди» (Какое попадание в точку!) образ будущего владельца половины России Бориса Абра́мовича*, тот орденов-медалиев не получил, да и не помышлял об этом.

Виктор Ильич заворочался на неудобном ложе, нахмурился лицом. «*Сослать в Сибирь за выражение лица, приводящего полк в уныние*», — про таких диктовал указы государь Павел Первый (И из Павлов в русских царях последний, в отличии от Римских пап...)

♦Судя по усиливающемуся волнению морских вод, что в самом прямом смысле отдавалось на боках неуютно отдыхающего путешественника, бортовая качка перешла как-то сразу в килевую, которая, как хорошо известно всем морякам, усугубляет чувство тревоги, провала в бездну, туда — к донным рыбам и крабам, к уже ненужным сокровищам затонувших галионов и корветов.

Страшновато и тошновато стало сухопутному архивисту, а тут, как некстати, вспомнились рассказы дальнего родственника Олега — соседа-слесаря из 27-ой квартиры, знаменитого в их дворе (жил же он в доме напротив, а беседка, где мужики пили по субботам в хорошую погоду, находилось в общем владении домов № 18 и № 18-«А») тем, что был он одним из уцелевших матросов линкора «Новороссийск».

В тоталитарные времена о деле этом помалкивали, слухами только любознательность удовлетворяли. Как известно, линкор «Новороссийск», бывшая гордость Муссолини — флагман итальянского флота «Джулио Че́заре» («Юлий Цезарь», по-русски), переданный в 1949 году СССР по репарации, затонул на Севастопольском рейде в ста метрах от Госпитальной стенки по причине огромной силы взрыва в ночь на 29 октября 1955 года. Погибло 600 с лишним членов экипажа, что повлекло за собой крушение множества карьер на Черноморском флоте, да и в высшем руководстве ВМФ.

Еще учась в Архивном институте, Виктор Ильич интересовался этой трагической историей, но в соответствующие архивы ходу не было. Смутно намекалось в редких публикациях популярных журналов периода «хрущевской оттепели» на диверсию итальянских аквалангистов, подведших тонный заряд в Севастопольскую бухту,— из команды диверсантов-подводников «черного князя» Боргезе. Другие говорили о всплывшей не-

* Не путать с (Романом) Абрамо́вичем: тот только четвертью страны владеет!

мецкой донной мине, что осталась со времен войны. Записные критиканы бубнили о халатности экипажа с воспоследовавшим взрывом боеприпасов. Самая экзотическая, но может и наиболее реальная версия— итальянцы не оставляют своих кораблей и судов, поэтому-де при передаче «Юлия Цезаря» советской стороне в укромном, но уязвимом месте бортовой стенки они замуровали тонну взрывчатки и т.п. Действительно, если только репарационный корабль или судно, так и неприятность. Достаточно вспомнить итальянского же «Адмирала Нахимова»...Чужое всегда боком выходит, даже вполне законный воинский трофей.

Опять-таки, разве мог Виктор Ильич даже предположить, что кумир разгула демократии некто Шандеровер, главный специалист по итальянским подводным диверсиям (коренной москвич), на всю страну объявит по телеящику окончательную версию: линкор взорвали по приказу маршала Жукова, враждовавшего с адмиралом флота СССР Кузнецовым. Воистину, креста на них нет!

Раза два, возвращаясь теплым летним вечером домой со службы, останавливался Виктор Ильич у гостеприимной беседки, с интересом слушая распалившегося от боевых воспоминаний Олегова родственника: масса боли и скорби на лице, тельняшка трещит на плечах от размахов рук... Мужики, оставив на время домино, закуску и граненые стаканы́, с уважением смотрят на героя-черноморца.

Как рассказал Виктору Ильичу Олег, во время гибели «Новороссийска» его героический родственник отдыхал в родной *Т.*, находясь в краткосрочном отпуске; был он отличником боевой и политической.

♦Виктор Ильич развеселился в своем полусне: вот так оно и есть в жизни, трагическое соседствует со смешным, фарсом. Помолиться что ли охраняющим путешествующих по бурным водам?— Увы, наименования святых-охранителей, которые детская память сохранила от россказней доброй его бабушки, вдовы гвардейского офицера, относились, в основном, к сухопутным делам. Кстати и некстати вспомнилась картинка «Будда врачевания» из редкостной книги Льва Гумилева «Старобурятская живопись» — из числа составивших его новую библиотеку и просмотренной накануне предпринятого странствования. Интересно, как-то в голову — ему, историку?! — не приходило: а кто из православных святых того, по линии здравоохранения паству оберегает? Виктор Ильич стал уже с заинтересованностью копаться в немалой своей и цепкой памяти профессионального архивиста: ведь что-то такое он знал? Что-то вертелось, но без толчка не извлекалось из пыльных и разветвленных кладовок, черда-

ков и подсобок подсознания. Отчаявшись, решил вспоминать методологически.

Первое: наверняка это было в лекциях Архивного института, там много любопытного было говорено. Историю религии (называлась она, конечно, историей научного атеизма) читал им знаменитый профессор Крывелев. Однако милейший Иосиф Аронович все как-то больше напирал именно на атеизм и борьбу христианства с его же косвенно породившим иудаизмом. Нет, Иосиф Аронович вряд ли дал им знания по святцам и православной иконописи.

Крымская гречанка Аза Алибековна Тахо-Годи, автор всем известных учебников по античной мифологии, оную же науку им и преподававшая? — Нет, конечно, она хоть и читала наизусть по-древнегречески Гомера, но — не ее предмет.

Виктор Ильич, погрузившийся в студенчество, то есть почти в детство, уже хотел бросить досадливое это дело с копаньем в памяти, как вдруг уцепил-таки за хвостик. Нет, в Архивном институте такими тонкостями их не баловали, а вот их дворник Александрыч, дядька которого был церковным старостой церкви Фрола и Лавра, что ныне пылится прямо напротив цехов машзавода в полной заброшенности, выпив после трудов праведных, присев на дворовую скамейку, слохоотливо поучал забывших религиозный обиход старушек из домов №№ 18 и 18«А» по улице Серебрянской сведениями от Писания.

В один из теплых августовских вечеров и Виктор Ильич, зашедший со случайно встреченным приятелем Виктором же Логиновым по дороге со службы на часок в «стекляшку» возле парка, досадуя возвращаться в пустоту холостяцкой квартиры (некстати и Нелли семейно отдыхала в Крыму), присел на свободный краешек дворовой скамейки и, поощряемый бабками, выслушал краткий и толковый доклад Александрыча о святых по линии Минздрава.

Так получалось из слов почтенного дворника, что святого-монополиста в области православной охраны здоровья нет. В Святом Писании, а также в толкованиях к нему, упоминаются врачи-бессеребренники Кир и Иоанн. При слове «бессеребренники» бабки, измучанные советской бесплатной поликлиничной медициной, поджали губы и поскучнели, а начитанный Виктор Ильич мигом вспомнил из Ильфа-Петрова: «Разве в страхкассе доктора! — И здорового залечат».

Не вызвало особого интереса у старожилов двора и изустное описание Александрычем Св. Пантелеймона с ларчиком, в котором, судя по всему, находятся дефицитные медикаменты. По их мнению, Пантелеймон

был слишком молод, еще мединститут не окончил. Наибольший энтузиазм вызвал рассказ дворника о иконописной Целительнице, причем иконы последней представленны в церквях в двух вариантах: на одной она утешает возлежащего на одре больного, на другой — болящий уже выздоравливает и встает. «Вот это настоящая врачиха — навроде зав. терапевтическим отделением нашей поликлиники Музы Трофимовны: паралитика на ноги поставит, как скажет, что лимит на больничные на месяц вперед исчерпан!» — одобрительно загомонили женщины помоложе, еще которые не на пенсии.

Разохотившийся Александрыч, которому ради интересного разговора Маня-самогонщица, боготворимая всеми пьющими мужиками квартала, вынесла добрую стопку «домашней», для себя деланной, настоенной на скорлупе грецкого ореха, да с малосольным огурчиком на ломте свежего черного хлебца, перешел уже к лечебным святым по отраслям, в частности, начав про Кузьму и Дамиана, ведающими медом с его целебными свойствами, но тут его недремлющий взгляд заметил непорядок со стороны торца дома 18 «А», что примыкал к ограде детсада с логопедическим уклоном, где теснилось к тому же несколько льготных гаражей, в тупичке между которыми стоял на-попа ящик-кладовая, где дворник хранил свой инвентарь...

— Виктор! У тебя ноги молодые, сгоняй-ка до гаражей, посмотри кто там вертится, да шугани, а то опять бы хулиганье мой шкаф не подожгло.

Виктор Ильич наискосок перешел общий домов 18 и 18 «А» двор и обнаружил у стенки гаража льготного инвалида Петряева пацана из соседнего двора, имени которого не знал, но регулярно видел у гаражей курящим. На сей раз тот, держа в левой руке консервную банку из-под килек в томате, а правой щепку, обмотанную бинтом, трудолюбиво выводил полуаршинными буквами синего цвета на блеклой ржавщине гаражной стенки категорический текст: «Ленка — пе...а подзаборная». Историческую надпись-прокламацию, адресованную к неверной подружке или соседке по школьной парте, он уже начерно запечатлел, а теперь же любовно утолщал буквы по прорисованному абрису.

Виктор Ильич посмеялся над ошибкой и разъяснил полудурку нелепость написанного. Однако не на того напал. Пацан аккуратно поставил на землю банку с вложенной в нее щепкой, присел на лежавшую с бог знает каких времен полуистлевшую автошину, достал пачку «Примы», закурил, изучающе осмотрел критикана:

— Слушай, дядя, ты, наверное, в школе плохо учился?

— Эт-тт-о ты с чего взял,— растерялся Виктор Ильич.

— Да вот с того самого; небось на уроках русского в окно смотрел, а не учителя слушал. А учителя-то объясняют: пишется «е», а слышится «и». Или в слове «корова»: пишем «о», а читаем «а». Понятно?

Виктор Ильич задохнулся от негодования и восторга, сплюнул и, посрамленный, пошел успокоить Александрыча. Последний же, разгоряченный второй рюмкой от Мани, уже громогласно объяснял старушкам, что-де пасха начисляется в первое воскресенье после полнолуния, которое случается после дня, что равен ночи*, а католики и евреи отмечают пасху на одну-две недели раньше...

Маня-самогонщица ушла следить за аппаратом, а поскучневший Александрыч перешел к мужикам в доминошную беседку. Уже жаря яичницу и готовя зеленый салат, слышал Виктор Ильич в растворенное настежь окно двора окончательно пьяный голос памятливого дворника:

— ...А я говорю, штоф — это две поллитровки с четвертинкой впридачу, а четверть — у моего шурина в деревне керосин в такой хранится — аккурат трехлитровую банку заменяет. Так что проспорил — гони к Маньке за бутылкой!

Виктор Ильич мысленно заулыбался. В окно потянуло свежим предночным ветерком. Он удобно расположился в кухонном креслице, заставив журнальный инкрустированный палехский столик закуской — салат из огурцов с зеленью, яичница с салом, покупная селедка в горчичном соусе, немного сервелата на блюдечке, свежий «бородинский»,— вынул из холодильника початую «столичную», с аппетитом выпил рюмку и с неменьшим стал закусывать, одновременно просматривая начерно купленный вчера в «Буккниге» раритет — нивского издания томик «Дневников писателя» Федора Михайловича Достоевского, причем именно за тот год дневников, где был помещен знаменитый очерк «*Status in statu*»**.

«Что же добрый у нас народ?!»— расчувствовался архивист.

♦Виктор Ильич растрогался от домашних воспоминаний, Леночка уютно посапывала, генерируя в его организме нежность и желание, но сонная лень удерживала. Да и в морской природе изменялось к лучшему; видно военизированное их судно выбралось из проклятого Бермудского треугольника, по краю пересекло неспокойный Бискайский залив и, по-

* * Александрыч имеет в виду равноденствие; исчисление пасхи установлено Первым Вселенским (Никейским) собором в IV веке и приходится на период с 5-го апреля по 8-е мая по григорианскому календарю.

** «Государство в государстве» (латинск.)

слав прощальный привет стране фламенко и Кармен, огибало нормандский берег Франции. Усталое от качки тело покоилось в полудреме, но близкое уже утро отгоняло так нужный организму глубокий сон.

Радист судна тоже видно раззевался под утро, снова завертел верньеры настройки. Ни к селу ни к городу для предутреннего часа загремели в динамике хоть и приглушенно, но явственно медные трубы полкового оркестра. Воинственная мелодия мигом вернула Виктора Ильича к недавней реальности военизированного государства. Да и находился он в сей миг на бронированном военном корабле. Даже его друг — боцман, человек здравомыслящий, и тот накануне похвалялся перед Виктором Ильичом своим мундиром, тесаком на поясе и винтовкой армейского образца.

Как истинный патриот оружейного города *Т.*, да и к тому же по архивной своей специальности касавшийся истории оружейного промысла, Виктор Ильич внимательно осмотрел многозарядную автоматическую винтовку боцмана, даже приложил ее приклад к плечу наизготовку, одобрил удобство ложа и сбалансированность прибора для стрельбы.

«Ладная как мосинская!» — подумал про себя; живо всплыл в памяти фотографический портрет знаменитого капитана, а впоследствии и генерала Сергея Ивановича Мосина: осанистого, широкоскулого, бородатого; как всякого истинно русского человека жизнь его далеко не всегда баловала...

Надо сказать, что к 125-летию оружейника, родившегося в сельце Рамони Воронежской губернии, Иван Архипович, человек осторожный, нежданно-негаданно, к изумлению всех сотрудников архива, выступил с сомнительной инициативой: подготовить своими силами архивное исследование жизни и трудов создателя знаменитой винтовки. Как шепнул Виктору Ильичу Изька Антонóвич, Иван Архипович недавно имел честь присутствовать на дне рождения Семена Святославовича Гордона, что курировал их архив по линии исполкома, а так как день рождения был не простой, но юбилейный, то там же почтили своим присутствием торжество кой-кто из обкомовских, в том числе сам референт Ивана Харлампиевича. Он-то, ссылаясь на любовь к истории родного края своего шефа (днепропетровского хохла), и порекомендовал заархивом выступить с инициативой, то есть втихую подготовить исследование, а уже готовенькое накануне юбилея он сам постарается, выбрав нужный момент, представить пред очи Ивана Харлампиевича по принципу: «пан или пропал!» (Надо сказать огорчительное: труд был создан аж на 650 страницах машинописи с множеством фотографий и факсимильных текстов, но

за год до юбилея Иван Харлампиевич поменял референта; впрочем, последний пошел на повышение по линии горкомхоза...).

Виктор Ильич был включен в инициативную группу, даже ответственным за семейную биографию оружейника. Ездил он пару раз в село Рамонь уточнять: почему в служебной характеристике Мосина стоит дата рождения 23 апреля 1849 г., явно неверная? В Рамони он нашел хорошего помощника — известного даже в столицах библиофила *Н.*, у которого, кстати говоря, удачно выменял томик стихов прижизненного издания Семена Надсона... С его же помощью он розыскал подлинную запись в метрической книге Николаевской церкви села Рамони: «*...апреля второго рожден, шестаго числа крещен Сергий, родители его: подпоручик Иван Игнатиев сын Мосин и законная жена его Феоктиста Васильева, оба православного вероисповедания*».

Иван Архипович отметил усердие подчиненного индивидуальной премией, на которую тот приобрел несколько книжных раритетов.

Однако дата рождения оказалась далеко не самым занимательным местом в личной биографии создателя винтовки образца 1892/30 гг. Во-первых, отец его, герой очередной Турецкой войны, георгиевский кавалер, вышел в отставку «по домашним обстоятельствам», женился на крестьянской девушке, служил управляющим в помещичьей усадьбе.

Окончив кадетский корпус в Воронеже и знаменитое Михайловское артиллерийское училище (как и Федор Михайлович Достоевский), далее — ту же Михайловскую академию, Сергей Иванович штабс-капитаном по полевой конной артиллерии прибыл в *Т.* проведать своего родителя, который к тому времени уже заведовал хозяйством помещиков Арсеньевых близ *Т.* Это же обстоятельство побудило его поступить по службе в *Т*-ий оружейный завод.

Вот здесь-то и началась самая увлекательность архивных открытий Виктора Ильича.

Представляясь по посещении хворого отца хозяину имения Николаю Владимировичу Арсеньеву, видный собою штабс-капитан весьма не подружески заинтересовался его не менее видной супругой Варварой Николаевной. Возникшая ситуация усугублялась еще и тем, что сам супруг Николай Владимирович был в высшей степени добрым и порядочным человеком, воспитанником самого Льва Толстого, а Варвара Николаевна была и вовсе кузиной Ивана Сергеевича Тургенева... Это трагический любовный треугольник, коль скоро ни в одном из его углов нет негодяя...

Итак, служа на казенном Императорском заводе, Сергей Иванович с самого начала показал себя талантливым конструктором, и инженерная

карьера его успешно продвигалась. В отличии от папеньки Ивана Игнатьевича, который довел имение принявшего его Арсеньева до полного разорения; это был итог его хозяйствования и управления.

Судьба давала шанс помещику, ибо на его землях было найдено богатое рудное месторождение, благо совсем рядом с деревней Судаково бельгийцы планировали строить на Косой Горе металлургический завод (который и ныне успешно трудится). Однако, не имея за душой ничего, кроме разоренного имения, помещик Арсеньев не сумел добиться кредита у отечественных буржуев. Более того, занятый проектом и поиском кредитов, помещик проглядел (по принципу: а отстаньте от меня, и без того серьезных дел по горло) завязку и развитие нешуточного романа. Нашлись и добрые люди, открыли глаза благодушному помещику, в результате чего в дворянском собрании, где нынче Дом офицеров, произошла ссора. Пострадал, как человек служивый, Мосин: начальник завода генерал В. Н. Бестужев-Рюмин объявил ему выговор, а начальник артиллерии округа усугубил наказание до домашнего ареста; впрочем, краткосрочного и «с выводом на службу».

С другой стороны — треугольник распался; Варвара Николаевна, оставаясь замужней, ушла к Сергею Ивановичу, восемь лет они жили в счастье, но и в незаконном браке, ибо Арсеньев, оставшись без денег и без жены де-факто, решил — и благородный же оказался воспитанник графа-бессеребренника — поправить дела за счет обидчика: спросил за развод 50 тысяч рублей (!?) Виктор Ильич даже как-то не сумел представить себе размер этой огромнейшей суммы — это ведь было в конце прошлого века.

Но нет худа без добра; эта пословица специально создана для русских людей. Дай Арсеньев развод тотчас и бесплатно, так жили бы и миловались Сергей Иванович с кузиной Тургенева в уютном собственном домике-тереме на Стародворянской или Жуковского, ходил бы он без особой охоты на службу, рисовал бы там замки и патронники к ружьям и вышел бы в отставку майором, в лучшем случае — подполковником, а русская, впоследствии — красная и советская армия полвека пуляла бы в германцев и друг в друга из винтовки *a la* Кольт или Манлихер...

А так пришлось почти десять лет работать сверхурочно, сверхизобретательно, предвосхищая трудовой подвиг Стаханова, чтобы выплатить отступную сумму обиженному помещику. Отсюда и победа в конкурсе 1885-го года, когда мосинская винтовка была признана лучшей из 119-ти других представленных! За винтовку он получил престижную и кругленькую Большую Михайловскую премию, расплатился с Арсеньевым, офор-

мил брак с Варварой Николаевной, был произведен в генерал-майоры и уехал с супругой подальше от *Т*-их сплетен — начальствовать Сестрорецким оружейным заводом.

Так все благополучно разрешилось; все были довольны; Виктор Ильич вполне резонно подозревал, что более всех доволен был помещик Арсеньев: во-первых, стал богатым человеком; во-вторых, избавился от потенциально неверной жены; наконец, приобрел в губернском обществе репутацию страдальца, а молодые и красивые женщины любят состоятельных страдальцев...

Виктор Ильич, как рефлектирующий аналитик, пошел дальше в своем расследовании. Учитывая, что Лев Толстой и И. С. Тургенев стали злейшими врагами после той знаменитой ссоры, когда они порешли уже стреляться на охотничьих ружьях, он обосновал чисто фрейдисткую схемы переноса этой коллизии на близких дуэлянтам супругов Арсеньевых. Вывод тот, что брак этот в любом случае, даже без вмешательства Мосина, должен был разрушиться.

Заканчивая объемистый отчет для представления в Юбилейную комиссию облархива, Виктор Ильич законно предвкушал солидную премию и даже попросил знакомую продавщицу из «Букиниста» отложить для него сданные накануне каким-то сумасшедшим или разорившимся книголюбом два тома Ренана — «Жизнь Иисуса Христа» и «Апостол Павел», обещая выкупить через недельку-полторы. Книги были оценены по 35 рублей за том.

Сдав отпечатанный промежуточный отчет, Виктор Ильич горделиво ходил по архивным помещениям, но в тот же день был вызван гневным Иваном Архиповичем, нещадно изруган и лишен даже плановой квартальной премии. Вдобавок пришлось потратиться на новомодный торт «Птичье молоко» — извиняться перед продавщицей.

♦Радист задремал, по всей видимости, оставив свои цацки в покое, потому в динамике продолжали погромыхивать медные трубы полкового оркестра. Огорченный воспоминанием о несостоявшейся премии и не приобретенных томах Ренана, которые, между нами говоря, можно читать только от полной безысходности, когда ничего другого печатного под рукой нет; например, на необитаемом острове или в камере предварительного заключения...

Медные духовые напомнили, как в парижскую свою бытность занесло его в какой-то полулегальный клуб, судя по репертуару — сторонников Ле Пена. Сидя в небольшом кинозальчике в компании бритоголовых

молодцов в черных кожаных куртках, он, однако, с восторгом неофита и интересом служителя музы истории просмотрел подряд два фильма Ле́ни Рифеншталь — талантливой и официально признанной режисерши 3-го Рейха. Первым показали «Олимпию», то есть фильм о олимпийских играх 36-го года в Берлине. Вторым же шел «Триумф — Воля», посвященный съезду НСДАП 34-го года в Мюнхене.

Сопровождаемые духовыми маршами Вагнера-младшего, они привели публику, Виктора Ильича тож, в восторг. Все-таки мужчина должен быть воином... Другое дело, что гнусные политики (а они, за малым исключением, сплошь гнусные) эксплуатируют естественное стремление человека к красоте, силе и воле.

Под самое утро Виктор Ильич заснул-таки. По закону вселенской подлости предутренний сон был антиподом красоты, силы и воли... Архивисту, человеку в мужском качестве архинормальному и родом из страны, где извращенцев по 120-ой статье УК РСФСР (а равно и УК других союзных и социалистических) вылавливали и отправляли на 5—7 лет в узилище, снилось всякое дерьмо с психическим, гомосексуальным отклонением.

♦Понятно, что с гомосексом Виктор Ильич сталкивался не более, чем любой житель СССР, то есть знал, что в каком-то минимуме извращенцы есть — от безысходности половых отправлений в тюрьмах и от врожденного психического отклонения (в либеральные сказки, что-де у них какой-то хромосомы не хватает в организме, минимально образованный в биологии Виктор Ильич не верил), в среде военных, а преимущественно в столичной богемной среде.

Малость пообщавшись в интеллектуальной среде столицы, провинциал Виктор Ильич был в свое время поражен как самим фактом наличия «голубой» прослойки общества, ибо в его родной *Т.* все это носилось на уровне анекдотов и неприличных сплетен, так и профориентацией этой прослойки. Получалось так, что это почти что привилегия артистического круга тружеников театра, кино, музыкального бомонда...

Все в его голове перевернулось, когда он волею и помощью рогатого попал в цивилизованный мир Европы: здесь об этом говорили и писали открыто, гомосекс считался самостоятельным половым сообществом, а адепты этого ордена едва ли не гордились своей избранностью... Думал ли, гадал ошеломленный архивист, что не пройдет и десятка лет, как в его отечестве по этой части переплюнут всякие там Европы-Америки, не говоря уже о пуританской Австралии и Новой Зеландии... Что указом

первого и всенародно избранного президента независимой и самостийной Россиянии (а это ему в страшном сне разве виделось?) станут ненаказуемы мужские контакты «по взаимному согласию», наверное, за помощь педерастов в поддержке демократической идеи в критические моменты ее становления.

А дальше и пошло, и посыпалось: первая в России гей-дискотека в кинотеатре «Ленинград», после чего голубые шоу утвердятся от Калининграда до Камчатки, а по широтам едва ли не от Земли Франца-Иосифа до Кушки. Не отстанут от «сильного пола» и лесбиянки. Всюду откроются однополые, но со специфическим уклоном бани. Возникнут коммерческие геевские структуры, в Театре киноактера будет функционировать педерастический клуб «Премьер», не вмещающий всех желающих по своим ночным карнавалам, а их постоянный ведущий Миша Плюсткин будет радостно восклицать со сцены: «Ну и пидовник, господа!». Боря Моисеев будет напиваться до непотребства на этих сборищах жопников. Вершиной же жопосуйского энтузиазма будет баллотировка в кандидаты на пост президента Россиянии Романа Калинина — официального главы общества педерастов; даже его собратья, приличные евреи, завозмущаются. Даже — о, ужас! — в его родной дремотной *Т.* с крепким, себе на уме народом, любящим после бутылки-другой сходить в гости к подруге, открылись подозрительные клубы «по записи». Экая зараза!

Однако — все впереди, как писал упомянутый выше литератор-деревенщик (писал он о городской жизни по-преимуществу), а пока вернемся к заснувшему путешественнику.

...Сопоставляя слышанное, воочию виданное, домысленное, Виктор Ильич в самое последнее время пришел к определенным выводам. Во-первых, при так называемых тоталитарных режимах, к коим в первую очередь принято относить Третий рейх и СССР времен Сталина, все активные и пассивные гомосеки находились в глубоком подполье, а чуть что — пожалуйста, товарищи-геноссе, в концлагерь-лагзак лет этак на пять-семь! Оно понятно, тоталитарному государству нужна была здоровая, крепкая, оптимистичная нация — народ патриотов, а не рабов и холуев (отвлекаясь от государственной идеи...).

И, что самое странное, это Виктор Ильич уже сам в детстве-юности воочию наблюдал в первые годы «хрущевской оттепели»: стоит чуть-чуть ослабить идею патриотизма и дисциплины (то, что и называют тоталитаризмом) в сторону пресловутой демократии, как первым делом сверху дается послабление голубому народу и... милиция вооружается ду-

бинками. Вот такая странная закономерность в еще более странном сочетании.

...Удивительная наблюдательность и прозорливость не подвели Виктора Ильича; восемь лет спустя, скажем мы, забегая вперед: аккурат после первой же, августовской победы демократии 91-года гомосексуализм был легализован и обласкан властями и телевидением, а милиция отныне защеголяла в тельняшках, грозном камуфляже, дубинках с боевыми автоматами впридачу. Раньше-то народ автоматы (кроме самих служивших в армии) только по телеку в парадах на Красной площади видал. Такая-то вот власть народа свободного...

Ну, автоматы-калаши дело второе (если в тебя самого не стреляют), а, возвращаясь в годы описываемого действия и чудесных приключений нашего героя, проследим за его сонными мыслями.

Давно он подозревал также, что неспроста даже в песнях какой-то подтекст присутствует, проскользнувший мимо бдительных цензоров от культуры. То голубой почему-то вагон куда-то мчится; голубая же даль нередко присутствует в задумчивых песнях-речитативах. Голубая тоска, да и только. Словом, проанализировав содержание эстрады за последний десяток лет, Виктор Ильич пришел к следующей впечатляющей картине: согласно лейтмотивам песенников-ударников, все они стремились, усевшись в голубой непременно вагон, мчаться на всех порах в некую, не называемую, но явственно осязаемую «маленькую страну».

♦Многие другие выводы относительно вещей и явлений, не обсуждаемых в отечественной прессе, являлись вдумчивому архивисту. За рюмкой-другой, либо в архивной курилке пробовал он определить отношение знакомых, приятелей к голубой тематике. К его удивлению, народ вместо негодования относился к явной ненормальности на редкость спокойно. Женщины и наиболее тупые из мужиков как-то странно смотрели на Виктора Ильича и опосля шептались, со значением кивая на архивиста. Грубые и недалекие хохотали и сводили тему к армянским анекдотам и так далее. Кружкин, Зильберберг и Терехин, последовательно бывшие непосредственными начальниками Виктора Ильича, хмурились и рекомендовали обратиться к парторгу учреждения. Изька Антонóвич охотно вступал с ним в интересную беседу, но вывод его был неизменным: «Ну, а почему это должно беспокоить кого-то? Кому эти пидоры мешают. Ты их часто видишь? Дело это глубоко личное; пидорасят, гомосечат друг друга и ладушки, ведь не разбоем-грабежом занимаются. А чувствуя непонятно почему за собой вину, на людях ведут себя тише тихого, уступ-

чивы...»

Действительно, на первый взгляд выходило, что Изька прав. Покопавшись а памяти, Виктор Ильич обнаружил, что за свои тридцать с лихвой лет он видел голубых всего два раза. Первый — когда с приятелями, Изькой в том числе, пили после работы пиво в парке, в летнем кафе «Солнечное», и к ним примотался услужливый внешне придурковатый безвозрастный гражданин с тонким гнусавым голосом; он на добровольных началах бегал для них за пивом, которое ему почему-то выдавали помимо немыслимой, огромной очереди. Виктору Ильичу и в голову не приходило догадаться о социальном статусе услужливого человечка, пока Изька, хохотнув, не разъяснил ему.

Другой и последний раз Виктор Ильич имел встречу на входе в тот же Центральный парк ранним, безлюдным утром, когда решил по причине субботнего дня прогуляться спозаранку. Его остановил здоровенный парень, но почему-то с напомаженными губами и крашенными в фиолетовый цвет (как у пожилых продавщиц в гастрономах) волосами слабочесанной шевелюры.

«Пойдем, недорого возьму!» — ошарашил он архивиста, который аккуратно и молча обогнул его, как огибают непотребное и зловонное место.

Виктор Ильич, размышляя над словами Изьки, тоже засомневался: а может надо закрывать глаза, конечно, если гомосекс есть болезнь? Однако, насмотревшись парижской жизни, он обнаружил, что гомосеки отнюдь себя больными не считают, наоборот, раз природа их сделала такими, значит они нормальные и даже исключительные, избранные!

Более того, несмотря на официальное неприятие гомосекса в СССР, тем более — запрет на обсуждение этого в прессе, Виктор Ильич прямо-таки ощущал даже в этих условиях наличие покровителей. То издается массовым тиражом в начале 70-х годов вроде как узкоспециальная книжка Свядоща «Женская сексопатология», но более всего подспудно защищает голубых в своих многочисленных публикациях всесоюзно известный социосексолог Игорь Кон.

И самое странное: собственно гомосексуалисты-то не стремятся себя афишировать в среде непосвященных; создается впечатление, что кто-то всемогущий выпячивает их, возводя этот порок в норму существования. Причем, как анализировал Виктор Ильич, эти неведомые силы играются не только половыми извращенцами. Возьмем инвалидов самых разных несчастий. Люди, как и положено нормальным и добродетельным людям, относятся к ним сочувственно, заботливо по мере сил и возможностей. Сами инвалиды, хотя это вовсе не их вина, что они отмечены теми или

иными дефектами, стараются без лишней нужды на народе не толкаться, жить своей семьей, общаться с себе подобными по несчастью. Это естественно, по-христиански, по-православному и с той, и с другой стороны. Именно такое отношение между инвалидами, обществом и государством существовали исстари в России, в СССР, что всех, в том числе самих убогих и увечных, устраивало.

Однако попав в демократическую Европу, Виктор Ильич был несколько озадачен и даже неприятно поражен тем, что инвалидов они будто специально, против их воли, впихивают в активную жизнь общества, мотивируя это гуманностью и прочими высокими словами. Устраивают спортивные соревнования инвалидов на главных физкультурных аренах, транслируют по телевидению конкурсы певцов, акробатов, художников из числа убогих и пр.

Но не только гомосеков и инвалидов навязывают, против их воли зачастую, обществу. Если по телевидению показывают фильм, выступление рок-группы и пр., то там обязательно присутствует здоровенный негр. Во всех массовках непременно наблюдается один-другой кряжистый крепыш, корчащий рожи, пускающий слюни, с головкой-тыковкой, гигантским пузом в свои 17 лет, с кривыми ногами, одетый в широкие трусы и неряшливую рубаху-майку до колен.

...Создается впечатление, а скорее всего это делается целенаправленно: в массовое сознание внедряется инверсия, то есть кривозеркальное отображение реального мира. Кому-то это надо, чтобы уродство, извращение, г... всякое трансформировались в гармоничное царство красоты и нормы.

И мысли-сны Виктора Ильича снова возвращались к наиболее гнусному и наиболее поощряемому этими неведомыми силами пороку: гомосексуализму, который не зря называют «волком в овечьей шкуре». Даже не специалисту-сексопатологу, врачу, вообще биологически образованному, а и простому нормальному мужику, женщине, безусому юнцу интуитивно понятно, что гомосекс есть злокачественное психическое расстройство, все более и более распространяющееся по всему свету благодаря мощной и вроде как никем не руководимой централизованной поддержке. Сам Фрейд, на которого молится демократическая интеллигенция, считал мужеложство разновидностью психического расстройства.

Чем больше размышлял Виктор Ильич, тем больше возникало ощущение, что вокруг этого вопроса развернуто изощренное хитросплетение. С одной стороны, вроде как солидные специалисты, ученые с Нобелевской отметиной, утверждают, что гомосекс — это норма, то есть не бо-

лезнь. Но ведь это по обычной человеческой логике должно только усиливать отвращение к этому пороку.

Другая группа не менее ученых людей утверждает, что гомосеки есть нормальные и здоровые люди *во всем, кроме одного* (?!). Но на кого этот довод рассчитан? — Ведь и большинство шизофреников кажутся архинормальными, но *кроме одного* — избранной ими мании. Ведь вся психиатрия и клиника шизофрении укладывается в один короткий анекдот:

В дурдоме на «выписную комиссию» вызывают постояльца X. Тот приходит с галошей, которую тащит на бечевке. Начмед интересуется: а что это у вас? Постоялец отвечает, что-де его собачка Жучка. Комиссия сочувственно и со значением переглядывается и прописывает дополнительный курс лечения. Через три месяца X. вновь вызывают на комиссию, на которую он является с неизменной галошей на бечевке. Ведущий специалист по шизофрении заботливо интересуется о здоровье Жучки. Бывший больной с изумлением смотрит на врача и отвечает, что-де это вовсе не Жучка, но обычная галоша 44-го размера, артикул такой-то... Врачи в восторге поздравляют друг друга с излечением их искусством тяжелого больного и отпускают X. на волю. За воротами дурдома X. наклоняется к галоше, гладит ее: «Здорово, Жучка, мы их обманули!».

Наконец, третьи, то есть самые умные (или, наоборот, самые глупые) толкователи бьют прямо по черепушке наивного обывателя: дескать виной всему ген гомосексуализма, который передается (как и царская болезнь — гемофилия) по материнской линии и потому с ж...суев взятки гладки.

Прием подлый, а потому и эффективный. Ибо, слыша почти каждый месяц об открытии, преимущественно американскими биологами, все новых и новых генов — лени, обжорства, водобоязни и пр.,— преимущественно почему-то генов веселых, простой наш человек думает: а чертте их знает, может на каждую пакость свой ген есть. А спросит он, заинтересовавшись, у подружки жены, школьной учительницы биологии: а сколько всего генов в человеке наличествует? А та, наморщив лобик, что-то припомнит и выдаст заученное: генов, то есть образующих их нуклеотидов, в молекуле ДНК человека около 3-х миллиардов, из них еще около 300—400 миллионов не расшифровано.

Совсем камень у мужика с души упадет: значит так судьба распорядилась; значит каждый в себе заразу носит, как микроб туберкулезный. Застыл человек на морозе — вот туберкулбациллы и взыграют; так же должно быть и с жопничеством: попадет в театральную, киношную среду нормальный парень — и пропал, спровоцировал извращенческий ген...

Однако, рассуждая серьезно, если этот ген аномален, то нельзя ли

стерилизовать его носителей, тем самым избавив человечество от угрозы всеобщей гомосексуализации, что есть смерть человечества? Вот здесь-то пропагандисты гомосекса начинают вопить о правах личности, общечеловеческих ценностях и прочей чуши.

А как относиться к американской статистике: в США не более 4% последовательных гомосеков, но до 35 % хоть эпизодически, но гомосечили? Срамота да и только...

В бытность свою московскую Виктор Ильич почитывал самиздатовские брошюрки — слепые множительные копии с плохо набранных машинописных текстов любительских переводов. Автором чаще всего — по вопросу гомосекса — этих брошур был доктор А. Кинзи (Иногда его фамилию переводчик писал как Кинси). Умный и толковый врач-социолог, как понимал будущий архивист. Так вот, этот самый Кинзи-Кинси отмечает, что педерасты с подружками по увлечению лесбиянками — или, скорее всего те, кто за ними стоит — упорно утверждают, что их 10 % от нарождающегося народонаселения Земли. Однако эта «статистика» не подтверждается даже по самой вольнолюбивой стране — США.

А что касается инстинктивной защиты народа от гомонапасти, то история и современность дают массу фактов: у мусульман и евреев в исторические времена гомосекс карался смертью. В патриархальных обществах, в православной России забавы эти отмечались в ничтожно малых количествах. Какие же это 10 %?! Говоря исторически и социально, как отмечает Кинзи, выжили нации, резко и жестко отвергавшие гомосекс: это арабы, турки, русские — вообще славяне, восточные народы (китайцы, японцы и другие), евреи. Но нации, предавшиеся некогда содомскому разврату, непременно гибли: египтяне эпохи пирамид, греки, римляне, наконец, времен Нерона и Калигулы... Интересный вот такой факт. Правда, за пределами своих национальных сообществ многие из представителей сексуально монокультурных народов становятся как раз пропагандистами гомосекса; так сказать двойной стандарт...

♦Сон внезапно закончился, отпустив Виктора Ильича от нудного и липко-противного предмета размышлений. В полусумрачной каюте стояла тишина, море успокоилось, Леночка так же уютно посапывала. Захотелось на простор. Виктор Ильич вставил ноги в туфли (дремал-спал он не раздеваясь), накинул куртку и, тихо притворив дверь, вышел в коридор, поднялся на палубу.

Солнце еще не взошло, а если и взошло, то плотные свинцовые тучи не оставляли надежды его лучам пробиться на грешную землю. Море

тихо и медленно плескалось. Еле-еле виднелся на горизонте низкий и серый берег.

— Хм-м, Нормандия,— кашлянул за его спиной военизированный боцман,— однако, пора мне вахту менять.

Боцман проследовал за рубку, Виктор Ильич снова остался в сумеречном одиночестве.

Сегодняшние странные сны подспудно наводили его на какую генеральную мысль. Действительно, думал он, не хватит ли развлекаться? Уже за возраст Христа перешел, а все развлекаюсь: то в архиве своем, то в пидерастическом Париже, теперь вот в придурочном путешествии... Так и буду всю жизнь что ли? — А как же предназначение человека, мужчины: построить дом, посадить дерево, вырастить сына... Стоп! Дом и дерево это на суше. Вот с сына и начнем (Дочь у него уже была от первого брака).

Виктор Ильич круто развернулся, зашел в надстройку пассажирского отсека, спустился по лестнице в свой коридор, вошел в каюту, заперев на ключ дверь. Роскошная картина словно сошла с полотна школы старых фламандцев. Под утро каюта наполнилась сухим теплом, свет в утренний иллюминатор (он при входе выключил лампочку-ночник) создавал призрачный полумрак. На импровизированной постели, сбросив одеяло, в позе неги и неутоленной страсти, вольно раскинув ноги с умопомрачительными бедрами и руки, маня взгляд выпуклостями грудей и линией живота, в крепчайшем утреннем сне возлежала Леночка.

Виктор Иванович сбросил с себя одежды, наклонился над подругой, лизнул сосок груди, потом провел рукой по бедру, затем соскользнул к пушистому лону. Ни один мускул не дрогнул на лице и теле Леночки. Она спала в мечтах о будущем и скоро грядущем ребенке. Виктор Ильич, опираясь на локти, слился с роскошным телом, вошел в нее бережно, наслаждаясь, начал и закончил самый сладкий мужской труд. В самый сладостный миг совершенно некстати посетила мысль: «В последующей жизни надо бы боцмана с собой забрать». Леночка все же тихо застонала, а он почувствовал плотью, что она все получила и ощутила сполна, но крепкий морской сон не пробудил ее. Виктор Ильич прилег обок ее; дыхание пришло в нормальный ритм, тело сладко ныло, потянуло в утренний же сон. Последней мыслью было: сейчас у Леночки — он уже наизусть знал ее календарь — самые «опасные» дни, а пилюли закончились еще в пивном государстве; само же это и воспоследовавшее затем военное государство такими мелочами не занимались. У нее еще оставались одноразовые таблетки, но и они закончились на днях: она

просила его поостеречься на сей предмет... В глазах же ее читалось: ну-у, ну же милый мой, сделай вид, что забыл про осторожность, дескать, не вспомнил ее предупреждений со сна...

Теперь вот она во сне. Он ей пока ничего не скажет; сама через пару недель узнает.

Глупый, глупый Виктор Ильич. Леночке уже снился ее — их будущий сын.

Глава вторая

♦С того исторического холодного раннего утра сентября месяца, встреченного Виктором Ильичем в сумрачном море на траверзе нормандского побережья Франции, минуло три месяца. Возвращение путешественников в Европу было бурным и бестолковым. Всех их, включая капитана с экипажем, приняли бы за коллективно сошедших с ума, если бы не их военизированный корабль, бывшее мирное пассажирское судно. Здесь деваться властям было некуда. Однако от путешественников сразу отсекли журналистскую орду; их тотчас автобусами увезли в Париж, где поселили — под предлогом медицинской реабилитации — в каком-то странном, хотя и роскошном, санатории в тихом пригороде и под ненавязчивой, но бдительной охраной в штатском, а корабль отбуксировали в военно-морской порт Брест, где его следы как-то быстро пропали. (Кстати говоря, все вооружение корабля оказалось деревянными муляжами).

Судя по всему, за дело взялось высшее руководство НАТО, все вопросы решались на самом верхнем руководстве составляющих его государств, поэтому для всего мира история эта осталась в памяти чем-то адекватным летающим тарелкам и легендам всего того же проклятого Бермудского треугольника...

Впрочем, Виктора Ильича, на очереди у которого после зачатого сына маячили дерево и дом, все это мало занимало. В отличие от придурковатых европейцев, он, закаленный и наученный жизнью в тоталитарном обществе, слишком хорошо знал, чем оборачивается государственная бюрократия в таких вот секретно-щекотливых делах, да еще с массой свидетелей. Поэтому, переночевав (корабль прибыл в маленький нормандский порт заполночь) в гостинице для рыбаков-сезонников, где им с Леночкой чудом удалось захватить отдельный чулан для прислуги, что вызвало законное раздражение у коллег-путешественников, он рано по-

утру, пока не началась суета и толкотня, вызвал Аседона Младшего. Надо ли говорить, что и в эту ночь, все так же опасную для Леночки, он закрепил свое вчерашнее намерение. Как потом она со смехом ему призналась, в эту ночь Леночка абсолютно сознательно прикидывалась спящей сном усталости...

Одеваясь, Виктор Ильич прикидывал: где и каким образом поговорить с рогатым, учитывая забитость гостиницы народом и, как он верно догадался, наличием наружной охраны... Однако, едва он одел обувь, как тихонько троекратно стукнули в дверь. Недоумевая и слегка беспокоясь, Виктор Ильич осторожно приотворил скрипучую дверь чулана. В неверном свете ночника, прикрытого им только что, дабы не беспокоить Леночку, ее же лифчиком, он увидел типичного французского ажана, причем в довольно большом чине, как он смекнул по нашивкам и другим цацкам на мундире и кепи.

— В чем де...,— начал было архивист, но по подмигиванию и характерному молчаливому жесту сообразил, что Аседон Младший, искуситель-агент 3-го ранга, любезно предупредил его желание, хотя по кислому выражению лица было ясно: рогатый затаил обиду на опекаемого за его долгое необщение и стремление все делать по-своему.

— Собственно говоря, вы сюда собираетесь возвращаться? — шепотом спросил искуситель.

— Да затем и обратился к вашей милости, чтобы...

— Тогда будите подругу, а то в два захода с возвращением возни будет много.

Виктор Ильич с неудовольствием нагнулся к Леночке, жалея ее глубокий сон, но она неожиданно бодрым голосом осведомилась о происходящем (Аседон скромно прикрыл дверь, оставаясь в коридорчике).

— Давай, Ленок, одевайся. Надо сматывать отсюда да поскорее.

Без лишних слов она оделась, чуть ойкнув от прикосновения нагретого лампочкой ночника бюстгальтера, пристукнула туфлями.

— А вещи?

— Оставь, сумочку свою возьми и только...

В этот момент Аседон заглянул в дверь. Леночка вновь хотела ойкнуть, но Виктор Ильич сделал успокаивающий жест.

— Я чего хотел сказать: за вещи не беспокойтесь, я комнату опечатаю, потом вам доставят куда надо.

♦Лжеполицейский осторожно пробирался в неверном раннеутреннем оконном свете по коридорам и комнатам старой гостиницы, лавируя меж-

ду спящими в креслах, на раскладушках, просто на брошенном на пол тряпье людьми. За ним впритык осторожно ступал Виктор Ильич, одной рукой придерживая за запястье Леночку, а другой неся ее туфли, которые ей порекомендовали снять.

Вышли они через кухню черным ходом, но во внутреннем, хозяйственном дворе уже вовсю, хоть и молча, кипела полицейская жизнь. Леночка надела свои туфли, тут же спохватилась, что на лице нет косметики, но Аседон сказал ей комплимент, впрочем искренний, что-де незачем портить химией свежайшее личико... Причесаться же она успела еще в чуланчике.

К ним мигом подскочила пара полицейских и еще некто в штатском, но ажан Аседон ткнул им в нос удостоверение, и они молча прошествовали мимо почтительно вытянувшихся фигур к воротам хоздвора. Здешние караульные уже загодя взяли под козырек.

На обочине шоссе, что проходило в ста метрах от забора гостиницы, их ждала машина с шофером, с которым рядом сел Аседон, предоставив Виктору Ильичу с Леночкой пассажирский поместительный салон, отгороженный наглухо от водительского отсека. Закрывая за ними дверцу, рогатый предупредил, что езды будет пара часов.

— А вы пока отдохните.

Машина легко тронулась, Леночка с изумлением оглядывалась: в доселе затемненном салоне при движении автоматически зажегся мягкий — из потолочных плафонов — свет. Окна машины были задернуты пластиковыми шторками. Машина, судя по всему, принадлежала к высокому представительскому классу. На передней, чуть под наклон, стенке, что отделяла их от водительской кабины, расположились встроенные телевизор и магнитола, кондиционер, радиотелефон и еще какая-то захлопнутая дверка с ручкой.

Перед стеной и чуть влево стоял принайтованый к полу столик типа журнального с подстолешницей. На нем, также в прикрепленной вазе, благоухал тонкого подбора букет цветов. За столиком на расстоянии вытянутой ноги, также сдвинутые влево, так что между ними и правой стенкой машины оставался проход сантиметров в 30—40, размещались впритык друг к другу два покойных мягких кресла с высоченными спинками. Любознательная Леночка прошла в проход и позвала восхищенным голосом своего спутника: за креслами поперек салона и на некотором расстоянии от их спинок находился уютный диванчик. Между диваном и бортом справа также оставался проход, за которым в сплошной задней стенке вырисовывалась дверь от пола. Приоткрыв ее, Леночка, пригнув

голову, заглянула и восторженно крикнула: «Смотри!» Действительно, в заднем отсеке, напоминая до боли родные «совмещенки», находился туалет и душ с ванночкой под ноги. В отличие от «совмещенки», все сверкало белизной пластика и эмали.

«Однако, Аседончик после своих кочегарок в аду душевно расслабляется в земной юдоли, ишь как путешествует?!» — беззлобно подумал Виктор Ильич, располагаясь в левом кресле. Однако Леночка что-то задерживалась в заднем отсеке; он устало прикрыл глаза и слегка задремал, но тут же, как ужаленный, подскочил: его коснулось что-то холодное справа.— А справа сидела и хохотала Леночка с чуть мокрыми, взъерошенными от полотенца и фена волосами, а сама обернутая в тонкую льняную простыню.

— Иди, прими тоже душ,— со смыслом порекомендовала она.

Виктор Ильич чмокнул прелестницу в неприкрытую грудь, собрался было встать, оперся левой рукой на слабозаметную кнопку подлокотника, и тут же рухнул плашмя: спинка кресла отошла и заполнила пространство между креслом и диванчиком. С хохотом Леночка нажала свою кнопку, и оба кресла с диванчиком трансформировались в гостиничного размера постель того фасона, что в московских богемных кругах называют «сексодромом».

Более того, сообразительная Леночка исследовала, стоя на коленках, диванчик, приоткрыла его половинку, извлекла оттуда комплект постельного белья и подушки, упакованные в полиэтиленовые пакеты. После чего она решительно отослала спутника в душевую, мотивируя тем, что тот мешает ей стелить простыни и одеяло.

Когда он, пригибая голову (хотя салон и был достаточно высокий), вернулся, также опоясанный казенной простынкой, Леночка, натянув на себя одеяло, лукаво скосила на него свои прекрасные (но уже подкрашенные!) глазки. Накрахмаленный пододеяльник почему-то был заткан калейдоскопически повторяющимся рисунком: аист, держащий в клюве узелок с младенцем...

Виктор Ильич сбросил простынку и нырнул под символическое одеяло, чувствуя неудержимо нарастающее желание. Леночка вполне конкретно смотрела на него широко открытыми глазами. Проведя рукой по ее телу, он с восхищением обнаружил на бедрах ее заветные парижские чулочки с кружевными резинками, купленные ею (пять пар сразу) в эксклюзивном интим-салоне. И надо же? — подумал Виктор Ильич,—драгоценности в чулане оставила, а чулки не забыла в сумочку поло-жить... Вот и пойми: где заканчивается добродетельная и верная подруга, а где,

прости господи, б...ие замашки проявляются?

Между тем Леночка сбросила ненужное в кондиционированной сухой теплоте одеяло с занимательными рисунками; Виктор Ильич задохнулся от восторга и, не владея больше собой, замкнул прохладное, податливое тело в железные объятья.

Лицемеря, он зашептал в розовое ушко:

— Так ведь тебе сейчас того... таблетки-то закончились?

— Ничего, миленький, сегодня уже можно,— она лицемерила с самыми честными глазами, а у него мелькнуло: бог троицу любит!

Леночка отдавалась бурно и неистово, как в первые их парижские дни, не переставая в промежутках между сладостной истомой всячески хвалить невероятную силу и мощь своего партнера. В самый сладостный миг своей мужской работы он ни к селу, ни к городу вспомнил, что забыл распорядиться насчет боцмана...

♦Они проснулись оба и враз; уже без взаимного лицемерия, хотя и не говоря еще друг другу о *желаемом*, также бурно закрепили *общее дело*.

Приняв душ и убравшись в салоне, они почувствовали страшный, тянущий желудок голод. По часам оставалось еще минут сорок до означенного рогатым сроком поездки. Леночка заскулила что-то о кусочке пирожного, огорченно ткнула в кнопку на передней стенке; тихая мелодия ее любимого Поля Мориа затопила салон, но желудков это не наполнило. Безо всякого интереса она дернула за ручку неизвестной по назначению дверцы, та мягко отошла, а восхищенным глазам сладкой парочки предстал роскошный походный бар-холодильник с набором напитков и изысканных закусок.

...Наливая вторую рюмку «Камю» — под холодную осетрину,— Виктор Ильич вновь подумал о несчастном боцмане: наверняка уже в поисках выпивки спозаранку попробовал выйти из отеля и сцепился с ажанами; лежит во дворе в наручниках, матерится. С еще большим ужасом он обнаружил, что Леночка маленькими глотками запивает крабовый салат золотистым рейнским. «Господи! Ведь ей же нельзя теперь?» — чуть было не выкрикнул заботливый супруг, но вовремя спохватился. Однако и Леночка что-то засомневалась, отставила бокал.

— Кофе бы хорошо,— произнесла она, докушав салат и принимаясь за ананасное пирожное.

— Черт возьми, наверняка у них тут есть кофейник; вот только где?

Протянув руку вглубь бара, он сильно постучал в стенку. Тотчас

послышался радиоголос рогатого — включилась внутренняя громкоговорящая связь:

— Красную кнопку слева от телевизора нажимайте, чего стучать... прошу прощения, забыл проинструктировать. Что хотели?

— Да, вот такое дело, кофейку бы... и насчет боцмана: нельзя ли его тоже извлечь, мне он нужен будет.

— Кофеек — это под баром нажмите на черную клавишу, а с боцманом решим дело.

Связь выключилась, Леночка уже возилась с тефлоновым кофейником, устройство которого она хорошо изучила в Париже. Кофе оказался настоящей арабикой. Виктор Ильич все вспоминал из ранее читанных статей в «Здоровье»: «А кофе не вредно для начинающих беременных? Да и в пирожных надо бы ограничиться». Так ничего и не вспомнив, он налил третью рюмку, которую закусил превосходной бужениной. Салатам импортным он не доверял; это не отечественный винегрет с селедкой или ресторанный «Столичный»!

♦До конца означенного Аседоном срока поездки оставалось где-то минут 10—15. Виктор Ильич расшторил окна, свет в салоне автоматически погас. По сравнению с хмурой утренней Нормандией вид за окошками явно веселил душу: зеленая холмистая местность с этакими умытыми нарядными домами, домиками, замками на возвышенностях. И эту красивую местность ровной, возвышающейся над деревнями и городами, линией рассекало восьмирядное шоссе явно республиканского значения, что и подтвердилось первым же указателем: шоссе «Нант — Орлеан — Париж». Он вспомнил, что боцман перед высадкой на берег говорил ему, что-де прибило их к берегу аккурат между Нантом и исторической Ла-Рошелью; неподалеку отсюда, мол, соляные шахты древние...

Виктор Ильич, хорошо помнивший историческую карту Западной Европы, прикинул: где же они? При езде под полтораста верст (это он и с задернутыми окошками чувствовал), даже с учетом 50—60 километров от рыбацкого поселка до нантского шоссе, это — 250 километров, то есть они уже Орлеан только что миновали, а до Парижа еще почти столько же. В этот момент справа и чуть в отдалении промелькнул небольшой город; на указателе значился не менее исторический Тур. Город краснел высокими черепичными крышами, вдоль шоссе и навстречу машине куда-то летел вертолет с полицейской отметиной; машинально Виктор Ильич отпечатал в памяти его бортовой номер *PF-102*. Что-то вдали блестело; Виктор Ильич пристукнул себя по лбу: ба-а, да ведь шоссе от

самого Нанта идет вдоль Луары. Господи, какие роскошные названия!

♦Луара вплотную подкатила к шоссе, а затем убежала вправо, машина же приблизилась к грандиозной развязке, сделала великолепную восьмерку, почти не снижая скорости, и свернула вправо, уже на скромное двухрядное асфальтированное шоссе. Скорость после магистральной бетонки резко снизилась.

Проехав с десяток километров, машина опять свернула, но уже налево. Под колесами было довольно-таки узкое шоссе, которое взбиралось на лесистый холм, на вершине которого что-то белело. Указатель на развилке Виктор Ильич прозевал, потому не сориентировался. На середине пологого подъема миновали деревушку, где дети показывали пальцами на их машину. После деревни ветвился обычный проселок, впрочем, аккуратно усыпанный гравием и прогудроненный. Встречных машин, равно как и людей, не наблюдалось. Автомобиль шел со скоростью трактора; водитель берег резину и поддон роскошной машины.

На самом крутом участке лес закончился, завершился и подъем: дорога вывела на пологую вершину, через пару минут машина подкатила к невысокой, но крепкой ограде, въехала в раскрытые ворота и через асфальтированную дорожку садовой аллеи подкатила к самому настоящему четырехбашенному замку.

Лимузин остановился у парадной входной двери, открылась и дверца пассажирского салона. Они вышли. Шофер уже подходил к парадной, а Аседон, опершись на капот, задумчиво смотрел в небо, жестом приглашая парочку присоединиться. Вдалеке что-то зажужжало, а через пару минут над лесом холма взмыл вертолет. Еще через мгновение Виктор Ильич разобрал уже знакомый бортовой номер *PF-102*.

Вертолет сел на лужайку, а когда чуть утих ветер от лопастей, дверь сдвинулась, из проема выпрыгнули два ажана и боцман собственной персоной. С борта им подали два увесистых баула — оставленные вещи нашей парочки. Полицейские взяли у Аседона расписку в сдаче доставленного, откозыряли, а через минуту вертолет взлетел и скоро исчез за деревьями. Боцман диковато озирался.

— Добро пожаловать в замок Орсэ де Монтан! — гостеприимным жестом пригласил клиентов в растворившуюся парадную дверь Аседон.

♦Аседон Младший, а за ним рука-об-руку Виктор Ильич с Леночкой, вошли, минуя растворенные старинные, резные из мореного дуба двери высотой за два метра, в гостиную с камином, с двумя рядами ко-

лонн из мрамора, узорчатым паркетом. Впрочем, всего в полумраке — с солнечного уличного света — рассмотреть было невозможно.

Пропустив сразу за порогом парочку вперед, Аседон полуобернулся и порекомендовал остановившимся за его спиной боцману и шоферу заняться багажом и перенести его в малую гостиную второго этажа, к которой будут примыкать покои мадмуазель Элен... При этих словах Виктор Ильич почувствовал некий укол, заставивший его поморщиться. Он тоже приостановился и поправил спутника:

— Мадам. Мадам Элен!

— Ах, да. Извините — в покои *мадам Элен*!

При этих словах Леночка зарделась и нежно прильнула к плечу Виктора Ильича.

— Я думаю, у нас с Виктором Ильичем будет деловой разговор, впрочем, недолгий, минут десять. Мадам Элен, наверное, это будет скучно и...

— Беседуйте, беседуйте, а я пока этот великолепный зал осмотрю.

— Ну и хорошо. Кстати, справа от камина бар, можете заняться прохладительными напитками, перекусить. Обед, я думаю, сегодня хотя и скорым будет, но не ранее чем через час-полтора.

С этими словами Аседон Младший подхватил спутника под локоть и увлек через незамеченную дверь в правом углу в боковую — к залу — комнату.

♦ — Малая диванная! — пояснил Аседон, гостеприимно указывая Виктору Ильичу присесть на софу. От этих слов на архивиста повеяло чем-то родным от чтения романов из русской помещичьей жизни. Как он тотчас сообразил, идеально круглая комната являла собой первый этаж одной из четырех угловых башен замка. Соответственно, изогнутый диван опоясывал большую часть стены. Высокие окна-бойницы со скошенными вовнутрь подоконниками метровой толщины струили мягкий и приятный свет улицы. Круглый же дубовый стол с трехдюймовой толщины столешницей стоял в центре; софа и два массивных кресла старинной работы окружали стол. Камин и открытые встроенные полки со статуэтками и еще чем-то мелким обрамляли дверь. На противоположной стороне у стены стояли доспехи рыцаря в сборе на фоне ковра от потолка до пола с развешанным на нем средневековым оружием.

Однако восхищенного Виктора Ильича, утонувшего в мягкости софы, отвлекли явно слышные из зала голоса боцмана и шофера, причем первый, еще не очухавшись от скорости перелета, проклинал тяжесть ба-

ула, а второй раздраженно указывал тому на невытертую с сапожищ грязь, непонятно откуда взявшуюся в сухую погоду. Донеслась изощренная матерная брань боцмана по-русски...

Вспомнив слова Аседона про бар у камина и хорошо зная гостеприимный характер боцмана, он спросил:

— Кстати, вы обратно на машине поедете?

— А на чем же еще? А что?

— Да так. Шофер у вас пьющий?

— Пил бы, так другим делом занимался. Впрочем, давайте ближе к нашим делам, к сожалению, времени у меня в обрез...

— Мне кажется, я не очень обременял вас в последнее время, впрочем, достаточно длительное.

— Да вы не обижайтесь,— голос самого Аседона чуть потеплел,— я правда занят, у нас там слишком сложная ситуация; понятно, что даже намеком вам ничего не могу сказать, но — мое присутствие и на достаточно длительное время там необходимо.

— Понимаю, вы тоже на меня обиды не таите.

— Ну, вот и хорошо. Кстати, я правильно поступил, привезя вас сюда? Здесь хорошо, климат почти как у вас на родине, в *Т.*, только помягче, наверное, почище словом. Вот и отдохните месяц-другой, а потом продолжите свои путешествия, впереди Англия, куда вы так и не попали, Новый свет, Египет, Восток, Азия...

— Избави бог. Все, напутешествовались.

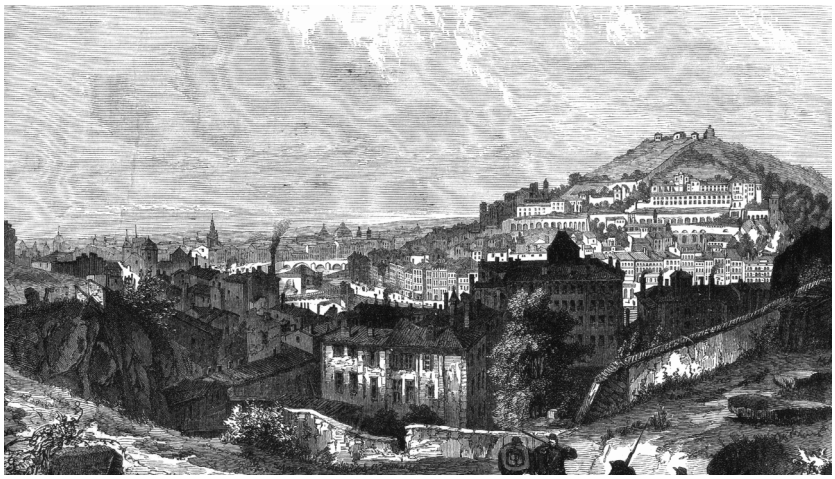
— Да? Впрочем, понимаю. Значит — плюс один в мою пользу... Так значит, местожительство вам подходит?

— Вполне. А чей этот замок? Не праздное любопытство; мне все-таки жить здесь, а народ, полицейские в особенности, во Франции любознательные. Не вызывать же вас по каждому пустяку.

— Будете спокойны и придерживайтесь некоторых условностей, в чем я вас сейчас проинструктирую, и все будет прекрасно. Итак, слушайте.

♦В пять минут торопящийся Аседон толково, впрочем, доходчиво разъяснил интересующемуся Виктору Ильичу ситуацию с его нынешней квартирой.

Замок Орсэ де Монтан фигурирует во многих хрониках средневековой Франции, в силу такой активности его владельцев последние часто менялись: роды пресекались в буйствах и битвах. Последние владельцы,



Средневековая гравюра, найденная Виктором Ильичем в замковой библиотеке: на заднем плане, на холме — замок Орсэ де Монтан; а от довольно крупного города Орсевиль осталось только небольшая одноименная деревня

ярые роялисты, все сплошь, семейно, положили свои головы на гильотину Великой Французской революции. Но так просто они не сдались, успев

в кровавых битвах с революционными войсками стереть с лица земли довольно крупный город, что располагался вокруг замка; теперь здесь все заросло и следа не осталось от былой кипучей жизни.

Весь девятнадцатый век и половину века нынешнего замок оставался бесхозным; окрестные крестьяне понемного растащили все что можно; слава всевышнему, хоть стены не разобрали: недалеко от холма карьер, так что камня в изобилии. Но время все же поработало: крыши не было, башни посыпались, словом — груда камней. Это я к тому вам говорю, что со стороны юридической здесь стопроцентно полное отсутствие наследников и прочих притязателей. Памятником истории, как то у вас в СССР принято в отношении любого здания, построенного до революции, замок властями не признан: иначе пришлось бы за казенные деньги восстанавливать.

Так вот, вы из предыдущего со мной общения уже поняли, что мы, так сказать представители иного мира, исключительные материалисты; даже ваши профессора общественно-политических наук по сравнению с нами — троцкисты, волюнтаристы, пробабилисты и прочие махисты. Просто у нас возможности большие, а так мы ничего против законов диалектики и истмата поделать не можем, да и желания нет. Точно также, если потребуется на Земле кров над головой, то мы не можем, как Алладин или старик Хоттабыч, выдернуть волосок из бороды и — вот тебе дворец из хрусталя! Поэтому мы имеем на этот и всякий другой случай сеть своих пристанищ...

— Да, да, как фюрер: «Вольфсшанце», «Вервольф» под Винницей!

— Не надо, не надо,— поморщился Аседон,— не грубите; кстати, Винница ваша место замечательное. Так вот, сеть пристанищ нужна для командированных вроде меня, для деловых встреч самого разного уровня, для подготовки нашей агентуры, наконец, для романтических мечтателей вроде вас; надеюсь, не обидел?

— Хм-м, уж тем не обидели, что в агенты не зачислили.

— И это не просто конспиративные квартиры, как у ваших кагэбешников, впрочем, равно моссадовцев, цэрэушников и пр. У нас целая сеть отелей по всему миру; вы бы в обморок упали, как говорят женщины в вашей стране, узнав имя-марку этих отелей. Добавим сюда целые многоэтажные дома, виллы, резиденции, замки, наконец. Это целое и мощное хозяйство в планетарном масштабе!

— А вы не опасаетесь, разглашая подобное, ну-у, например, моей болтливости?

— А кто поверит? Все ведь сделано через подставных лиц, даже не подозревающих о истинных владельцах и постояльцах. Кстати и средства

передвижения у нас свои есть; вот вертолет, на котором вещички ваши с боцманом впридачу доставили,— числится за полицией департамента Верхняя Луара, но принадлежит нам.

В начале 50-х годов по нашему ведомству происходила генеральная ревизия в квартирмейстерской части. Кое от чего избавились, а многое приобрели...

— Постойте, постойте, так масоны и вы — одно и то же?

— Кто же вам ответит на этот вопрос? Это все равно, что тайну мироздания открыть, которой, кстати говоря, я и сам не знаю. Не отвлекайтесь. В числе прочего мы приобрели официально, оформив через земельные инспекции соответствующих департаментов, несколько выморочных, полуразрушенных замков — преимущественно на Северо-Западе Франции. В числе прочих приглянулся и Орсэ де Монтан: тихое место, отдаленное от городской суеты, малопосещаемое. До вас тут жил один мечтатель... теперь такие дела творит на своей родине?!

— Это кто же такой?

— Сами понимаете, что ни я, ни прислуга здешняя вам даже намеком не скажут. Если газеты почитываете и телевизор смотрите, то года через два имя его с утра до вечера будет упоминаться...

Замок восстановили, меблировали настоящей исторической мебелью, но коммуналку сделали современной: свет, отопление, газ, водопровод, канализация и пр. Однако в глаза не бросается, закамуфлировано. Вот и весь экскурс в историю. Теперь краткий инструктаж.

Вы — из потомков русских эмигрантов, дворян, конечно: мсье Виктор и... мадам Элен. В семнадцатом году ваши дедушки-бабушки бежали от ужасов революции и попали в Канаду, французскую часть ее. По-французски вы уже вполне нормально говорите; только у мадам Элен как будто второй зуб слева в верхней челюсти побаливает, а у вас, пардон, язык слегка распух. Ну, это вы на счет канадско-французского акцента сваливайте.

Итак, вы уже в третьем поколении жители Канады, но и русский не забыли. Профессии оставьте прежними: историк-архивист и филолог — мадам Элен. Понятно, что из состоятельных семей. Сюда прибыли на неопределенное время, совместить, так сказать, приятное с полезным: мадам Элен в тишине и покое... Ну, сами знаете, не краснейте, мой дорогой, пора, давно пора! Это полезное; а приятное (или наоборот?) — вы работаете, получив годовой или какой вам нужен отпуск в своем университете, а также солидный грант от Маккартуров (это фонд такой в США) над книгой... ну, например, раз вы о масонах упомянули, о роли последних в

подготовке Французской революции на Северо-Западе Франции. И решили воспользоваться солидной и редкостной по подбору книг библиотекой Орсэ де Монтан; сами увидите — библиотека собрана любовно.

Хозяин замка — подставное лицо в Штатах — любезно разрешил проживать на правах хозяев, ибо и сам является любителем-историком. Ну, вот вроде и все, тем паче у меня — извините — время на исходе. Да, по хозяйству сами разберетесь; кухарка с мужем здесь постоянные, мажордом — тоже (я их по делам вашей встречи пока занял), остальных, если нужно, сами найдете. Деньги — у мажордома, то есть управляющего, открытый счет на ваше имя в «Лионском кредите», Орлеанском банке и в двух зарубежных — в Штатах и Англии. Итак — к делу! Кстати, ваши паспорта канадские, визы, доверенности, автоправа и прочие бумаги также у управляющего.

♦Виктор Ильич и Аседон Младший пожали друг другу руки в знак принятого соглашения, причем последний добавил, что вся прислуга, естественно, никоим образом не посвящена во все эти дела, а его, Аседона, знают как полномочного представителя американского хозяина, который в замке ни разу не был.

Они вышли в огромный зал, составлявший весь первый этаж центрального здания замка, и... предчувствие не обмануло Виктора Ильича: через тридцатиметровый просвет зала у открытого бара суетились две фигуры, оживленно переговариваясь; это боцман и шофер пили на мировую джин вперемежку с «Наполеоном». Подойдя ближе, наши конфиденты с ужасом (а Виктор Ильич одновременно и с восхищением) увидели, что боцман красен лицом, но твердо стоит на ногах, шофер же болтается из стороны в сторону, придерживаясь за каминную решетку.

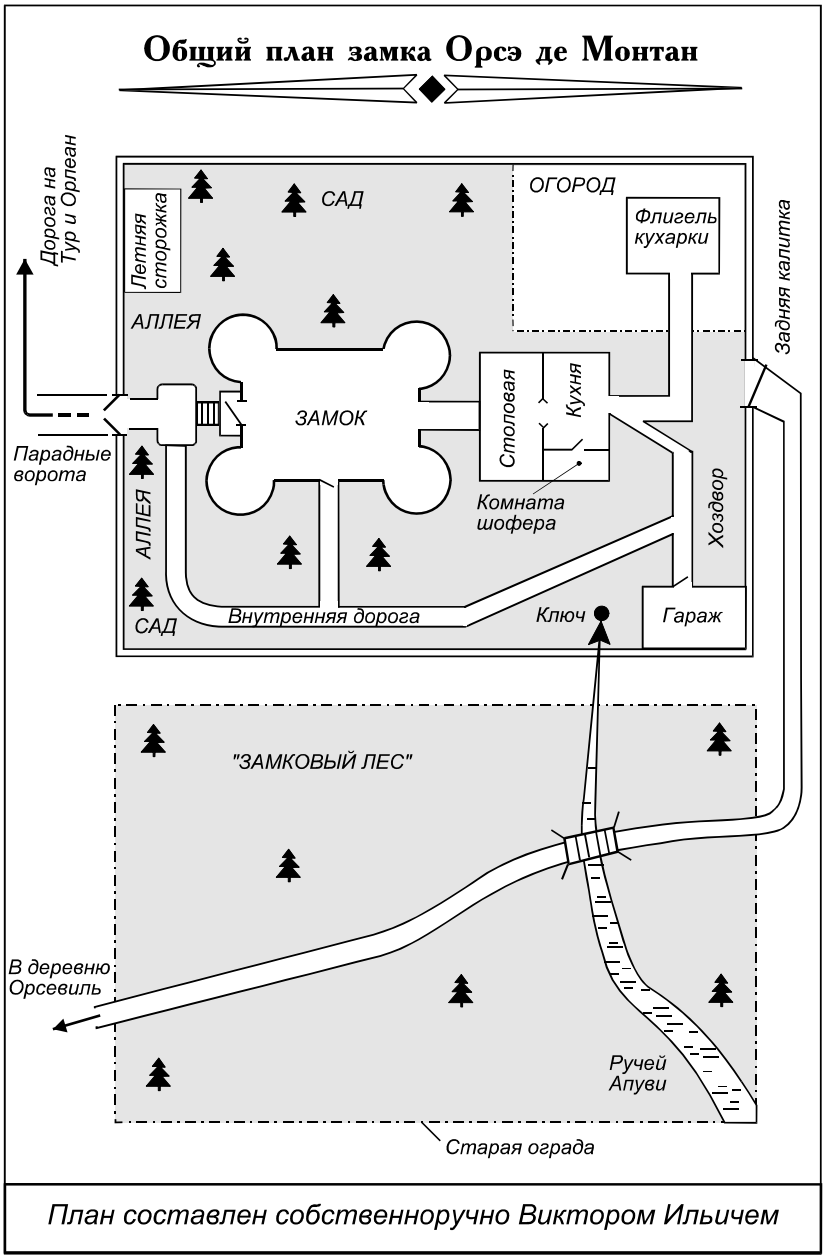
— К нам, к нам,— заорали они в голос радостно, заметив хозяев,— за новоселье!

Аседон грубо выругался, естественно, по-русски, матом.

— Ты уволен, сукин сын!

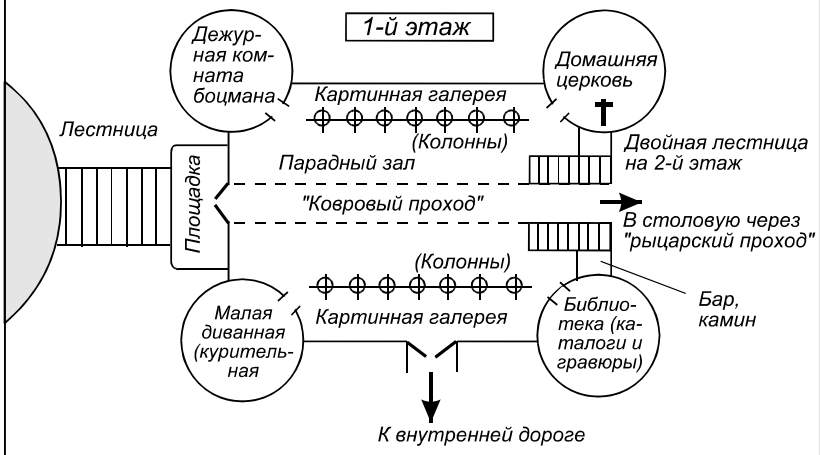
Виктор Ильич, в отличии от Аседона хорошо знавший, что боцман и покойника совратит на выпивку, заступился за бедолагу.

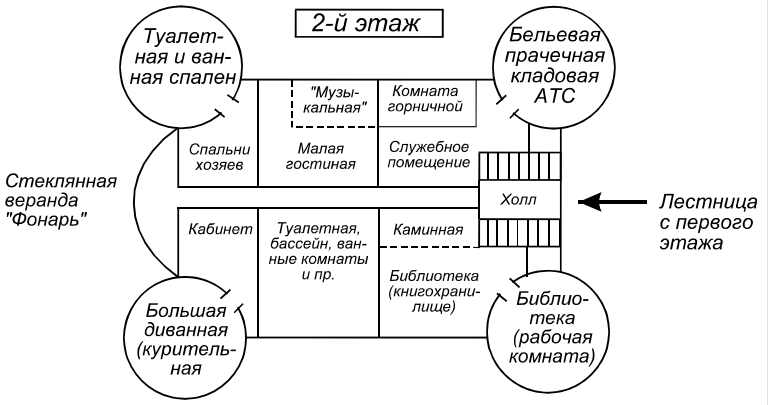
— Ну, если вам его жаль, так и берите себе в шоферы! Только потом не раскаивайтесь... а ведь раньше не был замечен? Кстати, берите и машину, куда я ее без водителя дену? Доверенность на нее у алкоголика этого...



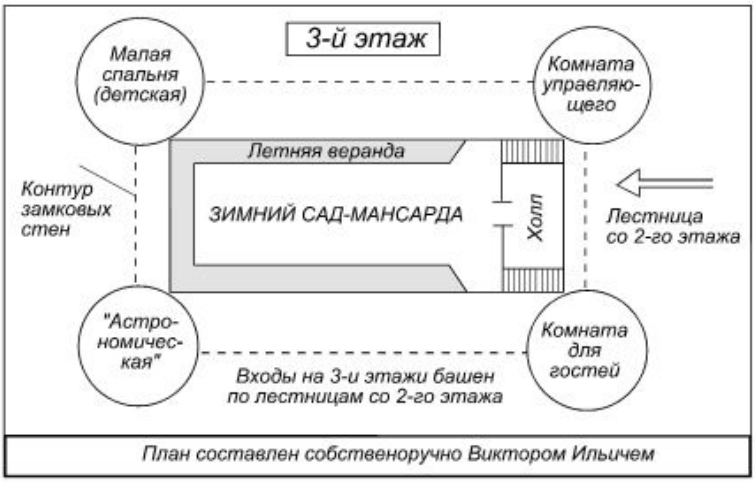
План составлен собственноручно Виктором Ильичем

Внутренний план замка Орсэ де Монтан





План составлен собственноручно Виктором Ильичем



Аседон разгневанно прошел через зал к телефону у входной двери, а Виктор Ильич спохватился: а где мадмуаз..., то есть мадам Элен?

— Здесь, здесь я, милый,— послышался звонкий и счастливый голос сверху; он поднял взгляд на лестничную площадку второго этажа, точнее не площадку, а настоящий холл, ища глазами Леночку.

— Уй, видел бы ты спальню! Я вещи распаковываю.

♦Аседон положил телефон и жестом поманил Виктора Ильича на выход.

— Сейчас вертолет прибудет, хотя и не люблю я эту вертушку. Да, шофер, конечно, тоже ни ухом, ни рылом... Он из Парижа, на год вперед по контракту нанят. Управляющему скажете, что раздумали брать машину в Орлеане напрокат и шофера нанимать, я, дескать, свою оставил с водилой. Машина — американская типа «кадиллака», по спецзаказу сделана, хозяин замка распорядился в Европу доставить; себе получше приобрел.

Для сведения — мое «светское имя» Ли Макдейл уроженец штата Миннесота. Еще что... в деревне на склоне холма — народ мирный и хороший; кухарка родом оттуда. Но дополнительную прислугу, особенно для Элен, лучше из Парижа выписать. Ажан здесь один — из деревни, там и конторка его. Придет знакомиться — с боцманом сведите, да что-

бы тот особо не болтал; они язык общий найдут... Ну, вот и чертова — тьфу, тьфу! — вертушка.

Из-за леса показался давешний вертолет, стал снижаться, волнуя листву деревьев аллеи. Аседон, еще раз пожав руку Виктора Ильича, побежал, придерживая свой головной убор, под вращающийся на малых оборотах винт. Еще через пару минут вертолет взмыл, унося нечистую силу. Виктор Ильич внезапно ощутил себя помещиком.

♦Он не торопился заходить в замок. Во-первых, любовался аллеей, окружавшей площадку перед лестницей, ведущей на входную площадку, и далее — асфальтовую дорогу к выездным воротам. На площадке матово поблескивал роскошный автомобиль. Тепло светило сентябрьское солнце. «Настоящее наше бабье лето»,— решил Виктор Ильич. Во-вторых, он не торопился, ибо еще не придумал, что сейчас делать с теплой компанией у бара. Наконец, ему хотелось, чтобы Леночка освоилась и почувствовала себя хозяйкой. Но для решения всех этих головоломок требовался управляющий; теперь-то экс-архивист стал понимать положение помещиков из добрых старых русских романов: с одной стороны, вроде сам себе хозяин-барин, с другой — без мажордома Кузьмы или Жана и шагу ступить нельзя. Как же быть?

С облегчением он услышал шум отворяемых ворот за тишиной аллеи, а затем и шорох медленно въезжающего автомобиля. На площадку въехал простенький «рено», замер почтительно около «кадиллака». Из машины вышел стройный, среднего роста, худощавый мужчина. Именно таким Виктор Ильич и представлял себе европейского замкоуправляющего: в безукоризненной, хотя и не первого года носки тройке, в галстуке и светлосиней сорочке, с редкими, напрямую через затылок зачесанными волосами, непременно с бакенбардами, впрочем, короткими. И возраст — пятьдесят или чуть самую малость больше — соответствовал должности ответственного за большое хозяйство.

Подойдя к Виктору Ильичу, управляющий почтительно склонил голову, отрекомендовался:

— Клод Суассон, мсье Викто́р, в вашем распоряжении. Мистер Ли мне рано утром позвонил и все объяснил. Я, извините, отлучался в Орлеан — заказать вам машину с шофером, счета накопившееся оплатить, кой-что по мелочи к вашему приезду купить: к вечеру доставят. А что, мистер Ли еще здесь? — управляющий кивнул на машину,— вроде он собирался только на четверть часа сюда заглянуть?

— Да знаете ли...— Виктор Ильич замялся,— придется вам, мсье

Клод, позвонить в Орлеан и отменить заказ на машину.

— А шофер?

— Макдейл и водителя мне оставил.

— Понятно, тотчас позвоню и отменю заказ. Обед или завтрак, уж не знаю как назвать, будет подан через час. Не в курсе, как у вас в Канаде принято, но вы мне сами скажите удобное для вас в дальнейшем расписание и меню.

— Полагаю, что завтрак в девять, обед — в два, ужин — в восемь, чай-кофе в одиннадцать. Так мы *в Канаде привыкли*.

— О-ля-ля!? Как необычно, а ленч?

— Не привык я к ленчу.

— Хорошо, мсье, Викто́р. Если позволите, пройдемте в замок; вы меня представите вашей супруге, а я вас познакомлю с кухаркой и ее мужем, покажу расположение помещений. А где, кстати, ваш шофер?

Виктор Ильич смешался, махнул рукой и пошел к входной двери.

♦Войдя в парадный зал замка, Виктор Ильич ожидал услышать хоровое пение сдружившейся парочки, но стояла тишина. У дальней стены просматривалась крепко сбитая фигура боцмана; наклонив голову, он во что-то внимательно всматривался . Подойдя ближе (управляющий почтительно следовал в двух шагах позади), он обнаружил, что боцман с тревогой смотрит на шофера, вытянувшегося во весь рост на прикаминном диване.

— Слабоват, мать его ити, оказался...— забормотал боцман, заприметив Виктора Ильича. Управляющий же с изумлением и почти-что со страхом взирал на шкафоподобную фигуру боцмана: его хиндельбраантский мундир (оружие отобрала полиция при сходе с корабля) очень напоминал парадную форму войск СС из элитной дивизии, а мсье Суассон, хотя и был в войну подростком, но живо помнил проклятых наци.

— А-а, почему их двое? И одежда какая-то странная...

— Шофер — это который лежит, звать Фернан Матьез, из Парижа по найму, видно переутомился, вот и прилег. А второй — мсье Боцман, мой, так сказать, слуга-компаньон, здесь будет сторожем и по общим делам прислуге помогать. А одежда...— Виктору Ильичу ничего путного в голову не приходило; махнув мысленно рукой, понес галиматью:

Мы же прибыли во Францию морским путем. Боцман ехал в третьем классе (билетов во второй не было, а в наш, первый, сами понимаете... неудобно: публика и прочее), и у него перед самым прибытием украли сундук с вещами, когда он спал. Мой размер ему совершенно не

подходит, а в наших вещах был вот этот мундир — я его как память всегда с собой вожу: в нем мой любимый дядюшка Эрнест служил инструктором-пулеметчиком в сальвадорской армии. Вот и пришлось надеть...

Управляющий в первый раз внимательно посмотрел на Виктора Ильича, слегка расширив глаза.

— Да, мсье Клод, надо бы его переодеть в цивильное и отправить обоих соснуть с дороги.

— Сию минуту, мсье Викто́р,— управляющий подошел к дивану, сделал жест боцману, поднатужившись, они подняли шофера за руки и за ноги и понесли через проход под лестницей, что вела на второй этаж.

Виктор Ильич осмотрел бар: две-три бутылки серьезного объема были явно пусты.

Вернулся управляющий, брезгливо отряхивая обшлага пиджака; в этот же момент сверху послышалось: «Витюша, ты здесь?» Виктор Ильич, сделав управляющему знак подождать, мигом взбежал на второй этаж, столкнувшись с выходящей из покоев Леночкой, повел ее вниз, на ходу шепотом давая необходимые инструкции. Поскольку Леночка успела привести лицо и прическу в полный порядок, надела одно из своих лучших платьев *а ля Помпадур*, очень шедшее к замковой обстановке, то предстала перед управляющим весьма достойно:

— Мсье Клод, позвольте представить вам мою супругу мадам Элен!

— Бесконечно рад, мадам Элен, Клод Суассон — управляющий замка Орсэ де Монтан,— он наклонил голову с редкими волосами и прикоснулся губами к ручке обворожительной Элен.

♦ — Сейчас я вас познакомлю с остальными двумя обитателями замка: кухаркой и ее мужем.

Управляющий зашел слева от бара и снял со стены малозаметную, в тон стенам светлокоричневую трубку телефона-моноблока, набрал короткий двузначный номер и что-то тихо сказал, дождался ответа, после чего вернул трубку на прежнее место.

— Сейчас будут. Да, чтобы вы знали: в замке есть внутренняя мини-АТС на 50 номеров, это вот такие коричневые трубки; они во всех комнатах и хозяйственных службах. Белые же настольные аппараты, вот как на входе в зал,— это междугородняя связь с орлеанскими номерами, соответственно и междугородняя автоматическая. А вот и Аннет с Анри!

Через подлестничный проход, куда перед этим управляющий увел на

отдых боцмана с носимым шофером, вышли мужчина и женщина, оба под пятьдесят, обычной для гостиничной провинциальной прислуги внешности. Женщина на ходу снимала с себя кухонный фартук и машинально приглаживала волосы. Мужчина смущенно дотрагивался до кончиков усов.

— Аннет, Анри, вот наши гости, о которых я утром говорил: мсье Виктóр и его супруга, мадам Элен. Мистер Ли Макдейл любезно предоставил им замок для работы и отдыха на длительное время.

Кухарка и ее муж почтительно склонили головы.

— А это наши постоянные жильцы, родом из соседней — на склоне холма — деревни. Аннет хозяйствует на кухне, а поскольку официанта мы не держим, то и за столом прислуживает. Также за ней прачечная и кладовые. Анри ведет мужскую часть хозяйства: электро- и водопроводные дела, газ, телефон, огород и сад, ездит на грузовике за припасами и прочая. Опять же охрана за ним, хоть она у нас полностью автоматизированная — с телевизионным наблюдением. Аннет, как у нас с обедом?

— Через полчаса прошу пожаловать в столовую. Да-а, прошу прошения, эти вот двое мужчин, они как...

— Это шофер и слуга мсье Виктора; столоваться будут с вами. Спасибо, можете идти, а то мы вас отвлекаем.

— Спасибо, мсье Клод; приятного отдыха в нашем замке, мадам Элен и мсье Виктóр!

Оба удалились.

♦Пользуясь возникшей паузой между представлением нынешних и будущих обитателей замка и грядущим ранним обедом, управляющий попросил разрешения ознакомить их с помещениями и службами. Виктор Ильич благосклонно кивнул, а Леночка не удержалась: «Ой, здесь так интересно!..» Управляющий, глядя на нее, мысленно подкрутил несуществующие усы. Он уже успел сообщить Виктору Ильичу, что является вдовцом вот уже шесть лет (у жены с молодости были непорядки с легкими), имеет взрослую дочь — вот увидите ее, на рождество приедет, которая живет в Орлеане, преподает в колледже, недавно вышла замуж.

Приглашая пройти через зал в обратном направлении и выйти на въездную площадку, управляющий пояснил, что сначала нужно составить внешнее представление о замке.

Они вышли через парадную двухстворчатую дверь, спустились по парадной же лестнице и остановились около «кадиллака»; управляющий заметил между делом, что после обеда он отведет машину в гараж.

— Как вы уже знаете, дорога идет через липовую аллею, а ближе к

стенам ограды она переходит во фруктовые сады справа и слева, ведет к въездным воротам; если приметили, то слева от ворот к внутренней стене пристроена летняя сторожка. Впрочем, в ней и зимой не холодно... В сторожке продублированы все охранные средства, что имеются на центральном пульте в замке. От площадки, смотрите, дорога ответвляется вправо, огибает весь замок и идет к хозяйственным службам; гараж там же. Рекомендую пройтись по ней.

Управляющий, шагая чуть впереди, но в тоже время и не по центру дороги, уступая ее гостям, а сбоку, давал пояснения:

— Замок типичной архитектуры XI—XII веков, то есть центральное квадратной формы здание в два этажа, а по углам — четыре башни, ныне условно поделенные на три этажа, то есть, как видите, башни возвышаются над центральным зданием на пять-шесть метров, плюс их кровля со скатами. Некогда холм с замком господствовал над довольно крупным городом Орсевиль.

Виктор Ильич показал на сверкающую стеклом надстройку — мансарду на основном здании замка:

— А это что?

— Это лучше смотреть, когда мы внутри пойдем. Можно назвать мансардой, мы же зовем зимним садом...

— Зимний сад? Ой, какая роскошь, как в романах,— не удержалась простодушно Леночка.

На траверзе середины боковой стены замка от дороги и перпендикулярно ей ответвлялась дорожка, заканчивающаяся небольшим крыльцом и широкой дверью.

— Это запасной боковой выход; обычно через него мебель и прочее вносят-выносят, чтобы парадный вход не занимать. Ну, и на случай, не дай, конечно, бог, от пожара осторожность.

Они обогнули по приятной дороге замок, причем аллея перешла в хорошо возделанный огород со следами начала уборки урожая. К задней стене замка через крытый проход длинной метров в десять примыкало поместительное, хотя и одноэтажное, но высокое здание: столовая и кухня, как пояснил управляющий; там же каморка шофера. К зданию — со стороны кухонной половины, которая угадывалась по высокому дыму из трубы,— также через короткий крытый переход примыкало сдвинутое влево от оси замковых построек еще одно здание: флигель с мансардой и верандой. «Домик Анри и Аннет»,— пояснил управляющий. Дорога, раздваиваясь, приводила к кухне и поместительному гаражу, вписанному в правый оградный угол. Слева от гаража небольшая узорчатая калитка,

как пояснил мсье Клод, продолжалась пешеходной дорожкой в лес; спускаясь по дорожке, можно было пройти в деревню, причем с другой стороны, нежели в нее втекала основная, автомобильная дорога. Как выяснилось, дорожка через лес вела прямиком к деревенской церкви.

Полюбовались сквозь проем калитки на чудесный вид внизу холма: «под ногами» расстилалась бесконечная холмистая долина Луары; сама река поблескивала далеко-далеко. Светлозеленые возделанные поля перемеживались лесистыми островами и красной черепицей деревень. «Да,— подумал Виктор Ильич,— не зря столетняя война именно в этих местах шла; весело здесь воевать...»

Они вернулись обратно по дороге и вошли в парадный вход замка.

— Зал, как видите, занимает весь первый этаж основного здания. Как и положено, зал двухсветный, с двумя рядами колонн. На стенах — портреты прежних владельцев, рыцарская утварь. Все, конечно, настоящее, но — не из этого замка; здесь ведь одни груды развалин были... Мистер Ли Макдейл все это на аукционах приобрел и привез сюда. Это было еще до моего появления здесь.

— А подвалы есть?

— Ну, конечно, какой же замок без подвалов! Подвалы здесь огромные, как-нибудь, если интерес будет, покажу вам. Даже пыточные камеры остались. Так вот, угловые двери ведут в башни; передняя справа — малая диванная...

— Да, да, мы с Асе..., мы с мистером Ли здесь уже были; я обратил внимание, там винтовая лестница наверх?

— Все три этажа всех четырех башен соединены лестницами, причем не обязательно винтовыми. А в левой башне на первом этаже расположено караульное помещение, там и центральный пост охраны. Помещение приспособлено для постоянного проживания, там даже, пардон, мадам Элен, туалет и душ имеются. Полагаю, что для мсье Боцмана лучшего места в замке не найдешь. В его же распоряжении будет и летняя сторожка. Как вы полагаете?

— Да, пожалуй. А в задних башнях что?

— Пройдемте. Вот в левой задней — домовая церковь. Вы какого вероисповедания?

— Православного, по родителям.

— Значит это для вас только предметный интерес составляет. А так на Рождество, Пасху, еще на два-три праздника приходит кюре из деревенской церкви, служит мессу. Правая же башня должна представлять наибольший интерес для вас, мсье Викто́р: первый и второй ее эта-

жи, а также большая угловая комната второго этажа, что примыкает к башне, составляют нашу гордость — уникальную библиотеку, в которую часто приезжают по рекомендации мистера Ли профессора из Парижа, Америки... Я так думаю, что сейчас нас пригласят к обеду, так что второй этаж, зимний сад осмотрите позже, тем более, что мадам Элен, как полагаю, уже успела освоиться с верхним этажом?

— Да, да, там великолепно.

В этот момент в зал вошла Аннет, но уже полностью преображенная: в строгом темном платье, на контрасте с белоснежной пелериной, с наколкой на прическе.

— Мсье, мадам Элен, прошу к столу!

Виктор Ильич вспомнил о боцмане и шофере:

— Мадам Аннет, покормить бы тех двоих?

— Шофер спит и очень глубоко в своей комнате, а мсье Боцман уже давно на кухне закусывает.

— И чем же закусывает?

— У них хороший аппетит, скушали цыпленка и запили большой бутылкой красного вина.

— А теперь что делает?

— Кушают вчерашнюю холодную телятину с картофельным салатом и пьют белое вино.

— Большую бутылку?

— Да, двухлитровую.

В этот момент раздались звуки электрифицированного колокола, грянула торжественная музыка, управляющий подхватил под руку Леночку и торжественно прошествовал с ней через проход, увешанный персидскими коврами, в столовую. За ним топтался Виктор Ильич, а замыкала шествие нарядная Аннет.

Глава третья

Мы создали миф. Миф — это вера, настоящий энтузиазм. Ему не нужно быть реальностью, он есть побуждение и надежда, вера и мужество. Наш миф — это нация, великая нация, которую мы хотим сделать конкретной реальностью

Беннито Муссолини

♦Итак, прошло три месяца со дня окончания пленения и обретения

покоя в замке Орсэ де Монтан. Середина декабря, скоро католическое Рождество. Погода не ахти какая, но лучше чем сейчас в отечестве; снега нет, да и слякоти особой. Просто холодно, хмуро, тучи ходят по небу, но в замке тепло. Сухое тепло духового отопления. Особо хорошо в зимнем саду. Тучи летят прямо над стеклянной крышей, а здесь журчит искусственный ручеек, фонтаны бьют, цветы и деревья вечнозеленые окружают вроде бы случайно там и сям поставленные диванчики, канапе и кресла.

Виктор Ильич задремал в углу оранжереи с мудреной масонской книгой издания времен Вольтера. Книжка свалилась с колен на подстриженную Анри траву. В противоположном по диагонали углу зимнего сада слышно хихиханье. Там шепчутся Леночка со своей горничной и одногодкой Полиной. Сразу по прибытии в замок ее по рекомендации агентства прислуги выписали из Парижа. Полина — ее специально подбирали среди многих — образованная, закончила колледж, приятная девушка из русской староэмигрантской семьи. Леночка и Виктор Ильич с ней говорят по-русски.

О чем это они шепчутся? Леночкин интерес теперь понятен и однозначен; она очень гордится своей трехмесячной беременностью. Наверное, и Полине по чувству женского компатриотизма эта бесконечная тема интересна. Ему же просто уютно.

Однако смешки скоро прекратились, стройно, в ногу процокали туфли и затихли на лестнице, ведущей на второй этаж. Наверное, пошли смотреть ранневечерний сериал по телевизору в малой гостиной, что разделяет по левому ряду от центрального коридора их супружескую спальню, куда входит и второй этаж левой передней башни, и достаточно просторную комнату Полины, рассчитанную на целый штат прислуги. Комната эта, угол которой «съеден» холлом второго этажа, имеет выход в левую заднюю башню; этаж, что прямо над домовой церковью, горничной хозяйство: там бельевая, гладильная, компактная автопрачечная.

Небо переходило в вечернюю суровость, темнело. Автоматически включился общий свет; стало весело и еще более уютно. Спать-дремать расхотелось. До ужина еще далеко; ненавязчиво, но убедительно управляющий настоял на переносе ужина на девять вечера. Что ж, в чужой монастырь... то есть замок со своим уставом не суйся!

Виктор Ильич, ощущая приступ аппетита — ему не объяснишь про здешние нравы,— тоже покинул оранжерею; общий свет так же автоматически погас, остались только дежурные ночники по углам. Спустился в холл второго этажа, прошелся по коридору; действительно, в малой го-

стиной подружки увлеченно смотрели какую-то белиберду. Они его и не заметили. Он дошел до конца коридора и вошел в свой угловой кабинет, соединенный не дверью, но открытой аркой со вторым этажом левой передней башней, называемой большой диванной или курительной. Самое интересное, что она ничем не отличалась от расположенной под ней «малой диванной».

Виктор Ильич не был бы русским человеком, если бы не смог обхитрить француза, то бишь управляющего. В кабинете он достал из холодильника бутерброды для себя и пирожные для дам. Включил тефалевский чайник, заварил себе чай, дамам же кофе. Кофе и пирожные поставил на поднос и отнес в малую гостиную.

— Девочки! Заморите червячка.

Он был встречен восторженно. Вернулся к себе, перенес на письменный стол размером с бильярдный заварной частник с надетой куклой-душегрейкой, стакан с российским подстаканником, правда, коллекционным, от Фаберже (специально мсье Клода на аукцион в Париж по объявлению-каталогу посылал), тарелку с бутербродами: сыр, буженина, красная икра. Раскрыл давешнюю масонскую книгу. Попутно заметил, что лежат на столе, забыл с дневной почтой отдать, его письма к родителям и Изьке Антонóвичу (с легендами), а также послания Леночки тоже маме и лучшей подруге в *Т*.

♦ «Будем считать, что дом я тоже начал строить»,— размышлял Виктор Ильич. Он понимал, что пожелай он на веки вечные остаться в благодатной Франции, замок будет его. Но все дело в том, что с самого начала Виктор Ильич воспринимал свою заграничную жизнь как приятную, но — командировку. Тем не менее, уют этого жилища, обходительная прислуга, а главное — счастливая первой беременностью Леночка,— все это говорило, убеждало, что если дом не построен, то фундамент уже заложен.

Он долго размышлял над библейским смыслом третьего аспекта жизни: посадить дерево. Поначалу казалось, что понимается *Дерево разума*, то есть он должен оставить свой след в познании мироздания. Однако, чем больше он думал, тем больше ему казалось, что «посадить дерево» — это оставить след в истории, причем след — полезный Отечеству, а шире — совершить деяние, противоборствующее силам зла. А что такое мировое зло, он хорошо понимал; трехмесячное чтение книг изумительно подобранной библиотеки замка укрепило его убеждения.

Но здесь он встал перед неразрешимой обычным смертным задачей.

Даже Че Чевара не мог решить эту задачу. Все дело в том, что ход истории можно изменить только лично участвуя в ретроспективном ее ходе; либо же наоборот — уйдя в будущее. Поначалу он усмехался: в детство впал, машину времени захотел! Однако, вчитываясь в туманные размышления масонских книг, он понял в один прекрасный момент, что им и только им доступно некое *высшее знание*. Во всяком случае, остро потребовалась консультация Аседона Младшего, прежде чем он сам решился бы сформулировать свое желание. «Полагаю, что за прошедшие три месяца кризис власти или какой там идеологии в адских верхах разрешился?». Поэтому, более не размышляя, Виктор Ильич пододвинул к себе белый телефонный аппарат, набрал, согласно оставленной Аседоном визитке на имя Ли Макдейла, парижский номер.

— Секретарь мистера Ли Макдейла у аппарата,— послышался приятный, с этакой чисто парижской хрипотцой, женский голос.

— Мсье Виктóр из Орсэ де Монтана. Хотел бы соединиться с вашим патроном.

— Мистер Макдейл сейчас не в Париже, но я соединюсь с ним по мобильной связи и, если он сможет с вами поговорить, переключу вас на его номер. Подождите, пожалуйста, пару минут, не кладите трубку, мсье Виктóр. Виктор Ильич, прижав трубку плечом, отхлебнул чай.

♦Действительно, через пару минут в трубке послышался щелчок, пропел зуммер и сквозь угадываемый негромкий рокот автомобильного мотора голос Аседона поприветствовал его:

— Добрый вечер, мсье Виктóр. Рад слышать вас; тембр же голоса вашего говорит, с одной стороны, о уютном житье-бытье, с другой — о решении неразрешимой задачи. Я прав?

— Как всегда, мсье... то есть мистер Ли. Вы не могли бы уделить мне в обозримом будущем, не очень дальнем, пару-тройку часов по линии просветительства?

— Ха-ха-ха! Я всерьез забеспокоился: по-моему, общаясь с нашей «конторой», вы приобрели, сами того не зная, конкурентное нам качество сверхпроницательности! Шучу. Все дело в том, что я как раз еду с юга в Париж и уже почти что в виду последнего с полчаса размышляю: а не заглянуть ли в Орсэ де Монтан и провести вечерок в приятной компании, заодно переночевать там, а поутру свежим прибыть в столицу? Итак — ждите, сворачиваем, думаю, что в полтора-два часа уложимся.

— Превосходно. Успеете прямо к ужину. Чем вас попотчевать особенным?

— Если не сложно, то пусть Аннет приготовит утку в апельсиновом желе; это у нее превосходно выходит. А я, вы же знаете — грешен, люблю поесть, везу полбагажника деликатесов с Лазурного берега. Поделюсь, ха-ха-ха!

Телефон дал такой же чудной отбой: с тереньканьем, песней зуммера и щелчками. Надо сказать, что мобильные телефоны только-только входили в обиход, были роскошью.

Виктор Ильич положил трубку белого аппарата, вместе с креслом повернулся к стенке с вмонтированным в нее светлокоричневым моноблоком внутренней АТС. Первым делом он набрал кухню:

— Аннет! Сегодня у нас будет гость, поэтому ужин может задержаться на полчаса, от силы — час. Сделайте парадную сервировку, да... пожалуйста, приготовьте утку в апельси...

— Так это мсье Ли будет! — не утерпела Аннет.

— Да. Шофера, наверное, в комнату Фернана поместите.

После чего Виктор Ильич позвонил управляющему — удачно застал его у себя, в комнате третьего этажа левой задней башни, Леночке с Полиной в малую гостиную — приодеться. В заключение обеспокоил боцмана, подремывавшего по случаю скучной погоды и навязчивого, редкого дождика у себя в башне, велел идти встречать гостя в привратную сторожку. Сам же, заварив свежего чаю, стал формулировать тезисы вопросов к Аседону.

♦К девяти вечера он закончил соответствующие формулировки-аннотации. Тут и позвонил хмурый, продрогший в летней караулке боцман:

— Шеф, приехали. Встречайте. Мне куда?

— Куда-куда, на кудыкины горы! Запри ворота и иди на кухню ужинать.

— Слушаюсь! — Боцман явно обрадовался; он отчего-то решил, что его заставят до утра дрогнуть в экономно неотапливаемой сторожке.

Виктор Ильич скоренько проследовал через коридор в спальню, где оделся в парадную тройку, причесался и вновь вышел в коридор, где столкнулся с выбегающей, также принаряженной Леночкой; выбегала же она из «гримерной», как он называл личную туалетную комнату супруги, что располагалась напротив малой гостиной.

Рука-об-руку они спустились в зал, где управляющий у входной двери принимал пальто и шляпу у только-только вошедшего Аседона. За ним вошли шофер с боцманом, которые тащили на кухню в четыре руки короб. Проходя мимо заспешившего на встречу гостю Виктора Ильича,

боцман оправдывался, что-де несут через парадную, а не в обход замка по причине усилившегося дождя. Виктор Ильич внимания на бормотанье не обратил.

Дружески обнявшись с приодетым в строгий английский костюм Аседоном, он подвел приятеля к зардевшейся Леночке. Чмокнув в ручку, Аседон сказал замысловатый, но вполне искренний комплимент, после чего подхватил красавицу под руку и через рыцарский коридор торжественно вступил с ней в столовую. Виктор Ильич и принаряженный мсье Клод ступали следом.

У парадно накрытого стола их встретила Полина, в обязанность которой входило прислуживать при парадных обедах, а поодаль, ближе к кухонному проходу с отдернутой портьерой, стояли Аннета и Анри, а также шофер Фернан — на правах давних знакомцев.

Аседон дружески и весело всех приветствовал; с Анри и Фернаном поздоровался за руку, Полину ласково потрепал за щечку, а кухарку шутейно обнял.

— Кушать подано,— запоздало объявила чуть засмущавшаяся Полина, спеша докончить сервировку стола.

Виктор Ильич, Леночка и Аседон уселись в подвинутые управляющим кресла, после чего сел в свое кресло на невидимые глазу сантиметры, но чуть отодвинутое к концу стола. Анри поклонился и весело пошагал на кухню, где в задней, обеденной комнате его ждало не менее аппетитное застолье с приятелями боцманом и Фернаном, а также шофером мсье Ли. В наступившей секундной паузе, пока усевшиеся устраивались поудобнее и освобождали от колец салфетки, а кухарка устремилась вослед за супругом на кухню, со стороны последней явственно донеслась незлобивая брань боцмана, адресованная шоферу Аседона:

— ...Твою мать! Кто же коробки распаковывает с торца?!..

Однако в этот момент Полина нажатием кнопки возле кухонного раздаточного окошка включила тихую вечернюю музыку, так что заинтересованные слушатели не поняли причину боцманского негодования.

Полина тем временем быстренько сбегала на кухню, а вернувшись, попросила прошения, что-де не рассчитала и еще пять-десять минут придется подождать. И вновь побежала помогать кухарке.

Здесь Виктор Ильич, упорно экспериментировавший с целью русификации французских нравов и обычаев, оживившись, пригласил Аседона к закусочному столику в уголке, о котором он заранее распорядился. Непьющий управляющий остался развлекать малозначащей беседой Леночку. Аседон налил себе рюмку хереса, а Виктор Ильич, как истинный па-

триот,— стопку экспортной «посольской», закупаемой управляющим по списку мсье Викто́ра во время поездок в Париж или Орлеан.

Во время закуски, а потом и в течение всего веселого, почти полуторачасового ужина о деле Виктор Ильич с Аседоном не обмолвились ни словом, ни намеком.

Кофе, сигары, ликеры и десерт потреблялись здесь же, в столовой. Полину заставили снять передник и усадили вместе со всеми; завершала обслуживание Аннет. Порой боцман порывался присоединиться к компании и раскрыть приличным людям свою широкую душу, которую не понимали «эти шоферюги», но Аннет настойчиво преграждала ему путь из кухонного прохода. В половине одиннадцатого гость и постоянные обитатели замка покинули столовую и перешли к пылавшему огнем и теплом камину в парадном зале; «заработал» прикаминный бар. Коктейли взял на себя мсье Клод, большой специалист по их приготовлению. Он же включил в зале стереомузыку «под оркестр». Вечер закончили заполночь, то есть в половине первого. Пожелав спокойной ночи, Леночка в сопровождении Полины отправилась к себе, мужчины вскоре и сами поднялись. Управляющий пошел проверить свои указания о приготовлении гостевой комнаты для мистера Ли, что располагалась на третьем этаже правой задней башни, а повеселевшие от ужина, вина и общества молодых женщин конфиденты, обнявшись, проследовали в большую диванную кабинета Виктора Ильича. Еще раньше, за столом, Виктор Ильич попросил кухарку пополнить холодильник его кабинета закусками и напитками.

♦Поднявшись на второй этаж, они вошли в холл, а в двери библиотечной комнаты (через которую вел путь в гостевую комнату третьего этажа) они повстречали управляющего, который доложил Аседону, что в его покоях все приготовлено, вещи из машины, которые могут потребоваться, туда же перенесены. Аседон поблагодарил, однако попросил тотчас небольшой желтый кофр принести в кабинет мсье Викто́ра, куда они сейчас направляются. Кофр был тотчас доставлен мсье Клодом, едва они расположились в креслах у кабинетного большого стола.

Управляющий пожелал спокойной ночи и удалился, впрочем, сообщив, что если потребуется, то в любое время к их услугам, так как в эту ночь спать будет «с открытыми глазами», ибо вся прислуга сегодня утомилась (он самую малость улыбнулся) и ему придется не раз обходить замок...

Виктор Ильич с вопросом в глазах посмотрел на кофр, поставленный управляющим у кабинетной двери, но Аседон любопытства не

удовлетворил.

— Однако, к делу, дорогой Виктор Ильич?

— Чайку, кофейку? Может чего освежиться?

— Знаете, на ночь много жидкости не пью; привычка, ха-ха, юности: экстремальные условия, спартанское воспитание, некомфортная среда обитания и т.п. Впрочем, вы на меня внимания не обращайте, сами что нужно делайте. Итак — прошу!

♦ — Я основательно изучил здешнюю библиотеку. Оказывается, замок-то альбигойским был?

— Да, потому в тринадцатом веке и разрушили его в первый раз; то есть мы его отстраивали заново уже повторно. Так сказать, двойной новодел. Здесь вообще места еретические: альбигойцы, Столетняя война, Жанна д'Арк — все ведь здесь вертелось, вся история Франции. Нантский эдикт опять же, гугеноты... Вот и город окрестный до основания разрушили.

— Знаете, общаясь с неспециалистами в исторических науках, давно отметил для себя: почему-то сложилось мнение, что вся движущая историю геополитическая направленность развития Франции относится к Парижу и территории к востоку и югу от него. Но ведь это чепуха! Точнее это относится к последнему лишь периоду, условно говоря, с революции 1789-года, с Наполеона, а это ведь новейшая история. Здесь и Восток, и Юг выдвинулись на арену с революционных войн Конвента, с завоеваний Бонапарта, когда ареал исторических событий переместился в сторону срединной Европы. А возьмите Средневековье, когда собственно и создавалась Франция? — На юге располагался мало кого интересовавший Прованс; там и народ-то говорил на языке, отличном от французского. А за Рейном — мелкие германские княжества и марки с маркграфами; кого они занимали?..

Нет, вся эта история почти тысячелетие вершилась на севере-западе, в треугольнике между Орлеаном, Нантом и Ла Рошелью, то есть в здешних местах. Здесь шла бесконечная битва с Англией, о чем и названия севера Франции: Нормандия, Бретань... Здесь выковывалась французская нация, а Париж был где-то в стороне, город выросший из крохотной Лютеции... Впрочем, дорогой Аседон, я отвлекся: три месяца общался только с книгами.

— Да-да, я понимаю ваше затворничество; извиняюсь же тем, что оно вам — в радость. Да?

— Вообще говоря, да. С вашего позволения, я изложу суть вопроса,

по которому мне потребовалась консультация столь компетентного...

— Ну-ну, оставим титулы и комплименты. Даже если бы и не возникло глобальных вопросов, я все одно с удовольствием посещаю это историческое место. Тем более, что всегда приятно пообщаться с вами, мой дорогой юный друг.

— Вот и обменялись любезностями. Прошу воспринять мои последующие слова с должным вниманием; если станет смешно, то... можете и посмеяться.

♦ — Послушайте, дорогой Виктор Ильич, мы так долго будем ходить вокруг да около. У меня есть предложение. Мы хотя и не масоны, но не меньше внимания придаем, так сказать, внешнему антуражу, условностям, как говорят непосвященные, не постигшие смысл и значение такой сакральной вещи, как *Условность* с большой буквы, милостливый государь!

— Так что вы предлагаете?

— Назовите отрасль знания или область человеческой деятельности, к коим у вас объявился интерес, и я приму облик известного авторитета — исторического или современного — в данной области, ведь вы мои актерские способности знаете, а вам будет удобнее и проще общаться. Это, кстати говоря, хорошо известный в психологии дидактический прием.

— Хорошо. Полагаю, что вопросы мои относятся по большей степени к той отрасли естествознания, что связана с космогонией, квантовой физикой, теорией относительности... Точнее определить, в смысле сузить, данную дисциплину не могу.

— Так-так, понятно. И кого же из корифеев предлагаете представить вам?

— Что я могу сказать; раз теория относительности, то куда без Эйнштейна денешься?

— Вы полагаете?

— А-а-а что?

— Понимаете, у нас с вами этакий негласный договор (приложение к основному, писанному): полная свобода действий и мыслей, ненавязывание своих воззрений. С другой стороны, не возбраняется и добрый совет. Давайте так судить; вот в области вашей специализации, то есть истории, вы смело следуете устоявшимся, так сказать каноническим, авторитетам?

— Рассмешили! Какие же в исторической науке авторитеты? Даже в нашей, советской истории, невзирая на партопеку, постоянная смена

«авторитетов» идет, а если сопоставлять разные системы? — Каких только точек зрения не бывает... Возьмем вроде бы очевидную и недавнюю историю — Вторую мировую. Понятно, где хребет фюреру ломали: под Москвой, в Сталинграде, на Курской дуге. А возьмите американскую историографию, да и европейская от них недалеко, так там главные битвы велись в Северной Африке: бои под Тобруком, под Эль Аламейном, то есть по сути операции даже не фронтовые, а армейского, корпусного масштаба. Правда, про Тобрук мало пишут, ибо Роммель его взял, а вот Эль Аламейн — это битва, в которой пара английских дивизий сдержала танковую бригаду Роммеля из числа резервистов (опытных солдат у него взяли и отправили на Восточный фронт) — и это величайшая битва Второй мировой!

Молчат, сукины дети, и об Арденнах, где их чуть ли не деды́ тотальной мобилизации и гитлерюгендовцы наголову разбили; Черчиль соплями тряс перед Сталиным, умоляя ускорить наступление на Одерском направлении... История, уважаемый Аседон, дело сугубо политическое!

— Вот-вот, а почему вам кажется, что и другие науки, естественные в том числе, не являются «сугубо политическими»?

— Может быть, хоть и непривычно так думать,— мысли Виктора Ильича досадливо потускнели. Надо сказать, что при всем уважении к титану мысли, Виктору Ильичу вовсе не хотелось беседовать с его фантомом. А причина этого вроде бы в пустяке гнездилась.

Надо сказать, что только в последние год-два службы его в архиве появились в качестве рабочего инвентаря персоналки отечественного производства: с черно-белыми мониторами, но надежные и ничем не уступающие хваленым *IBM PC*. А до их появления обработка больших массивов информации и хранение сводных архивных таблиц велась на большой машине серии *ЕС* минского производства. Иван Архипович очень гордился, что сумел по обкомовским своим связям «выбить» такую престижную и полезную вещь для своего учреждения, хотя бы даже на паях с областным партархивом. Однако машина стояла у них, поскольку здание архива имело поместительный и прохладный подвал. Это позволяло считать прибор своим.

Как только машина была пущена в дело, так сразу на стенах отделов и секторов появились презентованные молодыми программистами молодым же архивисткам плакаты-распечатки с оцифрованными силуэтами Джоконды и других классических персонажей живописи. А сосед по столу Виктора Ильича Изька Антонóвич притащил из подвала и укрепил на стене оцифрованного же Альберта Эйнштейна, но почему-то с оттопы-

ренными ушами и высунутым языком...

Это неприятно поразило впечатлительного Виктора Ильича. Впрочем, это не отвратило его от покупки четырехтомника Эйнштейна в черных суперобложках, изданного в уважаемой им академической серии «Классики науки». Купил он его в «Буккниге» по себестоимости.

— Кстати, вы сами-то пробовали в трудах Эйнштейна разобраться?

— Куда там,— махнул рукой архивист, вспомнив бессилие, охватывавшее его каждый раз, как только пробовал он что-то усвоить, открыв любой из 700-страничных томов, где на страницу математических выкладок приходилось десяток-другой слов-связок,— там же математика не для гуманитария!

— Вот-вот, математика,— едва слышно пробормотал Аседон,— математика должна быть в математике....

— Что-что? — не разобрал Виктор Ильич.

— Да так, к слову вспомнил, есть два мнения о соотношения физики и математики. По Канту: в каждой науке столько науки, сколько в ней математики. А вот ваши же выдающиеся математики школы Лузина склоняются к тому, что в физике собственно-то физикой являются суждения, содержащие математику в предельном минимуме.

— И кто прав?

— А это, мой юный друг, сами решайте. Кстати, помнится, вы ведь в Москве учились?

— Да, в Архивном институте

— С коллегами из МГУ общались, конечно?

— Естественно, не только, да и не столько с коллегами; разные были знакомства. Это к чему?

— Такая фамилия, как Логунов, что-либо говорит?

— Тогда что-то слышал, с физфака вроде, а сейчас, конечно, знаю: ректор МГУ. Импозантный такой, с менделеевской бородой...

— Вот-вот, этот импозантный когда-нибудь доиграется*, забыл в каком мире живет, утверждая, что он единственный, кто с карандашом в руке (Виктор Ильич почувствовал приязнь к ректору; он уважал людей, бережно относящихся к книгам: ведь карандашом отмечал, не ручкой!) изучил все четыре тома основоположника общей, а равно и специальной теории относительности и пришел к выводу, вполне аргументированному,

* Как в воду глядел Аседон; впрочем ему многое знать положено... Через десять лет после описываемых событий в стране победившей демократии выдающегося ученого А. А. Логунова скоренько «ушли» с поста ректора МГУ им. М. В. Ломоносова...

что специальная теория относительности складывалась исторически трудами Лоренца, Пуанкаре, Минковского, собственно самого Эйнштейна; да и ваш земляк Богданов, он же по паспорту Малиновский, своеобразный вклад внес....

— Это какой же Богданов? Не тот ли знаменитый «махист», полемике с которым Владимир Ильич посвятил свой «Материализм и эмпириокритицизм»?

— Тот самый. Так вот, а общая теория относительности, коя и полагается основным научным достижением великого американца, является гм-мм, сборищем парадоксов; это не мои слова, Виктор Ильич.

— Да-а? А как же Нобелевская премия его?

— Еще одно распространенное «общественное умалчивание»; премию он получил вовсе не за теорию относительности, но за фотоэффект; соответствующие исследования он проводил совместно со своей первой женой, сербкой по национальности, кажется, Милицей ее звали.

— И что же Логунов предлагает?

— Предлагает свою трактовку теории относительности и общих принципов гравитации; основной его момент: рассмотрение фундаментальных физических процессов в псевдоевклидовом пространстве Минковского, а не Римана, как в интерпретации Эйнштейна. Впрочем, здесь для понимания нужно иметь специальную подготовку.

Ради бога (я понятие «бог» в гегелевском смысле употребляю...), не подумайте, что я вас в чем-то убеждаю; вы наш уговор помните. Но коль скоро вы претендуете на постижение неких высших истин, тем более касаетесь естественных основ мироздания (— Господи, он уже все знает! — поежился Виктор Ильич), то надо подвергать сомнению и личному анализу любые «очевидные истины».

— Я признателен вам, но вот... Логунов, а мировые авторитеты почему молчат?

— Они вовсе не молчат; их успешно замалчивают. Имя Гёделя знакомо?

— Конечно, теорема Гёделя о неполноте — она в основе всей логики доказательств во всех науках.

— Тем более. Так вот, Гёдель в 1949 году опубликовал свой анализ* работ Эйнштейна, который показал с логической неопровержимостью, что

---

* *Godel K. A remark about relation ship between relativity theory and idealistic philosophy // In: Albert Einstein: philosopher-scientist.— Evanston, Illinois, 1949. — P. 561*

решения уравнений общей теории относительности в интерпретации великого американца и Нобелевского лауреата приводят... к абсурду. Последний заключается в возможности человека совершить проникновение в свое прошлое и внести в свое биологическое существование такие моменты, которые не есть биологически же обусловленные памятью о прошлом.

Эту ситуацию Брэдбери, если помните, в своем известном рассказе обыграл: человек пропутешествовал в эпоху начала жизни, раздавил там букашку, а вернулся в свой мир и не узнал его: эволюция пошла другим путем...

Вы что так поскучнели? А-а, понимаю, понимаю теперь, что вы задумали. А почему отчаяние? — Мы ведь пока только об одной из многих теорий мироздания говорим. О сущности вашего вопроса речь еще не шла. Итак, заварите себе свой чай, да и я за компанию с лимончиком, и выбирайте своего визави для ученой беседы. Итак, с кем из названных вы хотите доверительно поговорить?

Пользуясь паузой, возникшей по чайным делам, Виктор Ильич размышлял, заваривая изумительный китайский цветочный, привезенный в презент Аседоном, нарезая лимон, готовя бутерброды с икрой и бужениной: кого же выбрать? Эйнштейна, как он понял, не хотел изображать сам Аседон по непонятным причинам. «Ну, они пусть сами между собой разбираются»,— решил Виктор Ильич.

О Лоренце он ничего не знал, даже не ведал кто он: Француз? Немец? С незнакомыми людьми Виктор Ильич избегал говорить на серьезные темы.

Фамилия Минковского у него проассоциировалась с поляками. Поляков он наблюдал вблизи только во время своих отпускных поездок по достопримечательным местам: в Загорске, Суздале, Киеве. Всегда к тамошним гостиницам подкатывал один-другой автобус с польскими туристами, на самом деле оказывавшимися торговцами-мешочниками, шумными, суетливыми, диссонировавшими с торжественностью древних русских храмов.

С Богдановым-Малиновским было, понятно, приятно беседовать, но Виктор Ильич, хорошо зная по классическим романам разговорчивость русских дворян-интеллигентов, всерьез опасался, что, обиженный Владимиром Ильичем, Александр Александрович на всю ночь затеет критический разбор основного философского труда своего великого оппонента, непременно с длиннющими цитатами на память, с воспоминаниями о диспутах в Цюрихе и на Капри в период между революциями 905-го и 17-го годов...

А вот Анри Пуанкаре ему явно симпатизировал. Во-первых, на французском будут беседовать, то есть без языкового барьера. Потом — предки Пуанкаре из Лотарингии, значит у него и немецкая кровь есть, то есть логика германского ума счастливо соединена с живостью галльского мышления. И вообще он не парвеню, не выскочка; великолепная семейная биография; одни его кузены чего стоят: Раймон — президент Франции, Люсьен — ректор Парижского университета! Сам же выпускник знаменитой Политехнической школы. Куда еще лучше рекомендации?

Тем пачее, Пуанкаре еще был и популяризатором, так что Виктор Ильич кое-что из его работ — без формул — читал еще в любознательные студенческие годы. Когда в начале 70-х годов Академия наук издавала его трехтомник все в той же знаменитой серии «Классики науки», Виктор Ильич даже хотел подписаться (подписка на классика науки была свободной) на него, но, прочитав аннотацию в рекламном листке в подписном отделе «Книжного мира», поскучнел: львиную долю трехтомника занимали сугубо математизированные «*Methodes Nouvelles*» и «*Analysis situs*»*.

Закончив возню с чаем и закусками, Виктор Ильич поставил все на кабинетный стол, но ближе к краю. Аседон поблагодарил и прихлебнул свежезаваренного элитного китайского с лимоном.

— Пожалуй, Пуанкаре.

— Да? — не удивился Аседон, после чего молча допил чашку, поднялся, подхватил свой кофр-саквояж и направился в коридор.

— Вы... куда? А как же...

— Полагаю, что дамы уже третий сон смотрят, а управляющий по коридору не расхаживает. Схожу по соседству, в ванную, заодно душ приму и загримируюсь под мсье Анри Пуанкаре.

— Относительно душа понятно, а-а... зачем гримироваться-то? Ведь раньше у вас это самое перевоплощение прямо на глазах происходило?

Дорогой мой, мы же сугубые материалисты, уже ведь объяснялись. А раньше, ха-ха, это для эффекта: обычный гипноз, детские штучки. Теперь мы старые знакомцы, эффекты ни к чему. Через четверть часа — это с душем — буду.

— Один вопрос еще: просветите, как в вашем кофре полный набор костюмов, париков и прочего на все века-тысячелетия помещаются? Раз мы такие сугубые материалисты...

---

* Основные работы А. Пуанкаре: «Новые методы небесной механики», а также исследования по теории алгебры групп, квантовой физике и динамике электрона, топологии.

— О-хо-хо-хо, нет ничего проще; это каждый заштатный актер знает; костюмерное искусство. Пиджак превращается в сюртук, сюртук во фрак и так далее; здесь отвороты подгибаются, там полы пристегиваются и пр. Просто и скучно. Я пошел.

Виктор Ильич в некотором недоумении посидел минуту-другую, потом встал, задумчиво обошел раз-другой стол, снова сел, но уже на диванчик у камина, посмотрел на него. В камине, как и положено в замке с рачительным управляющим, были загодя уложены сухие поленья с растопкой. Спички лежали на каминной полке, а холодный декабрь давал себя почувствовать даже сквозь метровые замковые стены и отменное духовое отопление.

Он чиркнул спичкой и поднес к растопке, лучины затрещали, огонь побежал. Виктор Ильич смотрел на пламя, охватившее отменно высушенные поленья. Он почувствовал необыкновенную легкость всего тела и кристальную ясность ума. Полная готовность к восприятию *нового знания*.

♦Он смотрел в узкое окно-бойницу в сторону замковой дороги. В зашторенном редкой, до конца еще не опавшей листвой деревьев аллеи свете придорожных фонарей просматривалась частая сетка декабрьского ночного дождя. Особенности человеческого восприятия: тоскливая эта картина, если смотришь на нее из светлого, теплого и уютного помещения, да еще с высоты второго этажа, вызывает чувство успокоенности и полнейшего умиротворения. Как некогда в своей знаменитой поэме сказал Тит Лукреций, что-де уютно чувствуешь себя на берегу, наблюдая, как в разбушевавшемся море борется отчаянно с волнами утлое суденышко... «Мазохизм какой-то»,— подумал Виктор Ильич, оборачиваясь инстинктивно на зашуршавшую входную дверь. Перед ним стоял, опустив давешний саквояж на пол, среднего роста, плотноватый господин, его ровесник, одетый в сюртук с маленькими отворотами и высокой верхней пуговицей — по моде конца прошлого века, с галстуком-бабочкой. Прямой и аккуратный нос, короткая прическа с зачесом на лоб и вправо — *a la Napoleon*, усы и бородка — узкая, шотландкой от висков, взгляд задумчиво-остраненный. Словом, перед ним стоял мэтр Анри Пуанкаре периода 90-х годов века прошлого, уже знаменитый математик и теоретик физики. Виктор Ильич поневоле ощутил робость.

— Добрый вечер, мсье Анри.

— Здравствуйте, мсье Викто́р, рад с вами познакомиться.

— Прошу вас, присаживайтесь. Чаю, кофе? Закусить не желаете?

— Благодарю вас, сударь. Если можно — чаю с лимоном. Так

поздно я не ем, извините, работа сидячая, к полноте склонен. Итак,— аккуратно расправив фалды сюртука, присел Пуанкаре за стол напротив стоящего еще Виктора Ильича,— предмет нашего с вами разговора, как я понял по представлению моего друга мсье Аседона, будет касаться некоторых аспектов новейших физических теорий, связанных с развитием идей относительности, предложенных господином Лоренцем? Я правильно сформулировал?

— Да, мсье Анри. С вашего позволения, я конкретизирую постановку вопроса.

♦Увлекательная беседа закончилась в половине четвертого. Дождь за окном почти заслонял фонари вдоль въездной дороги. Светильники-прожекторы вдоль стены, ограждающей поместье замка, вовсе были не видны.

— Однако же припозднились мы, мсье Викто́р,— Пуанкаре вполне пристойно зевнул, поднялся, прошелся обок стола, заваленного исчерканными им и Виктором Ильичем листами писчей бумаги. Забытые бутерброды черствели в тарелках на дальнем углу большого кабинетного стола. В стаканах лимонно желтел недопитый и давно остывший чай.

—Так я пошел?— Пуанкаре двинулся к входной двери, на пороге обернулся, весело подмигнул собеседнику и сказал уже обычным голосом Аседона:

— Я любитель поспать, так что попросите мсье Клода раньше двенадцати не будить; к завтраку приду. Да, из-за меня завтрак, наверное, придется сдвинуть? Приношу извинения, да вы и сами раньше не проснетесь, а дамы... пирожными с утра побалуются, я из Ниццы тамошних экзотических коробку захватил. Не надо, не провожайте, я сейчас в туалетной грим сниму и пойду к себе; гостевая комната мне хорошо знакома. Да, коль скоро через библиотеку путь, то я там присмотрел пару книжек: на сон грядущий полистаю. Потом поставите на место. Адью, мой юный друг!

Виктор Ильич еще некоторое время смотрел на гору исписанных двумя почерками бумаг, потом раззевался, погасил в обеих комнатах кабинета свет, пересек коридор и вошел в проход между спальнями, пробрался в туалетную в башне, преодолевая сонливую лень, принял теплый душ и, завернувшись в махровый халат, пошел Леночке под бочек. Она не проснулась, а ему снились сны на межгалактические темы: сидя на вибрирующих листах бородатые Логунов и Пуанкаре расписывали пульку на двоих, Эйнштейн чистил тряпочкой с толченым мелом нобелевскую

медаль, за трибуной стоял Богданов-Малиновский и читал одиноко сидевшему по-турецки Лоренцу курс материализма явно с эмпирическим уклоном в махизм...

Утром он сквозь сон слышал, как Леночка пробовала его будить; Виктор Ильич понял для чего, но пробудиться сил не было. Проснулся он в пустой и ярко освещенной из окон — солнышко пробило-таки брешь в декабрьских облаках — спальне. Напольные часы пробили половину двенадцатого. Был он невероятно бодр и, принимая душ, напевал «Все выше и выше стремим мы полет наших крыл» на музыку гимна штурмовиков СА «Хорст Вессель».

Спустившись в парадный зал, он увидел всю компанию у каминного бара. Веселый и жизнерадостный Аседон угощал Леночку, Полину, управляющего и почему-то боцмана пирожными с розовыми лепестками — презент из Ниццы. Боцман откусил крохотный кусочек, лицо его перекосилось; забыв об этикете, он судорожно сунулся руками в открытый бар, налил чего-то крепкого в большую рюмку, почти что фужер, залпом выпил, отвернувшись от дам, и только после этого облегченно вдохнул. Дамы хохотали, управляющий чуть нахмурился, а Аседон, восторженно хлопнув матерого моремана по плечу, сказал, что раз в замке тон задают русаки, то ему вдогонку следует выкушать еще рюмку, понюхать кусочек сыра и налить третью. Здесь, увидев Виктора Ильича, управляющий обрадовался и шумно стал увлекать всех в рыцарский проход и далее в столовую, где «сервировка уже заветривается»...

Поздний завтрак, как в столовой, так и на кухне, прошел весело. Все кушали с аппетитом.

Выкурить по гаване Аседон с Виктором Ильичом поднялись на второй этаж, в каминную библиотеки. Туда же Полина подала кофе, коньяк и ликеры. Беседовали о пустяках: погоде, неожиданно улучшившейся, затворничестве Виктора Ильича, близком Рождестве, а там и новом, 1984-м годе. Что-то он принесет?

Поднявшись и попросив Виктора Ильича подождать здесь же, пока он сходит в гостевую комнату одеться-собраться, Аседон прошел через книгохранилище, заскрипели его шаги по лестнице. Через пяток минут он вернулся в пальто и шляпе, с давешним кофром-саквояжем.

В парадном зале, напротив рыцарского прохода в столовую, Аседон прощался с обитателями замка, включая боцмана и своего бывшего шофера, обещал к празднику приехать, в крайнем случае позвонить и поздравить с Рождеством. Дружески пожимая руку последнего, он вдруг

озаботился: а где же его нынешний шофер? Управляющий успокоил: на улице в машине ждет его.

Аседон, еще раз послав дамам воздушный поцелуй, а мужчинам сделав ручкой, попросил Виктора Ильича проводить его до выхода, дружески полуобняв.

— Я вам рекомендую дней десять, как раз до Рождества, подумать, все переварить, а потом, если решитесь, продумайте возможные сценарии, заранее вживайтесь в образ. Естественно, я помогу чем нужно будет. До свидания, мой дорогой экспериментатор! Ваши благие намерения заслуживают уважения, однако помните, что классик Возрождения говорил о благих намерения, главное, куда они ведут... В жизни, однако, всегда есть место подвигу, как говорят ваши отечественные классики.

♦Прошла неделя со дня визита Аседона в опекаемый им замок. Виктор Ильич, впрочем уделяя внимание счастливой Леночке не менее чем до того — по ночам, почти все время просиживал в своем кабинете, иногда заходя на час-другой в библиотеку. Там он брал несколько заранее намеченных книг, отыскивал нужное, что-то выписывал, возвращался снова в кабинет. Засиживался до полуночи. В ясные ночи поднимался по винтовой лестнице, соединявшую большую диванную с третьим этажом башни, в располагавшуюся там домашнюю обсерваторию; поэтому комната и называлась «астрономической». В силу такого назначения острый шатер, одинаковый для всех башен замка, изготовленный из рифленого железа «под дерево», с позолоченным флюгером на макушке, при нажатии кнопки на пульте управления астрономическими механизмами раздвигался в стороны, разъезжаясь на выдвижных аппарелях, а под ним открывалась стеклянная полусфера, характерная для обычных обсерваторий.

Под стеклянной полусферой располагался компактный, но весьма мощный телескоп с лучшей немецкой оптикой. При телескопе в комнате теснились всякие вспомогательные приборы, включая высокого класса компьютер с обширной периферией. Стены были увешаны звездными картами. На нескольких встроенных в стены стеллажах хранились астрономические книги, атласы и каталоги, очень полно и квалифицированно подобранные. Еще в первые дни знакомства с обстановкой, Виктор Ильич с удовольствием обнаружил на этих стеллажах полный комплект издаваемого с прошлого века в Нижнем Новгороде — Горьком известного астрономического ежегодника. Были тут и издания Пулковской обсерватории.

По словам управляющего, знакомившего Виктора Ильича с обста-

новкой замка, замышлялось даже установить в «астрономической» небольшой радиотелескоп, но возникали сложности с военными ведомствами, курировавшими такие штуки, пришлось пока отказаться.

Виктор Ильич всматривался в приближенные оптикой галактики, душу его охватывал восторг неофита. Все эти дни, погруженный в свои мысли, он и не замечал суеты, будоражащей обычно размеренную жизнь обитателей: шла подготовка к Рождеству, в которую вовлекались и явно не католическая Леночка, и стихийный атеист боцман. Виктор Ильич сидел затворником, редко позволяя себе на час-полтора выходить на прогулку с Леночкой — для ее здоровья.

♦Постепенно для Виктора Ильича вырисовывалась логически завершенная картина, сложившаяся в результате ночной беседы с Аседоном-Пуанкаре, бдений в библиотеке, кабинете, астрономической и размышлений не только последних месяцев, по — интуитивно — многих и многих лет.

Итак, пресловутое «путешествие в прошлое», равно и будущее, избитейшая из избитых до неприличия тем фантастических романов. Пресловутая «стрела времени» в серьезных исследованиях школы русского бельгийца Ильи Пригожина, нобелевского лауреата и профессора Техасского университета.

Аседон в облике Пуанкаре под конец ночной беседы не преминул сказать, что уровень знаний, которыми он оперирует в данный момент, явно не соотносится с уровнем сегодняшнего дня, это уровень времен деятельности основоположников знания о сущности мироздания. Конечно, этот уровень сам по себе больше ставит вопросов, чем разъясняет, но... познание-то бесконечно, а «мы чуть забегаем вперед, преследуя благую цель».

Понятно, что реального путешествия в прошлое с последующим возвращением в настоящее с обнаружением там последствий пребывания в прошлом, быть не может, кроме как в фантазиях, даже в научных; упомянутых выше Гёдель это доказал. Так вот, этого Гёделя очень не любят те ученые, которые стоят на не очень крепких методологических позициях. Поэтому только в самое последнее время его знаменитая теорема о неполноте «прорвалась» сквозь заградительные кордоны корпоративной науки и стала достоянием научных масс. К их вящей пользе и блага для науки в целом.

А теорема о неполноте гласит, что доказательство любого научного знания не является правомерным, если основывается исключительно и

только на собственных исходных посылках. Отсюда и философский термин «спекулятивность», то есть любую теорию, утверждение называют спекулятивными, если они не используют иных доказательств, кроме как чисто умозрительных, которые и легли в основу выдвинутой теории, утверждения и пр.

Конечно, можно, не отходя от письменного стола (или не выходя из палаты сумасшедшего дома), создать массу красивых теорий с неопровержимым обоснованием возможности путешествия «туда-обратно». Все в них будет хорошо и убедительно, кроме одного, но существенного: нельзя эту теорию свести к логически соподчиненной цепочке утверждений, последнее звено которой опирается на фундаментальные законы естествознания.

По словам Аседона-Пуанкаре выходило, что в объяснении эффекта изменения направления «стрелы времени» (так по-научному будем называть путешествие по времени) можно и нужно использовать наиболее существенные моменты теории относительности и гравитации, однако начинать *ab ovo** следует с некоторой более общей теории. Таковой (а начальный выбор-то может быть произвольным!) выберем теорию суперструн; она сейчас в зачаточном развитии, но... мы же договорились, что немного, ну-у, лет на двадцать опережаем современный уровень знания. Так говорил Аседон.

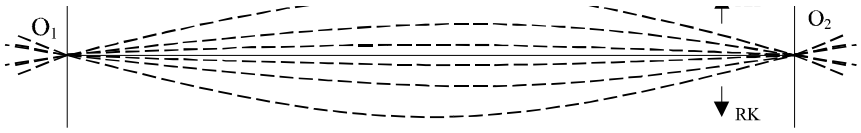
Слово «струна» здесь есть условное понятие, более того, сама струна — субстанция нематериальная, но порождает весь материальный мир. Нет-нет, никакого идеализма тут не подразумевается, здесь струна есть только условное, применительное к образно ориентированному мышлению человека, наименование той нематериальной, то есть невещественный и не полевой, субстанции, которую уже сейчас чаще называют фундаментальным кодом Вселенной, информационным кодом мироздания, информационной матрицей и так далее. Именно этот код или матрица содержит в себе законы развертывания конкретных объектов мироздания. Но — все это реально и материально, ибо код или струна записаны в материальных объектах: веществе и полях, образующих весь многосложный материальный мир. А на чем конкретно и в каких символах записан код? — Это человеку никогда не удастся узнать, ибо это будет означать конечность познания, то есть исчезновение материального мира. Такой вот печальный вывод...

А так опять же предоставляется свобода выбора модели, если она не

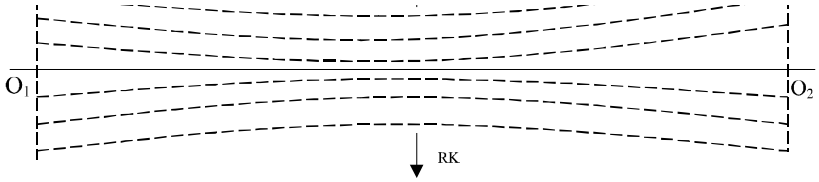
* От яйца (лат.) — то есть от первопричин.

противоречит фундаментальным законам естествознания. Например, самое естественное: материально код записан на неуничтожимых при любых катаклизмах объектах (это непременное условие для носителя кода): взаимном расположении звездных систем Вселенной, а символами записи, то есть математикой кода, вполне может быть класс простых, то есть делимых только на единицу и на само себя, чисел с их сложным распределением; кстати, математики за две тысячи лет даже близко не подошли к уяснению этого распределения. Вот вам и «простые» числа!

Итак, нам удобнее информационный код представить свободно колеблющейся, как уточняют физики — в девяти измерениях, струной. Виктор Ильич зарисовал, как он себе представил:

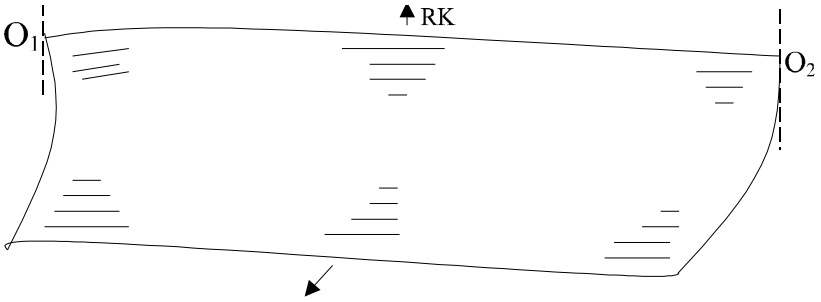


Это для варианта условно закрепленной в точках O_1 и O_2 струны; RK — размах колебаний. А вот для струны не закрепленной:



Струна, колеблясь, генерирует материальный объект, так называемый *мировой лист*, который суть сложное сочетание вещества и поля, характеристики которого есть развертывание определенных информационных матриц фундаментального кода Вселенной. Кстати, мировой лист — это принятый научный термин; вообще говоря, терминология фундаментального естествознания несколько необычна для слуха непосвященных: симметрия ароматов, очарованные частицы, ду́хи, например, ду́хи Фаддеева-Попова, то есть поля, вероятность наблюдения которых отрицательна.

Итак, струна в своих непрерывных колебаниях генерирует — и опять же непрерывно — мировые листы. Виктор Ильич это изобразил так:



Направление развертки листа

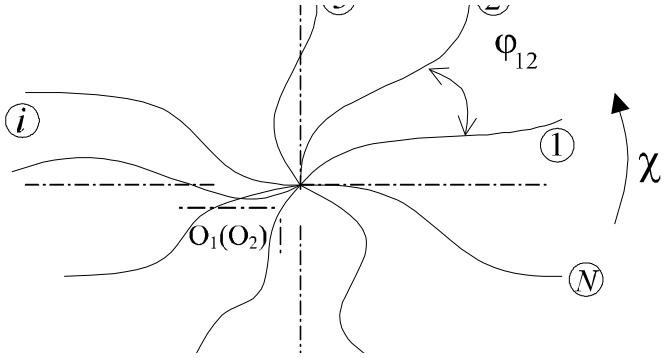
На всех изображенных Виктором Ильичем рисунках линейный размер O_1 и O_2 есть «ширина» мирового листа; понятно, что ширину эту бессмысленно измерять микронами, метрами, километрами и световыми годами, ибо структура мирового листа является независимой от масштаба измерений; физики это называют сложно: репараметризационная инвариантность. Дабы не ломать языка, они же термин этот упростили: *R*-инвариантность. Вводят еще понятие фиксации калибровки, что есть условная договоренность о размерности мирового листа. Впрочем, ясного осознания в этом вопросе у Виктора Ильича пока не сложилось.

♦Далее Виктор Ильич обдумывал данное Пуанкаре-Аседоном определение теории струн: это динамика двумерных случайных поверхностей (мировых листов), вложенных в пространство высших измерений. Это он, сообразившись, как-то представил себе. Таким образом, все разнообразие материи — вещества, частиц, полей — это составляющие спектра (или октавы) колебания суперструны.

Теория суперструн в части порождаемого колебаниями струны бесконечного — в пространстве и времени — набора мировых листов подчиняется всем, без исключения, фундаментальным законам микро- и макромира, и это дает основание утверждать о истинности, то есть неспекулятивности данной концепции. Важнейшими из этих законов являются: в микромире — принцип неопределенности Гейзенберга; в макромире и объектном мире человека — законы симметрии. Поскольку микромир как-то не занимал воображение Виктора Ильича, он и пропустил мимо ушей почти получасовое толкование Аседоном-Пуанкаре справедливости принципа Гейзенберга в основе *R*-инвариантности. Другое дело — симметрия.

По обыденной жизни человек полностью и целиком находится в от-

ношениях симметрии с окружающим миром. Важнейшим и всеохватывающим видом симметрии является киральность (от греческого χιρο — рука), то есть право- или левосторонняя симметрия, вращение объекта. Вот здесь-то Виктор Ильич и поймал нить рассуждений своего высокоученого визави, ведущую к ответу на мучающий его вопрос. Он мысленно взглянул на суперструну сбоку, то есть с ее конца, например, с торца O_1. Получилось, что струна непрерывно генерирует мировые листы 1, 2, 3, ... *i*, ... *N*, причем число $N \to \infty$ стремится к бесконечности. При этом сама струна в своих размахах колебаний RK вращается либо вправо, либо влево; на рисунке он изобразил случай левостороннего вращения, то есть параметр киральности χ — левый.



Чтобы понять сущность нарисованной по наитию картинки, Виктор Ильич вспомнил обычный детский волчок: в самом начале завода он стоит на своей оси в одной точке и вращается, а под конец, продолжая вращаться, начинает описывать по полу круговые фигуры. Этот пример ему не очень понравился, поэтому был проделан натурный эксперимент. Попросив боцмана принести с кухни доску, он вбил в нее на расстоянии 60 сантиметров друг от друга два гвоздя, на которых закрепил резинку квадратного сечения — типа той, из которых в его детстве мастерили дети рогатки; резинку ему принесла Полина. Далее все было просто и понятно: он оттянул и отпустил резинку, та с тихим пением заколебалась в плоскости, заданной рукой Виктора Ильича, то есть перпендикулярно поверхности доски. Полюбовавшись, он легонько дотронулся до вибрирующей резинки (Полина очаровательно покраснела, когда он, принимая от нее резинку, поинтересовался: а где в ее хозяйстве такие используются? Он действительно недоумевал, ибо в его детстве из пуков таких резинок

делали солдатские банные мочалки, а вот во Франции 80-х годов?) отточием карандаша и... поехала, поехала родимая! — Продолжая вибрировать в плоскости, резинка стала вращать эту плоскость. Проделав запуск снова, Виктор Ильич уже намеренно тронул резинку карандашом слева направо: плоскость завращалась вправо; в следующем запуске она вращалась уже влево. «Эврика!» — обрадовался экспериментатор, а на давешнем рисунке «взгляда с торца струны» обозначил угол φ_{12} между двумя соседними проекциями мировых листов. Этот угол его собеседник именовал фазой или фазовым сдвигом генерации мировых листов.

Таким образом, эта картинка является обобщенной моделью всех материальных процессов. Пуанкаре-Аседон продемонстрировал эту модель на примере человеческого мышления, что еще более, почти вплотную приблизило собеседников к главной теме.

Человек мыслит голограммами — это уже общепризнанно современной наукой. То есть в каждый текущий момент времени в молекулярной структуре мозга — это «вещественный каркас» мышления — возникают голограммы (ОБ — на рисунке, начертанном Виктором Ильичем), то есть многомерное отображение в форме сложного по своей структуре электромагнитного сигнала (поля) объекта текущего размышления. Например, если вы в этот момент смотрите в окно на дерево, то соответствующая голограмма ОБ воссоздает в мозгу электромагнитный сигнал, описывающие окно, дерево за стеклом, колебание зеленых листьев на ветру и пр. Голограммы непрерывно сменяют друг друга, за первой следует вторая, третья и так далее ($N \to \infty$). Струной здесь является «ось мышления» ОМ, а голограммы эквивалентны мировым листам. Опять же φ_{12} — фазовый сдвиг между соседними голограммами. Параметр киральности χ здесь ассоциируется со «стрелой времени» в мышлении: мышление «в будущее» и мышление «в память прошлого»...

Виктор Ильич в порыве вдохновения вскочил со стула, заходил по кабинетной комнате, потом приказал себе — перед последним штурмом вершин познания — успокоиться. Заварил свежего чая, с чудовищным аппетитом съел гору бутербродов с любимой вестфальской ветчиной, которую управляющий раз в месяц привозил из Парижа (в отличие от «пластмассовых» европейских копченостей эта ветчина единственно походила на родной тамбовский окорок), хотя через полчаса ожидался гонг на обед. Прилег на диванчик, закрыл глаза и проспал до гонга. Во сне ему явилось окончательное решение. Кстати, самому Пуанкаре все теоремы в законченной форме доказательств представлялись во сне. Этот удивительный факт он подробно описал в своих научных мемуарах.

♦Мировые листы генерируются непрерывно, в то же время каждый единичный мировой лист от своего рождения разворачивается бесконечно. То есть, если представить эволюцию как непрерывное и бесконечное развертывание некоторого конкретного листа, то зарождающийся в следующий миг другой конкретный лист также есть развертывание эволюционного процесса, причем по той же матрице информационного кода Вселенной. С точки зрения мышления и памяти человека, каждый предыдущий лист есть прошлое, а каждый воспоследующий лист — будущее. Сумма непрерывно возникающих и бесконечно развертываемых листов образует динамическое материальное пространство с его веществом и полями, то есть, как сформулировал его собеседник: совокупность мировых листов вкладывается в пространство высших измерений.

Жизнь человека, осознаваемая им самим и только им, в данной эманации и есть упомянутая выше фиксация калибровки, то есть выбор калибровки мирового листа, а выбор ее выполняется ду́хами Фаддеева-Попова. Еще этот процесс называется компактификацией мира. Отказ в той или иной форме от фиксации калибровки дает возможность человеческому разуму (не собственно человеку, как конкретному биообъекту) «переходить» с одного мирового листа на другой, то есть и осуществлять «путешествие» в прошлое и будущее. Отсюда и догадки о параллельном существовании бесконечных миров в одном и том же объеме пространства и в одно и то же время. Эти миры друг для друга не познаваемы, поскольку отличаются бесконечно малой, но — фазой φ_{12}, неоткрываемой дверью.

Чем ближе друг к другу соседние миры-листы, тем меньше различается на них ход эволюции и наоборот. Это и есть эффект сжатия или растяжения исторического времени в прошлом и будущем.

Вывод же, к которому пришли к концу беседы Виктор Ильич и Аседон-Пуанкаре, был следующим: однозначным и материалистическим, а именно:

♦«Путешествия» в прошлое и в будущее возможны в том смысле, что при определенных манипуляциях на биологическом и биофизическом уровнях мышление человека может оперировать голограммами предшествующих настоящему и последующих мировых листов. Из чего следует главнейший вывод: в принципе человек может присутствовать в своем прошлом и будущем в качестве активно действующего лица, но в своей действительной сущности память не хранит отпечатка такого пребывания, а материальный результат деятельности его в прошлом или будущем ни-

как не ассоциируются с реальностью. *Резюме*: все попытки человека изменить ход истории (эволюции), предпринятые им во время «путешествия» в прошлое или будущее, не остаются в его реальной памяти и никак и никем не могут быть соотнесены с деятельностью этого человека, поскольку результаты этой деятельности проявляются на других мировых листах параллельных миров. Таким образом, понял Виктор Ильич, замышляемый им подвиг во благо человечества будет альтруистичным, поскольку возможные позитивные результаты даже ему в его реальной жизни-существовании останутся неведомы. И еще один существенный момент: никаких детских снов о явлении пионера Пети с пулеметом на помощь Дмитрию Донскому! В прошлое или будущее путешественник является со знанием, соответствующим этой эпохе. Но — о, удивительная и восхитительная натура русского человека! — Виктора Ильича вдохновила сама мысль: *помочь неведомому миру*. Ибо он правильно полагал: такие же альтруисты есть в параллельных мирах и, не будь их, может сама жизнь в нашем мире была бы сущим, а не частичным, как сейчас, адом.

Таким образом, Виктор Ильич, направляемый знанием Аседона, пришел к понятию истинной относительности мироздания, не противоречащей ни одному из ее фундаментальных законов.

На этом он успокоился, решив главную предварительную задачу, и посвятил дни и труды перед подвигом приятной суете в подготовке к Рождеству. В конечном итоге, соглашательски думал он, Христос-то у нас с католиками общий, единый и неделимый!

Глава четвертая

> *Знание освещает действие, не разделяя его необходимые издержки. Духовное управляет временным, не смешиваясь с ним. Таким образом, все остается на своем месте, на своем собственном уровне в пределах универсальной иерархии*
>
> Рене Генон

♦Будучи дитями своего, то есть советского и индифферентного к религии (однако и не воинствующими атеистами *a la* Ярославский-Собельман...), времени, Виктор Ильич и Леночка, еще живущие реалиями своего отечества, в душе посмеивались — наедине, то есть в постели, по-

чему-то эту тему обходили — над оперной серьезностью, с которой обитатели замка загодя готовились к Рождеству.

Вообще говоря, одна, очень давняя ассоциация с католическим именно Рождеством у Виктора Ильича имелась в загашнике памяти, то бишь в подсознании.

Еще учась в своем Архивном институте, будучи наездом дома в *Т.* в конце декабря — лекции закончились, а зачетная сессия еще не свершилась,— приятно ощущая в кармане незадолго полученную до того стипендию, Виктор Ильич субботним утром отправился в кремлевский конец проспекта, где в уютном цоколе краснокирпичного здания — бывшей знаменитой булочной и жилого дома не менее знаменитого до революции купца-самодура Пармена Колоколина — теперь обосновался букинистический магазин, совсем недавно переехавший из небольшого двухэтажного домика совсем рядом с Кремлем: там затеяли коренную перестройку с возведением величественного нового здания обкома и исполкома; Иван Харлампиевич Судак решил не отставать, как и другие первые областные секретари, от главы Свердловского обкома, построившего самый высокий в мире храм Партии.

С наслаждением принюхиваясь к запахам старинной бумаги, Виктор Ильич благоговейно рассматривал кожаные переплеты томов в разделе антикварной книги. Впрочем, все они были ему давно знакомы: тома географических описаний Элизе Реклю, разрозненные выпуски «нивского» издания Гарина-Михайловского, гимназические учебники ботаники... Но все одно — приятно подержать в руках, полистать. Справа на полке лохматились непереплетенные тетради того же «нивского» издания. Среди них Виктор Ильич с восторгом обнаружил и новенькое: тетрадь с романом «Бенони» любимого им Гамсуна и началом другого романа — «Роза». На бумажной, потрепанной обложке тетради волосатый, в скандинавской юбке викинг, опоясанный луком и боевым топориком, лез на отвесную скалу, цепляясь за вросшие в расщелины камней корявые северные березки. Из книжки выпала четвертушка пожелтевшей бумаги. Виктор Ильич на лету поймал ее: выцветшими почти за столетие чернилами аккуратнейшим почерком (чистописанию тогда серьезно учили!), со старинными ятями и ерами было изображено, явно рукой гимназиста VI класса, стихотворение — творческий результат чтения книги норвежского романтика:

До горизонта тянется фиорд
И ломаная голь березок,

Скругленная в бореях и морозах;
Тяжéло дышит синий норд.

Над гладкостью залива свинцоватой,
Рукой вцепившись в ствол крученый,
Вдаль смотрит викинг удрученный:
Бедой? Или добычею не взятой?

По плечи волосы, сплетенные в косу,
Бедна одежда, лишь несет красу
Ромбический узор по подолý норманна.

Сказанье бригантинское, застывший вечно,
Романтикой и грабежом отмечен,
Приник к скале дружинник-великан

Читая безыскусные вирши, Виктор Ильич почувствовал и дыхание северного мороза, и своеобразие далекой и чужой жизни, а тут еще из невыключаемого магазинного динамика, передававшего последние известия, в разделе язв мирового империализма диктор упомянул, что-де за бугром самый канун католического и протестантского Рождества, но далеко не каждый адепт апостольской веры или его заблудший в ересях Лютера и Кальвина собрат смогут позволить иметь на праздничном столе рождественского гуся или индейку...

Виктор Ильич листок на память припрятал, разрозненную тетрадку поставил на место, ибо не так давно приобрел только что вышедший двухтомник северного романтика, где эти романы наличествовали, но в памяти, тогда еще юношески свежей, с тех пор так и осталась ассоциативная связка: католическое Рождество — викинг — дыхание «бореев и морозов»... Вот и сейчас в памяти всплыло.

♦Между тем, несмотря на весь атеистический скептицизм Виктора Ильича (Леночка, как и всякая женщина переимчивая, уже считала, что Рождество она встречала с детсадовских времен...), праздник ему пришелся по душе. Давно он не испытывал такой восторженной детскости, возвращения в счастливое и беззаботное время!

Отдыхая от умственного напряжения предшествующих дней, с утра праздничного дня он сидел, сибаритствуя, в малой диванной первого этажа и, посмеиваясь, рассматривал присланный из Парижа вместе с другими русскими газетами и журналами подметный листок местных диссидентов-

патриотов. Виктор Ильич, конечно же, подумал, что листок этот издается на деньги КГБ, правда, не понял: какая же цель преследуется?

Действительно, на оборотной странице были помещены, на манер комиксов, характерные рисунки-шаржи с подписями-лозунгами: едущих в арестантских вагонах типичных московских интеллигентов-театралов и евреев-диссидентов сопровождал девиз: «*Сталин-Берия-ГУЛАГ!*» На другом шарже расстилалась равнина, на горизонте венчавшаяся снеговыми хребтами. По равнине уныло тянулся караван базарных кавказцев на ослах: «*Баул-ишак-кишлак!*»

Кагэбешный остряк явно провоцировал «малый народ»: на третьем рисунке толпа с характерными носами и пейсами сходила по трапу самолета: «*Скрипка-«боинг»-Брайтон-бич!*»

Понятен был отчасти эскиз к лозунгу «*Трехверстка-«тридцать-четвертка»-Берлин!*» — ибо на рисунке в дыму сражения угадывался рейхстаг, расположенный, как известно, в Западном Берлине. Но в совершенный тупик ставили малопонятные рисунки с закамуфлированными надписями типа «*Саквояж-наручники-«Кресты»!*» и «*Вещмешок-паек-Дальний Восток!*»

...Только десять лет спустя, вспомнив в числе прочего, подметный агитлисток, Виктор Ильич ахнул: ведь это Аседон, который в тот момент катил по орлеанскому шоссе к обитателям замка на Рождество, проверял по малости на своем подопечном ту самую аппаратуру, которую он, согласно данному обещанию, вез грядущему путешественнику в прошлое-будущее... подметной газеткой он и сунул его на пару минут на десять лет вперед. Отсюда и странноватые для СССР начала 80-х годов лозунги.

Отложив занятный политкомикс, Виктор Ильич уже в полнейшем благодушии стал рассчитывать сроки Леночкиной беременности и ориентировочную дату своего отцовства. Получилось, что произойдет это событие аккурат к началу июня месяца следующего, то есть 1984-го года. Виктор Ильич даже усмехнулся: к первому июня — траурному для всех советских пьющих людей дню — «Дню защиты детей»; именно в этот, единственный в году день все питейные заведения на необъятной территории 1/6 суши планеты, от Земли Франца-Иосифа до Кушки — по вертикали, от Бреста и Калининграда-Кенигсберга до чукотского Уэллена — по горизонтали, начинали отпуск страждущим портвейна и водки в розлив не с одиннадцати, как положено, часов, но с двух дня; это регламентировалось специальным декретом о защите детства.

♦От ностальгических воспоминаний, столь ярких и живых, что Виктор Ильич даже собрался было позвонить по внутренней связи Аннете и

попросить ее, саму не отвлекаясь от рождественского гуся и пирога, прислать кого есть под рукой — Боцмана, Фернана или Полину, к нему в малую диванную с легкой закуской и рюмкой «Камю». Благо, большие напольные часы в парадном зале, рядом, у входа, только-только отбили одиннадцать. Советских законов Виктор Ильич и во Франции не нарушал.

От таинства адмиральского часа его отвлек наружный уличный шум, а вслед за этим суета в замке, тяжелое уханье отворяемых парадных дверей — и все это перекрыл громкий и радостный голос Аседона Младшего, с морозной свежестью приветствовавшего обитателей Орсэ де Монтана в добрый предрождественский день. Виктор Ильич поспешил навстречу дорогому гостю.

♦Рождество, хотя и «ихнее», католическое, прошло весело, а Виктор Ильич даже придал ему *local color* истинно русского чревоугодия; под руководством Леночки Аннета, вдобавок к гусю и пирогу, изготовила нечто похожее на молочного поросенка с кашей. За гречкой загодя был командирован в Орлеан, где как в Греции все есть, Фернан. Хрен к поросенку нашелся местный.

Кроме Аседона, то бишь Ли Макдейла, были и другие гости: кюре Антуан, священник из Орсевиля, который и отслужил раннюю рождественскую службу в домашней церкви (Виктор Ильич деликатно стоял в дверях из парадного зала, а Леночка вошла и присела на заднюю скамейку); приехали и гостили в замке всю рождественскую неделю дочь управляющего Женевьева с мужем Полем. На парадный обед заглянул на часок-другой в замок административный начальник или мэр, как он сам отрекомендовался, Орсевиля почтеннейший мсье Жак Дюкло, полный тезка известного политического деятеля.

Наутро второго дня Рождества с поздравлениями явилась и исполнительная власть деревни в лице единственного полицейского-участкового Орсевиля Марселя Пондиака, который и был передан для исполнения наказа..., тьфу, для увеселения боцману. Третьим в их сугубо мужской компании, почти на сутки уединившейся в отапливаемом гараже, был хозяин последнего Фернан.

Мсье Ли Макдейла все просили остаться и погостить до Нового года, но тот, ссылаясь на насущную необходимость встретить последний в Америке, откланялся уже пополудни, пробыв в замке только сутки с небольшим. Последний час-полтора пребывания он посвятил беседе с Виктором Ильичем; они уединились в астрономической башне, ключ от которой отныне был только у хозяина, куда шофер Аседона перенес,

ворча на отсутствие лифта, несколько кофров, в каких обычно помещают мобильную медицинскую технику типа кардиографов и электроэнцефалографов.

Пояснив несложные (для «чайников») правила обращения с аппаратурой, Аседон добавил, что любопытство внутренним устройством механизмов здесь излишне; при любой попытке проникнуть внутрь аппаратов, последние самоуничтожаются. «Как советские «катюши» времен Отечественной»,— пояснил наставник.— «Впрочем, взрыва или иного членовредительства не произойдет, повалит лишь негустой дым».

Виктор Ильич заверил, что «он не под знаком Марса рожден» и патологической страстью копаться в разных железках не наделен.

Напоследок Аседон разрешил и мучавший Виктора Ильича вопрос о соотношении земного времени и времени путешествия; имея в виду беременность Леночки, это его крайне беспокоило. Однако наставник снял с него докуку-заботу, пояснив, что путешествие не предполагает эквидистантности со временем земным. И дело здесь вовсе не в пресловутой теории относительности и прочих физических мудрствованиях, но в биофизической и биохимической организации процесса мышления у человека. В качестве понятного примера он привел сон: «Порой видишь сны, особенно когда на ночь основательно закусишь, длиной с целую жизнь, а ведь в реальном времени это всего несколько секунд до момента пробуждения! Именно пробуждения, поэтому-то мы всегда просыпаемся то с чувством сожаления, то облегчения: сон не досмотрели».

На этом они расстались, пожелали друг другу успехов и оптимизма. Аседон укатил по своим, неведомым для смертных, делам, а Виктор Ильич, посибаритствовав не только до Нового года, но даже и вовсе до своего, православного Рождества, принялся, помолясь, за святое и богоугодное дело. Причем, помолился он не фигурально, но по-настоящему, даже с формальным антуражем: из Парижа был выписан за большие деньги и доставлен Фернаном в его роскошном лимузине священник русской церкви отец Хрисанф. С собой тот прихватил все нужные для рождественского священнодействия предметы, а само таинство произвел для Виктора Ильича, Леночки и Полины в наскоро переоборудованной большой диванной второго этажа. Пожелал присутствовать и боцман, как человек веротерпимый.

Пора было приниматься за дело.

♦Еще в глубокой юности, когда у Виктора Ильича, тогда — Витюши, стали появляться мысли о желательности где надо скорректировать

ход истории, мысли его не простирались далее ордынского пленения Руси. Тянуло к более близким временам. Уже овладев всеми премудростями исторической науки, прочитав в «Роман-газете» только что вышедшую «Память» Чивилихина, покопавшись в годы московской учебы в солидных архивах, он реабилитировал для себя и это зна́ковое время, раз навсегда утвердившись во мнении: никакое это было не иго, а полезный для Руси военно-политический союз, в котором Улус Джучиев был равноправным членом. Это вроде как Варшавский договор и СЭВ для разных там Болгарии, Венгрии и Румынии: кроме пользы ничего и нет. Со скидкой, конечно, на общую дикость средневековых нравов.

Границы коррекции приблизились к Смутному времени. Впрочем, и здесь не так-то все просто было. Подавляющее большинство (кроме неграмотных и нестандартно мыслящих историков-профессионалов; обычные школьно-вузовские преподаватели, конечно, не в счет) советских граждан представляют Смутное время и его предысторию исключительно по учебникам, выверенным в нужной «идеологии» еще комиссией Луначарского-Петровского. Понятно, в какой... Старинные писатели-патриоты, навроде Лажечникова и графа Салиаса де Турнемира, а для шибко грамотной публики — историки Костомаров, Карамзин и Соловьев, еще более усугубили представление о начале XVII века в России, как о польско-литовском повторении пресловутого ордынского ига. И мало кто задумывался над словами нашего гения литературы и... истории Александра Сергеевича — строками из «Клеветникам России», что-де пусть заботливая о правах человека (говоря их иезуитским языком) Европа оставит нас с поляками в покое: «то давний спор славян между собою». Вот в этих строках и ключ к пониманию истории Смутного времени.

Человек склонен отдалять историю в глубь времен, а Виктор Ильич со школьной парты хорошо помнил, что еще менее чем за 100 лет до польского нашествия граница Литовского княжества проходила у стен Алексина, ныне райцентра родной *Т*-ой области, которая, в свою очередь, относится к центральному району Европейской части СССР. К тому же государственным языком этого княжества был... язык русский, почти что с московским говором. Вот и думай тут.

А из того же «Юрия Милославского или русского в 1611 году» (так полностью именуется роман) мы помним, что в войске оккупантов мало кто и говорил по-польски, включая их военачальников: Сапегу, Лисовского, Радзивиллов, Ходкевича и пр. Получается, что в этой веселой компании истинным поляком был только выдвигаемый на русский престол королевич Владислав. Опять же в центре *Т*-го кремля установлен

гранитный знак в память обороны оной крепости от войска русского царя в Смутное время народного героя, борца с самодержавием Болотникова с сотоварищи.

Надо смотреть в корень, как говаривал Козьма Прутков, а корень-то в том, что к началу XVII века русская нация — в современном ее понимании как государственного этноса — только формировалась. Это была московская русская нация, начавшаяся складываться после Куликовской битвы (кстати, в последней ордынцев и вовсе не было, лишь малое число сепаратистов Мамая, из которых в дальнейшем возникли крымские татары). А ведь в это же время существовали и другие, несравненно более старые, исконные русские нации: остатки Киевской Руси, потомки жителей Тмутараканского княжества, наконец, те же самые таинственные «литовцы» с русскими лицами и речью, которые издавна владели половиной нынешней Европейской России, а ныне сжавшиеся до размеров Белоруссии...

И Новгород, то есть вся северная Россия, только-только был приведен к державной руке. Наконец, весь юг страны был в руках казацкой вольницы, отсюда был и Болотников.

Так что, рассуждая этно-исторически, Смутное время было последним экзаменом для московской русской нации, как потенциального объединителя всех остальных русских людей и земель. Поэтому, не поторопись алчный римский папа руками своих клевретов-поляков (настоящих, посполитых) с насаждением католичества в Московии, что вызвало повсеместный протест православных — от «литовцев» до анархистов-казаков, так и неизвестно: как называлась бы нынешняя Россия; однако, в любом случае, в ней бы жили и правили русские... Кто знает?

♦Размышляя о веке семнадцатом, столь бурным для Европы с ее сменами гегемоний над сушей и морем, веке образования мировых колониальных империй, Виктор Ильич почти-что умилялся благости, царившей в то время на русской земле. Зажмурив глаза, он так и представлял себе раскинувшиеся на равнинах ополья, окаймленные дубравами и веселыми сосновыми пущами, на которых неторопливо, но с могучей внутренней энергией разворачивалась после пожарищ и неурядиц Смутного времени созидательная жизнь: рубились города, клались из белого камня многочисленные церкви и монастыри, корчевался вековой лес, отступая к северу и востоку от Москвы перед пашнями. Просекались в хмурых еловых дебрях многоверстные проезжие дороги, а купеческие возы и дровни тянулись через леса и гати, уже не опасаясь лихих шишей. Последнее в

истории Руси, состарившееся поколение соловьев-разбойников доживало свой век на глухих заимках на покое по соседству с новопоселенцами: бежавшимы от никоновой ереси — кукишного крещения, трегубой алилуйи и написания Имя Сына Божия «Иисус» вместо Исус — старообрядцами.

Весь долгий век, в который собственно и была создана крепкая государственная Русь, и вместил-то в себя всего лишь двух царей новой династии: Михаила и Алексея Михайловича Тишайшего. Последний был центром и символом века тихого, без бурь и потрясений, создания великого царства, провозгласившего себя Третьим Римом. Это был золотой век Руси, как наследницы Византии, полной духовной и созидательной автаркии, отгородившейся от католической Европы с поднимающейся ересью жидовствующего протестантизма и вбиравшей в себя на сотни лет вперед бесхозные просторы сибирской Азии.

Нет, в веке семнадцатом Виктор Ильич менять ничего не хотел.

♦Восемнадцатый век в Европе однозначно называют Веком просвещения. Уже одна эта однозначность всегда настораживала Виктора Ильича. Чем больше он вникал в хитросплетения политики, науки, философии и экономики восемнадцатого века, тем явственнее перед ним вырисовывалась картина подготовки некоего качественно скачка, используя категории диамата. Причем скачка всемирного масштаба, ибо век этот уже был веком состоявшегося мирового сообщества. Что-то (или кто-то?) сокральное, не проявляющее себя явно, опутывало искусно сплетенной сетью страны и народы*.

Если до этого века история представляется результатом действия мировых законов эволюции *homo sapiens* с их главенствующим методом пробных ходов и отсечения ходов тупиковых, то в XVIII веке социально-экономическим, политическим развитием этносов и государств начинает руководить некая целенаправляющая сила, явно не божественного (то есть эволюционного, говоря языком естественной философии) происхождения, но человеческого, рукотворного. Виктор Ильич выделил и сформулировал наиболее явные признаки этого целеуказания и руководства.

Во-первых, были определены кровные враги этой незримой власти.

* Это нам, живущим на рубеже веков и столетий, уже все ясно и понятно; эту власть мы называем Мировым правительством, структурированным в Трехсторонней комиссии, Бильдербергском клубе, Римском клубе, Шенгенском соглашении и пр. и пр. Поэтому можно только поражаться синтетической интуиции нашего героя.

К таковым относились: крупнейшие европейские монархии; ортодоксальные религии, православие в первую очередь, но — и католицизм; национальная, патриотическая аристократия; реалистическое искусство (театр, литература, живопись, вообще — национальная традиция); логическая, античная в первооснове, философия; любые проявления традиций, патриотизма, национальной культуры; этносоциальная самобытность; экономико-хозяйственная автаркия; традиционная мораль, нравственность, этические нормы.

А во-вторых и в последних, всячески поощрялось противоположное, в идеале — полярное названному выше: власть демократического образца, то есть власть марионеток, избираемых купленным народом, за которыми стоят реальные управители: представители крупного ростовщического капитала; отказ от национальных приоритетов в пользу интернациональной идеи, о сущности и задачах которой знают только посвященные; провозглашение лозунгов типа «Патриотизм — последнее убежище негодяев»* и «Свобода, равенство, братство» — опять-таки с сакральным смыслом; отказ от национальной традиции во всех сферах деятельности; дезавуирование реалистического искусства, придание ему абстрактно-каббалистического облика, полностью оторванного от национальной почвы; введение двойной, тройной морали; религиозное сектантство; поощрение иррациональной философии масонского образца; сложная, мистическая обрядовость для посвещенных и многое, многое другое.

♦Предварительная подготовка к грядущему качественному скачку, изначально намеченному на самый конец XVIII века, в плане идеологическом была поручена плеяде французских просветителей. Их работа, впрочем, началась еще в веке предыдущем. В эту плеяду, постепенно выкристаллизовавшуюся в круг знаменитых энциклопедистов, входили и блестящие афористы — Монтень, Ларошфуко, Бейль, Кавеньяк и пр. Подлинным гением этих сатанистов духа стал блестящий Вольтер. Масоны и вольтерьянцы — подлинные властители дум французского и вообще европейского «века просвещения». Закономерным итогом такой просветительской деятельности, окрашенной самыми благими намерениями и человеколюбивыми лозунгами, в итоге сводящимися к внедрению правоты мысли о сугубом индивидуализме и прагматизме, и стала Великая Французская революция 1789 года.

...Впрочем, Виктора Ильича в его выборе объектов корректировки

* В последующем, девятнадцатом веке этот девиз озвучил доктор Джонсон.

мало занимала Европа. Тем более Азия и весь остальной мир. Мысли его были сосредоточены на России, хотя, начиная со времен Петра Великого, развитие ее в определенном смысле и копировало движение всемирного процесса.

Будучи патриотом, но не записным, не квасным, Виктор Ильич в целом положительно оценивал правление Петра Алексеевича, прекрасно понимая, что автаркическая эпоха Руси закончилась, а в новом веке Третьему Риму пристало смотреть не только на Восток, но и на Запад: именно смотреть, не лизоблюдничать, не обезьянничать, а, поблагодарив своих учителей за жестоко преподанную науку, оттяпать у кичливой Европы то, что плохо лежит, а по историческому праву наследия дóлжно быть под двуглавым орлом.

Интермедии же с немецкими кафтанами, французскими париками, голландскими трубками все укладываются в известный анекдот. Виктор Ильич улыбнулся.

Идет очередное заседание новосозданной коллегии — совета министров по-нынешнему. В свой черед докладывает президент коммерц-коллегии:

— Ваше императорское величество, голландские купцы предлагают бартер в оплату за поставку пеньки из расчета: сто пудов пеньки за ящик презервативов. Как, будем брать?

— Да-да, от Европы нам отставать нельзя,— задумался царь, попыхивая голландским кнастером, однако же у нас совет, коллегия, то есть мнение должно быть коллегиальным... Как, господа, полагаете?

Молодые выдвиженцы Петра, большие любители полазить по светлицам боярышень, отчего у последних часто случались неприятности, загомонили:

— Надо, государь, надо всенепременно сделку заключать, хватит нам дикарями в глазах заморских выглядеть!

Старые же бояре насупились, почесывая уже несуществующие бороды, глухо заворчали насчет бесстыдства и окаянства. Прекратил препирательства Петр:

— Поговорили? Обсудили? Раз у нас коллегиальная демократия, то ставлю на голосование. Будем *голосовать*!

Старые бояре радостно зашумели:

— Вот-вот, правильно речешь, Петр Лексеич, неча нам на немчуру кивать. Неча от старины отходить — отцы-деды *голо* совали и мы будем *голо совать*!

♦Таким образом, при всех издержках, царствие Петра Виктор Ильич полагал позитивным. А закончился век правлением очень симпатичного ему императора Павла. Но в общем-то век для России случился бабским, а отсюда — растрата сил и ресурсов государства при Екатерине I, обеих Аннах и даже петровской дочери Елизавете. Однако Екатерина Алексеевна искупила все их грехи. Один Потемкин чего стоил! А запрещение масонства? И многое, многое другое.

Однако при всех успехах осознания Екатериной во второй («взрослой», переболевшей масоно-вольтерьянской ересью) половине ее царства нависшей над миром опасности, все-таки она проглядела подвох сил мирового зла и сделала пагубнейшую для будущего России оплошность. Речь идет о третьем, то есть последнем и окончательном разделе Польши.

С одной стороны, России досталась львиная часть впавшей в политическое ничтожество Речи Посполитой с Варшавой, Литвой и, главное, с историческими русскими землями, что позже стали называть Белоруссией, Полесьем. Более того, в состав Империи вошли наиболее промышленные области Польши. Но... если Пруссии досталось Померания с Данцигом, а Австро-Венгрии (тогда еще просто — Австрии) историческая часть Польши с древней ее столицей Краковым, то есть области с практически мононациональным польским населением, то на землях, отошедших под скипетр русских царей, в то время проживала основная часть (называют цифры до 70—80 % от мировой их численности), причем компактно, исповедующих религию ветхозаветных патриархов, называемых и по сей день евреями. Однако Виктор Ильич, как ученый историк, тем более — архивист, прекрасно знал, что древний еврейский этнос-национальность никакого отношения к исповедующим иудейскую традицию в Новое время не имеет. Этническими евреями, то есть евреями-сефардами, могут считаться, да и то с определенной оговоркой, немногочисленные иудеи, рассеянные преимущественно в Западной Европе, Северной Африке; немногое их число со времен Рима осталось и собственно в Палестине.

Восточные же иудеи-ашкенази, волею судеб в Средние века оказавшиеся на землях западных славян с центрами-гетто в Варшаве, Праге и белорусских Любавичах, суть иудеи только по религиозной традиции, а этнически — прямые потомки азиатского, тюркского племени хазар, государство которых* было разгромлено великим Святославом.

---

* Это был величайший в истории пример «государства-химеры», где высшие правители — потомки палестинских евреев — обратили в свою религию эт-

Так тюркское племя стало носить название национальности евреев, исповедуя религию иудаизма. Кстати, живой и понятный нам пример из русской истории — это секта субботников или молокан Воронежской области: этнически чистокровные русские мужики и бабы, читающие Тору вместо Библии и, тем более, Нового Завета, исполняющие все требы иудейской религии: от обрезания до шаабада — запрета на работу в день субботний...

Тем не менее, потомки тюркского племени хазар, иудеи-ашкенази приняли на себя наименование евреев.

♦Понимая щепетильность темы, Виктор Ильич в советской своей жизни старался не озвучивать свои мысли на этот счет. Теперь же пришла пора ему — для себя и своих будущих действий — разобраться с «еврейским вопросом», как его именуют уже две тысячи лет.

Виктор Ильич не воспринимал так называемый бытовой антисемитизм. Он имел массу знакомых — и добрых знакомых — среди евреев: тот же приятель и коллега по архивной службе Изька Антонóвич, давняя подруга Нелли и так далее вплоть до исполкомовского куратора облархива Семена Святославовича Гордона. Последний хотя и не был его приятелем, но по службе они общались, не вызывая друг у друга раздражения.

Не без основания он полагал, что само понятие антисемитизма было придумано, поддерживалось искусственно сионистами. Этим жупелом они и держали в этнической изоляции евреев, делая их заложниками своих зловещих планов. И когда разгоряченный дешевым портвешком № 72 Изька в качестве последнего довода начинал кричать о еврейских погромах в царской России, то Виктор Ильич обстоятельно, с цифрами и датами доказывал, что *собственно* в России никаких погромов не было, а если таковые случались, то исключительно в Одессе и Киеве — городах со сложным национальным составом, а побудительной причиной погромов служила вовсе не национальность Изькиных предков и родственников, а торговое клановое соперничество за место под солнцем.

Не сам по себе конкретный еврей, твой сосед Абрам Борисович, вызывает настороженность и неприятие, а их связка между собой. Виктору Ильичу всегда при этом припоминалась афористическая мысль совсем по другому поводу и другой национальности, принадлежащая то ли Бисмарку, а может и Ницше. Суть ее сводилась к тому, что-де один немец — прекраснейшей и честнейшей души человек, два немца — это

нически чуждый им народ, кстати, весьма многочисленный.

уже военнизированная организация, а три немца — это война.

...В конце концов, Изька, распив с Виктором Ильичом последнюю, «разгонную» бутылку 72-го портвейна местного розлива (в *Т.* и его окрестностях виноград не рос даже в теплицах), соглашался: да, пугало антисемитизма, по крайней мере в России, придумано еврейской, то есть сионистской, верхушкой, и этой выдумкой, постоянно нагнетаемой, они держат евреев в своей беспрекословной власти. И поделать ничего нельзя: пикнешь — изгонят из общины, а значит, пропадешь, сопьешься. Спиноза тому характерный пример.

♦И как это умная немка Екатерина, как всякий обрусевший *deutsch* первостепенно чтившая государственную пользу Российской империи, проглядела подвох мирового масонства? — Масонством Виктор Ильич условности и краткости ради именовал в размышлениях своих силы мирового зла в обстановке 18-го и 19-го веков (В современное ему время, в особенности к самому концу XX века, на смену масонам устоялся другой термин: мировое правительство).

Даже и говорить особо не стоит, что включение именно *этой* части Польши в состав России было тщательно запланировано масонами, а соответствующее решение было принято задолго до начала разделов бывшей Речи Посполитой на тайных заседаниях синедреона — предшественника Бильдербергского и иных клубов, соглашений и комиссий.

...Как горько плакал расчувствовавшийся Изька Антонóвич, выпив на брудершафт с тоже захмелевшим Виктором Ильичом последний стакан 72-го портвейного пойла — «отвальную» по старой ямщицкой классификации прощальных стопок,— разве мы виноваты, что две тысячи лет рассеяния воспитали нас в том смысле, что мы должны, как хищники-золотоискатели, всюду срывать пенки, быть первыми, используя для этого двойную и даже тройную мораль... Это наш способ выживания. Понятно, что никому это не нравится: если соберутся вместе хоть три еврея, то это уже государство в государстве*. Но конкретно моя-то вина, вина любого отдельно взятого еврея в чем? Но ваш же бог нас и наказывает: стоит нам где-то зарваться — и вот тебе очередное изгнание: из Испании, из Голландии, а потом и вовсе холокост, хотя ты в него и не веришь... Да я и сам не верю.

— Действительно, что за судьба у еврея? — размышлял расчув-

---

* *Status in statu* (лат.) — название известной главы в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского.

ствовавшийся Виктор Ильич; житейский опыт мигом подсовывал живые картины: вот мальчишки-одногодки в их дворе от семи до десяти лет, возраст игр, дурачества, омрачаемый лишь необходимостью ходить в школу. Так ведь Петька с Васькой отмаялись на уроках с утра, а потом ранец-портфель с размаху в дворовые лопухи и пошли до темноты, до мамашиных надрывных криков об ужине, гонять мяч, девчонок за косы таскать, жечь костры за гаражами, тайком курить вонючую курскую «Приму»... Зато как сладок сон: не чувствуя от усталости ног, свалишься полураздетый на постельку свою и только противный будильник, подкрепленный окриками отца и матери, заставит с трудом раскрыть глаза для нового дня школьной докуки.

А вот сын доцента Глузермана и дочка адвоката Шмулевича пришли из школы, смиренно пообедали, взяли в руки скрипочки в футлярах и без понуканий пошли в районную музыкальную школу. Отпиликали свое — и снова домой, поужинали и опять за дело: мальчик Боря, отмахиваясь досадливо от заманчивых предложений одноклассников размяться футболом или сходить в соседний кинотеатр в пятый раз на неделе посмотреть «Человека-амфибию», упрямо идет в районный же Дом пионеров. Там он аккуратно занимается сразу в двух кружках: шахматном — чтобы в будущей жизни математически точно и выверено планировать жизненные и служебные ситуации, и в авиамодельном — чтобы после окончания школы поступить в престижный столичный институт.

А девочка Лиля с мамой Розой идет, принарядившись, в концертный зал филармонии: сегодня музыкальная сенсация — в их областной город с однодневной гастролью заглянул камерный квартет Башмета.

В законный день отдых, в воскресенье, Ваську с Петькой их родители видят только за завтраком, а второй раз за день — с наступлением полуночной темноты. Борю же и Лилю родители наблюдают весь день. Борис с папой выходной посвящают организованному спорту: с утра плавают в бассейне центрального спорткомплекса, затем, освеженные и оптимистичные, обедают (сегодня мама отдыхает от домашних дел) в летнем кафе в парке, беседуют о школьных успехах сына. Отец дает ненавязчивые советы. Затем долго играют на платном корте в лаут-теннис. Слегка усталые и счастливые они возвращаются к вечеру домой; папа готовит ужин-скороспелку, Боря читает свежий номер шахматного журнальчика, а после ужина и до одиннадцати готовится к школьной физико-математической олимпиаде.

Мама же Роза с дочкой Лилей с утра прогуливаются по магазинам.

С ними их семейная портниха — Серафима Марковна; подбирают материал и фурнитуру для летних нарядов матери и дочери; планируется отпускная поездка в Крым. Распрощавшись с Серафимой Марковной, мать с дочкой идут в заранее обговоренные гости к семейным друзьям Корнблютам, где гостят до темноты (их приходит встречать Глузерман-старший). Взрослые женщины сидят за столом слегка затененной от весеннего солнца занавесями комнате-гостиной, пьют витаминный чай со свежей мацой, беседуют голосами, достаточно слышными для детей: Лили, ее ровесницы — дочки Корнблютов и их же чуть более взрослой племянницы Регины, пришедшей в гости без матери. Дети уже отобедали, расположились на громадном кожаном диване и со вниманием листают редкостный в те времена журнал «Бурда-моден».

В отличии от родителей Васьки и Петьки в ситуации гостевания, здесь женщины не жаловались на трудности жизни, своих мужей, непослушание детей, цены в магазине и на рынке. Нет, они беседовали, внимательно отмечая для себя реакцию девочек, о правильном воспитании детей и их благонравном поведении, успехах в школах (обычной и музыкальной), о последней научной публикации доцента Глузермана, очередном должностном повышении инженера Корнблюта, вокальных успехах мамы Регины — примы местного музыкального театра. Никаких жалоб, критик, неудовольствий. Девочки жадно впитывали, мотали на уже заметные характерные усики ...

Но вот дети подросли, получили образование; Васьки и Петьки то же самое, да еще и в армии душой и телом окрепли, а к тридцати годам и способности у них незаурядные прорезались («Русский долго запрягает, но потом быстро скачет»,— все тот же афорист Бисмарк). Пришли они в КБ—НИИ, на заводы, в ВУЗы и театры, а там уже на должностях сидят дети Глузермана, Корнблюта, сама Регина Исааковна. От ранней карьеры они уже выдохлись к 30-ти годам, неспособны к творчеству, в отличии от Васек и Петек, но... места-то ими руководящие заняты.

♦Конечно, царица Екатерина, в юности принцесса крохотного немецкого маркграфства, достаточно знала особенности духовных потомков библейских жителей Палестины, благо земли их Гессен-Дармштадта располагались близко к Польше, да и в любом германском городке наличествовало сословие торговцев и ремесленников из евреев. Огородила она своих православных, а ровно мусульманских, буддийских, католико-протестантских поданных с их медленно, но верно развивающимся умом, а отсюда и умением созидать, торговать, управлять — от рано взрослею-

щего народа Давидова чертой оседлости по примеру еще со Средних веков существовавших в Европе гетто. Да только и ста лет та черта не просуществовала, проломили ее международные еврейские банкирские дома, шантажируя последнего (самого глупого) русского царя в трудную минуту отказом в кредитах на вооружение, с немалой помощью своей извечной пятой колонны — наисволочнейшей в мире, вечно либеральной российской (даже слово «русской» употреблять здесь не хочется) гниды-интеллигенции. А дальше пошло-поехало, но — это уже другой век, а Виктор Ильич еще не додумал до конца о коллизиях «бабского века» России.

Вот этот-то вечно злободневный уже две с лишним тысячи лет вопрос мирового значения и не устраивал его в русской истории XVIII века. Вот бы за его корректировку взяться — но как? По силам ли ему будет? И каким образом? — Вписать себя в историю новым фаворитом ранга Потемкина, Румянцева, наконец, на худой конец и Платона Зубова...

Нет, решил-таки он по здравому рассуждению, не Потемкин с Румянцевым, ни тем более глупый солдафон и хитрюга Платон Зубов, все равно не справились бы с организованным мировым заговором; не было у России во второй половине 18-го века естественных союзников в мире.

Вздохнув, он решил оставить опасную тему, а вместе с ней и блестящий придворный век России без изменений, надеясь, что в параллельных мирах его поймут и не осудят.

♦Исторический перебор неумолимо приближал нашего виртуального путешественника к новейшим временам. Перед веком девятнадцатым глаза разбегались от обилия событий и сюжетных ходов. Здесь и императоры, многажды им уважаемые, к которым в исторической ретроспективе он с удовольствием пошел бы в советники: Николай I, Александр III, даже Александр I, сумевший с возрастом отринуть либеральную свою благоглупость и раскаяться в содеянном. А вот Александр II и Николашка Кровавый, погубившие империю, заслужили свою насильственную смерть. По делам их... Никак нельзя Начальнику России впадать как в либерально-миротворческую, так и расхлябанно-отстраненную крайности; ни народ этого не любит, ни враги — внешние и внутренние — не теряются.

Из всех событий богатого на них XIX века Виктор Ильич не хотел бы видеть случившимися: бунты декабристов — первое открытое и явное вооруженное выступление против Империи сил мирового зла, масонства; позор Крымской войны; либеральные реформы Александра — двойного

Освободителя; упущенные блестящие итоги освобождения Балкан русскими, когда все ее результаты достались англичанам и немцам; полностью — начало бездарного правления Николашки Кровавого.

Размечтавшись, он хотел бы видеть многое, полезное для державной славы России.

Во-первых, с самого начала наполеоновских войн помятуя о государственном эгоизме, вполне понимая и осознавая масонско-дьявольскую сущность бонапартовой экспансии, не следовало поддерживать трясущиеся от страха европейские монархии, особенно вековечного врага России — «англичанку». Не нужны были политические и экономические блокады новоявленной трехцветной республики; задаром великий наш полководец покорял Альпы. Все это лило воду на мельницу всегда враждебной нам Европы; она же вскорости и не раз «отблагодарила» нас за наше же участие.

Бонапартизм, как следствие революции 1789 года, был первым пробным открытым наступлением сил мирового зла, а потому его вдохновители и координаторы изначально не ставили на полную и окончательную победу; им важно было закрепиться в Европе. Поэтому и без России, в конце концов, Австрия, Англия и Пруссия сохранились бы, но внутриевропейское побоище — чего их жалеть? Они ведь нас никогда не жалели — продлилось намного дольше, вылилось в новую 30-летнюю войну, вся Европа после еще лет двадцать, обессиленная друг другом, зализывала глубокие раны, а в это время Россия на век раньше стала бы мировой державой, гегемоном Европы.

Не надо было дразнить корсиканца, даже в мелочах становиться на его сторону, подсылать умных дипломатов, вербовать и покупать ближних к Наполеону людей (нувориши всегда падки до денег!), внушить удачливому военачальнику, но весьма посредственному политику, что, раз царствие его не от Бога, то подталкивая к схватке с Россией, силы мирового зла добиваются и его погибели, унижения Французской республики.

А ведь в самом начале всеевропейской заварухи Павел I, которого с подачи недругов России — пятой колонны в лице ряда писателей XIX и XX веков, полагали чуть ли не сумасшедшим, это хорошо понимал. И действия решительные начал: испытав предательство и интриги Австрии, он отозвал Суворова из Италии, а из Голландии действовавший там русский отряд, заключил союз с Францией, Пруссией, Швецией и Данией против Англии, послал в Индию сорок полков донских казаков. Потому и был убит массонами.

...Не тот царь был дан Империи в эти сложные времена. «Власти-

тель слабый и лукавый»,— все же Пушкин был редкостный гений; он-то все ясно понимал. Первый выпуск Царскосельского лицея дал России двух проницательных людей, двух великих государственников: будущего канцлера Горчакова и поэта в изгнании Пушкина. Только умнейший Николай Павлович оценил по достоинству последнего...

Уроки отечественной войны 1812 года впрочем заставили поумнеть и Александра Первого, выбрать правильное государственное поведение. После окончания войны русские наместники правили Южной Германией. Надо было божеское это дело продлить сколько можно дольше. Это и рыцарское отношение к поверженному Парижу: уважение к бывшему врагу; никакого унижения и солдафонства, чем «прославились» немцы-союзники, наконец, практическое неучастие (хоть поздно, но спохватился!) в подавлении вылазки Наполеона с о. Эльбы: под Ватерлоо смертельно раненного зверя добивали, как положено на охоте, не егеря и загонщики, но второстепенный охотный сброд, руководимый Веллингтоном и Блюхером. Даже опереточное переименование* столицы в Петроград пошло на пользу государственным устремлениям повзрослевшего Александра Павловича. Уже и не говорим о 600-тысячной армии корсиканца; русские не немцы, не кровожадные, поэтому большинство из «двунадесятых язы́ков» не были перебиты, а притулилась при помещичьих усадьбах: в лакеи, в воспитатели, в повара. В основном, пользу России принесли. И остатки масонства повзрослевший Александр прижал, да вот не доглядел за офицерством, подхватившим заразу либерализма в европейских походах, а расхлебывать пришлось его младшему брату.

♦Декабрьский бунт Николай Павлович совершенно правильно понял как отголосок, докатившийся до России — европейской провинции, больших, только что свершившихся мировых событий, то есть первого глобального наступления (уже в открытую!) дьявольского масонства. Поэтому и наказание несчастным, поддавшимся на уловку искушенного врага человечества, было суровым. Тем более — «братья по классу», как-бы сказали в более позднее время. Николай Павлович, что характер-

* Хроническая эта болезнь переименования вовсе не есть якобы большевистское изобретение, как нас сейчас уверяют дерьмократы; пример подали цари. В этом смысле самый несчастный город — северная столица. Даже знаменитые по этой части Луганск и Рыбинск превзошла: СПб — от Петра, Петроград (1812), снова СПб (1814), снова Петроград (1914), Ленинград (1924) и... снова нелепый в конце XX века СПб — усилиями бывшего бухарского доцента, вора-демократа в знаменитом клетчатом пиджаке. Но Бог его покарал.

но для всех его дел, и внешние атрибуты Империи руссифицировал; именно он заменил бывший и российским (!?) английский гимн (с 1816 г.) национальным гимном на музыку А. Львова и слова Пушкина и Жуковского.

Крайне неоднозначно Виктор Ильич оценивал роль Священного Союза и активное участие в нем России. С одной стороны, это была осознанная реакция европейских монархий на масонскую агрессию. Это сыграло свою позитивную роль в посленаполеоновском устройстве Европы. Но больно ненадежные союзники были у России! Мало того, что России была отведена роль исполнителя-палача, одно подавление Венгрии, то есть усиление Австрии, чего стоило — лютую ненависть мадьяров к русским на все последующие времена (Польша ладно, это уже внутренние дела), но в итоге-то сама Империя к середине века оказалась в политической изоляции и получила позор Крыма. Нет, нужно было Николаю, формально состоя в Священном Союзе и декларируя его цели и задачи, избегать роли жандарма Европы. Бунтуют мадьяры — пусть австрияки с ними и бьются в затяжной войне, а у России на дипломатические увертки от участия есть канцлер Горчаков, да и своих забот, дескать, хватает: Варшаву штурмовать надо, с персами еще не до конца разобрались, бесконечные русско-турецкие войны* и т.п. То есть следовало словесно ратуя за стабильность европейского монархического устройства, не выставлять себя пугалом народов *dans le sens historique***.

И более того, стоило бы любыми средствами ставить шпильки своим «священно-союзникам», по-крупному заигрывать с французами, а главное — где только можно, на Балканах, в средней Азии, Персии, ружьем и рублем выдавливать англичан, ставить им препоны. Еще больший эффект имело бы смягчение исторической конфронтации с Турцией. Если Виктор Ильич не ошибался, то еще умнейший Потемкин полагал, что-де не временный, но постоянный мир с Портой был бы истинным благодеянием для Империи, развязав ей руки для устройства своих европейских дел, а заодно и присоединение Средней Азии следовало начать загодя, не дожидаясь, пока Англия начнет совать туда свой длинный нос.

Именно в активном участии России в деяниях Священного Союза Виктор Ильич и полагал крымскую трагедию. Но как скорректировать? — Николай Павлович советчиков не жаловал, а заменить собой Горчакова Виктор Ильич не решался.

---

* * Начиная с петровских времен и до Первой мировой их было за десяток.

** В историческом масштабе (фр.)

♦Царствование Александра Второго — двойного освободителя — Виктор Ильич не любил, чем немало раздражал знакомых, даже не из числа профессиональных историков (в советское время все были поголовно грамотными и могли здраво рассуждать о исторической политике).

— Как,— горячились школьные учителя, инженеры с кругозором, дамы и девушки, читающие литературные журналы и «Литгазету»,— да ты, брат Ильич, ретроград оголтелый! Тебе бы крепостничество в двадцатый век продвинуть, да чтобы исправник с урядником суд-расправу вершили. Так это *твой Сталин* с успехом осуществил! А братья-славяне своих жен-дочерей до сих пор в турецкие серали и гаремы отдавали бы,— это дамы и девушки, в основном, волновались за женскую долю, забывая, что в гаремы жен не брали, там отбор строгий: только девственницы. А сераль — и вовсе иное учреждение.

— А бурное начало промышленности в отсталой России, а железные дороги? — путались во времени школьные учителя истории.

— Ты, брат, махровый черносотенец,— убеждал приятеля после второй рюмки любимого семьдесят второго разгоряченный Изька Антонóвич,— ведь только после реформ Александра Второго *нашим* открыли доступ к высшему образованию. Вот мой прадед Моисей Энтин крестился, стал Михаилом Антонóвичем и вырвался из замшелых Рошалей, окончил в Гродно гимназию, университет в Харькове, а потом в *Т*. адвокатом обосновался...

Правы, ох как правы вы все: и Изька, и руководствующиеся наркомпросовской программой школьные учителя, правы даже литературные дамы с их незнанием назначения сераля. Но как им представить себе, что крепостничество к середине века уже переродилось де-факто в коллективное, общинное, сельскохозяйственное производство на *своей* для каждой крестьянской семьи земле, а помещик стал директором этого хозяйства с массой ответственности перед законом о судьбе своих крестьян. А после пресловутого освобождения этих-то крестьян они же и оказались с чересполосицей худших земель и непосильных долгов банку, выплачивая его вплоть до ленинского декрета. Можно и нужно было все это сделать поумнее.

Да, освобождение балканских славян от 500-летнего турецкого рабства — дело святое, но зачем же было опять сыграть наруку своим извечным врагам австриякам, немцам и англичанам? — Освободил ты валахов и молдаван, так и присоедини их к России, учреди еще одну южную губернию, все одно экономически и по родству православия они к

Империи тяготели! Создали свободное царство Болгарское, но зачем же его сразу под влияние Гогенцоллернов отдавать? Зачем соглашаться на поставление в цари немецкого принца, коли в Петербурге без дела два десятка великих князей маются? Вот и получили, что хотели: в войнах 20-го столетия Болгария хоть прямо с Россией не воевала, но союзником супротивной нам Германии была, а в новейшее времена так и вовсе собирается памятник советскому войну-освободителю, знаменитого «Алешу» снести... Наверное, в благодарность освободителям. Немцы вот даже и в мыслях такого не допускают насчет монумента Вучетича в Трептов-парке.

Вот сербы, черногорцы и греки хорошо к нам относились и относятся, так ведь они сами и освободились! Помощь в этерии грекам и черняевские добровольцы в Сербии были скорее моральной поддержкой.

И не надо особо винить престарелого уже Горчакова, что-де не удержал для России почетный Куйчук-Кайджарский договор с Турцией в 1878 году, а допустил никчемный и обидный мир в Сан-Стефано. Не Горчаков, но царь-освободитель слабину дал.

♦О самом русском из царей, почти-что чистокровном немце Александре Александровиче «Миротворце», Виктор Ильич был восторженного мнения. Правильный был государь и все ясно понимал в мировой расстановке сил, потому на смертном одре, хотя и мало надеясь на слабого духом наследника, все же втолковывал ему: нет у России друзей за пределами ее границы, а единственным союзником есть и будут ее флот и армия...

Германец его боялся, кайзер Вильгельм шинель его носил и почтительно называл дядюшкой.

В меру Александр III поддерживал балканских славян (отряд Черняева в Сербии), а вообще говоря, без лишней нужды в дела склочной Европы не влезал, потому — миротворец, ни одной войны серьезной при нем Россия не вела.

Зато все внимание на устроение Империи обратил. Окончательно замирил Кавказ; Среднюю Азию, опередив англичан, умно и малой кровью включил в Империю, Маньчжурию де-факто сделал своим вассалом; Россия крепко встала на Дальнем Востоке, предчувствуя экспансию Японии и американшек. Еще более впечатляющи успехи внутри страны: необъятная территория покрылась сетью железных дорог, повсюду строились заводы, фабрики, открывались университеты. Но и капитализм российский был иного толка, нежели в европах и америках: почти-что госу-

дарственный капитализм, патриотический. Хотя и привлекали активно иностранный капитал, но только на пользу отечества, сводя права инвесторов к минимуму.

Трезв был в мыслях и делах император, которому злобствующие либералы подпустили корявый анекдот, что-де Александр III был единственным русским царем, который умер естественной смертью: от алкоголизма.

Глава пятая

То, что ценно в человеческой жизни, возникает не из разумного рассуждения, но в состоянии войны у людей, которые, будучи воодушевлены великими мифологическими образами, участвуют в борьбе

Жорж Сорель

♦Бегло пробежав — со своих позиций, конечно — историю Отечества в контексте мировой, Виктор Ильич впал в уныние: столь сложная симфония лиц, событий, тенденций сплетались, что руки опускались... Вроде и энтузиазм у него есть, и редкостная возможность самому поучаствовать в корректировке хода истории, а вот поди же! — За какую ниточку ни дерни, все другие рвутся, а сонмы других альтруистов «Викторов Ильичей» к этим ниточкам не приставишь.

Поэтому-то наш потенциальный путешественник во времени и заторопился в родной ему век двадцатый. Здесь он даже и не устраивал последовательный перебор «царей и присяжных поверенных», используя терминологию одесских хохмачей. Конечно, великий поворот в России XX века можно охарактеризовать словами хохмачей, того же Аверченки. Кажется у него описана эта сценка: на митинге разошедшийся оратор «из наших», проявляя свою гимназическую начитанность, сделал красивую концовку пламенной речи о пользе интернационализма: «...И не будет в новой России ни эллина и ни иудея». На что из лузгающей семечки толпы агитируемых раздался веселый голос: «И слава богу!» Мд-а-а, двусмысленно. «Без Россий и без Латвий» пролетарского поэта посильнее.

Вообще говоря, век двадцатый есть воплощение (или первое проявление?) грядущего иррационализма, сакральности, каббалистического иллюминатства. Еще было достаточно далеко (напомним, что действие происходит в начале 80-х годов) до полной победы сатанинских сил в

России, предсказанной Серафимом Саровским, Константином Леонтьевым и Ф. М. Достоевским, но по смерти пятикратного Героя Леонида Ильича многие тонко чувствующие (и зло, и добро — здесь не играет особенной роли) засомневались в рациональности уже устоявшегося бытия.

Виктор Ильич, а иначе он бы и не стал героем нашего повествования, как раз и относился к таким тонко чувствующим людям. Вовсе не обязательно человек-провидец должен быть выдающимся ученым, мыслителем, витией-трибуном, организатором политизированных масс... Вовсе это не обязательно. Ведь, как правило, за такими «публичными» оракулами и политиками стоит в тени направляющая сила: позитивная, а чаще — негативная. Такой вот нонсенс, ибо самостоятельность мышления — роскошь, своего рода гедонизм, за который истинный провидец и мыслитель расплачивается духовным одиночеством, непризнанием при жизни, смехом тупой толпы, а в суровые времена — остракизмом, католическим аутодафе, православной плахой, протестантским изгойством, древнеиудейским холокостом* и так далее, вплоть до родоплеменного поджаривания на вертеле и съедения.

А коль скоро наш герой был мыслителем, то опережал на десятилетие наперед так называемое «общественное мнение», а главное, умел *синтезировать* вроде бы разнородные явления настоящего и прошлого, устанавливая их эволюционную связь, то есть — истину.

♦Будучи человеком образованным и систематическим, Виктор Ильич размышлял в рамках логических построений, однако двадцатый век как раз и не подходил под обычную, то есть формальную, восходящую к Евклиду и Аристотелю, логику. В особенности это касалось ее важнейшего закона исключения третьего: выбора из двух противоположных (взаимоисключающих) положений: «да — нет», третья же возможность «да» и «нет» исключается. Однако реальность родного его века в части движущих сил истории, столь стремительной, по-преимуществу сводились к этой вот «третьей возможности».

Виктор Ильич подспудно и еще давно чувствовал, что возможно, должно быть логическое обоснование, выход из патовой ситуации. И услужливая память этот выход подсказала. Еще во времена архивной молодости он свел знакомство с одним старичком, *Т*-им жителем; более

---

* Холокост (греч.) — жертвоприношение у древних иудеев, когда жертвенный человек или скот полностью (до пепла) сжигались.

того, в гимназические годы этот старичок входил в руководство *Т*-ой секции учащихся социалистов-революционеров, проще говоря — эсеров, штаб-квартира которых размещалась на бывшей Староникитской улице — почти напротив теперешнего областного архива. И сам старичок коротал свой век в покосившемся домишке тут же рядом, на улице им. *МОПРА*, что в расшифровке означало: международная организация помощи рабочим; последняя буква «*А*» несла чисто грамматическую нагрузку, означая родительный падеж: *МОПР'а* (кого-чего). Кстати, спешно переименовывая улицы в этой старой части города, товарищи большевики разнообразием не баловали: соседняя к *МОПР'у* и такая же кривокопытная улочка носила имя *ТОМП'а*. В архиве не один обеденный перерыв служащие помоложе (старики говорили только о видах на урожай — в смысле цен на молодую картошку на базаре) ломали копье о расшифровку этой аббревиатуры; пришли к выводу, что это означает *Т*-ое отделение соседней *МОПР'ы*. На том и порешили.

Так вот, этот старичок, бывший гимназист, при советской власти высшего образования получить не смог, помешала детская игра в эсеры, поэтому тихо-мирно служил в мелкой конторке по части горкомхоза. Однако груз классического образования и воспитанная любознательность не позволяли ему жить спокойно и без забот. Воспользовавшись наступившей пенсией и почти-что либеральными временами, эксэсер задумал сочинять мемуары, как непосредственный участник революционных событий. «Пусть хоть внуки прочитают, а может и издадут когда. Времена ведь меняются»,— контрреволюционным шепотом доверительно сообщал он Виктору Ильичу.*

К Виктору Ильичу он привязался, поскольку только тот, по мягкости характера, помогал мемуаристу с поиском в недрах Архива нужных газет революционного периода истории *Т*-ой губернии. Пару раз он приглашал архивиста в свой домик на чай с малиновым вареньем, с домашней настойкой. Виктор Ильич копался в книжном шкафу и брал почитать любопытные брошюрки начала века. В числе прочих ему попалось литографическое издание лекций малоизвестного ныне русского философа Н. А. Васильева.

---

* Как в воду глядел старый контрик. Уже в нынешние времена в либеральном *Т*-ом издательстве «Сфинкс и К°» вышел 700-страничный том его мемуаров (посмертно), а издавший их внук эсера, бывший профессиональный комсомолец, ныне хозяин сети магазинов, добился от власти установления мемориальной таблички в честь деда на старом домишке, который он сохранил, как шалаш В. И. Ленина, на участке новопоставленного своего особняка о трех этажах.

...И вот теперь, мучаясь логическими неувязками века нынешнего, Виктор Ильич с восторгом припомнил (памятью бог не обидел!) содержание этих лекций, где излагались основы новой, неклассической, отличной от евклидовой и аристотелевой, логики, где как раз закон исключения третьего заменился правилом *исключения четвертого*. Таким образом, свобода логической мысли расширялась, но, конечно, не беспредельно, ограничиваясь принципом абсолютного различия между истиной и ложью.

Добрым словом помянул узник замка Орсэ де Монтан старичка с улицы *МОПРА*.

♦Логическая же неувязка заключалась в том, что при анализе событий и тенденций XX века, а равно и последней четверти века предыдущего, Виктору Ильичу никак не удавалось разложить имевшие место коллизии, что называется, *ab ovo*, свести к парам взаимоисключающих понятий: черное-белое, добро-зло и пр. Действительно, как расценивать итоги, само действие и последствия Октябрьской революции — естественно, отвлекаясь от ее канонизированной истории по Покровскому-Луначарскому и их Пролеткульту («Краткий курс истории ВКП(б)» Иосиф Виссарионович уже вынужден был писать по сложившийся традиции)?

Но ведь и сама революция, ее предыстория, а главное — вся последующая история страны в XX веке есть необходимое, но всего лишь звено в сложной взаимосвязи событий, которую и вовсе не сведешь к разложению на две полярные ипостаси.

Именно в несчастном нашем веке силы мирового зла дали решительный бой доблестным ревнителям добра и, похоже, выиграли его. Виктор Ильич размышлял в замке Орсэ де Монтан, напомним, когда до окончания века и тысячелетия оставалось еще полтора десятка лет, но он уже предвидел печальный исход кровавого и коварного века; ведь откуда-то взялось у него желание скорректировать отдельные ходы истории, то есть, если не повлиять на исход битвы света и тьмы, то как-то отсрочить темную победу для своего Отечества.

Несомненно, что первым из руководителем Империи, кто так же остро и безошибочно чувствовал наступление сил мирового зла, был наиболее уважаемый Виктором Ильичом император Александр Александрович. Этот царь, которого уже 100 лет полощут, кому не лень, как алкоголика, мрачного мизантропа, душителя просвещения, конечно же — антисемита и черносотенца (тем более, что шаровары, кушаки и сапоги-бутылки ввел в обиход он; армию так одел), первым из крупных политиков своего времени обнаружил, что отныне врагом № 1 России (а равно

и всего мира) является не Германия, не Франция с Австрией, даже не пресловутая «англичанка», не их всеевропейский, антирусский союз, но некая сакральная, не афиширующая себя сила — интернациональная по своей сути, оружие которой — все золото мира, аккумулированное в их руках.

Он силу эту не упрощал, например, сводя к еврейскому капиталу, хотя так именно и было. А его строгость в отношении еврейского населения России — от понимания того, что это нация есть заложник (по праву иудаистской принадлежности) воинствующего интернационального капитала. Пока же правоверный иудей торгует по мелочи в черте оседлости, то он защищен общиной, обстоятельствами и царем от команд мировой закулисы, но стоит ему, например, неискренне приняв православие, очутиться в столицах, в крупных городах, заняться политикой, коммерцией, наукой, так он уже себе не принадлежит. Он уже воин Нового мирового порядка, и неведомая, но денежно весомая сила посылает бедного Абрама или Моше с листовками в деревню (где мужики могут поднять его на вилы), с бомбой — на губернатора, с пропагандистскими речами — на завод Путилова. И отказаться нельзя: свои и ликвидируют.

Понимая неотвратимость наступления по всем фронтам сил мирового зла, Александр III тем не менее всеми силами противодействовал их проникновению и укреплению в России, делая экономику, а значит и политику страны независящей от международного капитала.

Виктор Ильич уже вспоминал, анализируя век девятнадцатый, что именно при Александре III Россия стала экономически сильным государством, равным по своей мощи крупнейшим странам Европы. Именно при нем квалифицированный рабочий по всем доходам, а в определенном смысле и по «социальному весу», стал превосходить лавочника и мелкую канцелярскую сошку. Так что пожелтевшие портреты рабочих в сюртуках с бабочкой, в шляпах из старинных семейных альбомов не фикция с одеждой напрокат, по — тогдашняя действительность. И то, что рабочий-машинист на железной дороге на свое жалованье содержал неработающую жену и восемь душ детей, из которых все получили школьное образование, дочь окончила гимназию и стала сельской учительницей, сын — с университетским дипломом, а другой в военном училище,— тоже не редкость. Виктор Ильич знал потомков таких машинистов.

♦Прямым духовным наследником, почти что инкарнацией Александра III в XX веке был Иосиф Виссарионович Сталин, точно так же, как (вот вам и наглядное развитие в сфере политики диалектической спирали!) двойником губителя сталинского наследия первого

«перестройщика» Хрущева был после Александра Александровича самый глупый русский император Николай Кровавый. Последний лишил Россию экономической и политической независимости, позволил втянуть страну в провокационную войну на Дальнем Востоке, а затем и в Первую мировую, взрастил в православной и законопослушной России орды коррупционеров, казнокрадов, продажных чиновников и пр. и пр. Перечисление его «достижений» столь же длинно, как и титул российских императоров.*

Именно Сталин взялся вроде бы за неисполнимую задачу: ликвидировать последствия николаевского царствования, революции, троцкистского (отчасти — ленинского) периодов в разрушении государства и русской нации. Самое существенное, что это он выполнил и почти на три четверти века оттянул гибель страны.

Минута торжества дела Сталина, когда он впервые, не смягчая слова с учетом окружения «верных ленинцев», агентов мировой закулисы,— это его выступление на приеме в честь командующих войсками Красной Армии 24-го мая 1945 года:

«Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост. Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и, прежде всего, русского народа.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза...

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение...

---

* Для любознательных приведем полный титул первого царя романовской династии Алексея Михайловича: «Великий Государь, Царь и великий князь Алексей Михайлович, всей Великой и Малой России Самодержец, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий князь Тверской, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий князь Новгорода, Низовской земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всей Северной стороны Повелитель и Государь, Иверской земли, Карталинских и Грузинских царей и Кабардинской земли, Черкесских и Горских князей, и иных многих Восточных и Западных; северных владений и земель Отчич и Дедич и Наследник, Государь и Обладатель».

В дальнейшем этот титул, по мере территориальных приобретений, разрастался, включив даже «наследник норвежский».

За здоровье русского народа!»

Господи, думал Виктор Ильич, какой небольшой временной интервал между торжеством русского народа и его ничтожеством, в которое втоптали посланцы сил мирового зла. Ведь еще совсем недавно пролетарский вития Яков Моисеевич Алтаузен громогласно декларировал:

«Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.

Случайно им мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы под стать,
Подумаешь, они спасли Россию!
А может, лучше было не спасать?»

Тьфу! Будь ты проклят. Виктор Ильич с отвращением вспоминал свои московские встречи с такими алтаузенами в студенческие годы. Однажды в любимой всем студенчеством столицы пивной на Пушкинской он познакомился с ребятами-заочниками из Литинститута, приехавшими на сессию. Один из них вовсе оказался земляком из *Т.*, работал инженером в известном всему городу (а по своей продукции так и вовсе всему миру!) «ящике». Само собой разумеется, после пива сдружившаяся компания проследовала неподалеку к кинотеатру «Россия», села в третий троллейбус и скоро была в не менее знаменитом общежитии Литинститута, тож гостинице Литфонда, что напротив Останкинкского мясокомбината. Оставив гостя в своей комнате, в которой проживали двое из компании, хозяева помчались за сервировкой: кто за портвешком, кто за закуской, а самый искусный в кулинарии — на общаговскую кухню жарить картошку с салом из Харькова; гулять решили по-крупному.

Виктор Ильич, сам-один в комнате на четыре кровати, с интересом рассматривал врученную ему одним из хозяев рукопись повести на историческую тему. Неожиданно вошли веселые и возбужденные двое других (не из компании) насельников комнаты. Их характерная внешность и кой-какие замечания компаньонов Виктора Ильича свидетельствовали, что обе пары в комнате оказались случайно, интересы и круг общения у них явно не совпадали.

Кратко представились: Яков из Свердловска, детский поэт, и Владислав из Горького — актер драмтеатра, учится на отделении драматургии. Впрочем, заглянули они на минуту, так как наметились в гости к

московскому родственнику Якова. Переодеваясь-переобуваясь, видимо продолжая ранее начатый шуточный дискут, они обменивались афоризмами типа уже известных Виктору Ильичу: «Вьется в тесной печурке Лазо» и «Над седой равниной моря Голда Меир буревестник». Однако, вспомнив, что они не одни, Владислав подтолкнул приятеля локтем и кивнул в сторону гостя. До Виктора Ильича донеслось негромкое: «осторожней, не наш...»

♦ «Перейдя» в век двадцатый, Виктор Ильич уже и не стал в строгой хронологической последовательности перебирать наиболее существенные вехи в истории страны: России и СССР. Ясно понимал, что все это есть звенья одной, неразрывной цепи, причем закольцованной и сложнопереплетенной наподобии молекулы ДНК. Бесполезно ее разрывать и анализировать отдельные составляющие, ибо логический принцип исключения четвертого «работает» только для максимально полной системы.

События XX века следует поэтому рассматривать изначально в категориальной оценке «истина и ложь». Эти категории для России — СССР, как государства — носителя православной идеи, понимаемой, естественно, не в узком клерикальном смысле, но как овеществление в историческом процессе заповедей Христа (моральный кодекс строителя коммунизма повторяет их в иной терминологии), наиболее явны и наглядны. Истина — в плане поведенческом — это постоянное и неуклонное следование нормам и канонам народного коллективизма, то есть общинности, нестяжательства и пр. Здесь полностью соблюдается примат государственности над индивидуальностью. В этом, поведенчиском аспекте историческое самосознание русского народа является полной противоположностью этике и морали европейского протестантизма-лютеранства и, особенно, кальвинизма. Современные «католики» недалеко ушли. В плане же смысла, высшей цели существования и исторической эволюции русского народа истина состоит, учитывая реалии современного мира, в противодействии экспансии Запада (равно и Востока) — духовного и политико-экономического, стремящегося разрушить последний оплот истинного христианства на планете и сделать русских себе подобными, а лучше — уничтожить совсем. Это подразумевает продуманную или крайнюю автаркию. Поскольку же продуманной, то есть смягченной, ограниченной автаркии Запад-Восток России не давал и не даст, то единственным выходом является жесткая, крайняя автаркия. Такую самостоятельность СССР осуществил И. В. Сталин, а в настоящее время (и для Виктора Ильича, и для читателей этих строк) — осуществляют ру-

ководители КНДР: Ким Ир-сен и его сын Ким Чен-ир.

Далее Виктор Ильич определял противоположную категорию, то есть ложь. В обобщенном понимании русского человека ложь есть главное оружие дьявола, Антихриста — царя всех темных сил, задачей которых является любыми средствами перерождение человека, христианина прежде всего, в верных слуг Антихриста. Это действие, процесс и цель является ложью и в строгом онтологическом смысле, а именно: ложь есть сдвиг мотива на цель, то есть подмена истины ее суррогатом, вроде как оправдывающим жизненные, экономические, политические и пр. потребности. Вот так и возникает ситуация, когда «да — нет» уже не является исключаемым третьим в формальной логике*, то есть в силу вступает неевклидова логика здравого смысла.

♦Феномен Сталина и возрожденной, вырванной из лап Антихриста России — СССР, относится к числу фактологически непознаваемых, сколько бы ни копались историки-документалисты в делах минувших дней, сколько бы не анализировали ситуацию 20—50 гг. политологи, философы, специалисты в узких областях: конспирологи, религиоведы, советологи, русисты, евразийцы, их антиподы-атлантисты и пр.

Однако Виктор Ильич твердо был уверен в двух вещах. Сталин более чем четко понимал губительную тенденцию захвата мировой власти силами зла, воплощенными в мировом же финансовом, олигархическом капитале. Другое дело — кто его наставники** в этом провидческом знании; вовсе и не исключается вариант самоосознания Иосифом Виссарионовичем расстановки сил в XX веке. В этом случае он есть действительный гений, что, впрочем, мало кто и отрицает, даже его противники. Мнение того же Черчилля многого стоит.

Второй момент, подтверждающий убежденность вождя,— сама политика Сталина, его пресловутая «азиатская хитрость» (Виктор Ильич правильно называл ее холодным рассудком несгибаемого борца) и расчетливость в достижении цели, поистине гениальное владение приемом сталкивания лоб-в-лоб многочисленных врагов Отечества, предоставление палаческой работы по их уничтожению им самим же.

---

* * Типичный пример овеществления такой ситуации в действиях Троцкого (Бронштейна) во время заключения брестского мира: «ни войны, ни мира, а армию распустить».

** Уже в наши дни в попытках разрешить этот вопрос появились различные версии; самая романтизированная из них — «Тайный советник вождя» Владимира Успенского.

В любом случае, пилатовский вопрос Христу: что есть истина? — Сталин если и задавал, то только самому себе и только для самопроверки правильности своих действий в наиболее трудные моменты борьбы.

А таких моментов было предостаточно. Трагизм его фигуры в том, что ему не было на кого и на что опираться, кроме как на собственное понимание истины. И если эта опора его не подводила, то опять-таки имеем подтверждение гениальности; ибо одно дело — быть провозвестником, что есть способнось, талант, совсем иное — дар предвидения, как синтетическое, то есть высшее искусство правильно конструировать последующий ход событий, тем более — мировых процессов.

♦Опираясь на логику собственного ума, Сталин, тем не менее, контролировал верность своего восприятия действительности, как только такая возможность предоставлялась. Этот существенный момент как-то ускользает от исследователей личности и деяний Иосифа Виссарионовича: у врагов его — осознанно, у друзей и объективных аналитиков — из-за отсутствия достоверных фактов. В отношении последних Виктор Ильич особого воодушевления не испытывал: большинство из них обходили наиболее ключевые моменты борьбы Сталина с самыми хитрыми, коварными и злобно-беспощадными врагами Отечества; тот же 1937 год. Это надо понимать: каким массированным атакам подвергались советские люди после ухода вождя из жизни, сколько лжи и злобы было на него вылито, что даже истинные патриоты засомневались в правильности деяний вождя. О зарубежье не говорим; там давно уже 99 % население есть тупоумное быдло, а оставшиеся интеллектуалы — на службе мирового капитала, то есть основного врага И. В. Сталина.

Имея доступ в архивы, хотя и документально неполные, ограниченные, усеченные «спецхранами», Виктор Ильич еще на родине составил более-менее четкое представление о событиях уникального переломного времени, что кратко характеризуется как «37-ой год». Пребывая же в замке Орсэ де Монтан, он существенно пополнил «русский» отдел замковой библиотеки сотнями томов, а также букинистичских брошюр 20—30-х годов, написанных видными и невидными представителями русской и советской эмиграции: монархисты и анархисты, эсеры и кадеты, «невозвращенцы» и русские фашисты, евразийцы и евреи, патриоты-почвенники и интернационалисты... Одно из книжных агентств в Париже комплектовало еженедельные посылки по списку фамилий и годов издания, составленному нашим отшельником.

Чтение воспоминаний, свидетельств, документов помогло Виктору

Ильичу восстановить близкую к истине картину событий. В частности, его поразило, что в многочисленных описаниях громких процессов 37—38-х годов как-то вскользь и невнятно говорится о коминтерновце Х. Г. Раковском (кажется, он даже не говорил по-русски). Другой момент заключает в себе некую тайну: Раковский проходил в процессах 38-го года (троцкисткий блок) с такими одиозными личностями, как Бухарин, Ягода, Рыков; была доказана его подрывная и шпионская деятельность, но, тем не менее, смертного приговора он не получил. Это могло означать только одно: Сталин получил от него чрезвычайной важности сведения. Понятно, что и сохранение ему жизни вовсе не есть сентиментальность вождя, его «спасибо» за эти сведения, а необходимость попридержать Раковского на этом свете на случай возможного уточнения полученных сведений.

Разгадка нашлась в непритязательного вида брошюрке на русском, изданной в сороковом году в Риге — одном из предвоенных центров эмигрантского книгоиздательства. Брошюра содержала стенограмму допроса Раковского. Как этот документ «вышел» из стен здания на Лубянке? — Пути господни неисповедимы.

Сведения, сообщение Раковским следователю, подтверждали фактологически знаменитые «Протоколы сионских мудрецов». Понятно, что подлинность последних яростно опровергалась и опровергается ныне либералами всех мастей и стран.

Все дело в том, что Раковский был далеко не рядовой фигурой в троцкистском подполье в СССР. Это был закулисный деятель международного ранга и своего рода инспектор финансового капитала (мирового правительства) в Коминтерне. Будучи глубоко законспирированным, он и попал-то в ежовские сети почти-что случайно. Хотя это и противно гуманизму, но поневоле начинаешь думать, что пресловутые «ежовые рукавицы»* не врожденная жесткость и излишнее усердие Николая Ивановича, бывшего слесаря, но именно пролетарское чутье на сволочь разного калибра...

Виктор Ильич почти что кинематографически представлял себе Сталина, читающего в тиши знаменитого кабинета (Поскребышеву велено в течении двух часов не отвлекать, даже если сам Гитлер позвонит) протокол допроса ярого коминтерновца. Вот он досмотрел очередную страни-

* Мало осталось очевидцев предвоенных времен, но они-то помнят появившиеся в 38-м году спички с этикетками, на которых были изображены эти самые стилированные «ежевые рукавицы».

цу, отложил тоненькую пачку машинописных листов, поднялся, прикурил загасшую еще десять минут тому назад трубку, зачем-то подошел к большой карте мира: два больших пятна — одно компактное, занявшее центр Европы, коричневое; другое зеленое, густо покрывшее все материки; только на континентальной Европе зелени нет британской, да в Южной Америке небольшой лишь мазок.

Далее его взгляд нашел невыделенное цветом крохотное место («Большое местечко»,— усмехнулся вождь) на ближневосточном побережье Средиземного моря, а после рассеянно остановился на желтизне Мексиканских Соединенных Штатов. Он забыл, хотя бог памятью не обидел, забыл, наверное, от отвращения название городка, близ которого в доме-крепости, едва не с земляными волами и заполненными азотной кислотой рвами, без устали трудился, сочиняя и рассылая по всему свету агитки-инструкции старичок с седой меньшевистской бородкой; этой бородкой, шутя, порой Иосиф Виссарионович попрекал пугливого всесоюзного Михаила Ивановича. «Пора, пора подвести черту,— вскользь подумал он,— впрочем, надо подождать окончания процесса...»

«Проклятый Лейба,— мысль вождя не могла тотчас перескочить на что другое; так было всегда, стоило представить этот ненавистный облик, — не забыть Поскребышеву взять на заметку: пусть наведут справки в Главмузее Наркомпроса, сколько национализированных коллекций Лейба вывез?». Рачительный хозяин страны на миг возобладал над политиком, ибо помнил, как в двадцать девятом выдворяли Главного врага, и в Одессу прибыл спецпоезд из Алма-Аты с вагонами нахапанного неистовым трибуном народного добра, да еще какого добра! — Недаром супружницу свою посадил заведовать Главмузеем, а Наталья толк в искусстве знала... особенно по части того, что надо в дом нести.

Что поделаешь теперь, эх, не имел он еще в те годы настоящей власти, да и вытолкнуть гадину поскорее было нужно. Пожалуй, потребуй тогда «иудушка» вагон золота,— урезали бы паек всей стране, позолоту с кремлевских маковок соскребли, на, подавись, пархатый, только сгинь с глаз долой!

«Так сколько же он вывез? Даже Микоян не знает»*,— взгляд вождя надолго остановили на расчерченной по школьной линейке территории других штатов, уже Северо-Американских, с отделенным зеленой ка-

* Наркомвнешторг А. И. Микоян, 27-ой Бакинский комиссар, был ответственным исполнителем известного ленинского постановления СНК от 7 февраля 1921 года, разрешающего вывоз, то есть продажу, произведений искусства за рубеж.

надской полоской аппендиксом Аляски. Рачительный хозяин вновь возмутился в душе вождя, а в его откашливании явно звучал упрек царю-либералу. Чтобы не расстраиваться, Иосиф Виссарионович, нарочито не глядя на пятна Польши и Финляндии, вернулся к столу, присел.

♦Дочитав протокол допроса, вождь достал из «личного» ящика стола свою потаенную тетрадь и, не торопясь, тщательно обдумывая формулировки, исписал не более полного листа: «Интернационал уже имеем третий по счету, но время игр во всемирное братство прошло. Как ни обновляй его, не реформируй — он, словно Ванька-встанька, под контроль кагала попадает. Однако для пользы надо еще потерпеть, повычистить до пределов разумного, сделать только филиалом внешней политразведки, а не филиалом мирового финансово-ростовщического кагала, в качестве такового нам его подсунули бл... дети с Лейбой во главе. Лейбы и лейбористы, хм-м. Хотя у них все завязано на символах — как ни странно при их-то меркантильности и тщательно просчитываемых шагах за годы и десятилетия наперед.

Итак, все бывшие и нынешний Интернационалы есть внедренные отделения некоторой космополитической силы, стремящейся к овладению миром через деньги и организованный тайными и явными связями кагал. И Маркс-то наш того... Достаточно, что оба они напару так ненавидели Россию, а через нее опосредованно — православное христианство, которое единое в мире осталось не подчиненным власти золотого тельца, власти тельца вместо власти Бога. Поэтому их коммунизм — не наш коммунизм, потому, всячески усекая головы многоликой гидры марксова коммунизма, мы строим свой, народный строй общественной справедливости, тож — высшего развития православия в иной оболочке. Кто знает, придут времена — и сменим оболочку, слишком предыдущая и нынешняя смердят и местечковым чесночным духом отдают.

Из умных людей — не их породы, там все умны, но умом нам противным — уже мало кто сомневается, что́ были наши три революции, кто их планировал, финансировал и направлял, а после Октябрьской — так и плодами вволю попользовался: «Бунд» и Троцкий, банкиры «Кун, Леб и К°», потомки хазарского племени, а во главе их кукловод-Антихрист.

Слава Богу, что мы сейчас отрубаем последние головы этой гидры в стране, но ведь весь остальной мир в их власти? — В их силах было развязать мировую войну, а вот уже и вторая на подходе, там третья... Вынесет ли это человечество? Как жаль, что Гитлер неумен, не понима-

ет, куда его и кто толкает. А может понимает? И исполняет их волю, ведь они, дети дьявола, хитры и любую личину принимают для достижения своих целей! Ведь недаром в праздник Йом Киппур им заранее на год вперед прощаются все клятвы и обеты, которые они, возможно, дадут гоям...

Господи, помоги мне».

Иосиф Виссарионович захлопнул тетрадь в простеньком переплете, положил в ящик, который замкнул на ключ, носимый с собою. Скрепил листы допроса скрепкой, под нее же подложил четвертушку бумаги, написал: «Разглашению не подлежит. В спецархив. Р-кого в процессе провести по мелочам, сохранить, т. к. может понадобиться.» Подписи он не поставил и вызвал Поскребышева.

♦Виктор Ильич очнулся от кинематографической полудремы, встал с кресла, разминая ноги, прошелся по комнате, остановился у окна. Пейзаж с высоты замка являл собою январь во Франции: тихо, умиротворенно, чуть грустновато. Такое вот настроение нисходило на Виктора Ильича, когда он читал описание зимнего Крыма... вот ведь, забыл — чье описание? Он стал припоминать: а кто из русских литераторов мог быть зимой в Крыму — То ли Чехов в разгар чахоточной болезни или крымский житель Максимиллиан Волошин? — вспомнить не смог, а в литературный словарь лезть не хотелось; не потому, что ленивый был, но боялся увлечься чтением биографий и отвлечься от *серьезного* дела. Тем более, что ассоциативное мышление Виктора Ильича заработало в контексте все тех же размышлений, однако ключевым стало слово «Крым».

Как всякий советский человек эпохи развитого социализма, он, конечно, не раз бывал и в Сочáх, и в Крыму. При этом он как-то не задумывался об этническом составе жителей Крыма. Солнце, воздух и вода, экзотика сухих субтропиков, само отпускное время — любой отдыхающий, пусть он будет историческим академиком либо профессором-социологом, воспринимает всесоюзную здравницу именно как гигантский курорт, где обитатели делятся на две категории: отдыхающие с 1/6 части света и обслуживающий персонал, кстати, тоже по-преимуществу сезонники со всей страны: от студентов-официантов до профессионалов-бильярдистов и карточных шулеров*. Это все на полосе, называемой ЮБК,

* * В новейшие времена один из них, легко узнаваемый по специфическим жестам руками и интонации речи, стал политической фигурой высокого ранга, по

то есть Южный Берег Крыма (у них и филармония своя — «филармония на ЮБК»). И только подъезжая на поезде к Евпатории, Севастополю или Феодосии, либо же на уникально длинном по маршруту троллейбусе к Ялте, рассеянный со вчерашней купейной выпивки пассажир, что вышел покурить поутру в коридор, рассматривая скучный пейзаж, что потянулся после Перекопа, с изумлением отметит, что и здесь копошатся на полях какие-то люди, а он-то считал по наивности, что центральная часть полуострова есть дикая степь, посреди которой стоит одиноко областной центр город Симферополь, жители которого заняты службой в административных учреждениях.

Что еще? Да, не пропускавшие занятий в средней школе еще знают, что Крым относится с 1954 года (Никита подарил Украине в память 300-летия Воссоединения Украины с Россией**) к Украинской ССР, живут там русские, переселенные в послевоенные годы с разоренных центральных областей, а коренных — со времен тёмника Мамая — татар усатый батька выселил навечно в Казахстан и Сибирь за массовое предательство в войну. Но — все эти факты, в своей взаимосвязи особенно, в школах и прессе особо не акцентировались, а поэтому и пролетали мимо ушей советских граждан, которые все были товарищами, на дворе стоял «застой», что на деле означало душевное спокойствие, экономическую и политическую стабильность, военную сверхмощь — ни один гад в мире не мог пикнуть, даже звездно-полосатый, люди впервые за тысячелетнюю историю страны отъелись, получили все сплошь образование. Так что, хотя брежневская власть официально и опровергала заявления Никиты о том, что нынешнее поколение... и т.п., но народ плевал на орденоносные заявления, ибо воочию наблюдал: дело шло к тому, к всеобщему изобилию. Москва так и вовсе объявила себя образцовым коммунистическим городом. Настораживала только несменяемость стареющей правящей верхушки и как будто нарочно подкидываемые нелепые лозунги типа: «Экономика должна быть экономной». Явно подставляли героя Малой земли. Народ — он мудр и не зря настораживался. Будущее, о котором пока Виктор Ильич не ведал, все подтвердило.

Но наш герой был не просто образованным человеком, даже не просто историком, но историком архивным, а потому мыслил глубоко и по

крайней мере, входящей в первую десятку.

** Никиту-то мы все, особенно в новейшие времена, ругмя ругаем за это — и поделом! Однако, мало кто помнит (или знает), что за Крым от Украины была отсоединена и включена в РСФСР столь же плодородная Белгородская область. Тут можно задуматься.

роду службу имел дела с документами, в массовой печати, в учебниках и тщательно цензурируемых исследованиях-монографиях не популяризуемых. Даже его курсовую работу по новейшей истории России (то есть с Петровских времен и поныне) в Архивном институте, где темой ему достался как раз Крым, то есть исследование для учебного, *внутреннего* пользования, преподаватель — пожилой и много видавший профессор Габриэлович — ему зачел, но дружески посоветовал впредь на щекотливые темы писать пообтекаемее. Виктор Ильич подумал было, что Натан Иосифович обиделся за еврейские мотивы курсовой и даже что-то стал лепетать о объективности подхода, но профессор махнул рукой, дескать, ты пиши о чем и о ком хочешь, но выводы выверяй по решениям последнего съезда... Хороший был преподаватель, один из ведущих филателистов столицы.

♦Знающие жизнь люди порой одной-двумя фразами выразят, сами того не подозревая, такую мысль, какую не почерпнешь, прочитав десяток-другой специальных исследований. Изька Антонóвич, как генетический носитель многотысячелетней мудрости своего племени, несомненно был человеком знающим, потому Виктор Ильич всегда с удовольствием принимал его предложения «пройтись хэппи-энда ради» в пятницу после работы по портвешку. Как-то жарким, не остывшим еще к вечеру июльским днем (оба готовились к отпуску), сидя в прохладной беседке летнего паркового буфета, завели они разговор: где лучше отпуск проводить — в Сочи, Адлере или в Крыму? Оба сошлись на последнем; Виктор Ильич плохо переносил потную жару советских субтропиков, а захмелевший Изька стал что-то нести о сходстве пейзажа и климата Крыма со Средиземноморским побережьем. Фактов о пребывании Антонóвича на Средиземном море его приятель не имел, потому заинтриговался и прикупил в буфете, сверх оговоренного раньше, бутылочку настоящей масандровской мадеры, благо отпускные заранее выдали, да еще приурочили к зарплате за июнь и квартальную премию. Экономный, всегда в вечных долгах («И на что он деньги тратит?» — недоумевал всегда Виктор Ильич), Изька легко раскололся, одурманенный терпкими запахами таврической лозы.

На Средиземном море он, конечно, не бывал, ибо в КГБ не служил, а на свои поехать — денег нет, да не пустят, поскольку... словом, понятно почему. Органы бдительны.

— Но ты ведь не ядерщик-физик, не...

— Национальность поважнее специальности,— скаламбурил Изька,

разливая бережно дар Масандры.

Быстро хмелеющий Изька потерял врожденную бдительность, а Виктор Ильич ее и не имел, поэтому никто из них и не заметил, что уныло тянувший пиво за соседним столиком молодой и ничем не примечательный парень в джинсах, завсегдатай парковых веранд, распивочных и пивных, начал прислушиваться к разговору любителей «масандры».

...В итоге Изька объяснил занятную свою ассоциацию. Понятно, что его родственники проживали (со времен Древнего Рима) во всех частях света, в том числе и в земле обетованной. Последние покинули СССР сравнительно недавно, ибо в 70-ые годы в мире наступила временная разрядка в холодной войне, венцом которой было Хельсинкское соглашение, а ограниченному контингенту советских евреев не то чтобы разрешили, но особо не препятствовали в выезде на землю предков; потом это дело скоренько прикрыли, дабы не раздражать ростом население Израиля (а значит и его армии) арабских друзей и союзников.

Так вот, уехавшие в те недавние годы родственники Изьки хорошо и свежо еще помнили Крым, поэтому на письма оставшихся в СССР племянников и кузенов с вопросами «а как там вообще с климатом?» — отвечали: все как в Крыму, на побережье — чистый ЮБК, а вглубь страны — как вглубь курортного полуострова. Пьяный-пьяный, но Изька, спохватившись, просил друга Витюшу никому ни-ни о его ближневосточных контактах, даже письменных.

— Так письма-то все одно в местном УКГБ фиксируются, там адрес и ФИО твои, чего опасаться?

— Нет, ты мне, Витюша, скажи: Изя дурнее паровоза? Все мы письма получаем через доверенных лиц, которых можно не опасаться. Я, например, их получаю через двоюродного дядю Соломона; он в московской коллегии адвокатов состоит, специалист по наследственным делам.

...В понедельник Виктор Ильич, который имел суеверную привычку уходить в отпуск не в начале недели, как все нормальные люди, а обязательно со среды (раза два парторг как бы шутейно поинтересовался у него по этому поводу; Виктор Ильич был глубоко беспартийным человеком), с удивлением столкнулся у входа в Архив с Изькой, который с сегодняшнего утра уже был отпускником.

— Ты что? Забыл, что ли...

— Да в семь утра с постели Терехин (завсектором, по которому числились приятели) поднял, а ему сам Иван Архипович приказал меня с утра доставить. Черт-те что, вроде бы никаких долгов по работе за мной нет.

Пожав плечами, Изька двинулся в сторону начальственного кабинета.

Виктор же Ильич в веселом предотпускном настроении, что-то мурлыкая под нос, подбивал бабки по служебным делам, с интересом ждал прихода от начальства Изьки. Однако тот не появился. Зато перед самым окончанием трудодня позвонил завкадрами и попросил зайти. Недоумевая, Виктор Ильич зашел в конурку кадров. Отставник-кадровик сидел суровый и в компании моложавого, хотя и с седыми волосами худощавого незнакомца. Представив Виктора Ильича, кадровик оставил их наедине. Произошел интересный разговор. Незнакомец, не назвавшийся никак, задавал какие-то косвенные вопросы о делах по работе, о коллегах, потом напрямую спросил о его отношениях с Антонóвичем. Сердце у Виктора Ильича ухнуло куда-то в район живота, он понес всяческую чушь о передовике производства, грамотном специалисте... Незнакомец досадливо поморщился, пододвинул собеседнику четвертушечный бланк желтоватой низкосортной бумаги, ручку кадровика:

— Ознакомьтесь, распишитесь. Дату не забудьте и можете быть *свободны*.

Весь в поту Виктор Ильич вышел из прохладной кельи кадров, подписав бумажку о неразглашении. Уши у него пылали.

На следующий, предотпускной день Виктор Ильич краем уха слышал, как женщины шептались, что-де сам вчера Изьку из отпуска отзывал, а тот битых два часа сидел в его кабинете; кто-то там и третий был. Секретарша говорила, что Изька выскочил как полоумный и, не здороваясь ни с кем, пошел на выход.

Встретившись после отпуска, Изька назвал его в официальном приветствии, не подавая руки, по имени-отчеству, на что Виктор Ильич также сухо ответствовал: «Здравствуйте, товарищ Антонóвич».

Так они общались пару месяцев, но потом случился юбилей Терехина, мероприятие официальное, отказаться-отвертеться было нельзя, бывшие друзья от неловкости ситуации надрались и, забыв про расписки, только удалившись на балкон, стали горько упрекать друг друга, после чего обнялись, помирились, пели в трио с Терехиным военно-морские песни, приставали к моложавой сестре хозяйки дома и т. п.

С тех пор, распивая пятничный портвешок, они старались садиться лицом к посетителям беседок, распивочных и пивных, а если им казалось, что некто безликий начинает прислушиваться, то Изька вынимал из кармана заранее припасенный номер «Правды», и приятели начинали жарко обсуждать итоги последнего пленума ЦК нашей партии.

...Веселые были времена, все игрались: и органы, и опекаемые ими

граждане. Вот и доигрались. Только где-то год спустя после происшествия друзья узнали случайно, где они прокололись.

Надо сказать, что разведенный холостяк Виктор Ильич, да еще с собственной квартирой, пользовался определенным, хотя и скромным — не боец он на этом фронте — успехом у ровесниц, незамужних женщин тридцатилетнего возраста, кстати, для слабого пола — возраста последней надежды выйти замуж, любовного голода, а потому и яростной сексуальной агрессии. Для мужчин, как раз наоборот не стремящихся к брачной обузе, такие женщины и опасны, но и истинная услада холостой жизни: не надо заниматься глупыми и нудными ухаживаниями, идиотом торчать в людных местах с цветочным веником в руке, нелепо дергаться на так называемых «танцах в клубе заводском», а в итоге всех этих мучений, да еще брюки обязательно каждый день гладить и удавку-гаврюшку носить на шее,— получаешь в вечное пользование глупую и неряшливую бабенку, которая тут же растолстеет, оденется в байковый халат, а в постели манекеном будет лежать.

Вот такую незакомплексованную подругу Виктор Ильич завел себе вскоре после того злопамятного отпуска и в течении года услаждал себя и ее по воскресеньям в своей уютной квартирке. В остальное время подруга Наташа воспитывала дочку от неудачного брака, слегка бранилась с матерью (жили сам-трое) и преподавала сольфеджио в местном музучилище*. Фигуристая, недурная собой подруга оказалась настолько ненасытной в любви, темпераментной и искусной в постельном деле, что Виктор Ильич по понедельникам на службе дремал до самого обеда, А соседи (стены-то тонкие) по дому поначалу, пока не докумекали, старорежимные пуритане, звонили в дверь его квартиры, интересовались: может плохо кому или деретесь? — Так вызовите «скорую» или мы милицию вызовем, а то истошный женский крик отдыхать трудящимся не дает; сосед с соседкой были потомственными пенсионерами, а их великовозрастный оболтус выправил себе справку об умственной неполноценности и занимался мелочной спекуляцией. Квартира с другой стороны стоя-

* В новейшие времена известный *Т*-ий писатель, маринист и баталист, Евпатий Коловратович Зипунов, частенько захаживавший в Архив за историческими справками для своих романов, он же и познакомивший нашего героя с Наташей, с которой он проживал на одной площадке, написал и издал за собственный кошт двухтомный эротико-моральный роман «Натали», в котором на примере блудливой соседки показал путь современной женщины от распущенности к светлым и чистым идеалам — под влиянием (в т. ч. в постели) героя, в котором легко угадывался автор.

ла пустая, ибо ее хозяева уехали в Уренгой деньгу зашибать.

Прохаживаться с Натали по улицам Виктор Ильич избегал, ибо ту постоянно и дружески приветствовали мужчины от 20 до 60 лет возраста. Она же поясняла: это вот доцент из пединститута, а это футболист областной команды, который в кожаном пиджаке — журналист. «Так, старые знакомые». Офицеры же из гарнизона и расположенного в городе артучилища приветствовали ее почти что строем...

Тем не менее, поскольку их связь длилась уже почти год, что в ее глазах соответствовало статусу временной семьи с ограниченной ответственностью, то на торжественные гостевания Виктор Ильич должен был сопровождать свою чаровницу. Так он и попал на свадьбу Наташиной кузины. Велико же было изумление, когда, присмотревшись уже за столом к жениху (Натали еще прежде сказала ему, что-де будущий ее шурин, или как там это называется, из военных), обнаружил в нем того самого пивного завсегдатая в парковой беседке, где они с несчастным Изькой смаковали мадеру. На всякий случай Виктор Ильич все застолье молчал и пил мало. «Молодец ты мой,— похвалила его в воспоследовавшую ночь хмельная Наташа,— одновременно пить и женщину любить — дело несовместимое». Затем по секрету сообщила все, что со слов кузины знала о женихе: работает в *органах*, последние два года после окончания своего училища в Москве стажировался в *Т.*, поймал трех израильских и одного голландского (!?) шпиона, а теперь с молодой женой, вроде как в медовый месяц, едут работать в наше посольство в Кот-и-Дивуар. Где это, Натали не знала.

♦Вот окаянная ностальгия! Виктор Ильич досадливо повертел головой, прогоняя милые видения прошлого. Кстати, поскольку приластившаяся в ту послесвадебную ночь Натали, воодушевленная примером двоюродной сестры, была особенно нежна и любвеобильна и завела разговор на тему: не пора ли нам, милый, количество переводить в качество,— то Виктор Ильич, хотя и жалко до слез было терять такую усладу холостой жизни, но сообразил: пора. Дальнейшее по жизненному опыту очень хорошо знал: либо под венец, который скоро окажется терновым, либо оставить как есть. В этом, худшем случае, начнется тягомотина (и всегда это осенью случается, когда и так тоска зеленая). Личико прелестницы, до того энергично-сладострастное, станет плаксиво-кислым. Нудные разговоры-монологи, жалобы на жизнь, ласки пресловутые вмиг станут сплошным ломанием, с монашески стиснутыми губами — на радость вечно отдыхающим соседям, сократятся до двухчасовых встреч по воскресе-

ньям. Крепкая здоровьем дочка-первоклассница вдруг начнет хворать бесконечными простудами («Нет-нет, на ночь не могу, дома все температурят...»). Потом и вовсе воскресенья будут пропускаться: «У меня... сам понимаешь»,— хотя раньше месячных вроде как и не существовало, а если и приходились на день оговоренной встречи, так «ха-ха, милый, мы люди современные, тебе же приятнее будет по-французски!»

Так протянется всю осень — ни себе ни людям, — в декабре к телефону в Наташиной квартире перестанут подходить, а под Новый год он случайно встретит ее на улице, нарядную и шумную, с гвардейским офицером.

Поэтому Виктор Ильич предпринял контрмеры. В Архиве вот уже целый квартал начальники отделов уговаривали кого-либо поехать на сентябрь, октябрь и начало ноября в Ленинград на курсы повышения квалификации, проводимые ежегодно Главархивом СССР поочередно в столичных и университетских центрах с давней исторической традицией и сложившимися научными школами в области архивоведения. Обычно желающие — из застарелых холостяков и разведенных женщин бальзаковского возраста — находились, но в осенний, промозглый и продуваемый финскими ветрами Питер ехать никто не хотел, даже под угрозой понижения в должности (а получаемый на курсах сертификат как раз давал право на повышение!). Виктор Ильич, сибарит и домосед, не любивший гостиничной жизни, приятно удивил начальство, сам пожелавший выручить учреждение.

— Сразу видно серьезного ученого, думающего прежде всего о деле,— прочувствованно сказал Иван Архипович, вызвав Виктора Ильича с его завсектором для ознакомления с черновиком приказа,— пора, товарищ Терехин, пора вашему сотруднику высшую категорию оформлять. Вот по возвращению из Ленинграда и подготовьте мне все документы.

— Сделаем, Иван Архипович, я и сам собирался с инициативой к вам...

— Вот-вот, характеристику поярче, посочнее напиши, а то сам Семен Святославович на высшую утверждает. Кстати, Виктор Ильич, у вас когда отпуск по графику? На осень?! Это как так, товарищ Терехин?

Конечно, матерый завсектором не стал напоминать, что в осеннюю графу воткнуть его подчиненного посоветовал сам руководитель учреждения, дабы неповадно было с Антонóвичем в общественных местах разговоры разговаривать, порочащие незапятнанную честь Архива («Да у нас за последние десять лет только один Зильберберг в Израиль уехал, да и

то, порядочный человек, за полгода до того уволился!»).

— Так ведь, Иван Архипович, он в прошлом году в июле гулял, а вы сами же приказали строго графики очередности сезонов... Так ведь сейчас другая ситуация, осенью-то он в командировке, если разрешите, мы его на июль передвинем?

— Какой разговор, когда захочет — и пусть идет. А если там путевку соцстраховскую в дом отдыха или санаторий, то я дам распоряжение профоргу.

С чувством пожав руку талантливому ученому, Иван Архипович попросил Терехина задержаться для корректив по планам сектора. Вернувшись от директора, обласканный начальством за хорошую воспитательную работу во вверенном подразделении, Терехин шепнул подчиненному: «Квартальную повышенную получишь, а к отпускным — из директорского фонда!»

Виктор Ильич чувствовал себя как-то пакостливо, верно говорят циники: если любовь и не покупается, то уж продается-то точно!

Для непрерывности времени требовалось еще август заполнить, но здесь-то от него не требовалось никаких жертв-усилий. По устоявшейся традиции весь август Наташино семейство проводило у родственников в Чернигове на тамошнем фруктово-овощном изобилии («Дочка должна здоровья перед школой набраться»).

...Холодным и промозглым началом ноября, сам слегка простуженный, но счастливый — на повышенные квартальные и директорские приобрел в питерских букинистических и академических книжных магазинах целую сумку редкостных и относительно недорогих книг — Виктор Ильич вышел под вечер из прицепного вагона ленинградского поезда в родной *Т*. На следующий, предпраздничный день в Архиве он был радостно встречен соскучившимися коллегами. Изька почему-то назвал его при встрече по имени-отчеству; опять, наверное, подписку с него приходили брать, но он-то уже явно ни при чем?!

После двенадцати был традиционный стол с вином и закусками. Придя домой, Виктор Ильич и вовсе расслабился, представил себя в жарких объятиях Наташи и... позвонил ей. Валентина Захаровна, обычно любезно щебетавшая с ним, сухо приняла его поздравления с революционным праздником, никак не отреагировала на радостное сообщение о прибытии его из длительной командировки. «Наташа в гостях у подруги, будет поздно»,— и положила трубку. Виктор Ильич заскучал и, вопреки всякой логики, занервничал, заревновал, хотя, казалось бы, за четыре месяца (июльский отпуск он тоже провел вне города) мог и отвыкнуть,

тем более... Однако — на же поди!

Тем более, что осенняя поездка в северную столицу оказалась в высшей степени превосходной: весь сентябрь и половину октября стояла чудесная теплая погода, а главное — разместили прибывших на курсы не в каком-то сарае, чем при всех режимах славился город Петра с его хронической нехваткой жилья для командированных, а в роскошных двухместных номерах аж самой гостиницы обкома партии: просторных, с мягкой мебелью, холодильником и телевизором. Даже с телефоном (телефоны, правда, отключили). Как потом негласно выяснилось, секретарь горкома по идеологии, просматривая, явно с похмелья, список мероприятий на текущий квартал и делая разблюдовку, напротив их семинара проставил знак первой категории, видно решив, что словосочетание «историко-архивный» относится к делам сугубо партийным.

На первом же общем, товарищеском ужине-знакомстве в столовой ресторанного типа при гостинице Виктор Ильич завязал дружеские отношения с очаровательной архивисткой из Костромы; выяснилось, что она окончила тот же Архивный институт, только четырьмя годами позже Виктора Ильича. А та познакомила соседа Виктора Ильича по комнате со своей соседкой. Словом, после занятий Виктор Ильич с новоприобретенной подругой гуляли по чудесному вечернему Ленинграду, ходили в театры и на концерты (бесплатные билеты входили в разблюдовку первой категории гостиницы питерских большевиков), а после возвращались в *свой* номер. Два месяца напряженной учебы пролетели как миг. Расставаясь с очаровательной костромичкой, договаривались о встрече на следующих курсах.

...В праздничные дни к телефону просто не подходили. Стыдясь самого себя, вечером он добрался до микрорайона, где жила Наташа: все три окна квартиры светились. Тоска и злоба попеременно охватывали несчастного и брошенного архивиста. Давнюю подругу Нелли в нерабочие дни увидеть было невозможно. Тогда Виктор Ильич принялся рассматривать привезенные из Питера сокровища, увлекся чтением и успокоился. Больше он не звонил, а в предновогодний день, отметив наступающий, как положено, на службе, решили они с примирившимся с ним Изькой зайти под вечер в излюбленный ресторан. Проходя между столиков, он увидел Наташу, томно танцующую с гвардейским майором, поздоровался мимоходом. Боковым зрением уловил: майор, грозно топорща усы, спросил у партнерши, кивая в сторону поздоровавшегося с ней шпака. Виктор Ильич по мимике ее губ прочитал: «Так, старый знакомый, жили в одном дворе».

Пьяный латинист Изька по поводу случившегося почему-то изрек: «*Sic transit gloria mundi*»*.

♦Дотошный читатель непременно поинтересуется: а где это наш герой провел июльский отпуск и как он сумел в него сокрыться от энергичной Натали? — Здесь тоже своя история.

Еще ранней весной, проснувшись поутру в будний день, Виктор Ильич с ужасом обнаружил, что не может повернуть голову; как будто в шею клин вбили. Будучи человеком рефлектирующим, то есть и мнительным, он тотчас вспомнил: то у него при взмахе рукой что-то в плечевом суставе похрустывало и покалывало, то пятка правая тож покалывает, в конце рабочего дня с трудом разгибается... «Все,— в ужасе решил он,— до ревматизма допрыгался, отложение солей началось!» Как наяву, замелькали печальные, искаженные болью лица пожилых сотрудниц Архива, мучающихся всю жизнь от ревматизмов, остеохондрозов, артритов, их многочасовые жалостливые повествования о переносимых страданиях, постоянно, даже в сорокаградусную июльскую жарищу обвязанные по торсу и пояснице шерстяными шарфами и пледами. Правда, как замечал наблюдательный архивист, на учрежденческих мероприятиях эти же женщины отплясывают без устали весь вечер, а из «колбасных» поездок в столицу волокут сумищи едва не под центнер...

Поняв, какая судьба ему отныне уготована — и это в тридцать-то с небольшим лет! — Виктор Ильич представил себе долгую, одинокую, преждевременную полунеподвижность, старость в четырех обшарпанных стенах, скромные похо... Тут он почти расплакался, кой-как оделся и, бережно неся неподвижную голову, с мучениями доехал до заводской поликлиники, к которой был приписан их архив.

Высидев часовую очередь, он попал на прием к невропатологу: в регистратуре, расспросив о характере страданий, дали талончик в этот кабинет. Неудобно сидя на жестком стульчике в гомоне шаркающего, кашляющего, стонущего народа богоугодного заведения, он продумал вдохновенную исповедь перед всезнающим, умудренным опытом, пожилом врачом; почему-то он представил его себе старичком с профессорской бородкой — отставным подполковником медицинской службы (Виктор Ильич по относительной молодости болел только в детстве корью и дизентерией — в пионерском лагере подхватил, а во взрослом возрасте общался только со стоматологом, поэтому реалии здравоохранения знал плохо). Далее ему

* Так проходит мирская слава (лат.)

представлялось, как сухонький доктор внимательно обследует заболевший организм, будет стучать молоточком по коленке, задумчиво изучать высунутый язык страдальца, распишет на неделю вперед его посещение рентгена, сдачи различных анализов, консультаций различных смежных специалистов. Все это время Виктор Ильич будет на больничном. А через пару недель отставной лейб-медик вызовет его к себе в кабинет и будет долго, надзидательно, но и с юмором успокаивать пациента, подробно рассказывать о рекомендуемом курсе лечения с последующим полным выздоровлением... Однако в этот вдохновенный момент из кабинета выглянула медсестра, в своем белом халате и фигурой похожая на доярку совхоза в глубинке, и выкрикнула: «Следующий!»

Вместо смешного доктора Айболита за столом сидела и, не поднимая очей на вошедшего, что-то яростно строчила в распухшую больничную карту предыдущей пациентки — толстой бабки с властной тещиной наружностью — молодая врачиха с жесткой стрижкой на голове, в модной оправе очках. Сестра молча указала на супротивный столу табурет. Виктор Ильич присел, почтительно постанывая. Медсестра, неодобрительно взглянув на него, проворчала что-то навроде «и ходют, ходют все...», отвернулась к рукомойнику, чем-то загремела стеклянно-жестяным.

Врачиха с прокурорской гривой закончила сочинение, взглянула на пациента, осведомилась сухо о цели визита и тут же закричала на сестру: «Опять взяла карточку без отметки о флуэрографии!? Сколько мне тебе говорить!» Виктор Ильич робко заметил, что-де в их учреждении флуэрографию только-только в массовом порядке проходили... Впрочем, врачиха уже нашла соответствующую вклейку в тощем болезненном деле пациента.

— Слушаю.

Виктор Ильич еще не успел перестроиться и отойти от продуманной беседы-исповеди, поэтому и начал в шутливом тоне с афоризма Гиппократа, что-де до 30 лет природа заботится о человеке, а после тридцати он сам должен...

— Где болит? — досадливо перебила врачиха,— покажите язык,— и тут же начала размашисто строчить в его больничном деле.

Сбитый с толку Виктор Ильич кратко рассказал о случившемся. Врачиха, не вставая с места, спросила: «Раньше случалось?» Получив отрицательный ответ, она дописала в карточке нечто, поставила дату и роспись. Затем стремительно поднялась и направилась к двери, на ходу крикнув сестре: «Я к главному, просил зайти, а ты пока выпиши меновазин, анальгин и,— тут она приостановилась и окинула взглядом пациен-

та,— у нас на сегодня еще сколько листов больничных? Шесть осталось? Странно. И больничный до послезавтра». С этим она исчезла; медсестра, недружелюбно глядя на страдальца, посоветовала ему выйти и подождать в коридоре. Там он посидел еще с десяток минут. Вернулась врачиха в кабинет, а медсестра тотчас вынесла ему два рецепта и больничный. «Талон на послезавтра в регистратуре возьмете».

♦Плетясь в Архив, благо он недалеко находился от заводской медсанчасти, Виктор Ильич с трудом разобрал в больничном листе диагноз, который, как пояснили ему в Архиве сердобольные женщины — профессионалы лечения — означал прострел шейных нервов — простудное заболевание. Стали давать советы о растирках, специальной гимнастике, верных, но дорогостоящих лекарствах... Однако подошел Терехин, лечивший свои ревматизмы и хондрозы исключительно народными средствами, послушал-послушал, разогнал женщин по рабочим местам, а Виктора Ильича отослал домой с рецептом: «По дороге зайди в магазин, возьми большую бутылку портвейна, лучше белого ординарного по два-двадцать, дома вылей в кастрюльку, подогрей, но не до кипения, выпей не торопясь, как чай пьешь, затем ложись шеей на грелку и спи. На ночь — повторить, то есть сразу две бутылки возьми».

Виктор Ильич все выполнил в точности, на следующее утро проснулся бодр и здоров аки младенец без всяких миазитов, однако на улицу профилактики ради выходить не решился, уютно лежал на диване и читал с увлечением семейную реликвию: староизданный пухлый том в кожаном переплете «*Справочникъ домашнего врача*». Выискивал по оглавлению описания заболеваний ревматического характера. К полудню задремал, снился ему добрый сон.

Вот он, коллежский асессор архивного управления при губернской канцелярии Виктор Ильич, проснулся поутру с болью в шейной части позвоночника. Убедившись, что это не просто затекло от неудобной позы во сне, он заволновался, а вошедшей горничной Наташе (во сне она являла копию преподавательницы сольфеджио) чуть сконфуженно, ибо эта самая Наташа ушла из его спальни заполночь, приказал... нет-нет, просил ее послать Ванюшку к доктору, пусть-де почтеннейший Прокопий Феофанович навестит его сегодня, а Егор отправляется в канцелярию: предупредить, что Виктор Ильич несколько прихворнул и присутствовать не сможет. Наташа по женскому сочувствию побледнела и хотела было прильнуть к барину, но по светлому времени дня не решилась. Виктор Ильич, хотя шея и закаменела, подобрел: «Иди, Наташечка, да не за-

будь Прокопию Феофановичу закусочку соорудить, балычку там, икорочки».

В ожидании доктора Виктор Ильич начал припоминать имевшие место казусы в его молодом еще организме, на которые раньше и внимания-то не обращал: боли в предплечье, уколы при ходьбе в стопах, тяжесть в пояснице при усердном сиденьи в присутствии... Снял с полки тяжелый том врачебного справочника в кожаном переплете, читал разделы по оглавлениям, грустнел.

В два часа пополудни пожаловал добрейший Прокопий Феофанович, сухонький, с чеховской седой бородкой, ранее служивший полковым врачом. Извинился за задержку: был с визитом у вице-губернаторши, а у нее сто хворей, да все от мнительности придуманные...

— Ну-тес, батенька, что за лихоманка вас скрутила?

Виктор Ильич чуть простуженным баском стал излагать свои предположения, употребляя термины, почеркнутые из лечебника. Прокопий Феофанович терпеливо, не перебивая, слушал исповедь умного асессора с университетским образованием, но при этом внимательно исследовал пациента: стучал по коленкам, трогал разные места на груди, шее, в предплечьях. Попросив великодушно прервать на минутку рассказ, тщательно выслушал, постукивая согнутым пальцем, грудь, попросил показать язык.

— Полагаю, что простыли вы основательно на сквозняке, вот и насквозили шейный миазит. Это не страшно, денек-другой полежите покойно, грелочку под шею чаше пусть вам меняют, да на ночь пару стаканчиков пуншику или грогу горячего выкушайте. Завтра все и отпустит. Шейку-то мазью натрите, я вам рецептик оставлю.

Доктор удовлетворенно мыл с мылом руки. Ему поливала из ковшика успокоившаяся Наташа. Ба! Мысленно шлепнул себя по лбу Виктор Ильич, как же он забыл: ведь сегодня в полночь, отпустив Наташу, разгоряченный полубутылкой коллекционного портвейну за ужином и жаркими девичьими ласками, он вышел выкурить сигару на свежем воздухе — окно из спальни выходило на полукруглый балкон-балюстраду, одеться же поленился, накинул только шелковый халат. Однако майский ночной ветерок скоро заставил его уйти с балкона. С тем и уснул, думая об устройстве судьбы Наташи, поскольку уже второй месяц ходил в официальных женихах дочери товарища губернского прокурора.

— Видно, действительно простыл,— согласился Виктор Ильич, однако о подробностях умолчал, тем пачее, что доктор приходился дальним родственником товарищу прокурора. Затем он пригласил доктора отобедать. Тот легко согласился: у подающего большие надежды коллежского

асессора был превосходный повар, а из-за занудливой вице-губернаторши визиты затянулись до обеденного времени. Они перешли в столовую, где сметливая Наташа уже сервировала стол.

За неспешным обедом сам-собой решился и вопрос о Наташе. Когда та закончила сервировку и вышла на кухню с распоряжением о подаче блюд, доктор осведомился на правах будущего родственника:

— Полагаю, что моя троюродная племянница, а ваша предбудущая благоверная свою горничную оставит?

— Да-а, я тоже так думаю. Вот Наташу... в хорошее бы место пристроить; аккуратная, сметливая. Может что посоветуете?

— Так, батенька, моя супружница собирается свою Настю-неумеху рассчитать, только и знает, что с приказчиками из соседних лавок семечки лузгать! Если не против — я Елизавете Федоровне ее и рекомендую.

— Вот и замечательно,— Виктор Ильич с грустью посмотрел на высокую грудь Наташи, вносившей дымящуюся суповую посудину.

За кофе и сигарами Виктор Ильич все же завел прежний разговор о периодических болях и покалываниях.

— Что ж хотите, батенька, еще Гиппократ говорил, что до тридцати сама природа человека поддерживает, а после уж он и сам должен о здоровье своем заботиться. Вам ведь едва-едва за тридцать? И служба у вас сидячая, и покушать — ах, что же за умница у вас повар! — любите... Вот организм и не справляется, как то было в молодости; все эти покалывания, потрескивания, а далее и хондрозы, ревматизмы могу пойти — следствие излишней выработки в организме всяких солей и их оседания в суставах. Это как песок в шестерни часового механизма подсыпать, коль кому в голову такая вздорная идея придет!

— И-и что, предотвратить это самое накопление и выпадение никак нельзя?

— Отчего же, можно, нужно только режим определенный соблюдать; это не так уж и хлопотно, привыкнешь — даже удовольствие многие находят.

— Каков же этот режим, почтеннейший Прокопий Феофанович!

— Побольше движения, ибо движение — это жизнь, ну-у и диета, впрочем, нестрогая. Гуляйте почаще и побольше, можно на английский манер и спортом заняться, например, сокольской гимнастикой, что сейчас в гимназиях даже обязательна. Вот за Киевской заставой трек велосипедный строят наши заводчики — очень превосходная вещь езда на велосипеде. А лучше всего, батенька, не новомодный этот спорт и гимнастика, а поезжайте осенью на пару месяцев к знакомому помещику, что

охотой увлекается: и думать забудете о покалываниях и потрескиваниях!

— Охоту можно; думаю, что и со службы отпустят для поправки здоровья. А вот насчет *диэты*? Это ведь все специальное нужно готовить, ограничивать себя во всем. И на званый обед не сходить!

— Полноте, Виктор Ильич, ешьте что и едите, только поаккуратнее, а кой-в-чем и обносите себя. Солите пореже, горчичку на мясо — вот-вот, голубушка (это Наташе), вот этот кусочек поподжаристей, с косточкой — не пластайте, а тонюсенько мажьте, пряностей поменьше, соусами жирными не увлекайтесь. Мясо попостнее выбирайте, лучше курочку, свининку без жира. Почки у вас пока в порядке, так рыбку кушайте всякую: стерлядку, осетринку, наших мест судачков и карасиков в сметане. Однако копченых балычков избегайте, закусили и — точка!

— Немцы вот молодцы по части *диэты*, здесь им подражать не зазорно: колбаску докторскую, компоты, винегрет с малосоленой селедочкой. Супы повару заказывайте из тощей баранины, о сборной солянке забудьте. На десерт — смоквы, мороженое; пирожными не увлекайтесь. Маслины кушайте, творог нежирный с курагой. Салаты лучше овощные, а если оливье, то с куриным мясом. Поросеночка с гречневой кашей иногда можно позволить. Коровьего масла поменьше, а все больше налегайте на оливковое.

В напитках дисциплину соблюдайте, кофе поменьше, чайком с лимоном балуйтесь. Шампанское вредит при этих болезнях, так что по-гусарски пить не рекомендую, но по случаю и поводу полубутылочку выкушать можно. Водочка, особенно на калгане и кориандре настоенная, никому не вредит, так что пару рюмочек за обедом — за закуской и перед ушицей — принимайте на здоровье. Кофе лучше пить с коньяком, оставив ликеры.

С винами следует разборчивей быть. Мадерцы, хереса, всяких отечественных запеканок, а также сладких густых вин навроде малаги, мускатов, алеатико, кокура, тенерифа и пр., следует ограничить. За ужином можно употребить рюмку-другую масандровского портвейна, а перед кофе — светлого хереса. За обедом и архиерей пьет, так последуем за преосвященным. Отворачивайтесь от красных вин; бургундское и бордосское хорошо для желудочных больных, но вам полезнее белые слабокислые, а лучше — сладкие вина: рейнское, мозельское, нашей грузинской лозы цинандали и кахетинское. Не повредит и светло-розовое венгерское из Токая.

В жару тянет пивком побаловаться, но ограничьте себя штофом

светлого; никаких портеров и элей, а вообще говоря, налегайте-ка на квасок с изюмом. Да, чуть не забыл: икорку лучше красную, а черненькой захочется — лучше свежую малосоленую типа паюсной.

♦Виктор Ильич проснулся с улыбкой. Голова уже поворачивалась, хотя и отдавала в шею и предплечья. Дело шло к полному и безоговорочному выздоровлению.

...Вот этот досадный случай и вспомнил Виктор Ильич, обдумывая вариант проведения июльского отпуска в разлуке с Наташей. Решение пришло после разговора с Иваном Архиповичем и было связано с упоминанием им слов «путевка в санаторий или дом отдыха».

— А почему действительно не съездить в санаторий? Там специалисты, на процедуры всякие походить, ведь симптомы-то болезни были, так лучше опередить ее, ибо наша медицина сильна профилактикой,— вспомнились ему кстати слова официального лозунга.

Дело было сделано, а профессионально болеющие остеохондрозом и ревматизмами сосуживцы рекомендовали выбрать местный, в *Т*-ой области расположенный курорт со 150-летний историей, кстати, очень ценимый москвичами. «Воды и грязи там целебные, корпуса новые, только что построены, до Оки полчаса хотьбы, лес сосновый, кормят на убой и ехать два часа автобусом или три дизельпоездом,— убеждали они захворавшего коллегу,— главное, что профиль лечения там хондрозно-ревматический!»

Сказано-сделано, в профкоме дали сверхльготную путевку в номер на двоих; почти месяц Виктор Ильич исправно принимал до обеда процедуры, а в остальное время гулял по сосновому лесу, дышал свежейшим целебным воздухом, беседовал с лечящимися, среди которых оказались знакомые из *Т*. и даже профессор-историк из первопрестольной. По вечерам смотрел старые фильмы в курортном кинотеатре, а выпив по-малости с соседом по комнате, шел на танцы. Интимных знакомств не заводил, так как полагал курортные романы моветоном. Относительно же половозрелого состава курортных женщин сделал следующую классификацию их по трем группам.

К первой он отнес девушек и женщин до 25—30 лет возраста. Они страсть как любили вертеть хвостами перед мужчинами, чтобы вокруг них хлопали пробки шампанского, подносились букеты цветов и коробки конфет, а мужики, даже в жару одетые в глаженные брюки и галстуки, глуповато семенили за ними. До постельных дел они, как правило, не доводили, если только не попадался выдающийся самец. «Самэц»,—

произносили они.

Вторая группа — от 30 до 40—45 лет — была определена им как целеустремленные хищницы. Как на подбор статные, плотные, фигуристые, с еще не опавшими грудями и турнюрами, что называется «кровь с коньяком», мужиков они рассматривали только как один из существенных компонентов оздоровительного лечения и между собой называли их «кустотерапевтами». Никакой игры им было не нужно (на танцы они тоже только для здоровья ходили); выбрав подходящего самца — «наш будет!» — они без обиняков шли на сближение и своего добивались.

Старшая возрастная группа мало интересовала нашего аналитика даже умозрительно, но все же он пришел к выводу, что этих милых дам интересовали прилично одетые и интелигентные пожилые мужчины, которые вежливо выслушивали многочасовые беседы-исповеди, не менее вежливо поддакивали и танцевали со своими партнершами вальс на танцплощадке...

♦Виктор Ильич — но уже добровольный узник замка Орсэ де Монтан — очнулся от сладкой полудремы, но досадливо повертел головой: нет, так дело не пойдет, опять отвлекся, на часах пробило половину первого ночи, а воспоминания о Наташе разбудили чувственность, подавленную было высокими размышлениями. Он отправлся в супружескую спальню. Сонная Леночка, тоже соскучившаяся, приняла его в жаркие объятия, малая ее беременность почти не изменяла пока милой фигуры. «Только осторожно, помедленнее... сам знаешь»,— шепнула она сквозь прерывистое дыхание. Да, Виктор Ильич знал хорошо, что любое удовольствие не в факте свершения, а в его подготовке и ожиданни, поэтому медленно и бережно ласкал свою свершившуюся нечаянно любовь.

Глава шестая

Трудом упорным
еврей
в Крыму
возделывает «почву-камень...»

Китайские власти официально признают буддизм, таоизм, ислам, католицизм и протестантизм, однако считают, что нет никакого смысла в официальной регистрации иудаизма, так как в Китае нет евреев

Даниель Курцман,
«Международная еврейская газета»,
№ 15, 1998 г.

♦ «Что-то здешний январь для русского человека месяц ностальгический,— размышлял поутру Виктор Ильич,— поэтому полковник жандармерии по линии внешней разведки Иван Сергеевич Тургенев летом на родине запасался образами и впечатлениями, а зимой «под крышей» Виардо в дымных садах Буживаля писал прочувствованные «Записки охотника». Нет, тепло и уют этих диванных-курительных и библиотечных расслабляет» — Виктор Ильич решил сегодня предаваться высоким мыслям в прохладной башне «астрономической». А как не хотелось вставать в это зимнее утро? Леночка обволакивала его сухим жаром юного, сильного и нежного тела. Желание вскипало в нем, но жаль было будить. Повертевшись волчком, он поднялся с постели, решив утолить телесный голод в послеобеденную сиесту. Одеваясь, он усмехался: перед зовом плоти и пресловутая русская лень отступает!

Какие-никакие, но обязанности главы замкового хозяйства на нем лежали, поэтому, надев теплый свитер, а сверху накинув и свой любимый «барский» халат с арабским орнаментом, Виктор Ильич смог только после раннего обеда (плюс почти час на активный отдых с Леночкой) удалиться в астрономическую башню. Впрочем, он предупредил, что на ужин не спустится, а просил Полину ближе к вечеру принести ему в башню холодной закуски, а сейчас доставить туда чайное хозяйство и... любимой им тахинной халвы. Самое интересное, скажем забегая вперед, что поесть вечером ему принесла не горничная, а Анри. Как понял Виктор Ильич, Леночка по достоинству оценила его страстные объятия, а беременные женщины неразумно ревнивы.

«Интересно,— думал он с рассеянной улыбкой,— как она этот вариант представляет? В «астрономической» и диванчика-то нет, а экзотические позы среди нагромождения инструментов?— Да, это пикантно, тем более, что у Полины такая округлая попка... Тьфу! Пора кончать

кобеляж...»

♦Итак — Крым, всесоюзная здравница, так напоминающая по климату и по контрастному пейзажу историческую Палестину — нынешний Израиль, землю обетованную, куда советские евреи так стремятся, но, добравшись до места пересадки Вены, меняют маршрут и убывают в свою истинную обитель — Брайтон Бич, США.

В семидесятые годы по стране веером разлетались блеклые, многажды переснятые на допотопных множительных машинах (ксероксов тогда еще не было в нашем обиходе) машинописные рукописи Самиздата. Самое интересное, что это была не только еврейская диссидентская агит-литература, но и сугубо патриотические писания; советская власть в период ее наивысшей стабильности одинаково не приветствовала обе крайности. Это показатель ее мудрости и дальновидности: и либералы, и патриоты одинаково подрывали устойчивость общества. Знаменитая переписка Натана Эйдельмана с Виктором Астафьевым, ходившая также в рукописях, наглядный тому пример.

С интересом почитывая и тех, и других в московский период его жизни, Виктор Ильич, будучи историком по презванию, не столько анализировал идеологическую направленность самиздатовских творений, сколько коллекционировал любопытные факты, которые умалчивались в официальной печати. В одной из таких рукописей патриотического направления он встретил занимательные замечания — своего рода путевые заметки из поездки по историческим местам Крыма: вблизи Бахчисарая расположен давно вымерший древний городок Чуфут-Кале, где почитай единственным живым обитателем развалин оказался старый раввин, который то ли охранял, то ли «окормлял» древнее же строение — что-то типа небольшой синагоги. Кто его содержит, кто послал сюда?— Это остается тайной.

Таким образом, невольно создается впечатление, что уже с давних времен Крым рассматривался, как возможная альтернатива земле обетованной Палестине, где крепко-накрепко засели арабы под управлением единоверных турок. Собственно уже единожды они пытались оседлать полуостров, когда после разгрома Святославом Хазарии Волжской верхушка этого странного государства, то есть настоящее этнические евреи с подчиненными ими хазарами-иудеями, перебрались в Крым. Караимы, позднее переселенные литовскими князьями в свои земли,— из их числа. Однако время было явно неудачное, монгольское нашествие перевернуло все верх дном, а в Крыму, в конце концов, надолго обосновались татары

тёмника Мамая.

Победа социализма в отдельно взятой России, в свою очередь, взятой поначалу (1917—1937 г.г.) мировым кагалом, как никогда приблизило мечту о второй Палестине к ее исполнению. Действительно, самый ожесточенный эпизод Гражданской войны — Врангелевский фронт; именно на этом фронте чернявые комиссары гнали солдат в штыковые атаки, готовы были на любые союзы с любыми бандами, чтобы как можно скорее овладеть этой территорией. А расправы с пленными или просто оказавшимися там офицерами своей ужасающей массовостью и демонстративностью очень уж наводят на мысль о ритуальном жертвоприношении.

По всей видимости, союзникам из «антанты» был дан указ тем же кагалом мира не противодействовать Красной армии.* Однако идеальный вариант устройства «Острова Крыма» по В. Аксенову реализован быть не мог, поэтому был избран другой, более перманентный путь.

♦Уже сразу же после изгнания Врангеля и образцово-показательных расстрелов офицеров в Севастополе, в кремлевских верхах начал активно дискутироваться вопрос о создании Еврейской республики в Крыму с административным центром в Севастополе, то есть месте ритуальной казни офицеров (читай: русских). Подготовка велась по всем направлениям; идеологическая обработка масс велась в прессе пролетарскими поэтами, воспевавшими героический труд будущих жителей Крыма — для приманки подспудно внушалось: радуйся, русский человек, отныне еврей уже не будет паразитом-растовщиком, а «сядет» на землю и будет таким же землепашцем! К тому же в Крыму есть глубокие корни иудаизма...

В плане организационно-финансовом возникло множество хозяйственных и переселенческих организаций; с финансированием их проектов (это в голодающей-то России!) сложностей не было, их на себя взяли международные, американские в первую очередь, сионистские фонды. Так-что первым «*строем*» в стране был именно союз еврейских колонистов Крыма «Бундестрой»; «Днепрострой», «Волховстрой», «Бобрикстрой», ..., «Бамстрой» — это все было намного позже.

Самое загадочное, до сих пор не исследованное (а кто позволит это

* В своем «Острове Крыме» литератор В. Аксенов, что «из наших», прямо проговаривается об этом: командир и команда английского крейсера, открывшие огонь по Сивашу, тем самым сохранившие Крым за врангелевцами, были заочно преданы в Англии суду, поэтому остались в Крыму, а само устройство самостийного Крыма по Аксенову — копия Америки (в смысле США).

ворошить?) в вопросе о несостоявшейся Еврейской Крымской республики — аспект внешнеполитический, а именно: нужно было куда-то девать коренное татарское население; оно вовсе не гармонировало с идеей мононационального образования (для аналогии — см. современную историю Израиля в части коренного арабского населения Палестины). Расстрелять их, как офицеров, было нельзя по многим соображениям, выселить, как то сделали в 1944 году, в Казахстан — не было еще предлога и прецедента. Поэтому, скорее всего, был избран вполне реальный вариант...

Виктор Ильич в школе и далее в Архивном институте, изучая внешнюю политику Новой России на Ближнем Востоке в первые послереволюционные годы, испытывал неудовлетворенность, некую недосказанность в учебниках по этой части. Что за странную экспансию проявляла здесь Советская республика даже в те моменты, когда само ее существование висело на волоске? Один нелепый поход 11-ой армии, который воспел его участник, поэт-модернист Велимир Хлебников, на поднятие социалистической революции в Персии чего стоит? Но нелепое как раз легче понять. А вот братская, можно сказать — отеческая, помощь злейшему историческому (при всех режимах, добавим мы) врагу Турции? — Это как понимать? Последнему пастуху в глубинной деревне было понятно, что и социалистическая Турция будет врагом. Тем не менее огромная помощь оружием, деньгами, живой силой шла из Советской России Ататюрку — лидеру младотурецкого движения, апологеты которого в 15-м году вырезали миллион с лишним армян, наиболее последовательных и верных союзников русских в Закавказье, добились вступления Турции в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии. Кстати, кавказский фронт в Первую мировую был для России наиболее успешным, но все завоеванное было опять-таки (в ущерб и России, и Армении) «просто так» возвращено туркам.

Нет, далеко не просто так Советская Россия ублажала своих бывших, настоящих и будущих врагов, думал Виктор Ильич, все было тщательно продумано большевистской верхушкой во главе с Троцким образца 1917—20-х годов. Ему уже было ясно, что откупным было планируемое переселение крымских татар в Турцию, на земли их внутренних врагов — непокорных курдов. То есть обе стороны — и каждая по-отдельности — убивали сразу не по два даже, а большее число зайцев!

♦Однако не получилось, и скорее всего по собственной вине. Подвела извечная еврейская торопливость в движении к цели и внутренние

распри. Всем известны еврейское компатриотство и взаимоподдержка, но и всякий знает: нет яростнее в мире врагов, нежели поссорившееся потомки Давида.

Кто хоть немного знает историю племени Израилева в новейшее время, тот и знает их разделенность на два основных конгломерата: евреи-традиционалисты и либералы американского образца. Грубая, но понятная аналогия: славянофилы и «западники» в стане русской интеллигенции.

В послереволюционной России либералы были предоставлены Троцким и его компанией, ядро которой составляли приехавшие с патроном в Россию евреи-интернационалисты, то есть родившиеся или длительное время пожившие в США и Европе; к ним же по-преимуществу относились и одесские евреи. Традиционалисты — местечковые жители, успевшие до польской оккупации перебраться преимущественно в Москву, Петроград и города рангом поменьше, например, в Екатеринбург-Свердловск, Киев, Харьков.

Виктор Ильич не стал вдаваться в тонкости идеологических, традиционно-религиозных, экономических различий этих двух течений, ибо есть зримый современный пример этого различия: традиционалисты — это израильское общество в основе своей; либералы — евреи Америки, а более обще — современный международный финансовый капитал.

Несомненно, что у троцкистов была реальныя власть в стране плюс международная финансовая и политическая поддержка, но им, относительно малочисленным, противостояла многомиллионная масса бывших местечковых евреев, успевших к тому же за считанные годы занять все средние и низовые должности в стране во всех сферах деятельности: политика, экономика, пресса, культура и пр. Там, где эти должности занять было невозможно по каким-либо причинам, например в православной церкви,* то эти институты просто уничтожались: события воинствующего атеизма 20-х годов хорошо известны, а подтверждением неслучайности этого явления явилась повторная ломка и закрытие церквей в период либеральной «оттепели» Хрущева.

Понятно, что по столь важному вопросу либералы и традиционалисты в конце концов пришли бы к компромиссу, но Троцкий явно зарвался — уже как политический вождь в рамках России,— а главное, начал

* В новейшие времена патриарха Алексия II (Редигера), начиная с восстановления Сталиным патриаршего престола в СССР избранием в 1945 году Патриархом Московским и всея Руси Алексия I (Симанского), политика стала гибче: все более усиливается внедрение в православный клир священнослужителей с «национальностью древних патриархов».

набирать «вес» его кровный противник — Иосиф Виссарионович Сталин-Джугашвили. Закончившееся же изгнанием из страны Троцкого это противоборство заметно ослабило (но далеко еще не подавило!) позиция его клевретов, что перевело дисскуссионный вопрос о Крымской автономии в пассивную фазу. Не дожидаясь естественного угасания этой идеи, Сталин нанес упреждающий удар: в 1934 году была создана административная Еврейская автономная область в составе Хабаровского края. Удар был сверхсильным: с одной стороны учитывались многочисленные (и многовековые) интересы и желания «трудящегося еврейства» о компактном проживании, с другой — откровенно издевательски местом такой компактификации был определен дальневосточный Биробиджан, да еще в непосредственной близи от очагов японской агрессии... Однако вопрос был закрыт, евреи-экстремисты получили по губам, а международный финансовый кагал помочь в то время не мог — был занят взращиванием и пестованием Гитлера-Шикльгрубера Адольфа Алоисовича, платой за что предполагалось Палестина. Крым для них стал пока не актуален.

... Фюрер оказался на поверку политически недальновидным, даром, что был «четвертаком», рискнул выступить против пастухов своих, за что и был уничтожен кагалом оужием Сталина и деньгами Америки (понятно, что не Сталин исполнял волю ненавистного ему кагала, но последний лишил Гитлера ума и науськал на СССР).

Считая от заселения Крыма беглыми от Святослава хазарами, третья попытка иудаизации лакомого полуострова была предпринята советскими евреями, вдохновленными грядущей Победой, за год до окончания войны. Два фактора этому вроде как способствовали: выселение татар и мученический ареал «жертв холокоста» (даже, в основном, чужих, не советских, вовремя перебравшихся в Ташкент).

Вопрос, который Виктор Ильич полагал наглухо погребенным,— связано ли выселение татар с интригами еврейского лобби в советском руководстве? Принято считать, что единственный (и справедливый!) мотив здесь — массовое предательство крымчаков в годы оккупации немцами Крыма. А если и имела место здесь еврейская инициатива, то тем более, годы спустя, особенно в «хрущевскую оттепель», следовало от этого всячески отбрыкиваться, дескать, я не я и кобыла не моя! Другое дело, также в ближней истории темное,— а не инициировали ли массовое предательство, точнее и яснее говоря — военное сотрудничество с оккупантами крымских татар, осознаваемое крымским населением неуемное желанием советских евреев рано или поздно выселить их с полуострова? Молчит история, давая волю догадкам...

Однако и на этот раз инициативники от лица еврейской общественности СССР не все учли в расстановке сил; двум факторам благоприятствования противостояли и два фактора противодействия: во-первых, после уничтожения троцкизма в СССР де-факто позиции еврейства стали уязвимыми, в стране был налицо инспирированный сверху подъем русского национального самосознания, а во-вторых и *главных*, отсутствовала международная сионисткая поддержка: объект интереса переместился, ибо вот-вот должен был родиться Израиль, создание которого на землях Палестины явилось ценой за вступление в войну США...

Дело об автономии или даже полноценной «советской социалистической» окончательно было закрыто символическим актом: расстрелом в 1952 году Еврейского антифашистского комитета во главе с Михоэлсом.

Может вполне быть, что дарение Крыма Украине Хрущевым, при котором просионистские элементы в стране воспряли духом, есть акт мести последних «стране проживания» за утраченную мечту. Этим актом они заложили под государственность России — СССР одну из многих мин замедленного действия.

♦Далее Виктор Ильич приходил уже к совершенно интересным выводам. В мире только две нации озабочены судьбой евреев: сами евреи и... русские. Нет, конечно, есть — и в немалом числе — народы, которым также приходится время от времени решать так называемый «еврейский вопрос», но, в отличии от соотечественников Виктора Илича, решают они его грубо: испанцы в XVI веке при короле Карле всех их до единого выселяют в тогдашнюю свою колонию (это как у нас Сибирь) Голландию, откуда, кстати говоря, они переселяются в Польшу и дальше оказываются в составе России; по всей средневековой Европе создается система концлагерей-гетто для богоизбранного народа; в новейшее время их лихо рубают в гражданскую хлопцы-молодцы — отряды всевозможных «зеленых» из братьев-хохлов; понятно, что делают с ними и немцы времен фюрера... (Но только с 1942 года!).

Самое интересное, что тех же испанцев и немцев никто публично и изустно не клеймит, как нации преслувутых «антисемитов», как это принято в отношении русских. Правда, кагал ничего не забывает; отсюда и публичное покаяние от имени нации нынешнего короля Испании, а немцев-то и вовсе довели до того, что если кто в современной Германии (ФРГ имеется в виду) или Австрии ляпнет, что-де холокоста и не было, так тюрьма по тому тотчас заплачет.

А вот у антисемитов-русских все наоборот. Кстати, любкий интелле-

гент-соотечественник, как дважды два — четыре, за пару минут докажет, что сам термин «антисемит» есть нелепость. Во-первых, евреи-ашкенази, что составляют 99 % от всех евреев мира, есть этнические тюрки, а вовсе не семиты. К семитскому же племени относятся дружественные нам арабы и эфиопы. Последние также являются и христианами; их коптская древняя религия очень близка к византийскому, то есть и нашему, православию.

...Виктор Ильич прервал размышления, включил чайник, с интересом рассмотрел закуски: холодная телятина, буженина, бутерброды с красной икрой (вспомнил давешние рекомендации привидевшегося во сне старинного доктора Прокопия Феофановича). Чайник быстро вскипел, Виктор Ильич залил кипятком заварку — изумительного вкуса и аромата китайский цветочный. Пока чай настаивался, Виктор Ильич в который уже раз с интересом рассматривал привезенные Аседоном приборы. Их лаконичный дизайн, строгость компановки, словом, милитаризованный вид, наводили на мысль, что это изделие отечественного военпрома. Косвенно намекал на это и сам исскуситель-агент 3-го ранга. Виктор Ильич загордился. Система включения была им изучена хорошо; для включения следовало в определенной последовательности, сверив со специальной таблицей, нажать ряд кнопок, тогда готовность к работе фиксировалась зажиганием контрольной лампочки со сферическим фонарем красного цвета на панели. Зеленая лампочка рядом горела постоянно и означала включение питания аппаратуры, проще говоря — штепсель постоянно был воткнут в розетку. Выключение же аппаратуры было простым: нажал красную кнопку — красная лампа погасла.

Система включения имела «защиту от дурака»: нажимай на кнопки в ином, нежели означенном в таблице, порядке — результата не будет, но и аппаратуру не испортишь. Сама же таблица, упакованная в прозрачную пластмассу, от греха подальше (от нескромного взгляда и досужых рук) была упрятана во встроенный в стену сейф, код которого знал только Виктор Ильич и его патрон. Впрочем, Виктору Ильичу казалось, что он уже запомнил последовательность нажатия кнопок, репетируя это действие в компании с Аседоном. Решил проверить память: пробежал пальцами по клавиатуре — и рассмеялся; красная лампочка не зажглась. Одиноко и холодно светила только зеленая. Вернулся к своим делам и мыслям.

Чай настоялся, Виктор Ильич с аппетитом покушал, выпил стакан, вдругорядь наполнил его, положил дольку лимона и унес в подстаканнике на свое рабочее место.

♦Виктор Ильич удобно устроился в рабочем кресле. В «астрономической», вопреки его предположениям, было так же тепло, как и во всем замке. Опять потянуло в дрему; в желудке весело переваривались закуски, вся энергия организма уходила на это полезное дело, поэтому Виктор Ильич к серьезным размышлениям пока не приступал, обдумывал второстепенное. Так он задумался: а под каким именем ему выступить в путешествиях во времени? Например, при беседах с Вождем. Весь ход его мыслей последующих дней свидетельствовал, что только в эпоху Сталина его благие желания могут дать полезный для Отечества результат. Подумал-подумал и решил называться Устюжниным. Такая фамилия показалась ему чисто русской, с намеком на старообрядческое, северное происхождение — и никакого дворянства! А почему такая фамилия в голову пришла? — Уже позже он вспомнил, что где-то читал: именно в древнем маленьком городке Устюжне, где-то на стыке наших северных губерний, в середине прошлого века произошел курьез, взятый за прототип в «Ревизоре» Николая Васильевича. Видно подсознательно Виктор Ильич и свое путешествие полагал историческим курьезом, хотя и с самыми добрыми намерениями. Поколебавшись, имя-отчество оставил родное.

Чтобы окончательно решить для себя «еврейский вопрос», Виктор Ильич облек резюмирующие рассуждения в форму беседы с Иосифом Виссарионовичем.

♦...Виктор Ильич ждал в приемной не более четверти часа сверх назначенного времени. Двое других ожидавших приема пришли раньше его. Один из них был знаком в лицо, другой — по газетному снимку; цепкая профессиональная память подсказала: с месяц тому назад, просматривая «Правду», увидел портрет незнакомого ему человека и сообщении о назначении нового заместителя наркома тяжелой промышленности. Еще отметил, что подобного ранга назначения фотографиями обычно не сопровождались. Знакомого же в лицо (и он его, несомненно, в лицо помнил) он встречал в Испании, во вторую свою командировку, видел мельком в штабах, помнил его «испанскую» фамилию: Егоров. Входя в приемную, Виктор Ильич поздоровался по-военному: «здравия желаю, товарищи», хотя оба ожидавших были в штатском. Новоназначенный замнаркома сухо и безлично кивнул, а «Егоров» быстро окинул вошедшего полковника в ладно сидящей форме, с орденами «знамени» и «звезды», тоже кивнул, показывая, что узнал, но здесь не место демонстрации знакомств. Виктор Ильич доложился дежурному, тот указал глазами на стул и ушел доложить Поскребышеву. Виктор Ильич сел, отвлек себя от

обстановки и коллег по ожиданию, в который раз стал анализировать возможную причину вызова. Доселе самый высокий кабинет, где ему приходилось бывать, принадлежал его наркому по службе Ворошилову.

Он даже слегка вздрогнул от неожиданного совпадения, когда через пятнадцать минут ожидания от Вождя вышел сам Климент Ефремович, весьма озадаченный. Надо полагать, что замнаркома он уже сегодня видел, а лже-Егоров был ему не знаком, потому он внимательно и с определенным недоумением посмотрел на вскочившего по стойке «смирно» Виктора Ильича:

— Полковник Устюжнин?!

— Так точно, товарищ маршал!

По позе наркома казалось, что он даже хотел остановиться, но вышедший за ним дежурный офицер назвал фамилию следующего посетителя:

— Полковник Устюжнин, прошу пройти.

Ворошилов еще раз внимательно посмотрел на Виктора Ильича, несколько рассеянно кивнул и продолжил шаг. Оба других ожидавших, обойденные приглашением, уже с интересом посмотрели на полковника с орденами, а замнаркома зло покраснел.

Миновав комнату Поскребышева (того в этот момент не было на месте), с взволнованно колотившимся сердцем Виктор Ильич вошел в приотворенную адьютантом дубовую дверь и сразу увидел Сталина.

— Проходите, товарищ Устюжнин.

Виктор Ильич твердо помнил, что из четырех возможных вариантов обращения к вождю (Коба, Иосиф, Иосиф Виссарионович и товарищ Сталин — здесь бытовала своя и достаточно сложная иерархия) его рангу приличествовало последнее, официальное, но, на миг расстерявшись, сделал секундную паузу:

— Здравствуйте, товарищ Сталин! — И непроизвольно, чисто профессионально добавил:

— Прибыл по Вашему приказанию.

Сталин все это отметил про себя, глаза его чуть повеселели, он внимательно осмотрел вошедшего, задержавшись на орденах, и присел не во главе совещательного стола, а на стул сбоку, показав жестом на место напротив него. Это означало (и это Виктор Ильич знал), что беседа будет строго конфиденциальной.

Только что был подписан «Договор о дружбе и границах» с Германией (описываемый разговор состоялся в самом начале октября 1938 года), и Виктор Ильич непроизвольно подумал: «Интересно, встречался ли Вождь с Риббентропом в этом кабинете? И как они при этом сиде-

ли?

— Товарищ Устюжнин! Я на днях ознакомился с вашим официальным отчетом о последней командировке в Испанию. Я понимаю, в нем вы отразили ваши наблюдения по части интересов разведуправления генштаба, от которого вы и были посланы в Испанию. Однако мне известно, что к отчету вы приложили и, так сказать, инициативную записку о некоторых... внешнеполитических моментах ваших наблюдений. Ее вам посоветовали забрать и уничтожить. Не сомневаюсь, что вы так и сделали. И — правильно. В числе прочего вы писали в этой записке, что имели встречи и беседы с мексиканским художником Сикейросом, в частности, он рассказывал о предполагаемой акции мексиканских коммунистов в отношении Троцкого.* Я бы хотел уточнить позицию мексиканских и испанских товарищей как по этому вопросу, так и их общие взгляды на сущность троцкизма, как это понимают они, связь троцкизма с международным финансовым капиталом в контексте развивающихся в Европе и в мире событий последних лет. Прошу вас.

♦Хотя Виктор Ильич, кадровый военный разведчик, кстати, историк по образованию, был совершенно не готов к беседе на названную Вождем тему, однако быстро сообразился и по-военному четко рассказал о встречах с Сикейросом, другими мексиканскими интербригадовцами, сформулировал их отношение к троцкизму и собственно к Троцкому, его разрушительной — в международном масштабе — антисоветской и антикоминтерновской деятельности, к связям Троцкого с международным... капиталом. На какую-то долю секунды, обычным человеком и не улавливаемую, Виктор Ильич запнулся, но Сталин это уловил и правильно все понял:

— Я понимаю, товарищ Устюжнин, вашу недосказанность, но мы оба с вами служим своей стране и ее народу, причем служим на передовых рубежах их защиты от коварного, жестокого врага, который спит и видит уничтоженный СССР, его советский строй, его великую государственность. Поэтому говорите без запинок и обиняков, называйте вещи своими именами. *Мы все должны знать* о нашем враге. В конце-концов,— Сталин чуть усмехнулся,— нас не стенографируют, а меня, как

* В середине 30-х гг. генерал Карденас по просьбе Диего Риверы предоставил Троцкому убежище в Мексике. Мексиканские участники испанской войны, в числе которых был и знаменитый Давид Альфаро Сикейрос (командир 82-й бригады, полковник), по возвращении в Мексику предприняли попытку штурма дома-крепости Троцкого (24 мая 1940 г.). Этот штурм был неудачен.

вы понимаете, правдой не удивишь, в каких бы, э-э, терминах она не звучала. Подлинный интернационализм состоит не только в признании равенства и прав всех наций, но и в учете их особенностей... исторически сложившихся особенностей,— Сталин опять усмехнулся, принялся раскуривать свою знаменитую трубку. Курящий Виктор Ильич тем не менее подавил желудочный спазм, ибо знал, что в кабинете Вождя курить может только один хозяин.

— Я имел в виду, товарищ Сталин, что наши испанские и мексиканские товарищи используют понятие «еврейский международный капитал»...

— Вот-вот, и мы с вами будем использовать это понятие... как рабочее. Кстати, ваше отношение к товарищам евреям? Не в быту, конечно.

— Пан или пропал,— решился Виктор Ильич, нестерпимо захотелось курить. Как рыба, набрав в легкие воздуха, он изложил, соблюдая, естественно, приличествующую ситуации осторожность, свое мнение, стараясь быть объективным.

— Так-так... значит и наши товарищи за рубежом, с которым вам приходилось общаться, вполне уверены в ведущей роли сионизма, как международного, негласного института по захвату мировой власти, в назревающих, а равно происходящих — и происходивших событиях?

— Да, товарищ Сталин.

С продолжением разговора Виктор Ильич все отчетливее понимал, что Вождя не столько интересуют факты из испнаской жизни собеседника, сколько подтверждение его собственных мыслей. И уже не трудно было догадаться, почему Сталин проверял адекватность своих умозаключений на людях, так сказать, рядовых по положению, но способных к анализу фактов, лежащих далеко не на поверхности обыденных проявлений жизни, ровно как и перепетий большой политики.

Вождь взял инициативу беседы на себя: это было ясно из его поведения: держа погасшую трубку согнутой в локте рукой, он неспешно прохаживался между столом для заседаний и стеной, на которой висела большая карта мира, в которую он порой внимательно вглядывался, приостановив ходьбу.

Виктор Ильич все же отметил про себя: в манере беседы-монолога вождя, где ключевые и начальные фразы начинались со слов: «Так вы считаете (полагаете, думаете...),— явно проглядывало подсознательное стремление утвердить себя в мысли, что его доводы не есть самомнение, но обобщение коллективного взгляда на суть вещей.

♦ — Несомненным фактом является реальное существование некоего тайного сообщества, которое можно охарактеризовать как прообраз предполагаемого «мирового управления». История человечества, особенно в последние два века, к сожалению, иной трактовки движения ее не дает.

Членов этого сообщества в разные времена и в разных странах называли по-разному: слуги Антихриста, масоны, кагал... Как у всякого сообщества, тем более тайного, у них есть твердая идеология, есть неисчерпаемые финансовые возможности, проникновение во все структуры власти большинства стран, наконец, есть армия исполнителей, которую они держат, что называется на коротком поводке, крепчайшими узами. Для них созданы условия своего рода «подневольного коллективизма» (при этих двусмысленных словах Сталин испытующее и коротко взглянул на собеседника, но тот завороженно его слушал).

Коль скоро мы определились с предметом разговора, то давайте и обозначим эти понятия в соответствующей им терминологии. Идеология — сионизм, а иудаизм это его внешняя оболочка. Вполне возможно, предполагая умозрительно, этой оболочкой могла быть и другая религиозная традиция, хотя... нет, пожалуй, только в иудаизме воплощен догмат богоизбранного народа с максимальной полнотой и определенностью. Это дает ответ и на тот вопрос, кто составляет основу этого *подневольного коллектива*: то есть евреи или те, кто взял на себя наименование евреев. Еще более ясным становится и вопрос о финансах; все становится на свои места.

Безусловно, советские евреи выпали из этого, хм-м, «коллектива», однако это случилось, как вы сами понимаете, товарищ Устюжнин, вовсе не после нашей революции. Более того, вы, как историк и специалист по внешней политической разведке, человек с аналитическим складом ума, прекрасно понимаете, что и сами наши революции, начиная с 1905-го года, имели основным движителем борьбу тайных сил за уничтожение монархий и православия — их злейших врагов, наиболее серьезной преграды на пути к овладению миром.

Поэтому нам и пришлось вести долгую, порой скрытную, а порой и, так сказать, показательную борьбу не на жизнь, а на смерть с агентурой этого врага советской страны. Эту борьбу мы начали еще во время гражданской войны; значительной вехой ее было развенчание троцкизма и высылка главного его вдохновителя, так сказать, фельдмаршала тайных сил зла. Однако борьба перешла в скрытую форму, только процессами двух минувших лет мы смогли отрубить головы у этой гидры. Иначе к

событиям грядущей всеевропейской, а скорее всего — новой мировой войны мы бы оказались полностью не готовыми. С понятными трагическими для нашей страны и ее народов последствиями.

Лишившись же своих «генералов» и «фельдмаршалов», еврейское население СССР и само вздохнуло облегченно; влилось уже полностью и безоговорочно в общенародное строительство на всех участках укрепления социализма: от трактора и станка до высших государственных постов. Лазарь Моисеевич Каганович тому великолепный пример, наш героический Иван Папанин... Тому масса примеров. А успехи нашей народной интеллигенции? — Ведь товарищи евреи составляют значительную часть ее. Правда, здесь постоянно нужен контроль и контроль. Привитые тысячелетиями изгнания качества народа Израилева далеко не во всем отвечают социалистическому, православному в своей основе, кодексу жизни и поведения. Поэтому мы стараемся ограничить их взаимовыручку, если она направлена на карьерные цели; стараемся не давать им верховодить в политике, экономике, науке, искусстве, если видим от этого вред общему делу. Это, конечно, ничего не имеет общего с царской «чертой оседлости» и средневековыми европейскими гетте, но — это почти инстинктивная защита 98 % населения страны, защита почти что биологического характера, как некогда говорил в этом смысле наш великий ученый Дмитрий Иванович Менделеев; он знал о чем говорил — предки-то его были из евреев-выкрестов.

...И сами евреи, наши советские люди, в большинстве своем не рады таким своим качествам, что делает их изгоями в любом обществе, в любой стране, трудно, товарищ Устюжнин, бороться с вековыми, тысячелетними пережитками. Но мы — боремся, активно привлекая наше еврейское население к равноправному построению социализма в нашей с ними общей стране — Великом Советском Союзе.

Самое же тревожное, что стоит появиться у нас в трудную годину новому Троцкому — и все пойдет насмарку; проявится тысячелетиями в иудейском сознании привитая дисциплина кагала. Об этом следует думать постоянно.

— Можете вы что-либо сказать по этому поводу?

— Товарищ Сталин, яйцо курицу не учит...

— У нас разговор доверительный, напомню Вам, и мы не в школе, чтобы кто-то кого-то учил (Виктора Ильича бросило в краску; зарвался полковник). Мне важно знать Ваше мнение, тем более, я не одного Вас спрашиваю на этот счет, как понимаете. Я не самодержец, чтобы слышать только свой голос, строить государственную политику только исхо-

дя из своих умозаключений. Прошу Вас — к делу и без окололичностей.

♦ — Товарищ Сталин, я человек военный и поэтому буду излагать свое мнение, оперируя не догадками и диалектическими категориями, при всем признании их главенства в мировом процессе, но лишь фактами в их исторической и политической соподчиненности...

— Очень хорошо,— Иосиф Виссарионович присел и занялся трубкой,— продолжайте, пожалуйста.

— Все же я коснусь, естественно в контексте темы беседы, диалектических категорий. У меня создается впечатление, что диалектика, трактуемая по Гегелю, а равно соподчиненная ей диалектика исторического процесса по Фейербаху, есть краткий, то есть детерминистский вариант действующих материалистических законов. В реальности последние подчиняются принципу стахостичности. Кстати, сам диалектический закон развития по спирали и есть наивысшее развитие симбиоза детерминизма и стохастичности.— Виктор Ильич осторожно, боковым зрением взглянул на вождя. Тот заметил взгляд и, не отвлекаясь от трубки, кивнул:

— Продолжайте, товарищ Устюжнин, вы хорошо излагаете свою преамбулу.

— Таким образом, реальная диалектика опирается, в числе прочего, не на логический принцип исключения третьего, но принцип исключения четвертого. Последнее есть доразвитие логики Евклида и Аристотеля...

— Мне это знакомо.

— Извините, товарищ Сталин, буду краток. Если в ретроспективе мы воспринимаем, точнее «усредняем» исторический процесс, как детерминистский, то в текущем бытие, в текущей истории мы этой роскоши себе позволить не можем.

Я это к тому говорю, товарищ Сталин, что каноническая история нашего и предыдущего веков сводится к классовой борьбе — основной движущей силе, но это и есть детерминизм чистой воды, а потому такое «усреднение» истории политики, экономики все остальное отсекает, относя к категориям сакральности, мифологии, казуистики и прочего оккультизма. При таком подходе, а для широких масс использование его полностью и единственно оправдано, мы можем объяснить причины Первой мировой войны, крушение европейских монархий, а если — не дай Бог, и нынешние европейские события перерастут во Вторую мировую, которая в той или иной форме явится основанием для Третьей... и так далее, то также просто сможем объяснить и их предпосылки и причины. А это значит, что мы «плывем по воле волн».

В то же время, используя возможности логики исключения четвертого, силы мирового зла активно «подправляют» диалектический ход истории... если, конечно, в самых высших законах Мирозданья не заложен на определенном этапе эволюция человека отказ от диалектики и переход, пусть и временный, к полной сакральной стохастичности...

— Однако, Вы, батенька, занеслись в небеса,— иронизировал «под Ильича» Сталин; давайте все же остановимся на логике исключения четвертого!

— Виноват, товарищ Сталин, зарапортовался.

— Вот-вот, рапортуйте, да не зарапортовывайтесь,— Вождь усмехнулся и с интересом посмотрел на смутившегося полковника.

— Можно продолжать? — Буду краток.

Глава седьмая

Какое счастье для правительства, что люди совершенно не думают. Думать им приходится лишь в момент отдачи приказов и во время их исполнения. В противном случае человеческое общество долго бы не просуществовало

Адольф Гитлер

Неспособность народа, как и отдельного человека, служить с непоколебимой верой определенной духовной идее есть обесценивание и измельчание исторической личности нации, которая неизбежно ведет к обывательской материально — и безликоинтернациональной жизни мещанина «в свою утробу»

Ф. М. Достоевский

♦ — В нашей нынешней ситуации важно опережать противника: потенциального, явного и скрытого тем более...

— А вы полагаете, товарищ Устюжнин, что мы этого не делаем, а сидим как вороны на деревьях и хлопаем крыльями бéз толку?

— Ни в коем случае, товарищ Сталин; главное уже сделано: полный разгром троцкистов и их прихвостней, начатое перевооружение Красной армии, как техническое, так и... кадровое. Наконец, договором с Германией Вы спутали все планы Англии и Франции столкнуть нас с

Германией.

— На ваш взгляд, в чем сейчас основные причины противостояния Германии, с одной стороны, и Англо-Французского союза?

— Полагаю, что повторяется ситуация Первой мировой войны; боюсь, что к решающим событиям и Антанта реинкарнируется, так сказать, в том же составе...

— Вы полагаете, что и Англия с Францией приобретут союзника в нашем лице, и Америка, точнее говоря Северо-Американские Соединенные штаты, выступит на стороне новой «Антанты»? Я правильно вас понял, товарищ Устюжнин?

— Мне кажется, что будет максимально полное повторение коллизии первой четверти века... в том числе и с неизбежным поражением Германии. Но во что это обойдется миру, Европе, а особенно нам? Мне страшно даже думать об этом. Я человек военный и повоевал достаточно, но... не хотелось бы такой ценой.

Посерьезневший Сталин задумался, застыл с погасшей трубкой:

— На чем основывается такое ваше убеждение, товарищ Устюжнин?

— Я потому и начал с пространной преамбулы. Тайные силы зла именно в нашем веке дают решительный бой всему миру. Но всякое тайное движение, сообщество для достижения своих целей, особенно глобальных, должно избрать свою вéщную оболочку: государство, международные институты и пр., а лучше — их гибкое сочетание. Их должно быть — с определенной дифференциацией задач исполнения — как минимум три: для исполнения целей по-преимуществу военно-политических, для контроля над мировой концентрацией финансов и для якобы объективного учета международных интересов.

Контуры таких «вещественных оболочек» для сил мирового зла уже четко обозначились в первой трети нашего века: государство — США, где значительна роль еврейского капитала, где собрались евреи либерального толка со всего света, главное — пресса, «четвертая власть», полностью в руках тайного мирового правительства. Пробным камнем создания послушных им международных институтов контроля над мировым мнением явились, начиная еще с XIX века, различные международные комиссии, соглашения, суды и пр. Вершиной же интеграции последних стала Лига Наций, однако эта политика оказалась неудачной по причинам, вам хорошо известным; тут даже не роль Германии и СССР, но выбор чисто географический — в Европе, которая пока что «затмевает» по своей военно-политической, отчасти и экономической, значимости роль Америки

в мире. Поэтому, если роль Северо-Американских штатов возрастет, то надо понимать — и по возможности нам противодействовать,— что они постараются следующий вариант Лиги Наций угнездить на территории США или полностью подконтрольного им «нейтрального» государства, но — не в Европе!

— Да-да, Лига Наций приказала долго жить. И есть уже своего рода намеки, некоторое зондирование о возможности создания подобной организации вне Европы. Речь пока определенно о Америке не идет, но... впрочем, товарищ Устюжнин, вы еще не сказали о третьей стороне подразумеваемой активизации и консолидации сил «нового мирового порядка», о международных финансовых органах.

— Это самая существенная сторона, поэтому оформление, конкретное овеществление она приобретет только на завершающих этапах. Скорее всего, это будут некие «международные» фонды, банки, консорциумы с самыми благозвучными и гуманными названиями. А по сути — жестко контролируемые, подотчетные мировому правительству органы экономического закабаления и контроля.

— Невеселую картину вы рисуете, товарищ Устюжнин. Да-а, в таком мире лучше удавиться, чем жить под полным контролем всего и всея. И что за люди будут миром управлять?

— Понятие личности, товарищ Сталин, в нашем, исторически-мировоззренческом понимании, уже и не будет. Останется бездушная исполнительная машина. В определенном, хотя и горьком смысле нам «повезло»: наше, от силы два-три последующих поколения будут еще жить в мире, где люди, хорошие или плохие, а люди делают историю, но не запрограммированная бездушная машина. А люди будут ее обслуживать, что самое подлое...

— Да, пожалуй, к тому и клонится. Время гениев проходит, наступает время подлецов.

♦ — ...Значит, ваше мнение в том состоит, что за Америкой, в конце концов, сомнительная честь организации Первой мировой и нынешней ситуации?

— Несомненно, товарищ Сталин, если понимать экономическую прежде всего политику САСШ*, как внешне выражение действий мирового тайного правительства — его апологета: американский финансовый

* *САСШ — Северо-Американские Соединенные штаты; так официально назывались нынешние США до Второй мировой войны.

еврейский капитал. Самое занимательное, что, помимо глобальных целей подготовки к полному завоеванию мира политически и, главное, экономически, великие столкновения нашего века преследуют и вполне конкретную цель, а именно: создание еврейского государства. Так в деяниях сил зла тесно переплетается голый расчет и нечто сакральное, символическое. Следуя логике исключения четвертого, это означает, что мировое зло руководствуется самыми таинственными начатками иудаизма, отвергаемыми ортодоксальными иудеями,— каббалой.

Но это открывает нам возможность упредительных действий; мы, скорее всего, не в силах остановить победное шествие во власть сил мирового зла, но можем их замедлить, дать своей стране передышку в 10 — 20 лет, через которые мы будем противостоять с той же Америкой на равных; главное — избежать гигантских жертв грядущей войны, разрушения всего достигнутого. То есть мы должны избежать участия в планируемой силами зла Второй мировой. Пусть истощаются европейские монстры и, желательнее всего, Америка.

— Однако, вы кровожадны, товарищ Устюжнин!

— А выбора нет, товарищ Сталин. Не мне это вам говорить, Вождю, создавшему великий СССР...

Иосиф Виссарионович долгим и внимательным взглядом заставил полковника почувствовать себя почти что физически зримо поставленным перед отделением расстрельщиков с нацеленными винтовками. Однако, вспомнив о своем разрешении говорить то, что думаешь, Сталин сделал неопределенный жест рукой, отвел взгляд:

— Так в чем же вы видите это качественное опережение?

— Товарищ Сталин, вы уже начали эти действия на опережение!

— Вы имеете в виду договор с Германией?

— И не только. Создание Биробиджана, при всей, извините, декоративности этой акции, воспринято в соответствующих кругах еврейского лобби САСШ с пониманием. Ведь им нужны своего рода «национальные форпосты» во всех стратегических точках света. Потом, в комментариях итогов московских процессов 37—38-го годов наша пресса резко дистанцировала троцкистское подполье и рядовую массу евреев — граждан СССР. Есть и другие аспекты, о которых полагаю излишним говорить вам, товарищ Сталин, проводящему гибкую и целенаправленную политику внутри и вне государства.

Однако, полагаю, что наши действия должны приобрести еще бóльшую решительность. Американский, то есть еврейский по сути своей, капитал создал Третий рейх в противовес нерешительности Западной

Европы в предоставлении территории Палестины для организации еврейского государства, прежде всего в противовес Англии, которая всеми силами стремится сохранить свое влияние в нефтяном арабском районе Ближнего Востока. Вот здесь-то мы должны подыграть соответствующим кругам САСШ, которые в этом вопросе ставку сейчас делают на Германию. Пока Гитлер дает гарантию создания новой Палестины, он может бесконечно долго разыгрывать свою карту, ибо без содействия САСШ, ее экономической мощи, Запад ничего реально не может противопоставить Рейху. Именно поэтому нынешняя сверхзадача Англии, а именно она сейчас верховодит Европой, и совершенно в духе ее многовековой политики — столкнуть Германию с СССР.

— Этот расклад, товарищ Устюжнин, нам хорошо известен. Более сомнительным, хотя нами и не отвергаемым, представляется вариант кручения всемирной политике сегодняшнего дня вокруг создания еврейского государства, например, на территории Палестины. Вряд ли в такое государство и сами евреи Америки, да и из Западной Европы устремятся. Ведь сами САСШ имеют неудачный опыт создания, так сказать в порядке восстановления исторической справедливости, мест переселения негров из Америки? — Да та же Либерия.

— А зачем евреям, которые уже сделали из Америки негласную Новую Большую Палестину, уезжать на Ближний Восток, почти в пустыню, в соседство с враждебным им арабским миром? Им и там хорошо. И в Западной Европе им хорошо; тем более, что их там мало, все они «при деле», опять-таки это евреи-сефарды, а не воинственные ортодоксы-ашкенази.

Туда поедут евреи Средней Европы, Балкан, отчасти наши граждане. Они и создадут надежный аванпост американского капитала и политики на Ближнем Востоке...

— И оставит нас с носом в этом важнейшем мировом узле?!

— Не думаю, товарищ Сталин. Мы получим, как минимум 10—15 лет передышки, за время которой, являясь полной политической и экономической автаркией, мы явим миру, в том числе и миру зла, сверхдержаву, равную по мощи всей Америке и Европе!

— Вашими бы устами... Насколько я понял вас, товарищ Устюжнин, ваше предложение «идти на опережение» означает, что наши усилия должны сосредоточиться в двух основных направлениях: а) разочаровать американских сионистов-финансистов в желании и способности режима Гитлера решить «палестинскую проблему» и б) самим дать гарантию всем заинтересованным сторонам в нашем живейшем участии в создании

Новой Палестины.

Да-а, государственно мыслите, товарищ Устюжнин. Мне было важно знать ваше мнение; другой вопрос: каковы здесь реальные пути?

— Пологаю, поскольку у нас есть товарищ Сталин, то и «нет таких крепостей, которые бы не смогли взять большивики!»

— Хм-м, почему только товарищ Сталин? Наша сила в коллективном разуме; у нас есть и товарищ Молотов, и товарищ Каганович... Ворошилов, будь он не к ночи помянут.

Однако, на этом завершим наш разговор. Продолжайте работать, товарищ Устюжнин, на вашем фронте. Полагаю, что это не последняя наша встреча. До свидания.

— До свидания, товарищ Сталин.

♦Вождь взял трубку прямого телефона Поскребышеву; то, что он взял трубку, Виктор Ильич отметил боковым зрением, выходя в приотворенную дежурным офицером дверь, а что звонил именно Поскребышеву,— решил, войдя в комнату последнего и увидев трубку в его руке и окончание разговора:

— ...Да, товарищ Сталин,— и жест рукой Виктору Ильичу — задержаться.

Положив трубку, Поскребышев с чуть заметной улыбкой оглядел ладно сидящий мундир полковника, остановился на орденах:

— Вам сейчас надлежит явиться в приемную товарища Калинина. Сегодня вручение наград по вашему ведомству. Так что, товарищ Устюжнин, готовьте дырку под орден Ленина!

Виктор Ильич по-военному поблагодарил и вышел вослед дежурному в приемную, поймав на себе удивленно-уважительный взгляд «Егорова». Второй же дожидающийся на правах замнаркома нахмурился и даже демонстративно взглянул на часы. Виктор Ильич покинул приемную, потому не смог наблюдать и вовсе разгневанное лицо члена правительства: дежурный офицер пригласил лже-Егорова.

♦Виктор Ильич очнулся от полудремы, улыбаясь и даже поглаживая лацкан своего барского халата; даже примерещилось, что ладонь попала на холодное золото высшей награды страны... «Эк, занесло»,— засмеялся он, вставая, потягиваясь и раздумывая: то ли идти под теплый бок Леночки, то ли помечтать еще.

Загадочно подмигивал зеленой вечной лампочкой прибор, суля уже настоящие, судьбоносные путешествия. Виктор Ильич погладил матовый

кожух прибора с одной горящей зеленой лампочкой и... ему почудилось, что *кожух теплый*!! «Черт! — помянул он всуе своих друзей,— неужто руки замерзли?». Он подул на ладони, энергично потер ими друг о друга, разогревая. Теперь уже тщательно прижал ладони к кожуху: сомнений не было, кожух был теплый. Он приложил ухо: внутри прибора явственно слышались загадочные электронные шорохи. Виктор Ильич остолбенело посмотрел на коробку прибора; его хитроумные антенны-датчики в упор смотрели на грядущего, а теперь и свершившегося путешественника во времени. Виктор Ильич припомнил слова Аседона, что-де прибор работает, будучи включенным, то есть переносит Виктора Ильича по времени независимо от того: говорит ли пациент вслух, думает ли наяву или во сне...

Еще не веря до конца случившемуся, Виктор Ильич осмотрел панель и увидел, что красная кнопка слегка утоплена, то есть *не выключена*. Он нажал на кнопку, та щелкнула и вернулась в нормальное, чуть выступающее за плоскость панели положение. Он снова приложил ухо к кожуху: электронные шумы и потрескивания смолкли.

Выждал минут десять, за это время достав из сейфа инструкцию и внимательнейшим образом перечитав ее полностью, затем снова растер ладони и прислонил к кожуху: тот заметно остыл.

Тщательно следуя инструкции, поминутно заглядывая в таблицу кнопок, он произвел процедуру включения. Красная лампочка не загорелась, но прислоненное ухо фиксировало вибрацию. Он вспотел липким, неприятным потом.

В этот момент в приотворенную дверь с грохотом, производимым им при любом движении, вошел злой боцман и с порога зарычал: «Я бы всех этих лягушатников на год-другой посылал на каторгу в Кайену перец выращивать...» Виктор Ильич, испугавшись за судьбу пятидесяти миллионов французов в каком-либо параллельном мире, ткнул в красную кнопку и не менее разгневанно вопросил: что за шум в поздний час, да и вообще стучаться надо... Тут же с испугом вспомнил, что, выйдя из приемной Сталина... тьфу, то есть закончив свой сон-мечтание и раздумывая: к Леночке под бочок пойти или еще помечтать, он еще подумал: «А хорошо бы Леночка родила двойню, девочку и мальчика!» Это как же он порадовал или огорчил миллионы Леночек в соседнем мире?

Боцман, чуть приглушив раскаты голоса, между тем продолжал жаловаться на управляющего, что и побудило его обратиться за управой к самому хозяину. Виктору Ильичу своих забот теперь хватало, посему, даже не вникнув в обиды боцмана, он отослал его прочь, сказав, что-де

сами разбирайтесь. Обиженный боцман ушел, демонстративно аккуратно притворив дверь.

«Ходют тут всякие по ночам. Чего им не спится?»,— сердился Виктор Ильич, недоумевая: что такое с прибором приключилось?

Еще — для надежности — дважды повторив процедуру включения-выключения с замером температуры и вибрации кожуха, Виктор Ильич махнул рукой и пошел к Леночке, решив чисто по-русски, что утро всегда мудренее.

♦Однако с утра к нему явился уже сам Клод Суассон с жалобой на боцмана. Для объективности был вызван и тот. Состоялось громкое препирательство, утомившее озадаченного вчерашним старшину замка Орсэ де Монтан. Боже, какими мелкими показались ему страсти и дела его подчиненных?! — Это после вчерашних-то судьбоносных для мира дел... Однако положение обязывает.

Как он ни старался вникнуть в суть инсциндента, но понял лишь, что «это безобразие... честь нашего замка... принять меры» (слова управляющего) и «мы с Полиной по любви... не десять, а всего-то семь бутылок этого коллекционного из погреба вина, чтоб оно ясным огнем сгорело, кислятина!» (это уже из уст боцмана). И т. п.

Кончилось все тем, что Виктор Ильич, зная золотые руки боцмана, отослал управляющего к Леночке — довыяснить ситуацию с Полиной и ее любовью, боцману же в присутствии мсье Клода сделал легкий выговор, призвав к трезвости и осмысленности поведения, напирая на флотскую дисциплину и воспитание, а после ухода управляющего махнул рукой и увлек довольного моремана в «астрономическую».

Боцман живо уяснил суть задания, подсобной железкой, согнутой им буквицей «U», всунутой в шлицы утопленной в панели гайки фонаря красной лампочки, вывернул эту гайку, снял плексигласовый красный колпачок и осторожно вытащил из гнезда тонкую длинную лампочку, в которой, несмотря на отсутствие какой-либо маркировки на контактах, он тотчас узнал изделие родной страны — неоновую сигнальную лампочку, используемую в военной аппаратуре (Виктор Ильич в пионерском детстве, как все его сверстники 60-х годов, прошел все технические кружки в школе и Доме пионеров, в том числе самый престижный: радиоконструкторский). На сердце потеплело: «Наше изделие,— с гордостью за страну подумал он,— даже здесь мы впереди планеты всей!»

Больше боцман ему нужен не был и он отослал его, наказав блюсти девичью честь Полины и сохранность коллекционных вин в погребе.

«Мне кажется, что рому, можжевеловой водки и кальвадосу на кухне предостаточно бывает, а с Полиной — сами разберитесь».

По уходу боцмана он вставил подвернувшийся кусок провода в одно из гнезд обычной стенной розетки (то, что в замке электропитание двухфазное он знал от Анри), затем исхитрился ухватить пальцами лампочку так, что касался только одного из боковых контактов, а другим контактом прижал к проволоке. Лампочка не засветилась. «Странно,— подумал он,— брак *наши* и в атомную бомбу, и в космическую станцию запросто загонят, но ведь поначалу она горела?»

«Коль скоро аппаратура наша, да еще с военной приемкой, значит и ЗИП к ней должен иметься»,— сообразил Виктор Ильич и действительно рассмотрел скромно стоящий обок стойки с аппаратурой на полу упаковочный ящичек. Открыл его, полюбовался разложенными в углублениях пенопластовой подушки сверкающими никелем и стеклом вещицами. Для любознательности некоторые вынимал и рассматривал, усмехался: нигде не единой буквы-цифры маркировки или обозначения. «Наши — бдительны!»

Нашел неоновую лампочку, вставил в гнездо, выполнил процедуру включения: лампочка подмигнула ему и засветилась. Он выключил починенный аппарат, закрыл ящичек ЗИП'а, задвинул его на прежнее место.

После обеда он розыскал Фернана, приказал собираться в недальний путь. Через четверть часа они выехали на роскошной машине Аседона в направлении Орлеана. В городе, пользуясь справочником городских служб и расспрашивая полицейских, лихо козырявших пассажиру фешенебельной машины, он весьма скоро разыскал учреждение, по функциям сходное с лабораториями Госстандарта, имевшимися в каждом областном центре СССР.

К посетителю из столь дорогой машины вышел из кабинета навстречу сам директор этого занимательного учреждения, со всем вниманием отнесся к просьбе бесящегося с жиру миллионера «определить почему не работает эта, с виду совершенно исправная, лампочка» стоимостью двадцать сантимов. Дабы избежать излишних вопросов, памятуя, что в Европе жаднее французов до денег только беглые советские диссиденты, Виктор Ильич отсчитал и положил на стол директора несколько крупных купюр, сказал, что заедет за результатами анализа через пару часов. Директор быстро и часто кланялся. Как японец.

Время Виктор Ильич использовал для утех, то есть объехал с Фернаном все букинистические магазины Орлеана и приобрел массу занимательных и редкостных изданий. Из русских книг наиболее удачной на-

ходкой было первое издание знаменитой «Грамматики» Николая Греча.

Забрав у продолжающего кланяться директора письменное заключение на красивом бланке с государственными символами *RF* и тщательно упакованную в фирменный же полотняной конверт злосчастную лампочку. Виктор Ильич дал Фернану курс на замок Орсэ де Монтан.

В дороге он прочитал заключение: брак в лампочке состоял в небрежно отлитой стеклянной оболочке, а именно: в нижней ее части, сокрытой от глаза контактом, в стекло попал пузырек воздуха, причем толщина стекла с обеих сторон пузырька составила не более 2—3 микрон, так что постепенно, но очень скоро, неон из баллона вытек, а последний заполнил обычный воздух, в котором, как известно, газоразрядный процесс свечения не происходит.

«Ну и молодцы же наши! — продолжал восторгаться Виктор Ильич,— атомную лодку лучшую в мире построят, сотни и тысячи тонн титана на корпус не пожалеют, а какой-то рационализатор, дабы получить через БРиЗ десятку, запроектирует замену копеечной стальной втулки на пластмассовую, и лодка с экипажем идет на дно... навечно. Или запустят сразу и опять же впервые в мире трех космонавтов вместе, а на спускаемом модуле люк закрепят бракованным болтом, и — похороны на Красной площади. А в его случае, выходит, копеечный брак весь ход истории меняет?» Да разве можно такое без последствий оставить!

Внезапно Виктор Ильич удивил Фернана:

— Разворачивай назад — и на главпочтамт в Орлеане!

♦Однако на подъезде к Орлеану — второй раз за сегодняшний день — Виктор Ильич слегка успокоился и сообразил: а как он собственно отправит гневное письмо, да еще с приложением загадочной лампочки (официальное заявление о роде брака, понятно, отправлять не собирался: мигом вычислят из КГБ и французского департамента разведки; это вовсе ни к чему)? Хотя Франция и является первосоздателем регулярной почты, а официальным языком Международного почтового союза до сих пор является французской, но Виктор Ильич не верил в западные демократические устои.

Так прямо и напишет на конверте, дескать, в СССР, в Москву пушено из Орлеана — прямо в личные ручки председателя «*KGB*»? Здесь он вспомнил, что в парижский период его странствий как-то занесло его пьяного с не менее хмельным приятелем-на-час из веселых диссидентов по имени Борис на улицу с расположенным там советским посольством, где Борька хотел демонстративно стать на колени перед входной дверью

с надписью «*Ambassoudore d' URSS*», зарыдать и попроситься назад в Отчизну, проклиная Париж, Брайтон Бич и Израиль заодно. Но Виктор Ильич, еще за малый срок пребывания за бугром не отучившейся от дисциплины, указал ему на двух ажанов в карауле. Борька обозвал его агентом КГБ, но успокоился. Виктор же Ильич поинтересовался почтовым ящиком сбоку от крыльца, а Борька пояснил, что опушенное туда письмо уже не подчиняется французским властям, а является собственностью СССР.

— Давай в Париж, в Орлеане не останавливаться,— еще более удивил он Фернана. Позвонил из автомобильного телефона в замок, добавив к основному номеру цифры телефона управляющего, сухо сообщил, что по делам заедет в Париж, вернется ночью. Просил передать Леночке, чтобы не беспокоилась. С самой же говорить не хотел: нужно напрягаться и что-то врать, а голова была занята благородным негодованием.

В парижском предместье велел остановить у первого же писчебумажного магазина, сам не выходя из машины осторожности для, послал Фернана купить самую дешевую портативную печатную машинку, конверт поплотнее и пачку форматной бумаги «без всяких вензелей».

Отъехав с полкилометра, он велел Фернану остановиться, перебрался в пассажирский отсек (мигом вспомнилось, как они с Леночкой занимались здесь интимными делами...) и напечатал полное язвительности и негодования патриота письмо, в котором сообщал, что-де тут настоящие советские патриоты жизнью рискуют, а им в спецаппаратуре брак подсовывают, из-за которого срывается операция, грозящая миру неисчислимыми бедствиями. На конверте же он написал: «передать кому следует», сожалея, что из-за латинского шрифта машинки приходится писать по-французски, то есть на галантном языке, где нельзя выразить по-мужски истинное негодование...

В Викторе Ильиче продолжал бушевать инстинкт настороженного при общении с официальными органами советского гражданина, поэтому он надел попавшиеся под руки легкие перчатки (комплект одежды остался в притороченном к полу кофре от запасливого Аседона) и тщательно протер чистым носовым платком из того же кофра лист письма, конверт и лампочку, после чего заклеил конверт, смочив липкую кромку клапана виски из автомобильного бара; след слюны он тоже оставлять поопасался.

Далее он велел Фернану, засомневавшемуся в рассудке хозяина, ехать в центр города, но обязательно через самый длинный мост через Сену, а проезжая по оному, велел снизить скорость до минимальной, выйдя на крайний правый ряд движения, и выбросил на ходу из окошка

печатную машинку в реку. Понятно, что был он в перчатках, а машинку также протер платком. Он ни на миг не сомневался, что уже через час водолазы под руководством полицейских в штатском развернут здесь поисковые работы.

...Поэтому Фернан уже не удивился, когда хозяин попросил проехать его на малой скорости мимо советского посольства, запомнить расположение почтового ящика и остановиться за два квартала, завернув за угол в проулок. Далее он вручил (будучи в перчатках!) конверт оторопевшему шоферу и велел дойти до посольства и опустить письмо в ящик, уловив момент, когда дежурные ажаны будут глядеть в другую сторону.

Он чувствовал себя подлецом, отправляя Фернана на рискованное дело, но тот через пяток минут вернулся, с опаской поглядывая на Виктора Ильича.

— Ну-у, как? — Взволнованно спросил тот.

— А никак, опустил и все.

— А полицейские?

— Я с ними поздоровался, они — тоже.

— Тьфу! Поехали обедать.

Обедали они — демократично, вдвоем — в ранее полюбившемся Виктору Ильичу ресторанчике неподалеку от бывшей Бастилии; Виктор Ильич кушал с вином и рюмкой-другой (патриотизм все еще кипел в его душе) замороженной экспортной «столичной», Фернан — всухую, а потому скорбно-задумчивый.

К концу обеда Виктору Ильичу стало несколько стыдно своего мальчишества; он хорошо понимал, что в переполохе, который поднимется в СССР уже сегодня к вечеру, больше всех будут бить «стрелочников», однако он выдавил из себя благодушный либерализм: «Нечего жалеть! Достанется, конечно, и «стрелочникам», но ведь и более высоких чинов в КГБ, Оборонпроме, электронной промышленности заставят помандражировать. Нехрена их жалеть, зажрались, так и Отечество запросто проср...ть!» (Как в воду глядел Виктор Петрович!).

Оставшуюся часть светового дня Виктор Ильич посвятил копанию в книжных развалах букинистов на набережной Сены, откуда и выкопал массу замечательных изданий на французском и русском языках. Попросил Фернана покатать по зимнему вечернему Парижу, поужинал для экзотики в китайском ресторане на бульваре Пастера; опять же в компании Фернана, с отвращением (кто же эту гадость без вина употребляет?!) поковырявшимся в улитко-водорослевом ассорти; после чего поехал в «Комеди Франсез», где с удовольствием (и без компании Фернана) посмотрел

«Севильского цирюльника» с Флери Пуаи — бесподобной звездой.

Покидая ночной Париж, Виктор Ильич притормозил машину на Монмартре, зашел выпить рюмку «камю» в знакомой ему «Пеликан».

Злой и уставший Фернан гнал машину по свободному шоссе что было мочи. Виктор Ильич уютно подремывал в пассажирском отсеке. Приехали затемно; Виктор Ильич прямо из машины, дабы не терять стержень сна, отправился в спальню к Леночке.

— Ты? — Спросила она сквозь сон.

— Навроде того, ответил Виктор Ильич, решив не отвлекать Леночку ото сна, и сам заснул.

♦Наутро он решил пока повременить с историческими экспериментами: еще раз все тщательнее продумать, да и хозяйством замковым надо подзаняться. А то скоро Анри с Фернаном, к примеру, из-за почтенной Аннеты дуэлировать начнут.

Глава восьмая

Радуется купец, прикуп сотворив, и кормчий, в отишье пристав, и странник, в отечество свое пришед: так же радуется и книжный списатель, дошел конца книгам. Тако же и аз, худый, недостойный и многогрешный раб Божий Лаврентий мних...

Лаврентьевский летописный свод 1377 года

♦В начале февраля месяца погода стояла скверная даже по русским меркам: солнце выглянет в полдень, все вокруг повеселеет, а потом свинцовые тучи все небо затянут; то дождик противный, то ветер северный с Ла-Манша, опять же сырой и холодный. Давление в атмосфере чуть ли не каждый час скачет туда-сюда. Потому и сны Виктора Ильича, особенно после заполуночного бдения-чтения в библиотеках замка, заполошные. То сам Александр Леонидович Чижовский явится с жалобой на академика Абрама Иоффе, почившего четверть века тому назад, укравшего у него все идеи относительно гелиобиологии, присвоившего все открытия опального ученого, постаравшегося полностью задвинуть автора «Эха солнечных бурь» в небытие...

Из тех же 60-х годов почему-то выплывал в снах и осанистый,

представительный президент Академии художеств СССР В. А. Серов и все норовил продать Виктору Ильичу за твердую валюту свой свежеизданный альбом карандашных набросков. Почему-то на обложке роскошно изданного альбома стояла настоящая фамилия президента: Рапопорт. Сонный мозг неспокойно спящего Виктора Ильича тотчас занялся этимологией этой распространенной фамилии; выходило, что произошла она от словосочетания «*ребе оф Оппорто*», то есть «раввин из Португалии», откуда предки Рапопортов были выселены в XVI веке одновременно с изгнанием евреев из Испании.

Много чего другого чудного снилось в барически неспокойные ночи узнику замка Орсэ де Монтан.

♦Погрузившись в накопившиеся хозяйственные дела замка, Виктор Ильич в полную меру ощутил себя помещиком сродни русским барам доброго девятнадцатого века. Это блаженство длилось остаток января и почти весь февраль. Он вникал в счета и расходно-приходные книги управляющего с такой дотошностью, что даже заставлял нервничать честнейшего Клода Суассона.

Вместе с Леночкой многократно — вместе и порознь — допрашивали, расспрашивали, увещевали и воспитывали новонародившуюся парочку: боцмана и горничную Полину. В итоге Полина рыдала, боцман, как честный человек, обещал жениться. Кстати, того же желала и Полина. Однако Виктор Ильич, в душе которого разбушевался заботливый отец-командир, вынес вердикт, устраивающий всех: отношениям замковых Ромео и Джульетты не препятствовать (Леночка же считала и вполне резонно, что эта парочка есть реинкарнация Лайлы и Маджнуна...), но чтобы это в глаза не бросалось и не шло в ущерб их должностным обязанностям. Относительно же скоропалительного джентльменства боцмана, Виктор Ильич мудро порешил, что «такое высокое чувство требует испытания временем»,— при этом он пригласил в свидетельницы верности его умозаключения Леночку; та, слегка порозовев, авторитетно подтвердила. Словом, брак посчитали возможным по итечении годичного испытательного срока. Оба — и боцман, и совращенная им юная горничная — облегченно вздохнули; разумеется, по поводу неопределенной отсрочки брачных уз...

Досталось и кухарке: ненавязчиво, но убедительно Виктор Ильич — Леночка по женскому компатриотству и либерализму тайно была на ее стороне — внушал добрейшей Аннете, что-де французская кухня это хорошо, но еще лучше перемежать соусы-пиканы, трюфельные пирожки,

жидкие протертые супчики и пулярки с лимонной подливкой добротной и полезной для желудка русской пищей, как-то: украинский борщ из домашнего, зажелтевшего вяленого сала с пышками, посыпанными тертым чесноком, должен хоть раз в неделю появляться за столом; поросенок с гречневой кашей и хреном — непременное украшение сервировки по праздникам, впрочем, по всем: советским, французским, православным и католическим. На французский праздник Дня взятия Бастилии и бывший советский — День Парижской коммуны, которую Виктор Ильич уважал сызмальства, Аннета под личным контролем Виктора Ильича и с помощью боцмана, как человека, приближенного к морю, а значит и рыбам — кровь из носу,— но должна готовить паровую осетрину и заливную стерлядь.

— Вообще говоря, супы следует подавать в обед каждый день,— поучал разошедшийся Виктор Ильич,— хорошие наваристые щи из говядины молодой, уха из судака, а еще лучше из трески,— это по четвергам; у нас в СССР каждая среда — партийный день, а четверг — рыбный. Это очень полезно для желудка и нервной системы.

Несколько запутавшись, Виктор Ильич пояснил, что партийный день подразумевает некую постность и диету, поэтому и супчик должен быть поскромнее, например, рисовый с овощами и мясными фрикадельками.

Относительно закусок, жаркого, рыбы и сыров Виктор Ильич великодушно предложил Аннете продумать самой с учетом *color local l' Russia*:

— Побольше, Аннушка,— развалясь в кресле, запахнувшись в любимый свой бухарский халат, дымя превосходной «большой короной», говорил он подобревшей от доверия кухарке,— винегретов с селедочкой, но только без зеленого горошка, а майонез напрочь заменить сметаной. Пусть мсье Клод,— поучение велось в присутствии управляющего,— озаботится, чтобы вестфальская ветчина всегда была в погребе. А лучше — постарайтесь установить контакт с представительством советского «Продэкспорта» в Париже: насчет тамбовского окорока и нашей колбасы. Она единственная в мире натуральная... Да, компоты, варенья и соленья — только своего, замкового изготовления — и без всяких консервантов!

♦Въедливости и настырности, перемешанных с доброжелательностью и отеческой заботой, Виктора Ильича не избежал в замке никто. Дополнительно и отдельно от истории с Полиной был поучаем боцман; ему, в

основном, инкриминировалось увлечение спиртными напитками, причем не по самому факту и количеству употребляемого, но по их фактуре:

— Ты пей лучше нашу водку, здоровье береги!

В том же грехе был уличаем и Фернан.

Долго Виктор Ильич ходил вокруг да около Анри Дюмона; как на грех, кухаркин супруг был подобен известному советскому певцу Льву Лещенко, про которого в артистических завистливых кругах ходила присказка: «Ни единой трещинки в песнях Лёвы Лещенко».— В том смысле, что репертуар певца, известного своим бытовым диссидентством всей Москве, не давал ни малейшей зацепки для оргвыводов кураторам советской эстрады от Минкульта и самого ЦК КПСС: «Комсомол, молодежь и весна!» — И все тут; попробуй, придерись...

Тогда Виктор Ильич применил испытанный и безотказный прием отечественных матерых парторгов. Последние, понимая, что нет людей без греха, но не имея на руках фактов против такого вот скромника, как Анри, вроде как переставали им интересоваться: всех пропесочат, сделают оргвыводы, а вот в отношении этого бедолаги — никакого внимания.

Последний же поначалу горделиво посматривает на униженных коллег, потом задумывается, начинает сомневаться в себе, а сомнение, согласно догмату католической церкви, есть прямой путь в душевный ад. К тому же и коллеги начинают сторониться Единственного. Не выдержав остракизма окружающих и душевных терзаний, несчастнейшей как-то поутру бежит в партком и возводит на себя почти-что напраслину. Получив нагоняй и отпущение грехов, он заново сливается с коллективом...

Подействовало и на сугубо капиталистической почве. Через неделю Анри явился к хозяину и признался, что во время одной из продуктовых поездок в Орлеан превысил скорость и уплатил штраф полицейскому из хозяйственных сумм. Виктор Ильич простил его, учитывая, что радеющий о финансовой дисциплине шофер покрыл эту сумму, сбив до минимума — в яростной торговле — цены на хозяйственные покупки. Заодно Анри, явно выслуживаясь, сделал серию доносов по мелочам на всех остальных обитателей замка, исключая, конечно, принципала с супругой, управляющего и свою Аннету. Это усердие Виктор Ильич не одобрил.

♦ «Охота на ведьм» распространилась и на персон из числа сторонних к замку Орсэ де Монтан. Как-то в разговоре с управляющим Виктор Ильич ядовито заметил, что-де Поль, гостивший на Рождество в замке муж дочери управляющего Женевьевы, достаточно легкомысленный молодой человек, уже проникнутый неким современным снобизмом:

— Удивляюсь я таким, как мсье Поль! В них уже и от французов-

то мало что осталось: какая-то американщина в словах, а более в образе мыслей,— раздражался Виктор Ильич, уже не только советского, русского отечества, но и земли-родины Жанны Д' Арк, Генриха IV и Наполеона патриот.

Не преминул Виктор Ильич сделать замечание почти-что своему, замковому человеку — полицейскому-«участковому» деревни Орсевиль Марселю Пондиаку, как-то застав того на кухне, мирно распивающим литровку-другую местного белого вина в компании боцмана и Фернана. Полицейскому, устыдившемуся своего неформального присутствия, Виктор Ильич начал было указывать на распущенность современных нравов, вспомнив слышанную им от замковой прислуги недавнюю историю в деревне: там родители «застукали» своих чад обоего пола, что под видом музыкального кружка устроили вечером в школе вечеринку с вином, «травкой» и стриптизом.

Однако, к его удивлению, Марсель обрушился на испорченные американцами нравы современной молодежи с еще бóльшей яростью. Из дальнейшей беседы выяснилось, что сержант является ветераном последней алжирской войны и с восхищением говорил об успехах советской армии в Афганистане. Виктор Ильич принялся слушать великолепно аранжированные африканским колоритом бесконечные рассказы старого вояки об алжирской кампании, затем послал боцмана принести из бара на первом этаже замка «что-нибудь посущественнее», а вертевшийся рядом за кухонными делами Аннете подать солидную закуску.

...В этот день ужин в столовой, куда к девяти вечера переместилась веселая компания с кухни, был демократичным и многолюдным. Отослав после ужина дам, мужская часть продолжила братание до глубокой ночи. Виктор Ильич обнимался с Марселем, пил с ним на брудершафт; поочередно произносились тосты за Сталина, Наполеона, всех маршалов того и другого полководцев, за авиаполк «Нормандия-Неман», за де Голля и Луи де Финеса, Андропова и Муслимова Магомаева; почему-то отдельно и стоя пили за Семена Михайловича Буденного.

Леночка назвала явившегося в супружескую спальню во втором часу ночи супруга свиньей и демонстративно отвернулась. Совсем разошедшийся и потерявший контроль Виктор Ильич, грубо отлученный от интимных ласк, заорал, что-де тотчас пошлет Фернана в Орлеан за проституткой, но Леночка на это не прореагировала: ее супруг патологически боялся заразиться венерической болезнью, а Фернан был также абсолютно пьян. Леночка два дня не разговаривала с заискивающим и виноватым Виктором Ильичем.

♦Носитель громкого имени Жака Дюкло — мэр, то есть, попросту говоря, староста Орсевиля также не был обойден грозным вниманием хозяина замка. С ним он общался по телефону. Причиной неудовольствия было суточное отключение электроэнергии в самом начале февраля. И хотя телевидение всего мира с неделю оповещало всех о необычном снегопаде в северо-западных департаментах Франции, следствием чего явилось провисание и обрыв проводов линий электропередач, на которых намерзли тонны льда, мэр терпеливо оправдывался перед сюзереном замка. Надо заметить, что в эти самые сутки, когда вся округа сидела вечером при свечах, замок светился всеми своими окнами и уличными фонарями, ибо в замке исправно работал автономный дизель.

В разное время в месяц «разборок» и нагоняев замок посетили оба священника, окормлявшие паству Орсэ де Монтана: деревенский кюре Антуан и православный о. Хрисанф из Парижа, которому полюбился гостеприимный и хлебосольный хозяин «истинно русского острова в скаредной французщине».

Падре Антуана Виктор Ильич, зазвав отобедать после дежурной службы в домашней церкви, обвинил косвенно — по принципу клановой принадлежности — во всех грехах Апостольской церкви. Кюре яростно защищал папистов, советовал повнимательнее присмотреться к своей православной церкви и т. п. Уехал он рано, крайне недовольный, так что на другое утро Виктору Ильичу пришлось отправить в деревенскую кирху ящик превосходного кагору.

С редким же гостем о. Хрисанфом Виктор Ильич хотел побеседовать о раскольных тенденциях в русском православии: от раскола, учиненного полуграмотным мордвином Никоном, вылезшим из грязи в князи, до современного противостояния Московской патриархии и РПЦ, то есть зарубежной Русской православной церкви. Мыслил он напирать на жадность и историческое местничество русских попов. Однако, к его удивлению, добрейший о. Хрисанф с ним полностью согласился и сам начал клеймить поповское начальство всех времен и политпринадлежностей современного мира.

Отец Хрисанф охотно согласился погостить в замке пару дней, позвонив в Париж своему сослужителю, молодому священнику. Все это время сдружившиеся атеист и служитель культа провели в чревоугодничестве и взаимополезных беседах о сущности добра и зла, высокой миссии христианства, особенно — русского православия, среди жидовствующих. Говорили о Достоевском, Мельникове-Печерском, обер-прокуроре

Св. Синода Константине Победоносцеве, слабости душевной последнего русского монарха. О. Хрисанф был очень начитан, имел академическое духовное образование, был искушен и в сложной современной политике православия.

На третий день Фернан увез его в своем роскошном лимузине на парижскую поповку. Виктор Ильич распорядился управляющему выдать священнику десять тысяч франков «на свечи», куль гостинцев из балыка, осетрины и лучшего окорока вестфальской ветчины, а Леночка отдельно передала для матушки кой-какие безделушки из украшений, приличествовавшие статусу попадьи, хотя и в Париже проживающей.

Троекратно целуясь с гостеприимным хозяином, о. Хрисанф обещал ежемесячно наведывать свою новую паству.

♦ «Было б теплым стойло да сладким пойло»,— эти слова советского классика Леонида Максимовича Леонова Виктор Ильич воспринимал как-то сглаженно, отчасти понимая натуру и помещика, и современного буржуа, и благополучного обывателя: равно забугорного и советского. Тепло и уютно жилось в замке; тем более по контрасту за окнами стоял необычайно суровый для этих мест, противно-слякотный февраль восемьдесят четвертого года.

Разобравшись с делами и наладив внутри- и внезамковую дисциплину, Виктор Ильич начал помышлять о продолжении исторически значимых упражнений... Но, словно угадав такой момент, в пасмурный февральский вечер Виктору Ильичу, сидевшему в библиотеке, позвонил по внутреннему телефону управляющий:

— Мсье Викто́р? Мистер Ли звонит по междугороднему, вас спрашивает.

— Спасибо, мсье Клод,— Виктор Ильич переключился на межгород, несколько неудомевая: отвык от общения с Аседоном. В голосе последнего слышалось плохо скрываемое раздражение:

— Дорогой мой! Я, собственно говоря, хотел позвонить вам сразу после известного инсциндента, да занят был чрезвычайно и чрезмерно. Да и вы хозделами занялись,— в голосе Аседона Виктор Ильич уловил потепление,— это правильно, порядок и благонравие требуют хозяйского участия...

— Здравствуйте, дорогой Аседон,— перебил его Виктор Ильич,— вроде как в земной вашей и нашей, конечно, юдали принято здороваться, — перешел он сразу в наступление, хотя и не понял: откуда ветер дует.

— *Pardon*, дорогой мсье Викто́р, это все от занятости, а потом я из

Нового Света звоню; сами понимаете, люди здесь бесцеремонные — с кем поведешься...

— Так я весь во внимание, мистер Ли.

— Ах, оставьте вашу язвительность. Я ведь по делу. Вы, однако, навели шороху в нашей канцелярии... а зачем соотечественников-то потревожили, компатриотов-то?

— Чтоб не дремали и брак не гнали,— буркнул Виктор Ильич.

— Мальчишество это! Не говорю уж о том, что это наши интересы затронуло, но ведь все руководство Моршанского и Калужского электроламповых заводов полетело с должностей. Массу рядовых работников уволили с волчьим билетом. На трех номерных заводах в Челябинске, Ленинграде и в вашей же *Т*. то же самое. А что было в целом десятке КБ и НИИ по линии Минобоpонпрома, Электронпрома и Академии наук? Скольких детишек почти-что осиротили? — Были они детьми благополучных родителей, а теперь? — В голосе Аседона слышалось почти-что веселье,— Я уже не говорю о КГБ — газеты читаете наверное*... Даже «дипломат», что должен был в парижском посольстве фотографировать опускающих письма в ящик у входа (он в тот злополучный день отошел на полчаса кофейком побаловаться...), был отозван в Союз и определен в Уссурийске охранником на тамошний режимный завод. Вот так-то, дорогой мой. Впрочем *это-то* может и на пользу: не расслабляйся!

— И для этого, с позволения сказать, выговора вы и тратите свое драгоценное время? — съязвил Виктор Ильич; ему стало стыдно, жалко пострадавших соотечественников.

— Да нет, дело, конечно, в ваших, так сказать, «аппаратных штучках»...

— Но вы же знаете, как я понял из предыдущего, что техника подвела!

— Подвела, подвела, но зачем вы *наших* потревожили?

— Каких таких ваших?! — взревел вконец раздосадованный Виктор Ильич,— во-первых, я ни единого мига не помню из того сна, сами ведь говорили, что в памяти ни черта не должно оставаться. А потом хоть полслова вы мне говорили: кого затрагивать, а кого не затрагивать?

— Не горячитесь, дорогой. Кто такие «наши» — сами понимаете, не маленький. И бороться против «наших», то есть и *наших* дел,— бес-

---

* В 1984 году случилась основательная перетряска и кадровая перестановка в КГБ СССР.

смысленно и глупо. Короче говоря, я по своему ведомству получил за вас гранд-нагоняй. Так что, дорогой мой путешественник, пока что доступ во времена иные вам закрыт. Пока, надеюсь. Завтра приедут за аппаратурой. Сдадите по описи, ну-у, расписка о неразглашении конечно.

— Кровью расписку-то!

— Хватит баловаться. А меня лет на пять-шесть командируют туда, где вы невольно напакостили. Мой грех — мне и расквитываться. Связи туда, сами понимаете, от вас не будет — и обратно. События же там, к сожалению, тоже только в реальном времени идут... Так что на целую пятилетку мы с вами расстаемся!

— Хоть намекните: что я такого натворил?

— Ха-ха, дорогой мой, мне еще на пенсию, в ад то есть, рановато. Сами поразмышляйте. Одно скажу — благие намерения, сами понимаете, куда ведут.

Да, на это время от нас помощь потребуется? Могу дать номер кого-нибудь из моих оперативников, если что нужно — помогут.

— Не надо. Счет открытый есть, а власть денег эквивалентна вашей!

— Вот и молодец. Чем заняться — полагаю, найдете. До встречи, дорогой Виктор Ильич!

— Успеха вам, Аседон!

Часть III. НА СЛУЖБУ ОТЕЧЕСТВУ!

Воинственное революционное воодушевление и ожидание чудовищных катастроф присущи интенсивности жизни и двигают историю

Карл Шмитт

Глава первая

♦Как ни странно, но изъятие Аседоном аппаратуры не очень-то повлияло на жизненный ритм и душевное спокойствие Виктора Ильича. Проведенный им прошедшей осенью анализ истории и ее особо острых и судьбоносных коллизий, не говоря уже о событиях нынешнего века, показал немыслимую для постижения смертным глубину и переплетенность следствий и причин. По-своему он испытал разочарование всех этих германских фаустов. Здесь очень подходила русская присказка: в чужой монастырь со своим уставом не лезь! Благие намерения так и останутся благими; не зря мудрые католические попы, коих от поиска истины не отвлекают, подобно попам православным, жены, водка и соседский помещик-хлебосол (тож секретарь райкома с инструкциями и районная же управа КГБ — в новейшие времена), определили благие намерения как прямой путь в ад... даже минуя их апостольское чистилище... «Все бесполезно, только повредишь кому-то в параллельном мире», — досадуя на свое мальчишество, думал наш герой, советский Фауст.

Хотя, получив таким невероятным способом возможность вмешиваться в ход пусть чужой, но — истории, Виктор Ильич немного сожалел, что не «поприсутствовал», не приложил свой патриотический запал в событиях судьбоносных, а также просто в ситуациях, особо его занимавших.

♦Так со школьных времен занимала его несчастливая судьба героя Отечественной войны, подводника № 1 и личного врага фюрера (подводником № 2 он полагал Лунина, торпедировавшего линкор «Тирпиц»), самого великого «советского румына» Александра Ионовича Маринеско.

Сама судьба берегла Маринеско для его подвига, отвлекая во время войны от боевых действий; известно, что мало кто из подводников дожил до дня Победы... В самом начале покомандовав геройской «малюткой» под номером М-96, а «малютки» — это лодки-смертники, он полтора, самых страшных года боев на суше и на море учился в Самарканде в переведенный туда из Ленинграда Военно-морской академии, и только в самом конце 1944-го принял на Балтфлоте командование вошедшей в историю подлодкой «С-13». Один номер чего стоит, учитывая, что самые суеверные люди — моряки...

Дорого стоил Маринеско его скандал в финской гостинице в Турку, тогдашней нашей военно-морской базе в новогоднюю ночь 45-го года, и воспоследовавшая ночь в объятиях очаровательной хозяйки-шведки... В море «С-13» отправили с политнапутствием: «Позор смыть кровью!». А когда у подводников появляется кровь, то лодка больше не всплывает. Этот-то злосчастный новогодний отдых на берегу и отодвинул от Маринеско на 50 лет, когда и кости его уже истлели, геройское звание, корабль его имени и памятник. Суров был балтийский СМЕРШ, но еще суровее сказалась на судьбе Александра Ионовича паскудная отечественная черта зависти и недоброжелательности ко всякому, кто талантом, бесстрашием, лихостью, наконец, чуть выделится над своим уровнем!

А ведь только стоит вдуматься: вместе с «Вильгельмом Густлофом» экипаж «С-13» пустил на дно Балтики последний «карающий меч возмездия» погибающей Германии — экипажи 70 подводных лодок, то есть целого подводного флота, который должен был «закрыть» Атлантику и изолировать Второй фронт от снабжения, предуготовив полный его разгром.

В тот же день лодка Маринеско потопила и военный транспорт «Генерал фон Штойбен», пустив на то же самое дно экипажи полноразмерной танковой армии (!?). А в личном итоге жизни: натуральная нищета, тюрьма, болезнь и безвестная смерть в 50 лет.

Уж он-то, Виктор Ильич, сумел бы восстановить историческую справедливость хотя бы для одного из «параллельных Маринеско»! Да и о подводнике № 2 не грех было позаботиться. Судьба у Лунина сродни*.

Вообще говоря, как представлялось Виктору Ильичу, период 1939

* Автор настоящего жизнеописания Виктора Ильича, сын моряка, вырос в Полярном — городе подводников Великой Отечественной. «Щука» Лунина, заботливо сохраняемая моряками-североморцами, стояла на вечном приколе чуть ли не под окнами дома. А сам Лунин, болезненно выглядевший, на встречах со школьниками города хмурился, когда ему задавали вопросы о той героической атаке.... Допекли и его.

—45 гг. отечественной истории — обширное поле упущенных возможностей, а значит и благодатное для исполнения благих намерений. Конечно, осенью 41-го мало что значили усилия одного человека. Даже гений Иосифа Виссарионовича в эти тяжелейшие месяцы являл собою лишь некоторую, хотя и очень весомую, но — служебную роль. В такой сумятице роль личности (какой идеологией не прикрывайся) нивелируется, а на первое место выступает коллективный разум — пресловутые массы с их разнохарактерностью. В той же Москве осени 41-го года налицо сосуществовали и порой тесно переплетались самые противоречивые позиции и тенденции. Трудовая Москва, ставшая прифронтовым городом, производила для Красной Армии самолеты и «катюши», автоматы и снаряды, пошила за войну 10 миллионов солдатских шинелей. Те же рабочие, разбавленные служащими, интеллигенцией, стали основой двенадцати дивизий народного ополчения. Сталин и «ключевые» наркомы не помышляли уезжать в куйбышевский бункер, отправив туда только промышленные и второстепенные наркоматы вместе с дипломатическим корпусом: чтобы поменьше шпионили...

А в то же время Лаврентий Павлович и Маленков уговаривали Сталина по-кутузовски сдать Москву и занять оборону по Волге. 27-ой бакинский комиссар, зампредсовнаркома Анастас Микоян же, не поставив в известность Сталина (!?), уехал из столицы, а проще говоря — сбежал еще в середине октября месяца. Сбежал и верный ленинец, воинствующий атеист Емельян Ярославский-Губельман, даже пытался прихватить с собою и брата-Губельмана, начальника ЖЭКа... Разные были люди — от работяг до наркомов и членов ЦК: кто стремился на ближний, в тридцати километрах фронт, а кто всеми правдами и неправдами уезжал от греха подальше за тысячи верст на «фронт ташкентский». (Помните: «Ташкент — город хлебный»).

В великие битвы Отечественной Виктор Ильич и не помышлял встревать, не владея воинским искусством. Зато, как и любой другой человек, полагал себя непревзойденным знатоком высокой политики, нераскрытым Горчаковым и Меттернихом, Красиным и Молотовым.

В последнюю свою детективную поездку с Фернаном в Париж, обшаривая лавки букинистов, он в числе прочего приобрел бестеллер еще 50-х годов — книгу Генри Пикера «Застольные разговоры Гитлера». Он с любопытством прочел ее (по-французски, конечно). Поначалу Виктор Ильич решил, что это не столь уж и редкая на вольнолюбивом Западе литературная подделка, поэтому навел справки об авторе в наиболее авторитетных энциклопедиях, имевшихся в замковой библиотеке.

Нет, похоже, что Генри (имя-то его и смутило; пахнуло американщиной — и это в суровые времена Третьего Рейха!) действительно стенографировал — по памяти — беседы фюрера за обеденным столом в первые два года войны с СССР. Из энциклопедии он узнал, что в начале 70-х годов «*Gallimard*» выпустило академическое издание этой книги, снабженное справочным аппаратом, и выписал ее из Парижа через литературное агентство.

Читая справочные пояснения, он натолкнулся на слова Генри Пикера, якобы владевшего информацией из разговоров в бункере фюрера последнего с Борманом и Гиммлером относительно зондирования мнения Сталина о сепаратном мире после Сталинградской битвы. Виктор Ильич аж подскочил в своем покойном кресле: глухие намеки на этот факт он и раньше встречал в различных, в основном зарубежных, изданиях по истории войны. Поскольку читал он только советские издания, то подобное комментировалось как злопыхательство и отрыжка геббельсовской и даллесовской пропаганды. Однако — если поразмышлять, что называется, без комплексов?!

♦ — Какой основной, лицемерный, конечно, довод против Сталина и его сподвижников, наших героических маршалов, Жукова тож, выдвигаемый перевертышем Хрущевым, «оттепельной» интеллигенцией, психическим племенем диссидентов? — думал Виктор Ильич,— а такой, что войну мы выиграли большой кровью, «трупами немчуру завалили». Но тут же всячески хвалят за верность союзникам, мать их... А во сколько миллионов жизней наших солдат, гражданского населения обошлась эта верность — в ожидании бесконечном открытия Второго фронта... в ожидании под бомбами, пулями, танками Гудериана, под пикирующим воем ассов Геринга. За это нам вонючий Запад спасибо сказал? — Конечно, и даже послевоенного «карантина» не выдержав: речью Черчилля в Фултоне и «ядерной дубинкой». А мы-то их из арденнского г... внеплановым наступлением по талым белорусским болотам!

А как устлали русскими, украинскими, татарскими и пр. и пр. трупами поля, долины и горы Восточной Европы, освобождая нынешних «братьев-демократов»? А эти братки, как показали события в Венгрии, Чехословакии и нынешние — в злосчастной Польше, так и норовят на сторону; понятно какую! Про Югославию и потомков Скандербега и говорить нечего. Румыны опять же с римским своим гонором; хотя они и действительно единственные оставшиеся прямые потомки легионеров Траянского вала (плюс немного дакской крови), но как-то они успевают

Траянского вала (плюс немного дакской крови), но как-то они успевают в каждую войну за обе стороны «повоевать». Болгары те еще ребята! То есть в любой удобный момент плюнут они на нас, да еще и в НАТО запросятся!

Поэтому с любых позиций, морально-нравственных, социальных, политических, История нас бы оправдала, останови Сталин войну в сорок третьем. По мыслям Виктора Ильича, помешало этому историческому шагу не только неуверенность Сталина в Гитлере, уже однажды предавшем его, не только опасения, что его не поймет народ, но скорее всего и прежде всего — давление мировой закулисы. А ведь как все могло повернуться?

...Новый пакт Молотова-Риббинтропа, в глубочайшей тайне подготовленный на встречах в Швеции и Швейцарии, объявлен одновременно Левитаном в Москве и лично по берлинскому радио доктором Геббельсом. Оцепенение во всем мире. Черчилль в ярости: опередили! Рузвельт молится, на сутки запершись один в своем кабинете Уайт-холла. Советские люди боятся даже шептаться. Молчат рабочие у станков; бойцы на внезапно замолкших фронтах глохнут от тишины. Ждут объявленного на 12.00 выступления Сталина по радио. Все стараются не глядеть друг на друга. Но вот куранты отбили полдень, а в сотнях тысячах громкоговорителей зазвучал голос с характерным акцентом и хрипотцой:

— Товарищи! Братья и сéстры! Герои войны и тыла! Героический советский народ! Почти полтора года наш народ ведет героическую битву с фашистскими захватчиками. Вероломный враг, сильный и жестокий враг напал на нас, предательски нарушив предвоенный договор. Половина Европейской части СССР лежит в руинах, оккупирована врагом, потери наши неисчислимы. Мы никогда не простим германскому фашизму, его вдохновителям и создателям, наших жертв, слез наших женщин, наших пепелищ и развалин.

Но враг просчитался, мы не Польша, Франция, Бельгия и другие европейские государства. Блицкриг провалился и, говоря словами нашего великого писателя Льва Толстого, дубина народного гнева уже безостановочно лупит тевтонов, и их каски-кастрюли с дьявольскими рожками и паучьей свастикой не помогут им. Сталинградская победа коренным образом изменила ход войны, враг отступает по всем фронтам. Мы сейчас сильны как никогда; развернутая на Востоке промышленность превосходит германскую, то есть промышленность всей Европы, а это есть залог нашей грядущей победы!

И хотя теперь наша победа, окончательный разгром Германии и ее

союзников исключительно нашими собственными силами — дело только времени, но враг еще очень силен, и путь к победе означает для нас потерю миллионов лучших наших бойцов, упорный и тяжелый труд в тылу, расходование гигантских ресурсов, которые мы уже никогда не сможем использовать для мирных целей. Народ невероятно устал, хотя и полон героического энтузиазма, однако не все в человеке подчиняется его воле, есть предел биологического напряжения сил. Они же близки к истощению.

Еще раз, товарищи, подчеркну: Германия, питаясь соками захваченной ею Европы, еще очень сильна, но и среди фашистов есть люди с холодным мыслящим умом, которые поняли: крах Третьего Рейха предрешен и гибель его идет от СССР. Именно поэтому правители фашисткой Германии после сталинградского разгрома обратились к нам с предложением об окончании войны.

Признаюсь вам, товарищи, это предложение было для нас неожиданным. Некоторые назвали это нахальством, почти-что издевательством. Мы поначалу никак не отреагировали на это предложение, тем более, что исходило оно от посредников. Однако руководство Германии упорно продолжало искать контакты, мы убедились в серьезности их намерений. Нам предстояло избрать судьбоносное решение: что выбрать — продолжение самой кровавой из доселе известных в истории войны или немедленный мир. Мы рассуждали и по такой линии противопоставления: что мы выиграем в результате победы и что — при немедленном прекращении войны, причем мы изначально, еще не вступая в переговоры, определили размер и формы компенсации нам Германией и ее союзниками, без полного удовлетворения которой мы предложение Германии не принимаем и продолжаем военные действия. Эти же вопросы можно поставить и так: что мы потеряем при продолжении войны, и что — при ее прекращении.

Начнем с последнего; я вас, товарищи, не убеждаю, я просто разговариваю с вами, со всей страной. Как вы решите — так и будет, ибо с сегодняшнего утра мы имеем только временное прекращение огня. Руководство страны не взяло на себя ответственность в решении такого судьбоносного поворота. Ответ германскому руководству мы обещали дать через неделю. За это время мы услышим голос народа и дадим такой ответ, который скажет наш великий народ.

Итак, что мы потеряем в случае продолжения войны — я вам сказал. Но это далеко не все, ибо затраты людских сил, природных ресурсов и времени, которого нам будет отпущено после окончания войны очень мало, будет сравнимо с напряжением самой войны. Да еще при-

бавьте, что то же самое нам придется — на правах победителей-освободителей — делать по всей Восточной Европе и в Германии.

Что мы выиграем в случае продолжения войны? — Прежде всего, чувство моральной правоты, мы освободим Европу и весь мир от чумы фашизма, наконец, мы в третий раз в новейшей истории войдем с победными знаменами в Берлин. И это, по здравому размышлению, и все... Потом же нам все это и аукнется.

♦Вождь говорил по радио почти два часа, что было для него, привыкшего к краткости и ясности изложения, непривычно. Страна замерла у репродукторов. Постепенно настороженность на миллионах и миллионах лиц, изможденных войной и непосильным трудом, исчезала, появились первые улыбки, которыми сначала знакомые, а потом и вовсе незнакомые люди обменивались друг с другом. К концу речи изначально молчаливые толпы у уличных и цеховых репродукторов вели себя восторженно: женщины плакали от радости, обнимались, редкие в тылу мужчины, преимущественно в возрасте или демобилизованные по ранениям и контузиям бойцы с фронта, взволнованно и непрерывно вертели самокрутки, цеховое начальство также одну за другой тянуло «беломор». Велись уже хотя и негромкие, но нескрываемые от «лишних» ушей разговоры*:

— Молодец, Осип Виссарионыч! Эк приложил Антанту злое...ую! Хватит нам с немчурами друг друга колошматить — уже вторую германскую справляем, а американские и английские буржуи золотом лабазы свои набивают!

— Так-то оно так, но что в мире скажут? Да и как так сразу все закончить: сколько миллионов задаром положили?

— Ты, Василий, шлифовщик первостатейный, но вот с политграмоткой у тебя того... Это какой же такой «мир» скажет? Слушай, слушай...

— ...Нам могут многие возразить: «Товарищ Сталин и руководство страны, а не напрасны ли наши жертвы, что будут думать о нас народы всего мира?» Отвечу сомневающимся.

Напрасны ли наши жертвы, что понесены страной за полтора почти

* Надеемся, что эту книгу читают люди разумные, не дебилы «от демократии» (те читают комиксы, отечественно-штампованные детективы и желтую прессу), которые от своих отцов-дедов прекрасно знают, что и в те времена люди также имели и высказывали свое мнение, шутили и рассказывали анекдоты «про членов партии и правительства».

года войны? Тогда этот вопрос можно задавать и в такой форме: а напрасны ли все предшествующие жертвы борьбы нашего народа за социализм, за свою государственную независимость? — Это же что, мы сами на себя организовали интервенцию Антанты в восемнадцатом вкупе с Деникиным, Колчаком, Врангелем, белофинами и белополяками? Мы побуждали почти 20 лет басмачей терроризировать нашу Среднюю Азию? Допустим, что царский министр граф Витте, метко прозванный в народе «Полусахалинским», сделал России медвежью услугу, «спрямив» Транссиб по китайской территории, но тем не менее КВЖД — наша дорога по праву преемства от царской России, и мы ее защищали от китайских милитаристов до последней возможности. Если следовать логике этих самых «сожалеющих о напрасных жертвах», то Халхин-Гол и Хасан мы же и придумали!

Все вы прекрасно помните, как всеми силами и возможностями, восстановив против себя этот самый «весь мир», мы оттягивали войну с Германией, но Гитлер оказался глух и недальновиден, развязав войну, которая и ему-то была не нужна, точно так же, как империалистическая война в смысле противостояния с Россией не имела для Германии никаких выгод.

А что же делал этот самый «весь мир» и в империалистическую, и в Отечественную войны? — А он делал все возможное и невозможное, чтобы столкнуть лбами Германию и Россию, Третий Рейх и СССР. И этому самому «всему миру» в угоду мы должны и далее отдавать миллионные жертвы лучших наших людей, расходовать гигантские ресурсы, вместо того, чтобы хоть как-то улучшить жизнь людей?! Вы этого хотите, сомневающиеся?

Громом аплодисментов, криками «Слава Сталину!» наполнились площади и цеха, улицы неразрушенных еще тыловых городов, клубы несожженных еще сел и деревень. А Вождь продолжал:

— Самый большой упрек, который нам могут предъявить — это якобы «предательство» нынешних наших союзников. Это тех самых «союзников», которые устроили Мюнхен, отдали Гитлеру всю Европу, а в заключении и свою союзницу Францию! Хороши союзнички! Они вскормили Гитлера, а когда тот на них повернул свое оружие, нехотя, по необходимости пожелали союзничать с нами. А как союзничают — не мне вам говорить. Где этот самый Второй фронт? — Правильно, отделались «вторым фронтом» — тушенкой, сами же делают вид, что в Африке с Роммелем воюют; хороша война — по две дивизии с каждой из сторон! А вся их помощь пресловутая ленлизовская — через Мурманск и

Дальний Восток, включая тушенку и оружие,— всего лишь несколько процентов от наших собственных. Вот так-то. Да еще северные конвои не столько какую-то пользу нам приносят, но отвлекают наш Северный флот от борьбы с флотом германским.

...Ждут, не дождутся союзнички, чтобы мы и Гитлер перебили друг друга, а они подоспеют как раз к капитуляции, да еще постараются первыми флаг над рейхстагом воодрузить! Не дождетесь, господа хорошие!

♦На затихших фронтах тоже вертелись самокрутки, дымился офицерский «Казбек», генералы нервно постукивали о столешницу мундштуками душистой «Герцеговины»; быстро пустели зеленые с черным коробки, проложенные шелестящей серебряной фольгой.

— Отвоевались, славяне,— говорили усатые матерые старшины, прикидывая: растянуть ли НЗ винной порции на пару-тройку дней, либо все раздать бойцам сразу после речи Сталина и разъяснений замполита.

— Слава Богу,— втихомолку крестились молодые колхозные парни последнего призыва.

— Эх, не удалось повоевать,— хорохорились, радуясь в душе,— городские комсомольцы, пришедшие в военкоматы, не дожидаясь повесток.

А пожилые солдаты и сержанты старших призывных возрастов, осмотрительные в боях — дома жены и дети остались, уже мысленно упаковывали свои поместительные «сидары», а кой-кто и сожалел, что до заграницы не дошли: без трофеев домой придется возвращаться!

Старшие офицеры, в рассеянности поглаживая ордена на груди, что прибавилось в последние полтора года к наградам за Халхин-Гол, финскую кампанию, Испанию, а кое-кто и за гражданскую, воспринимали ошеломляющее событие несколько обыденно, подумывая о дальнейших местах службы; майоры и подполковники помоложе испытующе посматривали на комполка и замполита: дадут или не дадут направление в Академию?

Безусые лейтенанты, еще не получившие орденов, сидели как в воду опущенные.

— Не кручиньтесь,— усмехались пожилые капитаны из выдвиженцев (не политруками, боями и отступлениями первого года войны выдвинутые...),— и на вашу долю придется, попозже. Что война, что молотьба — никуда от них не денешься.

Впрочем, и лейтенанты повеселели, сообразив из слов Вождя, что расслабляться не следует, ибо кадровой армии дел найдется на многие годы. Молодежи импонирвали возможные места их дальнейшей службы:

европейские и азиатские страны с историческими, манящими названиями, ранее знакомые только из школьных учебников и коллекционных почтовых марок.

Вот кто действительно был недоволен, даже взбешен таким поворотом событий, так это маршалы и наиболее удачливые генералы с их порожденной переломом в войне амбициозностью. Но их по списку, утвержденному самим Сталиным — с подачи Лаврентия Павловича, еще накануне, недоумевающих и ни о чем не догадывающихся, срочно вызвали в Москву. Так что выступление Сталина они слушали в зале заседаний Генштаба. На вечер того же дня была объявлена рабочая встреча с руководством страны. Разъезжались маршалы и генералы уже с новыми назначениями, в какой-то мере удовлетворившими их амбиции. Да еще и Лаврентий Павлович напутствовал их своеобразно и многозначительно: «Время декабристов и тухачевских прошло, товарищи, нам сейчас нужны ермоловы и скобелевы...»

♦Со смешанным чувством страха и радости, поминутно сменявшими друг друга, слушали речь Вождя советские евреи, преимущественно интеллигенция, откатившаяся в эвакуацию в Ташкент, Томск и Новосибирск, в многочисленные средние и малые города Поволжья и Приуралья. Люди сугубо коллективистские в своей среде, они восприняли свершившееся даже не столько как личное освобождение от ужасов пережитого ими в Киеве и Минске, Гомеле и Бердянске, от безудержного страха за свое будущее, победи Германия; нет, все их помыслы были направлены к судьбам своих несчастных собратий в оккупированной Восточной Европе. От этой тревоги, воплощенной скорби двухтысячелетнего изгнания, их лица в последние два-три года стали как-то мягче. Исчезло привычное для них высокомерно-покровительственное отношение к иноверцам; уже не только в своем кругу, как приучила их обособленная духовная жизнь, но и в более тесном общении с русскими, поволжскими татарами, азиатами Ташкента делились они своими радостями, но более печалями. Но то, что услышали они в конце речи Вождя, невероятно поразило их, ибо было грядущим свершением тысячелетних мечтаний во сне и наяву:

— ...Наконец, своими решительными действиями мы впервые за всю историю человечества делаем попытку решить вопрос, являющийся головной болью большинства государств Европы, да и не только ее. Речь идет о пресловутом «еврейском вопросе». У нас в СССР такого вопроса, конечно, нет и не может быть, но судьбы наших уважаемых сограждан

еврейской национальности, среди которых много истинных патриотов, героев войны и труда, выдающихся ученых, артистов, писателей, неразрывно связаны сотнями духовных и родственных уз с судьбами евреев, уничтожаемых в Европе человеконенавистническим фашизмом. Поэтому мы одним из непременных условий прекращения войны поставили перед Германией условие не противодействовать ни ей, ни ее союзникам, в особенности Турции, в скорейшем создании на территории Палестины еврейского государства, куда будут переселены все лица еврейской национальности из подвластных Германии территорий. Советские евреи могут по желанию стать гражданами этого государства. Думаю, что как наиболее организованная часть еврейского народа, наши товарищи возьмут на себя государственное строительство...

Крики восторга, стенания, которыми верующие евреи сопровождают горе и радость, потрясли города СССР. «Шма Исроэль!» — неслось над Ташкентом и Самаркандом, Свердловском и сотнями больших и малых городов. Группы молодежи уже водили хороводы, напевая «ша-алом алейхем!» Общее ликование ни на йоту не снизилось, даже когда Иосиф Виссарионович, говоря о будущем устройстве государства, многозначительно отметил, что «народ сам изберет себе форму государственности и политическую линию, но он надеется, что бывшие советские граждане, которые возьмут на себя бремя государственного строительства, уже не смогут отвыкнуть от преимуществ социализма...»

♦С особенным восторгом восприняли речь Вождя на флоте. К сожалению, огромное напряжение сил страны в предвоенный период и недостаточно развитая индустрия в период первых пятилеток не позволили построить современный флот: устаревшие линкоры «Марат» и «Октябрьская Революция», доставшиеся от царской России, были с самого начала войны заперты в Кронштадте, равно как и весь невеликий Балтфлот. После первого года войны практически не стало и Черноморского флота. Более или менее укомплектованный средними кораблями, также в основном дореволюционной постройки, и подводными лодками, изготавливаемыми на верфях Комсомольска-на-Амуре, Тихоокеанский флот был бездействующим по причине «вооруженного нейтралитета» с Японией.

Единственным действующим был флот Северный; имена Бориса Сафонова, Магомеда Гаджиева, Исаака Израилевича Фисановича, героев-катерников стали гордостью Военно-морского флота СССР с самого начала боевых действий. Самый молодой флот страны вступил в войну и

вовсе без линкоров и крейсеров; даже старых эсминцев было раз-два и обчелся. «Лендлизовские» фанерные торпедные катера только-только начали пополнять большие потери активно действующих торпедоносцев предвоенной постройки.

Основой Северного флота, позволившего ему героически удерживать натиск германских кораблей, удобно и совсем рядом базировавшихся в фиордах Северной Норвегии, что делало их практически недоступными для авиации, тем более — флота союзников, стали подводные лодки, построенные и строящиеся в Нижнем Сормово — вот для чего был прорыт Волго-Балт, о «ненужности» которого уже 70 лет вопиют демократы различных эпох и окрасок... Но воистину боевым стал североморский подводный флот после продажи нам Германией после подписания пакта Молотова-Риббентропа большого числа лодок среднего и океанского классов — знаменитых «щук» и лучших в период Второй мировой войны германских «*U-ботов*» ...В своих воплях о «предательском пакте» об этом начисто забывают. Так что «не фашистский меч ковался в СССР», как радостно и взахлеб пишут бойкие и продажные перья, а Гитлер де-факто помог нам создать действующий советский подводный меч на самом стратегически важном театре войны на море.— Но это уже мысли автора, а не его героя.

Заметим, что у пирса города подводников и катерников Полярного стояла даже польская подлодка, однако, как и перешедшая на территорию СССР в 1939 году разгромленная польская армия Андерса, она ни разу в море не вышла. Вот вам и «извечный спор славян между собою»!

...Поэтому-то и совершали свои подвиги героические моряки в войну чаще на суше в отрядах «черной смерти». Потому с горечью чувствовали моряки — от новобранца до адмирала Кузнецова,— что их фронт, в отличие от сухопутных, вспомогательный. И поэтому распрямлялись, невольно выпятились обтянутые тельняшками груди моряков, когда услышали они слова Вождя о том, что «уже в ближайшие 3—4 года, что даст нам выход из войны для высшего развития военной и народнохозяйственной индустрии, советский флот выйдет на просторы всех океанов, а подводный наш флот станет сильнейшим в мире».

♦В сибирских лагерях в этот день заключенных вернули с работ уже в полдень, то есть тогда, когда, учитывая разницу поясного времени, радио объявило о ожидающемся выступлении Сталина.

В самих лагерях уже не было того столпотворения, что в тридцать третьем — тридцать восьмом. Уже перед войной вернули на заводы и в

конструкторские бюро, научно-исследовательские институты инженерный состав и квалифицированных рабочих. После 22-го июня ушли на фронт все неопасные статьи, липовые «шпионы» и «диверсанты», антиколхозные крестьяне. Пустели, а то и вовсе сворачивались лагеря; такая судьба постигла «Бамлаг», исправлявший стратегическую ошибку графа Витте- Полусахалинского: уже проложеные рельсовые пути сняли и перевезли в закаспийские пески; выложили там рокадную дорогу на случай вторжения германских и турецких войск через Иран, а строительство жизненно необходимого стране БАМа отложилось до брежневских времен великих строек. Одно только колымско-магаданское зэковское царство не убавлялось: стране были нужны тысячи тонн желтого металла для расплаты с союзничками за их тушенку, какао-бобы и «виллисы». Люди практичные, они даже в годину мирового бедствия использовали «принцип монтера»: деньги утром, стулья — вечером!

А так в лагерях содержались доходяги с серьезным контрреволюционным прошлым и откровенная сволочь бандитско-воровского мира, что для штрафбата не годилась. Впрочем и их основательно-таки почистили; те самые «гаранинские расстрелы» в конце 30-х годов, по поводу которых хрущевские «оттепельцы» — и поныне такие же — не успевают сопли по лицу растирать, и были отстрелом такой отпетой уголовной сволочи, что надеяться на что-либо человеческое в них было напрасным. Война подобрала всех случайных, в основном, подставленных отчаянно сопротивлявшимися троцкистами, а также попавших по воровству, хулиганству, независимому духу и просто по дури.

Подстать зэкам была и «вохра». Молодых бойцов увезли, собрав по всем лагерям, эшелонами на фронт. Их заменили нестроевики, инвалиды из старых солдат, азиаты «твоя моя не понимай»: все, что осталось в окрестных деревнях, либо сомнительной полезности на фронте.

Зэки отнеслись к событию достаточно сдержанно; сидели они так долго, что события внешнего мира уже отвыкли соотносить со своей судьбой. Уркам же все было до фени по их уголовной сущности. Вспыхнула было робкая надежда на всеобщую амнистию, но ее погасило упоминание в речи Вождя о наведении порядка в стране после окончания войны, «которая, с одной стороны, выявила массовый героизм и самопожертвование, как на фронте, так и в тылу, а с другой — выплеснуло на свет все то черное, антисоциальное, что затаилось кой-в-ком до поры-времени...»

Зато в каптерках охраны еще до окончания выступления Сталина разливалась по жестяным кружкам заветная бутылка спирта, свято хра-

нимая старшиной на «всякий-який». Свободные от вахты седоусые бойцы гадали: как скоро их сменят бойцы с затихших фронтов, а они без оглядки — домой, к посевной готовиться. Даже азиатам, которых равно не терпели зэки и охрана из славян, плеснули на радостях. Те мало что поняли из речи Вождя, плохо зная по-русски, что-то испугано талдычили по-своему. Более грамотные и расположенные к людям узбеки разъяснили им суть происходящего; те заулыбались, загомонили: скоро в родной кишлак, к плову, к чернявым женам! Старшина добродушно кивнул в их сторону, дескать, смотри: обрадовались чебуреки; пусть хоть сейчас порадуются, а теперь им прямой путь в стройбат, страну-то надо заново отстраивать!

Но совсем другая, деловая обстановка (хотя ближе к вечеру и здесь поработали на славу бутылки — не со спиртом-ректификатом, но с водочкой-коньячком из комендансских НЗ) царила в штабах лагпунтов, в генеральских кабинетах лагерных управлений. Еще не было ни единого указания из ГУЛАГа, но озабоченные капитаны, майоры и далее до генералов, властвовавших над территорией в пол-Европы каждый, уже прикидывали: как разместить, не нарушая санитарных норм, наладить кормежку, на чем развозить по дальним лагпунктам и командировкам тысячи и тысячи новых постояльцев: власовцев, полицаев и прочих предателей с оккупированных территорий, бандеровцев и прибалтийских эсэсовцев, крымских татар, северокавказцев, по локоть замочивших руки в крови соотечественников. Да мало ли их наберется, кто в трудную минуту выступил против своей страны! Шпана и уголовщина расплодилась, как то всегда бывает в трудную годину. Да и тыловые учреждения-снабжения нелишне почистить. Всем найдется место на возобнавляемых и новых стройках, рудниках, лесоповалах необъятной Сибири!

♦О том же было подумали и представители этих самых тыловых кормушек, что привыкли вольготно жить, сладко есть и вволю пить, да бабенок помоложе и покрасивее за кормежку и спокойное место на работе использовать как рабынь. Кой-кто и гаремы целые пооткрывали.

Виктор Ильич опять-таки вспомнил отца своего знакомого, что один лишь день свежевыпущенным лейтенантом повоевал в десанте, а потом по хромоте ранения своего был назначен начальником огромного продсклада в Москве (предыдущего майора расстреляли — попался на чем-то) и до конца войны гулял напропалую по всем злачным местам столицы.

Не любил Виктор Ильич подпольно читаемого скандально знамени-

того писателя с характерной бородой, но вот что правильно, так как тот описал хара́ктерно этих тыловых князьков.

...Но даже и задумываться не стали, когда сообразили из речи Сталина, куда вслед за армией будут подтягиваться и тылы. Запахло явно заграницей, а там и вино изысканнее, закуска слаще, а про баб тамошних и говорить нечего. Хлопнули шампанские пробки!

♦Сложнее было церкви. Это только можно представить себе положение вообще православной церкви в России, тем более в СССР и в годы войны!

На Руси, точнее говоря, на Московской Руси, в которой после Куликовской битвы и сформировалась та русская нация, к которой мы себя относим, изначально церковь была государственной — в смысле ее полного подчинения интересам государства, а в личностной форме: подчинение сначала митрополита, а потом патриарха — Великому князю и царю (императору) соответственно. Единый раз лишь бунт был сотворен Никоном, зарвавшимся мордвином, за что он поплатился совершеннейшим ничтожеством, а Руси принес раскол, последствия которого мы и сейчас еще ощущаем. То есть такое положение церкви (а вот католическая церковь либо верховодит государством, либо, в лучшем случае, полностью от него отделена в своих деяниях) обязывало ее в любой ситуации выражать, защищать и воспитывать государственность.

Троцкисты-большевики полностью и «до основания» разрушили православие, как организованную и окормляемую православную полноту, следуя своей четкой масонской линии. В глобальной и всеохватывающей программе Сталина по восстановлению России-СССР и возвеличиванию ее в мировом масштабе особое место уделялось и восстановлению Православия в качестве присущего ему духовного носителя идеи государственности. Как ни странно, но Великая война эти планы поторопила. Ну, это всем хорошо известно: и истина известна, но более всего на слуху «вариант злопыхателя»: дескать, перепугался отец народов, даже ненавистных ему церковников привлек...

Таким образом, в этот момент церковь дважды должна поддержать Советское государство, но... Вот это-то «но» и смущало только-только возникших волею Вождя из небытия иерархов Русской церкви. Нет, даже не дважды, а трижды были они за решение Сталина. Кому как не отцам православия было знать антихристову сущность современного Запада, все деяния которого были, есть и будут направлены на уничтожение России, а вместе с ней и Православия. Смущало же именно то,

что с Антихристом можно реально и победно бороться только его же средствами, то есть не вписывающимися в христианские заветы и заповеди. Но в такие условия нас и поставили.

Глава вторая

Отец, я тебя не забуду.
Прости мне до срока вину,
Что я не сберег от Иуды
Великую нашу страну

Виктор Верстаков

Отец народов завершил непривычно длинную и пространную для его лаконичного характера речь словами, долженствующими накрепко засесть в головах миллионов и миллионов соотечественников, миллиардов жителей Земли. Ее чуть позже на всех языках передаст радиостанция «Коминтерн», а дальше она пойдет полностью и с сокращениями, с выделениями нужных мест, с тысячами злобных и благожелательных комментариев. Не было только откликов безразличных, резюме равнодушных.

— Товарищи! Братья и сéстры, героические бойцы и славные труженики тыла! Соотечественники, познавшие рабство фашисткой оккупации! К вам обращаюсь я в этот судьбоносный для вас, для страны час.

Наша страна во всех войнах билась до победного конца, освобождала из рабства чужие народы и свято блюла свой союзнический долг. Все это было в ситуациях, когда враг ясен, а союзник тебе верен. Однако уже империалистическая война 14-го года показала, что время «правильных», если позволительно так называть кровавые месива, войн ушло в далекое прошлое, ибо войны стали мировыми, выражающие только лишь интересы противоборствующих групп международного финансового капитала. А с учетом уже и нынешней войны, Отечественной для нашего народа, можно определенно сказать, что мировые империалистические финансовые хищники намеренно втягивали нашу страну во вселенскую бойню, только исходя из своих интересов: нашими руками, нашей кровью изматывают более молодого, очень сильного хищника — германский империализм и фашизм. Как и в первую войну, делает это империализм «старый», англо-французкий. И уже явно вырисовывается кукловод: Северо-Американские Соединенные штаты. Осознав эту чудовищную исти-

ну, мы больше не хотим проливать кровь за чуждые нам интересы, более того, сейчас нам представилась ситуация, когда мы можем воспользоваться их же оружием — при полной нашей моральной правоте: оставить двух хищников в их яростной драке не на жизнь, а на смерть, а мы наконец-то займемся своими делами.

Это не значит, что наметилось какое-то «потепление» в отношениях с Третьим Рейхом. Нет и нет! Выходя из войны, мы не заключаем с Германией никакого мирного договора и прямо говорим: германский фашизм есть человеконенавистническое, уродливое порождение империализма. Но такое же порождение, может быть только слегка подрумяненное под пресловутую демократию — англо-американский империализм. Так пожелаем им взаимно уничтожать друг друга, но — без нас. Народам же этих стран сочувствуем и желаем скорейшего пробуждения. Только когда они, подобно нам, возьмут свою судьбу в свои руки, тогда и исчезнет сама возможность мировых войн.

Товарищи! Наше дело правое, победа будет за нами!

♦Фронты настороженно молчали. Англия и Америка всенародно молились за погибель русских. Во Франции партизаны-маки́ расстреляли нескольких русских из числа бежавших и примкнувших к ним военнопленных. По всему миру полиция сдерживала толпы беснующегося народа у советских посольств, консульств, торгпредств. В СССР же замполиты, парторги и разосланные по крупнейшим промышленным центрам работники ЦК проводили бесчисленные собрания, разъясняя политику партии и правительства по вопросу прекращения войны. Народ единодушно поддерживал, недоумевая: зачем понадобилась целая неделя для размышления? Ведь Сталин все тщательно продумал, а его мнение еще никогда не расходилось с мнением народа.

Но неделя была нужна руководству страны; все же следовало оценить реакцию Запада, дать ему поуспокоиться к началу решительных действий, но главное было не в этом. Еще Вождь не закончил своего выступления по радио, а через границу замолчавших фронтов с польского аэродрома подскока в направлении Москвы летела группа транспортных самолетов. До линии фронта ее сопровождала эскадрилья немецких истребителей, далее уступившая охранение кразнозвездным «якам». К вечеру с подмосковного военного аэродрома в зашторенных машинах и с усиленной охраной прибывших доставили в неприметное, но поместительное здание на противоположной аэродрому окраине Москвы. В здании этом десять дней назад начались срочные ремонтно-строительные рабо-

ты. И к моменту приезда прилетевших из Германии оно чудесным образом преобразилось в первостатейную гостиницу с горячей водой, кухней, обеденным и совещательным залами. Саженный забор окружил дом, заключив его в квадрат 500×500 метров. Но и забор окрестные жители могли лицезреть только с порядочного расстояния; всюду стояли и ходили вооруженные патрули. Даже вариант «налета возмездия» англо-американцев, при всей нереальности этого, был предусмотрен: забор и крыша здания были покрашены в белый, терявшийся среди заснеженного пустыря цвет, а по краям пустыря установили несколько зенитных батарей.

Всю неделю, пока по стране кипели митинги одобрения, в здании также кипела круглосуточная работа, беспрерывно подъезжали и отъезжали легковые машины; казалось, что протянутый к дому толстый бронированный телефонный кабель спецсвязи раскаляется от множества разговоров.

В здании же разместилась секретно прибывшая из Германии большая группа высших чинов Рейха. Дипломатическую часть ее возглавлял старый знакомец — Риббентроп, военную Кейтель, а личным представителем фюрера был сам Мартин Борман. Многочисленными были всевозможные эксперты: военные, промышленные, экономические и пр. С советской стороны участвовали члены правительства, видные военачальники. Главным лицом здесь был Молотов. Сам Сталин ни с кем из германской делегации не встречался. Потом, правда, ходил глухой слух, что-де Вождь имел трехчасовую встречу с Борманом, но вряд ли... Здание также внезапно опустело через неделю с небольшим.

♦Спустя неделю после выступления Сталина по радио, Генеральный штаб Советской армии разослал шифровки по всем частям и соединениям, флотам и флотилиям. Такую же активность проявили и штабы* германского военного командования. Сам Гитлер покинул ставку вермахта «Вольфешанце» (Растенбург в Восточной Пруссии) и находился в Берлине. Через территорию Германии, оккупированных и союзных ей стран по выделенным воздушным коридорам и под охраной истребителей люфтваффе несколько дней летели с Запада на Восток и с Востока на Запад транспортные самолеты, шел спешный обмен посольствами, а в самих посольствах, военных миссиях, торгпредствах дымились трубы: сжигалась

* В Третьем Рейхе было два самостоятельных главнокомандования (ОКВ и ОКХ); командование вооруженными силами Германии (вермахт) и командование сухопутными войсками.

документация и все, что нельзя было и оставить, и взять с собой. Англия, США, английские доминионы, ряд государств Латинской Америки, польское, бельгийское, голландское, датское правительства в изгнании разорвали дипотношения с СССР. Дипломатические же и вообще какие-либо официальные отношения СССР со странами Оси на ближайшее обозримое время не предусматривались. Все технические детали и текущие соглашения проводились через неофициальные рабочие группы-представительства. В Москве это был известный уже дом на отшибе, в Берлине для наших тоже место подыскали. Сообщение между ними велось по кабельной связи; для этого потребовалось только соединить по линии фронта «концевики» советской и германской спецсвязи с действующей армией. По этой же кабельной сети представительства держали круглосуточную связь со своими правительствами. Джентльменски (в силу взаимной необходимости) соблюдался договор о неподслушивании. Радиосвязь полностью исключалась.

♦Германская армия отходила, забирая с собой только войсковое снаряжение и имущество, не производя никаких разрушений. Во избежание инсциндентов с местным населением, «черные» и «зеленые» эсэсовские части*, гестапо и зондеркоманды уходили первыми, в ночное время. За ними в организованном порядке снимались с позиций армейские полки и дивизии. Впритык за уходящими частями вермахта шли смершевцы с приданными им пехотными ротами. Их задачей было не допустить мести местного населения уходящим фрицам, но главное — им же немецкие комендатуры передавали полицаев. «Внештатных» предателей к смершевцам приводили сами жители. Наиболее «отличившихся» публично вешали.

Осложнения начали возникать по мере приближения к довоенной западной границе, где располагались крупные концлагеря, сформированные из предателей части, националистические военные формирования. Концлагеря немцы уничтожали взрывами и пожарами, предварительно выведя из них узников, которых и оставляли навстречу советским войскам. Интернировать и разоружить предателей и националистов немцам удавалось не всегда, да и особого желания лезть под пули на осточертевшем Восточном фронте солдаты не испытывали. Зажатые между молотом и наковальней, озлобленные и сбившиеся в лесные банды, они по

* Войска «СС» были двух типов: военная администрация, управление концлагерями, политическая разведка носили (столь знакомую по фильмам) черную форму; армейские части, преимущественно танковые — эквивалент нашей гвардии — общеармейскую, зеленую форму.

ночам стреляли и по нашим солдатам, и по предавшим их немцам. Были случаи, когда штабы немецких и советских частей планировали совместные операции по уничтожению крупных банд. По всему пути следования советских войск приводились в порядок шоссейные и железные дороги. По ним, навстречу частям армии, шли печальные эшелоны с узниками концлагерей, увозимых в глубокий тыл. Зарешеченные составы везли под охраной русских и украинских предателей, прибалтийских и западноукраинских националистов. Чуть позже к ним присоединились крымские татары, калмыки, чечены, интернированные на территории Австрии донские казаки. Из Германии и оккупированных ею стран сотни эшелонов везли советских военнопленных и угнанных на принудительные работы. Немецких военнопленных из СССР в Германию, равно как и румын, венгров, словак, итальянцев, не везли. Им предстояло еще два года работать на восстановительных стройках. Пленные немецкие генералы во главе с фельдмаршалом Паулюсом содержались в специальном лагере под Москвой и были официально объявлены заложниками. А на окраине Казани в небольшом домике поселился (пока без семьи) худощавый, темноволосый, изможденный на вид молодой человек. Вел он себя замкнуто, соседи о нем ничего не знали. Это был возвращенный из немецкого плена Яков Джугашвили — с женой Юлией и пятилетней дочкой Галей... Они приехали чуть позже.

♦Через месяц границы СССР были установлены и означены полосатыми столбами. В приграничной полосе на глубину до десяти километров стройбат из среднеазиатов, прибалтийцев, мобилизованного местного населения возводил мощную систему укреплений. Вторая и третья линии обороны с укрепрайонами одевалась в бетон в двухсоткилометровой полосе от границы.

Сама же граница в общем очертании проходила по абрису предвоенной, несколько выровненной за счет прирезки к СССР небольших территорий Финляндии, Польши и Румынии; Литовская ССР восстанавливалась в территории прежней, буржуазной Литвы. Однако по всей протяженности западной границы СССР советские войска выдвигались вперед, образуя (о, ирония судьбы!) «санитарный коридор». В Арктике советскими территориями стали Шпицберген, острова Медвежьий и Ян-Майен; восточнее их меридиана до Северного полюса Ледовитый океан и прибрежные моря становились исключительной зоной СССР. Немецкие войска уходили из Северной Норвегии, а правительство Квислинга («коллаборациониста») отдавала в аренду восточному соседу — первые

десять лет без платы — три бывшие германские военно-морские базы и два аэродрома.

Финляндия отодвигалась от Мурманской железной дороги, местами теряя до 50 километров своей территории; зона вокруг Выборга также расширялась. Советские военно-морские базы разместились в Хельсинки и Турку, на Аландских островах. Вход в Финский залив был наглухо заминирован, но оставлены проходы для советских судов и кораблей. В самой Финляндии к власти «пришло» социал-демократическое правительство, а президентом стал известный коминтерновец и советский партийный деятель Отто Вильгельмович Куусинен. Финская армия саморазоружилась, в разоренную войной Европейскую Россию потянулись бесчетные эшелоны с финскими сборными домиками; их на местах собирали, подводили коммуникации, обустраивали территорию на окраинах Курска, Орла, Тулы, Сталинграда, украинских и белорусских городов многочисленные бригады финских рабочих, еще держащих военную дисциплину и выправку. На финских верфях спешно закладывались средне- и крупнотоннажные суда для советского торгового и рыболовецкого флотов.

Как и всегда в истории непросто решались польские дела. Помятуя горький исторический опыт и что приносило России присоединение польских земель, Сталин оставил их вместе с вечными проблемами на усмотрение Рейха; к СССР же отошли лищь некоторые восточно-польские области навроде Белостока с преимущественным белорусским и украинским населением. Стратегически важные Карпаты и Закарпатье, а также Львов отошли к СССР; здесь даже от Венгрии отщипнули кус. Румынская Бессарабия, отошедшая Советскому Союзу в 40-м году, была возвращена несколько расширенной. Потеснили на запад и Царство Болгарское: устье Дуная и зона вокруг него. По всей длине границы от Балтики до Черного моря, включая и территорию Восточной Пруссии, была установлена демилитаризованная зона шириной 300 километров с постоянной инспекцией советскими представителями.

♦Турция, скрепя зубами, отдала СССР в бесплатную аренду на 50 лет с возможным продлением свою европейскую часть и полный контроль над проливами. Сбылась многовековая мечта всех российских царей. Черное море становилось внутренним для СССР, а туркам разрешалось иметь только фелюги для прибрежного рыболовства. В Закавказье армяне получали Эрзерум, который уже столько раз брали русские войска, а главное — гору Арарат и еще значительную территорию по анатолийскому берегу, населенную армянами.

Советская, еще предвоенная, оккупация Северного Ирана распространялась до Персидского залива (англичане просто бежали, узнав о решении); в эту же зону вошел и Ирак. Через территории этих стран в Палестину проследовали сначала две советские дивизии — танковая и мотопехотная,— а затем неисчислимые колонны крытых грузовиков, перемежаемые походными кухнями и санитарными машинами, повезли в новое государство — Народную республику Исроэль — миллионы евреев из гитлеровских лагерей, румынских и венгерских гетто. На месте обустройством уже занимались их бодрые соотечественники, прибывшие из Ташкента, Свердловска, других городов с востока страны. Бывшие советские снабженцы, прорабы и начальники стройуправлений весело, с шутками командовали тысячами турецких работяг, все прибывавших и прибывавших вместе со стройматериалами, инструментом, оборудованием.

Небо над новой Народной республикой охраняли сотни краснозвездых истребителей, поднимавшихся с аэродромов Багдада и Дамаска. Со стороны моря мирный труд поселенцев стерегли сохранившиеся корабли геройского Черноморского флота. Новый флот спешно закладывали на верфях Николаева, а пока что перекрашивали названия легких крейсеров и миноносцев, передаваемых СССР по соглашению Италией, Турцией и Болгарией. А на Северный флот через Беломоро-Балтийский канал доставлялись первые из ста подводных лодок германской постройки...

♦Железные дороги страны изнемогали под тяжестью круглосуточно мчавшихся на предельной скорости эшелонов. С запада, от новых границ, переставленные на отечественные ширококолейные оси, шли составы с германскими станками, грузовиками, строительной техникой, электрооборудованием, оптическими приборами военного и гражданского назначения. Собственно вооружение не поставлялось; развернутый на Урале и в Сибири отечественный промышленный конвейер сам производил его больше, чем вся Германия с покоренной ею Европой. Непосеянный и несобранный урожай бывшей оккупированной территории возмещали бесконечные составы с зерном, картошкой, стадами коров и овец, даже с фруктами, с территорий Венгрии, Румынии, бывших Польши и Чехословакии, из Болгарского царства. Скот начинали сгружать сразу после пересечения границы, распределяя по восстанавливаемым колхозам и совхозам Украины, Белоруссии, Юга и Центра Европейской России.

Кстати, уже не было на свежеотпечатанных на фабриках ГУГК*

* Главное управление геодезии и картографии при СНК СССР.

республиканского деления Советской страны: ни союзных, ни автономных республик. Даже краев и национальных округов не было — только области числом 80. На экономических картах эти области были поделены на десять экономических районов, а на картах военных — на шесть военных округов. И все. Кстати, вскоре после той знаменательной речи Вождя по радио исчезли из обихода, перестали упоминаться имена Лазаря Моисеевича Кагановича и Лаврентия Павловича Берии. Люди же, работавшие в их наркоматах или просто много знавшие, отметили также исчезновение многих первостепенных лиц по этим ведомствам. И совершенно никому и ничего не говорила фамилия нового наркома НКВД генерал-майора Устюжнина...

♦Эшелоны, двигавшиеся от западных границ и веером разбегавшиеся по стране — вплоть до Урала и военных заводов вдоль Транссиба,— обменивались гудками со встречными составами, делившимися на гражданские и военные. Первые возвращали в родные места часть эвакуированных (многие оставлены были на оборонных заводах Востока страны); они же везли из Казахстана и Сибири выселенных туда в начале войны поволжских немцев. Поскольку в новом административном устройстве страны речь о восстановлении немецкой автономии и не стояла, то их семьями, а по желанию и бывшими селами, поселками, даже домами в Энгельсе, везли в среднюю Россию восстанавливать шахты Подмосковного угольного бассейна, на строительство новых металлургических заводов в Курске, Туле, Череповце. На всех узловых станциях от Урала до западной границы вольные и невольные пассажиры с интересом рассматривали строгие воинские составы с техникой, солдатами и офицерами в новой форме: добротные шинели, сапоги, автоматы через плечо, только в фильмах о революции и гражданской войне раньше виданные погоны и папахи с кокардами... Чувствовалось, что эшелоны накапливались в определенных местах и с определенными целями. Более всего поражала численность бойцов и техники. Многие догадливые люди связывали эти воинские подготовления с грядущими изменениями азиатских и дальневосточных границ СССР*. Они не ошибались.

Как только в считанные два-три месяца была укреплена западная граница, а главы военных инспекций, расположенных в «санитарном коридоре», убедились, что зоны эти полностью демилитаризованы, а гер-

* «Теория подвижных границ — основа теории и практики геополитики» (Карл Хаусхофер).

манский вермахт переместился к Ла-Маншу и в Северную Африку, по приказу Верховного двадцать укомплектованных новейшей техникой, а главное — отборными, всласть понюхавшими пороху в сражениях Великой Отечественной бойцами и командирами, советских армий двинулись в Азию и на Дальний Восток. Одни имена командармов и командующих группами армий чего стоили: Жуков, Василевский, Конев, Рокоссовский, Катуков, Малиновский, Еременко! Семен Михайлович Буденный, который после краткого и героического своего командования Южным фронтом в самом начале войны осел в Москве на штабной работе, прямо-таки помолодел душой и телом, приехав на сборный пункт в Арзамас напутствовать в азиатский поход вновь созданную 1-ю гвардейскую Конную армию под водительством славного героя войны генерала Белова. Усиленной двумя танковыми дивизиями, артиллерийским мобильным корпусом, несколькими дивизионами «катюш», с приданными авиаполками, новой Конной армии предстояло на первом этапе повторить неудавшийся индийский поход императора Павла Первого, из-за чего он и был умерщвлен по интриги, инспирированной встревожившейся Англией. Заняв Афганистан и часть нынешнего Пакистана, конники уже через месяц вышли к Индийскому океану, начали обустраивать широкий плацдарм для грядущего большого наступления.

Две армии под общим оперативным командованием Катукова (одна из них танковая) действовали правее конницы Белова; оставив в тылу гарнизоны в восточной части Ирана, они вышли на побережье Персидского залива. Прибывшие вослед инженерно-строительные части принялись возводить гигантские сооружения береговой обороны. С уральских заводов доставляли дальнобойные орудия. На массовых работах трудились около полумиллиона иранцев, в основном мобилизованных по указанию шаха жителей иранского Азербайджана (они у персов всегда приравнивались к рабочему скоту).

Надо отметить, что при занятии Ирака, южного и восточного Ирана наши войска впервые вошли в соприкосновение с англичанами. Однако боев, кроме сбития поначалу появлявшихся британских самолетов-разведчиков, не было, как и не было официального состояния войны между СССР и Англией. Войска последней уходили, получая по радиосвязи от советского командования за неделю-другую вперед сообщения о районах предстоящего вхождения советских войск. Деваться было некуда.

♦Группа армий под командованием Василевского разместилась на

территории дружественной нам Тувинской Народной Республики*, однако дивизии одна за другой растекались: часть ушла в Монголию, усилив там наши небольшие до того воинские подразделения. Вместе с монгольской армией, представленной лишь небольшим кавалерийским корпусом, они рассредоточились по монголо-китайской границе. Наиболее ответственная задача выпала на долю армии Черняховского**, которая в едином марш-броске отрезала Синзян-Уйгурский район Северо-Восточного Китая, который вошел в состав СССР отдельной областью (район этот обладал большими запасами сырьевых ресурсов), и вошла в соприкосновение с 8-ой китайской армией Мао-Цзедуна, державшей антияпонский фронт в горной части Китая. Началось оснащение китайской армии современным советским оружием и подготовка плацдарма. Полагалось что в оперативно-тактическом плане 8-я армия самостоятельна в своих действиях от армии Черняховского, однако в плане стратегическом руководствовалась директивами из Москвы.

Но наиболее загруженной была Транссибирская магистралью. В течении двух месяцев воинские эшелоны следовали впритык друг за другом: десять армий под общим командованием Георгия Константиновича наполняли войсками Дальний Восток. Прощаясь с Жуковым, Сталин не преминул заметить: «Почти-что в родные места возвращаетесь, товарищ Жуков! Ждем от вас таких же успехов, как под Халхин-Голом... нет, здесь масштабы намного больше. Вы начали бить самураев — вам и докончить начатое. Но и помните, товарищ Жуков: наше у японцев отбить, но мощь Японии особо не ослаблять... пусть себе с Америкой воюет».

С Японией, как то и всегда было в отношениях России с ее дальневосточным соседом, дело осложнилось и не сдвигалось с места еще с самого начала тайных переговоров между СССР и Германией. В своих жестких условиях: отдать Южный Сахалин, Курильскую гряду в советские владения, а Маньчжурию и Корею — под оккупацию,— Сталин руководствовался не только первоочередными стратегическими интересами. Были и другие, не столь уж и маловажные причины; свой «пепел Клааса» будоражил уже почти сорок лет — время жизни двух новых поколений — душу любого русского человека: отомстить за позор Портсмутского мира, заключенного предателем графом Витте в тот самый момент, когда «русский медведь» наконец-то раскачался, японские

* * В 1944 году Тува была включена в состав СССР, учитывая ее важное стратегическое положение.

** Генерал Черняховский погиб в 1944 году.

войска в Маньчжурии были близки к военному и моральному ничтожеству, а Куропаткин собрал силы и имел готовую к реваншу на гаоляновых полях битв армию: хорошо оснащенную, умудренную боевым опытом. Позор, кем бы он не был привнесен, смывается только кровью или полной уступкой врага.

Опять же каждый советский человек каждый новый день из полутора лет кровавой войны начинал с тревожной мысли: а не открылся ли дальневосточный фронт? И как не хватало на фронтах войны сорока боеспособных дивизий, что удерживались на Востоке «вооруженным нейтралитетом» Японии?— сколько издевательств перенесли за эти годы наши пограничники, военные и торговые моряки! Нет и нет, все более убеждался Вождь в своей правоте, правоте своего народа,— полумеры здесь неприемлемы.

♦Однако японцы отказывались и слушать убеждения своих союзников по «оси», даже четко осознавая грядущие последствия за свою несговорчивость. То ли упоение Пирл-Харбором, овладение Индокитаем, удачными пока сшибками с американцами на тихоокеанских островах и архипелагах кружило голову императору Хирохито и прославленным адмиралам и генералам Страны Восходящего солнца, то ли гипертрофированные правила чести самурайского кодекса? — Кто знает, чужая душа потемки, азиатская — тем пачее...

Наиболее мощным был последний нажим Германии. Обгоняя задерживаемые на полустанках воинские эшелоны, без остановки мчался в Владивосток литерный экспресс всего из пяти вагонов.— Не наших, с зеркальными окнами, на мягких рессорах. И паровозы в голове и хвосте короткого состава тоже отличались от родных «овечек». На полной скорости, сопровождаемый впереди и позади следующими бронепоездами охранения, летел литерный к берегам Тихого океана. И часу не задержавшись во Владивостоке, пассажиры курьерского пересели на только что ошвартовавшийся в бухте Золотой рог японский крейсер, который увез путешественников в Японию в сопровождении эскорта советских эсминцев; у Хоккайдо их заменили японские корабли охранения. Всю дорогу до Токио именитые делегаты обсуждали виденную им из окон трассибирского экспресса громаду катящихся к Тихому океану советских войск: готовили речи, тщательно подбирая и отвергая аргументы и контраргументы.

Возглавлял военно-политическую делегацию Рейха сам Мартин Борман. В состав ее входили также Геринг и Розенберг, среди боевых гене-

ралов и фельдмаршалов были Кейтель, Гудериан, гросс-адмирал Дёниц. Остальные представляли генштаб, министерства иностранных дел и пропаганды. Несколько влиятельных в промышленно-финансовом мире лиц, а также японский посол в Берлине смотрелись воронами на фоне строгих мундиров, украшенных боевыми орденами. Впрочем, среди штатских особняком держался высокий седоусый старик, осанка и манеры которого выдавали в нем бывшего профессионального военного. Чем-то он походил на бывшего веймарского президента Германии Гинденбурга. Его часто можно было встретить в обществе Розенберга и Бормана. С ним вежливо и почтительно разговаривали, согласовывали тексты различных вариантов дорабатываемого в пути меморандума, долженствующего быть врученным главой делегации императору Хирохито.

Этот седоусый пруссак был ни кем иным, как самим Карлом Хаусхофером, бывшим генералом, послом Германии в Японии при Гинденбурге. Многие в Рейхе — и не без основания — полагали Хаусхофера духовным отцом национал-социалистического движения, наставником фюрера, выдающимся геополитиком XX века, основоположником евразийской концепции, сторонником идеи континентального союза Германии—России—Японии. Основу его учения составляло извечное противоборство в мире «суши» и «моря». Континентальная Европа в союзе с Азией зримо и незримо всегда противостояла в своих геополитических, военных и экономических интересах хищническим устремлениям англо-саксонского мира с его торгово-колониальным строем, всемирными рыночными тенденциями, космополитическим миром. Давнее многолетнее пребывание Хаусхофера в Японии убедило его в истинности своей трактовки мировой геополитики. Именно Япония первой ввела в практику понятие «нового порядка» («нового тихоокеанского порядка»). Гитлер только повторил этот лозунг, провозгласив европейский «*Neue Ordnung*», равно как и итальянский коммунист Антонио Грамши — свой «ордине нуово»...

Однако с приходом Гитлера к власти Хаусхофер отошел от активной деятельности, полагая, что фюрер исказил великую теорию национал-социализма. Хаусхофер, равно как и Борман, Гесс, отчасти Розенберг и прусские генштабисты, так и не смогли убедить фюрера в ошибочности войны с СССР, что противоречило всем основным интересам Германии и евразийской идеи в целом... Сам Хаусхофер*, понятно, не афишировал своих взглядов на текущую политику, но твердо был убежден, что только

* Сын Хаусхофера — Альбрехт Хаусхофер входил в число заговорщиков группы фон Штауфенберга и был казнен в 1944 году.

свержение Гитлера поможет вдохнуть новую струю в национал-социализм и создать истинно Великую Германию.

Борман, отбирая состав большого посольства в Токио, настоял перед фюрером об обязательном включении отставного генерала, который хорошо знал весь политический бомонд Страны Восходящего солнца, а главное — и его там хорошо помнили и знали как большого друга Японии. Словом, ситуация и для Японии, и для Германии была патовой. Сталин стоял на своем непоколебимо. Задача делегации вырастала до ранга сверхзадачи.

Понятно, что среди технического персонала делегации, секретарей, шифровальщиков, связистов, поваров и пр. были и люди Гиммлера. И уж кто-то из них обратил внимание на беседы в поезде, далее на корабле, Бормана и Розенберга с генералами и фельдмаршалами — сугубо наедине; иногда третьим присутствовал и Хаусхофер. О чем они говорили часами? Наверное, о вещах сугубо доверительных.

Службу безопасности — тоже в закамуфлированном виде — в делегации представляли абверовцы, ведшие в этих условиях контрработу против разведчиков Гиммлера, Видно последним что-то удалось узнать о содержании бесед высших чинов Рейха, иначе почему бы было выпасть на полном ходу в 20 километрах после Читы из ресторанного вагона младшему повару, а во Владивостоке был сдан в морг труп одного из технических служащих; смерть последнего наступила — по справке врага делегации — в результате острой сердечной недостаточности. Однако выпавший повар (недоучли абверовцы, совсем не учли многометровый сибирский снег!) отделался ушибами и сломанными ребрами и рукой, был бережно доставлен особистами в Читу, скоренько излечен, махнул в свете происходящего рукой на присягу (ему объяснили: хоть он и будет жить в хороших условиях, но для его германского начальства он мертв) и объяснил суть данного гиммлеровской разведкой задания.— И что он уловил в разговорах Бормана и Розенберга с фельдмаршалами. Но этот увлекательный рассказ матерые чекисты из Читинского управления НКВД тотчас прервали, в прямом смысле завязав рот разведчику от Гиммлера, с ужасом посмотрели друг на друга, доложили своему генералу. Разведчика самолетом в сопровождении самого генерала доставили в Москву. Генерал в Читу уже не вернулся, а допрашивавших сотрудников уже через час после окончания допроса нашли в своих кабинетах застрелившимися.

♦Двухнедельные переговоры делегации с императором Хирохито,

правительством и высшим командованием Японии результата не дали. Борман по ВЧ секретной связи германского посольства каждый вечер обменивался мнениями с фюрером. Иногда разговаривал с Гиммлером, Геббельсом; однажды связывался с Муссолини. Переговоры с советской стороной велись через Молотова, отдельно от делегации Германии прибывшего в Токио.

В конце концов, выражая сожаление, Борман вручил японской стороне меморандум, в котором германская сторона выражала свое глубокое сожаление по поводу принятого императором решения, хотя выказывала уважение и восхищение своему стратегическому партнеру в его твердости и убежденности в правоте своего дела. Однако, как стояло в меморандуме, хотя державы Оси имеют общие глобальные интересы, но интересы входящих в Соглашение держав нужно *гибко увязывать*, но — если итоговый результат будет положительным для всех сторон.

Меморандум был написан в дипломатическом стиле высокого уважения к традициям Страны Восходящего солнца, однако отмечалось, что, к сожалению, сейчас возникла ситуация, когда державы тройственного пакта — «оси Берлин-Рим-Токио» — должны для реализации стратегических перспектив каждая чем-то пожертвовать, как то сделали Германия и Италия. Смысл же меморандума состоял в том, что в данном конкретном вопросе, вовсе не отказываясь от взаимных обязательств, Германия, Италия и их европейские союзники предоставляют СССР и Японию в их взаимоотношениях самим себе, причем пределы притязаний СССР не должны выходить за рамки заранее оговоренных.

Перед отъездом от имени императора делегации был дан прощальный ужин. Японцы держались великолепно, вызывая восхищение даже фельдмаршалов-пруссаков. Сам прославленный танковый бог войны Гейнц Гудериан выразился в том смысле, что только два солдата в мире достойны полного и безоговорочного восхищения: японский и немецкий.

В ответной речи японский премьер заверил высоких гостей в нерушимости дружбы и в дальнейшем, все более тесном военно-политическом сотрудничестве великих держав Запада и Востока, но «Япония очень маленькая страна и не может даже во имя грядущих стратегических успехов отдать кровью японского солдата отвоеванные в начале века исконно японские территории — Сахалин и Курилы, а Маньжоу-Го является самостоятельным государством, дружественным Империи, доверившейся ей. Честь самурая не позволяет предать императора Пу И и его народ».

На том же крейсере германское чрезвычайное посольство отбыло во Владивосток.

♦Однако, начиная со времени выпадения младшего повара — несчастный случай иначе и не трактовался делегатами: выплескивал ведро с помоями и поскользнулся с непривычки на обледенелой подножке — ход событий с советской стороны изменился от ранее согласованных. Молотов получил удивившую его шифровку по ВЧ и обратился к Борману с просьбой сопутствовать германской делегации до Москвы — для уточнения в пути некоторых моментов, связанных с выполнением советско-германских договоренностей и в связи с решением японской стороны. Во Владивостоке к ожидавшему посольскому поезду подцепили — рядом с вагоном Бормана и Розенберга — вагон для Молотова и его сопровождения. Переговоры велись попеременно в том и другом вагонах. На остановках для технического обслуживания паровозов в вагон Молотова, охранявшийся офицерами НКВД, заходили курьеры связи, иногда генералы и штатские люди. Некоторые проезжали до следующей остановки. Немцы особо не любопытствовали, тем более, что Вячеслав Михайлович в самом начале предупредил, что он «уже на работе и должен в пути руководить своим наркоматом». Пунктуальным и ответственным немцам это было вовсе не в диковинку.

Другой поворот событий — сосредотачивающимся на границах с Маньчжурией и на берегу Татарского пролива армиям поступило указание об устройстве казарм и палаточных утепленных городков. Ранее диспозиции о зимнем картировании не предполагалось. Командиры полков и батальонов думали-гадали о причинах задержки наступления, хотя — шила в мешке не утаишь — слухи о неудаче германской делегации доходили до высшего войскового начальства.

В Казань литерный поезд прибыл глубокой ночью и был остановлен семафором на подъездных путях. Подошедший к составу железнодорожный дежурный офицер объяснил высунувшемуся из тамбурной двери адъютанту Геринга, тоже дежурившему по поезду в эту ночь, что поезд убрали на запасной путь для пропуска нескольких срочных военных эшелонов; простоит не более четверти часа. Адъютант козырнул и ушел в дежурное купе, позевывая и вздрагивая от проникшего за считанные минуты под накинутую на плечи шинель нешуточного мороза.

Гейнц Гудериан был разбужен вежливым стуком в купейную дверь: он просил вагонного дежурного-проводника дать знать ему, когда они будут проезжать Казань, даже если это будет ночью (на пути во Владивосток Казань тоже была ночью и он проспал, загодя не предупредив дежурного).

По-солдатски быстро одевшись, зная русскую зиму — наглухо за-

стегнул зимнюю шинель с меховым воротником, прошел в тамбур, где проводник уже отворил дверь и освободил ступени. Гейнц спустился на слежавшийся снег запасного пути, осмотрелся. Темнота, редкие фонари тускло высвечивали в густом морозном воздухе смутные контуры скучных построек станционного хозяйства: элеваторы, бесконечные пакгаузы, какие-то краны. Поодаль на дальних запасных путях стояли в одиночку и группами потрепанные вагоны, нефтеналивные цистерны; где-то насвистывал паровоз, сколачивая состав. По другую сторону литерного было оживленнее: слышался тяжелый гул проходящих тяжелых составов, отрывистые фразы громкой связи на станции.

Поеживаясь от холода, Гудериан пошагал вдоль короткого состава, миновав свой — в голове состава — вагон, другой, ресторанный вагон. Дальше не пошел, повернув назад, притоптывая ногами, остановился, все пытаясь рассмотреть в ночи хоть краешек Казани. Нахлынули давние воспоминания: учеба в здешнем танковом училище, знакомые, в том числе и женщины... — Словно и не было полутора десятка лет напряженной службы и войн; тихая провинциальная Казань с ее храмами и минаретами, чудным смешением Азии и Европы, веселые и добрые в отношениях люди словно кадры фильма мелькали в его голове.

♦Гудериан в падающем из открытой двери тамбура свете, вскинув правую руку, посмотрел на часы: до сообщенной проводником четверти часа осталась пара минут, скоро состав тронется. Он взялся за порученьручку и поднялся на нижнюю ступень подножки. В этот момент его привлек ровный шум в конце состава. Завершив подъем, он взглянул вдоль и в конец их короткого поезда: к последнему, молотовскому вагону медленно подкатили две легковушки — определенно черного цвета. Шли они по узкой полоске между соседними рядами рельс. Первая машина притормозила у последней тамбурной двери вагона, сделала крутой разворот прямо по рельсам, остановилась впритык радиатором к вагону, так что полностью заслонила своим корпусом ведомую машину. В этот же момент несколько окон молотовского вагона тускло засветились (вообще-то во всех вагонах ночью полагалось задергивать светомаскировочные плотные шторы, что неукоснительно соблюдалось на пути во Владивосток, но на обратном пути даже дисциплинированные немцы заразились русской безалаберностью; необъятные и необжитые просторы отрицали саму мысль о каких-то вражеских самолетах...) через легкие дневные шторы. Самое странное — спустя секунд десять засветились и два окна в середине предпоследнего вагона; Гудериан их хорошо знал: это были

окна купе-кабинета Бормана. Не придавая особого внимания такому чудному совпадению, Гудериан вскользь подумал, что чуткого Бормана разбудил рокот подъезжающих автомобилей.

Любопытствуя — от скуки ночного железнодорожного закутка,— и без того высокий Гейнц поднялся на ступеньку выше: теперь смутно, но был виден второй автомобиль. Из него вышли трое военных — не по сезонной форме, в фуражках; один был совсем небольшого роста, но именно его двое других почтительно подсадили на ступеньку. Все трое вошли в вагон, слышно было, как хлопнула тамбурная дверь, а автомобили, сделав маневр по рельсам и шпалам, канули в темноту.

Гудериан усмехнулся: русские военные за прошедшие полтора десятка лет не изменились: где надо — так сплошное разгильдяйство порой, а где не надо — неестественная строгость и дисциплина, сверхпредосторожность. Подумаешь, решил третьестепенный генерал задарма со своими полковниками до Москвы, а то и вовсе до соседнего областного города в вагоне-люкс прокатиться, так нет, чтобы пешочком от станции пройти — целым эскортом по путям, хорошо еще без оркестра!

Головной паровоз дал гудок — Гудериан от неожиданности вздрогнул. Проводник почтительно взял под козырек, приглашая в вагон. Засыпая, танковый герой неожиданно вспомнил ту прелестную официантку из столовой: как же ее звали? — Светлана. Вспомнил.

Глава третья

Каждый мнит себя героем,
Видя бой со стороны...

Шота Руставели
«Витязь в тигровой шкуре»

Перед стеною плача
Рейх корчится в пыли.
И не черта не значит
Шестая часть земли

Виктор Верстаков

♦Проходили недели, потом месяцы, наступила весна. Самые диковинные предположения строили в стране и в мире: почему затормозилась со стороны СССР реализация договоренностей с Германией? Почему

полтора миллиона отборных, прошедших горнило Московский и Сталинградской битв бойцов, почти все гвардейские части замкнулись на границе с марионеточным государством Маньжоу-Го, на берегу Татарского пролива, на южном побережье Камчатки и Северном Сахалине? Почему замер в полной боевой готовности Тихоокеанский флот? — Для страны, полтора года кровопролитно воевавшей, он был более чем внушительным: в последние месяцы после замирения с Рейхом судостроительные и судоремонтные заводы Дальнего Востока работали круглосуточно. Транссибирская магистраль, наконец-то освободившаяся от груза бесконечных эшелонов с перебрасываемыми армиями, недолго отдыхала: из промышленных центров Урала и Верхневолжья, из восстановленных и запущенных в рекордные сроки заводов Средней и Южной России, Харькова и Днепропетровска, Запорожья и Николаева двинулись на восток составы с новыми мощными орудийными системами, модернизированными для корабельной установки «катюшами», бронеплитами, связным и навигационным оборудованием. Отремонтированный и довооруженный надводный флот на Тихом океане уже сравнялся по суммарной мощи с флотом японским, исключая его авианосцы. Но и на столь страшные для американцев, памятные по гроб жизни по Пирл-Харбору, авиаматки была заготовлена управа! В Приморье, на берегах Амура и южной оконечности Камчатки спешно строились гигантские аэродромы; работали и опять же в три смены — ночью при свете мощных прожекторов — под руководством русских инженеров и бригадиров десятки тысяч мобилизированных в стройбат среднеазиатов и уйгуров с китайцами из новообразованной Синзян-Уйгурской области. Мощные новейшие бомбардировщики добирались с заводов европейской России своим летом. В ударном темпе начался массовый выпуск тяжелого четырехмоторного стратегического бомбардировщика «Петляков-8»*.

Истребительно-штурмовая и разведовательная авиация — новейшие типы «МиГ'ов», «Як'ов», «ЛаГГ'ов» — в разборном виде ехала по Транссибу медленной скоростью, однако очень быстро. Компанию «Петлякову-8» по воздушному перелету через Сибирь составили три сотни бомбардировщиков «Юнкерс-88» и «Хейнкель-111», полученных в рамках соглашения от Германии через четыре месяца после окончания боевых действий между СССР и Рейхом. Геринг матерился, но... согла-

* Этот самолет по всем показателям превосходил не только немецкие, но и появившиеся к концу войны американские «летающие крепости». Был он испытан еще в 1937 году, но по имевшей место глупости (или по вредительству?) в производство запущен не был.

шение нужно было выполнять: кто же мог предусмотреть, что до весны Советы не отберут у Японии Сахалин и Курилы; теперь же получалось, что одна держава «Оси» вооружала будущего врага другой...

Слегка расслабляясь от фронта, в свободные от работ, маневров и учений время офицеры сетовали на введенный командованием «сухой закон» по всему ДВО и Тихоокеанскому флоту, однако русская сметливость по этой части самым высоким командирам и командующим не подчиняется. Уединившись глубокой ночью в самой отдаленной комнате офицерской казармы, капитаны и майоры с иконостасами орденов на кителях крякали, осушив стаканы крепчайшего самогона, закусывали свежекопченом балыком из кеты, икоркой. Развеселившись, вспоминали концовку речи наркома Климента Ефремовича на последнем предвоенном съезде партии. Лихой вояка закончил ее куплетом:

« А товарищ Коккинаки долетит до Нагасаки
И покажет всем «эсаки», где зимуют раки!»

— В руку сказал товарищ маршал, в руку,— гомонили повеселевшие капитаны и майоры.

Японцы, война которых с американцами на Тихом океане вступила в решающую фазу, затаились на Дальнем Востоке, не понимая, что происходит, в душе уповали на чудо: да минет их чаша сия! Флоту и авиации, сосредоточенному против границ с СССР, был дан строжайший приказ: никаких демонстраций силы, никаких провокаций и разведывательных полетов. Даже на Сахалине, где дислоцировалась ударная группировка в составе целой общевойсковой армии, двух танковых дивизий, четыре бомбардировочных и трех истребительно-штурмовых полков, а главное — дюжина дивизионов «катюш» и две сотни дальнобойных орудий, — японские самолеты не приближались к границе, разделяющей остров пополам. Словом — тот же самый вооруженный нейтралитет, что и в годы войны с Германией. Тот да не тот, в другую сторону все повернулось.

А неуступчивость японцев объяснялась просто: Гитлер, как всегда, перехитрил самого себя. Признав в договоре о перемирии с СССР де-юре права на восточные территории и даже настаивая (как в случае с описанной выше делегацией) на японских уступках, фюрер тем не менее через агентуру Гиммлера сносился с микадо и с японским военным руководством в том смысле, что он-де не хочет ослаблять позиции стран Оси на Востоке. Поэтому советует Японии тянуть до последнего, а в случае, если Советы приступят к боевым действиям, то Германия, оправившись к

весне 43-го года от изнурения Восточного фронта, выбившая союзников из Северной Африки и уже занесшая карающий меч над Метрополией, уже в состоянии будет предъявить Сталину ультиматум...

Самое существенное, что в ведомстве нового наркома Устюжнина внешняя разведка не дремала, интрига фюрера с микадо не была тайной. Но ситуация в этом вопросе и для СССР сложилась неблагоприятной. Уже полностью не доверяя Гитлеру после 22 июня сорок первого, Сталин всерьез воспринимал его шашни с микадо, даже явно идущие в ущерб Рейху — особенно в момент накануне решающей схватки с последним форпостом англо-саксонского мира в Европе. А как иначе? — Ведь теперь Советский Союз в случае такой коллизии с Германией действительно оставался один, без каких-никаких, но союзников, и уже с двумя фронтами?! Таково было официальное мнение советской стороны в отношении Японии.

Поэтому замерли армии Жукова, пропуская удобные для наступления зимние месяцы. Уже потекли горные реки, дороги стали непроезжими...

♦Один только Сталин знал, чего он ждет; 29-го апреля Вождь ночевал на ближней даче, восстановленной и сильно перестроенной после разора осени 41-го года. Иосиф Виссарионович несколько недомогал по неустойчивой весенней погоде, поэтому спать лег непривычно рано для него — в половине второго, предупредив Власика, что будить его только по звонку Устюжнина. Генерал чутко отметил про себя, что в последнюю неделю Сталин явно ожидал какого-то важного сообщения и именно от нового наркомвнудела. Дальше этого его дисциплинированный ум в догадках не шел, тем более в отношении Устюжнина. Власик несколько опасливо относился к новой креатуре вождя (как, впрочем, и остальное руководство), появившейся из полной неизвестности. В этом было нечто очень даже пугающее.

Поэтому, когда в начале пятого часа ночи дежурный офицер разбудил самого Власика, прилегшего вздремнуть, и сообщил о подъехавшей к даче машине, генерал сразу понял: кто прибыл. Взволнованный, но с крайне бодрым и довольным выражением лица, Устюжнин в испачканных весенней грязью сапогах и шинели на ходу поприветствовал Власика и сам, нарушая все принятые порядки, не раздеваясь, отворил дверь в кабинет Сталина, тщательно прикрыв ее за собой. Слышны были его шаги через кабинет — в сторону двери в спальню. Власик не знал что и делать; во всяком случае, закрытая за наркомом дверь ему, Власику,

указывала на неуместность каких-либо его действий.

В восемь утра наступившего дня Всесоюзное радио передало сообщение чрезвычайной важности: германский фюрер Адольф Гитлер по причине болезни, вызванной усталостью последних лет и осложнением контузии, полученной еще в первую мировую войну, подал прошение об отставке. Новым фюрером германского народа стал Мартин Борман, передав руководство НСДАП* Розенбергу. Военное руководство Рейха взяли на себя Геринг, Кейтель и Гудериан. Гиммлер и Геббельс по их личной просьбе были освобождены от занимаемых постов и зачислены в резерв по своим ведомствам. Что касается судьбы Гитлера, то предполагалось, что после полугодового лечения и отдыха на одном из курортов Швейцарии, он получит пост почетного председателя НСДАП и возглавит коллектив исследователей-историков, созданный для написания 50-томной истории Третьего рейха.

Через неделю Япония признала притязания СССР и начала отвод своих войск. Нарком Устюжнин стал самым молодым маршалом СССР, а Михаил Иванович Калинин вручил ему звезду Героя Советского Союза.

♦«Эк размечтался! — скажет читатель, воспитанный на официальной версии истории Второй Мировой войны,— ты подо что, сукин сын, нашу страну, да и весь мир подводишь? Ведь Германия только-только к сорок пятому году с Англией разделается, к Америке еще и не приступит, ан у нее уже и атомная бомба Эйнштейном с сотоварищи изобретена, и посыпятся «малыши» и «толстяки» на Германию и СССР — и все: янки над оставшимся миром правят уже навечно!»

Эх, читатель мой дорогой, свято-наивно исповедующий официальную историю: хоть нашу, хоть не нашу. Вот Виктор-то Ильич тоже историк, но у него в привычке перечитывать ее дважды: с начала и с конца, заглядывая между сток (Это как цензор передовицу в «Правде» читает...). Кстати, причем здесь Эйнштейн? Что-то не слышали о его трудах в области ядерной физики, а от общих упражнений в теоретической физике, до сих пор и остающихся сугубой теорией, до бомбы, ох, как далеко!

Давайте зададим самим себе несколько вопросов, относящихся и вроде как не относящихся к пресловутому Манхэттенскому проекту.

Известно, что история советской атомной бомбы началась не в Потсдаме в 45-м году, когда расплывшийся в улыбке Трумэн сообщил Сталину об успешном испытании в США сверхмощной бомбы. Заметь-

* Национал-социалистическая рабочая партия Германии (нем. аббр.)

те, что очевидцы этой занимательной беседы отметили: ни один мускул не дрогнул на лице Вождя. Это неспроста.

А история советской атомной бомбы началась где-то в начале 30-х годов. Первичные разработки велись в Харькове (Флеров и др.) и в Томске, особенно в последнем. Важнейшим результатом этих работ было доказательство делимости нейтронами урана-235*.

Само собой понятно, что в области оценок перспектив нового оружия Иосиф Виссарионович и Лаврентий Павлович вовсе не походили на тех полуидиотов, которых делает из них нынешняя борзописная братия. Оно и понятно, первые работали за великую идею, вторые — за доллары.

Для создания такой игрушки, как атомная бомба, вовсе не достаточно теоретических, пусть и весьма талантливых, изысков. Даже авторитетного «подписанта» Альберта Эйнштейна недостаточно (он подписывал обращение группы ученых-ядерщиков к Рузвельту). Нужна научно-экспериментальная база, работающая многие года. Это было у СССР, но в Америке к 42-му году, когда был озвучен Манхэттенский проект, ничего и в помине не было. Не могли привезти сюда свои лаборатории, НИИ и КБ бежавшие от Гитлера европейские ядерщики. И вот, минуя сложнейший, долговременный этап НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ), свежесозданный атомный комитет в США сразу принялся (по откуда-то готовым чертежам, проектам, методикам?) сразу строить гигантские предприятия атомной промышленности. Чудеса да и только.

Другой вопрос: зачем в апреле 42-го года Вячеслав Михайлович Молотов через линию фронта и Атлантику лично летал в Америку к Рузвельту под смехотворным предлогом поставить личную подпись на декларации об открытии второго фронта (хотя он был открыто только два года спустя)... Зачем понадобился этот полет на грани смерти — Молотов хоть и дожил до ста лет, тайны этой не раскрыл.

♦Зато через пару месяцев после визита Молотова состоявшийся в Нью-Йорке VI съезд Всемирной организации сионистов (хотя и в тайне) принял некое решение, но со времени его все узнали. Дело в том, что до этого самого съезда сионисты имели негласный договор с Гитлером: они поддерживали его, так сказать, материально, а фюрер обещал

* Это не изощренная фантазия автора; уже в новейшее время в печати, правда, в популярной (Ю. Бровко и др.), появились публикации, приоткрывающая самую загадочную историю XX века.

отдать евреям под свое государство Палестину. Этот факт есть сугубая реальность, его никто не берется опровергать, но... официальная история его «опускает». Точно также она «опускает» и тот факт, что до середины 42-го года геноцида евреев в Германии, как такового, не было. От финансовых, промышленных и других жизненно важных для государства дел их отстранили, но держали в качестве заложников и будущих переселенцев в Палестину. И уже совсем глухо история объясняет центральный момент в становлении Третьего Рейха: кто и зачем финансировал экономику восстановления и милитаризации Германии, кто, в конце концов, привел Гитлера к власти? Молчит история, стыдливо отбрехиваясь...

Так вот, в июле 42-го года сионисткая верхушка, поняв, что в перспективе дела Германии швах, приняла решение о переходе в своих палестинских притязаниях на сторону союзников. Поколебало их увязание вермахта в СССР и поражение армии Роммеля в Северной Африке. Теперь все в этой (правдоподобной) гипотезе становится на свои места: накануне войны в СССР в строжайшей тайне, обеспечиваемой ведомством Лаврентия Павловича, был проведен полный комплекс НИОКР по расщеплению урана-235, спроектированы реакторные схемы, установки по промышленному производству оружейного плутония. Однако в связи с началом войны дальнейшие работы были приостановлены, законсервированы. Сионисты, ранее делавшие ставку на Гитлера, вовремя (это они хорошо умеют делать, за сорок ходов, как в шахматах, предвидят) переориентировались на англо-саксонский союз плюс СССР. Теперь им нужна была победа союзников, что прямо противоречило линии Черчилля-Рузвельта: оставаясь де-факто в стороне, ждать взаимного истощения ресурсов Германии и Советов. Поэтому, используя свои рычаги, сионисты добились вступления США в войну и гарантии открытия второго фронта в обмен на то, что СССР должен был передать США ядерные технологии. Мотивировалось это следующим: СССР сейчас не в состоянии предпринимать дорогостоящие ядерные проекты; с другой стороны — передача технологий США является своеобразным залогом, гарантией, что ни при каких осложнениях Советы не пойдут на сепаратный мир с Германией. Круг замкнулся. А после окончания войны СССР, используя собственные наработки и промышленный опыт американцев, быстро восстановили ядерное *status quo*. Вроде как и джентльменское соглашение...

Теперь уже просто объясняется и рискованный полет Вячеслава Михайловича, второго лица в стране, в США: только такое ответственное лицо могло подписывать сверхтайный пакт с сионистами и руко-

водством США и Англии, а заодно и лично привезти в Америку несколько тонн технической документации по ядерному проекту.

Самое наглядное подтверждение этой гипотезы — почти-что спектакль с послевоенным созданием советской атомной бомбы. А как утверждает современная масс-медиа, советская бомба полностью украдена у американцев (?!). Разве можно говорить иначе, если советская разведка за три послевоенных года умудрилась выкрасть около *пяти тонн* секретной информации по Манхэттенскому проекту? То есть Курчатов требовал от Берии документы, назначение и место которых в атомном проекте *он знал*, тот давал приказ, и документы тотчас привозили из Штатов наши славные штирлицы. Интересно: на каком языке эти «краденные» документы доставлялись: на исходном русском, в английском переводе или, наконец, в обратном переводе на русский?

♦Однако вернемся к размышлениям нашего героя. Поскольку передача результатов харьковских и томских НИОКР американцам уже состоялась почти год тому назад от описываемых событий весны сорок третьего, то в СССР работы по созданию бомбы были форсированы, благо обстановка и материальная база, не говоря уже о научном заделе, благоприятствовала. В результате бомба в СССР, более того — атомная и водородная, и атомная лишь бомба в США были созданы почти одновременно к концу сорок четвертого года. Самое существенное, что Америка не могла уже применить атомное оружие ни против Японии, ни против Германии: первая захватила Гавайский архипелаг и объявила интернированных там американцев плюс военнопленных, общим числом до 50 тысяч, заложниками, а Германия, ведшая кровопролитные бои на территории Англии, таким заложником объявила Францию, Бельгию и Нидерланды.

Сионисты, удовлетворенные созданием Сталиным еврейского государства в Палестине, несколько утратили интерес к мировой бойне и не давили на президента, конгресс и правительство. То, что еврейское государство было декларировано как социалистическое, их не смущало: время все расставит по местам. А потом, как размышлял Виктор Ильич, современный Израиль и есть, по большому счету, социалистическое государство...

А к концу сорок пятого года, когда Америка и Япония увязли в бесконечных стычках на тихоокеанских островах, а Англия пала, Герма-

ния произвела в Сахаре атомный взрыв: ошибка Отто Гана* была-таки замечена, ядерный проект Рейха состоялся.

Гениальный шаг Сталина явил свои плоды: трехстороннее ядерное равновесие затушило Вторую мировую войну, не дав ни Америке, ни Германии мировой гегемонии и избавив СССР-Россию от несчастий и предательств второй половины XX века.

♦Виктор Ильич, развивая свою гипотезу, весьма сожалел, что не воспользовался этой разработкой, обладая аппаратурой Аседона. Усмехаясь, он подумал, что, случись такое, Аседона отправили бы в командировку на исправление его дел не до 1990 года, а до конца первой четверти XXI века!

Обдумывая свои построения, Виктор Ильич пересмотрел в замковой библиотеке массу ранее незнаемой им литературы. Он долго сомневался в моральном праве Иосифа Виссарионовича на выход из войны после Сталинградской битвы. Но ведь сорок с лишком лет вся пишущая журнальная братия мира обливает Сталина грязью за пакт Молотова-Риббентропа. Даже в СССР с легко-блудливой руки Никиты Хрущева этот вопрос школьникам и студентам на уроках-лекциях истории как-то невнятно поясняют.

В числе прямых источников по предвоенному времени и пакту Молотова-Риббентропа Виктору Ильичу попалась на глаза подшивка за 1939 год троцкистского парижского журнала «Бюллетень оппозиции большевиков-ленинцев» со статьей самого Льва Давидовича о советско-германском пакте. Прочитав ее начерно, Виктор Ильич даже присвистнул: за прошедшие сорок лет, как оказалось, журналисты всего мира ни на йоту не отошли от высказываний Иудушки по поводу этого исторического события. Далее он читал статью тщательно, с подчеркиванием отдельных слов и целых строк. Читал и понимал: как же Сталин гениально сорвал планы мировой закулисы? — Так сорвал, что до сих пор зубами скрежещут при упоминании его имени. А заодно и детище его — великий СССР люто ненавидят и при удобном, первом же случае постараются уничтожить.

Именно Троцкому принадлежит утверждение, что пакт был наступательным военным союзом с лицемерной пацифисткой окраской. В каче-

* Есть основания полагать, что Германия не успела создать до конца войны свою атомную бомбу из-за... арифметической ошибки в вычислениях Отто Гана, в результате чего немцы пошли по ложному пути: вместо графитовых замедлителей в реакторе стали использовать тяжелую воду.

стве основного подтверждения Троцкий указывает на факт нападения Германии на Польшу сразу же после подписания пакта Молотова-Риббентропа. Более того, Верховный Совет СССР ратифицировал договор в момент перехода немецкими войсками польской границы...

Понятно, что имел в виду Лев Давидович: Сталина не обманули, Сталин с Гитлером был в сговоре с далеко идущими целями, он понимал, что, заключая пакт, Гитлер развязывал себе руки для войны против Запада. Вот здесь Лейба попал в самую точку, но, объясняя ее, как всегда слукавил. Объяснял боязнью Сталина войны с Германией и выгодой торгового договора с немцами. Действительно, торговая часть пакта была крайне выгодна для СССР и позволила, в числе прочего, подготовиться к войне с той же Германией. Боязнь войны? — А кто ее не боится, понимая, что некие надмировые силы стараются столкнуть тебя лоб-в-лоб с превосходящим по военной мощи государством?

А Троцкий лукаво обошел истину, которую сам-то хорошо знал: Сталин понимает, что его хотят столкнуть с Германией, чтобы ослабить и свести к военно-политическому ничтожеству два наиболее мощных государства Европы, каждое по-своему, но бросивших вызов англо-саксонскому миру финансового капитала с претензией на мировое же господства.

В отличие от недальновидного фюрера, Сталин предпринял меры, сумел довести истину до ушей наиболее мыслящих из германских верхов и столкнуть уже Германию с Западом. Ведь Иосиф Виссарионович с фюрером не целовались-братались, а нацизм в действии — не этнографический школьный кружок; каждому свое воздастся!

Вот и досадует Лейба Давидович, что Сталин нарушил все планы мировой закулисы, верным слугой которой сам и являлся всю свою жизнь.

Однако на этом моменте Иудушка в своей статье не остановился. Ему, видите ли, крайне не нравится, что Сталин в предвоенные годы «вел капитулянскую политику» в отношении Японии. Ну, здесь Лев Давидович, попал пальцем в небо. Этого тезиса в дальнейшем никто из его последователей и духовных братков не повторял, понимая его нелепость.

Троцкий, как всякий политик-теоретик, подскальзывается именно на незнании действительности. Это только ему могло чудиться, что в 39-м году (не в восемнадцатом, не в двадцать втором!) Сталин капитулирует перед Германией в целях самосохранения советской олигархии, ибо воевать страна не может: подавляющее число советских граждан ненавидят советский же строй и ждут не дождутся прихода хоть немцев, хоть японцев, а может и марсианского десанта, лишь бы они сбросили Сталина и

его окружение... Нет, может стоило Иосифу Виссарионовичу попридержать карающую руку будущего Героя Советского Союза Рамона Меркадора в 40-м году? — Пусть бы Лев Давидович воочио увидел из своего мексиканского далека, что не только весь советский народ, но даже Деникин с Керенским объявили германский фашизм своим заклятым врагом (А после этого и Меркадора можно было пригласить...).

♦Совсем потерял политический такт Левушка, провозгласив, что заключением пакта «СССР заменил собою Японию в составе Оси». Еще Троцкий вышибает слезу негодования, упоминая о немецких подпольщиках, которые узнали о пакте... Виктор Ильич очень сомневался в наличии в Германии 39-го года больших масс подпольщиков.

Здесь Виктор Ильич вовсе отвлекся от писаний Льва Давыдыча, тож Бронштейна, сев на любимого конька: рассуждения о способности человека мыслить самодостаточно, в данном случае — иметь твердые личные убеждения.

Общебиологический закон гласит, что экспоненциальная (или логарифмическая) функция описывает все процессы живого мира, мира людей в том числе. Именно из этого всеобщего закона следует, что самодостаточное мышление есть удел всего восьми процентов людей: независимо от возраста, расы, социального положения и пр. (Сложнее с полом; здесь Виктор Ильич, сам о том сожалея, более склонялся к дискриминации. Простим ему эту понятную мужскую слабость).

Кстати говоря, эти самые восемь процентов, следующие из закона экспоненты, относятся и ко всем другим классификациям людей. Восемь процентов населения склонны к воровству, столько же к коммерции-спекуляции, к воинской службе. Даже к противоестественной любви, как следует из американских источников, склонны вот эти самые восемь процентов. Именно здесь никакой дискриминации нет: 4 % — гомосексуалисты-мужчины, 4 % — лесбиянки-женщины, а в сумме: 8 %.

Эти самые восьмипроцентники движут мировую историю, увлекая за собой в рай и ад остальную, туповатую массу числом в девяносто два процента. Вот если бы, паче чаяния, было все наоборот, то не было бы никакой истории; люди, народы, государства не смогли бы прийти к общему мнению и согласию. Ярчайший и наглядный тому пример — любая палата сумасшедшего дома, где все постояльцы провозгласили свои персоны президентами (От автора: или современная Россияния).

Поэтому, когда говорят, что революцию, переворот и пр. деяния в государстве совершил весь народ, то это надо понимать в том смысле,

что чуть более четырех процентов (даже не все восемь самодостаточных) подданных пришли к единому мнению, получили доступ к средствам массовой информации и методом «долдона» убедили массы принять их точку зрения. Остальное — дело техники, в том числе военной.

Все искусство политической борьбы как раз и состоит в увлечении масс, заражении их идеей. Много было в России 18—20-го годов апологетов новой власти? А сколько их стало к моменту начала Отечественной войны? — Все понятно, увлекли идеей, кстати говоря, правильной и полезной всему народу.

А теперь Германия: сколько людей поддержало мюнхенский пивной путч? И сколько активных и пассивных сторонников имел Гитлер к тому же времени? — Тоже все понятно, увлекли идеей, с точки зрения немцев правильной и полезной народу Германии. Отсюда и оценка реальной расстановки сил. Троцкий об этом прекрасно знал — сам опытнейший ловец душ, но писал-то он для несамодостаточных 92 %?!

«Эх, мечты-мечты,— думал Виктор Ильич,— пора и за дело какое-нибудь браться!»

Глава четвертая

Америка —
не молодая страна:
она старая,
грязная и злая
еще до поселенцев,
до индейцев.
Зло здесь,
оно ждет...

Уильям Берроуз

♦Близился конец февраля, в этой части Франции напоминавший мартовскую оттепель в Средней России. Однако и европейская весна была уже на подходе, с каждым днем воздух светлел, окрестные замка поля подсыхали, грачи, точь-в-точь родные братья *Т*-им ностальгическим грачам, кричали на рассвете явно веселее.

Виктор Ильич отдыхал всей душой и телом после зимней чертовщины и политических изысканий. Однако уже отдалился от него образ двойника в истории — удачливого разведчика Устюжнина; все вспомина-

лось как давно прочитанный, причем во время долгой и муторной болезни, фантастический роман: когда читаешь-читаешь, забудешься в нездоровой дневной дремоте, а в этом полусне-полуяви только что прочитанное действие продолжается развиваться. Проснешься, помотаешь досадливо головой, выпьешь микстуру, переменишь пропотевшую рубашку и подушку, свежесть ободрит... снова раскроешь докучливый роман, а он скорректирует полет дремотной фантазии, вновь введет в русло авторской фабулы.

А когда повеет ранней весной из опасливо, болезни ради, приоткрытой чуть-чуть форточки, то отбрасывается надоевший бесконечный роман-фантазия. Организм, предчувствуя скорое выздоровление, стремится к действиям, дабы компенсировать, так сказать, недели, а то и месяцы вынужденного бездействия. Но прочитанное, пусть даже самое нелепое, смешавшись с дремотными вариациями сюжета, остается в подсознании. И это оставшееся подспудно впечатление, целостная, слегка неясная мысль, зачастую становится мотивом деятельности выздоровевшего человека. Похожее чувство испытал и Виктор Ильич как-то по утру, когда раннее солнце осветило подсохшую долину: весна постучалась в ворота замка Орсэ де Монтан.

♦Поначалу, как всякий выздоровевший после несложной, но муторно-затяжной болезни человек, Виктор Ильич ударился во все тяжкие, то есть все долгие позднезимние вечера коротал у камина сам-друг с боцманом, иногда приглашал в компанию Фернана, реже Анри Дюмона, совсем редко — управляющего мсье Клода; с последним приходилось вести какие-то полуофициальные беседы. А в день Советской Армии и Военно-морского флота напоил боцмана до такого изумления, что тот, будучи препровожден патроном с помощью Фернана в свою караулку, слегка поспал, затем начал (а было уже четверть второго ночи) обзванивать по внутреннему телефону всех жильцов замка и пространно поздравлять их с днем *Armee de la Sovietique*, после чего начинал было излагать краткую политическую биографию «женераль Сталин», но все его обижали: бросали трубку.

По ночам Виктор Ильич страстно и бережно любил Леночку с явно уже заметной беременностью. Как и все нормальные женщины, Леночка заподозрила в этой активности супруга заглаживание его вины: дескать, шашни на стороне завел от некрасивой в беременности, а чтобы она не заподозрила, вот и трудится по ночам...

Она долго размышляла: к кому приревновать Виктора Ильича?

Остановилась, ввиду крайне скудного выбора, на дочери управляющего Женевьеве, приезжавшей с мужем Полем в замок на Рождество. Как на расстоянии они прелюбодействовали? — Она особо не задумывалась, а раз-другой устроила Виктору Ильичу скандал.

В первый раз Виктор Ильич посмеялся добродушно и принес Леночке из библиотеки — из медицинского отдела — популярную брошюру на французском «Неврозы и психопатии беременных». Однако во второй раз он всерьез разозлился, назвал дурой и пригрозил отправить ее на время беременности и родов на историческую родину, в *Т*. к маме и папе, в тамошний роддом на улице Революции и пр. и пр. Затем (дело происходило в спальне в начале ночи) надел халат и вышел, громко хлопнув дверью.

В бешенстве он хотел было, не мешкая, отправиться к Полине. Вспомнив, как намедни, в подпитии, чувствительно и шутливо притянул ее к себе, встретив в дверях малой каминной — она выходила из библиотеки с маленьким пылесосом,— на что она хихикнула, лукаво стрельнув глазами и ответно, вполне откровенно прижалась к его груди своими упругими и твердыми, острыми грудками. Виктора Ильича пронзило это маленькое трепетное тепло. Пропустив в двери Полину с незамысловатым комплиментом, он подумал в том смысле, что все француженки, даже офранцузившиеся русские, все на один манер: и сладкие с изюминкой, и бл...тые по любому поводу и для любого.

Виктор Ильич даже сделал, выскочив из супружеской спальни, несколько машинальных шагов налево по коридору — в сторону комнаты Полины, но мстительный задор тотчас схлынул с него вместе с гневной краской щек. Он сплюнул раздраженно на коридорный ковер, развернулся, вошел в кабинет, миновал его и остановился в большой диванной башни. Включил торшер и прилег на кожаный диван, запахнув ноги своим же бухарским теплым халатом. «Не хватало еще на дуэли с боцманом драться,— усмехнулся он уже успокоенно, все еще вспоминая горячий ток грудок Полины,— а на чем с ним драться? На пустых бутылках из-под джина?»

♦Когда раздражение прошло, Виктору Ильичу стало даже жалко Леночку, хотелось вернуться в спальню, погладить ее по головке, утешить... но в памяти всплывали ее злые глаза, противный крикливый голос, а все вместе со слегка одутловатыми щеками — временным следствием беременности — погасили его добродетельное желание.

Однако читать или спать не хотелось, вернее, расхотелось. Как все-

гда в подобной ситуации, захотелось есть. Это было проще всего: прошлепал в кабинетную комнату, взял из дежурного холодильника тарелку с любимой бужениной, уже порезанной и слегка заветрившейся, туда же положил кусок сыра, заварил, вскипятив воду в электросамоваре (*Т*-го рукоделия, но выписанного из Парижа), заварил чай, и все это перенес к давешнему дивану.

С аппетитом поел, окончательно прогнав психопатию, отхлебнул чая из стакана тонкого стекла, закурил. Давешнее упоминание о *Т*. всколыхнуло память, пахнуло почти осязаемо забытым запахом вечернего времени где-то ближе к концу февраля, в оттепель: легкий юго-западный ветерок наносил на центр города запах шлака с металлургического завода, а стоявшие в самом центре заводы источали горчину металлической окалины. От потемневшего и осевшего в оттепель грязноватого снега вдоль дороги шел пробензиненный пар. Опустевшие пополудни улицы вдруг наполнились народом в рабочей одежде: пересменок. И тотчас забухали частые и звонкие выстрелы скорострельных пушек в подземных тирах; вторая смена заступила.

Виктор Ильич рассеянно прихлебывал чай с лимоном. Как живые, толпились в его памяти бывшие солуживцы, соседи, знакомые, женщины. Изька Антонóвич что-то шепотком интригует, а обок его Петр Ильич, инженер со странностями. Дворник Александрыч приглашает распить на двоих по случаю хорошей погоды и выходного дня прямо под детским грибком в родном дворе на Серебрянской улице. Но тут же появляется и третий — слесарь Олег из 27-ой квартиры.

А вот — видно со двора — прошла, минуя угол дома, сошедшая с трамвая Нелли, Неллечка... давняя подруга. А обок ее вышагивает заметно подросший сын ее Кириллка.

Мнится Виктору Ильичу, что приняв за компанию с Александрычем и Олегом рюмку «зубровки», вышел он со двора, прогуливаясь, неспешно двинулся через городской парк к центру города. В парке, проходя через верхнюю плотину, остановился посмотреть на плавающую в пруду живность: бывших вольных уток, гусей и лебедей, променявших былую свободу континентальных перелетов на сытость обеспеченной кормежки. Здесь уже сидела на лавочке обожавшая его Нелли, но уже с мужем Виталием. Кириллка же кормил уток, отламывая от принесенной буханки куски и бросая через сетку-перегородку. Виктор Ильич тихо обогнул счастливое семейство и пошел дальше по парку. На выходе, около памятника Викентию Викентьевичу повстречался и раскланялся с Иваном Антоновичем, хорошо знаемым продавцом из «Глобуса». Неспешно вхо-

дил в парк на воскресную прогулку лично Гусаков — самое знаменитое в городе лицо, руководитель НПО «Меткость».

Выйдя из парка и оставив слева обок внушительное здание, где проживал сам Иван Харлампиевич — глава области, Виктор Ильич скоро вышел на центральный проспект и далее тихими старинными улочками, зигзагами направился в строну своего Архива. По дороге встречались, непонятно каким образом оказавшиеся в этих местах, просто знакомые и знакомые крайне отдаленно: мелькнула соблазнительная, как всегда, Белла, прошмыгнул черт-те куда забредший Сенька, соседский кот. Витька Логинов еще издали приветствовал его, на полчаса занявши разговором о всяких пустяках. Бывшая старшая пионервожатая школы № 30 Пестун торопилась к дневной службе в соборной церкви об руку с Татьяной Демидовной Каратыгиной. Рысью и непонятно куда и зачем промчался куратор их Архива от исполкома Семен Святославович Гордон. А уже за полквартала до Архива, грубо толкнув плечом остолбеневшего от изумления Виктора Ильича, расхлябанной походкой, в смазных сапогах и поддевке навстречу ему прошел герой революции Федька Селифанов.

В Архиве, несмотря на выходной день, работа кипела: запарка к концу месяца. Дверь в кабинет Ивана Архиповича не успевала закрываться: туда-сюда сновали Кружкин, Зильберберг, Терехин. Изька потел под метровой длины ведомостью отчета.

Однако в Архиве было очень уж тепло (оттепель, а батареи раскочегарены...) и душно. Виктор Ильич сделал коллективу ручкой и вышел.

♦Выйдя из здания Архива, Виктор Ильич решил побродить по любимым улочкам, о которых не раз уже вспоминал в своей заграничной жизни,— полудеревенским улицам ТОМПа и МОПРа*, благо они были рядом с Архивом. Гуляя по тихим улочкам, он размышлял о страшной мании переименований, свойственный — теперь, пообтершись по заграницам, он твердо это знал — только российским и советским властям (не народу!). Не только одни большевики, кстати говоря, переименовывали.

Взять те же улицы в родной *Т*. Нынешняя главная улица в заречной части города Октябрьская еще при царях успела поименоваться Московской и Червленой. Одна из улиц в центре города — им. Свободы также последовательно имела при старом режиме названия Нижне-Дворянской и Николаевской. Нынешние же улицы Бундурина, Советская,

* В новейшие времена, следуя духу отрицания всего советского прошлого, ее переименовали в улицу А. И. Куприна. Хорошо хоть не им. Колчака...

Ленина, Красноармейская, Пролетарская ранее именовались, соответственно, Стародворянской, Посольской, Киевской, Суворовской, Веневской. Но в своем Архиве любознательный Виктор Ильич нашел, что и эти названия были не первыми...

Так что неча на большевиков все валить в этой части: они просто подхватили эстафету переименований. Только у советских властей свобода выбора была меньше, да и линия партии не всегда отличалась безукоризненной прямизной. Иудушка Троцкий услугами своих клевретов на местах успел достаточно улиц поименовать. В *Т.* его славное имя было присвоено бывшей Верхне-Солдатской, застроенной тогда домишками-развалюхами. Когда Лейбу турнули, то, следуя традиции, улица опять-таки получила имя военного: им. Фрунзе.

Виктор Ильич и помыслить не мог, что предстоит и вскорости очередная волна переименований...

♦Итак, что является движущей силой переименований, то есть наиболее доступных способов корректировки истории? Виктор Ильич имел на этот счет свое мнение, которое полагал объективным.

Переименование исторических объектов, к которым относятся города и улицы, океанские лайнеры и гидроэлектростанции, сюда же относится снесение скульптурных памятников,— есть признак ограниченности ума в сочетании с развивающейся манией величия. Означает ли это, что отличительной чертой именно русских является ограниченность ума и мания величия? — Да, вроде бы и нет, как вы сами понимаете. Ситуация возникает патовая, однако ларчик просто открывается. Во всяком случае Виктор Ильич его открыл без особых умственных усилий и исторических изысков.

Все дело в том, что ограниченность ума и мания величия в деле переименования — есть характерная черта только современности. А имея такие — от природы и воспитания данные — особенности, они и размышляют следующим образом: до нас именовали-переименовали, значит, это нормальная, принятая традиция. Поэтому и не нам, скудоумным, ее ломать, а человек хороший и видный собой помер! Вот потому Виктор Ильич, особенно начиная с конца 70-х годов, когда верхушка правителей начала активно вырождаться по причине стабильного запенсионного возраста членов Политбюро и Совета Министров, услышав в утренних новостях по радио или в вечернем телевизионном «времени» о кончине одного из Ближних, не говоря уже о принципале, мысленно определял вес и значимость покойного и делал точный прогноз относительно размаха

переименований.

По первому ранжиру (генсеки шли по высочайшему), как правило, переименовывали уездный город, океанский сухогруз, одну улицу (не из центральных) в Москве и десяток в разных областных центрах. Кой-что переименовывали по промышленной части.

Имя давшего дуба генсека переприсваивалось областному центру и городу из числа крупных индустриальных новостроек, атомному ледоколу (иногда атомной электростанции), улицам в Москве, Ленинграде и Киеве, а также улицам в двух-трех десятках областных центров.

Иногда этот перечень корректировался, что давало обильную пищу для злословий и народных догадок. Так имя Андропова было переприсвоено всего лишь скромному городу Рыбинску. Кстати говоря, городок этот, наряду с Ленинградом и Луганском, относится к чемпионам по переименованиям. С Луганском это все на нашей памяти: сначала в честь Климента Ефремовича переименовали, потом Никита вернул историческое имя, но Леонид Ильич снова Ворошиловградом сделал; в новейшие времена уже в самостийной и незалежной (если автору не изменяет память) опять-таки создатель Первой конной не ко двору пришелся... А вот про северную столицу, как давно уже заметил Виктор Ильич, далеко не все знают. Кроме хорошо известных переименований в 1914 году в Петроград, а десять лет спустя в Ленинград, город уже переименовывался в русскоязычный Петроград в связи с Наполеоновым нашествием двунадесяти языки, а после вступления русских войск в Париж снова стал Питером.

Так и скромный наш Рыбинск уже в начале 50-х годов побывал — опять-таки до мстительного Никиты — Щербаковым (помните, на фото в старых «Огоньках» всегда рядом с Иосифом Виссарионовичем, такой худощаво-моложавый, с усами — многие с Кагановичем путают...).

Зато все в стране ахнули, когда посмертное имя министра-маршала Дмитрия Федоровича Устинова было дано даже не областному центру, а аж столице автономной Удмуртской республики Ижевску! Правда, скоро опомнились и втихомолку маршальское имя убрали. Вот такие метаморфозы случаются...

♦Иосиф Виссарионович поддерживал традицию переименований, но разумно, для укрепления престижа государственной власти. Самым громким было дело с Оренбургом, ставшим на время Чкаловым. Впрочем, при его руководстве в стране строилось столько много новых городов, пароходов, заводов и гидроэлектростанций, что для увековечения памяти

видных и официальных людей хватало новостроек. Многочисленные же переименования в честь Вождя революции и Сергея Мироновича были оправданы с политической точки зрения.

Акулы пера из кожи своей перхотной вылезли, обличая Иосифа Виссарионовича в культе и самовозвеличении, тыча всем в нос многочисленными сталинскими памятниками в граните, бронзе, пионерлагерном гипсе, а более всего — в наименованиях городов, колхозов, пароходов и даже горы на Памире. Куда им, скудоумным, судящим обо всем только по своей местечковой мерке, понять то, что прекрасно понимает рядовой колхозник, рабочий и инженер (мужского пола): Сталин города и села называл не своей фамилией, не было Джугашвилибадов и Джугашвилинири. А свою партийную кличку-псевдоним он не отрывал от истории и свершений государства, созданного им. Поэтому любой из тысяч памятников Сталину был памятником его стране. Впрочем, *им* это не объяснишь...

Хрущевское же переименование всего, что связано со Сталиным, — это обычная, мещански мелкая месть хама, которому долго пришлось раболепствовать, а потом этот хам волею случая и интриг стал князем. Тут долго размышлять не следует.

Во многом аналогичный расклад и в повальном переименовании раннесоветского периода. Кстати, как бы и это не силились свалить на Сталина, но он тут нипричем; это господа-товарищи троцкисты даже не «старый мир» отрицали, а отбивали память о России и ее истории. Отсюда и характерные имена новых улиц. Это Виктор Ильич хорошо представлял по своей *Т.*: преобладали имена героев-интернационалистов революции: Володарского, Лейтейзена, Луначарского, опять же Троцкого, несомненно — Свердлова Якова Мовшезовича, Смидович... Не были забыты и псы революции из латышских стрелков — Кауль и Бундурис. Опять же особой чести были удостоены террористы-эсеры: Каракозов, Халтурин, Софья Перовская, Братья Жабровы и примкнувший к ним морально Бакунин.

Здесь тоже все понятно.

Сложнее дело с переименованиями эпохи царизма. Скорее всего, тогдашние городничии приводили вполне разумные, патриотически выверенные доводы, но все равно это была самородная глупость, которая, как известно, всегда махрово распускается при потрясениях и переустройствах общества.

Кстати (это уже не мысли Виктора Ильича, но мнение автора), знаете, почему не стоит волноваться и реагировать на вопли нынешних газетчиков и телевизионщиков по поводу снесения Мавзолея? — Каждый

из ныне властвующих мысленно представляет себя достойным бальзамирования. То есть не допустит. Всем хочется фараоном стать!

Виктор Ильич с трудом отвлекся от побочной линии размышления, выключил торшер и приказал себе спать. Хорошо выспаться, ибо с завтрашнего утра, после примирения с Леночкой, наконец-то взяться за серьезное дело. Хватит фантазий и бредней, *Отечеству надо служить*!

♦Наутро Виктор Ильич трогательно помирился с Леночкой, а после завтрака удалился в давешний кабинет. Для начала, закурив сигару, он попытался вспомнить: какое название должна носить его диссертация (или книга?), являющаяся официальным поводом пребывания во Франции и именно в замке Орсэ де Монтан? — Официальным и для советских властей, о чем следовало думать, имея ввиду раннее или позднее возвращение на родину, и для властей французских, а равно и для обитателей замка.

Он морщился, даже пробовал перебирать в ящиках рабочего стола какие-то записи, черновики... но так и не вспомнил. Видно тогда брякнул первое что в голову пришло. Виктор Ильич почувствовал некоторое раскаяние совести; как-никак он был человеком воспитанным и глубоко обязательным. И тут ему пришла в голову мысль — вопреки пословице догнать сразу трех зайцев: снять прегрешения совести, не дать пропасть втуне изысканиям и мыслям последних месяцев и, наконец, послужить своему отечеству. Последнее стало самодовлеющим и преобладающим в возникшем устремлении.

Дело в том, что последние годы его тихой и малозаметной жизни в *Т.*, наложившись на бурные странствия по европам и бермудам и на опыты и мысли замкового пребывания, привели Виктора Ильича к осознанию того факта, что Отечество находится близко-близко к пропасти, такой глубокой и мрачной, каковая еще ни разу в бурной 1000-летней истории страны ей не угрожала. А угрожала она уничтожением страны, физическим уничтожением большей части народа и дебилизацией оставшейся.— Той, которой милостливо позволят остаться на этом свете на положении рабов. Самое же страшное, что в стране царило благодушие, пятая колонна разрушителей лишнего не болтала, а заграница... заграница тихо потирала руки в сладострастном ожидании близкого дня «*X*». Виктор Ильич уже не сомневался, что этот день просчитан на суперкомпьютерах ЦРУ, которое, в свою очередь, подчиняется некой верховной тайной силе — воплощением на Земле Антихриста.

Надо сказать, возможно и отдаление Виктора Ильича от родины позволило ему яснее осознать и почувствовать нависшую над ней опас-

ность. Способствовал этому и открывшийся за рубежом доступ к литературе различных взглядов и воззрений политических. Понятно, что все основные советские газеты и журналы доставлялись в замок через парижские агентства, и радио советское Виктор Ильич слушал регулярно по утрам и на сон грядущий.

Итак, наш герой задумал ни много, ни мало, как написать капитальный труд (отбив потухшие лавры Зиновьева), в котором, во-первых, выполнить апологию Сталина, а во-вторых и главных — предупредить соотечественников о грядущей беде. Название книге он дал соответствующее: «*Под пятой Антихриста*».

♦Виктор Ильич впервые в жизни, жадно, словно готовясь к этому долгие годы и десятилетия, испытывая творческий подъем, отдался написанию шестисотстраничного труда. Он не заметил весну, из летних дней запомнилось только третье июня, когда весь замок неделю пировал, а боцман из имевшейся в замковом запасливом хозяйстве ракетницы расстрелял в темное летнее небо весь запас цветных боеприпасов. Всю эту неделю боцман пил день и ночь — последнее время суток по той причине, что давно уже прирученная им проказница Полина не прибегала затемно на часок-другой погреться в холостяцкой постельке, которую хозяин ее упорно именовал по-морскому койкой. На горничную он не обижался: она в паре с привезенной из Парижа вместе с родившей Леночкой патронажной медсестрой, при посильной помощи еще слабой патронессы обустраивали приход в этот, не лучший из миров, долгожданной дочери, имя которой было утверждено заранее: Катя-Катерина. Свершилось. Виктор Ильич и сам бы в другое время на месяц загулял, но сейчас — и то, чтобы роженицу не обижать, итак с молоком сложности — лишь на пару-тройку дней оторвался от рукописи: с момента первых предчувствий, еще не схваток, когда он с Фернаном отвез Леночку в лучшую парижскую клинику (соседним городам не доверил!), и до личного же привоза семьи в замок.

И снова изнурительный, но приносящий усталую радость труд. И последняя точка, поставленная аккурат во втором часу ночи 7 ноября 1984 года, прямо к празднику Октябрьской революции, была символичной.

В книге, в соответствии с приведенными выше размышлениями о сущности и движущей силы мирового процесса и активизации их в XX веке, Виктор Ильич за диалектическую основу единства и борьбы противоположностей избрал противостояние позитивной христианской идеи и разрушительной тенденции антихристианства. Христианская идея, отвле-

каясь от ее религиозной окраски, явилась квинтэссенцией всех гуманистических устремлений человека в его эволюции и была оформлена, явлена миру в виде Христовой проповеди и учения именно в тот исторический момент, когда человечество всем ходом своего взросления было уже подготовлено к разумному и целенаправленному выходу из постбиологической стадии своего существования и началу исполнения предназначения *homo sapiens*: рукотворному преобразованию биосферы в ноосферу; последняя, по высоко чтимому Виктором Ильичом Вернадскому, суть биосфера Земли, приспособленная разумом и трудом объединенного человечества для его проживания с наименьшим вредом как для себя, так и для сферы обитания, природы то есть.

Ключевым моментом формирования ноосферы, то есть сферы обитания человеческого разума, явился XX век; именно поэтому этот злосчастный век и явился ареной наиболее кровавых, жесточайших схваток христианской идеи и сил Антихриста.

Как и христианская идея, сатанизм — учение Антихриста — всегда сопутствовал человечеству. Это не чьи-то козни, вовсе нет, это изначально данное человеку диалектическое противостояние добру, морали, гуманизму; называйте как хотите, смысл любому мало-мальски развитому человеку понятен. В противоборстве этих сил и развивалось, эволюционировало человечество, род людской; по принципу: чья возьмет?

Поскольку в исторический период цивилизации, то есть где-то начиная со второго тысячелетия до н.э. и по наше текущее время, противоборство сил добра и зла проистекало под знаменами религиозных догматов (только к середине XIX века это перешло в «светскую» форму), то отсюда и устоявшееся терминология: Христос и Антихрист, христианская идея и сатанизм. Есть и другие эквивалентные наименования.

И противостояние шло вплоть до новейшего времени по религиозной, клерикальной линии, проще говоря — в форме борьбы церквей.

Само возникновение христианства, как все мы хорошо знаем, происходило в борьбе «на два фронта»: с одной стороны, Христа распинали ревнители патриархального иудаизма, точнее говоря, распинали солдаты Понтия Пилата, но по решению синедриона; с другой, его апостолов Петра и Павла точно также распинали язычники-римляне. Они же не одно столетие забавлялись травлей первохристиан в катакомбах, бросали на съедение львам в цирках и пр., что мы все помним по учебникам истории Древнего мира. Золотые пятые-шестые классы!

Однако прямолинейно отождествлять бородатых иудеев древней Палестины и воинственных язычников-римлян со слугами Антихриста не

следует. Это был период своего рода смены вех. Именно в первые века новой эры силы добра сделали качественный скачок, началась их экспансия на постантичный мир, поначалу в ареале колыбели цивилизации, в Средиземноморье. Шествие христианства не было триумфальным: был и Юлиан-отступник, были и вандалы. Но, тем не менее, этот период, охватывающий почти 1000-летие, следует понимать как торжество идеи добра; Антихрист был загнан в угол, в подвалы, в тайные логова, но — только загнан, не уничтожен, и готовил мощные ответные удары. Понятно, что они готовились и вскоре проявились именно в религиозной сфере.

Мощнейший удар был нанесен созданием мусульманской религии. Вообще говоря, некоторые историки, например Рид, автор многотомного исследования «Две тысячи лет Сиона», прямо утверждают, что ислам был создан, точнее инспирирован иудаизмом для отсечения распространения христианства на Восток. За это говорит и сам факт *хиджры* — возникновения мусульманства, что называется, в нужное время, в нужном месте, а также каноническое его содержание, включающее в себя основную канву Ветхого Завета, признание Иссы (Иисуса Христа) седьмым пророком; восьмым был Магомет.

Опять же глупостью было бы утверждать, что ислам — учение Антихриста. Это было бы слишком явно и демаскировало бы цели сил зла. Нет, по силу и духу ислам был создан как вариант христианства, быть может даже с более сильным звучанием основных заповедей морали добра, например, заповеди о нестяжательстве, но в этом и была гениальная задумка Антихриста: отныне две равнозначные по *moralité* мировые религии установили незримые религиозные границы со всеми вытекающими отсюда следствиями. То есть был реализован принцип сил зла: разделяй и властвуй!

А ведь еще чуть-чуть и христианство овладело бы всем тогдашнем знаемым миром, то есть Европой, что уже было де-факто, Азией и Африкой. Речь пойдет о несторианах. Вот о них наши школьные, да и вузовские учебники говорят глухо. И само несторианское движение различные научные школы понимают прямо противоположно (см., например, «В поисках вымышленного царства» Льва Гумилева), в основном, разделяя каноны христианской церкви: несторианство есть самая мощная в истории христианства, а потому и самая вредоносная ересь.

Виктор Ильич придерживался иного мнения, особенно учитывая, что в первое тысячелетие христианство выкристаллизовало столько различных ересей, что затруднительно понять: а что же мы оставили в качестве истинного учения Христа?

Другой же момент прямо подтверждал догадку Виктора Ильича: из Северной Африки, Центральной Азии, Китая, да что там говорить — из всего знаемого в Средневековье мира, который уже *был христианским* в форме несторианства, несториане были вытеснены именно исламом (только в Китае возобладало конфуцианство), причем для последователей Магомета несториане были самыми злейшими врагами. Итак, первая победа Антихриста: ислам стал религией противостояния христианству и не позволил ему стать всемирным учением.

Возвращаясь же к истории Руси, заметим, что и сам Чингисхан был под большим влиянием несториан. Так судьбе было угодно, что татаро-монголы дважды были близки к принятию христианства: первый раз в самой Монголии — от несториан, другой на Руси — от сарайских православных епископов. Но оба раза этому помешала активная экспансия ислама.

Второй удар был нанесен Лютеровой и Кальвиновой ересями, а также реформаторами из чешских земель (помните из школы: табориты, Ян Гус и Ян Жижка, сожжения на кострах и пр.?): от западного, католического христианства отошла вся северная и центральная Европа. Причем протестантство — это не просто раскол, как было у нас со старообрядцами, нет, это полное отпадение от христианства. Протестанты — это не церковь Христа, это скорее современная форма религиозных воззрений и учений ветхозаветных патриархов.

Третий удар — эпоха Просвещения и Французская революция 1789-го года — стали началом конца христианской идеи и торжеством Антихриста.

Дальнейший ход новейшей истории, в том числе истории в религиозном отображении, у всех в памяти хорошо закреплен; его Виктор Ильич в своей книге особо и не комментировал.

Таким образом, к началу достопамятного века двадцатого первозданная христианская идея, впрочем уже «вылезшая» из своей клерикальной оболочки, сохранилась, почитай, только в России, а в ареале католицизма — в Южной Америке и, отчасти, в Испании и Италии. Вся остальная Европа и Северная Америка, то есть зоны наивысшего развития цивилизации, независимо от того, апостольную ли посещают церковь или кирху, молельный дом баптистов, адвентистов, свидетелей Иеговы, была от истиного христианства бесконечно далеки. Они поклонялись уже Антихристу, а качествами их стали: стяжательство, корыстолюбие, собственничество, сугубый индивидуализм, аморализм.

Наступление этих сил было столь мощным, бесцеремонным, наглоторопливым, что не могло не вызвать протеста, объединить еще сохра-

нившиеся силы добра, увеличить число своих сторонников многажды, дать решительный бой Антихристу, почти уже овладевшему миром.

Идея протеста начала формироваться еще в середине века предшествующего. Переболев детскими болезнями анархизма, нигилизма, национализма и пр., эта идея подобрала себе оболочку коммунизма, социально ориентированного сообщества.

Понятно, что ни теоретические построения Маркса-Энгельса, ни поэтическое наследие Томаса Мора и Томмаззо Кампанеллы никакого отношения к христианской идеи не имеют. Более того, социализм-коммунизм в трактовке Маркса суть высшее развитие протестантской, то есть сионистской в основе своей идеи. Да и сами революции в европейских монархиях следует рассматривать как продолжение масонского разрушения национальных государств, начатого Французской революцией. А христианские лозунги *liberte, egalite, fraternite* были выбраны для привлечения масс — исполнителей революции. А вот лозунг интернационализма уже откровенно выдавал замыслы вершителей революций.

И вот цель достигнута: три кита Европы, три крупнейших монархии разрушены. Но опять (а это характерно для сил зла) поторопились — и были наказаны. Два крупнейших государства Европы, которые и предназначались для отработки интернациональной идеи нового, сатанинского мирового порядка, вырвались из-под контроля. Россия и Германия стали лидерами борьбы с сатанизмом, который в XX веке принял новую личину: спекулятивного финансового капитала, центр которого все увереннее и увереннее перемещался в Америку, Северную понятно...

Россия, как страна, сохранившая православную христианскую традицию (хотя церковь и была разрушена сатанистом Троцким с сотоварищи), склонялась к социализму христианскому. Германия же, с гегемонией протестантской Пруссии, со спецификой немецкого характера, в основе которой лежала жажда реванша за проигранную войну и историческая обида за столетия ущербной раздробленности страны, избрала национал-шовинистический социализм. Антихрист в лице Америки и англо-французской Антанты, почувствовав нешуточную опасность, спешно мобилизовался. Однако до начала 30-х годов он колебался в выборе тактики и стратегии, ставя то на одну страну, то на другую, сделав разменной монетой несчастных евреев Европы; это не удивительно, ибо главными функционерами международного финансового капитала были также евреи, но евреи-сионисты, которые для достижения своих далеко идущих целей полагают возможным пожертвовать соплеменниками. Тому масса примеров в Ветхом завете.

Однако события первой половины 30-х годов опять спутали карты мировой закулисы: во главе СССР-России твердо стал Сталин, а в Германии верховная власть перешла к Гитлеру. Оба государства стали тоталитарными для достижения своих целей, а поэтому опасными для «демократической» Европы и всего англо-саксонского торгово-финансового мира. И тогда, используя неуравновешенность и недальновидность Гитлера, мировая закулиса осуществила запасной, кровавый ход: столкнула лбами Германию и СССР, отправив тем самым заодно свою «разменную монету» в газовые камеры. Что не сделаешь ради исполнения глобализации сатанизма?

Этот запасной план потому и полагался запасным, что не давал 100 %-ую гарантию взаимного уничтожения обеих разновидностей социализма. Так и получилось. Имея гений Сталина, победил наиболее опасный для сатанистов христианский социализм СССР. И не только победил, но стал христианской Империей, подчинив своему влиянию половину зарубежной Европы, а со временем — почти всю Азию, бóльшую часть Африки, начал успешно теснить империю зла — США — в его исконных владениях: Куба, Чили, Никарагуа тому наглядный пример.

Умер Сталин; или «помогли» умереть, понимая, что еще десять лет его руководства страной и сатанизм на многие столетия снова будет загнан в подполье, упрятан в фекальные сточные канавы, где, кстати говоря, ему и самое место.

♦Понятно, что мировая закулиса и не пыталась сразу после ухода Сталина возобновить лобовую атаку на цитадель современной христианской идеи. Слишком мощное и величественное здание было построено сыном сапожника из городка Гори, уездного центра грузинской Карталинии, не меньшее по значимости, чем некогда сооруженное другим Сыном, сыном плотника из Галилеи.

В 60—70-ые годы по инерции еще шло укрепление этого здания; такой силы импульс получило государство в наследство от генералиссимуса. Именно в эти годы совершилось и символическое признание атеистическим советским государством христианской идеи: провозглашенный к действию Моральный кодекс едва ли не текстуально являл собою современное изложение заповедей Христа.

В мире установилось равенство сил, где СССР со своими союзниками воплощал христианскую идею, а Америка со своими сателлитами выступала под знаменем Антихриста. Очередная одежда этих сил — демократия и права человека, основная задача — тщательно спланированное

поэтапное уничтожение СССР и всего советского блока, а на развалинах христианского мира построить всемирный храм Сатаны-Антихриста. Заключал свой труд Виктор Ильич следующими провидческими словами.

«Мне очень жаль, что эту книгу не прочтут, по понятным причинам, те, кому она и предназначена: мои советские, особенно русские, славянские соотечественники. Очень сожалею, ибо при работе я постоянно видел перед собой своих друзей, знакомых, коллег по работе, всех случайно встреченных в жизни. Неясными обликами, но понимаемыми умом и душой, вставали перед моим мысленным взором лица ленинградских и харьковских металлистов, московских и новосибирских ученых, курских и алтайских хлеборобов, людей в военной форме, несущих свой ратный труд в ракетных шахтах Сибири, на погранзаставах Амура и Памира, в танковых армиях ГСВГ, находящихся на боевом дежурстве в летающих стратегических бомбардировщиках, в подводных атомных ракетоносцах, залегших на полукилометровой глубине в Атлантике, Тихом и Индийском океанах. Для них я думал и писал. И есть опасения, что попадет моя книга в их руки, когда уже будет поздно...*

Но, тем не менее, многие в СССР ее и прочтут: по долгу и указанию служебных обязанностей. Не просто прочтут, но — изучат и даже составят краткие аналитические записки, которые представят тем, кому читать некогда: высшим правителям страны, судьбодержцам. Тем более, что немало страниц в книге именно о них, уверенно ведущих страну в пропасть, забывших сталинские заветы. Именно о таких провидчески и с горечью говорил Иосиф Виссарионович известные свои слова о проходящей эпохе титанов и наступлении времени пигмеев и ничтожеств...

Извлекут ли они что из книги? — Вряд ли, но, опасаясь хотя бы за свое теплое место и пожизненное счастье власти, дадут указания исполнителям, чтобы были побдительнее..., укажут на возможное направление удара. Хотя и исполнители в своем большинстве уже охвачены сетями пятой колонны, созданной днями, годами, трудами, миллиардами долларов, наконец, Збигнева Бжезинского и К°. Все напрасно, просмотрели, не успел Иосиф Виссарионович провести большую послевоенную чистку кадров, да и мозгов заодно!

Книга будет доступна читателям Запада, но разве там читают? — Так называемые «народные массы» выше комиксов восприни-

* Группа советских войск в Германии.

мать не способны. Да, честно говоря, зачем это западному читателю? Он глубоко аполитичен, а власть Сатаны ограничила его кругозор самим собой, а кумиром сделала эквивалент наживы: доллар, франк, марку, крону, фунт стерлингов... такие книги на Западе читают, опять-таки по долгу службы, либо профессора, либо аналитики спецслужб и правительственных органов. Они и прочтут. Профессора отложат необходимое им для научной эрудиции в загашники памяти, а аналитики с удовлетворением отметят, что их планы логичны и выверены, идут по графику и расписанию мероприятий. Тому свидетельство книги Зиновьева, Климова, а теперь и нового, ранее им не известного автора: русского диссидента последней волны, живущего во Франции... а может и в Португалии.

Давая название книге «Под пятой Антихриста», я как-то вовсе выпустил из внимания хорошо известное в мировой литературе, схожее по семантике название романа «Железная пята». Несколько неловко получилось, но писательский настрой уже не позволил переименования. Пусть так и останется, а суровый критик себе потешится, упрекнув в литобезьянничестве...

Эта самая пята, неважно, железная или золотая, может и урановая, в последние десятилетие мчащегося к своему концу века поднялась над миром... в который уже раз за историю человечества? Уже мало что удерживает от падения этой пяты на мир, людей, планету. Из реальных сил противодействия только СССР не дает пока ей опуститься, ибо Китай еще слаб, затаился по-азиатски, как тигр, медленно копит силы для броска. Но когда он их накопит? «Исламская же дуга» еще разобщена, не выдвинула единого фанатичного лидера-пророка. Но, увы, гитлеровское определение СССР, как «колосса на глиняных ногах», в корне неверное в 41-м году, сейчас прямо относится к СССР, хотя народу последнего это и в голову не приходит, а на Западе — это табу умолчания: дабы не сглазить и не насторожить противника.

«Как? — спросите вы, уважаемый читатель не из числа цэрэушников, госдеповцев и пр. заинтересованной публики,— да у СССР сейчас стальные, титановые ноги: индустрия и военная мощь сверхдержавы, полмира кормится из его рук, а вы о глиняных ногах?» Нет, уважаемые и непрозорливые, не те ноги вы имеете в виду. Ноги могут быть и титановые, облицованные сверхтвердым металлическим ураном, но ноги тогда тверды и поступь уверенна и мощна, пока ими управляют вовсе и не железные мышцы и сухожилия, а если

их поразила тайная и страшная болезнь, то титаново-урановая облицовка становится бесполезней той же глины. Вот и нас настигла эта болезнь в самом расцвете величественного, могучего живого организма. Она еще сокрыта, это страшная, смертельная болезнь, но симптомы-то уже налицо. Будьте бдительны, хотя это уже не поможет».

Виктор Ильич поставил характерную дату: 7 ноября 1984 г. Не раздумывая долго и особенно, он на титуле поставил полюбившуюся ему фамилию; имя-отчество взял у классика марксизма, но, учитывая, что книга будет публиковаться на Западе, подписался «по-западному»: *Владимир И. Устюжнин «Под пятой Антихриста».*

Глава пятая

Родина моя
Скорбна и нема...
Родина моя,
Ты сошла с ума.
Родина моя —
Нищая сума,
Родина моя,
Ты сошла с ума

Игорь Тальков

♦Поставив последнюю точку во втором часу ночи 7 ноября, Виктор Ильич расслабился телом, допил стакан остывшего чая, в котором уже плавали блестки размахренного лимона, добродушно усмехнулся: « В лучших традициях стахановцев! Аккурат к Празднику!» — И пошел спать к истомившейся Леночке. После родов она удивительно расцвела и стала властно-требовательна к супругу в части исполнения его обязанностей. Порой Виктор Ильич, сам нешуточный любитель этого веселого дела, даже слегка пугался. Он вошел в отсек супружеских покоев. Личной своей спальни он уже не имел; она была переделана под детскую, то есть разделена портьерами на три комнатки: побольше — игровая, поменьше — спаленка Катрин, как ее все звали в замке на французский манер, и закуток для Наташи — няни, выписанной из Парижа по рекомендации горничной Полины, которой она даже приходилась какой-то очень отдаленной родственницей, понятно, тоже из русской семьи с

французским гражданством с 18-го года.

Тридцатидвухлетняя Наташа, имевшая филологическое образование и там же в Сорбонне дополнительно прослушавшая годичные курсы по истории и биологии, а в юные годы — лучшая выпускница престижной столичной музыкальной школы,— только потому дала себя уговорить приехать в замковую глушь, что пережила семейную драму за год до этих событий — рассталась со своим мужем-французом, который считал, что им еще рано заводить детей, а потом и вовсе попался на финансовом жульничестве и, спасаясь от суда и тюрьмы, сбежал не то в Марокко, а может и в Австралию. Решающим доводом стало то, что хозяева в замке — настоящие русские, а не их потомки, а младшая подруга-родственница Полина расписала все прелести здешней жизни: «Отдохнешь душой, здоровье наберешься — никуда *твой* Париж не денется!» И еще один довод, склонивший Натали переменить обстановку: тема ее диссертации (она работала последние пять лет в Гуманитарном детском центре ЮНИСЕФ, а до этого в сиротском приюте в парижском пригороде — это что-то вроде наших «домов малютки», куда несовершеннолетние мамаши сбывают свое нежданное потомство...) была связана с методологией и практикой комплексного воспитания детей младших возрастов, начиная с младенчества, в иноязычной среде обитания.

Последнее импонировало и Виктору Ильичу с Леночкой, поэтому предполагалось, что мадмуазель Натали «доведет» Катю до возраста школьницы, дав ей начатки языковых, музыкальных и пр. знаний плюс общее развитие, этикет, манеры. Главное — к пяти годам Катя должна знать русский как родной, а французский — не хуже родного, но все же как иностранный.

Учитывая высокий статус воспитательницы, которую ни у кого в замке язык не поворачивался называть нянькой, до исполнения года девочке ей устроили комнату в бывшей спальне Виктора Ильича (правда и обставив ее очень мило), а к этому времени оборудуют отдельную комнату, даже с маленькой прихожей и санузлом, перекроив угловые комнаты, где помещалась Полина и находились второстепенные служебные помещения.

♦Несмотря на поздний ночной час, Виктор Ильич все же заглянул в детскую, в свете ночника ласково поглядел на довольное спящее личико пятимесячной дочурки, а уловив боковым зрением чуть заметное движение портьеры, успокаивающее повел рукой, чтобы Наташа не беспокоилась. Леночка встретила его сонная, теплая, но с определенным желанием. Неоднократным. «Господи!» — взалкал Виктор Ильич в начале тре-

тьего часа ночи, наконец-то уложив голову на подушку (Леночке захотелось есть, а заодно малышку посмотреть, и она, набросив пеньюар, шаловливо побежала в прихожую спальни, где располагался холодильник на случай, если «мсье Виктóр захочет ночью покушать»),— надо заводить второго ребенка, а то в какую-то машину превращаешься...» Это были его последние мысли: сон напал и мгновенно сцапал утомленно уже и телом Виктора Ильича.

Дня праздничного ради он проснулся поздно, но, как и собирался, до половины десятого. Проснувшись, он не выдал это ни единым движением, затем опасливо чуть-чуть приоткрыл, скосив в сторону, правый глаз. Леночки рядом не было, поэтому он бодро вскочил, размял руки-ноги несколькими физкультурными па, оделся по-праздничному и, насвистывая «Наш паровоз вперед летит», спустился на первый этаж, где одиноко стоящий у входа в холл управляющий, тоже во фраке, церемонно поздравил принципала с 67-ой годовщиной «ля революсьон гран де ля Руссиа». Он же напомнил давешние распоряжение самого Виктора Ильича: сегодня завтрак совместить с обедом и подать его к полудню.

Виктор Ильич поблагодарил за поздравление, выразившись в том смысле, что и ваша, и наша «революсьон» были очень даже великими, повлиявшими кардинально на судьбы всего мира... Клод Суассон наклонил в знак почтения и согласия голову.

— А где же весь народ? — поинтересовался с некоторым недоумением Виктор Ильич.

— А кто где. Дамы, кроме мадмуазель Натали, на кухне, советы Аннете дают.

Натали с ребенком занимается. Мсье Боцман, Анри и Фернан в гараже, профилактику делают машине мсье Макдейла. Вы ведь распорядились днями готовить ее к вашей поездке в Париж?

Делая последнее сообщение, Клод Суассон заметно улыбнулся. Но Виктору Ильичу и без того было понятно, в чем состоит профилактика автомобиля, которому никакая починка в ближайшие десять лет не угрожает.

Виктор Ильич расчувствовался таким вниманием простого французского народа к советскому празднику и прошествовал в малую диванную, где, закурив «большую корону», со вниманием выслушал по московскому радио полную трансляцию парада на Красной площади, после чего поспешил к обеду, где уже все, в соответствии с демократическим реноме праздника, дружно восседали за столом.

♦Следующий день, следуя советскому календарю, Виктор Ильич

также объявил по замку выходным. Сам же весь день гулял по окрестностям, заново их узнавая после полугодового заточения. Посетил деревню, нанес слабоалкогольный визит мэру Орсевиля мсье Дюкло, около церкви встретил и перекинулся парой слов с кюре Антуаном, дружески приветствовал Марселя Пондиака — главу местной полицейской власти.

Несмотря на столь общительный характер прогулки, Виктор Ильич продумывал детали, связанные с изданием книги. К вечеру все встало на свои места. Пора приступать к действиям.

После ужина он ушел в кабинет, хотя Леночка строила глазки и уговаривала его отдохнуть, то есть лечь спать пораньше. В кабинете он выволок из стола самый нижний ящик, в который никогда не заглядывал и куда с самого устройства на жительство в замке сбросил все завалящие бумаги от предшествующей жизни в Париже и путешествий. Искал он, вывалив содержание ящика на стол, что-либо содержащее о случайном парижском знакомце (в каком-то дорогом кабаке — «Максиме» или «Корнилове» — прицепился во время загула Виктора Ильича, колобродили вместе большой и разномастной компанией, наутро опохмелялись...), о котором помнил только, что зовут его Серегой, папаша — эмигрант «второй волны», послевоенной, а сам он то ли работает, то ли подрабатывает в очень солидной газете, чуть ли не в «Фигаро», в литературном отделе опекает советских диссидентов.

Виктор Ильич неспеша перебирал разноцветные визитные карточки, преимущественно в розовых, фиолетовых, желтых винных разводах. Порой он усмехался, задержав в руке очередной клочок лощеной бумаги; нахлынули воспоминания веселого периода его парижской фиесты. Наконец, на абсолютно измятой, извалянной чуть ли не в г..., надорванной визитке он нашел требуемое: «Серж Ф. Развин. Журналист. Телестудия «Антенн-2». Значились служебный и домашний телефоны.

Особо не размышляя, он пересел к столику с телефоном, набрал домашний номер. К его удивлению, хотя время для Сержа Ф. Развина было еще детское — всего-то без четверти полуночь, трубку взял именно Серж Ф. Развин (во время разговора до Виктора Ильича доносился капризный, требовательный женский голос, требующий «противного мальчишку»; Виктор Ильич помимо воли вспомнил Леночку...); самое интересное, что он тотчас узнал звонившего:

— Витюха! Ты, дьявол, куда пропал? Мы с ребятами уже решили, что головой прихворнул и в фатерлянд вернулся! Ты где сейчас пребы... А знаешь что? — Давай через пару часиков в ателье Дормезé, по-

мнишь — рыжий такой, всклоченный, у него сегодня вечеринка прощальная, в Индию на годик-другой на этюды отбывает...

— Нет, нет, Серж. Я довольно-таки далеко от Парижа. Но увидеться можем завтра.

К тому же у меня к тебе дело есть достаточно серьезное.

— Да? А во сколько ты прибудешь?

— Часа два пополудни, скорее всего. Куда тебе позвонить на месте?

— Так... в два часа я буду.... Звони на телевидение, запиши номер... Кстати, чтобы я сообразился, можешь сказать: в чем дело-то состоит?

— Дело простое: рукопись толстую на русском языке напечатать на машинке или на чем сейчас там печатают? Далее, все это перевести на французский и английский, причем перевести хорошо, литературно и квалифицированно, а затем издать книгу на этих трех языках в солидном издательстве и найти солидные агентства по распространению в Европе, Америке, Японии и.... Еще там в мире где читают? Сложность — все это сделать как можно скорее.

— Понятно. Все это решимо. Расходы какие?

— Козыряй! Все дело в скорости. Как потопаешь, так и полопаешь.

— О'кэй! Значит завтра в два жду звонка. Шалом!

Виктор Ильич положил трубку и, посуровев, направился в сторону спальни.

Мелькнула мысль: не пойти ли к боцману и не напиться с ним? Однако заманчивую мысль оставил: во-первых, завтра с утра ехать, а во-вторых, хорош он будет, если парочку, да еще в самый интересный момент, вспугнет.

И Виктор Ильич обреченно направился в спальню, сожалея, что он не военный, не может в любой момент сказать: «Я на маневры (или в штаб). К утру не ждите».

Уже подходя к алькову и снимая халат, он с ужасом вспомнил: ведь на несколько дней из замка уезжает, значит Леночка будет брать форс-реванш...

♦Однако опасения его не оправдались. Леночка не спала, включив настенное бра, читала свежий номер «Юности», которую, наряду с другими советскими «толстыми» журналами и газетами, в замок доставляли через парижское агентство.

— Ты почему не спишь?

— Тебя жду.

— Гм-м. Завтра мне пораньше встать надо... выспаться хотел.

— Ну и ложись.

Леночка аккуратно заложила журнал полосой бумаги, потянулась к выключателю.

Она обняла супруга мягкими и теплыми руками, нежно прижалась, шепнула: «Не утомляйся, спи. Тебе ведь долгий путь... дела». Виктор Ильич почувствовал легкую обиду. Леночка на ласки отвечала, но сдержано: не со зла, конечно, не от обиды, а от женской заботы и жалости: муж в неведомую даль уезжает, в чужие места, надолго...

Ночью Виктору Ильичу приснилось не по времени года, что протекает крыша и к нему на лежанку — раскинутую на полати русской печи старую овчинную шубу — редкими струйками капает вода. Какая же холодная в душном тепле протопленной на ночь печи?.. Уклоняясь от холодных струек, Виктор Ильич задвигал головой и проснулся. В ночной тишине тихо всхлипывала Леночка, прижавшись щека-к-щеке Виктора Ильича.

Проснулся Виктор Ильич около семи, осторожно, не будя крепко заснувшую под утро Леночку, встал с постели, оделся, после чего прошел в рабочую комнату библиотеки, где недавно по его просьбе установили небольшой ксерокс, на котором он и доснял последние, (вчера не успел) страницы книги. (Копии с рукописи он снимал в процессе написания самолично, как и писал собственно труд, даже намеками не посвящал никого, включая Леночку, в цель и содержание своего полугодового труда). Уже в кабинете оригинал рукописи уложил в сейф, туда же положил один из двух экземпляров копии, вторую же копию упаковал в закрытую пластиковую папку, которую положил в дорожный портфель из крокодиловой кожи; пожив в загранице, он стал хорошо разбираться, что есть и не есть комильфо: солидный человек не возьмет в руки столь популярный в СССР «дипломат». Писал Виктор Ильич уже давно двухсотдолларовым «паркером», только вот свои «командирские» не пожелал поменять на швейцарские ручной сборки.

В портфель же положил вынутые из сейфа несколько обандероленных пачек долларов и франков. Взятую оттуда же чековую книжку положил во внутренний карман пиджака, где уже лежали личные документы.

За эстренно-ранним завтраком сидели почти без разговоров. Леночка была напудрена, управляющий почтительно осведомлялся о времени возвращения патрона, а Полина и Наташа, на четверть часа отлучавшаяся от забот о младенце, многозначительно обменивались краткими взглядами.

Виктор Ильич допил кофе (с отвращением, ибо про чай в утренней спешке забыли), отложил салфетку и встал. Завтрак закончился. Виктор Ильич попрощался с домочадцами, пожал руку Клоду Суассону, вверяя

ему на срок убытия сложное замковое хозяйство, попросив не провожать, церемонно приложился к ручке мадмуазель Натали, подмигнул зардевшейся непонятно от чего Полине, полуобняв Леночку, прошел с ней через проход в парадный зал, довел до середины «коврового прохода», троекратно чмокнулся с ней («Береги себя и дочь!») и, свернув влево, вышел из замка через боковой вход, куда Фернан уже подал чудо-машину Аседона. Тут же стояли боцман и Анри. Боцман ехал с хозяином в качестве телохранителя и для компании, потому был бледен от трезвости, одет по-цивильному, левую руку с надетым загодя кастетом держал неотъемно в кармане пиджака.

Виктор Ильич скомандовал и уселся в пассажирский кубрик машины, боцман подсел к Фернану, последний дал газ, прощально просигналил, громоздкая машина легко стронулась и побежала по внутренней дороге, огибая угол замка, а затем на скорости миновала парадные ворота и помчалась в сторону Тура и Орлеана.

♦Время в пути Виктор Ильич даром не тратил. Выдвинув встроенный столик, он положил на него блокнот, ручку; подумав, открыл бар (злорадно ухмыльнулся, вспомнив трезвого боцмана, что мается на переднем сидении, сжимая в кармане опереточный свой кастет), заварил кофейку, налил рюмочку «кюрасао», а из холодильника достал тарелку с горкой бутербродов с любимой бужениной и твердым овернским сыром с тмином (вот спасибо Аннете!). Только после этого основательно уселся на креслице перед столиком и занялся необходимыми расчетами тиража, определением круга обязательной рассылки, заодно и наверстал упущенное дома из виду: стиль оформления книги, ее формат, тип переплета. Последние, будучи страстным библиофилом, он продумывал любовно и тщательно, сопровождая размышлениями аккуратно выполняемыми эскизами оформления и оригинал-макета.

На листе поместительного блокнота вырисовывался изящный томик, пузатенький, в 600—700 страниц на тонкой, прочной веленевой бумаге*. Формат — слегка удлиненный по высоте, навроде того, как издают книги поэзии; когда, конечно, со вкусом издают. Шрифт для всех трех языков издания Виктор Ильич выбрал один, свой любимый «елизаветинский», размером не мелкий, но и не для слабограмотных и плохо ви-

* Бумага для «улучшенных», как скромно это называли в советское время, изданий; изготавливается не непосредственно из целлюлозы, а из переработанных отходов или вторсырья хлопчатобумажной ткани; с годами синеватый оттенок такой бумаги переходит в аристократический цвет «слоновой кости».

дящих: читать-то будут, в основном, военнизированные по службе люди с натренированным зрением и профессора в очках. На них он и ориентировался, заботился, стало быть, о будущих своих адептах, критиках и ненавистниках. Словом, возлюби ближнего, подставь щеку правую... тьфу-тьфу, расшалился наш сочинитель. Виктор Ильич душевно рассмеялся (боцман в переднем отсеке сверхчувствительно уловил этот смешок, насторожился и переодел кастет с левой руки на правую. Фернан, только что выпытывавший у соседа в игривом тоне о темпераменте мадмуазель Полины, по понятному стечению обстоятельств решил, что боцман обиделся и по его адресу играется костоломной машинкой, инстинктивно отпрянул влево, потянув за собой штурвал корабля, отчего машина заметно рыскнула к осевой линии шоссе...) и тут же матюкнулся от резкого виража машины. Забытая рюмка с ликером угрожающе дернулась. Виктор Ильич тотчас вспомнил что проголодался и приступил к скорому второму завтраку.

Запив ликер кофеем, Виктор Ильич закурил «малую корону», откинулся на спинку кресла, обдумывая последние штрихи к эскизу оформления книги. Переплет, конечно, под кожу; современные западные полиграфические материалы позволяют получать высокую степень похожести. Он несколько задумался над цветом обложки и шрифтом названия... а, может иллюстрацию поместить? А потом, ведь на Западе принято на тыльной стороне книги помещать на обложке фото автора и краткую его биографию? Здесь Виктор Ильич задумался уже крепко.

Цвет обложки он, несколько стыдясь претенциозности, выбрал черный - истинно черный, как тропическая ночь, безо всяких сумеречных и рассветных оттенков. Решил обойтись без картинки, а шрифт, опять же тщательно подумав, выбрал готическим (в русском варианте — «под готический»). При этом он имел в виду не столько Третий рейх с его особой привязанностью к этому написанию букв, но более ведущие американские газеты типа «Нью-Йорк геральд трибюн», в которой название издания также традиционно печатается в готике. Умный поймет, а глупый эту книгу и в руки не возьмет.

Но как быть с фото автора и биографией? Ничего не поделаешь, фотографию придется опустить; это и читателю будет понятно — почему. Однако биографическую справку оставил и тут же сочинил.

«Автор этой книги, Владимир Ильич Устюжнин, родился, жил и сейчас живет в великой стране, давшей миру князя Святослава и Иосифа Сталина, Петра Великого и Ульянова-Ленина, Ломоносова и Менделеева, Пушкина и Чайковского. Эта страна дала миру не

только великих людей, но и немеркнущие нематериальные ценности, обязанные духу православия, истинного христианства, единственно и сохранившемуся в неклирикальной, духовной первооснове жизни и мироощущения русского народа.

Антихрист к настоящему времени овладел почти всем миром, осталась одна Россия-СССР, последний оплот идеи добра и человечности, но сейчас Сатана готовится нанести по нашей стране удар: не прямой, ядерный, например, но вероломный и изощренный. Все для этого уже готово: пятая колона вскормлена, от колыбели купленный лидер-предатель, пока еще тщательно маскирующийся, намечен, рабочий класс избалован и к водке приучен, интеллигенция размыта, деклассирована, заражена либерализмом, и каждый из 300 миллионов жителей страны уже инфицирован вирусом себялюбия, потребительства, индивидуализма.

Публикуя настоящую книгу-предостережение, автор, в отличие от диссидентов-дурдомщиков, не порочит свою страну, но восхищается ей и предостерегает. Высшая его мечта: спасение России-СССР».

Получилось длинновато, надзидательно, но — правильно.

♦Судя по времени (окна машины Виктор Ильич, дабы не отвлекаться, зашторил еще при выезде из Орсэ де Монтан), они приближались к Парижу. Виктор Ильич перерисовал, уже на форматных листах, эскиз оформления, переписал начисто текст на последнюю страницу обложки, примечания для редакторов и все это уложил в папку с рукописью. Отдернул штору; за окошком виднелись уже знакомые ему пригородные парижские пейзажи, а часы показывали половину второго. Виктор Ильич поднял трубку радиотелефона, набрал номер Сержа:

— *Hallo, Serge Radzvin et*... Тьфу, это ты, Виктóр? Ты уже в Париже? Так, так, давай заруливай в начало бульвара Османа, там по правой стороне есть парковка, а прямо за ней ресторанчик. Я тут совсем рядом, поэтому буду у входа ждать. Рожу мою, надеюсь, помнишь? К тому же я сегодня по повиду «сибирской погоды», как-никак +2 °С, буду в коричневом пальто с меховым воротником... Что? Как ресторан называется?— А никак не называется, просто на вывеске значится «*Restaurant*». А называется так скромно потому, что именно это заведение впервые в Париже, а значит и в мире, так поименовалось. Ха-ха! А ты — забегаловка... Жду.

Виктор Ильич нажал кнопку переговорного устройства:

— Фернан? В самое начало бульвара Осман. Прикинь, через сколько будем?

— Через четверть часа, мсье Викто́р.

— Ну вот и остановишься, там есть парковка у ресторанчика...

— Знаю, знаю, мсье. Кто же в Париже «*Restaurant*» не знает! Место известное, хотя и тихое. И публика там тихая и солидная бывает.

— Это откуда такие познания?

— Мистера Макдейла не раз туда привозил. А что шофер делает, пока хозяин обедает? — Ясно что, с другими шоферами про своих языки точат.

— Понятно. Отбой связи.

♦Фернан резко и нахально завернул с улочки, название которой Виктор Ильич не успел прочитать, еще пару раз повернул налево-направо и остановил машину, ловко встроившись между двумя автомобилями солидных марок. Почти тотчас дверь в пассажирский отсек рванули снаружи, а голос боцмана пригласил на выход.

Не успел еще Виктор Ильич найти глазами вывеску диковинного ресторана, как его окрикнули:

— Викто́р! Рули сюда.

Действительно, Серж был одет в светлокоричневом пальто с ондатровым воротником, но без шапки, как то принято в парижах. Впрочем, и сам Виктор Ильич давно уже не имел шапки ввиду ее полной ненужности. Дружески полуобнявшись, они проследовали через невысокую дверь в ресторан, оказавшийся небольшим, полуподвальным, солидно обставленным *a la Napoléon II*. Гарсоны также были обмундированны соответственно: белые рубахи, черные брюки, подпоясанные фартуками. Это нравилось постоянным посетителям, явно не нуворишам и вертопахам...

Еще через десяток минут, усевшись за заказанный по телефону Сержем столик, они чокались за встречу экспортной «посольской»; гарсон спешно готовил тут же, подкатив раздаточный столик, бутерброды с черной икрой и бужениной, не забывая наливать друзьям по второй-третьей.

♦После кратких воспоминаний о днях былых веселий Виктор Ильич — под раковый суп — перешел к делу. Серж изобразил внимание. Виктор Ильич представил задачу таким образом, как будто его старший по возрасту знакомый по советской жизни, из Москвы, до не-

давнешнего времени занимавший ответственный пост в одном из ведомств по линии культуры и образования, вышел на пенсию. От скуки пенсионной обеспеченной жизни потянуло его в писательство, да еще по линии обличения. Расписался аж на толстенный том. Понятно, что о издании в СССР и речи идти не может.

Вышел он на него, Виктора Ильича, узнав, что тот во Франции обитает, под видом написания архивной диссертации проматывает наследство канадского дядюшки, чтобы на родину деньги не везти — все равно отберут. В то же время и оригинал этот министерский очень хочет оставить след в истории, издав, пусть под псевдонимом, книгу, в которой обобщил свои богатые жизненные наблюдения.

Он же, будучи чиновником, связанным с заграницей, поэтому хорошо знающий порядки в финансовой жизни Запада, предложил ему, Виктору Ильичу, взаимовыгодную сделку, а именно: по буржуйским законам все большое наследство Виктору Ильичу пропить-прое...ть не дадут, ведь уже с миллиона долларов налог на наследство превышает половину этой суммы, а чем больше наследство, тем больше — и в геометрической прогрессии — налог. Однако есть выход: на какую-то часть, например, на 50 % наследной суммы, основать культурно-благотворительный фонд с подставленным председателем и правлением (за умеренную плату эти подписи купить, что два пальца обос...ть!), с которого налог не берется. Итак, дабы деньги все равно задаром не ушли на развитие благосостояния глубоко чуждой ему Канады, пусть он сделает доброе дело для соотечественника: издаст на дармовые деньги липового фонда его книгу на трех языках. За что благодарный соотечественник окажет ему встречную услугу, которую в СССР не купишь ни за какие деньги: после возвращения на родину и защиты диссертации, он-де, пользуясь своими еще крепкими связями с Минкультом, поможет Виктору Ильичу перебраться из провинции в столицу и устроиться на приличную должность в одном из ведомственных НИИ по части руководства и организации архивного дела.

Вот Виктор Ильич пораскинул мозгами, проконсультировался со сведущими людьми и принял правоту доводов своего соотечественника. То есть башли он обеспечивает, но в делах зарубежного книгоиздательства он полный профан и хочет, чтобы Серж его просветил на этот счет.

— Вот тоже задача? Если бабки есть, то в два счета все решается. Значит так, дуй прямо в издательство ИМКА-пресс, там Борик Ахиезер ведет отдел по советским диссидентам, а можно и в Лондон прокатиться, там Женя Жиглевич их же публикует в «*Overseas Publications Interchange Ltd*». Хочешь, сейчас отсюда и позвоним?

— Нет, нет, не подойдет... диссиденты тут ни при чем.

— А о чем же этот чудак министерский твой пишет? О подвигах Стаханова с Машей Виноградовой, об энтузиазме ленинских субботников, о партии, наконец, рулевом и кормчем? Ха-ха, ты, брат, все смешишь меня. Вот это будет номер: под псевдонимом бывший советский чиновник издает за рубежом толстенную книгу, прославляющую коммунизм и советскую власть, ха-ха-ха!

Серж после третьей стопки слегка захмелел, видать, на вчерашние дрожжи.

— Нет, Серж, издательство нужно солидное, не местечко́вое, то бишь диссидентское, что-то навроде «Галлимарда». А о чем книга — лучше тебе, Серж, об этом не знать. Спокойнее спать будешь. А поскольку шумиха вокруг издания поднимется заметная, а ты, естественно, догадаешься о связи ее с нашим сегодняшним разговором, то тебе, дорогой мой Серж, для личного же спокойствия лучше всего сегодняшний разговор и вовсе забыть.

— Так... так зачем же ты меня в эту историю, мать твою, втянул?

— Не втянул, а прошу квалифицированного совета: как издать в быстрый срок в солидном издательстве книгу, причем все концы, в том числе и мои должны быть начисто обрублены. Больше мне обратиться не к кому, а ты, помнится, в прошлый раз разболтался, что приходилось устраивать подобные дела: фальшивые там всякие мемуары-доносы и пр.

Кстати, само собой понятно, что услуги твои, а более молчание, будут оплачены по высшему разряду. Понимая, что Серж — человек дела, но не слова, Виктор Ильич поднял с пола и положил на колени свой крокодиловый портфель, расстегнул его, вынул пакет в газетной бумаге, приготовленный еще в машине, и положил перед собеседником. Тот молча оценил его объем, огляделся, убедился, что никто на них в пустом в этот час заведении не смотрит, ...и пакет, как у фокусника, исчез.

— Хватит?

— Сколько здесь?

— Десять тысяч франков. Достаточно?

— Вполне.

— Тогда давай еще по рюмке, бифштекс здесь замечательный, а под кофе ты мне все растолкуешь.

— Слушаюсь, мсье ВРИО Ротшильда! Твое здоровье!

♦По всему было видно и ясно, что стреляный парижский воробей Серж Развин ни на единое слово не поверил канадскому наследнику, но 10000 франков тем более гарантировали неразглашение о столь щекотли-

вом деле. Было по выражению плутоватого лица его понятно, что Серж завтра же забудет о разговоре своей безопасности ради, а технология решения такого рода задач ему была хорошо знакома. Заодно с конкретными именами и адресами Серж преподал клиенту несколько уроков конспирологии, необходимой в таком предприятии для успеха и сокрытости концов дела. Лишних вопросов, отрезанных переводом дружеской беседы в рамках сделки, он более не задавал.

Завершив обед, закурив сигары Виктора Ильича, они, оба довольные, вышли, одевшись, из гостеприимного заведения. Серж продолжить общение не предлагал, но «если на пару-тройку дней здесь за делами задержишься в Париже, захочешь размяться — звони ближе к вечеру: покутим в стиле а ля рус!»

Прощаясь, он прищуренно окинул взглядом диковинную машину Виктора Ильича:

— Однако же хороша у тебя тачка? Такой модели и не знаю?

— «Ройс» заказной. Для куражу взял на подержание у одного проигравшегося в Ницце русского американца; тот сам пока в Штаты уехал за дивидендами. Отыграться хочет.

— Да, да, но ты лучше отошли ее домой, а закончишь здесь дела — вызови. А в Париже такси изобилие, третье поколение первой эмиграции шоферит...

— Ты думаешь?

— Зачем же светиться?

Они распрощались, Серж буквально в три-четыре шага словно растворился в зимнем парижском воздухе, а Виктор Ильич, обдумывая на ходу, потому медленно подошел к своему броневику, около которого задумчиво стояли боцман с Фернаном, диковато озираясь (это боцман) после тихой и размеренной жизни среди спокойных пейзажей замка Орсэ де Монтан.

— Фернан, ты сейчас поезжай домой, а через пару дней я позвоню и скажу куда подъехать за нами, а мы с боцманом здесь остановимся где-нибудь и такси обойдемся. А то еще украдут такую диковинную машину!

Фернан, вспомнив детективную историю с пишущей машинкой, сделал серьезное лицо, вынес из пассажирского отсека саквояж с предметами Виктора Ильича, заботливо уложенными Леночкой, отдал по-военному честь патрону, пожал руку боцману, сел в авто, тихо отсалютовал гудком и выехал с бульварной улочки. Наши герои остались без колес, осиротевшие... Впрочем, уже через пару минут они остановили проезжав-

шее мимо с зеленой лампочкой такси, Виктор Ильич назвал любезно сообщенный Сержем адрес аристократического и тихого пансиона (в гостиницах он не рекомендовал останавливаться), и они поехали на другой конец Парижа.

♦К вечеру второго парижского дня все было сделано через посредническое агентство, работавшее «на доверии». Как с ними общаться — подробно рассказал Серж. Виктор Ильич даже не выходил из уютного пансиона, общаясь с агентством (вымышленное имя и пр.) по радиотелефону, который он купил в первый парижский день опять же по совету Сержа и зарегистрировал также на вымышленное имя; набор документов, полученный от Аседона, пригодился.

Передачу рукописи и обмен договорами производился через посыльного агентства, с которым на нейтральной территории встречался боцман в огромных черных очках, в широкополой, залихватски загнутой полями шляпе (он матерился, одевая «эту херовину»), к тому же изображавший глухонемого.

В пансионе, имевшем отдельные входы со двора в каждый апартамент (Виктор Ильич занял о трех комнатах), табльдота не было; завтраки и ужины подавались в номера. Обедали же наши конспираторы все время в разных ресторанах. Кстати, в пансионе, где, как пояснил Серж, останавливались инкогнито шейхи, министры, крупные финансисты и гангстеры, никаких документов не спрашивали; их роль здесь выполняла 100 %-ая предоплата: 1000 долларов за сутки.

Итак, уже во второй половине февраля следующего года книга на трех языках будет издана и поступит в продажу в крупнейших книжных магазинах мира. Ее экземпляры получат порядка тысячи адресатов в Старом и Новом свете: от парламентов и библиотек высокого ранга до руководителей государств и видных политических деятелей. За все и про все Виктор Ильич перечислил с номерного швейцарского счета солидную сумму — половину стоимости услуг посредника и издательства. Еще четверть он должен был перечислить по получении сигнальных экземпляров, оставшуюся четверть — по рассылке тиража.

Виктор Ильич позвонил домой и заказал Фернану машину на завтра.

Глава шестая

От маршевого шага

шевелится земля.
Уходят из рейхстага,
уходят из Кремля

Виктор Верстаков

♦Всю обратную дорогу Виктор Ильич лежал на автомобильном диванчике, зашторив окна, пил холодную — из холодильника — зельтерскую воду, раза два за дорогу пропускал по рюмке коньяка. Боцман мучался на переднем сиденье, утешаясь только выданной ему большой бутылкой высокосортного кубинского рома, купленной добродетельным Виктором Ильичом при выезде из Парижа. Сгорающий от любопытства Фернан выпытывал у боцмана: где это они с хозяином накануне, а скорее всего ночью, так набрались? Но боцман отвечал односложно: военно-морская тайна, а ты, лягушачья морда, лучше на дорогу смотри. Разбаловались, я смотрю, вы там в замке без досмотру!

А Виктор Ильич, отошедший-таки к концу пути от сумасбродного празднования парижской поездки, маялся душой: она такая нежная, молодая и счастливая мать, верная и любящая жена, а он... с падшими женщинами (его понесло на высокий слог старых романов), без разбору, да еще в компании с боцманом, то есть, не кривя душой, со слугой... Потом, как он сегодня будет с ней... после этих, даже половины суток полных не прошло! Стоило пожалеть в эти минуты нашего бедного путешественника. Бедный Виктор Ильич! Несчастная и наивная Леночка! Наконец, пожалеем и ни в чем не повинного (господская воля!) боцмана — ведь Полина очень проницательна, как все юные парижанки...

Воздержимся от описания душевных мук и терзаний наших путешественников, усугубленных радостью их встречи в замке: слезы счастья Леночки, страстное нетерпение уединится с боцманом у Полины, неподдельная радость остальных домочадцев. Даже новичок в этой дружной семье — Натали заметно радовалась, но и она же с некоторым недоумением (вот что значит свежий взгляд) отметила плохо маскируемое смущение хозяина и мсье Боцмана, а также их несколько помятые лица; остальные списывали это на утомленность дорогой и делами. Истинно блажен тот, кто верует.

Да, мы забыли один нюанс возвращение из Парижа. Уже выехав из черты города, Фернан внезапно притормозил и скатился на обочину. Мучающийся Виктор Ильич, услышав зуммер внутренней связи, с кряхтением поднялся с диванчика и нажал тангенту переговорного устройства:

— В чем дело, Фернан!

— Мсье, вы, наверное, забыли, да и я запамятовал. Придется возвращаться.

— Ты что? Померещилось чего?

— Да нет, Сену-то мы проехали в городе...

— Ну и что? Купаться что ли будешь?

— Мсье, мне показалось...

Из дальнейшей беседы заинтересовавшийся Виктор Ильич уяснил, что у Фернана отменная память и чутье настоящего детектива. Он хорошо запомнил историю с пишущей машинкой; теперь уже он обратил внимание на коробку с радиотелефоном, хотя в машине был свой, которую боцман бережно загрузил в авто. Он намеками расспросил моремана, а тот, расслабившись от жадно выпитого первого стакана рома, потерял бдительность и поведал, что-де хозяин посылал его за покупкой, а потом сутки с лишком все звонил по нему, хотя в апартаментах пансиона стояли аж два телефонных аппарата...

Виктор Ильич выразил устную благодарность Фернану, уточнил: будут ли еще какие реки и водоемы на пути, а как встретятся, так пусть притормозит, возьмет аппарат из багажного отделения и выбросит, улучшив момент, когда никого рядом не будет.

— Есть,— устно отсалютовал шофер и дал газ. Радиотелефон он выбросил в монастырский пруд.

♦Первые дни после приезда из Парижа Виктор Ильич не знал куда голову прислонить, чем заняться. Это было прямое и естественное следствие резкого перехода от напряженности полугодового трудового запоя к полному безделью. Только теперь Виктор Ильич стал понимать, почему скаковую лошадь, когда всадник ее покинет, долго еще выводят, делая круги вокруг конюшни, а не ставят сразу в стойло, не дают овса и воды... Точно также и человек, вернее, его организм, который, как утверждают биологи, вовсе и не всегда подчиняется импульсам своего мозга, желающего руководить телом.

Не зря народная мудрость гласит, что нельзя резко бросить пить и курить, тем более одновременно. Если бросишь — «раз — и отрезал!» — пить, то жди неприятностей от сердца и кровеносных сосудов, давление начнет играть, спазмы в голове замучают, сердце колотится... И это еще не худший исход. А курить бросишь — «выбросил початую пачку и больше не притрагивался!» — так не одну неделю в кашле мокротном будешь заходиться, желудок с кишечником забастуют, запоры замучают. Словом, бросай медленно, а лучше крепись, раз начав, про-

должай, но с умом!

Но дни тянулись за днями, уже аборигены замка начали готовиться к католическому Рождеству, а Виктор Ильич все не мог найти себе целенаправленного занятия, хотя умом-то понимал, что над Родиной тучи сгущаются. Совсем близко к *ихнему* Рождеству Виктор Ильич немного поуспокоился, стал уединяться в библиотеке, читать русских классиков, особенно тех, кто понимал трагическое назначение России, прежде всего Достоевского. Тем более, что у него был свой пунктик в отношении творческого наследия Федора Михайловича — толкование легенды о Великом инквизиторе.

По крайней мере три-четыре раза в сознательной своей жизни он открывал на нужных страницах «Братьев Карамазовых», внимательно вчитывался. Порой ему казалось, что он понимает мысль Достоевского, зашифрованную в «Легенде», но по прошествии некоторого, совсем небольшого времени он терял эту, воспринятую им суть. Скорее всего, дело было в том, что по молодости лет он воспринимал это особенное, вставленное в роман боговдохновение в отрыве от анализа всей истории христианства, более того — всей эпохи цивилизации и культуры человечества. Кстати говоря, уже в студенческие годы он понимал, что цивилизация и культура вовсе не синонимы. Заставил его задуматься Томас Манн, который как-то записал в своих дневниковых книжках афористическую мысль, явно из сравнения Старого и Нового света, каждый из которых он хорошо знал: «Америка пришла к цивилизации, минуя этап культуры».

Но — это к слову в размышлениях нашего героя. Теперь же он читал «Легенду», если так можно сказать, в контексте предыдущих своих изысканий. Поэтому на сей раз он четко и однозначно расшифровал провидческую мысль Достоевского, понял ее великий смысл и значение для человека XX столетия (Достоевский всегда писал, предчувственно мысля столетием вперед). Понял и ужаснулся: и правоте великого душеведа, и правоте своих догадок, изложенных в давешней рукописи, и... близкому несчастливому будущему человечества. Он, конечно, в буквальном смысле не воспринимал, что «конец света» наступит в 1999 году (перевернутое число Антихриста «666») или в 2000-м на смене веков и тысячелетий, но именно эти годы и станут началом этого сакрального конца. А «Легенда» все это объясняла — именно Достоевский объяснял, а не мифический Нострадамус, точнее — его изворотливые толкователи. Ведь точно также можно без конца и без начала толковать — держа нос по ветру — и древнюю «Книгу мертвых», и китайскую «Книгу перемен»...

♦Инквизитор и Христос. В восприятии Достоевского действующий в «Легенде» Христос — именно Христос, как провозвестник нового морально-этического учения, долженствующего преобразовать мир, то есть Христос, который во второй половине второго тысячелетия христианства оставался таковым только в православном восприятии. Напротив, Инквизитор несет ощутимые черты христианства в католической оболочке. Таким образом, Достоевский, говоря в «Легенде» о кризисе христианской идеи, четко относит этот кризис к миру католическому и порожденному им, набирающему силу торгашескому протестантизму (Действие «Легенды» отнесено ко времени позднего Средневековья).

Конечно, всем известна нелюбовь Достоевского к Западу, к католицизму, вспомните его романы, кто там на негативных ролях? — Правильно, немцы, французы, евреи, конечно, особливо — сонмы «полячишек». Ведь, как никак, Федор Михайлович был патриотом и государственником; здесь достаточно прочесть его «Дневники писателя». А по упорным слухам, бытующим на Западе и даже в СССР среди диссидентов, Достоевский был... полковником жандармерии по линии внешней разведки, главным резидентом этого ведомства в Германии; отсюда и его упорное пребывание в игорных домах немецких курортных городков. Но ведь и более либеральному человеку во второй половине XIX века не могло не броситься в глаза: во что превратился западный католицизм? Речь идет именно о западном, латиноамериканская апостольская церковь дело совсем иное!

Виктор Ильич, конечно, будучи толкователем «Легенды», еще в прежние годы прочитал массу литературоведческих источников — от современников писателя до талантливых критиков новейшей волны 70-х — начала 80-х годов, не обошел вниманием и матерых литературоведов «официальной позиции» 50-х — 60-х годов. Во многом он соглашался с той точкой зрения, что-де Достоевский хотел выразить в «Легенде» приземленность духа современного ему христианства, особенно в Европе. Особенно в католическом мире, что в противопоставление чуда и веры современный обыватель предпочитает первое (А разве при первом явлении Христа в Иудеи не то же самое наблюдалось?). Итак, второе пришествие Христа оказалось никому не нужным: толпа так и не уверовав за прошедшие 15 веков в истину, ждала только чуда, а официальная церковь в лице ее иерархов в персонификации Великого инквизитора сочла, что явление Сына Божия вселяет только смуту (А разве не так сочли книжники и фарисеи, синедрион Иудейский 15 веков тому назад?).

Виктор же Ильич шел дальше, и на этот раз ему удалось-таки сформулировать свою мысль.

Мысль эта имела два подтекста: исторически-нравоучительный и социально-философский. Первое относилось к вопросу о символах, знамениях, персонифицированных идеях, наконец. Виктор Ильич развивал ее в следующем направлении.

Любая идея, движение, религия и пр. всегда имеют персонифицированного провозвестника: пророка, вождя, вероучителя, философа, героя и т.п. Этот лидер является личностью самодостаточной; но един в поле воин, сколько не разбрасывай «семян добрых», всходов за собой он не даст, и память о нем умрет тотчас за его уходом. Лидера делает эпоха, а сам лидер востребуется в нужное время и в нужном месте. И только в том случае его имя-знамение остается в веках. Но оно не просто остается в памяти поколений, сменяющих друг друга. Нет, оно становится иконой — чистой, благодетельной, не имеющей язвин и тайных пороков, если это позитивный лидер: Христос, Будда, Магомет, Пифагор, Леонардо да Винчи, Шекспир, Пушкин, Джордж Вашингтон, Ленин и пр. и пр. И наоборот, если это антигерой, то за ним не признается ничего положительного; таковы персонификации Герострата, Понтия Пилата, Гитлера...

Однако, став иконой, личность уже не воспринимается таковой, какой она являла себя людям в период активной деятельности. Это и есть самый существенный и тонкий момент: *икона не должна встречаться со своим источником*. А именно эту ситуацию создал Христос во втором своем пришествии. Именно поэтому он не был принят толпой и агрессивно отвергнут официальной церковью, а сами его поступки, чудеса творимые — это хорошо показал Достоевский — все оборачивается фарсом. И в этом еще одна причина несвоевременности появления Сына Божия.

Социально-же-философский вывод Виктора Ильича поначалу показался ему кощунственным, так что он и вовсе не хотел соотносить его с «Легендой». Однако, подумав, пальму первенства все же отдал Федору Михайловичу.

♦Как ни крути, но по прочтении «Легенды» в голове начинает крутиться вопрос: а нужен ли был и первый, судьбоносный приход Христа? Это прямой и логический вывод из рассказанного Достоевским. Отрицая пока «эффект иконы», задумаемся: если Христа в его втором пришествии не восприняли, то ждали кого-то другого? А кого? — По закону классической логики «исключение третьего», столь часто используемому Виктором Ильичом в его размышлениях, им мог быть только... Антихрист!

Самое же существенное, что при повторном посещении этого, не лучшего из миров, Христос обнаружил, что построенная им церковь уже и не является христианской, а есть духовная вотчина Антихриста, Сатаны. Отсюда и естественная мысль: а нужно ли было создавать церковь вообще? Для чего она была нужна людям в течении 15-ти веков? — Погубить массу людей в гонениях от римлян-язычников, еще больше положить в крестовых походах, задымить небо Европы кострами инквизиции, а впереди еще Варфоломеева ночь, гуситские войны, наконец, тысячелетний «*Drang nach Osten*»?! Ведь не только же нужно стало христианство, чтобы проиллюстрировать в религиозной сфере (как-то очень уж быстро сросшийся со сферой социально-экономической, политической) диалектические законы, в частности, закон отрицания отрицания: иудаизм → христианство → протестантизм → ... антихристианство, сатанизм?

Если это так, то что хотел в итоге сказать Достоевский? Виктор Ильич пришел к следующему ошеломляющему выводу: только великий писатель смог открыть ту истину, что вся эволюция *homo sapiens* являет собой череду экспериментов, в ходе которых Вершитель судеб человечества осуществляет тот же самый метод эволюции, что биолог и антрополог, монах ордена иезуитов, великий ученый Тейяр де Шарден назвал методом отсечения тупиковых ходов, только перенесенный из эволюционной биологии в социальную, нравственную, этическую и пр. эволюцию самого человеческого рода. Ведь, в конце концов, человек — такой же представитель биоценоза, что и лошадь, крыса, инфузория туфелька, наконец?! Так почему же для вида *homo sapiens* природа должна делать исключения?

Причем здесь, в методе отсечения тупиковых ходов, диалектически сочетаются два противоборствующих эволюционных фактора: образование новых видов и совершенствование видов, доказавших нетупиковость своего дальнейшего развития. В биологии последнее называется (акад. Северов) эволюционный конвергенцией.

Таким образом, христианство в эпоху цивилизации и культуры является одним из последовательных целеуказаний, которое в своем развитии должно либо выстоять, доказать свою нетупиковость в социально-нравственной сфере жизнедеятельности человека, либо погибнуть, осознав себя именно тупиковым эволюционным, социоэволюционным ходом. Достоевский же первым ясно и осознанно показал, что, увы, сбылось последнее, но зная, что современники его не поймут, зашифровал это в «Легенде». А первым расшифровал это послание-предостережение потомкам из XIX века Виктор Ильич... Он этим гордился, сожалел толь-

ко, что мысль оформилась уже после написания книги.

♦...Благо теперь в замке было с кем поговорить на серьезные темы: появилась ученая, очень красивая, наконец, просто обаятельная мадмуазель Наталй. И место встречи их образовалось естественно: по устному договору Наташа могла свободно пользоваться библиотекой в свободные от воспитания Кати часы, работать над своей диссертаций. Виктор Ильич по своей инициативе выписал для нее несколько французских, советских и американских журналов по педагогике, а также предоставил воспитательнице карт-бланш в заказе любых изданий — монографий, учебников и справочников,— значащихся в каталогах книготорговых парижских фирм.

Постепенно сложилось и «расписание» их совместного пребывания в библиотеке. Виктор Ильич по уже давно заведенному им же обычаю сразу после ужина, заканчивавшегося без четверти девять (с появлением дочери ужин сместили на час пораньше), поднимался на второй этаж, чтобы поцеловать на ночь уже засыпающую под присмотром Наташи дочурку, затем заходил в кабинет, с полчаса занимался, точнее строил планы на этот вечер и выкуривал сигару, затем шел в библиотеку посмотреть нужные книги и журналы. Спустя некоторое время туда же приходила со своей папкой Натали, уложившая спать Катю и поужинавшая после общего сбора. Виктор Ильич ставил чайник, а Наташа заваривала чай и кофе. За кофе и чаем и велись беседы. Обычно они заканчивались в половине одиннадцатого: Наташа, как дама дисциплинированная, хотя и в ранги мадмуазели, первой давала знать, что потехе время и раскрывала свою папку. Виктор Ильич дружелюбно прощался, забирал отобранные книги и удалялся в кабинет.

Для соблюдения светского реноме (как-никак в замке живут!) поначалу на чашку чая — кофе она ночь не пила — приглашалась и Леночка, но ей это скоро надоело, она была жаворонком и ее тянуло в сон в десять вечера. Впрочем, качества жаворонка она чудесным образом совмещала и с глубоким утренним сном совы...

Тогда в библиотеку стала забегать Полина: полистать последние модные журналы, выписываемые для женской половины замка, вспомнить с Наташей общих парижских знакомых. Однако она чувствовала, что не попадает в тон бесед хозяина с ученой подружкой, опять же эти золотые вечерние часы она привыкла проводить с бóльшей для себя пользой и удовольствием... Поэтому Полина сочла возможным сочетать полезное с приятным: на пяток минут забегала в библиотеку, когда там

собирались Виктор Ильич с Наталй, самолично заваривала чай хозяину и кофе подруге, потом вдруг охала, вспоминала, что хозяйка сегодня дважды напоминала ей о перекройке прогулочного покрывала для малышки, и убегала... в башенную комнату первого этажа. Таким образом, все оставались со своими интересами.

♦Что же касается специфики отношений наших библиотечных завсегдатаев, то и здесь все устроилось просто. Третьего декабря, когда за ужином отмечали полгодика Катюше, Виктор Ильич был в ударе, выпил изрядно настоящей «мадерской» мадеры, настоял, чтобы и все, включая дам, как следует, по-русски отметили первый юбилей их дочери. К концу пира пришла Наталй, укладывавшая спать именинницу; ей налили штрафную. Леночка ушла спать как всегда рано. Захмелевшая Полина, забыв об этикете, чуть ли не обнявшись, ушла с боцманом. Мсье Клод, кухарка с мужем и Фернан перешли в кухню — поговорить насчет приближающегося праздника Рождества. Наталй как-то незаметно исчезла, а Виктор Ильич, оставшись сам-один, слегка понедоумевал и отправился в кабинет. Там вздремнул полчасика, проснулся почти трезвым. Душа требовала разговора, отправился в библиотеку, мало надеясь сегодня найти там кого, но, к его удивлению, дисциплинированная Наталья сидела в конусе света от настольной лампы, писала в свою папку-тетрадь. На скрип двери дружелюбно, даже с долей кокетства приветствовала Виктора Ильича.

Виктор Ильич был в том великолепном, благодушном и любвеобильном состоянии, в каком пребывает человек, хорошо выпивший, еще лучше закусивший и чуток поспавший: внешние проявления вина сняты, но в голове веселая пустота, а все естественное возбуждено и требует немедленного действия. По всей видимости, томящаяся без мужской ласки Натали та́к же под действием толики вина и веселья праздничного ужина чуть-чуть сняла свою дисциплинированную бдительность.

Слово за словом, шутка за шуткой, лобызания ручки, ответный чмок в щеку... Виктор Ильич в какой-то момент осознал, что они с Наташей сидят на диванчике, нежно обнявшись, а свободная его правая рука уже с бешенством загоревшейся страсти сжимает теплое, пульсирующее, мягкое, полуоткрытое небольшим декольте вечернего платья... Ее губы, полуоткрытые, алели ему навстречу (Натали предпочитала контрастный макияж); она не только не делала попыток отстраниться, но инстинктивно прижималась к нему округлым бедром, почти полностью обнажившимся в ажуре муаровых колготок в высоком разрезе платья. Однако в этот мо-

мент она необидно для визави рассмеялась, легко отстранилась. Виктор Ильич затравленным зверем неосознанно, резко мотнул головой в сторону входной двери.

— Нет, нет, Виктор Ильич (в замке он установил для нефранцузов именование с отчеством), здесь все в порядке: Елена Станиславовна уже видит вас во сне, а Полина предается сладкому греху с мсье Боцманом. Но все же давайте, от греха подальше, сядем за стол: ваш чай уже перестоялся, а мой кофе стынет.

— Наталья Георгиевна! Я хотел Вам...

— Тс-с-с! Призраков замка спугнете. Вот так, присаживайтесь, закурите свою сигару, успокойтесь и выслушайте меня. Ведь вы не феодальный сеньор, хотя и почти-что владелец замка, не будете предъявлять на меня свои феодальные права, хотя я, может быть, в других обстоятельствах с удовольствием их признала. Но — суть в другом. Надеюсь, хотя я, может быть, и несколько самомнительна, вы не откажите мне в толике ума?

— Наталья Георгиевна! Да я вас...

— Тише, тише, мой феодал. А раз не отказываете, то сами прекрасно понимаете: нет такой женщины, которая бы за несколько дней или часов не предвидела действия мужчины, который чуть более внимательно посмотрел в ее сторону. И опять же понятно, что я пришла сегодня сюда, то есть сознательно вас спровоцировать, вовсе не со скуки, не из женского кокетства-самолюбия, тем более — не из желания склонить вас к адюльтеру. Я просто сработала на опережение: для вашей же и, конечно, моей пользы.

Было бы глупостью отрицать, что вы мне импонируете; дело даже не в моем, что называется, вынужденном воздержания от мужского партнерства. Что же касается ваших ко мне чувств, то и здесь все яснее ясного. Словом, была бы я этническая француженка, тем более парижанка, я бы ни минуты ни раздумывала, и свет, как говорится в старых романах, нас бы не осудил.

Но все дело в том, что я осталась русской, а вы есть и будете еще и советским русским — это я в смысле позитивном уточняю. Наконец, мне очень нравится в замке, нравятся его обитатели: и русские, и французы. Наверное, у меня такой жизненный период, что требуется пребывание именно здесь, в Орсэ де Монтане, и именно с такими людьми, как вы, Виктор Ильич, Елена Станиславовна, Полина со своим мсье Боцманом, мсье Клод, Фернан, Аннета с Анри...

Были бы мы с вами парижанами без комплексов, так уже на второй

день моего пребывания в замке я бы регулярно глотала пилюли и понемногу прибирала все здесь к своим рукам. Заодно завела бы шашни с управляющим, а для экзотики и удовлетворения животного сладострастия свою подружку Полину тоже не пожалела. И все было бы прекрасно, Все довольны, включая вашу супругу, будь и она француженкой.

Но все дело в том, я повторяюсь, что мы с вами сугубо русские, более того, русские, живущие нормами морали тургеневских героев. Этим все сказано.

Только не отрицайте: вы, дорогой мой Виктор Ильич, человек влюбчивый. В хорошем смысле этого слова. Я, несмотря на парижское воспитание и «наказание супружеством», душой всегда, как простая русская баба, готова потянутся к хорошему человеку, влюбиться, причем жертвенно влюбится.

Теперь представьте нашу ситуацию на фоне размеренной жизни и роскоши, я бы сказала, жизни в замке Орсэ де Монтан? — Какая мучительная драма разыграется в самое ближайшее время, если мы, очертя голову, заведем с вами серьезный роман? Страшно подумать. А каков предполагаемый итог? — Вы напрочь отвлечетесь от своих, несомненно важных для вас и не только для вас дел. Семейная жизнь даст трещину, а это отразится на всем дружном замковом товариществе, этом, как говорят французы, *fratérnite*. Мне же придется с позором и трещиной, но уже в сердце, в душе, незаживающей покинуть этот милый уголок. И еще дальше: редкие ваши поездки в Париж, не приносящие полной радости встречи и — все погаснет, а в душах останется пепел горьких воспоминаний. Вы же этого не хотите? Да? Господи, чего я спрашиваю, конечно — да! И я говорю: да, хотя, повторяюсь, в любой другой ситуации, будучи очень даже взрослой женщиной, не глупой, не задумываясь и с радостью стала бы Вашей верной, благодарной спутницей жизни. Вы мне очень нравитесь.

Поэтому будем благоразумны. Все впереди, ведь старая истина: удовольствие не в самом факте действия, приносящего удовольствие, а в его предвкушении... Время все расставит на свои места, я постараюсь быть вам полезной, хищницей быть —не мой стиль, поэтому и вы будете благоразумны. Если будет совсем плохо — я вас утешу и попрошу о том же вас в сложную для себя минуту. А вообще говоря, вы — мужчина, все зависит от вас. Я не умываю руки, а просто хочу, чтобы мое общество приносило вам радость. Не обижайтесь на меня: я ничто перед вами не закрываю.

Здесь Наташа щелкнула замочком одного из многочисленных отделе-

ний своей папки, вынула кружевной платочек, двумя резкими движениями стерла с губ свою яркую помаду, встала, подняла за локти осоловевшего от услышанного Виктора Ильича, крепко обняла его и впилась своими сочными губами. Тело ее трепетало во все время нескончаемого поцелуя.

— Все, мой милый, на сегодня все. Идите спать. Я сегодня тоже не работница, но посижу здесь, помечтаю. И она, улыбнувшись, мягко, но решительно подтолкнула потерявшего дар речи Виктора Ильича к двери.

В эту ночь он долго и нежно любил Леночку, не произнося не слова, видно боялся перепутать имя. Засыпая, опустошенный, он думал: а ведь совершенно правильно женщины именуют мужиков кобелями!? Однако, припомнив в полусне-полуяви своих былых подружек, тож Леночку в известном парижском инсцинденте, даже прекрасную Наташу, задал сам себе вопрос: тогда кто же женщины?

♦После той достопамятной беседы отношения Виктора Ильича и Наташи вошли в спокойное русло сознательной предлюбовной игры, понятной только им одним. Уже через пару недель у Виктора Ильича вошло в привычку поверять Наташе самые свои сокровенные размышления, тем более, что ее ответы порой заставляли его изумленно поднимать уголком бровь; во всяком случае, таких умных женщин доселе встречать ему не приходилось.

Высказал ей и свои мысли о «Легенде» Достоевского. А изложив суть своих догадок, со вниманием выслушал и ее.

— Дорогой мой *tête á tête* (они друг друга с того разговора и долгого поцелуя называли на ты, порой прибегая и к более нежным обращениям), вы бесконечно правы. Я говорю не потому, что вы мой любимый мужчина (накануне они-таки согрешили...), а любимому надо льстить! — Нет, вы ведь современный Запад, прошу прощения, видели только в парижских кабаках, в невероятных фантастических путешествиях, в идиллической обстановке Орсэ де Монтана. Я же здесь родилась, выросла, развелась, наконец (Наташа скупо и рассеянно улыбнулась). Даже вот встретила вас — все здесь, на столь нелюбимом нами, русскими, Западе. А поэтому с полным правом и знанием дела могу засвидетельствовать: Христа здесь нет ни в делах, ни в душах даже самых усердных прихожан. Разумеется, даже неприлично подозревать в следовании заветам Христа служителей католической церкви. Более того, здесь все просто не задумываются: а христиане ли они? Пресловутый золотой телец... Особенно во Франции. Все удивлены? — Видно в России, то есть, прошу извинения, в СССР, не только современных негров Америки представ-

ляют этаким дядей Томом, ну-у, этим, из «Хижины» Бичер-Стоу. У них и о французах мнение, наверное, держится на представлениях о гренадерах Наполеона и летчиках из «Нормандии-Неман»? А ведь в Европе мнение бытует — и не напрасно! — такое, что скупее французов только болгары. Даже немцы по сравнению с ними кажутся ухарями-купцами, «сашеньки» и «катеньки» разбрасывающими с пролеток!

В том, что дух торгашества, наживы, меркантилизма овладел именно французами более всего из европейских народов, большая вина воинственного Наполеона и не менее воинственного кайзера Вильгельма. В наполеоновских войнах и в мировой бойне повыбили всех достойных французов. Это просто проверить: посмотрите, в этой библиотеке они есть, альбомы гравюр и фотографий с XVIII по начало XX века, сравните с современным типажом тех же парижан, окрестных жителей.. Видно, что сейчас это совсем как бы другая нация? Всех смелых духом повыбило, остались торгаши.

А эксперимент? Быть может... однако, дорогой мой, вернемся к нашей действительности. Коль скоро мы поспешили вступить на путь греха, то... надо и соблюдать правила игры, даже — и тем более — игры любовной. Ведь женщины, я имею в виду, конечно, Елену Станиславовну, обладают сверхинтуицией. Поэтому оставайтесь и поработайте, а я пойду с малышкой побуду, она сегодня какая-то заторможенная, скорее всего переиграла. Не волнуйся и не терзайся, не будь мнителен.

Наташа чмокнула Виктора Ильича в щечку, со смешком уклонилась от его объятий, послала воздушный поцелуй и ловко проскользнула в полуоткрытую дверь. Виктор Ильич с восхищением посмотрел ей вслед. Чертовка!

♦Виктор Ильич еще несколько минут сидел в рассеянии, такая же улыбка блуждала по его довольному лицу. Он был по-мужски горд и счастлив: его любили две прекрасные женщины. Во всех отношениях прекрасные.

Однако «женский момент», даже давешнее сближение с Наташей, не могли окончательно вытеснить мысли его о Достоевском, навеянные анализом «Легенды». Сколько он до сих пор не размышлял о феномене этого писателя, но не мог постичь источник провидческого дара Федора Михайловича. Он пробовал так и сяк подходить к анализу его романов и повестей, но местами вспыхивавшая мысль понимания размывалась, растекалась...

Когда-то, прочитав с восторгом неофита пару книжек Фрейда изда-

ния 20-х годов, он попробовал применить к анализу творчества Достоевского вечно модный метод психоанализа, даже стал выписывать в отдельную тетрадку кой-какие наблюдения и статистику, бросавшиеся в глаза при чтении классика. Получалась любопытная картина. Следуя мотивации Фрейда, он представил себе, что Достоевский не классический романист, но своего рода «описатель действительности»; в литературоведении последователи великого психоаналитика это называют протоколом художника. И второй момент: Виктор Ильич группировал, систематизировал все, что в своих произведениях писатель говорит о болезненных состояниях души своих героев.

Результат получился самодостаточный: из почти сотни героев-персонажей почти четверть... душевно больные (?!). Действительно, явная патология отмечается читателем у князя Мышкина (да и роман назван соответствующе...). В «Преступлении и наказании» не вызывает сомнений Раскольников и Свидригайлов, а в «Бесах» их целая плеяда: Лебядкин с сестрой, Кириллов, Лембке. Еще их больше в «Братьях Карамазовых»: Смердяков, отец Ферапонт, Лиза Хохлакова и все три заглавные героя: Дмитрий, Алексей и Иван. Самое существенное, что выдает в Достоевском интуитивного психопатолога, это то, что он указывает на наследственность душевных болезней, что отвечает основным канонам психиатрии; действительно, это Раскольников и его мать, те же Карамазовы, Лебядкин с сестрой, старый и молодой Сокольские из «Подростка». Бесчисленные «оригиналы» рассыпаны по повестям: Голядкин, Ефимов, Нелли, Аркадий Федорович, Прохарчин и пр. и пр.

Даже у Сологуба и Арцыбашева, явно эпатировавших свои романы психопатологическими личностями, мы не находим такого изобилия. А до Достоевского, как отмечает исследователь его творчества Вл. Чиж, в русской литературе пожалуй что единственный пример описания душевнобольного персонажа есть старый князь Болконский. А тут четверть всех персонажей?!

Виктор Ильич не поленился полистать вузовский учебник по психиатрии; из него следовало, что обычный процент душевнобольных от числа здоровых составляет 0,3 %! Правда теперь, познакомившись с западной жизнью и почитав литературу, он пришел к выводу, что этот процент для Европы сейчас составляет раз в десять-двадцать больше, а в Америке еще больше (если там одних гомосексуалистов, то есть выраженных ненормальных, аж под 4—5 %). Но в России времен Федора Михайловича их, действительно, было мало. А у него в романах и повестях — четверть!

И другой занимательный момент: если другие писатели, тот же Толстой, Мопассан, Флобер, выявляют в своих героях лишь отдельные, частные симптомы душевной болезни, то рукой с пером Достоевского словно водил врач-психиатр с многолетним опытом работы в клинике, да и к тому же еще склонный к научному анализу.

Получается, что Федор Михайлович был редчайшим исключением в русской и во всей мировой литературе, как говорится, но по обилию сумасшедших героев его повествований и по достоверности художественного отображения действительной клиники этих заболеваний. Более того, Достоевский справедливо полагал причину большинства душевных заболеваний в совокупном воздействии на человека факторов среды и характера, а менее всего в нравственности. Хотя, как подсказывала Виктору Ильичу услужливая его память, литература, а более всего русская классика, все валила на нравственное начало. Это Виктор Ильич живо ассоциировал с явлениями живой окружающей его жизни: ни разу не довелось ему встречать откровенного хама, пройдоху, жулика с нарушенной психикой. Именно и наоборот, все они, как правило без исключения, были отменно душевно здоровы, оптимистичны, жизнелюбивы. Наоборот, всякий вежливый, добродетельный, чувствительный человек нередко оказывался, что называется, «со сдвигом». Отсюда и народная присказка: в тихом омуте черти водятся. А народная мудрость — она веками человеческой практики выверена.

...А среди очевидных факторов возникновения или стимулирования психических заболеваний Достоевский опять же попадает в точку: наследственность и пьянство. Вот возьмем ярчайшего персонажа «отрицательной ценности», как бы сказал Джодж Мур,— Смердякова, эпилептика тож. Так мать его Елизавета — идиотка. Вот вам и наследственность. И у Карамазовых мать выраженная истеричка. У них же и пьянство в роду. В «Бесах» наблюдаем пьяницу Лебядкина с помешанной сестрой; значит, родители неблагополучные были. Даже такую тонкость психопатологии, как перекрестная наследственность (от отца дочери, а от матери сыну), Достоевский отлично знал и проиллюстрировал в «Карамазовых».

Большое внимание писатель уделяет описанию галлюцинаций, как отзвуку душевного недуга; не обходит вниманием и хорошо знакомую ему по себе эпилепсию: Нелли в «Униженных и оскорбленных», князь Мышкин, Кириллов в «Бесах», наконец, Смердяков, в личности которого Достоевский отобразил квинтэссенцию всех возможных клинических проявлений сумасшествия и так далее. Виктор Ильич ни разу не пожалел, что потратил массу времени на текстуальный анализ десяти томов

собрания сочинений Достоевского. По крайней мере, он понял абсолютную ложность бытующего мнения, что гений и помешательство суть одно и то же. Глупость, конечно, несусветная. Это видно хотя бы по тому, что гений превращается в жалкое ничто, если болезнь в нем возобладает. Но гениальность и душевная болезнь ходят рядышком, ибо первое держит человека, пусть даже подсознательно, в величайшем умственном напряжении, что чревато при воздействии некоторых внешних факторов срывом на самых высших уровнях нервно-мыслительной деятельности. Это все так, но нельзя же менять местами следствие и причину! Но загадка Достоевского так и осталась тайной для Виктора Ильича. Увы!

♦Будучи сыном своей страны с декларированным приоритетом мудрости «простого» человека, Виктор Ильич пробовал апробировать свои догадки о сущности «Легенды» в беседах с обитателями замка. С мадмуазель Натали это понятно чем окончилось. Управляющий Клод Суассон дипломатично перевел разговор — по родству темы беседы — на необходимость косметического ремонта домашней церкви. Горничная Полина во время краткой беседы, застигнутая Виктором Ильичом в библиотеке за просмотром свежих дамских журнальчиков, смотрела на него восхищенными, широко раскрытыми, красивыми своими глазками, в которых читалось явное: «Каков кобель?! Двух баб пользует — одну подле другой — и на нее нацелился!»

Деревенские соседи — мэр Жак и полицейский Марсель — ссылались на незнание классиков русской литературы, хотя о последней и слышали в своей жизни только в высшей степени превосходные референции. С боцманом возвышенная беседа велась под бутылочку-другую отечественной «посольской», потому наутро Виктор Ильич не смог вспомнить мнение моряка. Другие обитатели замка, прослышав о чудачествах хозяина, что-де он проверяет на лояльность советскому правительству и на знание русской литературы, старались избегать оставаться с ним наедине.

Дошла очередь и до Леночки (Катюша еще не понимала высокого штиля). Она с такой лаской и преданностью смотрела прямо в его говорящий рот, что ему стало неуютно от стыдливой мысли о Наташе. Однако к концу его вдохновенной речи она посерьезнела, что воодушевило оратора.

— Ну, как ты, дорогая, полагаешь: прав я или это заблуждение дилетанта?

— Милый, а нельзя приехать на неделю-другую папе с мамой — на внучку посмотреть?

Виктор Ильич мысленно и с досадой сплюнул и разъяснил, что надо

немного потерпеть, когда упразднятся всякие формальности, а сейчас в СССР что-то непонятное творится: генсеки мрут один за другим... быть переменам!

Глава седьмая

Мы, русские, в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, а потому при царствовавшем в России в последние десятилетия беспочвенном космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняли нелепое направление. Наши экономисты возымели мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономики. Результаты этой кройки налицо...

Граф С. Ю. Витте

♦Конец декабря и первые два месяца нового, 1985-го года Виктор Ильич провел в любовной лихорадке, которую сам себе и устроил. «С жиру бесится!» — говорит — и крайне справедливо — наш добрый, но и суровый (не в отношении к самому себе...) народ. Да и сам Виктор Ильич к концу этого взбалмошного периода его жизни пришел к самокритичному выводу, что-де он сам себе приключение придумал от тихости и размеренности замковой уютной жизни. То ли характер его был таков, что требовал периодических встрясок, а может возраст зрелости умственной, матерости, как говорит тот же метко наблюдательный народ, требовал активной работы ума. А поскольку этот-то ум после работы над книгой требовал отдыха, то и возникла коллизия, при которой вся энергия трансформировалась в сильное любовное чувство к Наташе. Да и сама Наталья Георгиевна, на время забыв свои мудрые слова, некогда определившие их отношения с Виктором Ильичом, не на шутку отдалась вспыхнувшему чувство, а это-то чувство у 32-летней женщины, ранее уже привыкшей к жизни с мужчиной, страшно в своей ярости, темпераменте, любовной самоотдаче.

Не будем описывать все безумства этих месяцев, которые только потому не превратилось во всезамковый скандал, что Леночка была счастливо слепа своим блаженством первого материнства, а Виктора Ильи-

ча, как мужчину во цвете лет физическом, в полной мере хватало на двух темпераментных женщин, к тому же он и Наташа, даже во всем ослеплении страстью, не потеряли головы. Их ежевечерние (часто дополняемые рискованными дневными, даже раннеутренними!) любовные встречи происходили в «астрономической» башенной комнате. Это было наиболее безопасно, ибо еще со времен общения с аппаратурой Аседона Виктор Ильич, секрета ради, ввел строжайший запрет на вход в эту комнату кому-либо. Леночке же он объяснил свое возобновившиеся многочасовое пребывание почти каждый вечер в «астрономической» продолжением ранее имевших место работ... Она и рада была, что супруг вновь занялся серьезными делами. Наташа же изворачивалась сама, тщательно все продумав (иначе бы она не женщина в ее положении и страсти была!).

Однако к середине февраля то ли оба пресытились бурно вспыхнувшей страстью, то ли осторожность и понятные опасения за их будущие отношения возобладали, но по взаимной договоренности, заключенный между двумя бурными соитиями глубокой ночью (они провели вместе всю ночь и не в первый раз: Виктор Ильич объявлял, что-де сегодня он занимается с телескопом, а Наташа проскальзывала в «астрономическую» в замковой ночной тишине), они решили поумерить свою пылкость и ограничится одной-двумя встречами в неделю.

На фоне этой страсти как-то незаметно для Виктора Ильича прошла встреча Нового года и Рождества в католическом и православных вариантах, Крещения в оных же. Впрочем, на православном Рождестве, когда замок посетил давешний знакомец о. Хрисанф, Виктор Ильич вернулся было к теме о «Легенде» Достоевского, однако добродушный о. Хрисанф посоветовал ему не ломать голову, а лучше проникнуться красотой и величием самого главного православного церковного действа: Божественной Литургии. Виктор Ильич обещался этим на досуге заняться. Отец же Хрисанф уже из Парижа прислал презент-напоминание: довольно редкое издание 1894-го года Синодальной типографии «Размышлений о Божественной Литургии» Гоголя. Виктор Ильич давно уже хотел познакомиться с этим замечательным трудом Николая Васильевича, но сейчас только предварительно полистал ее, отложив удовольствие чтения на другое время, ибо сложным, детективно-продуманным Виктором Ильичом путем ему доставили три изящно изданных тома: сигнальные экземпляры его труда на трех языках. Вскоре за тем он с душевным трепетом почитал в газетах первые, пока безотносительные сообщения-заметки о выходе в солидном парижском издательстве и появлении в книжных лавках и магазинах всего мира книги явно занимательного характера.

♦После выхода книги в свет, в замковую библиотеку экземпляры ее на русском и французском языках были доставлены почтой по официальному заказу, что ежемесячно Виктор Ильич составлял по рекламным книжным газетам парижских агентов и отправлял их почтой для исполнения. Раритетные и двусмысленные сигнальные экземпляры Виктор Ильич ранее упрятал в личном сейфе. Будучи же страстным книголюбом, то есть понимающим возрастание ценности книги с годами, он все же не удержался и уже неофициально, достаточно сложным и запутывающим следы путем доставил в замок по сто экземпляров книги на каждом из языков; увесистый контейнер без опознавательных знаков на коробчатой упаковке был упрятан в закутах хранилища библиотеки.

Снедаемый авторским честолюбием, он ненавязчиво подсунул русский вариант официального экземпляра сначала Леночке, а потом Наташе (Полина читала только легкие женские романы, а более в замке, включая и Клода Суассона, читающих книг не было). Леночка с умным видом полистала изящный, но пугающий ее чернотой обложки и толщиной томик два вечера перед сном, сказала, что это очень умно, ей малопонятно. «Наверное, диссидент какой-нибудь написал!» — резюмировала она, готовясь ко сну, игриво посматривая на супруга и эффектно снимая пеньюар; все дело в том, что с некоторых пор Леночка села на диету, приводя в порядок свою послеродовую фигуру, а в вечерней спальне представала перед Виктором Ильичом в довольно-таки откровенно-эротическом наряде. Когда это случилось в первый раз, то Виктора Ильича будто током ударило, его даже зашатало (Леночка приписала это своему эффектному явлению неглиже). Дело все в том, что Наташа, оставаясь истинной парижанкой, даже убегая к нему в «астрономическую» на часок-другой от уснувшего крепко ребенка, никогда не забывала о своем изящном любовном наряде. Потому Виктора Ильича и прошиб пот: неужто уже сговорились и шведскую семью, не спрашивая его на то желания, организовали? В ближайшее же свидание с Наташей он напрямик поинтересовался у нее. Та рассмеялась и охотно пояснила:

— Елена Станиславовна мне не соперница, но... как бы это сказать: почти сестра. Это не черный юмор, не цинизм, ибо из всякой неординарной ситуации, вот здесь спасибо французам, надо выходить с изяществом: сестра, так сестра, если в христианском мире не принято официального многоженства! А раз сестра, тем более младшая, то я должна давать ей фору, чтобы ты, мой милый, исповедовал принцип счастливого и ни для кого не обидного любовного треугольника, а именно: приходил

к любой из нас с удовольствием, а затем с тем же удовольствием шел, нет — бежал к другой!

— Знаю, знаю этот принцип, но только у нас дома это не о женщинах говорят, а о работе и семье...

— Ну, везде своя специфика. Так я продолжу, Елена Станиславовна, во-первых, должна прийти в форму после родов, во-вторых и в основных — выглядеть привлекательно, как говорится, в любой ситуации...

— Постой, постой! Так ты ей это точно также разъясняла?

— Ха-ха, не разъясняла, а в дружеской беседе рассказала о парижских семейных нравах. Вывод она сделала правильный. И ты, мой милый, мотай себе на ус. И помни: ее право на тебя — первоочередное!

Свято следуя этому правилу, Виктор Ильич после Леночки книгу подсунул Наташе. Она забрала ее к себе и, судя по всему, читала внимательно, ибо в течении почти недели на любопытствующие взгляды Виктора Ильича отвечала кратко: читаю. Так время добежало до очередного их недельного свидания в «астрономической» (Наташа переименовала ее в «любовно-гастрономическую»). Она была в этот поздний вечер особенно ласкова, даже как бы нежно-заботлива... уже причесываясь перед уходом, она совершенно спокойно, как бы походя, сказала:

— Я тобой горжусь, мой милый; я и не предполагала, что ты такой умный.

— Это ты о чем,— переспросил рассеянно Виктор Ильич. На носу было 8-е марта, он мучительно размышлял: почему это женщины, даже самые умные, такое значение придают подаркам, тем более, что у них все есть? И как быть в его ситуации: одарить «сестер», не обидев ни одну из них и в то же время сохранив реноме той и другой! Задача была почти неразрешимой.

— Что-что? — встрепенулся он, только сейчас до него дошел смысл реплики Наташи.

— Я о книге... твоей книге. Поздравляю тебя. Ты пойми, что можешь провести и направить по ложному следу КГБ и ЦРУ, даже и Моссад, но любящую тебя женщину — не девчушку! — живущую с тобой в одном доме, не запутаешь всякими детскими, извини, уловками. В моей скромности, как сам понимаешь, можешь быть уверен. Наконец, должны же нас с тобой связывать иные тайны, кроме как интимные? До завтра, мой милый... полковник Устюжнин — или генерал? Ну-ну, я шучу. А если серьезно, то можешь располагать мною в своих тайных делах, я ведь все-таки русская француженка и здесь, на Западе, как рыба в воде...

♦Вопрос с восьмимартовскими подарками Виктор Ильич решил по-советски (в последний момент это универсальное решение пришло в голову), то есть сделал так, как делает начальник учреждения в СССР, дабы избавится от головной боли с этим самым («Чертовым!» — в сердцах иной раз скажет), Розой Люксембург или кем там еще из этой братии-сестрии придуманным, выраженно половым праздником. Только начальник вызывает накануне на ковер председателя профкома, ставит задачу и подписывает расходную строку по линии соцкультбыта. И все. И не надо ломать голову, все довольны и равны: и очаровательная секретарша Неллечка, с которой он только недавно..., и матерая суровой женской, властной красотой Татьяна Сергеевна из планового отдела, с которой он уже четвертый год ездит в комфортабельные командировки в Министерство или по обмену опытом на рижские, одесские семинары... все довольны, получив по флакончику отечественных духов, гвоздичку и коробку зефира в шоколаде. Великая вещь — коллективизм и равенство!

Точно также поступил и Виктор Ильич, только, ввиду отсутствия в замке профсоюза, вызвал мсье Клода Суассона, дал инструкцию, особенно напирая на один из трех девизов Французской революции — *egalité**, выписал чек на расходы и предоставил в его распоряжение Фернана с машиной и мсье Боцмана в качестве знатока женских вкусов. Когда обескураженный управляющий, видимо матерясь по-французски про себя, удалился, Виктор Ильич радостно и злорадно потер руки и с облегченной душой пошел в библиотеку с надеждой найти в свежих газетах более пространные комментарии на выход книги Устюжнина.

♦В поздних вечерних новостях 10 марта московского радио, как всегда в воскресенье малозначащих, сухие сообщения диктора о трудовой вахте липецких металлургов вдруг резко прервались чрезвычайным сообщением: посуровевшим голосом диктор известил *orbi et urbi*, что сегодня в 19.20 по московскому времени после долгой и продолжительной... Виктор Ильич, подремывавший после ужина в библиотечном кресле и размышлявший, чем ему сегодня заняться, а не лукавя перед самим собой — дожидавшийся Наташи для отдыха в словесной любовной пикировке, подскочил и сделал приемник погромче.

Итак, за последние неполные четыре года уже третьего генсека отвозят к Кремлевской стене... Вот и Кучер, как любовно-злорадно назы-

* *egalité* — равенство (фр.)

вал Константина Устиновича наш добрый народ по заглавным буквам его Ф.И.О., дождался своей недолгой очереди.

Виктор Ильич на этот счет особо не задумывался, ибо все это продумал еще раньше и изложил в своей книге. Вся эта интермедия с поставлением на год-другой сначала Андропова, привязанного к аппарату гемолиза, а потом явно — даже по политбюровским нормам — престарелого и больного Черненко, да все это на свежем в памяти старческом маразме Леонида Ильича (хотя человек он был хороший),— есть свидетельства глубочайшего кризиса во властных кругах страны. Проще говоря, основной состав ЦК и Политбюро к началу 80-х годов вышел по возрасту, а значит и реальной дееспособности, в тираж, а конкретная смена не была подготовлена. Здесь та же ситуация, что и по смерти Иосифа Виссарионовича. Хотя там дело было не в возрасте «кремлевцев».

Вернее, молодые и относительно молодые управленцы были. Егор Лигачев, который незадолго до возвращения в Кремль совершил «томское чудо»: за полтора десятка лет из затерянной в Сибири, «немагистральной», ничем не выдающейся глухомани создал равный Новосибирску и Красноярску научно-промышленный, оборонный, аграрно-индустриальный комплекс. Были энергичный куратор всего военно-промышленного комплекса СССР Романов, перспективный аграрник Горбачев, подающий большие надежды хозяйственник и государственник, молодой Олег Шенин.

Скорее всего, как понимал Виктор Ильич, кризисная ситуация, да еще активно поддерживаемая уже выпестованными Западом агентами влияния, сложилось именно из-за предельного возраста прежней власти, когда уже были упущены возможности естественной смены поколений руководителей, постепенного омоложения. А в сложившейся ситуации две или даже три «партии» перспективных молодых выдвиженцев подковерно сцепились не на живот, а на смерть и неразумно не хотели компромисса и взаимных уступок, договоренностей. В таком случае до выработки компромисса или подковерной победы одной из группировок правителем назначается явно переходная фигура; это азы бюрократии, хорошо знакомые каждому по его родному коллективу: от участка цеха и сектора НИИ до ВУЗа, завода, главка...

Здесь же схватка была нешуточной, так что потребовались последовательно впавший в детство Леонид Ильич, инвалид Андропов и дряхлый старец Кучер.

♦При всей наглядной видимости и хорошо понимаемой причинности череды сменявших друг друга в первой половине 80-х годов генсеков, Виктор Ильич полагал и не без основания, что, в свою очередь, эта причинность очень умело использовалась и отчасти направлялась организованным влиянием извне и через подготовленную в 60-х — 70-х годах агентуру «пятой колонны». Ближняя цель этого была дискредитация правящей верхушки СССР, из чего логически неумолимо возникла и мысль о исчерпанности и тупиковости государственного устройства шестой части света.

Требовалось показать идиотизм мышления правителей, и «пятая колонна» активно бросилась это озвучивать, начиная уже с последнего 5-летия правления Брежнева: чего стоили только «пятижды» герой и бессмертный лозунг (такой стоял наискосок от дома Виктора Ильича перед зданием райкома): «Экономика должна быть экономной!» Ну, что там говорить о Леониде Ильиче. Фигура того же Андропова внушала Виктору Ильичу серьезные подозрения, благо все это было недавно и свежо в памяти. Сам не раз, будучи в Москве в командировках, либо же зайдя в будний день в родной *Т.* в пивную или закусочную, чудом избегал встреч с милицией с последующим сообщением по месту работы и соответствующими оргвыводами. То есть уже изначально вроде бы правильные решения, почти в сталинском решительном стиле, были обращены в фарс. Настораживает, конечно, национальность генсека: Горбачев (это уже чуть позже) почти что публично называл его «полукровкой».

Длительное время возглавляя КГБ, Юрий Владимирович тем не менее тщательно и продуманно расчищал себе путь в генсеки; это тоже о многом говорит. Более того, даже для друзей и коллег, не один десяток лет хорошо знавших его, Андропов оставался фигурой загадочной. Таковым он в истории и останется, ибо если он действительно играл какую-то сверхроль, то такие тайны остаются за семью печатями.

Виктор Ильич еще во время короткого правления Андропова отмечал определенные несуразности в его делах, ибо все его начинания давали, как ни странно, противоположный результат: как и в пресловутой борьбе с прогульщиками и отлынивающими от работы — в магазинных очередях и пивных.

Именно с приходом Андропова в КГБ и на протяжении полутора десятков лет началась и приобрела статус обычной практики высылка за пределы СССР диссидентов. Но ведь им этим самым делалась реклама, а они получали широчайшую трибуну для своей антисоветской деятельно-

сти через те же «голоса»*. А оставь их в стране, то их пропаганда ограничилась бы общением с себе подобными на кухнях, вернисажных междусобойчиках, дурдомах наконец!

Другой пример, в широкой советской прессе особо не комментировавшийся, но попавший Виктору Ильичу на глаза случайно еще в бытность архивным работником (иногда для общего развития просматривал журнал «Коммунист», который в Архиве регулярно получался и складировался на самых высоких полках стеллажей с периодикой). Попалось же ему постановление Политбюро в том смысле, что для укрепления соцзаконности отменялась (может, конечно, чисто декларативно! Этого Виктор Ильич знать не мог) проверка по линии госбезопасности лиц, выдвигаемых на партработу. Это потому заинтересовало Виктора Ильича, что даже при его поступлении на работу в Архив заставили заполнять пространный, на четырех страницах опросный документ, нескромно интересующийся всеми сторонами его биографии и перечислением рода занятий всех родственников. Потом он еще месяц с лишним ждал, пока эта анкета обойдет все положенные инстанции. Такие же бумаги заполняли все его друзья и знакомые, работающие, вплоть до простых работяг, на заводах, имевших хоть какое-то отношение к выпуску военной продукции. Значит, рассуждал Виктор Ильич, работяга, который точит болванку, назначение которой он вовсе и не знает, должен пройти проверку по линии КГБ, а человек, занимающий ответственный пост в райкомах-обкомах, который будет курировать эти самые заводы, КБ и НИИ, а самое главное — претворять политические решения высших партийных властей (а что в СССР было выше их?), минует эти самые проверки?! Понять это можно было однозначно: вольно или невольно были открыты заслоны для формирования «пятой колонны» в самой партии, в ее низовом и среднем, а далее и в высшем звеньях, для разрыхления этой, некогда строжайше отбираемой партийно-государственной когорты; короче говоря, был «партийный призыв» всякого дерьма, карьеристов для разъедания снизу, для превращения ее в формальную структуру, готовую рухнуть по первому приказу или окрику сверху. Вот такие деяния Андропова и побудили Виктора Ильича отвести ему немало страниц в своей книге.

♦Сама смерть Андропова была загадкой, совпавшей с чередой скандалов в высшей милицейской среде. Быстро все соображающий народ

* Иначе чем благодарностью нельзя назвать факт установления на здании бывшего КГБ мемориальной доски Андропову после того, как победившая «демократия» ликвидировала памятник Дзержинскому перед тем же зданием... Как это понимать?

уже не сомневался в истинных причинах назначения после Андропова генсеком престарелого Кучера; все понимали: в Кремле борьба за реальную власть вступила в решающую фазу, а потому правление Константина Устиновича правильно понимал как затишье перед бурей. И она разразилась на горе стране и народу.

Весь следующий за сообщением о смерти Черненко день Виктор Ильич не отходил далеко от приемника в библиотеке, но советские радиостанции передавали траурные мелодии и только к вечеру последовало экстренное сообщение о чрезвычайном Пленуме ЦК КПСС, который избрал новым генсеком Михаила Сергеевича Горбачева. Вообще говоря, Виктор Ильич был к этому сообщению готов, хотя вроде как в самом Политбюро расклад сил чуть не до последнего дня был не в пользу «меченного».

Следя в последние полгода за советской прессой и зная ее иносказательный стиль, он теперь мысленно восстановил цепочку продвижения «сельхозника» с каиновым пятном на лбу к власти. Вывод был один: его мощно продвигали некие незримые силы, заранее вычислив его типаж и характер и сделав на него ставку. Порой Виктора Ильича посещала мысль: а не искуситель-ли-агент 3-го ранга, двоюродный братец, например, того же Аседона Младшего курирует сейчас новоиспеченного генсека? Что ж, теперь уже по собственному опыту Виктор Ильич очень даже допускал такую возможность.

Вот и Лигачев непонятно почему всячески исподволь поддерживает его: как бы самому боком не вышло? А с какой простотой убрали главного соперника — Романова: на всем сыграли, на однофамильстве («Романовы сидели в Петербурге, а теперь в Ленинграде Романов сидит!»), а главное — на этих нелепых домыслах то ли о свадьбе в Эрмитаже, то ли с посудой, взятой оттуда напрокат из царского сервиза... Идиотизм полный, но — подействовало. Словом, все было расставлено по номерам: застрельщик, гонщики, подсадные утки, облава и пр. По правилам охоты на волка.

Виктор Ильич прекрасно помнил декабрьские французские и английские газеты двухмесячной давности, когда состояли первый «выезд в свет» будущего генсека — его декабрьский скандальный визит с Раисой Максимовной в Лондон. Особенно от газетчиков досталось последней: цветное фото ее ног в черных колготках и ярко-красных туфлях, что на Западе является прерогативой дам общего пользования, а также откуда-то взявшаяся у «первой леди» Советской империи (при зарплате генсека в 800 рублей) «золотая» кредитная карточка «Американ экспресс», коей она расплачивалась за двухтысечедолларовые алмазные сережки... Вообще говоря, сановная чета вела себя как классические советские «тури-

сты», которые все две недели путешествия по Риму или Парижу бегают, высунув язык, по лавкам уцененных тряпок и косметики.

Даже Леночка, которой он дал почитать номер «Либерасьон», с женской непосредственностью возмутилась: «Да даже я себе этого не позволяю!» Из этого, кстати, следовало, что ей не хватает как раз таких вот сережек...

А моложавый генсек с родовой гематомой у правого виска? — Ни много, ни мало как в первый же по приезду день отправился в ателье «Дживса и Хоуке», где уже несколько поколений мужчин королевской семьи шьют себе официальную одежду, и заказал зараз несколько костюмов, в которых теперь намеревается проводить партийные пленумы и съезды. Сразу Виктору Ильичу вспомнилось, что Иосиф Виссарионович не терпел даже импортной пуговицы на одежде своего окружения, не говоря уже о себе самом.

И все же, как сумел Меченный, даже с явной дьявольской поддержкой, выйти в генсеки? Ведь ситуация для него складывалась в том же декабре 84-го патовая, если не хуже. Во время того самого лондонского шопинга умер Устинов, его единственная надежда в Политбюро (маршал использовал Горбачева в качестве буфера для Романова — соперника Дмитрия Федоровича в части руководства военно-промышленным комплексом). Горбачева, понятно, ненавидел Романов, а предсовмина Тихонов чуть ли не публично тупицей и болтуном рекомендовал. Сам Константин Устинович мало что уже соображал. И если бы не Громыко с Лигачевым, то... Но как знать? — Если Сатана за дело взялся, то все препоны преодолимы.

♦Размышляя на эти нерадостные темы, Виктор Ильич не раз и не два возвращался к вопросу: как и каким образом отыскивается предатель, который в дальнейшем возглавляет «пятую колонну» и разрушает государство? Нынешний вариант для него был не совсем ясен. Вариант, что-де рассмотрели будущего вожака предателей в семнадцатилетнем парне из Ставрополя, срочно усадили на трактор, подготовив поле (так лаву подготовили Стаханову, как болтает народ), по итогам первой же посевной-уборочной дали высокий орден, а дальше и пошло-поехало, Виктор Ильич отбросил, как слишком лихо закрученный. Он стал рыться в исторических аналогиях и сразу же остановился на Лжедимитрии, первом Самозванце.

Отсюда он сделал первый вывод: предателями, как и героями, не рождаются, но — становятся. Потом, будущий слуга Антихриста должен

быть подготовлен к решительному шагу: личная ущербность, нанесенные обида, мания величия, патологическая ненависть к среде своего обитания. Что из них было присуще монаху Чудова монастыря Гришке Отрепьеву? — Пожалуй, мания величия, жизненные обиды, определенная ущербность — может, женщины к нему не тянулись, изъян какой в нем мужской был?

А у Меченного? Очень темная биография, особенно на первых шагах карьеры. Недаром еще за полгода до его выдвижения в генсеки в западной печати появились интригующие «журналистские расследования»; якобы одна бабка из Белгородской области утверждает, что опознала на фото секретаря ЦК, и не только по его каинову пятну, своего сына, украденного у нее в трехлетнем возрасте...

А в совсем свежей парижской газете Виктор Ильич только что прочитал интервью, взятое корреспондентом у некого кабардинца, что еще с 30-х годов работал садовником в одном из цэковских санаториев у Эльбруса. «Бóльших подлецов и угодников в жизни не видел!» — сказал садовник корреспонденту и рассказал характерный случай, когда в санатории отдыхал Суслов, и к нему с визитом вежливости примчался ставропольский первый секретарь. Как-то Суслов вернулся с прогулки в слегка запачканных — по причине дождя с утра — ботинках. Садовник оказался свидетелем даже его, полвека наблюдающего жизнь верхов, поразившей сцены: завидев главного идеолога партии, Горбачев с радостной улыбкой бросился ему навстречу, заметив непорядок с обувью, мигом присел на корточки, выхватил свой носовой платок и тщательно вытер испачканные носки ботинок «серого кардинала»...

Из первых же рук Виктор Ильич имел о новоявленном генсеке только одно свидетельство, впрочем, весьма характерное и дополняющее картину. Один, отдаленно знакомый Виктору Ильичу *Т*-ий писатель, учась на филфаке МГУ в одно время с Горбачевым, как-то зашел на этаж общежития юридического факультета к недавно обретенному приятелю. Расположившись в его комнате в компании соседей приятеля, они пили ординарный портвешок под нехитрую закуску. В этот интересный момент в дверь энергично вошел гладкий крепыш с розовым родовым пятном на правом темени. Приятель встал, поздоровался за руку с вошедшим и представил гостю: «знакомьтесь, Миша Горбачев из Ставрополя, наш комсомольский секретарь».

Секретарь мельком оглянул стол, не высказав никаких комментариев, внимательно оглядел гостя с филфака и, не присаживаясь, стал расспрашивать о настроениях на их факультете, приглашал заходить по-

чаще, многозначительно добавив, что-де наше поколение должно уже через пятнадцать-двадцать лет быть готовым взять на себя ответственность за государство... Дверь снова приоткрылась:

— Миша! Так нас же ждут, скорее...

В дверь заглянула невысокая, симпатичная девчушка, однако общее впечатление несколько нивелировали мелкие черты лица и слишком уж проницательные глаза:

— Иду, иду, Рая! Минуточку, вот с товарищем с филфака еще пару слов договорю.

Действительно, все сходилось в реконструкции характера нынешнего генсека.

Итак, если Меченного действительного не украли у матери в трехлетнем возрасте, воспитали и зомбировали в некоем специальном учреждении, то в «комплексе Отрепьева» у него преобладало выраженное самомнение и самолюбование, презрение к людям, стремление любой ценой достичь максимальной власти, включая самое гнусное предательство.

Второй момент: предателя находит время и востребованность, она выбирает из множества (всегда готовых) кандидатур наиболее достойную. Таковым в свое время и в своем месте и оказался Горбачев.

Точнее говоря, кандидат в предатели и обстоятельства его востребования ищут друг друга и стремятся друг к другу не хуже страстных любовников...

В таком духе Виктор Ильич размышлял весь поздний вечер дня избрания нового генсека. Главное — он ни на йоту не сомневался, что явление Горбачева — это начало практического овеществления идей его книги. Слишком все гармонировало друг с другом.

Виктор Ильич раззевался и пошел к Леночке, смотревшей уже третий безгрешный сон.

♦Какова природа сволочизма людей? Этим термином Виктор Ильич обобщал все отрицательные качества, присущие грешному человеку, причем качества вроде как и не врожденные, выраженно фенотипические, благоприобретенные так сказать. Он, как человек интеллигентный, разумеется читал Ломброзо и даже простирал свой интерес к более специальным сочинениям, из которых следовал научно выверенный вывод: черты характера, предрасположенности отчасти передаются по наследству, то есть генетически, но закрепляются, реализуются в человеке воспитанием семьей и средой. Таким образом, процесс этот совмещенный, феногенотипический.

Далее рассуждал Виктор Ильич методом перебора и исключений. Допустим, папаша был отменной сволочью, а сынок вырос в среде подобных родителю; резюме: на 99 % сформируется такая же по характеру фигура. Другой расклад: дурная наследственность, но воспитание в благоприятной среде. Вопрос: что получится? — Скорее всего, получится приличный человек, но всю свою благонравную жизнь он будет настороже, будет подавлять — тайно и с болью — порой вспыхивающие наклонности порочности. По-своему это не очень счастливый человек.

Обратный вариант: добротная наследственность и воспитание в дурной среде. Здесь ответ прост и нагляден: это Челкаш М. Горького, воровские герои советских романов 20—30-х годов (тот же «Вор» Л. Леонова), герои приблатненных песен В. Высоцкого. Опять же трагические судьбы.

А вот что дает «плюс» на «плюс»? В математике он и дает плюс, а в биологии и социопсихологии человека? Увы, здесь действуют намного более сложные законы, порой выпадает и минус... По наблюдениям Виктора Ильича, самый великие негодяи, предатели, не уступающие Иуде, величайшие преступники и гениальные мошенники как раз и относятся к числу лиц, для которых законы феногенотипики читаются наоборот: прекрасные родители, замечательная среда воспитания, а получается мерзавец. Итак, здесь загадка природы человека.

Конечно, размышлял Виктор Ильич, здесь возможны два, хотя и редких, варианта: ребенка перепутали в роддоме или дедушка-прадедушка был мерзавцем, а генетические признаки, как смело утверждает биология, очень часто передаются через поколение-другое. Тогда все становится на свои места. А если таких случайностей не было? Итак, все же загадка.

Беспокойная мысль нашего исследователя металась, все искала легкого пути для разрешения загадки. И опять его повело по пути случайностей, но уже с учетом высокого развития науки конца XX века: а может используют кодирование, это... как его — зомбирование? Беседы с Аседоном подтверждали: такая техника уже давно есть и достаточно хорошо используется в спецслужбах. Да нет, морщился Виктор Ильич, одно дело в застенках КГБ, ЦРУ или Моссада, а другое в ставропольской деревне, в общаге МГУ... Нет, не то!

Так и осталось это загадкой для Виктора Ильича.

♦Однако, как это ни парадоксально, загадку легко и просто, походя, разрешила... русская француженка Наташа. Как-то уже в конце мар-

та месяца Виктор Ильич после ужина зашел в библиотеку и засиделся допоздна: в газетах (не в советских, конечно) наконец стали появляться, пока еще короткие, информационного характера, отзывы на книгу Устюжнина. Некоторые репортеры хотя и осторожно, но предрекали ей судьбу бестселлера, равного «Архипелагу ГУЛАГу» Александра Исаевича. Слово «бестселлер» Виктору Ильичу импонировало, но сравнение с Солженицыным вызывало неудовольствие.

В половине одиннадцатого пришла Наташа, шутливо ускользнула от объятий Виктора Ильича, дескать, сегодня ей надо поработать: получила верстку своей статьи из солидного педагогического журнала, надо все выправить и отправить с утренней почтой: сроки для вычитки верстки предельно жесткие, не успеет — на полгода публикацию передвинут.

Она вовсе и не шутила, но пяток минут Виктору Ильичу перед его уходом из библиотеки уделила. Вот здесь он и задал, вовсе не надеясь на ответ, свой вопрос о природе подлецов из хороших семей и получивших отменное воспитание. Наташа, не задумываясь, ответила, что все дело в женщинах.

— Каких, то есть, женщинах? Наследственность что ли по матери?

— Нет, я не так сказала: дело в бабах. Теперь понятно?

И затем Наташа, уже разложив листы верстки с большими полями, между которыми как-то странно смотрелись колонки текста мелким шрифтом, все расставила по своим местам:

— Под бабой понимаются жены или любовницы, причем сексапильные и неглупые... навроде нас с Еленой Станиславовной, если говорить конкретизируя. Такая баба — в зависимости от того, куда ветер в ее голове дует, может и героя-бессеребренника в своей постели взрастить, но чаще — до самоубийства довести или сделать из вполне приличного человека негодяя высокой марки, «высокой отрицательной ценности», как говаривал известный тебе отец западноевропейского позитивизма Джордж Мур... Самое же существенное, что экспериментируют бабы именно и только над такими вот «двойными плюсами». Именно они — идеальный объект для перевоспитания мытьем и катаньем, то есть сочетанием постельных бурь, ледяной холодности когда надо, плаксивого нытья типа «вот у других мужья!». И тут же осторожным шепотком довольно-таки квалифицированные иезуитские советы... Словом, от нескольких месяцев до пары-тройки лет — и мужик либо запьет, либо подвиг совершит, а скорее всего возьмет первую взятку, пристрелит первого из череды отправленных им на тот свет, подсидит первого начальника, предаст первого друга и пошло-поехало!

Ну, а детали сам додумаешь. До завтра, мой милый!

Виктор Ильич с опаской чмокнул в подставленную щечку Наташи и, ошарашенный, вышел из библиотеки, направился в спальню к Леночке. Войдя, он с еще большей опаской и изумлением воззрился на супругу: Леночка читала в постели, очень серьезно читала, даже не отвлеклась на приход Виктора Ильича. А читала она сугубо научный труд Пиаже по детской психологии на французском языке. Виктор Ильич поинтересовался: кто дал ей такую любопытную книжицу? «Наталья Георгиевна, — кратко ответила она,— ты ложись, а я еще с полчасика почитаю». В ту ночь Виктору Ильичу снились странные сны о его взаимоотношениях с некоей обобщенной женщиной, очень сексапильной и неглупой: бюст у нее был Леночкин, также и бедра явно взяты у Наташи, а попка — у одной французской кинозвезды, имя которой он не запомнил; на днях смотрел по телевизору в программе «Антенн-2» фильм с ее участием.

Глава восьмая

Хотели как лучше — получилось как всегда

В. С. Черномырдин

Эта шайка деляг очумелых
С каждым днем все тупей и дурней.
Ах, как хочется в тапочках белых
Киселева увидеть скорей!

Владимир Бушин

♦Однако седьмой, предутренний сон был провидческим (только годы и годы спустя осознал Виктор Ильич... как и все мы, сирые); был он страшен в своей откровенности и потряс Виктора Ильича. Проснувшись в поту, он понял: все его предвидения, изложенные в книге, есть сусально-либеральные страшилки по сравнению с тем, что предстоит испытать его стране.

Снилось, что прямо из своего уютного замка, где он прожил-проспал и промечтал до середины 90-х годов он попал в будущее. Десять лет он творил сам над собой чудной эксперимент: полностью отрезал поступление информации из внешнего мира. То есть не мытьем, так катаньем он все же совершил нечто похожее на «путешествие в будущее» — це-

ной потерянных впустую десяти лет жизни. То, что он увидел в том сне, он не рассказал даже Леночке и Наташе: скажут, что сошел с ума. Да и сам сон ему запомнился не фабулой, не сюжетом, но неким фантасмагорическим фоном: все какие-то рожи, изукрашенные наглостью, жадностью, всеми пороками общества наживы и индивидуализма. Все это мельтешит, дурно пахнет сернисто-водородистыми испражнениями на звуковом фоне, в котором преобладает звук «э-р-р-р»: карканье ворон над обезлюдевшими городами, картавая речь дикторов радио и телевидения. Хамство, плевки, холод и голод — это Россия середины 90-х годов. Проституция, сифилис и СПИД, голая корысть, а во главе всего этого хамская, пьяная и продажная власть — не от Бога, но от Антихриста.

...Тяжелый этот сон Виктор Ильич старался не вспоминать до тех пор, пока этот кошмар не стал явью на территории 1/6 части земной суши.

♦В начале апреля, когда мир поуспокоился от событий в Кремле и уже слегка подустал от бесконечной болтовни — словесного поноса нового советского генсека, в прессе появилось множество заметок и даже солидных аналитических статей о «анонимно изданной» книге. Западных хроникеров мало интересовало ее содержание как таковое. Более же всего их занимал вопрос о инспираторе издания; особенно репортеров смущал роскошный твердый переплет, высококачественная бумага, высокая печать (не дешевый офсет!), издание большим тиражом сразу на трех языках, недешевая рассылка по всему миру и смехотворно низкая продажная цена в лучших книжных магазинах Старого и Нового света.

Мнения на этот счет высказывались различные. Кто-то полагал, что это очередная выходка Солженицына, который, огорченный приутихающей его популярностью на Западе, на 180° изменил свои убеждения и выпустил на заработанные на «Архипелаге ГУЛАГе» деньги новый политический бестселлер, слегка закамуфлировав его псевдонимом «Устюжнин». Один досужий профессор психолингвистики из Сорбонны даже опубликовал в «Фигаро» большую статью, в которой, оперируя научными терминами, доказал, что авторство книги несомненно принадлежит вермонтскому отшельнику, ибо он неосознанно выбрал в качестве псевдонима фамилию Устюжнин по сходству со своей собственной по сочетанию аллитерацией и фонемных особенностей... Однако эта версия через пару дней кисло скончалась и более в газетах не фигурировала.

Наибольшее подозрение в авторстве с самого выхода книги пало на знаменитого антидиссидента Зиновьева, ибо это соответствовало во

многом его воззрениям. Камнем преткновения в этой версии стал финансовый момент: где взял такую уйму деньжищ бедствующий в Германии профессор? Прозвучало несколько неуверенных голосов, что-де профессор стал разменной монетой в большой игре то ли КГБ с ЦРУ, а скорее всего над живым трупом Черненко в смертельной схватке сцепились основные претенденты на генсековский престол: грядущие демократы в лице Горби и лелеющие мысль о сталинском реванше консерваторы-милитаристы во главе с ленинградским Романовым... Но и эта версия умерла, ибо за профессором столь тщательно следила «большая четверка» (ЦРУ, КГБ, БНД и ее восточная соседка Штази), что даже гений разведки Штирлиц-Максимов не сумел бы всех их провести за нос, а ведь издание книги такого характера, денежные операции и пр., да еще в Париже, не в Германии, где безвыездно жил Зиновьев, потребовало бы известных и весьма заметных действий... Словом, версия отпала сама собой.

Параллельно журналисты взялись за текстологические изыскания: определить, на каком языке был написан оригинал; понятно, что из издательства уже вытрясли душу и знали, что рукописный оригинал был на русском, но не такие дураки парижские журналюги, чтобы поверить, что именно *оригинал книги* был представлен в издательство, да и еще на русском! Перехитрили сами себя...

Понятно, исследование текстов поручили Институту языковедения Шведской академии наук, где уже имелся опыт подобных изысканий: доказывали, что все романы и рассказы Шолохова были написаны не им, а донским белогвардейским офицером Федором Клыковым. Это открытие сделал, разумеется, вермонтский отшельник. К сожалению для демократического Запада, ответ шведских филологов-языкознатцев был неутешительным: Шолохов сам-таки сочинил все свои восемь томов.

Однако, в отличие от журналистов-папарацев, ученые люди делают все долго, поэтому и это дело заглохло, некогда было ждать (Кстати, уже через пару лет, когда в Европе и Америке наглухо забыли о истории с книгой, шведская Академия опубликовала отчет, из которого следовало, что оригинал книги был написан... на японском языке, в совершенстве изученном португальцем).

Были и другие любопытные версии. Виктор Ильич зачитывал их с выражением Наташе, та смеялась, а он в душе гордился, что так запутал следы, что все разведки мира, вместе взятые, не найдут концов...

♦Виктор Ильич настолько возгордился собой, что даже как-то позвонил Сереге Развину по его рабочему телефону в «Фигаро»: не терпе-

лось узнать, что он сам думает по поводу книги? Однако ответ человека, взявшего трубку, причем ответ с короткой, но заметной паузой, его несколько взволновал: голос сообщил, что мсье Серж уже месяц как не работает у них и вообще теперь живет в Штатах; адреса и телефона его в редакции не знают. Поразмыслив, Виктор Ильич поуспокоился; ведь рано или поздно все эти развины оказываются на Брайтон Бич, а Европа для них только трамплин для прыжка на вторую историческую родину...

Виктор Ильич продолжил ношение лавров.

В середине апреля, когда весь мир задумался о первом решительном шаге нового советского генсека — знаменитом антиалкогольном указе, наконец появилась реакция на книгу Устюжнина и в советской прессе. Как и положено, появились только две статьи: одна покороче и за вымышленной фамилией на третьей странице «Правды», другая — на две трети полосы и с анонсом на первой странице — в «Литературной газете», уже почти два десятка лет с интересом читаемой советской интеллигенцией.

В первой статье, не называя фамилии автора «появившийся на Западе провокационной брошюрки (Виктор Ильич, не сдержавшись, чертыхнулся от обиды в присутствии Наташи, внимательно читавший толстую педагогическую диссертацию) антисоветской направленности», в неконкретных выражениях обличались происки спецслужб «некоторых государств», которые активизировались именно в тот самый момент, когда новое руководство СССР предпринимает гигантские усилия по нормализации отношений двух ведущих держав мира, а в самой советской стране наметились реальные условия для дальнейшей демократизации и перестройки экономики, переводу ее на рельсы интенсификации, резкому повышению уровня благосостояния советского труженика... и прочая удобосказуемая чушь.

Заканчивалась статья грозно-предупредительно: «понятно, что автор статьи только по служебной необходимости, с величайшим омерзением держал в руках этот грязный пасквиль, рассчитанный на самые низменные инстинкты, еще до конца не изжитые в характерах и поведении крайне малочисленной группы людей, граждан СССР, тайных антисемитов, врагов разрядки, мечтающих о восстановлении тоталитарного режима, сталинских ГУЛАГов, жизни за железным занавесом».

Когда Виктор Ильич закончил чтение вслух, Наташа порывисто вскочила и, забыв о всегдашней осторожности и выдержанности, горячо обняла своего интимного друга и поздравила с успехом книги:

— Это лучшая реклама!

Виктор Ильич, растаяв и отойдя от гнева на обидные для него слова статьи в «Правде», поцеловал Наташу, сел, расслабился и закурил сигару. После перерыва и чашки заваренного Наташей кофе он также зачитал вслух пространную статью из «Литературки».

Здесь были названы автор книги и ее собственное название, приведены умело выхваченные цитаты, да таким образом выхваченные, что смысл их полностью искажался... не в пользу Виктора Ильича разумеется. Первую колонку штатный обозреватель, фамилия которого вызывала ассоциации одновременно с Баку, Жмеринкой и Средней Азией, посвятил изысканиям относительно *status quo* автора книги. Выходило так, что это плод коллективного труда специалистов из Русского института Пристонского университета — легализованного подразделения ЦРУ. Цель этой провокации — здесь обозреватель более развернуто развил основные тезисы правдинской статьи. В частности, он заострил вопрос о антисемитской направленности книги, попутно сообщив о советском интернационализме и назвав имена выдающихся ученых и деятелей искусства «столь нелюбимой г-ном Устюжниным национальности».

Заканчивалась большая статья напоминанием о бдительности (здесь он явно слизал концовку у Виктора Ильича) и поздравлением читателей с ожидаемым новым курсом, взятым руководством страны на расширение демократии и укрепление экономики.

«Что-то, сволочи, серьезное задумали»,— резюмировал Виктор Ильич чтение статьи.

♦В этот вечер Виктору Ильичу не удалось заманить Наташу в «астрономическую»; она с сожалением, мило улыбаясь, сказала, что и сама хотела бы «навестить наш приют», чтобы вдохновить нашего героя на новые творения, но... увы, против природы не пойдешь! Кисло улыбаясь, Виктор Ильич братски чмокнул труженицу педагогической науки в щечку и пошел к верной супруге своей, которая на этот раз читала «Психологические типы» Карла Густава Юнга. Разумеется, этого классика психологии ей посоветовала Наталья Георгиевна. Виктор Ильич, взбодренный и приятно взволнованный газетными вестями с родины, весело-цинично подумал: «Читала бы, милая, лучше «Книгу о верных женах и неверных мужьях»!

Название такой любопытной книжки накрепко засело в голове Виктора Ильича еще со студенческих времен, когда почти каждую неделю он ездил на электричке из Москвы в *Т*. и обратно — на выходные и

праздники. И каждый раз, практически без исключений, когда Виктор Ильич ехал из Москвы дневной часовой электрической, ехал ли он из *Т*. в понедельник утренней семичасовой, где-то между Чеховым и Подольском, в зависимости от номера вагона, входил пожилой, но поджарый, с аккуратной стрижкой (даже в двадцатиградусные морозы без шапки), в армейских галифе и сапогах, в телогрейке, надетой на армейскую гимнастерку со стоячим воротничком-«сталинской» — но все аккуратно, проглаженное, заштопанное. Быстрым шагом он проходил в середину вагона, ставил на пол большую сумку с книгами, приглаживал волосы и хорошо поставленным голосом, вынимая и высоко поднимая над головой книжки, начинал одними и теми же словами: «Двадцать лет не было карты Подмосковья, а без карты, как без рук...» А вторым номером шла как раз «Книга о верных женах и неверных мужьях».

И уже работая в Архиве и вообще до начала чудесных приключений, в каждую деловую поездку в столицу он, а равно и все пассажиры электрички, как родного встречали знаменитого книгоношу. Книжки у него брали охотно, но вот злосчастных «Неверных» брать никто не хотел. Оно и понятно: в *Т*-ой электричке народ ездит годами один и тот же, хоть и в лицо, но все друг друга знают; кто же покупкой диковинной книги даст хотя бы намек на то, что он не доверяет жене, а она подозревает своего законного.

Виктор Ильич улыбнулся, в душе покаялся перед Леночкой, ласково отобрал у нее ученую книгу и притушил свет. Леночка была великолепной... И Наташа была изумительной. Нет, он не был циником, он был ласковым, добрым и любвеобильным.

♦В конце апреля, накануне Пасхи (православной, конечно), Виктор Ильич перед ужином сидел в библиотеке и с легкой грустью констатировал, просматривая сегодняшние газеты, что упоминание о книге практически сошли на нет, а в списки бестселлеров она не попала, ибо в русских делах ее «забил» новый советский генсек с его шумливыми и трескучими инициативами внутри и вовне страны.

В минуты этих размышлений раздался звонок телефона (ближе к вечеру Виктор Ильич переключал личный номер на библиотеку). Он взял трубку, несколько недоумевая, ибо связи с внешним миром он практически не поддерживал:

— Виктор Ильич? — совершенно уже неожиданно раздался в трубке бодрый, что называется «с морозца», хотя на дворе стояла роскошная поздняя весна, моложавый голос, — товарищ С...? Или господин,

ха-ха, С..? — голос в трубке явно намекал на определенную степень знакомства, хотя Виктор Ильич слышал его впревые в жизни.

— Да-да, это С. С кем имею честь?

— Вот хорошо-то, что застал вас, а я прямо с берлинского поезда, только-только в гостинице расположился; думаю вот — не поздновато ли звонить? А утром? Я ведь здешние бонтоны не знаю, вот и решил по-русски, без церемоний. Да, извините, от радости разболтался, представится забыл: Игорь Семенович Трифаничев, доцент кафедры зарубежной истории оч-чень хорошо знакомого вам Московского архивного института...

— Да что вы говорите? — невольно и радостно вырвалось у Виктора Ильича.

— Да-да, Архивного, вашей и моей альмы матер. Более того, вполне возможно, но мы визуально помним друг-друга: я ведь учился всего на два курса старше вас, правда, на другом факультете. Может и помните? — Трифоном меня в глаза и за глаза звали: высокий, тощий и с ранней залысиной...

И Виктору Ильичу тотчас показалось, что помнит он такого весельчака с исторического факультета, благо институт маленький, редко кого не знаешь.

— Очень рад встрече, даже телефонной, Игорь Семенович. Вы в командировке? А мой телефон как узнали?

— Тут дело простое и сложное одновременно. И угадали вы: в командировке по линии Института истории Академии наук. Я ведь после окончания Архивки лет пять по Средней Азии с археолагами бродил, потом за ум взялся, поступил в аспирантуру, я ведь москвич, защитился в институте Истории, теперь вот доцентом в Архивном на родной кафедре, работаю над докторской по Французской революции и всяким ее делам-делишкам в северо-западных областях Франции. Получил, а точнее зубами выгрыз творческую на пару месяцев, а ваш адресок — телефончик-то по нему узнал — мне презентовал ни кто иной, как ваш бывший начальник из *Т*. Иван Архипович. Пришлось недавно поработать недельку в вашем тамошнем Архиве — это по служебным делам, подрабатываю, понимаете, в архиве МГК КПСС, прекрасной души люди там у вас! Иван Архипович, Терехин, Гордон Семен Станиславович, словом, все сотрудники тепло о вас вспоминают, а как узнали, что я во Францию в командировку еду, так просили: обязательно с Виктором Ильичом встретьтесь, привет ему от нас огромный, как закончит диссертацию, так ждем его назад! В высшей степени любезнейшие люди.

— Да-а,— потянул растерянно и растроганно Виктор Ильич,— бывают же такие совпадения: вместе учились, а теперь вот во Франции по телефону беседуем, и в *Т*. общие знакомые появились. Так может и ко мне заглянете, если время позволит?

— Вы уж извините, получается, что набился к вам в гости. А ведь адресок ваш в *Т*. взял (адресок Виктор Ильич сам просил передать в Архив через Леночкину переписку с родными) явно с «корыстными» намерениями: еще в Москве был наслышан о библиотеке замка Орсэ де Монтан, где много чего есть по моей тематике, вот и решил сесть вам «на хвост». А серьезно? — прилично, удобно ли будет обременить вас своим присутствием на пару-тройку дней? — Мне нужно ознакомиться с несколькими книгами, которых нет даже в парижских хранилищах — я еще в Москве это по каталогам сверил. Как вы посмотрите на это нахальство?

— Какие могут быть разговоры, Игорь Семенович, да я и сам уже тысячу лет с земляками не разговаривал. Да, послушайте Игорь Семенович, все кстати: пасха на носу, здесь я как-то привык ко всем праздникам, что с Россией ассоциируется. Заодно для знакомства и разговеемся, ха-ха! И вам удобнее: завтра я посылаю машину за священником, вот с удобством и доедете до нашей захолусти. Идет?

— Изумительно! Как мне эту машину разыскать, я ведь Париж совсем не знаю, да и вообще по заграницам не ездок, провинциализмом московским заражен...

— Нет вопросов. Завтра где-то в два часа пополудни будьте у себя в номере, кстати сообщите название гостиницы и номер?

— Да-да, записал. Значит, в это время машина заедет за вами, шофер через портье свяжется с вами и... в путь!

— Огромное спасибо! Жду с нетерпением завтрашней встречи, да-а-а, я извиняюсь, смокингов там всяких, фраков у меня нет...

— Да не шутите, Игорь Семенович, мы здесь семейно, почти по-советски живем в деревне. Итак, до завтра!

— До свидания, Виктор Ильич.

♦Виктор Ильич решил сделать обитателям замка, дамам в особенности, сюрприз внезапного появления гостя с родины, поэтому распоряжение мсье Суассону приготовить в комнатах для гостей на двоих (как бы на всякий случай) он отдал уже ближе к вечеру, и Фернана проинструктировал уже когда тот сел за руль. Машину же он приказал взять замковую, боясь испугать и насторожить роскошью Аседонова лимузина московского гостя.

Весь день он бесцельно прохаживался по замку в приподнятом настроении, порой музыкально посвистывал, слегка задирал боцмана, ущипнул Полину за бочок, подмигивал Наташе, встречая ее в переходах замка, а Леночке даже показал язык, когда она поинтересовалась: почему это Полина готовит ночлег для двоих гостей? Виктор Ильич отвечал в том смысле, что о. Хрисанф прибудет... с любовницей. Леночка назвала его выходку кощунством, но ей было некогда, она примеряла выписанный из Парижа наряд к пасхальному празднику. Консультировала ее, конечно, парижанка Наташа. Интересно, размышлял прогуливающийся по парадному залу первого этажа и подкручивающий мысленные усы Виктор Ильич, где у женщин заканчивается бесстыдство и начинается их скромность? Или в их отношениях с мужчинами эти понятия смешаны? Вот сейчас Наташа примеряет на себе новый лифчик Леночки, говорит, что ей просторно в нем. Они обе хихикают, рассматривают груди друг друга, делают вслух комплименты, а в душе слегка завидуют или мелко злорадствуют. Причем одна из них прекрасно знает, что и ее, и визави груди поочередно, порой с разницей в какой-то час ласкает, целует, неистово сжимает в миг страстного взрыва один и тот же мужчина.

А поскольку у них и общая ванная комната, то и другие интимные места друг у друга на виду: те же сравнения, зависть, злорадство... Нет, это для Виктора Ильича было непостижимо. Кстати говоря, он до сих пор не понимал, как это Леночка не заинтересовалась: почему Виктор Ильич в последнее время несколько разнообразил интимные позы? (Ну не мог он сразу после Наташи переключаться!) Впрочем, у него продуманный ответ был наготове: на гнилом Западе, разбуржуазном этаком, живем! Поневоле насмотришся в журнальчиках твоих дамских, да на ночном телеканале. Сама запретила мне замковую цензуру ввести!

Действительно, вскоре после рождения Кати Виктор Ильич как-то с легкого утреннего похмелья, озаботившись грядущим воспитанием дочери, разошелся и сказал, что отныне вводит в замке цензуру на «всю эту буржуазную лабуду», то есть запрещает смотреть телек после 22.00, выписывать полупорнографические дамские журнальчики, всякие разговоры типа «пора как всем приличным людям видик завести» просто прекратить. И прочее, прочее. Долго, убедительно говорил в присутствии супруги, Наташи, Полины, управляющего и случайно присоединившегося к аудитории боцмана (Виктор Ильич, ввиду многонациональности слушателей, говорил на языке Вольтера и Дидро).

Однако Леночка резко возразила, что в ближайшие год-два ребенка еще мало будут интересовать ночные фильмы и журналы, лежащие на

высоком для него столе. Ее мягко и необидно для патрона поддержала Наташа и почему-то боцман (Полина читала-смотрела дамские журналы от корки до корки).

Поставленный вопрос повис в воздухе, в итоге создалась ситуация, равнозначная российской в 18-м году и озвученная Троцким: ни мира, ни войны, а армию распустить.

♦Поскольку в этот день ужин ожидался пасхальный, то есть полуночный, то до вечера все обитатели замка томились голодом, часто заходили на кухню к Аннете, которая с помощью Полины готовила пасхальную трапезу; для голодающих на выходе из кухни в столовую, на раздаточном столике громоздились тарелки с закусками и с запивками (безалкогольными). По личному отношению от Виктора Ильича управляющий дважды открывал ключом бар у камина парадного зала и самолично наливал мсье Боцману стаканчик виски, а затем и рому. Сам хозяин пробавлялся едой из холодильника в библиотеке. Он скучал без Наташи, занятой попеременно ребенком, туалетом хозяйки, своим туалетом.

Ближе к вечеру Виктор Ильич оделся в праздничную тройку и по внутреннему телефону предупредил дам и управляющего, что вот-вот прибудет отец Хрисанф, но не один, а с солидным гостем, то есть встречать будем коллективно.

Когда за стенами замка раздался троекратный гудок прибывшей машины, то вся аристократия замка была в сборе и расположилась полукаре в «парадном зале» ближе к парадному входу; Леночка и Наташа смотрелись ослепительно, причем каждая строго соответствовала своему реноме: Леночка в этаком осовремененном стиле русской красавицы, но уже пообыкшей к загранлоску, а Натали́, само собой разумеется, являла тип очаровательной парижанки, в то же время что-то неуловимое на глаз подчеркивало ее русское происхождение. Виктор Ильич увидев их бок-о-бок спускавшихся по широкой лестнице на второй этаж, от восхищения даже присвистнул и почувствовал себя суперменом.

Высланный нарочным, боцман с превеликим усердием отворил обе створки парадного входа, в который вступили хорошо знакомый, дородный о. Хрисанф со своим баулом, прямо-таки из чеховских рассказов, и гость с кейсом-дипломатом в левой руке, с хорошо подобранным, но в то же время и не претенцизно-роскошным букетом роз.

Виктор Ильич как представил его облик во время телефонного разговора, так и сейчас увидел его: спортивного, но уже солиднеющего телосложения, чуть повыше Виктора Ильича, острые черты лица, аккуратная

прическа со знаменитыми «залысинами». Было в нем, в его хоть и отечественного, но добротного пошива костюме, что-то до боли родное, вальяжно-добродушное московское, так что поневоле Виктору Ильичу захотелось хлопнуть гостя по плечу и предложить тяпнуть за встречу.

Гость вежливо приотстал на один шаг от о. Хрисанфа, и пока обитатели замка поочередно подходили под его благословение в облегченном варианте, для атеистов, то есть длань свою для поцелуев он не предлагал,— новоприбывший короткими взглядами успел оценить великолепие замка, изящные туалеты красивых дам... чувствовалось, что он успел составить подробный словесный портрет Виктора Ильича. Даже остановившегося обок группы боцмана он внес в мысленный реестр образов.

С сомнением перекрестив мсье Суассона с непроницаемым лицом, о. Хрисанф полуобернулся к спутнику и на правах дорожного знакомства представил гостя, почтительно склонившего голову в знак общего приветствия:

— Ну, а я, господа-товарищи, сегодня не один, вот позвольте рекомендовать вам Игоря Семеновича, ученого-историка, прекраснейшей души человек! Несколько часов в автомобиле провели вместе, а такое впечатление, что полжизни добрыми соседями прожили.

Польщенный рекомендацией гость скользящим шагом выступил вперед отца Хрисанфа, безошибочно вычислив хозяйку, вручил с полупоклоном Леночке букет, почтительно поцеловал ей ручку, далее ласково-добродушно приложился к ручке Наташи, а увидев, что Виктор Ильич смотрит на него совсем по-свойски, тотчас сообразился, бесшумно поставил свой кейс на пол и, широко расставив руки, мелкими шажками, пошел навстречу хозяину со словами: «Рад, истинне рад встречи, дорогой однокашник».

Трехкратно, по-русски облобызав хозяина, гость еще пяток секунд подержал обе его ладони в своих, казалось, вот-вот и скупая мужская слеза нечаянной радости выкатится на тщательно выбритую щеку... Затем сделал шаг назад и с достоинством, выпрямив голову, крепко пожал руку управляющему и как-то одновременно умудрился дружески кивнуть боцману и Полине, хотя они стояли обок группы и по разные ее стороны.

В возникшей секундной паузе дамы, сославшись на праздничную спешку, попрощались с гостями до скорой встречи, Полина подхватила баул священника и кейс Игоря Семеновича, а Виктор Ильич, взяв под локотки гостей, повел их в столовую наскоро перекусить с дороги. Пока они дошли до фуршетного столика в уголке столовой, гость восхищался роскошной обстановкой замка, о. Хрисанф ловил своим ноздреватым но-

сом вкусные запахи из кухни, а Виктор Ильич заботливо расспрашивал гостей о неудобствах многочасовой поездки в автомобиле, извинился, что не смог выслать более приличную и удобную для столь длительного путешествия машину, дескать, у нее что то накануне поездки забарахлило. Игорь Семенович же уверял, что поездка была восхитительной, особенно в сравнении с его выходными поездками на стареньком отцовском «москвиче» на дачу по серпуховской дороге в вечернем пятничном столпотворении.

Дамы же, поднявшись на второй этаж и остановившись в холле напротив каминной и библиотеки, в кратких фразах оценили гостя. Общее мнение их склонялось к тому, что гость занимателен, отчасти себе на уме, скорее всего бабник с подходцем. Наташа же была серьезна.

♦За фуршетом мужчины задержались долго, исключая Клода Суассона, который выпил крохотную рюмку можжевеловой водки и, сославшись на хлопотные хозяйственные дела, с поклоном удалился. ...Благо пивцы они оказались как на подбор: Виктор Ильич на правах хозяина, о. Хрисанф был истинным православным пастырем и мог запросто выпить штоф горькой, закусить его целиковым молочным поросенком с гречневой кашей, после чего чинно провести двухчасовую службу. А Игорь Семенович тоже оказался истинным московским доцентом, то есть мог есть-пить, рассказывать свежие анекдоты, шуметь и балагурить хоть до утра, а утром отправиться читать лекции по эстетике или научному коммунизму. И читать с блеском, увлекая сонную с утра студенческую молодежь.

Благо фуршетный стол был великолепен, был и возлюбленный о. Хрисанфом поросенок. Из напитков иерей нажимал на армянский коньяк. Виктор же Ильич с доцентом сошлись в своем пристрастии к «посольской» под маринованные рыжики, правда, не рязанского, но местного сбора.

В легкой, общей и ни к чему не обязывающей беседе Игорь Семенович и Виктор Ильич неоднократно вспоминали свою альма матер, любимых и нелюбимых преподавателей. Нашли даже пару-тройку общих знакомых, правда, из числа тех, что были известны какими-то чудачествами всему институту. Но все равно знакомцы!

После несколько затянувшегося фуршета, спохватившись, Виктор Ильич попросил управляющего отвести гостей в их комнаты: отдохнуть от долгого пути, привести себя в порядок и подготовиться к праздничной ночи.

В веселом, праздничном настроении Виктор Ильич удалился в библиотеку, заварил себе чаю, удобно устроился в глубоком кресле, закурил сигару. Однако что-то его держало внутри и побуждало к действиям. Прислушавшись к «внутреннему голосу», он понял — к чему эти побуждения. Видно, занимаясь своими тайными делами, он, по природе, воспитанию и образу жизни — советской, спокойной — человек доверчивый и благодушный, поневоле обрел некие качества детектива. Поэтому Виктор Ильич с неохотой, но побуждаемый, встал с покойного кресла, открыл ящик стола, вынул старую свою записную книжку-алфавит, долго вспоминал фамилию своего однокурсника-москвича, пару лет бывшего институтским комсоргом, вспомнил-таки, набрал номер орлеанской междугородки, заказал телефонистке Москву.

Через минуту позвонили из Орлеана и установили связь.

— Алло? — в трубке звучал хорошо памятный по студенческим временам (да и пару-тройку раз и после в Москве встречались) голос. Хрипловатый со сна.

— Вадим, привет! Что же ты на пасху спишь с ранья?

— Что-что? Какая пасха? А-а, да-да, пасха ведь сегодня. Прошу пардону, со сна не разберу — чей голос... Опять же междугородний, или это пасхальные шутки? — Орлеан... А почему не Нью-Йорк?

— Да нет, не шутка, это Витька С. из *Т*. Помнишь?

— Ну-у, амнезии памяти пока нет, здорово, Вить, чего давно не заходил? В Москве-то ведь часто бываешь...

— Понимаешь, Вадим, я сейчас во Франции, повезло с командировкой по архивным делам.

— Во-о люди дают! Ну и времена: из провинции прямо в Орлеан, а тут дальше Урюпинска не посылают. Ты чего, похвалиться позвонил или по делу?

— Да, вообще-то по делу. Понимаешь, познакомился здесь случайно с неким Игорем Семеновичем Трифаничевым, говорит, что тоже в Архивном учился, на два курса старше. Меня как вроде помнит, тебя называл, а я, конечно, беседу поддерживаю, Стыдно признаться, что не помню. А неудобно, мы с ним одной библиотекой архивной пользуемся. Может чего скажешь о нем — это мне для поддержания беседы.

— Игорь Трифаничев? Что-то припоминаю... да-да, вспомнил, кажется он сейчас в Архивке и преподает, я тут на днях с нашими ребятами, Славкой и Егором, надеюсь не забыл, за бутылкой сидел, Егорка в Архивном диссер недавно защитил. Кажется, упоминал этого Трифаничева. Вот, пожалуй, и все, что знаю о нем. Вообще говоря, хитроватый,

как припоминаю. Ты *nach Faterland* когда?

— Да еще побуду. Я ведь тоже диссертацией занимаюсь.

— Ну, вы, мужики, даете! А я вот как засел в своем НИИ, так и бегаю в научных сотрудниках. Слушай, если лишняя купюра найдется, на обратном пути захвати джины поприличней, а?

— Идет, размер-то у тебя каков теперь будет?

— В сорок восьмом еще держусь. Может поподробнее об этом Трифаничеве узнать хочешь? Так я тебе Егоркин номерок дам, он сейчас в новую хату с телефоном переселился...

— Да нет, это ведь я так, для разговора, повод сочинил... позвонить. Скучно тут, одни лягушатники, слова по-русски сказать не с кем.

— Ну, ты даешь! Телефон, должно быть, казенный?

— Да вроде того, однако пора и честь знать. Жди джины, привет супруге: все хорошеет?

— У Галки не без этого. Вернешься — не сразу в свою *Т*. мчись, на пару деньков у меня остановишься, почудим! О'ревуар!

Телефон дал отбой.

Успокоив душу, Виктор Ильич решил заодно добродушно пошутить. Взял с соседнего, рабочего столика толстый парижский телефонный справочник, нашел подходящее бюро подарков, набрал номер и заказал подарок в Москву: пару фирменных джинсов, одни сорок восьмого, другие сорок шестого (мысленно вспомнил хрупкие очертания Галки), набор парижской косметики и пару бутылок «камю». Продиктовал по буквам московский адрес, читая его с записной книжки и попросил приложить открытку, на которой латиницей приемщица записала русскую фразу: «*Privet iz Orleana. Victor*». Назвал номер кредитной карточки и поблагодарил девушку из бюро.

♦За этими детективными действиями Виктор Ильич прекрасно провел время до пасхальной службы, которую о. Хрисанф в крайне укороченном виде отслужил в замковой домовой церкви, расставив посреди католического убранства самые необходимые православные инструменты. В качестве почетного гостя присутствовал его личный коллега, кюре Антуан, двумя неделями раньше здесь же отслуживший аналогичную службу. Были и мэр Орсевиля, и полицейский Марсель. Служба получилась этакая экуменическая. Крестились достаточно правдоподобно только Леночка с Наташей и Полина. Виктор Ильич снисходительно осенял себя крестным знамением в положенные моменты — на призыв «помолимся, братие» о. Хрисанфа. Игорь Семенович еще до начала службы, как веж-

ливый и воспитанный материалист, деловито осведомился у Виктора Ильича: «Креститься нужно?» «Умеренно»,— ответствовал тот.

«Благообразный Иосиф, с древа снем пречистое тело Твое, плащаницею чистою обвив и вонями, во гроб нов покрыв положи»,— распевно рассказывал о. Хрисанф историю страданий Христа.

Виктор Ильич, не первый раз слышал речения о. Хрисанфа, уже немного понимал композицию службы, но, как человек не воцерковленный, все более вслушивался в слова, улавливая их смысл, чего вообще не делают люди религиозные.

«Во гробе плотски, во аде же с душею, яко Бог, в рай же со разбойником и на престоле был вси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй, неописанный!» Этой фразы Виктор Ильич не понял, задумался над ее смыслом и уже пропускал мимо ушей слова священника.

Однако и сама укороченная служба подходила к своему завершению: «Яко живописец, яко рая краснейший, во истину и всякаго чертога царского явися светлейший, Христе, гроб твой, источник нашего воскресения».

Игорь Семенович умеренно крестился, искоса поглядывая на местную деревенскую аристократию, которая прибыла к самому началу службы и была, что называется, «на ходу» представлена московскому доценту.

После короткой всенощной хозяева и гости отдались длительной трапезе. Увидев накрытый стол, изумленный донельзя московский гость как-то по-особому, внимательно и коротко взглянул на хозяина замка, а второй тост (первый был Виктора Ильича) — на правах почетного гостя — поднял за очаровательных дам и истинных русских людей, которые и во французской провинции остаются верны лучшим традициям своей великой и щедрой родины!

Глава девятая

Мчится тройка, скачет тройка:
Мишка, Райка, перестройка

Народное

♦Веселье длилось до утра. Интеллигентно пьяненький Игорь Семенович пил на брудершафт с хозяином, о. Хрисанфлм и полицейским Марселем, сыпал комплиментами Леночке, шутливо ухаживал за Натали (он сразу понял расстановку отношений в замке), а в разгар веселья

сплясал русскую в паре с боцманом.

На первый день пасхи до обеда замок был тих: все спали, только Наташа занималась ребенком, а боцман Полиной. После праздничного, но уже более скромного обеда сдружившееся Виктор Ильич и московский гость уединились в библиотеке. Поговорили о последних веяниях на родине; Игорь Семенович был преисполнен оптимизма, вся страна, по его словам, воспряла после дряхлых генсеков, сам воздух насыщен энергией. Затем перешли к самой цели приезда гостя в замок, Виктор Ильич подвел Игоря Семеновича к бюро с каталогами замковой библиотеки, нашли в шкафах и на стеллажах нужные тома, сносили их пудовую тяжесть на отдельный столик, который стал на пару дней рабочим для доцента.

Эти два последующие дня Игорь Семенович провел в библиотеке. Хозяин дипломатично не мешал его ученым занятиям. Виделись за обедами-ужинами. После обеда вдвоем прогуливались в окрестностях замка, говорили попеременно о французской истории и сегодняшней Москве. Гость особо не любопытствовал обстоятельствами столь роскошного пребывания Виктора Ильича во Франции, но задал пару наводящих вопросов. А кто не спросит, особенно бывшего однокашника? В частности, Виктор Ильич не отрицал дошедшие до гостя из *Т*. слухи, что-де он получил канадское наследство и, пока деньги есть, вовсе не торопится возвращаться в фатерлянд. Гость это одобрял, однако в видах на будущее обнадеживал: год-другой и у нас обстановка полиберальнее станет, а если деньги в зарубежном банке есть, то можно будет и *пользу родине* приносить, и проживать в таком вот уютном доме...

Виктор Ильич с ним соглашался, а деликатный столичный житель Игорь Семенович и не настаивал на продолжении щепетильной темы, а возвращался к своей диссертации, активно побуждал к диссертационным занятиям и Виктора Ильича, гарантировал всяческую организационную помощь, «устроить» защиту в родном Архивном... Виктор Ильич серьезно задумался.

В библиотеке же московский доцент натаскал с полок гору книг на свой стол, не уставал, встречаясь с хозяином, восхищаться богатством книжного собрания замка, а самое главное-по его теме здесь оказалось море редчайших изданий. Виктору Ильичу ничего не оставалось, как предложить гостю задержаться в замке на угодное ему время. Игорь Семенович поблагодарил, заметив, что, конечно, он понимает, что напросился («это все равно, что библиофильство или филателия, или любое другое увлечение, здесь всякая интеллигентность на второй план отступает!»), но... наука требует жертв. Он горячо благодарил хозяина,

однако просил разрешения повторно навестить его, очаровательных дам и прекраснодушных обитателей замка через пару недель, ибо, как-то принято у нас, просто так командировку «за бугор» не дают, обязательно нагрузят поручениями, делами начальников и пр. В частности, в первой половине мая месяца в Париже состоится симпозиум по истории позднего Средневековья и семинар в Сорбонне по герменевтике. Игорь Семенович слабо представлял предмет этой науки, но там он должен был (по бумажке) прочитать доклад от имени проректора по науке.

— А чего же сам не приехал? Ему-то легче загранкомандировку пробить?

— Тут дело тонкое, на старости лет решил свою жену поменять на аспирантку с ногами от ушей, блядун старый — простите, а у жены-то дядька к Минкульту приближен. Словом, хочешь длинноногую — жертвуй по части карьеры. Может и вообще с должности полететь. Там что, как говорится у нас, празднуйте майские праздники, а я в середине мая, нахал этакий, снова нагряну.

Через день Фернан отвез гостя в Париж (Отца Хрисанфа он вывез туда же, полусонного, к вечеру первого пасхального дня).

♦Вдохновленный двухдневными беседами с ученым гостем, Виктор Ильич всерьез задумался о собственной диссертацией, даже попытался вспомнить некогда «заявленное» ее название, но за давностью времени так и не вспомнил. Впрочем, Игорь Семенович и так ему тему подсказал, обратив внимание на один из шкафов библиотеки, где, по его словам, находились тщательно подобранные сборники государственных и местных актов, собрания прокламаций и провинциальных газет, десятки томов исследований по деятельности масонских лож в Вандее, относящихся ко времени роялистских мятежей. Не оставляя на будущее, Виктор Ильич присел к столу и сформулировал название исследования: «*Хроники Вандеи: Роль и действия масонских лож в нейтрализации роялистских мятежей*». Помня принцип кузнецов ковать не отходя от горна, Виктор Ильич сразу же после ужина вернулся в библиотеку и до прихода на вечернее бдение Наташи лихо набросал на десятке страниц аннотированный план исследования, пользуясь услугами своей памяти и каталогом «вандейского» шкафа. Будучи, не хуже немца, пунктуалистом, он подобрал из числа имевшихся в библиотеке запасных папок под документирование особо толстую, в три дюйма толщиной, в изящном переплете «под кожу», папку. На чистой этикетке, вставленной в пластиковый кармашек на обложке, аккуратно написал черным фломастером на-

звание труда. Полюбовался и вложил в папку исписанные листы. В это время вошла Наташа со своим рабочим портфельчиком.

Им как-то не удавалось в эти два дня после отъезда гостя побеседовать, обменяться мнениями. Поэтому, не сговариваясь, они и обратились к животрепещущему.

— Ну, как тебе мой однокашник?

— А что, все москвичи такого, так сказать, пошиба?

— Это специфический преподавательский круг. Ведь и во Франции такая каста есть, тоже чем-то отличающаяся от политиков, например, работяг, акул пера... кто тут еще есть: проституток, актеров, гомосеков, впрочем, это одно и то же. Так как?

— Есть, конечно, и очень выражены. Я ведь просто так спросила, для меня СССР, Россия, Москва — это все как в тумане, историческом тумане, из которого ты, мой милый, выплыл и Елена Станиславовна... А ты уверен, что он твой однокашник?

— Ната-а-ша! И ты, Брут, поддалась этому западному идиотизму, всюду кэгэбешников видишь. Удивительно, что нас с Леночкой как-то не заподозрила?

— А что, собственно говоря, плохого в том, был бы ты агентом внешней разведки? Ведь сам восхищаешься, что Достоевский и Тургенев служили резидентами схожей по назначению службы! К сожалению, мой милый, у тебя нет этой героической профессии.

— Верно говорят, что всех женщин прельщают мужчины в военном, даже не носящие мундиры,— искренне обиделся Виктор Ильич, но тут же был умилостливен очень даже горячим поцелуем, из которого уяснил, что из-за праздничной, гостевой суеты они давно не навещали «астрономическую».

— Так все же что тебе не приглянулось в нашем архивном доценте?

— Ну почему же не приглянулось, такие мужчины очень даже нравятся женщинам, правда, не всем. Ты не очень взбесишься, если я скажу, что до встречи с моим предбывшим благоверным был у меня приятель из контрразведки французского военного ведомства?

— Я же понимаю, ты взрослая женщина...

— Та-а-к. Ты хочешь сказать, что я уже старуха, меня можно и не ревновать? Я-я-я... меня уже и ревновать нельзя, да?!

Теперь Виктор Ильич утешал Наташу долгим поцелуем. Кажется, утешил.

— Я это к тому вспомнила, что, будучи от рождения любознательной, я сумела много выпытать у начинающего разведчика, многое и уви-

деть, общаясь на всяких там вечеринках с его коллегами. Так что мои детективные познания вовсе не из глупых книжек в мягких переплетах, а, так сказать, из первоисточника. Французы — они болтливы с женщинами, даже разведчики. Правда, молодые еще, зеленые.

— Все таки что насторожило тебя в милейшем Игоре Семеновиче? Опять же командировка у него по солидной линии — от Института истории СССР, а в Архивном он только учился, я уже проверил, в Москву звонил...

— Да-а? Впрочем, конечно, там все в порядке?

— И что ты привязалась к нашему доценту, видно, ты как раз из тех, кому молодые мужчины с залысинами не нравятся.

— Наверное. Но все равно, мой милый, будь бдителен, ибо ты сумел в нужное время и в нужном месте попасть в большую политику.

— Ха-ха, Наташенька, женщинам свойственно преувеличивать роль, вес и значение своих мужчин!

— Может быть.

♦Три недели Виктор Ильич с вдохновением работал над диссертацией, а коль скоро тема масонства ему была хорошо знакома, библиотечные архивы замка отличались замечательной полнотой, трудолюбием он (правда, спонтанным) обладал превосходным, то в этот неполный месяц заветная папка заметно попухлела. При таком темпе уже к осени можно было ожидать завершения. Удивительного в этом ничего не было: годы работы с архивами и неформальное, творческое отношение к исторической науке сделали свое дело. Попутно Виктор Ильич, помятуя о определенном наборе публикаций, сопутствующих работе над дессертацией, написал и отослал пару статей во французские академические журналы и еще пару — в советские (то, что «французские» статьи впоследствии и очень скоро опубликовали, его не удивило, но ведь к осени и наши опубликовали?! — даже и не исковеркав сильно... Впрочем, к осени-то ему стало понятно...).

В конце мая позвонил доцент Трифаничев, извинился за долгое молчание («Дела по всем этим семинарам и симпозиумам замотали!..»), осведомился: в силе ли их давешнее соглашение о повторном визите. Получив подтверждение, сообщил, что прибудет, если это удобно хозяевам, завтра к вечеру. Просил не беспокоиться с машиной: его довезет новый его приятель, профессор из Сорбонны — познакомились на симпозиуме. Если можно, он останется до следующего дня («Везу не без умысла, не выпить не дармовщинку,— предупредил Игорь Семенович, во-первых,

именно ему на рецензию попала ваша первая статья, он весьма заинтересовался; отсюда и во-вторых: имею ввиду намек на вашу защиту здесь, в Париже»).

— Какие могут быть разговоры, дорогой Игорь Семенович! Да мы его и не отпустим так скоро, не по-русски это!

— К сожалению, ему уже послезавтра председательствовать на семинаре. Он заранее и заочно извиняется, что визит его будет краток. Итак, милейший Виктор Ильич, большой привет очаровательным Елене Станиславовне и Наталье Георгиевне и — до завтра!

Виктор Ильич (звонок был вечером, он сидел в библиотеке напротив Наташи, сосредоточенно строчившей в толстую тетрадь. Она была серьезна и отмахивалась от шутливых приставаний своего друга) радостно потер рука-об-руку и сообщил Наташе о визите нелюбезного ей гостя, да еще с сорбоннским профессором. Не преминул сказать и о возможной защите в Париже.

Знаешь,— отложила ручку Наташа и задумчиво посмотрела поверх его головы,— чем неполная французская семья отличается от полной?

— Похабщина какая-нибудь?

— Однако не все у французов похабно, мой милый. Так вот, неполная французская семья — это папа, мама и дочка, а полная — папа, любовница папы, мама с ее любовником и дочка с милым другом.

— Это к чему?

— Так... для общего развития.

♦К вечеру следующего дня, прямо к ужину прибыли Игорь Семенович и лихо представленный обитателям замка моложавый, совсем не смотрящийся пятидесятилетним профессор Роже Этьен. Вообще-то, как бы по секрету, но в то же время прилюдно, объявил Игорь Семенович, мсье Роже потому имеет достаточно редкую у французов фамилию Этьен, то есть фамилию-имя (это все равно, что у нас была бы фамилия Иван или, допустим, Сергей), что на самом-то деле он *де Этьен*, но профессорá во Франции, тем более в Париже, сплошные либералы, поэтому мсье Роже оставляет аристократическое «де» только для официальных бумаг, словом... прошу любить и жаловать!

Мсье Роже весело улыбался при представлении, с достоинством пожал руку Виктору Ильичу и Клоду Суассону, лукаво и дружелюбно приложился к ручкам дам. За затянувшимся в честь гостей ужином мсье Роже охотно рассказывал о нынешней университетской жизни, благодарил хозяев за чудесное удовольствие посетить «настоящий жилой замок»,

то есть не музей, не коммерческое туристическое предприятие...

После ужина Виктор Ильич попросил Полину подать кофе, коньяк и ликеры в библиотеку, в ближнюю комнату с камином (камин был затоплен заранее), куда сам-третий и прошел с гостями. Беседа затянулась до полуночи, новый гость тщательно осмотрел библиотеку, выразил удивление и восхищение. Ознакомился с наметками диссертации Виктора Ильича (как предчувствуя, он писал ее по-французски), быстро и по-деловому согласился стать научным консультантом хозяина замка, обговорили сроки проведения исследования, договорились и о встречах в Париже, а по любезному приглашению Виктора Ильича — и в замке. Обсудили и статьи, направленные в парижские исторические журналы. Мсье Роже рекомендовал обязательно поучаствовать в паре-тройке симпозиумов («Я вам приглашения организую»), как можно больше публиковаться («Помните завет Майкла Фарадея: работай, получай результаты и немедленно публикуй!»).

Виктор Ильич лично проводил Игоря Семеновича и профессора до приготовленных им гостевых комнат. Наутро, после завтрака, профессор отбыл на своей машине, недорогом «рено», взяв с Виктора Ильича слово через месяц-полтора побывать у него в Париже, познакомится кой с кем из университетских... «для пользы дела»,— заметил гость.

♦С поселением Игоря Семеновича в замке воцарилась атмосфера научного труда, видимо, само присутствие ученого доцента дисциплинировало обитателей роскошной квартиры, вообще говоря, привыкших жить не торопясь, с изрядной ленцой.

Сам Игорь Семенович просыпался в шесть утра, делал пробежку от замка до деревни Орсевиль и обратно — чисто московская манера держать себя в околоспортивной форме, а после душа и бритья занимался до завтрака в библиотеке, в одиночестве среди тысяч книг. Тому же занятию, но уже в компании с Виктором Ильичом, также приналегшему на свою диссертацию, гость посвящал и время от завтрака до обеда.

После обеда гость по русскому обычаю полчаса-час вздремывал у себя в гостевой комнате, после с часок гулял в окрестностях замка, а потом вновь брался за дело. Чуть позже к нему присоединялся и хозяин, ведь ему все же приходилось какими-никакими, но хозделами в замке заниматься. Опять же в послеобеденное время Леночка отдыхала, Катюша чмокала в глубоком полуденном сне губками, а освободившаяся на часдругой Наташа приходила в «астрономическую»... Дела, дела, не просто быть сувереном громоздкого замкового хозяйства! Ох, грехи наши тяжкие!

После ужина хозяин и гость пили — Виктор Ильич любимый индийский или китайский чай, а гость по-московски кофе — в каминной комнате библиотеки, пригубляли отличный грузинский коньяк в экспортном исполнении или «камю». Уютно расположившись у камина, они допоздна засиживались за разговорами: начинали с исторической науки, но потом тематика расширялась. Уложив Катерину спать, к мужчинам спускались Леночка с Наташей. Впрочем, в каминной они долго не задерживались, проходили в рабочую библиотечную комнату. Леночка просматривала свежие журналы дамской и литературной тематики, Наташа раскрывала свой рабочий портфельчик.

В начале одиннадцатого Леночка начинала позевывать, чмокала в щечку свою подругу и уходила к себе, впрочем, захватив очередной, рекомендованный Натали́ труд по детскому воспитанию: она перед сном читала его, перемеживая разговорами с Полиной. Наташа же погружалась с головой в чудесную тематику детской психологии.

♦ — Чудесно тут у вас,— восхищался и Игорь Семенович, поднимая и рассматривая на каминный свет рюмку с золотым коньячком (на этот раз был непревзойденный марочный «Бакы»), великолепный, чуть пряный аромат которого с теплыми волнами воздуха от камина расходился по комнате,— особенно после московской-то бестолочи и парижской мишуры. *Душу бы заложил*, чтобы вот так же жить и работать...

Виктор Ильич чуть встревожено бросил взгляд на расчувствовавшегося гостя. Тот понял его по-своему:

— Нет, нет, это все мечтания отдыхающего ума. И кто в заклад мою бессмертную душу возьмет? В диссиденты меня не возьмут, хоть убей, но и миллиграмма еврейской крови в себе не наскребу. Вот на что талант великий Зиновьев, а что? — В поте лица свое профессорское жалование зарабатывает. А иной и грамоте-то элементарной не умеет, пару пасквилей в самиздате в СССР тиснул, через приемную психотделения Склифосовского, в крайнем случае — через годик в Сербского, оказался на Западе, сразу же своих отыскал, те пристроили его на какой-нибудь «голос» грязью поливать свою бывшую родину, по кабакам шляется, баб снимает, копейку-пфенниг не считает... Увы, но нас там не ждут, даже если бы и мелькнула идиотская мысль продаться с потрохами.

— Да, конечно... мда-а-а,— протянул Виктор Ильич непонятно к чему,— эти... диссиденты, черт бы их побрал! Прошу прощения.

— Да ладно вам, дорогой Виктор Ильич. Я хоть и москвич, сам кухонные разговоры за бутылочкой люблю позубоскалить, но слишком

хорошо понимаю: кто такие диссиденты, что у них за душой и кто на них делает ставку. Самое паскудное, что все они каким-то боком, но непременно стараются прилипнуть к русской, советской литературе. И благодаря этому, народ уже чуть ли не всех творческих работников стал подозревать в диссидентстве, то есть в предательстве.

— Вот именно, Игорь Семенович, бедным писателям всегда крайности навешивают: то он КГБ информирует, а если нет, так он обязательно диссидент и в сторону Запада смотрит!

— Да-да, вот такое мнение сложилось, что служить КГБ — значит чуть ли не Иудой быть. Порой и вообще до дури доходит: дескать, лучше ЦРУ служить, нежели КГБ! А ведь КГБ, отвлекаясь от тех тупых голов в синих мундирах, которых за неспособностью к настоящей, профессиональной работе, отправляют в резерв особистами на провинциальные заводы, сажают в обллиты и прочую лабуду, делают великое, абсолютно законное дело! Удивительно, но так же либералы и в прошлом веке относились к жандармской разведывательной службе...

— Вы имеете в виду, Игорь Семенович, эти глухие слухи о жандармской службе Тургенева, Достоевского и Некрасова?

— Да вы тоже об этом слышали?

— Да где-то даже и читал, разумеется не в официальном печатном виде, даже и не припомню где, кажется, в каком-то архивном документе, возможно и в рукописном тексте. А вы подробную информацию имеете? Конечно же, вам доступны самые-самые московские архивы, опять же с видными литературоведами знакомство водите...

— Архивные документы, дорогой Виктор Ильич, касаемые зарубежной разведдеятельности соответствующего отделения жандармерии, уничтожены — не без умысла! — «гневом трудового народа» в октябрьские, они же ноябрьские, дни. А тем более в таком щепетильном вопросе. Ведь обнародуй такие документы, так пришлось бы заново Пролеткульту, комиссии Луначарского, а потом и комиссии под условным председательством Надежды Константиновны всю историю русской литературы XIX века перелопачивать!

Нет, Виктор Ильич, ни строчки, ни намека вы в архивах не найдете, да и литературоведы народ битый и себе на уме. Нет, такой информацией обладает одно-разединственное ведомство, средоточие всех тайн государства... понятно какое.

— А-а?...

— Понимаю, Виктор Ильич, ваш вопрос, нет, не удостоен чести. Все дело в другом. Я ведь коренной, кондовый москвич. Вы вот учились в

Москве, часто наезжали, работая в *Т*-м Архиве, знакомых много имеете в столице... Но это все, прошу прощения, несколько иное: круг знаемых вами в Москве людей крайне узок, как писал некогда Владимир Ильич о декабристах, в основном, из историко-архивной братии. А коренной москвич — это масса родственников, бывших одноклассников, бывших же соседей по коммуналке на два десятка семей. Это, пардон, девушки, начиная с первой трепетной любви-увлечения, бесчисленные знакомцы: по автокооперативу, по любимой пивной, по... словом, что тут перечислять: Москва в пределах Кольцевой дороге — большая деревня, а в пределах Садового — так и вовсе для «коренника» большой деревенский двор.

А дальше и вовсе просто. Бывший одноклассник Валерка — помощник военно-морского атташе в Италии, сосед по коммуналке на Остоженке Петька — купцом заделался, во Франкфурте, который на Майне (не на Одере!), отделением торгпредства ворочает, и вот еще один знакомец со школьных лет, так уже который по счету батальон негрских воинов подготовил и в бой с юаровцами в Анголе выпустил...

Понятно, что тот же Валерка, Петька и военный советник-инструктор Васька, уже в серьезном звании и с колодой наград, даже ближайшим родственником многого не расскажут, но мне, обрадовавшись встречи и угнездившись за столиком в пивной на Пушкинской, тем более — в «Жигулях», многое чего поведают... исключая сугубые военно-политические и коммерческие тайны.

Само собой, что среди этих вот милых с детства Васек-Петек-Валерок найдется и не один труженик Лубянки. Как правило, это по школьным годам либо хулиганы, либо уже с детства этакие вдумчивые аналитики. Первые вырастают в оперативных работников «Детского мира», как они между собой свое место работы называют, вторые непременно сидят в самом здании за спиной Феликса, все анализируют и анализируют, в архивных бумагах роются... Вот такие и знают многое, в том числе и о наших славных классиках-патриотах.

— Так все-таки это правда? Я, честно говоря, вполне допускал это, но слишком уж, как бы сказать, неординарно что ли...

— Скорее всего правда. С одним уточнением: вместо Некрасова в этой тройке стоит «неистовый Виссарион». А по-моему анализ всей жизни и творчества Достоевского, Тургенева и Белинского вполне укладываются в эту версию. Более того, признаки факта их разведывательной деятельности, причем не примитивного доносительства и сексотства, а именно работы во внешней разведке, логически завершает их портреты, убирает непонятные моменты их жизненного пути.

Действительно, какие только серьезные лица не изображают школьные учителя литературы, описывая неразделенную любовь (в присутствии мужа!) Ивана Сергеевича к дурнушке и пустышке Полине Виардо! В действительности же Тургенев еще до отъезда за рубеж долгие годы состоял в разведывательно-политической службе, прикрываясь литературным творчеством. А за рубежом он стал главным резидентом российской агентуры в Западной Европе, имел чин генерала жандармерии. Скорее всего деньги на содержание Виардо и ее муженька приходили по соответствующим графам расходных ведомостей отдела внешней разведки жандармского управления.

Ведь взгляните на эту «любовную историю» глазами, что называется, со стороны? — Дворянин столбовой, эстет и аристократ, талантливейший, проницательный писатель и — второсортная певичка, страшная, толстая, глупая наконец. Действительно, все встает на свои места. А то, что Тургенев был патриотом и мыслящим государственником, в том сомнения быть не может. Это видно из творчества Ивана Сергеевича, его, так сказать, выраженной политической направленности. Возьмите его наиболее известные произведения: поддержка балканских интересов Российской империи, непримиримая борьба с нигилистами, вообще — всюду в его повестях и романах присутствуют интересы России за рубежом. Понятно, почему он часть встречался за рубежом с эмигрантами, в том числе с такими именитыми как Герцен.

А Белинский? Носил маску ярого демократа, как нам в школе вбивали в голову. Так и представлялось нам: этакий нигилист в нахлобученной на лоб шляпе с широкими полями, шарфом на шее, свисающим до пят, с аскетичной редкой бородкой, сидит день-деньской в каморке под крышей в захудалом «доходном доме» и строчит яростные обличения всего реакционного в России, всех поносит, кто хоть пикнет в защиту царя, государственности, религии...

Другое дело, что в школе нам привили стойкое отвращение к работам Белинского, заставляя чуть ли не наизусть учить самые скучные его обзоры по русской литературе. А потому в зрелом, разумном возрасте никто и в руки не возьмет хотя бы один из трех толстенных томов «Избранного». Помните, такие в черных переплетах? А вот если почитаешь без указки учителки, вдумаешься... государственный ум четко так вырисовывается, вовсе и не «демократ», а настоящий охранитель государственных интересов!

Я, кстати говоря, так и думал, что жил Белинский в чахоточной каморке под крышей, пока однажды, будучи в Ленинграде на симпозиуме,

наскучившись пьянкой в гостиничном номере с двумя пожилыми коллегами по профессии, решил проехаться по городу в экскурсионной группе по маршруту «Литературный Ленинград — Петербург». И очень даже был поражен, когда экскурсовод, сам историк на пенсии, показал дом, где проживал наш великий «демократ»... Не знаете? — Почти рядом с Зимним дворцом в солиднейшем, роскошном доме, а в квартире, по словам гида нашего, заблудиться можно. А вы говорите!

♦Кстати говоря, в этой тройке Белинский является наиболее загадочной фигурой: что привело его к служению государству в такой откровенно радикальной форме? Тургенев, тот понятен. Понятен, как не странно, и Федор Михайлович.

— Да-да, я много размышлял на этот счет, когда факт его службы в разведке стал мне известен, в смысле, не то что известен, но... словом, когда намеки на это дошли до меня. Интересно, а ваше мнение на этот счет, дорогой Игорь Семенович?

— Скорее всего, Виктор Ильич, оно совпадает с вашим: юношеский либерализм... кстати, знаете ли, что в Австрии современной, в просторечии так сказать, «либералами» зовут евреев-лавочников, вообще евреев. Так что, если доведется побывать на родине фюрера, остерегайтесь в светской беседе спросить собеседника — не либерал ли он? — Можете испортить отношения. Ну, это к слову.

Так вот, обычный юношеский стадный либерализм по принципу: куда приятели-гимназисты или студенты, туда и я! А затем холодный душ: не вовремя в компанию петрашевцев попал — смертный приговор, гражданская казнь, каторга...

А вот здесь и своего рода лакмусовая бумажка, каторга-то она высвечивает стержень, основу характера каждого недюжинного человека. Возьмем двух литераторов с мировой известностью: Федора Михайловича и Александра Исаевича. Наш, так сказать, современник после относительно «мягкой» каторги, в том числе в «шарашке» с крахмальными простынями и белым хлебом с маслом, окончательно озлобился и стал злейшим врагом государства, вреда ему принес, фигурально выражаясь, эквивалентно десятилетним боевым действиям двух-трех полнокомплектных вражеских дивизий.

А вот Достоевский после каторги — без всяких привилегий, на общих для того времени основаниях — стал великим, без преувеличения скажу, государственником. А в сочетании с его феноменальными качествами провидца это и сделало его гениальным литератором-политиком.

А его службой во внешней разведке объясняется и частое, малообъяснимое пребывание на германских курортах. А где еще быть резиденту разведки по Средней Европе?

Однако и здесь проявилось своеобразие натуры Федора Михайловича, я имею в виду его игорную страсть. Хотя играть он был обязан по долгу службы — чем еще заниматься на фешенебельных курортах? — но явно переигрывал, а командировочные и представительские в России всегда давали скудно, даже по разведведомству: и при царях, и при генсеках! Вот и приходилось гению нашей литературы во благо исполнения своих государственных обязанностей залезать в непомерные долги и вообще — уникальное явление — закладывать свои будущие, ненаписанные еще архигениальные романы. А потом спешно, за три месяца писать этот гениальный роман! Отсюда явные следы торопливости, даже грамматико-стилевой неряшливости. Правда, это все «забивает» брызжущая буквально с печатного листа эта самая талантливость.

— Прошу прощения, что перебиваю. И сам Федор Михайлович писал, что, имей он столько времени и такую спокойную обстановку, как Лев Толстой, а не торопясь выдать «на гора» заложенный роман, так он бы вылизывал каждую строчку, каждое слово и запятую. В общем, в этом смысле сам он признавался.

— Конечно, конечно, я читал, правда, в цитировании, но в солидном академическом издании. Можно верить. Так вернемся, с вашего любезного позволения, к мотивации государственника, по профессии литератора, писателя, говоря современным языком. А расширительно говоря — вообще человека интеллектуального труда, например, историка: как вы, как я... Впрочем, это дурной тон — акцентировать тему беседы на себе или собеседнике. Как говорят англичане: беседуя, джентльмены не имеют в виду присутствующих... даже если и говорят о них.

Давайте, как в детской игре, возьмем любых двух современных советских историков: один в начале алфавита, другой — в самом конце. Например, на «А» — приснопамятный директор Института США и Канады академик Арбатов; «Я» — ну-у... давайте возьмем Яковлева, нет-нет, не политдеятеля, а Николая Николаевича. Кстати, перед самым отъездом из Москвы приобрел, выстояв часовую очередь в книжном на Арбате, последнее издание его «ЦРУ против СССР». Знаете? Да-да, первое издание еще лет пять тому назад вышло.

Я хоть и наугад назвал, но получилось и определенная связка. Во-первых, раза два, хоть и кратко, в ученом присутствии, но был удостоен несколькими фразами по моим работам самого Абраши, так его коллеги

заглаза зовут. А с Николаем Николаевичем как-то на конференции в Вильнюсе не час и не два побеседовали; в соседних номерах в гостинице поселились. Во-вторых же, Яковлев работал в Институте истории Академии наук, к коему я имею прямое отношение. А в-третьих и последних — Николай Николаевич работал у Абраши в его институте, и там они побили горшки. Но это ничего не меняет. В конце концов, каждый в своем профессиональном кругу друг друга хоть немного, но знает. А сплетни знают и вовсе все!

♦ — Самое интересное, что Абраша вроде как по службе связан с КГБ, но более тяготеет к западникам. Конечно, оставаясь в тоге архипартайгеноссе. Николай же Николаевич и не скрывает, что вхож был в кабинет Андропова, почти-что друг Филиппа Бобкова, начальника грозного 5-го Управления. А Устинову покойному и вовсе чуть не родственником был по линии его супруге...

И тем не менее, Арбатов почти свой в верхах, а Яковлев под вечным подозрением. А я голову на отсечение даю, что случись так, что... представьте себе, что к власти у нас пришли люди типа Сахарова и Солженицына, словом, пятая колонна. Невероятно, нереально, но — представьте, как в страшном сне. Так ведь с нашими «А» и «Я» никаких перемен не произойдет: тот же Абраша первым в своем институте сожжет партбилет и встанет в нестройные, но хорошо оплачиваемые Западом ряды демократов, либералов или как там их?

А Николай Николаевич потеряет очередное место службы и будет бедствовать в оппозиции. Его же со всех сторон шавки демократии будут травить за книгу о ЦРУ, за другие труды, открывающие истинное лицо «свободного мира», а по поводу той пресловутой сахаровской пощечины в Горьком и вовсе в соплях, пардон, негодования изойдут.

Кстати, помните тот шум, который на Западе, а поневоле и у нас, поднялся после очередной поделки Александра Иссаевича — я это о «Августе четырнадцатого»? Вы, конечно, обратили внимание на ловкий ответ у нас на это? — Я имею в виду издание в семьдесят втором году русского перевода «Августовских пушек» Барбары Такман. Если не ошибаюсь, «Молодая гвардия» издала.

— Как же не помнить! Случайно, сидя в своем Архиве, уловил фразу из динамика, что-де издана такая книга. Комментариев не было, но смекнул сразу, помчался в наш «Книжный мир» на Первомайской. На прилавке, конечно, не было, но спросил у продавщицы. Та поморщилась, но ушла в подсобку и принесла.

— У меня почти схожая история. Если помните все так хорошо, то, наверное, обратили внимание на громадное предисловие к ней? У нас их принято язвительно называть «идеологическими предисловиями», но тут все написано по делу. И хотя имя Солженицына ни единого раза не названо, но всем понятно: зачем и в антитезу кому издана книга. Так вот, издание ее «пробил» именно Яковлев, подсунув машинопись перевода (сам же и переводил) Андропову, и предисловие — под псевдонимом — он написал.

Я тут у вас намедни обнаружил в шкафу свежих поступлений прелюбопытную книжицу. Еще в Москве слышал о ней — много шума наделала. В Париже в университетской библиотеке полистал — в полнейший восторг пришел. Вот у вас думаю не торопясь прочитать. Жаль, что с собой в Союз нельзя экземпляр взять: на границе отберут и — в черный список, без права выезда. Хм-м, станешь невыездным...

— Вы имеете в виду книгу Устюжнина?

— Конечно же. Смелая книга, своевременная. Я поначалу решил, что это очередной псевдоним Николая Николаевича или Зиновьева, но нет, подумав, пришел в совершеннейшее недоумение. Впрочем, уже поздно, думаю, на боковую пора. А завтра вечерком продолжим эту увлекательную тему.

— Завтра не получится: именины Катеньки, с чем я и принимаю поздравления. Послезавтра побеседуем.

Глава десятая

Каждый, кто попробует заняться еврейским вопросом, должен будет выслушать упреки и обвинения в антисемитизме

Генри Форд

♦ — Как сегодня поработали? — спросил Виктор Ильич гостя, входя перед ужином в библиотеку. Был он отчаянно бодр, свеж и оптимистичен; вчера был день третьего июня, за праздничным ужином всем замковым коллективом отмечали великолепный юбилей: годовщину Катеньки. Великолепна была и Катюша, принесенная принаряженной Леночкой с помощью Наташи и Полины к началу ужина: она только-только начала ходить, смешно притоптывая толстенькими ножками, а ее словарный (и звонкий!) запас уже перешел за простенькие «ма», «па» и

«на» — последнее, по всей видимости, идентифицировало Наташу.

Катю, скоро сморившуюся от яркого света, голосов и пристального к ней внимания, унесли спать, а веселье продлилось далеко за полночь.

Сегодня же весь замок спал до полудня, потом жизнь понемногу восстановилась, а к ужину и вовсе вошла в свою норму. Виктор Ильич и Наташа, внутренне коря себя за бестактность и душевный аморализм, побывали после обеда в «астрономической». То же самое и в то же время проделывали боцман с Полиной, однако не испытывая никаких угрызений.

— Отменно поработал, дорогой Виктор Ильич, хотя с утра головка того! Эк мы вчера повеселились! Как будто в Москве, а не в самом центре северо-западной Франции. А пельмени вообще получились изумительными. Елена Станиславовна не сибирячка родом? Объедение. Честно говоря, в Москве только казенные, так сказать, обезличенные приходится есть... как резина. А домашние? — Нет, только в детстве и ел, бабушка большая мастерица была. Ведь что главное в пельменях? — А просто: треть говядины, треть постной свинины и остальная треть — баранина; опять же нежирный кусок. Э-э-х! Когда-то еще доведется таких попробовать, да под замороженную «посольскую»!

— Не огорчайтесь, Игорь Семенович, вы совершенно забыли сибирский обычай — хотя Елена Станиславовна и вовсе не сибирячка — там пельмени, если соберутся, то лепят мешками, впрок. Замораживают на дворе и развешивают, мешки конечно, в холодном сарае. Зимой от Рождества до весеннего женского дня праздников много советских и религиозных, вот и волокут мешками из сарая на кухню под ужин-обед с водкой! У нас, конечно, мешков рогожных нет, Франция все же, нет даже зимой морозов, но кухонный холодильник почти что промышленный, так что, дорогой Игорь Семенович, пойдемте, уже к ужину сзывают; «посольская» заморожена, а пельмени паром и жирной слезой исходят...

♦ «Посольскую» в этот ужин пили осторожно и немного, имея перед собой вчерашний прецедент. А после сытного пельменного ужина и вовсе все стало на свои места с тем отличием, что Наташа, чувствуя угрызения совести (они и у женщин бывают!), этот вечер посвятила беседе с Леночкой на тонкие и сложные темы раннего детского воспитания. Виктор Ильич даже почувствовал что-то навроде ревности; правда, непонятно к кому: Леночке или Наташе, скорее к обеим.

Расположившись у давешнего камина под очень хорошей копией Сальвадора Дали под длинным названием «*Сон, вызванный полетом пчелы вокруг граната, за секунду до пробуждения*», сдружившиеся ис-

торики отхлебнули — каждый свое: кто чай, а кто и кофе. Блаженствующий от пельменной сытости Игорь Семенович благожелательно посмотрел на несколько синюшного оттенка бедра спящей молодой женщины на картине великого сюрреалиста, потом перевел взор выше и с любопытством осмотрел тигров и слонов из сна синюшной красотки.

— Я уже давно хотел спросить вас, дорогой Виктор Ильич: вам по душе все эти модернисты, в живописи в частности?

— А-а, вы имеете в виду Дали? — Нет, напротив, я строгий приверженец классики, реализма, «Бурлаков на Волге»,— как мы сами по молодости и по глупости посмеивались когда-то. Дали — это из убранства замка, я здесь стараюсь ничего не менять. Замок он и остается замком, когда в нем ничего не меняют. Дополнять — это можно и нужно, а что-либо изымать, перестраивать, заменять... нет, это ни к чему.

Тем более, что из всех этих монстров модернизма как раз Дали меня и не бесит по крайней мере. Очевидно, потому, что он рисовать умеет, в отличие от всех этих «черноквадратников». Не правда ли?

— Совершенно согласен с вами, Виктор Ильич. Со мной раз казус случился и где? — На факультетском партсобрании; мы перед сборищем этим с доцентом Бельцером, дружок мой, бутылочку распили, запершись в методкабинете, и завязали спор о роли евреев в унификации и формализации искусства. Понятно, что Исаак, хоть и свой парень, но после пары стаканов еврейский компатриотизм в нем взыграл, и, хотя стрезву сам поносил всех этих «истов», здесь принялся с пеной у рта защищать всех этих малевичей, шагалов, фешиных с Пикассо впридачу...

Виктор Ильич пыхнул сигарой и с интересом проследил за облаком дыма, которое, поднимаясь, сначала затуманило синюшную спящую красавицу на картине, затем завуалило добродушных тигров, а потом добралось и до потешных летающих слоников. Пользуясь тем, что Игорь Семенович с увлечением принялся за кофе с коньяком, Виктор Ильич вдруг уловил некую мысль, неоформленно давно витавшую в его голове, а теперь по принципу ассоциации обретшую логически выверенную конкретность: а ведь его жизнь напоминает творческую манеру Дали: сочетание сугубой реальности с ярчайшим вымыслом. Жил он, поживал в тихой *Т.*, копался в своем Архиве, пил по выходным и праздникам самую что ни есть реальную водку и портвешок, любил реальных женщин, а потом вдруг из мира реальных вещей попал в натуральную чертовщину, а на базисе этой дьявольщины снова вошел в реальную замковую жизнь. Вот так и получается: жизнь и сон, тут же странные тигры, а впридачу и во-

все летающие слоны. Надо, подумал Виктор Ильич, как-нибудь на досуге посмотреть картины Дали; в библиотеке есть несколько прекрасно изданных альбомов, да и Париж с музеями недалече.

♦ — Так каково ваше отношение к книге Устюжнина? — дождался Виктор Ильич пока гость с наслаждением выпьет чашку элитного «мокко», щедро разбавленного коньяком.

— Что ж, труд основательный, серьезный, провидческий, главное — в нужное время и в нужном месте. Я имею в виду намечающиеся перемены у нас в стране. Собственно говоря, тенденции к перемене наметились, как это правильно подметил Устюжнин, еще в хрущевскую «оттепель». Это был пробный натиск на сталинский СССР, но, как и во всяком наступлении, разведка боем была отбита, после чего последовало мощное контрнаступление эпохи Брежнева-Устинова. Но победы, овладение полумиром притупило бдительность, взошла махрово пятая колонна, питательной почвой которой стало возросшее в 60—80-е годы мещанство и потребительство, как следствие резкого улучшения уровня жизни. Ведь фактически к сегодняшнему дню мы в СССР уже живем при коммунизме. Ведь так? Вот мы с вами имеем возможность объективного сравнения, в отличие от московской интеллигенции в первом поколении, о Западе знающих только из зашумленных передач «*Deutsche Welle*» и всяких там голосов, или наших добрых евреев, для которых везде хорошо, где их нет... вот и странствуют два тысячелетия по всему свету. Вы согласны со мной, Виктор Ильич?

— Конечно. Отсюда-то это хорошо видно, Знаете, мне кажется, что наша пропаганда давно работает на врага. Да-да, я не рисуюсь. Возьмите любую газетную статью, журнальный очерк, радио- или телепередачу о Западе, буржуйском образе жизни? — И что? — А то, что декларативно автор очерка, передачи, статьи вроде как обличительные для западной жизни веши говорят, но какое впечатление *in summa*, образ остается у читателя, слушателя, зрителя? — А такое, что автор там или диктор ваньку валяет: говорит одно, думает другое, показывает третье. Вот и получается — особенно о Америке, которая далеко и проверить невероятно сложно — что негры там живут страдальчески на манер столетнего с лишком давности дяди Тома, ну... того, из хижины миссис Гарриет Бичер-Стоу. Хотя на самом деле негры в Америке давно терроризируют белых, живут бандами в особых, ими же завоеванных городских кварталах, куда белокожим входа нет, ничерта работать не хотят, наркотой торгуют и грабежом с разбоем промышляют.

И так далее, и так во всем.

— Верно замечено, дорогой Виктор Ильич, совершенно и справедливо, как говорят на базаре в Одессе: «Куда смотрит партия?»

— А и партия! Пардон, не знаю о вашей партийной принадлежности?

— Как у всех. Обязан по причине занятия партийной наукой, то есть западноевропейской историей.

— Понятно, но все же это нонсенс: семнадцатимиллионная партия? У меня вот знакомый, инженер в НИИ, решил обилетиться, понятно, из карьерных соображений, так его в очередь поставили и предупредили: у нас разнорядка; на одного ИТР четыре рабочих, так что иди в опытное производство и агитируй четырех гегемонов, обещай манну небесную и на бутылки не скупись! Вот такая опора и базис власти! Случись, не дай бог, переворот, так половина свои партбилеты побросает!

— Оптимистично рассуждаете, Виктор Ильич, думаю и не без оснований, что не более полумиллиона с билетами останутся. Да-да, Устюжнин не исключает, что сейчас в СССР создана мощная и, так сказать, боеспособная пятая колонна. Ну, это вы тоже читали, знаете.

— Вот у вас, Игорь Семенович, как вы сами сказали намедни, достаточное число знакомых и в КГБ, и в МИДе, в других всяких весьма ответственных местах. Они-то о чем думают, ведь не слепые, не психоинвалиды с детства! Или тоже все куплены?

— Да нет, в массе своей не куплены. И зачем тратиться, покупать? Когда понадобится, сами с поклоном придут. Каков народ, таковы и правители. Исключений не бывает из этого правила. Если народ омещанился, разложился морально, то почему эти самые «органы» и «миды» должны в святости пребывать?

Конечно, есть люди думающие, болеющие душой. Если можно, попозже вернемся к этой теме. Пока же я вам расскажу один детективный сценарий, приписываемый покойному Юрию Владимировичу. А вы сами решите: где это придумано — на Лубянке или в Лэнгли.

♦ — Имеется такой любопытный сюжет. Еще в самом начале 80-х готов по указанию Андропова, тогда еще руководителя КГБ, в Первом главном управлении этого ведомства, то есть аналитическом центре, была выполнена очень серьезная работа, причем очень насущная и актуальная: сделать достоверной, выверенный анализ-прогноз развития СССР на ближайшее десятилетие. Для информационной обработки миллионов единиц документов — от совсекретных разведданных до газетных публика-

ций вплоть до муниципальных листков мелких западных городков и советских районов — Управлению были предоставлены компьютерные мощности и ресурсы Вычислительного центра Академии Наук и центров ведущих информационных систем. Специально были смонтированы несколько суперЭВМ отечественного и американского производства (последние у нас в то время закупались сложным путем, в основном, через Финляндию).

Когда с аннотированным отчетом исследования ознакомился начальник 1-го Управления генерал-майор В. А. Крючков, то несколько недель не решался передавать его шефу: из отчета неопровержимо следовало, что к концу десятилетнего периода страну ждет полный кризис, нет, катастрофа по всем фронтам: от экономического до политического. Ни один из нескольких вариантов просчета ситуации не давал даже малейшего намека на иной исход.— При условии, конечно, если не будут предприняты кардинальные изменения типа и характера сталинских. Однако Андропов сам потребовал отчет.

Председателя отчет-прогноз потряс, но и побудил к действиям, а именно это стимулировало его в борьбе за должность генсека. Он прекрасно понимал, что даже Лаврентий Павлович в годы своего наивысшего влияния не смог бы тут ничего сделать, не будучи Первым в государстве.

В ноябре 82-го умер Брежнев. К власти пришел Юрий Владимирович и уже через пару месяцев он начал приводить в исполнение свой план, четко сформулированный за предшествующие два года. В конце февраля 83-го года он в глубокой тайне собрал в своем неофициальном — еще с кагэбешных времен — кабинете в Колпачном нескольких особенно доверенных людей, проверенных-перепроверенных за годы совместной службы. Все они тем или иным способом были за год-два выведены из среды комитетчиков, то есть законспирированы даже от своих. Все они примерно догадывались, что послужило причиной столь необычного их вызова к главе государства. Андропов произнес краткую, тщательно выверенную речь.

Начал он, как положено, с Льва Давыдыча Троцкого, который пророчески предвидел саморазложение партии, проводя историческую аналогию с термидором Французской революции. Знал это само собой, и величайший провидец Сталин. Памятны его слова о наступлении эпохи пигмеев и негодяев. Скорее всего, Иосиф Виссарионович уже был близок к кардинальным изменениям в руководстве, во всем образе жизни страны («дело врачей», разгром потянувшихся к либерализму теоретиков-

экономистов типа Вознесенского, приструнивание замечтавшейся интеллигенции, возвращение к символике имперской России, признание государственного статуса Православной церкви...), возможно, предполагалась и ликвидация партии де-юре... кто точно знает? — не зря и поторопились отправить его досрочно на тот свет.

А вот сейчас, после брежневского восстановления, правда частичного, сталинского порядка, грядет очередная волна либерализма, намного круче хрущевщины. Поэтому наша сегодняшняя главнейшая задача — восстановление социализма, то есть преодоление наследия «позднего Брежнева»: массовой аполитичности, индивидуализма, вещизма, зависти к Западу, а в руководящих кругах — коррупции, кумовства, а наиглавнейшая задача — ликвидации почвы растущей, как на дрожжах, пятой колонны.

Самое существенное, что иного пути нашей стране, кроме как социализма коллективистского образца, не датско-шведского индивидуалистического социализма, нет и быть не может. В этом нас тысячелетняя история, православная традиция убеждает. В то же время необходимо учитывать и биологические законы; в конце-то концов, каким бы ни сверхразумным стал человек к концу XX века, он остается животным, а значит и подчиняется общебиологическим законам, основные из которых никакая цивилизация и культура не в силах преодолеть.

А один из этих законов в преломлении для человека гласит: только восемь процентов людей мыслят самостоятельно и являются, так сказать, двигателями прогресса, а проще говоря — только эти самые проценты могут и хотят думать, двигать, работать. На них и держится любая нация, этнос, страна, государство. Все остальные — тупая, косная масса, которой требуются только хлеб (с маслом, а лучше с икрой) и зрелища, а работают они только из-под палки. К нашему великому сожалению, это характерно и для самого развитого-преразвитого социализма. Более того, чем более развита — трудами восьми процентов — страна, то есть чем дешевле хлеб и зрелища, тем в большей степени и агрессивнее толпа не хочет думать и работать. Классический пример — Америка.

И вот мы подошли к той опасной черте, что и Америка, только с другого, социалистического бока: достигнута высокая производительность, впервые в истории старой и новой России *весь* народ сыт, живет в отдельных квартирах, рабочие условия — почти курортные; для инженеров же в НИИ и КБ, особенно столичных, вообще работа стала чем-то вроде клубного времяпрепровождения. Как следствие — дикий вещизм, расторможенный инстинкт приобретательства, накопительства, алч-

ный взгляд в сторону Запада по принципу: «Славны бубны за горами!».

Какой же выход из ситуации? Убеждениями и политпропом на данном этапе воздействовать уже невозможно, время упущено. Нереально и возвращение к мерам диктаторским. В 30-х годах они были единственно возможными, чтобы вытащить государство из трясины послереволюционного бардака и распущенности. Но тогда и народ был другим, который ранее хорошей жизни не видел, а потому в массе своей и поддержал жесткие меры. Сейчас же мы наткнемся или на бунт, но скорее всего на тупую покорность, в которой самые благие и правильные начинания увязнут, как самый мощный танк в белорусском болоте...

Как мне кажется — а вы обдумайте и опровергните или поддержите меня — нужна радикальная операция больного общества, то есть помочь ускоренно уничтожить выработавшую свои ресурсы систему, показать массе все «прелести» капитализма, причем в дичайших, первобытных его формах, а потом уже доброй его же волей построить новый социализм, социализм умный, тщательно просчитанный, с искорененными ошибками и тупиковыми ходами, словом, выйти на более высокую диалектическую спираль общественного развития.

Вот в гитлеровской Германии было такое движение, называлось «Сила через радость» — программа увеличения рождаемости для покрытия в перспективе больших потерь немецких войск на Восточном фронте. Заключалась же она в официальном разрешении многомужества. Помните, в фильме «Обыкновенный фашизм» есть такой кадр из немецкой хроники-рекламы: солдат с Восточного фронта собирается в отпуск в фатерлянд, срубает дерево и выдалбливает люльку. С люлькой подмышкой он является в свою родную Тюрингию, получает в местном муниципалитете квитанцию-направление и идет на постой к молодой фрау, муж которой пока еще дожидается своего отпуска.

Так вот, мы будем действовать под девизом: «Сила через позор и ничтожество». Пережив шок бандитского капитализма, сведения смысла жизни к биологическому выживанию, национального (русского) ничтожества, верховодства евреев и нацменов, позор государственного уничижения, когда последний албанец или монгол презрительно плюют при упоминании СССР или России, даже тупое стадо «девяностодвухпроцентников», как последний шанс выжить, воспримут призыв к созданию нового социализма. Иного пути, товарищи, у нас нет.

♦ — Далее в этой истории,— продолжил Игорь Семенович, сделав перерыв для очередной чашке кофе, на этот раз с крохотной рюмочкой ли-

кера «Южный Кюрасао» из хозяйских неприкосновенных запасов,— предполагается следующее. Да-а, обратите внимание на акцент: в этот период массами будут верховодить евреи-банкиры и нацмены-торговцы. Этим самым создается предпосылка к кардинальному решению наиболее болезненного для СССР-России национального вопроса, а именно той его части, что касается евреев и пресловутых «лиц кавказской национальности», то есть тех, кто с 17-го года накрепко уселся на шею русскому человеку. Заметьте, никакого нагнетания пресловутого антисемитизма и шовинизма! Просто те, кто не желает жить с русскими, татарами, чувашами и пр. и пр. на равных, сами себя изолируют и поставят в положение изгоев.

Итак, признание социализма единственно верным путем общественной организации СССР-России естественно выкристаллизуется в массе — и в думающей, и в слепо следующей — как единственная альтернатива реальному, на своей шкуре испытанному, а не почерпнутому из «голосов», капитализму: человеконенавистнической, индивидуалистической, людоедской форме общественной организации, во многом биологически атавистической.

Вы меня спросите: а не выплеснем ли мы с водой и дитятю? Не сломаем ли хребет народу, наконец, не утратим ли при этом столь дорого давшуюся нам государственность?

Да, риск и риск громадный имеется, но иного пути нет — *per ternia ad astram*, через тернии к звездам! Точнее, чем в этой латинской формуле, не скажешь, товарищи.

Как все это будет выглядеть организационно? — Это вы сами продумайте, даю вам определенное время. Задача: в течение пятилетки сделать крутой разворот страны от развитого социализма к дичайшему капитализму, от сверхдержавы — к стране чуть ниже «третьего мира», к ничтожной марионетке Запада, во внешней политике смотрящей в рот дяде Сэму, с полным разрушением экономики и оборонной мощи. Понятно, что в ваших практических действиях не будет никаких (в разумных пределах) финансовых, организационных затруднений. С вас снимаются и моральные, нравственные табу, то есть будете использовать методы иезуитов, сионистов и вообще кого захотите.

Я выслушаю все ваши мысли и планы, но и вы должны знать мой вариант.

Во-первых, во главе государства ставится человек, изначально пригодный на роль предателя всех времен и народов, перед которым новозаветный Иуда Искариот — образец добродетели и морали. На него и делается главная ставка. Вы же, не демаскируя себя, выступаете в роли во-

жаков гадаринских свиней или козлов (простите!), ведущих овечье стадо к обрыву в пропасть.

Первые шаги — озлобление народа, ну, это вы, дорогой Виктор Ильич, и все мы уже сейчас воочно наблюдаем: нет большего издевательства для нашего народа, нежели развернувшаяся с мая месяца пресловутая антиалкогольная компания. Погодите, сейчас только самое начало, а что еще придется увидеть: и многокилометровые очереди на вечернем морозе за бутылкой водки, и вырубку элитных виноградников в Крыму, и даже обязательное вступления каждого работяги и инженера в Общество трезвости с взысканием с него трех рублей за значек этого славного общества. Понятно, что эта идиотия только покажется на первый взгляд таковой, ибо кроме озлобления народа пока не направленно против государства, но готовит для этого почву; она будет иметь и самые серьезные экономические последствия: ликвидацию серьезной статьи госбюджета, что является первой экономической диверсией. Не меньшую роль будет иметь и переход народа на самогон и технические суррогаты: первые десятки тысяч гибнущих от отравлений ежегодно откроют скорбный список физического вымирания нации, русской первоочередно.

Затем на смену государственно-полицейского преследования винопития и также внезапно в страну хлынут мегатонны низкопробного алкоголя из-за рубежа; они окончательно споят народ и подорвут экономику. Далее идет активизация пятой колоны, которой будет отдана печать и телевидение, которая подготовит какие-нибудь «демократические» выборы, где верх возьмет неизвестно откуда выползшая сволочь.

Частнособственнический инстинкт, загнанный в самые глубокие подвалы подсознания за семьдесят лет, начнет освобождаться через легализацию мелочный торговли, всякого рода шашлычных кооператоров.

Самое интересное, что как в схеме любого механизма — от простейшего да самого сложного — здесь наиболее длителен и труден первый этап. Дальше все пойдет как по маслу: развал (добровольный!) системы Варшавского договора, раскол СССР на самостийные ханства, гетманства и княжества, изгнание с арены мировой торговли, разрушение военно-промышленного комплекса, локальные войны при сокращении армии чуть ли не до парадного полка, наконец, полная сдача США и их союзникам — во внешней сфере, захват власти марионетками тех же США внутри страны, переход всей экономики в частные руки с последующим ее уничтожением и перекачиванием финансов на Запад. Сама же экономика, вернее, ее жалкие остатки, становится криминальной.

И вот здесь должны подняться абсолютно обнищавшие массы; как это сделать — решать вам...

♦ — И как вам этот прогноз?

— Хорош прогноз, Игорь Семенович, вроде как антинаучная фантастика, но кто, скажите мне, в России начала этого века, до русско-японской войны, мог помыслить, что менее чем через два десятка лет весь уклад жизни перевернется?

— Знали, но немногие.

— Владимир Ильич? Плеханов?

— Да нет, знали те, кто все это дело финансировали: Кун, Либ, Гоц и другие воротилы международного финансового кагала.

— Хотите сказать, что и сейчас точную расстановку сил и не менее точный сценарий они же, то есть их нынешних наследники, знают?

Сдружившиеся историки дружелюбно рассмеялись и с аппетитом выпили по рюмке «камю».

— А все-таки, Игорь Семенович, кто знает? Неужели только кагал?

— Отчего же,— гость посерьезнел и посмотрел ясными своими глазами на собеседника,— я знаю, и вы, *товарищ Устюжнин*, знаете...

Виктора Ильича словно ледяной водой облили, судорога прошла по всему телу, он силился открыть рот, но его опередил добродушно заулыбавшийся Игорь Семенович:

— Да-да, дорогой мой конспиратор, вы тоже знаете. Нас немного знающих, поэтому нельзя терять время. Пора, пора, мой друг, на *службу Отечеству*!

♦ Вечер перешел в ночь; только к двум часам по полуночи все точки над «и» были расставлены к обоюдному согласию. Дружески полуобнявшись (под конец напряженной беседы они опустошили-таки бутылку «Камю»), историки поднялись на второй этаж, распрощались до утра у входа в гостевые комнаты, а Виктор Ильич проследовал к мирно посапывающей Леночке. У входа в спальный отсек его встретила Наташа, тоже со сна, в накинутом пеньюаре.

— *Point sur les «i»*? — тихим шепотом вспугнула она задумавшегося друга.

Он ошалело посмотрел на соблазнительно полуодетую Наташу:

— А ты... не того, не в компании с ним?

♦ — Не надо меня обижать. Я всего лишь твоя верная двоюродная жена; просто у меня русская проницательность, сдобренная французским чутьем.

Коньяк действовал, Виктор Ильич попытался обнять теплое тело в тонком кружевном шелке, но Наташа возмущенно прошипела про «совершенно полное бесстыдство самцов» и подтолкнула расшалившегося историка к дверям супружеской спальни,сама же исчезла в проходе в детскую: посмотреть на спящего ребенка.

Невероятные события прошедшего дня, выпитый коньяк, душная пряность спальни и близость роскошного тела юной красавицы навеяли сумбурный сон.

Снилось, что навестил он родную *Т.* уже солидным пятидесятилетним ученым, профессором Сарбонны, лауреатом множества престижных премий по исторической науке, автором трехтомного труда по исследованию роли масонов во Французской революции. Прибыл же на родину в самом начале нового тысячелетилетия, *millenium'a*, как принято называть его на Западе, а точнее в рождественскую православную субботу, вечером. Отослав прямо с вокзала в свою квартиру тоже посолидневшего боцмана с чемоданами подарков для друзей, родственников Леночки (адрес сказал таксисту), сам тоже взял машину и приказал ехать к центральному входу в парк культуры и отдыха имени геройского полярника, академика Отто Юльевича Шмидта, хотя в его бытность парк почему-то звали именем великого пролетарского писателя. Он хотел в прекрасный зимний вечер с морозцем, тихо падающим пушистым снежком пройтись по парку, по знакомым с детства местам, затем выйти с другой его стороны, а там и родной дом — рукой подать.

Выйдя из такси, расплатившись к удовольствию востроглазого водителя, сразу оценившего пальто и шляпу пассажира от известных парижских кутерье, долларовым червонцем, Виктор Ильич закурил сигару и, с любопытством озираясь, вошел в парк, минуя справа художественный музей, а слева запорошенный снегом фонтан, а за ним и приземистое здание ДК профсоюзов. С некоторым удивлением отметил он занявшую полстены здания световую, несколько аляпистую и крикливую рекламу дансинга на английском языке, а перед зданием — длинный ряд иномарок. Участок же площади перед парком («Площадь искусств» — вспомнилось ему ее название) был занят под автостоянку. Пройдя мимо будки с подозрительно — издали, а потом и почтительно, вблизи, смотревшего на одинокого прохожего охранника в камуфляже, Виктор Ильич почувствовал сладость нахлынувших воспоминаний о далеком, теплом, род-

ном... словом, ему захотелось с морозца зайти в обычную парковую «стекляшку» и выпить рюмку (впрочем, здесь в стакана́х подают) водки местного, очень хорошего розлива, закусить селедочкой с лучком и зеленым горошком — фирменным блюдом кафе «Снежинка», что виднеется за правым поворотом от входа. Он взглянул на свои «командирские» (сколько Леночка и Наташа не уговаривали, так и не сменил их на престижный «роллекс»): полдевятого, а он помнил, что работает «стекляшка» до девяти, и решительно свернул вправо, пошагал по хорошо очищенной дорожке: березы справа, сосны слева. Особенно хорошо смотрелись сосны, сплошь окутанные свежим снежком, видно последние дни снег неспешно сыпал и сыпал...

Однако и до боли сладостной знакомая «Снежинка» удивила его не хуже преобразившихся «профсоюзов»: это была уже не ярко светящаяся по вечерам во все стекла-стены уютная обитель засидевшихся за бутыльком-другим молдавского ординарного портвейна, «партийного вина» как звали в народе, друзей-приятелей, все сплошь инженерной братии, разбавленной офицерами из артучилища и всяким служилым народом типа их с Изькой Антоно́вичем. Прекраснодушные воспоминания нахлынули... однако вместо стеклянного куба перед Виктором Ильичом угрюмо стояло, полуокруженное опушенным сосновым лесом приземистое, сарайного типа здание без окон вовсе, с непокрашенной штукатуркой стен. Зато с крышей из поддельной пластмассовой черепицы. Дверь была наглухо закрыта, в нее был вмурован глазок, а сбоку — кнопка звонка. Из-за бетонных стен не доносилось ни звука, однако перед входом стояло несколько иномарок, значит жизнь в бетонных стенах теплилась.

Нимало дивясь переменам. Виктор Ильич поднялся на крылечко и здесь заметил вывеску над дверью, небольшую — типа слайд-картины. На ней значилось то же название заведения, а на фоне стилизованных елочек-сосенок мощно напирала силиконовым бюстом красотка. Из одежды на фотографии значилось только порнотрусики.

Еще более изумившись, Виктор Ильич надавил кнопку звонка. Глазок засветился, с полминуты его изучали изнутри, после чего дверь приоткрылась, и Виктор Ильич, досадуя, протиснулся боком в коридорчик, заканчивающийся еще одной дверью, из-за которой уже явственно доносились африканские ритмы. За дверью стоял верзила в «бабочке», а к нему на подмогу из боковой двери вышел еще более внушительный амбал в неизменном камуфляже. Оба вопросительно посмотрели на вошедшего.

Вспомнив порядки третьесортных стриптиз-кабаре на парижских окраинах, куда он пару раз закатывал с экскурсионно-познавательными

целями в первое, еще суматошное пребывание в столице Европы, Виктор Ильич вытащил наощупь пятидесятидолларовую бумажку, поморщился, что не десятка попалась, и молча вручил одетому в штатское. Тот заулыбался, поклонился, упихнул вышибалу в служебку и, взяв гостя под локоток, повел к внутренней двери, распахнул ее, шепнув: «Гардеробчик вправо через зальчик». Многодецибельный грохот зажигательной африканезы ударил по ушам Виктора Ильича, но он все же услышал восхищенный голос любознательного камуфляжника: «А ты говорил: лох!»

В зальчике стояло пяток столов, три из них были густо обсижены мордастыми парнями в красных и зеленых клубных пиджаков; широченные спины с бритыми затылками перемеживались девками в открытых платьях. Все сидевшие были развернуты влево, где на невысоком подиуме высокая стриптизерша уже сняла лифчик и, растопырив голеностые ноги, медленно вращала довольно-таки аппетитным задом. К вошедшему Виктору Ильичу, смахивавшему снежинки с лацканов пальто, подбежала смазливая молодая официантка в блузке с высоким вырезом и коротенькой юбочке, но Виктор Ильич легко махнул рукой и пошел к бару, где заметил единственное здесь знакомое лицо: за стойкой стояла, расплывшись в добрейшей улыбке, все та же Галина Михайловна, женщина без возраста, прежняя мать-настоятельница «Снежинки», известная половине мужчин города статная торговая красавица; про таких говорят: кровь с коньяком. И сейчас, спустя пятнадцать с лишним лет, она смотрелась великолепно: в модной прическе, в бархатном платье «на фигуру». А ее свежее еще лицо, яркая помада губ и весь умелый макияж, высокие груди, на которых, как опять же народ говорит, орден горизонтально лежит, способны были увлечь мужчину средних лет.

— Витенька! Дорогой мой, ты ли это? Что за шик! А мы про тебя раньше частенько с посетителями вспоминали, говорили: на дипломатическую службу перешел и живет в Париже безвылазно,— опередила она столь же радостное восклицание засветившегося улыбкой Виктора Ильича:

— Все молодеете, дражайшая Галина Михайловна! Привет вам с берегов Сены и Луары! Вот решил навестить родные места — и первым делом к вам...

К разговору прислушивались, став поодаль у стойки, довешняя официантка с товаркой, оценивающе оглядывая неожиданного гостя.

— Идите, идите,— махнула рукой в их сторону Галина Михайловна,— не про вашу честь!

— Смотрю, у вас большие перемены, впрочем, время-то сколько прошло? Чего предложите выпить, дражайшая? А лучше нашей, *Т*-ой,

водочки, впрочем и в парижах нет. Плесните холодненькой.

— За столик, вон свободный, не присядете?

— Я уж у стойки, в вашей компании. Публика здесь того... специфическая.

— Это есть. Новые времена!

Виктор Ильич с наслаждением опрокинул стопку холодненькой, закусил буженинкой из любезно поставленной на стойку тарелки, восхитился:

— Неужели помните?

— А как же! Раньше, только стоило вам в дверях появиться, как буфетчица непременно скажет: Витенька пришел, а у нас буженины сегодня нет...

Вздох-вопль в десяток глоток отвлек Виктора Ильича от буженины: стриптизерша стянула трусики и, расставив ноги, исполняла танец живота. Виктор Ильич хотел вернуться к беседе, но в этот момент здоровенный бугай в зеленом пиджаке и кремовых брюках вскочил со стула и по-медвежьи пошел на стриптизершу, на ходу отсчитывая от пачки долларовые сотни. Посетители взревели, а стриптизерша, взяв в кулачок несколько зеленых бумажек, стала в позу, оттопырив приятный пышности задик, нагнувшись и упершись руками в левый край стойки. Продолжала греметь африканьеза.

Бугай стоял спиной к Виктору Ильичу, локти его быстро дергали-двигались, затем он придвинулся к заду стриптизерши и по-бычьи дернулся в его сторону, а затем зачастил, обхватив клешнястыми ладонями талию стриптизерши. Зал взревел: «Трахни от души, Батон! Я следующий» — прогундосил один из сидящих, подняв в руке пачку долларов. До Виктора Ильича дошел смрадный запах потного мужского тела, смешанный с резким запахом сношающейся женщины. Девицы за столиками громко и визгливо хохотали.

Виктора Ильича замутило. «Безобразники»,— примирительно произнесла Галина Михайловна,— еще одну?

— Да нет, пожалуй, зайду как-нибудь днем.

— Вот-вот, днем здесь поспокойнее, побеседуем в тишине.

— Вы мне дайте-ка бутылочку коньяка поприличнее, армянского что ли, стопочку и бутербродов с бужениной.

— Сию минуточку,— Галина Михайловна отвернулась к холодильнику и через минуту протянула Виктору Ильичу полиэтиленовый пакет.

— Хватит? — Виктор Ильич протянул две зеленые сотенные, дружески махнул рукой чуть смущенной хозяйке бара, надел шляпу и направился к выходу. Музыка внезапно стихла, раздавались только нарочитые

страстные всхлипы стриптизерши и рыканье-дыханье бугая. «Тьфу, конюшня!» — сплюнул, выходя из бывшей «стекляшки», Виктор Ильич.

Он завернул налево, где по памяти стояли скамейки, нашел более-менее целую — остальные оказались металлическими остовами — сел, открыл бутылку, выпил стопку и, забыв закусить, закурил сигару.

ЭПИЛОГ

В жизнь скромного архивиста Виктора Ильича из провинциального города *Т*. вторглось неведомое, нечто не от мира сего Легкомысленно поддавшись соблазну, что простительно для относительно молодого человека, киснущего в прохладной тиши областного архива, Виктор Ильич получил возможность с разных сторон посмотреть на мир людей и вещей. Более того, устояв перед мишурой пресловутой свободы действий (она же — свобода личности, приоритет личности перед государством... и прочая коварная чушь), наш герой сумел использовать открывшиеся возможности для своего становления как историка, патриота и государственника. Не пренебрег и оформлением личной жизни, что немаловажно для оптимиста и жизнелюба.

Поэтому вовсе и не удивительно, что он сам пришел к логическому выводу: служить Отечеству. Задача настоящей книги — показать путь Виктора Ильича, историка в душе и по призванию, к этому служению в период коренной ломки отечественной и мировой Истории.

Мы еще вернемся к нашему герою, а пока пусть он несет свой нелегкий, но добровольно и осознанно избранный крест. Не будем ему докучать.

И еще одно *nota bené*, касаемое тех крутых изгибов истории, что мы сейчас воочию наблюдаем, которое заставляет поверить в самые фантасмагоричные эти «изгибы». Думал ли автор этого повествования лет двадцать тому назад, кушая в гостях у приятеля, известного в *Т*. тех времен фарцовщика по граммпластинкам Лёвы Т., водочку в компании с молодым, только что распределенным в *Т*. помрежем местного драмтеатра Володей, что со временем последний станет сотрясателем России, личный телеканал которого принесет стране больше моральных потерь, чем вся геббельсовско-даллесовская пропаганда предшествующего полувека. А после той дружеской пирушки отправится автор с друзьями в известный городской ресторан (тогда зарплата простого инженера это позволяла) и будет давать трояк «на парнас» солисту тамошнего оркестрика — нынешнему кумиру отечественной эстрады, только самую малость уступающему ее же «бабушке»...

Воистину, во все, что угодно, поверишь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора..... 3
Часть I. Бесконечная история..... 5
Часть II. Благие намерения.....176
Часть III. На службу Отечеству.....334
Эпилог.....480

Автор благодарит Президиум Российской академии наук за предоставленную ему Государственную научную стипендию для выдающихся ученых (1998 — 2003 гг.), а также Администрацию Тульской области и губернатора Василия Александровича Стародубцева за предоставленную литературную стипендию, позволившие издать настоящую книгу.

Яшин Алексей Афанасьевич

ИСТОРИК И ЕГО ИСТОРИЯ

Авантюрный роман в 3-х частях

Литературно-художественное издание

Компьютерная верстка и компьютерная графика
С. В. Никитин

Авторское редактирование, корректура
и художественное оформление

ЛР № 040905 от 22 июня 1998 г.
ПЛР № 00188 от 3 декабря 1999 г.

Подписано в печать 12.04.2004 г. Формат бумаги 60×84 1/16. Бумага типографская № 2. Офсетная печать. Усл. печ. л. 32,0. Усл. кр.-отт. 32,1. Уч.-изд. л. 41,60. Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано с готового
оригинал-макета в ИПП «Гриф и К°»
300062, Тула, ул. Октябрьская, 81«а»